

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА ГОРОДА МОСКВЫ

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
г. МОСКВЫ**

2003–2004 гг.

Москва
РИО «Новая юстиция»
2011

УДК 347.695

ББК 67.75

Д48

*Под общей редакцией
президента Адвокатской палаты города Москвы,
кандидата юридических наук, заслуженного юриста РФ
Г.М. РЕЗНИКА*

*Составитель и ответственный редактор
член Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы,
кандидат юридических наук, доцент
Н.М. КИПНИС*

Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы, 2003–2004 гг.:
[сборник] / Адвокат. палата г. Москвы; [сост. и отв. ред. Н.М. Кипнис]. – М.:
Новая юстиция, 2011. – 384 с.

ISBN 978-5-91028-068-1 (т. I)

Настоящее издание открывает новую серию публикаций Адвокатской палаты города Москвы. Решение систематизировать дисциплинарную практику и приступить к изданию ее ежегодных сборников обусловлено не только задачей совершенствования деятельности региональных адвокатских палат, но и необходимостью повышения престижа адвокатуры в обществе. По тому, как органы адвокатского самоуправления реализуют данную им Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» дисциплинарную власть при рассмотрении жалоб на адвокатов, можно судить о реальной озабоченности профессиональной корпорации обеспечением граждан страны квалифицированной юридической помощью. Высокое качество работы Квалификационных комиссий и Советов адвокатских палат – лучший аргумент в противостоянии попыткам ущемить независимость и самоуправление адвокатуры.

В сборник включена большая часть заключений Квалификационной комиссии и решений Совета Адвокатской палаты города Москвы, вынесенных в 2003–2004 годах, а также судебные акты, если решения Совета были обжалованы адвокатами в суд. Сборник снабжен тематическим указателем, в котором даны ссылки на нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, на предмет соответствия которым оценивались действия (бездействие) адвокатов по конкретному дисциплинарному производству.

Сборник призван помочь адвокатам эффективно защищать свои права в дисциплинарном производстве, он также предназначен для использования в работе дисциплинарных органов адвокатских палат субъектов Российской Федерации и судов. Материалы сборника могут быть полезны и интересны научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических вузов, а также всем, интересующимся вопросами профессиональной этики адвоката.

ISBN 978-5-91028-067-4

ISBN 978-5-91028-068-1 (т. I)

© Адвокатская палата г. Москвы, 2011

© РИО «Новая юстиция»

(редподготовка, оформление), 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ Г. МОСКВЫ	7
СТАТИСТИКА	20
Таблица 1. Рассмотрение дисциплинарных производств Советом Адвокатской палаты г. Москвы в 2003–2004 годах	20
Таблица 2. Дисциплинарные производства, рассмотренные Советом Адвокатской палаты г. Москвы в 2003–2004 годах (соотношение поводов для возбуждения дисциплинарного производства с принятыми Советом решениями)	22
Таблица 3. Рассмотрение дисциплинарных производств в Адвокатской палате г. Москвы в период с 18 июня 2003 года по 22 декабря 2004 года (соотношение заключений Квалификационной комиссии и решений Совета).....	23
ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА	25
1. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.....	25
2. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности в виде замечания, предупреждения, выговора	77
3. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение.....	214
4. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве	223
5. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или Адвокатской палатой	230
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ К ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПРОИЗВОДСТВАМ, РАССМОТРЕННЫМ В 2003–2004 ГОДАХ	334
РАСПОЛОЖЕНИЕ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОИЗВОДСТВ В СБОРНИКЕ	337
Приложение 1. Состав Совета Адвокатской палаты г. Москвы (25 ноября 2002 года – 18 декабря 2004 года)	338
Приложение 2. Состав Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы (25 ноября 2002 года – 18 декабря 2004 года)	339
Приложение 3. Разъяснения (№ 1) Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (Об адвокатском опросе;	

О поведении адвоката-защитника при отказе от него; О поведении при выявившихся противоречиях в интересах подзащитных; О конфиденциальности)	341
Приложение 4. Разъяснения (№ 2) Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката (О выступлениях в средствах массовой информации; Об участии в делах по назначению)	342
Приложение 5. Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 16 сентября 2005 года по иску гражданина Л.Д.Р. к Адвокатской палате г. Москвы об обязанности рассмотреть жалобу по существу, взять объяснения и дать мотивированный ответ	344
Приложение 6. Судебные акты по искам гражданина К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы	348
Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2005 года по гражданскому делу № 2-3097/05	348
Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 4 апреля 2006 года по гражданскому делу № 33-6109	352
Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года об оставлении искового заявления о возмещении убытков без движения	354
Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года по гражданскому делу № 2-1049/08.....	355
Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 22 августа 2008 года об отказе в принятии дополнительного решения по гражданскому делу № 2-1049/2008	360
Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 октября 2008 года по гражданскому делу № 33-21898 (по решению Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года по гражданскому делу № 2-1049/08)	362
Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 октября 2008 года по гражданскому делу № 33-21898 (по определению Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года об оставлении искового заявления о возмещении убытков без движения)	365
Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 октября 2008 года по гражданскому делу № 33-21898 (по определению Пресненского районного суда г. Москвы от 18 августа 2008 года о возвращении искового заявления о возмещении убытков)....	367
Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 октября 2008 года по гражданскому делу № 33-21898 (по определению Пресненского районного суда г. Москвы от 22 августа 2008 года об отказе в принятии дополнительного решения по гражданскому делу № 2-1049/2008).....	369
Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 27 марта 2009 года по гражданскому делу № 2-520/2009.....	371
Кассационное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 27 августа 2009 года по гражданскому делу № 33-21750 (по решению Пресненского районного суда г. Москвы от 27 марта 2009 года по гражданскому делу № 2-520/2009)	380

ПРЕДИСЛОВИЕ

Адвокатская палата г. Москвы приступает к изданию сборников своей дисциплинарной практики.

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон), исходя из принципов корпоративной независимости адвокатуры, в соответствии с вековыми традициями и международно-правовыми актами отнес дисциплинарное производство по рассмотрению вопросов об ответственности адвокатов за нарушение правил профессии к компетенции органов адвокатского сообщества. Обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности установлены Кодексом профессиональной этики адвоката (далее — Кодекс), принятым по прямому предписанию Закона первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года.

Кодифицированность, безусловно, повышает степень определенности круга прав и обязанностей адвоката: в этом смысле нынешняя нормативная регламентация выгодно отличается от существовавшей в дореволюционной присяжной и советской адвокатурах, где отсутствовали сведенные воедино правила адвокатской этики, а поведение адвокатов регулировалось постановлениями советов и президиумов на основе рассмотрения конкретных дисциплинарных дел. Вместе с тем значение кодификации правил профессионального поведения не следует переоценивать. Этические требования отличаются большей обобщенностью, нежели правовые. Зачастую они формируются как нормы-принципы, служащие нравственным ориентиром для решения конкретных ситуаций. Более того, стержневые отношения в адвокатской деятельности «адвокат — клиент (доверитель)» столь тонки, столь многоплановы, что определение того, насколько «честно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно», адвокат исполняет свои обязанности, «уважает права, честь и достоинство», доверителей, коллег и других лиц, зависит от детального исследования частных, «нюансов», позволяющих судить о соответствии или, напротив, нарушении принципов профессии. Но и тогда, когда Кодекс, казалось бы, формулирует вполне четкие правила профессионального поведения, подвести под них установленные факты в силу многообразия последних труднее, чем квалифицировать правонарушение.

Адвокатскому сообществу предстояло осваивать и дисциплинарные процедуры, введенные разделом вторым Кодекса. Допустимые поводы для возбуждения дисциплинарного производства, предмет и основания жалобы, принцип состязательности разбирательства дел, помощь в доказывании «слабой» стороне, последствия нарушения сроков возбуждения и рассмотрения дела, разграничение полномочий квалификационной комиссии и совета — все эти положения требовали разъяснения и конкретизации на практике.

По существу, многие заключения квалификационных комиссий и решения советов должны были стать прецедентами, толкующими нормы Кодекса, наполняющими их конкретным содержанием.

Вот почему вскоре после начала работы нашей Квалификационной комиссии было решено выносить обстоятельные, тщательно мотивированные заключения и публиковать их в регулярно выпускаемом издании «Вестник Адвокатской палаты г. Москвы».

Нынешнее решение систематизировать дисциплинарную практику и приступить к изданию ее ежегодных сборников обусловлено не только задачей совершенствования деятельности региональных адвокатских палат, но и необходимостью повышения престижа адвокатуры в обществе. По тому, как органы адвокатского самоуправления реализуют данную им Законом дисциплинарную власть при рассмотрении жалоб на адвокатов, можно судить о реальной озабоченности профессиональной корпорации обеспечением граждан страны квалифицированной юридической помощью.

Высокое качество работы квалификационных комиссий и советов адвокатских палат – лучший аргумент в противостоянии попыткам ущемить независимость и самоуправление адвокатуры.

К настоящему моменту для издания подготовлены три сборника дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы за 2003–2006 годы. Чуть позже увидят свет сборники за последующие годы.

*Г.М. Резник,
президент Адвокатской палаты
г. Москвы*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СТАНОВЛЕНИЯ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПРАКТИКИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ Г. МОСКВЫ

До 2003 года в России отсутствовали писанные правила адвокатской этики, что затрудняло адвокатам определять критерии этически корректного поведения. Каждая коллегия адвокатов самостоятельно решала, каким образом контролировать соблюдение ее членами норм профессиональной этики: некоторые разработали этические кодексы, а большая часть ориентировалась на прецеденты дисциплинарной практики президиумов своих коллегий, которые были уполномочены определять наличие в действиях адвоката нарушения норм адвокатской этики и налагать за его совершение дисциплинарное взыскание. В 1971 году сложившиеся в дисциплинарной практике Московских городской и областной коллегий адвокатов прецеденты были обобщены в изданном методическом пособии для адвокатов¹, а в 1998 году общественная организация «Международный Союз (Содружество) адвокатов» разработала Правила адвокатской этики, которые носили рекомендательный характер и могли служить ориентиром для коллегий адвокатов при разработке этических кодексов.

Объективности ради следует отметить, что не только в советской, но и в российской присяжной адвокатуре (1866—1917 годы) отсутствовали кодифицированные правила адвокатской этики. Удачная попытка неофициальной кодификации была предпринята в 1913 году членом Московского совета присяжных поверенных А.Н. Марковым, составившим систематизированный свод постановлений советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики, издав его в виде книги «Правила адвокатской профессии в России»². На страницах дореволюционной печати и в научно-практических изданиях этого периода присяжные поверенные активно обсуждали вопросы адвокатской этики. В то же время в советское и постсоветское время также публиковались отдельные монографические исследования по данному вопросу³.

Вступивший в силу с 1 июля 2002 года Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре) назвал среди обязанностей адвоката соблюдение Кодекса профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7), разработку и принятие которого (а также внесение в него изменений и дополнений) законодатель возложил на высший орган созданной Федеральной палаты адвокатов — Всероссийский съезд адвокатов (подп. 2 п. 2 ст. 36).

Первый в истории российской адвокатуры Кодекс профессиональной этики адвоката (далее — Кодекс) был принят на I Всероссийском съезде адвокатов, прошедшем

---

¹ Дисциплинарная практика Московских городской и областной коллегий адвокатов (Методическое пособие для адвокатов). М.: Московский общественный НИИ судебной защиты и усовершенствования адвокатов при Президиумах МГКА и МОКА, 1971.

² Правила адвокатской профессии в России: опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты Александр Николаевич Марков. Москва, 1913 / Сост. А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов; отв. ред. Ю.В. Тихонравов. М.: Статут, 2003.

³ См., например: *Киселев Я.С.* Этика адвоката. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974; *Ватман Д.П.* Адвокатская этика: нравственные основы судебного представительства по гражданским делам. М.: Юрид. лит., 1977; *Барцевский М.Ю.* Адвокатская этика. Самара: Изд. дом «Федоров», 1999.

31 января 2003 года в г. Москве¹. С учетом практики применения Кодекса дисциплинарными органами адвокатских палат субъектов Российской Федерации 8 апреля 2005 года на II Всероссийском съезде адвокатов в Кодекс были внесены изменения и дополнения².

В преамбуле Кодекса указано, что он принят адвокатами Российской Федерации в соответствии с требованиями, предусмотренными Законом об адвокатуре, в целях поддержания профессиональной чести, развития традиций российской (присяжной) адвокатуры и с сознанием нравственной ответственности перед обществом.

Действие Кодекса распространяется на всех адвокатов. Он устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, основанные на нравственных критериях и традициях адвокатуры, а также международных стандартах и правилах адвокатской профессии. Адвокаты вправе в своей деятельности руководствоваться нормами и правилами Общего кодекса правил для адвокатов стран Европейского сообщества постольку, поскольку эти правила не противоречат российскому законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре и положениям Кодекса. Вместе с тем Кодекс дополняет правила, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, при этом никакое положение Кодекса не должно толковаться как предписывающее или допускающее совершение деяний, противоречащих требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре (ст. 1 и 2, п. 1 ст. 3 Кодекса).

Поскольку в 2003–2004 годах некоторыми юристами высказывались сомнения относительно юридической силы Кодекса, Федеральным законом от 20 декабря 2004 года № 163-ФЗ ст. 4 Закона об адвокатуре, озаглавленная «Законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре», была дополнена пунктом следующего содержания: «2. Принятый в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности»³.

Необходимо отметить, что Закон об адвокатуре весьма скупо описывает процедуру дисциплинарного производства (ст. 17, подп. 9 п. 3 ст. 31, п. 7 ч. 2 ст. 31, п. 5 и 7 ст. 33), которая до принятия этого закона вообще не была урегулирована в законодательном порядке. В связи с этим чрезвычайно важное значение для реализации в деятельности адвокатуры принципа законности (см. п. 2 ст. 3 Закона об адвокатуре) имело включение в структуру Кодекса профессиональной этики адвоката разд. 2 «Процедурные основы дисциплинарного производства» (ст. 19–26), а также ст. 18 в разд. 1.

***

Адвокатская палата г. Москвы создана 25 ноября 2002 года на Первой учредительной конференции адвокатов г. Москвы в соответствии с прямым предписанием ст. 41 Закона об адвокатуре.

---

¹ Адвокат – защитник прав и свобод // Библиотечка «Российской газеты». 2003. Февраль. Выпуск № 4. С. 151–166; Российская юстиция. 2003. № 10. С. 69–76.

² Редакция от 8 апреля 2005 года // Российская газета. 2005. 5 октября. № 222 (редакция от 31 января 2003 года / Адвокат – защитник прав и свобод // Библиотечка «Российской газеты». 2003. Выпуск № 4. С. 151–166; Российская юстиция. 2003. № 10. С. 69–76. Небольшие изменения и дополнения в Кодекс профессиональной этики адвоката были внесены также 5 апреля 2007 года на III Всероссийском съезде адвокатов // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2007. № 2 (16). С. 72–75.

³ СЗ РФ. 2004. № 52 (ч. 1). Ст. 5267.

Кроме этого, на Конференции был принят ряд иных решений, предусмотренных Законом об адвокатуре, в том числе о формировании Совета палаты в количестве 15 членов и избрании шести членов Квалификационной комиссии из числа адвокатов¹.

Однако если Совет палаты приступил к выполнению своих функций в день своего избрания, то Квалификационная комиссия — лишь с апреля 2003 года, что объяснялось тремя причинами организационного характера.

Во-первых, создание Адвокатской палаты г. Москвы, всех ее органов и аппарата начиналось с нуля: необходимо было решать организационные вопросы, связанные с обеспечением ее финансирования, в первую очередь за счет отчислений, осуществляемых адвокатами на общие нужды Адвокатской палаты (ст. 34 Закона об адвокатуре), с арендой помещения, наймом административно-технического персонала, приобретением оргтехники и т.п.

Во-вторых, Квалификационная комиссия, являясь органом Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, имеет сложный состав: членами Комиссии являются президент Адвокатской палаты (председатель Комиссии по должности), шесть адвокатов и шесть представителей государства. При этом Квалификационная комиссия считается сформированной и правомочна принимать решения при наличии в ее составе не менее двух третей от числа членов Квалификационной комиссии, предусмотренного п. 2 ст. 33 Закона об адвокатуре. В первой половине 2003 года шло укомплектование Комиссии представителями государства².

В-третьих, необходимо было разработать документы, регламентирующие оба направления деятельности Квалификационной комиссии: 1) прием квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, и 2) рассмотрение жалоб на действия (бездействие) адвокатов³.

В первом квартале 2003 года члены Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы провели несколько заседаний, на которых рассматривались важные организационные вопросы, в том числе разрабатывались оба компонента квалификационного экзамена — задания для письменных ответов на вопросы (тестирование) и экзаменационные билеты (на основе вопросов, утвержденных Советом Федеральной палаты РФ).

Первое заседание Квалификационной комиссии состоялось 25 апреля 2003 года. На нем был принят квалификационный экзамен у 17 претендентов. Впоследствии, начиная с 18 июня, в 2003 году были проведены еще девять заседаний, на которых

---

¹ Первый состав Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы осуществлял свои полномочия до 18 декабря 2004 года, пока в соответствии с подп. 3 п. 2 ст. 30 и п. 2 ст. 35 Закона об адвокатуре на Третьей очередной ежегодной конференции адвокатов г. Москвы не был избран новый состав Комиссии (См. Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2005. № 1 (15). С. 8–9).

² См., например: Закон г. Москвы от 23 октября 2002 года № 52 с изм., внесенным Законом г. Москвы от 24 ноября 2004 года № 77 «О представителях Московской городской Думы в Квалификационной комиссии при Адвокатской палате города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 10.12.2002. № 11. Ст. 250; 03.02.2005. № 1. Ст. 336; Постановление Московской городской Думы от 12 февраля 2003 г. № 34 «Об избрании представителей Московской городской Думы в Квалификационной комиссии при Адвокатской палате города Москвы» // Ведомости Московской городской Думы. 04.04.2003. № 3. Ст. 26.

³ Положение о порядке сдачи квалификационного экзамена на присвоение статуса адвоката, форма именного бюллетеня для голосования и перечень вопросов для включения в экзаменационные билеты были утверждены Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 25 апреля 2003 года (протокол № 2) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2003. № 2 (2). С. 67–73; 2003. № 3 (3). С. 73–80; 2004. № 1 (4). С. 77–78; 2004. № 3 (6). С. 43. Первоначальная форма именного бюллетеня для голосования членов Квалификационной комиссии Адвокатской палаты при рассмотрении дисциплинарных дел была утверждена Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 25 августа 2003 года (протокол № 3) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2004. № 1 (4). С. 75–76.

162 претендента сдавали квалификационный экзамен¹, а также Комиссия на шести заседаниях рассмотрела по существу с вынесением заключения дисциплинарные производства в отношении 27 адвокатов.

Наряду с Комиссией проводил заседания и Совет Адвокатской палаты г. Москвы. В 2003 году, после начала работы Комиссии, состоялись 13 заседаний Совета, на которых, в том числе, приносили присягу лица, которым Квалификационная комиссия по результатам сдачи квалификационного экзамена присвоила статус адвоката, а также принимались решения по результатам рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов с учетом заключений Квалификационной комиссии (подп. 9 п. 3 ст. 31 Закона об адвокатуре).

В 2004 году работа Адвокатской палаты г. Москвы проходила в отлаженном режиме – состоялись 17 заседаний Квалификационной комиссии, на которых были рассмотрены по существу с вынесением заключения дисциплинарные производства в отношении 99 адвокатов², а также прошли 15 заседаний Совета Палаты.

По мере накопления практического опыта Квалификационная комиссия и Совет Адвокатской палаты г. Москвы совершенствовали процедурные правила своей работы.

Первоначально (до 16 июня 2004 года) на заседания Совета Адвокатской палаты г. Москвы, за отдельными изъятиями, не выносились дисциплинарные производства, по которым Комиссия вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката либо вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой (подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса). Это было обусловлено существовавшей позицией о том, что Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы Комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства (представление новых доказательств не допускается), выходить за пределы жалобы, представления, сообщения и заключения Комиссии, а также принимать вопреки заключению Комиссии решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой (п. 4 ст. 24, ст. 25 Кодекса).

Названные заключения Комиссии, как правило, не изготавливались в виде отдельного документа; формулировка заключения, основанная на результатах голосования именными бюллетенями, отражалась в протоколе заседания Комиссии. По этой причине в архиве Адвокатской палаты г. Москвы отсутствуют мотивированные тексты 15 заключений по дисциплинарным производствам, рассмотренным в 2003 году.

Своеобразным толчком к пониманию необходимости составления мотивированных заключений Квалификационной комиссии по всем дисциплинарным производствам в виде отдельных документов послужило дисциплинарное производство в отношении адвоката О.Г. Артюховой, возбужденное президентом Адвокатской палаты г. Москвы 9 января 2004 года по поступившему в Палату 5 января 2004 года представ-

---

¹ В 2003 году Квалификационная комиссия по результатам сдачи квалификационного экзамена присвоила статус адвоката 89 претендентам.

² В 2004 году Квалификационной комиссией были проведены 18 заседаний, на которых 329 претендентов сдавали квалификационный экзамен (статус адвоката присвоен 185 претендентам).

лению Главного управления Минюста России по г. Москве от 22 декабря 2003 года № 880 о прекращении статуса адвоката на основании п. 5 ст. 17 Закона об адвокатуре (в первоначальной редакции от 31 мая 2002 года).

Рассмотрев 23 января 2004 года дисциплинарное производство в отношении адвоката О.Г. Артюховой, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, проведя голосование именными бюллетенями, большинством голосов (11 — «за», 1 — «против») вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката О.Г. Артюховой нарушения норм Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката. Впоследствии, 3 февраля 2004 года, Совет Палаты согласился с заключением Комиссии и вынес решение о прекращении дисциплинарного производства¹.

Согласно действовавшему на тот момент законодательству в случае, если Совет Адвокатской палаты в месячный срок со дня поступления соответствующего представления не принял решение о прекращении статуса адвоката в отношении данного адвоката, территориальный орган юстиции был вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении статуса адвоката (п. 5 ст. 17 Закона об адвокатуре в первоначальной редакции от 31 мая 2002 года)². Иные заявители ни тогда, ни в настоящее время не наделялись правом обжаловать в суд решение совета Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, принятое по результатам рассмотрения дисциплинарного производства³.

Таким образом, вынесение на заседание Совета дисциплинарного производства, рассмотренного Комиссией и возбужденного по представлению территориального органа юстиции о прекращении статуса адвоката на основании п. 5 ст. 17 Закона об адвокатуре, оказалось очевидным и необходимым элементом процедуры. Поэтому было изготовлено мотивированное заключение в виде отдельного документа.

С января 2004 года все заключения Квалификационной комиссии облекаются в форму отдельного процессуального акта, состоящего из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей (п. 14 ст. 23 Кодекса), формулировка заключения отражается в протоколе заседания Квалификационной комиссии (п. 11 ст. 23 Кодекса). После этого все дисциплинарные производства рассматриваются Советом Адвокатской палаты г. Москвы.

***

Согласно первоначальной редакции п. 9 ст. 23 Кодекса, действовавшей в 2003–2004 годах, по результатам разбирательства Квалификационная комиссия была вправе вынести следующие заключения:

1) о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения Кодекса, либо о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем; либо о неисполнении решений органов Адвокатской палаты;

---

¹ Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2004. № 2(4). С. 8–37.

² Впоследствии Федеральным законом № 163-ФЗ от 20 декабря 2004 года ст. 17 Закона об адвокатуре была изложена в новой редакции, согласно которой территориальный орган юстиции (орган государства, уполномоченный в области адвокатуры) вправе обратиться в суд с заявлением о прекращении статуса адвоката не при непринятии Советом Адвокатской палаты в месячный срок решения о прекращении статуса адвоката, а при не рассмотрении Советом представления в трехмесячный срок.

³ Так, Конституционный Суд РФ в Определении от 1 марта 2007 года № 293-О-О указал, что «дисциплинарное производство, проводимое в отношении адвоката, не влияет на правовое положение гражданина-доверителя, который его инициирует» // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2007. № 6–7 (44–45). С. 134–138; 2008. № 5–6 (55–56). С. 72–76.

2) о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса либо вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой;

3) о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие состоявшегося ранее заключения Квалификационной комиссии и решения Совета этой или иной Адвокатской палаты по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию;

4) о необходимости прекращения дисциплинарного производства по жалобе вследствие примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката;

5) о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства.

Согласно ст. 25 Кодекса Совет был вправе принимать по дисциплинарным производствам следующие решения:

1) о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 Кодекса;

2) о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса, либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой, на основании заключения Комиссии или вопреки заключению Квалификационной комиссии, если фактические обстоятельства Комиссией установлены правильно, но ею сделана ошибка в применении или толковании закона и Кодекса;

3) о прекращении дисциплинарного производства вследствие состоявшегося ранее заключения Квалификационной комиссии и решения Совета этой или иной Адвокатской палаты по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию;

4) о прекращении дисциплинарного производства по жалобе вследствие примирения доверителя и адвоката и (или) отзыва представления;

5) о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного ею при разбирательстве;

6) о прекращении дисциплинарного производства вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией;

7) о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение.

Однако в ходе рассмотрения в 2003–2004 годах различных дисциплинарных производств Квалификационная комиссия и Совет Адвокатской палаты г. Москвы пришли к выводу о необходимости совершенствования отдельных норм Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе в отношении процедурных основ дисциплинарного производства. В частности, в дисциплинарной практике встречались ситуации, когда Комиссия приходила к выводу о том, что дисциплинарное производство было возбуждено президентом Палаты при отсутствии допустимого повода (ст. 20–21 Кодекса). Например, несколько раз только на заседании Комиссии выяснялось, что жалобу подал не доверитель адвоката, а его родственник. Обнаружить это обстоятельство

в момент возбуждения дисциплинарного производства не представлялось возможным, поскольку только из объяснений адвоката и представленных им либо истребованных Комиссией доказательств (соглашения об оказании юридической помощи и др.) становились известными юридически значимые обстоятельства дисциплинарного производства. В данных случаях Комиссия принимала протокольные постановления о снятии дисциплинарного производства с рассмотрения и направлении его президенту Адвокатской палаты для рассмотрения обращения заявителя в соответствии с действующим законодательством. При таком подходе Совет палаты устранялся от оценки правильности принятого Комиссией решения. В то же время гипотетически невозможно было исключить возникновения спорных ситуаций, когда президент Палаты, Комиссия и Совет дали бы различную оценку допустимости обращения заявителя как повода для возбуждения дисциплинарного производства.

На II Всероссийском съезде адвокатов 8 апреля 2005 года в Кодекс профессиональной этики были внесены различные изменения и дополнения, усовершенствовавшие процедуру дисциплинарного производства. В частности, п. 9 ст. 23 Кодекса был дополнен подп. 6 (заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства), а п. 1 ст. 25 Кодекса — подп. 8 (решение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства).

Также было внесено важное уточнение в подп. 4 п. 1 ст. 20 Кодекса. В первоначальной редакции данной нормы было указано, что поводами для возбуждения дисциплинарного производства являются «сообщение суда (судьи) или частное определение суда (судьи) в адрес Совета Адвокатской палаты».

Деятельность дисциплинарных органов Адвокатских палат субъектов Российской Федерации по своей природе является правоприменительной, основанной на положениях Закона об адвокатуре.

Квалификационная комиссия и Совет палаты в пределах своей компетенции самостоятельно определяют круг обстоятельств, имеющих юридическое значение для правильного разрешения дисциплинарного производства, а выводы каких-либо иных органов, в том числе и судов, по смыслу закона, не могут иметь преюдициального значения для дисциплинарных органов Адвокатской палаты в части доказанности действий (бездействия) адвоката и их юридической оценки.

Только Квалификационная комиссия Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации вправе устанавливать фактические обстоятельства по конкретному дисциплинарному производству, а Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы Комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства (п. 4 ст. 24 Кодекса).

Только Совет Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации вправе применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности¹.

В то же время частное определение (постановление) суда — это также результат правоприменительной деятельности, обязывающий его адресатов совершать определенные юридически значимые действия. Таким образом, при вынесении судом частного определения (постановления) о нарушении адвокатом норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса и направлении этого судебного

---

¹ Существуют особенности в отношении дисциплинарных производств, возбуждаемых на основании п. 6 ст. 17 Закона об адвокатуре.

го акта в Адвокатскую палату субъекта Российской Федерации формально возникает коллизия между частным определением (постановлением), в котором действиям (бездействию) адвоката уже дана юридическая оценка, и полномочиями дисциплинарных органов Адвокатской палаты самостоятельно дать юридическую оценку действиям (бездействию) адвоката.

Содержащееся в нормах процессуального законодательства указание на право суда выносить в определенных случаях частные определения (постановления) не относится к направлению в Адвокатские палаты субъектов Российской Федерации сообщений о нарушении адвокатами норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса¹. Чтобы исключить расхождения в толковании норм Кодекса, редакция его подп. 4 п. 1 ст. 20 была изменена: поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката в настоящее время является сообщение суда (судьи) в адрес Совета.

Конституционный Суд РФ в Определении от 15 июля 2008 года № 456-О-О указал, что «Часть четвертая статьи 29 УПК Российской Федерации, по своему буквальному смыслу и смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, не исключает право суда оформить свое сообщение в адвокатскую палату в виде частного определения или постановления. Сообщение суда (судьи) в адрес Адвокатской палаты является одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката (подпункт 4 пункта 1 статьи 20 принятого Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года Кодекса профессиональной этики адвоката в редакции от 5 апреля 2007 года). Установление же оснований для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности отнесено законодателем к компетенции органов адвокатского сообщества, для которых частное определение или постановление суда не имеет преюдициальной силы (подпункт 9 пункта 3, пункт 7 статьи 31, пункт 7 статьи 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»)»².

Поскольку некоторые судьи продолжают вместо сообщений направлять в Адвокатскую палату г. Москвы частные определения (постановления), Квалификационная комиссия и Совет палаты, не устранившись от их рассмотрения, в своей правоприменительной деятельности считают эти документы разновидностью сообщения суда (судьи) и рассматривают их по общим правилам, не считая преюдициально установленными факты, о которых говорится в сообщении, оформленном в виде частного определения (постановления)³.

***

В 2003–2004 годах в Адвокатской палате г. Москвы были рассмотрены дисциплинарные производства в отношении 126 адвокатов.

Дисциплинарные производства возбуждались по:

---

¹ См.: ч. 4 ст. 29 УПК РФ, ст. 226 ГПК РФ. АПК РФ 2002 года вообще не предусматривает вынесения частных определений, которые в какой-то степени являются пережитком «советского» права. Еще 20 ноября 1997 года Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ разъяснила, что нормы уголовно-процессуального законодательства не содержат оснований для вынесения судом частных определений о ненадлежащем исполнении адвокатом своих обязанностей по защите интересов обвиняемых (Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 5. С. 12–13).

² Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2008. Выпуск № 12 (62). С. 144–146.

³ Дополнительно см.: письмо президента Адвокатской палаты г. Москвы Г.М. Резника федеральному судье Никулинского районного суда г. Москвы А.В. Бобкову // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2007. № 4–5 (42–43). С. 54–57.

- жалобам доверителей – 61 (признана обоснованной 21 жалоба);
- сообщениям судей – 48 (признано обоснованным 21 сообщение)¹;
- жалобам других адвокатов – три (в том числе одно – на нарушение обязанности отчислять за счет получаемого вознаграждения средства на общие нужды Адвокатской палаты в размерах и порядке, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов Адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации – подп. 5 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре);
- представлениям вице-президента палаты о нарушении подп. 5 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре – четыре;
- представлениям вице-президента палаты об иных нарушениях – два;
- представлениям Главного управления Минюста России по г. Москве о прекращении статуса адвоката (п. 5 ст. 17 Закона об адвокатуре в редакции от 31 мая 2002 года) – два;
- иным представлениям Главного управления Минюста России по г. Москве (подп. 3 п. 1 ст. 20 Кодекса) – шесть.

Советом палаты по 50 дисциплинарным производствам было принято решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности.

При этом статус 10 адвокатов был прекращен. Из них в отношении:

- четырех – за неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (за нарушение обязанности отчислять за счет получаемого вознаграждения средства на общие нужды Адвокатской палаты в размерах и порядке, которые определяются собранием (конференцией) адвокатов Адвокатской палаты соответствующего субъекта Российской Федерации – подп. 5 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре);
- пятерых – за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязанностей перед доверителем;
- одного – за нарушение подп. 1 п. 4, п. 2 ст. 8, ст. 12 Кодекса (неуважение к суду).

По 73 дисциплинарным производствам Советом палаты было принято решение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката, в том числе в 55 случаях вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой.

Три дисциплинарных производства были направлены Советом Квалификационной комиссии для нового разбирательства в связи с существенными нарушениями процедуры, допущенными ею при разбирательстве².

Существенные нарушения процедуры, допущенные Комиссией при разбирательстве, Совет палаты усматривал в следующем:

- «не была дана оценка заявлению адвоката Л. о принятии поручения адвокатом С. по соглашению. Совет считает, что необходимо ознакомиться с журналом ре-

---

¹ См.: Обобщение практики рассмотрения Квалификационной комиссией и Советом Адвокатской палаты г. Москвы обращений судей о нарушении адвокатами Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката // Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2005. № 2–3 (16–17). С. 4–8.

² См. сводные статистические таблицы на с. 20–24 настоящего Сборника.

гистрации поручений Адвокатской конторы... с объяснениями адвоката С., а также получить объяснения от директора адвокатской конторы... по поводу выполнения адвокатами поручения по защите Н.» (дисциплинарное производство № 72)¹;

— «при новом разбирательстве Комиссии надлежит установить, какие обязанности по защите П. возлагались на адвоката Д. соглашением на оказание юридической помощи, в какой день должно было состояться выполнение следственного действия, на которое не могла явиться заявительница, когда П. расторгла соглашение с адвокатом Д., получить от адвоката Д. дополнительные объяснения, предложить адвокату Д. представить Квалификационной комиссии адвокатское производство по уголовному делу по обвинению П.» (дисциплинарное производство № 113)²;

— «существенное нарушение Совет усматривает в том, что Комиссией не было проверено, является ли гражданин И.А. доверителем адвоката Г., поскольку не было установлено, осуществлял адвокат Г. защиту подсудимого И. по соглашению с доверителем или по назначению суда; не дано оценки содержащемуся в письменном объяснении адвоката Г. от 6 сентября 2004 года заявлению, что адвокат “не обжаловал приговор, так как на третий день мне (Г.) позвонил адвокат А. и попросил этого не делать. Мол, у Вас позиция на суровость наказания, а он будет просить судебную коллегию прекратить уголовное преследование И. за отсутствием состава преступления”. Совет считает, что в ходе подготовки к новому рассмотрению дисциплинарного производства Квалификационной комиссии необходимо истребовать копию корешка ордера № 2876, выданного в 2003 году адвокату Г. на осуществление защиты И. в районном суде г. Москвы, либо копию самого ордера, а также документы, свидетельствующие о том, на каком основании адвокату Г. был выдан этот ордер (соглашение, регистрационная карточка, телефонограмма суда и т.п.)» (дисциплинарное производство № 125)³.

Помимо трех случаев направления Советом дисциплинарных производств Квалификационной комиссии для нового разбирательства, еще в пяти случаях решения Совета палаты не совпадали (не полностью совпадали) с заключениями Комиссии:

— дисциплинарное производство в отношении адвоката В., возбужденное по представлению Главного управления Минюста России по г. Москве о прекращении статуса адвоката. Дисциплинарный проступок в действиях (бездействии) адвоката В. заявитель усматривал в том, что адвокат неоднократно без уважительных причин не являлся в судебные заседания Московского городского суда для осуществления защиты подсудимого по назначению суда (в порядке ст. 51 УПК РФ). Квалификационная комиссия вынесла заключение о нарушении адвокатом В. п. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 12 и п. 8 ст. 10 Кодекса по

---

¹ При новом разбирательстве 17 сентября 2004 года Квалификационная комиссия повторно вынесла заключение о наличии в действиях (бездействии) адвоката Л. дисциплинарного проступка, а Совет палаты объявил адвокату предупреждение (См. Дисциплинарное производство № 92 на с. 161 настоящего Сборника).

² При новом разбирательстве 21 января 2005 года Квалификационная комиссия вынесла заключение об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката Д. дисциплинарного проступка, а Совет палаты прекратил по этому основанию дисциплинарное производство (см. Дисциплинарное производство № 22/148 в Сборнике «Дисциплинарная практика Адвокатской палаты г. Москвы за 2005 год»).

³ При новом разбирательстве 21 января 2005 года Квалификационная комиссия постановила снять дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. с дальнейшего рассмотрения, поскольку из имеющихся в материалах производства доказательств следует, что адвокат осуществлял защиту подсудимого И. по назначению районного суда г. Москвы в порядке ст. 51 УПК РФ, поэтому заявитель И.А. не является ни доверителем адвоката Г., ни законным представителем своего сына И. (1981 г.р.), а в силу п. 4 ст. 20 Кодекса жалобы или обращения лиц, не указанных в п. 1 ст. 20 Кодекса, не могут являться допустимым поводом для начала дисциплинарного производства. Материал в отношении адвоката Г. был направлен Комиссией президенту Адвокатской палаты г. Москвы для ответа заявителю в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

эпизоду его неявки 21 октября 2003 года в судебное заседание Московского городского суда по уголовному делу по обвинению гражданина К. и др.; о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката В. в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года, а также 9 декабря 2002 года в судебные заседания Мосгорсуда по этому же уголовному делу вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства; о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката В. нарушения норм Кодекса. Совет Адвокатской палаты г. Москвы не согласился с заключением Комиссии в части констатации нарушения адвокатом В. норм Кодекса по эпизоду неявки в судебное заседание 21 октября 2003 года и решением от 25 декабря 2003 года прекратил дисциплинарное производство в полном объеме (дисциплинарное производство № 26);

– дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., возбужденное по сообщению федерального судьи районного суда о неявках адвоката (защитника) в судебные заседания по уголовному делу и непредоставлении впоследствии соответствующих оправдательных документов. Квалификационная комиссия вынесла заключение о нарушении адвокатом Р. п. 1 ст. 14 Кодекса. Совет Адвокатской палаты г. Москвы решением от 25 марта 2004 года прекратил дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка (дисциплинарное производство № 33);

– дисциплинарное производство в отношении адвоката Н., возбужденное по сообщению федерального судьи районного суда о неявке адвоката в судебное заседание по уголовному делу после обеденного перерыва (во время объявленного в судебном заседании перерыва на обед свидетель [доверитель адвоката], допрос которого до обеда был закончен, уехал, не объяснив адвокату причин, не учтя просьбу суда остаться; после этого адвокат также ушел из суда, не поставив об этом в известность судью). Квалификационная комиссия вынесла заключение о нарушении адвокатом Н. ч. 1 ст. 12 Кодекса. Совет Адвокатской палаты г. Москвы решением от 21 апреля 2004 года прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката дисциплинарного проступка (дисциплинарное производство № 37);

– дисциплинарное производство в отношении адвоката М., возбужденное по жалобе доверителя. Квалификационная комиссия вынесла заключение об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката М. дисциплинарного проступка. Совет Адвокатской палаты г. Москвы не согласился с заключением Комиссии, признал, что адвокат М. в нарушение требований ст. 25 Закона об адвокатуре оказывала юридическую помощь доверителю без заключенного в письменном виде соглашения, и решением от 16 июня 2004 года привлек адвоката к дисциплинарной ответственности в виде замечания (дисциплинарное производство № 50);

– дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш., возбужденное по представлению Главного управления Минюста России по г. Москве, основанному на обращении начальника Учреждения 99/1 ГУИН России по г. Москве о проносе адвокатом на свидание с подзащитным (обвиняемым З.) письма его жены и ознакомлении З. с содержанием письма. Квалификационная комиссия вынесла заключение о нарушении адвокатом Ш. п. 1 ст. 10 Кодекса. Совет Адвокатской палаты г. Москвы решением от 14 декабря 2004 года прекратил дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка (дисциплинарное производство № 109).

***

Настоящее издание открывает новую серию ежегодных публикаций дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы.

Приведенные в настоящем сборнике заключения Квалификационной комиссии и решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы отражают этап становления дисциплинарной практики палаты. В связи с этим заключения не равнозначны по полноте содержания в них установленных Комиссией фактических обстоятельств и их юридической оценке.

Правовые позиции Квалификационной комиссии и Совета Адвокатской палаты г. Москвы по некоторым вопросам, высказанные в 2003–2004 годах, в настоящее время претерпели изменения, что обусловлено как динамикой законодательства, так и переосмыслением устоявшихся стереотипов.

Например, Положение об адвокатуре РСФСР 1980 года не предусматривало обязательного заключения соглашения об оказании юридической помощи в простой письменной форме. В 2002 году адвокатское сообщество г. Москвы сформировалось из 14 коллегий адвокатов, в которых были установлены различные требования к оформлению взаимоотношений с доверителями. В некоторых коллегиях адвокатов никаких письменных соглашений, даже в форме простых регистрационных карточек¹, не заключалось. Документом, подтверждающим заключение соглашения, являлся выданный адвокату в подотчет ордер. Отчитываясь за ордер, адвокат сдавал в кассу адвокатского образования деньги, полученные от доверителя за оказание юридической помощи, и получал кассовый документ (квитанцию, приходный кассовый ордер). В 2003–2004 годах значительное число рассматривавшихся Комиссией и Советом жалоб доверителей основывалось на правоотношениях, возникших в период действия старого законодательства об адвокатуре. В этой связи, по общему правилу, Комиссия и Совет не считали возможным привлекать адвоката к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее выполнение обязанностей перед доверителем, выразившееся в неприведении соглашения об оказании юридической помощи, заключенного до введения в действие 1 июля 2002 года Закона об адвокатуре не в простой письменной, а в устной форме в соответствии с предписаниями ст. 25 названного Закона.

***

Информационное наполнение разделов настоящего Сборника неодинаково.

Раздел «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката» ввиду исключительности данной меры ответственности состоит из текстов всех заключений Квалификационной комиссии и решений Совета Адвокатской палаты г. Москвы. При этом не приводятся заключения и решения по четырем дисциплинарным производствам, по которым было констатировано нарушение адвокатом обязанности отчислять за счет получаемого вознаграждения средства на общие нужды Адвокатской палаты в размерах и порядке, определенных конференцией адвокатов г. Москвы.

Раздел «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности в виде замечания, предупреждения, выговора» состоит из текстов всех заключений Квалификационной комиссии, а также текстов отдельных решений Совета Адвокатской палаты г. Москвы, в основном тех, по которым правовые позиции Совета и Комиссии оказались различны.

Раздел «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о прекращении дисциплинарного производства вследствие малозначительности совершенного ад-

---

¹ См.: п. 3 Инструкции об оплате юридической помощи, оказываемой адвокатами гражданам, предприятиям, учреждениям, организациям и кооперативам, утв. Минюстом СССР 10 апреля 1991 года // Хозяйство и право. 1991. № 6.

вокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение» состоит из текстов обоих заключений и одного решения, поскольку первое дисциплинарное производство рассматривалось на заседании Совета 27 февраля 2004 года, т.е. в период становления делопроизводства, и решение по данному дисциплинарному производству есть только в протоколе № 4 заседания Совета Адвокатской палаты г. Москвы.

Раздел «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного комиссией при разбирательстве» состоит из текстов всех заключений Квалификационной комиссии и решений Совета Адвокатской палаты г. Москвы, поскольку только в совокупности они отражают существо разногласий Комиссии и Совета.

В раздел «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой» включены тексты всех заключений Квалификационной комиссии, а также тексты отдельных решений Совета Адвокатской палаты г. Москвы, в основном тех, по которым правовые позиции Совета и Комиссии оказались различны.

Заключения Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отзыва жалобы, представления, сообщения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката, а также о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности (подп. 4–5 п. 9 ст. 23 Кодекса) и соответствующие решения Совета в Сборник не включались. Они имеют формальный характер. По общему правилу в них не приводится анализ обоснованности доводов заявителя, поскольку в рассматриваемых случаях Комиссия не вправе вынести заключение о наличии в действиях (бездействии) адвоката дисциплинарного проступка, а Совет не вправе применить к адвокату меру дисциплинарной ответственности.

Если решения Совета являлись предметом судебного разбирательства, то судебные акты помещены после заключения Комиссии и решения Совета по соответствующему дисциплинарному производству (№ 61, 89).

Вводные части заключений и решений в Сборнике не воспроизводятся как не представляющие практического интереса.

Для удобства работы со Сборником дисциплинарные производства помещены под условными номерами, присвоенными им по очередности рассмотрения на заседаниях Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Сборник снабжен тематическим указателем, в котором даны ссылки на нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, на предмет соответствия которым оценивались действия (бездействие) адвокатов по конкретному дисциплинарному производству.

Также обращаем внимание читателей, что в целях сохранения адвокатской и иных охраняемых законом тайн в Сборнике изменены названия юридических лиц и адреса.

*Н.М. Кипнис,
кандидат юридических наук, доцент, адвокат,
член Квалификационной комиссии
Адвокатской палаты г. Москвы*

Таблица 1

**Рассмотрение дисциплинарных производств
Советом Адвокатской палаты г. Москвы в 2003–2004 годах**

№ п/п	Вид решения (п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной деятельности адвоката – КПЭА)	Всего	Форма адвокатского образования, избранная адвокатом для осуществления адвокатской деятельности			
			адвокатский кабинет	коллегия адвокатов	адвокат- ское бюро	не избрана
I	О наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или Адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности	50	6	44	—	—
<i>Из них по видам взысканий:</i>						
1	замечание	17	—	17	—	—
2	предупреждение	8	1	7	—	—
3	выговор	15	2	13	—	—
4	прекращение статуса адвоката	10	3	7	—	—
II	о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката	73	8	57	8	—
<i>Из них вследствие:</i>						
1	отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или Адвокатской палатой	55	6	44	5	—

№ п/п	Вид решения (п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной деятельности адвоката – КПЭА)	Всего	Форма адвокатского образования, избранная адвокатом для осуществления адвокатской деятельности			
			адвокатский кабинет	коллегия адвокатов	адвокатское бюро	не избрана
2	отзыва жалобы, представления, сообщения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката	8	1	4	3	–
3	истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией	8	1	7	–	–
4	малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение	2	–	2	–	–
5	обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства	–	–	–	–	–
III	О направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного ею при разбирательстве	3	1	2	–	–
IV	Всего решений (I+II+III)	126	15	103	8	–

**Дисциплинарные производства, рассмотренные Советом Адвокатской палаты г. Москвы в 2003–2004 годах
(соотношение поводов для возбуждения дисциплинарного производства с принятыми Советом решениями)**

	Вид решения (п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката)	Все поводы						Жалобы доверителей						Жалобы адвокатов						Представления вице-президента (о нарушении подп. 5 п. 1 ст. 7 и 6 ст. 15 ФЗ)						
		АК	КА	АБ	БФ	АК	АБ	АК	КА	АБ	АК	АБ	АК	КА	АБ	АК	КА	АБ	АК	КА	АБ	АК	КА	АБ	БФ	
I	О наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности																									
<i>По видам взыскания:</i>																										
1	замечание	–	16	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	предупреждение	1	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	выговор	2	13	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	прекращение статуса адвоката	3	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.1	Итого	6	43	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.2	(сумма строки I.1)		49	(38,9%)																						4
II	О прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката																									
<i>Из них введены:</i>																										
1	отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или Адвокатской палатой	7	44	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	отзыва жалоб, представления, сообщения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката	1	4	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией	1	7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.1	Итого:	9	57	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.2	(сумма строки III.1)		74	(58,7%)																						1
III	О направлении дисциплинарного производства. Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного ею при разбирательстве																									
III.1	Итого, %	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.2	(сумма строки III.1)	3	(2,4%)																							–
IV	Всего решений (поводы по формам адвокатских образований) (I.1+II.1+III.1)	16	102	8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
V	Итого (I.2+II.2+III.2)		126	(100%)																						4

**Дисциплинарные производствa, рассмотренные Советом Адвокатской палаты г. Москвы в 2003–2004 годах
(соотношение поводов для возбуждения дисциплинарного производства с принятыми Советом решениями)**

	Вид решения (п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката)	Представления вице-президента (об иных нарушениях)				Представления ГУ Минюста России по г. Москве о прекращении статуса адвоката (п. 5 ст. 17 ФЗ)				Представления ГУ Минюста России по г. Москве о прекращении статуса адвоката (подп. 3 п. 1 ст. 20 КПЭА)				Сообщения суда (судьи)			
		АК	КА	АБ	АБ	АК	КА	АБ	АБ	АК	КА	АБ	АБ	АК	КА	АБ	АБ
I	О наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – КПЭА), о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности																
<i>По видам взыскания:</i>																	
1	замечание	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	предупреждение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	выговор	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	прекращение статуса адвоката	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.1	Итого	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
I.2	(сумма строки I.1)	1															
II	О прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката																
<i>Из них в действиях:</i>																	
1	отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или Адвокатской палатой	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	отзыва жалобы, представления, сообщения либо примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
4	малозначительности совершенного адвокатом проступка с указанием адвокату на допущенное нарушение	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
5	обнаружившегося в ходе разбирательства Советом или Комиссией отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.1	Итого:	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.2	(сумма строки III.1)	1															
III	О направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения пропекуры, допущенного ею при разбирательстве																
III.1	Итого	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
III.2	(сумма строки III.1)	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
IV	Всего решений (поводы по формам адвокатских образований) (I.1+II.1+III.1)	–	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
V	Итого (I.2+II.2+III.2)	2															
														26	(54,2%)		
														6			
														6			
														1	(2%)		
														6		38	4
														6		48	(100%)

Примечание: АК – адвокатский кабинет; КА – коллегия адвокатов; АБ – адвокатское бюро; БФ – адвокаты, не избравшие форму осуществления адвокатской деятельности.

Рассмотрение дисциплинарных производств в Адвокатской палате г. Москвы

в период с 18 июня 2003 года по 22 декабря 2004 года

(соотношение заключений Квалификационной комиссии и решений Совета)

№ п/п	Рассмотрены дисциплинарные производства в отношении 126 адвокатов	
1	Рассмотрение в Квалификационной комиссии	Рассмотрение в Совете Адвокатской палаты
	Заключения о нарушении адвокатом КПЭА; неисполнении (ненадлежащем исполнении) адвокатом своих обязанностей перед доверителем; неисполнении адвокатом решений органов Адвокатской палаты – 55 (43,7%)	Решения о нарушении адвокатом КПЭА; о неисполнении (ненадлежащем исполнении) адвокатом своих обязанностей перед доверителем; неисполнении адвокатом решений органов Адвокатской палаты – 50 (39,7%)
		<i>из них по видам дисциплинарных взысканий:</i>
		замечание – 17
		предупреждение – 8
		выговор – 15
		прекращение статуса адвоката – 10
2	Заключения о необходимости прекратить дисциплинарное производство – 71 (56,3%)	Решения о необходимости прекратить дисциплинарное производство – 73 (57,9%)
	<i>из них:</i>	<i>из них:</i>
	адвокат не допустил нарушений норм КПЭА, надлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем или Адвокатской палатой – 55 (77,4%)	адвокат не допустил нарушений норм КПЭА, надлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем или Адвокатской палатой – 55 (75,3%)
	состоялось примирение лица, подавшего жалобу, и адвоката – 8 (11,3%)	состоялось примирение лица, подавшего жалобу, и адвоката – 8 (11,0%)
	в ходе разбирательства обнаружилось, что истекли сроки возбуждения дисциплинарного производства – 8 (11,3%)	в ходе разбирательства обнаружилось, что истекли сроки возбуждения дисциплинарного производства – 8 (11,0%)
		малозначительность совершенного адвокатом проступка – 2 (2,7%)
3		Решение о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве – 3 (2,4%)

ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА

1. Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 42 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Т.

16 апреля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданка Р.О.В. обратилась в Адвокатскую палату с жалобой на адвоката Т., указав, что 5 января 2003 года она заключила соглашение с адвокатом на оказание юридической помощи ее сыну Р.А.А., отбывающему наказание в исправительной колонии г. К. Московской области.

По мнению заявителя, в обязанности адвоката входило освобождение Р.А.А. от отбывания наказания в связи с имеющимся у него заболеванием «киста головного мозга», которое было выявлено еще в 2001 году. Как указано в жалобе, адвокат Т. предварительно ознакомился с выпиской из истории болезни Р.А.А. и заверил Р.О.В. и ее мужа Р.А.К., что он сможет освободить их сына согласно совместного приказа Минздрава РФ № 311 и Минюста РФ № 242 от 9 августа 2001 года (п. 5.5.1 Перечня заболеваний, который может быть использован в качестве основания для представления к освобождению от отбывания наказания осужденных к лишению свободы – «Объемные образования головного и спинного мозга»), а для решения этого вопроса ему (*адвокату Т. – Прим. Комиссии*) необходимы сумма в размере 15 000 долларов США и гонорар за изучение дела в сумме 1 500 долларов США. После подписания документации по форме, предложенной адвокатом Т., 5 января 2003 года Р.О.В. в присутствии свидетеля С.В.Э. вручила адвокату 1 500 долларов США, а 26 февраля 2003 года вручила адвокату в присутствии своего мужа Р.А.К. и свидетеля С.В.Э. 15 000 долларов США. В апреле 2003 года Р.О.В. в присутствии адвоката Т. встречалась с заместителем начальника исправительного учреждения в г. К. Московской области по лечебно-профилактической работе Х.А.С., который сообщил им, что вероятность освобождения Р.А.А. по имеющемуся у него заболеванию практически отсутствует, поскольку нет тяжелой клинической симптоматики. Как указывает Р.О.В. в жалобе, уже тогда у нее появились небезосновательные сомнения в компетентности адвоката, однако адвокат Т. сказал ей, что он провел консультации с экспертами-специалистами, один из которых готов выступить в суде, и основное условие договора – освобождение Р.А.А. от отбывания наказания по болезни – будет выполнено. Р.О.В. указывает, что она лично подала заявление в УИН Московской области о проведении магнитно-резонансной томографии головного мозга и энцефалографии ее сыну Р.А.А.; лично получила разрешение на выполнение диагностических процедур. 26 июня 2003 года

в медицинском учреждении № 1 г. Москвы Р.А.А. была проведена томография, диагноз «киста правого полушария головного мозга» подтвердился (энцефалография, к сожалению, не проведена). В сентябре 2003 года адвокат Т. заявил Р.О.В., что эксперт-специалист выступить в суде не сможет; причину этого адвокат Т. доверительнице не сообщил. Р.О.В. указывает, что, поскольку ее как мать волновало здоровье сына, то она забрала снимки головного мозга из исправительного учреждения в г. К. Московской области для проведения консультации у нейрохирурга в медицинском учреждении № 1 г. Москвы. По результатам консультации Р.О.В. стало ясно, что адвокат Т. не осведомлен о заболеваниях, на основании которых суд действительно может вынести решение об освобождении Р.А.А. от отбывания наказания.

Изложенные обстоятельства привели Р.О.В. к выводу, что адвокат Т. никакой юридической помощи ее сыну Р.А.А. по соглашению от 5 января 2003 года и договору к нему от 26 февраля 2003 года не оказал, поэтому сумма (16 500 долларов США), которая была выплачена ею адвокату, должна быть последним возвращена доверителю.

Поскольку адвокат Т. добровольно вернуть деньги в сумме 16 500 долларов США отказался и заявил, что деньги не вернет ни при каких условиях, Р.О.В. обратилась с жалобой в Адвокатскую палату г. Москвы, просила рассмотреть жалобу и обязать адвоката Т. вернуть деньги в сумме 16 500 долларов США.

22 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В объяснениях, данных в ходе разбирательства в Квалификационной комиссии 26 марта и 16 апреля 2004 года, Р.О.В. поддержала доводы жалобы, уточнив, что преступление, за совершение которого осужден ее сын Р.А.А., было совершено летом 2000 года, осужден он был осенью 2001 года; до вынесения приговора сын находился под домашним арестом, в апреле 2001 года при медицинском обследовании по поводу артериальной гипертензии у сына случайно выявили кисту головного мозга; находясь в колонии, сын постоянно жаловался на головные боли. У Р.О.В. были результаты обследования, проведенного в апреле 2001 года; она, будучи сама по образованию врачом-эндокринологом, проконсультировалась у нейрохирурга, который сказал, что ее сыну необходима срочная госпитализация. Р.О.В. обратилась к своему знакомому врачу-терапевту С.В.Э., который посоветовал ей обратиться к адвокату Т. и познакомил Р.О.В. и ее мужа с адвокатом. Сначала Р.О.В. внесла адвокату 1 500 долларов США, а затем еще 15 000 долларов США, так как адвокат Т. сказал, что эти деньги нужны, чтобы вывезти сына для производства обследования из колонии; адвокат Т. сказал им с мужем, что к лету 2003 года их сына освободят, что у него (*адвоката Т. – Прим. Комиссии*) есть опыт по этой части. Адвокат Т. разъяснил Р.О.В. порядок обращения в Управление исполнения наказаний по Московской области с заявлением о разрешении проведения Р.А.А. магнитно-резонансной томографии; вместе с Р.О.В. и ее мужем ездил в г. Р. в УИН Минюста РФ по Московской области, а также в исправительную колонию в г. К. 25 июня 2003 года Р.А.А. в медицинском учреждении № 1 провели томографию головного мозга. Осенью 2003 года Р.О.В. с новым вторым снимком проконсультировалась у нейрохирурга, который сказал, что с этим, скорее всего, ее сына из колонии не освободят. Р.О.В. позвонила адвокату и потребовала вернуть деньги, но он отказался. В колонии адвокат Т. не посещал Р.А.А., в колонию к Р.А.А. не поехал и порядок подачи заявления (ходатайства) о досрочном освобождении от отбывания наказания по болезни не разъяснил, проект такого ходатайства (заявления) не составил; никаких документов, отчетов о проделанной рабо-

те не предоставлял. В марте 2004 года Р.О.В. обратилась с заявлением о возбуждении уголовного дела о мошенничестве в отношении адвоката Т. В приложенной к жалобе копии регистрационной карточки, которую адвокат Т. сделал для Р.О.В. 5 января 2003 года, в графе «Гонорар за изучение дела» указана цифра «1 500»; это 1 500 долларов США, а не рублей, как говорит адвокат, просто он потом, как считает Р.О.В., сделал все необходимые дописки и в милицию представил исправленный вариант регистрационной карточки. Помимо первоначального варианта регистрационной карточки адвокат Т. сам передал Р.О.В. только копию договора от 26 февраля 2003 года на 15 000 долларов США. С.В.Э. пояснил Р.О.В., что никаких денег он от адвоката Т. не получал, соглашений с ним не заключал. Уплаченные адвокату 15 000 долларов США включали, в том числе, и расходы на привлечение специалиста; поручения обратиться к нейрохирургу Р.О.В. адвокату не давала.

Опрошенный Квалификационной комиссией по ходатайству заявительницы Р.А.К. (муж заявительницы, отец Р.А.А.) подтвердил доводы, изложенные в жалобе Р.О.В. и в ее объяснениях, данных Квалификационной комиссии; подтвердил, что адвокат Т. заверил их с женой, что к лету 2003 года Р.А.А. будет на свободе; также Р.А.К. пояснил, что имеет высшее юридическое образование.

В своих письменных объяснениях, а также в объяснениях, данных 26 марта и 16 апреля 2004 года на заседаниях Квалификационной комиссии, адвокат Т. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе Р.О.В., указал, что он считает их необоснованными. Летом 2002 года его познакомили с заместителем директора Центра программ «...» С.В.Э., который пояснил, что он работает в Комиссии «...» и занимается освобождением тяжелобольных осужденных из мест лишения свободы; в декабре 2002 года С.В.Э. обратился к адвокату Т. с просьбой помочь его близкой знакомой Р.О.В. (возглавляющей одно из отделений в медицинском учреждении № 2 в г. Москве), у которой сын Р.А.А. осужден к восьми годам лишения свободы за убийство и отбывает наказание в исправительной колонии в г. К. Московской области; также С.В.Э. пояснил, что перед осуждением Р.А.А. проводили томографию головного мозга и установили «кисту головного мозга», при этом С.В.Э. пояснил, что данная болезнь относится к обширной болезни головного мозга и подпадает под п. 5.5.1 Перечня заболеваний, который может быть использован в качестве основания для представления к освобождению от отбывания наказания осужденных к лишению свободы — «Объемные образования головного и спинного мозга», утвержденного совместным приказом Минздрава РФ № 311 и Минюста РФ № 242 от 9 августа 2001 года 5 января 2003 года адвокат Т. встретился со С.В.Э. и Р.О.В., проконсультировался более подробно о болезни Р.А.А., получил документы. В этот же день с Р.О.В. было составлено соглашение на оказание юридической помощи (регистрационная карточка) № 33 и получен гонорар в сумме 1 500 рублей; копия соглашения была вручена Р.О.В. Факт внесения в кассу адвокатского образования 1 500 рублей подтверждается, по мнению адвоката Т., приходным кассовым орденом № 62 от 31 января 2003 года, реквизиты которого внесены в регистрационную карточку. При этом адвокат пояснил, что в представленной им ксерокопии приходного кассового ордера № 62 от 31 января 2003 года указана сумма 8 000 рублей и «принято от К.», поскольку они с женой (также являющейся адвокатом) сами получают деньги от клиентов и затем сдают их в кассу сразу по нескольким соглашениям; он не знает, кто такая К., возможно, это клиентка его жены, именно поэтому в приходном кассовом ордере, в графе «основание», указано «адв. Т., Т-а»; 8 000 рублей, внесенные в кассу по приходному кассовому ордера № 62 от 31 января 2003 года, включают и 1 500 рублей, полученных от Р.О.В.; регистрационная карточка соглашения с Р.О.В. имеет № 33, а в приходном

кассовом ордере указан № 35 — по тем же причинам, поскольку это деньги сразу по нескольким соглашениям; Р.О.В. он квитанцию не передавал, так как она его об этом не просила. Никаких гарантий Р.О.В. адвокат Т. не давал, не заверял ее, что к лету 2003 года Р.А.А. будет дома. Исполняя свои обязанности по соглашению, адвокат Т. несколько раз ездил к Р.А.А. в колонию в г. К., где встречался также с начальником колонии С.В.В. и его заместителем по медицинской части Х., от которых узнал, что Р.А.А. долгое время находится в «тюремной больнице». После этого адвокат Т. проконсультировался со С.В.Э. и Р.О.В., и они распределили между собой обязанности следующим образом: адвокат Т. брал на себя юридическую работу (консультации, ходатайства, заявления, переговоры с администрацией), а С.В.Э. и Р.О.В. брали на себя обязанности в области медицины (консультации, приобщение к работе специалистов в области нейрохирургии). Р.О.В. сказала, что для выполнения работы у нее есть 15 000 долларов США. 26 февраля 2003 года Р.О.В. с мужем Р.А.К. и С.В.Э. пришли к адвокату Т.; во время встречи они еще раз обсудили действия по делу, обязанности каждого; муж Р.О.В. был приглашен в качестве консультанта, поскольку до недавнего выхода на пенсию Р.А.К., юрист по образованию, был руководителем уголовного розыска N-ского ОВД. С.В.Э. взял на себя дополнительную обязанность быть представителем Р.О.В. в отношениях с адвокатом, так как она сама очень загружена и потому не могла часто встречаться с адвокатом. В этот же день адвокатом Т. был составлен договор к соглашению от 5 января 2003 года, предметом которого было определено, что адвокат Т. берет на себя обязанность оказывать Р.О.В. юридическую помощь сыну Р.А.А. «в порядке надзорной инстанции по факту тяжелой болезни в исправительном учреждении в г. К. последнего», заявить ходатайство о проведении комиссионного медицинского обследования; в случае установления у Р.А.А. тяжелого заболевания подать ходатайство в суд о применении к Р.А.А. приказа Минздрава РФ № 311 и Минюста РФ № 242 от 9 августа 2001 года. По этому договору Р.О.В. обязалась в тот же день оплатить гонорар в размере 15 000 долларов США (что она и сделала); также в договоре было установлено, что в случае невыполнения адвокатом оговоренных сторонами действий гонорар возвращается Р.О.В. по двусторонней договоренности. Договор был подписан адвокатом Т. и Р.О.В. По обоюдному устному согласованию часть суммы должна была пойти на оплату мелких расходов, оплату работы специалистов, а гонорар адвоката составит часть суммы, которая останется после выполнения работы; сразу же 500 долларов США адвокатом Т. были заплачены С.В.Э. Продолжая оказывать Р.А.А. юридическую помощь, адвокат Т. подавал заявления, ходатайства в исправительную колонию в г. К., УИН МЮ РФ по МО, выезжал в города Р. и К., где беседовал с руководителями названных учреждений, добиваясь проведения освидетельствования Р.А.А. и получения разрешения на его вывоз в один из медицинских институтов г. Москвы для проведения томографии; с Р.А.А. в колонии адвокат встречался два раза, третий раз его не пустили, поскольку к этому времени в колонии сменился начальник, и адвокату сказали, что не могут найти его ордер, поэтому свидание не предоставили; все свидания проходили в присутствии оперативных сотрудников колонии, наедине свидания предоставлять отказывались. С.В.Э. часто приходил к адвокату Т. для согласования действий, в том числе он пришел 21 апреля 2003 года и сказал, что необходимо 2 000 долларов для каких-то нужд. Адвокат Т. позвонил доверительнице Р.О.В. и сообщил о просьбе С.В.Э. Она сказала адвокату, что ей известно, для чего нужны эти деньги, и попросила адвоката передать С.В.Э. требуемую сумму. 24 апреля 2003 года адвокат Т. передал С.В.Э. 2 000 долларов США, о чем составил соглашение, являющееся неотъемлемой частью договора № ___/03 от 26 февраля 2003 года, указав в нем, что «С.В.Э. по согласованию с Р.О.В. берет на себя обязатель-

ство оказывать помощь в деле Р.А.А. как медик (консультации и т.д.)). В этом же соглашении адвокат Т. сделал отметку о выдаче им 5 января 2003 года С.В.Э. 500 долларов США. С.В.Э. отказался подписать соглашение. Никаких расписок о передаче денег не составлялось; при передаче денег присутствовал помощник адвоката Ф., который подписал соглашение как свидетель. В начале мая 2003 года С.В.Э. сообщил адвокату Т., что договорился с врачом-нейрохирургом, который имеет очень обширные связи в области медицины и большой стаж работы. Созвонившись с Р.О.В., адвокат Т. сообщил ей о разговоре со С.В.Э. Она пояснила адвокату, что уже знает о специалисте от С.В.Э. После этого адвокат Т. несколько раз встречался со С.В.Э. и нейрохирургом Е.В.В. Примерно 22 мая 2003 года С.В.Э. и Е.В.В. сообщили адвокату, что нужно оплатить работу Е.В.В. как специалиста в сумме 7 000 долларов США. Адвокат Т. вновь созвонился с Р.О.В., сообщил ей о стоимости услуг специалиста и получил разрешение на оплату, после чего 26 мая 2003 года составил с Е.В.В. соглашение, являющееся неотъемлемой частью договора № ___/03 от 26 февраля 2003 года, указав в нем, что «Е.В.В., являясь нейрохирургом, берет на себя обязательство участвовать в деле Р.А.А. как специалист, давать объективное заключение о здоровье Р.А.А., участвовать в судебных заседаниях как специалист». Е.В.В. подписал соглашение, также его подписали присутствовавшие при передаче денег в качестве свидетелей адвокат Т. и помощник адвоката Ф. В этот же момент деньги в сумме 7 000 долларов США Т. передал Е.В.В.; расписка о получении Е.В.В. от Т. денег не составлялась. В конце мая 2003 года Е.В.В. сообщил адвокату Т., что договорился о проведении Р.А.А. томографии головного мозга в медицинском учреждении № 1 г. Москвы. 28 мая 2003 года адвокат Т. передал Е.В.В. через С.В.Э. 200 долларов США для оплаты услуг томографии, о чем сделал отметку в соглашении со С.В.Э. от 24 апреля 2003 года. После этого адвокат Т. договорился с руководством УИН МЮ РФ по МО и с руководством исправительной колонии в г. К. об этапировании Р.А.А. в г. Москву для производства томографии, 30 мая 2003 года внес в кассу медицинского учреждения № 1 г. Москвы 3 300 рублей в оплату за проведение магнитно-резонансной томографии Р.А.А., что подтверждается квитанцией № 324049; заплатил в кассу исправительной колонии в г. К. 2 000 рублей как взаимопомощь, что подтверждается квитанцией к приходному кассовому ордеру № 161, а также 25 июня 2003 года в присутствии Р.О.В. и Р.А.К. заплатил 10 000 рублей сотрудникам исправительной колонии г. К., которые доставили их сына Р.А.А. к медицинскому учреждению № 1 г. Москвы, так как на территории госпиталя вооруженных лиц не пускают, и пришлось уговаривать старшего «конвойника» оставить при себе пистолет, а автоматы оставить в машине, а также двоих конвойных. 26 июня 2003 года Е.В.В. забрал снимки томографии и передал их Р.О.В.; в исправительную колонию в г. К. эти снимки отвозил Р.А.К. Приглашение в качестве специалиста нейрохирурга Е.В.В. было необходимо для дачи консультаций, участия в проведении комиссии в качестве специалиста, помощи в организации томографического обследования, дачи заключения в судебном заседании. Реально выполненная Е.В.В. работа свелась к тому, что он ознакомился с документами о состоянии здоровья Р.А.А., пояснил, что симптомы заболевания у Р.А.А. свидетельствуют об ухудшении состояния его здоровья; после проведения магнитно-резонансной томографии Е.В.В. никакой работы не выполнял. После получения результатов томографического обследования адвокат Т. «вновь начал работать в отношении назначения Р.А.А. комиссионного обследования с участием Е.В.В.», для чего вновь ездил в города Р. и К. В конце июля 2003 года начальник мед. части исправительной колонии в г. К. Х. отказал адвокату Т. в ходатайстве о назначении комиссионного обследования Р.А.А.; об этом адвокат Т. сообщил С.В.Э., сказав послед-

нему, что будет обращаться в К...ский городской суд Московской области, обжалуя незаконные действия сотрудников исправительной колонии в г. К. и требуя применения к Р.А.А. приказа № 311/242 от 9 августа 2001 года; также адвокат попросил С.В.Э. прийти к нему вместе с Е.В.В. с целью оказания консультационной помощи по специальным медицинским вопросам при подготовке жалобы. Однако через несколько дней С.В.Э. пришел к адвокату Т. и сообщил, что Е.В.В. уволили из медицинского учреждения № 3 по причине психического заболевания, поэтому он не сможет участвовать в деле Р.А.А. в качестве специалиста. Адвокат Т. передал данную информацию Р.О.В., которая пояснила, что уже знает об этом, а также сказала, что С.В.Э. ищет другого специалиста. Впоследствии адвокат Т. узнал от хирурга медицинского учреждения № 4 Б., что Е.В.В. работает у них в учреждении; адвокат попросил С.В.Э. найти Е.В.В. и забрать у него деньги. В августе 2003 года С.В.Э. не мог найти нового специалиста из-за отпускного периода, а в сентябре сообщил адвокату Т., что есть специалист из медицинского учреждения № 2 г. Москвы, но Р.О.В. не хочет, чтобы специалист был из организации, в которой она сама работает. В сентябре 2003 года адвокат Т. вновь приехал в г. К. в исправительную колонию, от начальника мед. части Х. он узнал, что начальник колонии С.В.В. «отправлен на пенсию», что на самом деле Р.А.А. не болен, а в стационаре он находился по указанию С.В.В., с которым Р.О.В. давно знакома, он несколько раз проходил у нее лечение в медицинском учреждении № 2 в платном отделении, но при этом стоимость лечения, равную 15 000 долларов США, не оплачивал. А в этой связи Х. посоветовал адвокату Т. прекратить какие-либо действия в отношении Р.А.А. О своем разговоре с Х. адвокат Т. рассказал С.В.Э. и Р.О.В., после чего они ничего не сообщали, никаких указаний не давали, а 9 октября 2003 года пришли к адвокату и сказали, чтобы он подготовил и подал в К...ский городской суд заявление об освобождении Р.А.А. от отбывания наказания в связи с болезнью. 10 октября 2003 года адвокат Т. был принят председателем К...ского городского суда МО, который пояснил ему, что в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 399 УПК РФ ходатайство об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью должно быть подано лично осужденным. Адвокат Т. попросил Р.О.В., которая должна была встретиться с сыном, чтобы он лично написал заявление в суд с просьбой рассмотреть вопрос о его освобождении, однако через несколько дней Р.О.В. сообщила адвокату, что Р.А.А. не будет сам писать заявление, так как боится администрации колонии. 24 ноября 2003 года адвокат Т. подготовил заявление и вместе с имеющимися документами подал его в К...ский городской суд, который письмом от 9 декабря 2003 года вернул заявление адвокату, сославшись в том числе на то, что сам Р.А.А. обращаться в суд с заявлением не желает. Проект заявления в суд от имени подзащитного Р.А.А. адвокат Т. не составлял, он устно объяснил его отцу Р.А.К., о чем должно быть это заявление, что в нем следует указать; Р.А.К. ехал на свидание с сыном в колонию и должен был, по мнению адвоката, все ему рассказать и объяснить. В декабре 2003 года Р.О.В. позвонила адвокату Т. и потребовала вернуть 15 000 долларов США. Адвокат Т. предложил Р.О.В. прийти к нему в офис со С.В.Э. и Е.В.В., чтобы согласно условий договора обсудить ее требование, однако Р.О.В. от встречи отказалась, на встречу пришел С.В.Э., которому адвокат Т. объяснил, что в сложившейся ситуации С.В.Э. и Е.В.В. придется вернуть Р.О.В. большую часть полученных ими денег, так как они не выполнили в большей части взятые на себя обязанности. С.В.Э. пообещал обсудить этот вопрос с Р.О.В. и Е.В.В., и с того времени адвокат Т. не может кому-нибудь из них дозвониться. 12 января 2004 года адвокат Т. вновь обратился в К...ский городской суд Московской области с ходатайством о рассмотрении вопроса об освобождении Р.А.А. от отбывания наказания по болезни в соответствии с приказом

Минздрава РФ и Минюста РФ № 311/242 от 9 августа 2001 года. Получив 13 января 2004 года сообщение из Адвокатской палаты г. Москвы о том, что Р.О.В. подала на него жалобу, адвокат Т. 14 января 2004 года остаток суммы гонорара 5 000 долларов США провел через кассу коллегии адвокатов, внося 150 000 рублей в кассу. Пояснить, почему в приходном кассовом ордере № 12 от 14 января 2004 года указана сумма 144 350 рублей, а не 150 000 рублей, как указано в регистрационной карточке, адвокат не может, полагает, что за правильность оформления кассовых документов отвечает бухгалтер, которая оформляла этот приходный ордер; утверждает, что он внес в кассу 150 000 рублей. 6 февраля 2004 года адвокат Т. получил постановление судьи К...ского городского суда Московской области от 23 января 2004 года, которым было отказано в удовлетворении его ходатайства об освобождении осужденного Р.А.А. от наказания по болезни; данное постановление адвокат не обжаловал в кассационном порядке, поскольку расценил поданную на него Р.О.В. жалобу как ее односторонний отказ от выполнения адвокатом работы по соглашению.

Претензии доверительницы Р.О.В., высказанные в жалобе, адвокат Т. считает несостоятельными, указывает, что она в жалобе умалчивает о следующих важных обстоятельствах: Р.О.В. с адвокатом Т. познакомил С.В.Э., которому она из-за своей занятости поручила обсуждать от ее имени с адвокатом все возникающие вопросы; изначально Р.О.В. именно со С.В.Э. оговаривала план своих действий; нейрохирурга Е.В.В. первоначально Р.О.В. порекомендовал С.В.Э.; Р.О.В. была близко знакома с начальником исправительной колонии в г. К. С.В.В.; она работает заведующей отделением в медицинском учреждении № 2 г. Москвы; соглашение с адвокатом заключала в присутствии своего мужа Р.А.К., имеющего высшее юридическое образование; Р.О.В. не указывает на свидетелей Т. и Ф., которые присутствовали при составлении договора, обсуждении дела, передаче денег и звонках Р.О.В. Адвокат Т. считает, что Р.О.В. обвиняет его в незнании медицины, в связи с чем он обращает внимание на то, что в договоре от 26 февраля 2003 года не указано, что адвокат берет на себя обязательство работать как медик. Адвокат Т. полагает, что Р.О.В. и С.В.Э. с самого начала знали, что Р.А.А. ничем не болен, никакой кисты головного мозга у него нет, а адвоката «использовали, получили деньги с С.В.Э. и Е.В.В., поделили их между собой, а теперь, когда в семье возникли проблемы, хотят на мне (*адвоката Т. – Прим. Комиссии*) заработать, решить свои проблемы, а рычагом выбрали адвокатскую палату».

Адвокат Т. указывает, что «за время работы с людьми я видел многое, но глупость, наглость, которую проявляют супруги Р., встречаются крайне редко», он просит поддержать его, так как, по его мнению, «в нашей стране в настоящее время все направлено на уничтожение института адвокатуры, и такие, как Р.О.В., пользуясь этим, обливают грязью как меня (*адвоката Т. – Прим. Комиссии*), так и других... коллег».

В подтверждение своих доводов адвокат Т. представил Комиссии ряд письменных доказательств, в том числе ходатайства в Управление исполнения наказаний Минюста России по Московской области, в исправительную колонию в г. К., заявления в К...ский городской суд и ответы из указанных государственных учреждений; адресованное адвокату письмо от 16 июня 2003 года из медицинского учреждения № 1 г. Москвы с извещением о дате проведения Р.А.А. магнитно-резонансной томографии; отчет от 15 января 2004 года о выполненных работах в соответствии с соглашением (договором) № 33; ксерокопии страниц из журнала регистрации в Московской коллегии адвокатов «...» исходящих документов.

Кроме того, адвокат Т. представил копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела в отношении адвоката МКА «...» Т. за отсутствием состава преступления, входящего в компетенцию органов БЭП, вынесенного 6 апреля 2004 года по заявлению гражданки Р.О.В.; сообщил, что в настоящее время в производстве К...ого районного суда г. Москвы находятся поданные адвокатом Т. заявление о привлечении Р.О.В. к уголовной ответственности за клевету по ст. 129 УК РФ и компенсации морального вреда в сумме 500 000 рублей и заявление «о восстановлении чести и достоинства» и компенсации морального вреда в сумме 500 000 рублей.

Опрошенные Квалификационной комиссией по ходатайству адвоката Т. помощник адвоката Ф. и адвокат Т-а подтвердили сведения, изложенные в своих письменных заявлениях, адресованных в Адвокатскую палату г. Москвы и приобщенных ранее Комиссией к материалам дисциплинарного производства; в частности, они пояснили, что деньги С.В.Э. и Е.В.В. адвокат Т. передавал в их присутствии, этот факт они удостоверяли своими подписями на соглашениях. Кроме того, адвокат Т-а пояснила, что, по ее мнению, родители Р.А.А. на момент обращения к адвокату знали, что их сын не страдает тяжелым заболеванием, ввели адвоката в заблуждение относительно состояния здоровья своего сына, а адвокаты должны доверять своим клиентам.

Выслушав объяснения заявителя Р.О.В., Р.А.К., а также объяснения адвоката Т., адвоката Т-а и помощника адвоката Ф., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Во исполнение соглашения (регистрационной карточки) № 33, заключенного 5 января 2003 года с учетом уточнений, внесенных договором от 26 февраля 2003 года к этому соглашению, адвокатом Т. совершались различные действия, направленные на оказание юридической помощи сыну доверительницы Р.О.В. Р.А.А., отбывающему наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии в г. К. Московской области. Так, адвокат разъяснил родителям Р.А.А. установленный законом порядок решения вопроса об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью; помог Р.О.В. написать заявление начальнику УИН по Московской области о проведении Р.А.А. магнитно-резонансной томографии (далее – МРТ) головного мозга; лично составил и направил восемь ходатайств начальнику УИН по Московской области и начальнику исправительного учреждения в г. К., внес 3 300 рублей в уплату за проведение МРТ Р.А.А. в кассу медицинского учреждения № 1 г. Москвы; вместе с родителями Р.А.А. ездил в УИН Минюста России по Московской области и в исправительную колонию в г. К.; договаривался с администрацией колонии о выделении автомашины для перевозки Р.А.А. в г. Москву 25 июня 2003 года для проведения томографического исследования; два раза беседовал с Р.А.А. в колонии; направил в К...ский городской суд Московской области заявление и ходатайство в защиту интересов осужденного Р.А.А.; пригласил специалистов С.В.Э. (врач-терапевт, знакомый Р.О.В.) и Е.В.В. (врач-нейрохирург, представленный С.В.Э. адвокату Т.), в частности, для дачи ему консультаций в области медицины.

В указанной части действия адвоката Т. соответствовали предмету соглашения, заключенного с доверительницей Р.О.В., а потому в этой части доводы жалобы Р.О.В. являются необоснованными.

Вместе с тем, как следует из объяснений самого адвоката Т. и представленных им документов, 27 августа 2003 года начальник исправительной колонии в г. К. УИН Минюста РФ по Московской области, рассмотрев ходатайства адвоката о проведении

комиссионного медицинского исследования осужденному Р.А.А., признал нецелесообразным проведение специальной медицинской комиссии для медицинского освидетельствования осужденного Р.А.А. (письмо от 27 августа 2003 года № ...). Данный отказ (бездействие должностного лица) мог быть обжалован адвокатом в вышестоящий орган государственного управления (Минюст РФ), в прокуратуру либо в силу ст. 46 Конституции РФ в суд, однако этого сделано не было, т.е. адвокат не выполнил свою обязанность перед доверителем и назначенным им лицом (Р.А.А.). 9 октября 2003 года адвокат Т. получил от доверительницы Р.О.В. указание подать в суд ходатайство об освобождении Р.А.А. от отбывания наказания в связи с болезнью. 10 октября 2003 года председатель К...ского городского суда Московской области разъяснил адвокату Т., что, по его мнению, по действующему законодательству (ч. 1 ст. 399 УПК РФ в ред. Федерального закона № 92-ФЗ от 4 июля 2003 года) вопрос об освобождении осужденного от отбывания наказания в связи с болезнью рассматривается судом по ходатайству осужденного, а не его адвоката. Поскольку Р.О.В. пояснила адвокату, что ее сын Р.А.А. якобы боится лично писать ходатайство в суд, адвокат Т. 24 ноября 2003 года подал в К...ский городской суд Московской области заявление, возвращенное ему из суда письмом от 9 декабря 2003 года с разъяснением причин непринятия заявления к производству суда, а 12 января 2004 года — ходатайство, в удовлетворении которого было отказано мотивированным определением судьи от 23 января 2004 года.

Комиссия считает, что, получив от Р.О.В. сообщение о том, что Р.А.А. якобы боится писать ходатайство в суд, адвокат Т. во исполнение заключенного им соглашения об оказании Р.А.А. юридической помощи был обязан в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ч. 4 ст. 89 УИК РФ посетить осужденного Р.А.А. в исправительной колонии с тем, чтобы на свидании лично получить от него разъяснения о том, желает он или нет обращаться в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью, если желает, то помочь составить ходатайство, а если не желает, то в силу каких причин. После этого адвокат Т. смог бы принять обоснованное решение о необходимости обращения в суд, о форме такого обращения (например, жалоба на действия администрации исправительной колонии; ходатайство в порядке ч. 1 ст. 399 УПК РФ), а также дать разъяснения доверительнице Р.О.В., которые позволили бы ей решить вопрос о необходимости продолжения адвокатом работы по соглашению или о расторжении соглашения.

Комиссия не может признать достаточными для выполнения принятых на себя по соглашению с доверителем обязанностей действия адвоката Т., выразившиеся в том, что он устно объяснил Р.А.К., который ехал на свидание с сыном в колонию, каким должно быть содержание подаваемого в суд ходатайства, полагая, что Р.А.К. должен был все рассказать и объяснить своему сыну. Не встретившись лично с Р.А.А. в колонии, адвокат Т. даже не составил для него проект ходатайства в суд от имени осужденного, т.е. не выполнил свои обязанности.

Следуя указаниям доверительницы Р.О.В., адвокат Т. дважды обращался в К...ский городской суд Московской области (с заявлением и ходатайством), однако определение суда от 23 января 2004 года об отказе в удовлетворении ходатайства он в кассационном порядке не обжаловал, т.е. вопреки заключенному соглашению не совершил действия, направленные на оказание юридической помощи осужденному Р.А.А.

Комиссия не может согласиться с доводами адвоката Т. о том, что поданную Р.О.В. в Адвокатскую палату г. Москвы жалобу на его действия он воспринял как ее односторонний отказ от услуг адвоката, а потому не подал кассационную жалобу, поскольку он с доверителем вопрос о расторжении соглашения об оказании юридической

помощи до полного окончания работы по нему не согласовал, работа адвоката была заранее в полном объеме оплачена доверителем, никакого увеличения ее объема в период исполнения поручения не произошло, пропуск установленного законом срока на подачу кассационной жалобы повлек вступление постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства об освобождении осужденного Р.А.А. от наказания в законную силу, чем были существенно нарушены интересы Р.А.А., лишившегося конституционного права на проверку кассационной инстанцией законности и обоснованности судебного решения об отказе в осуществлении принадлежащего ему, как осужденному, права на досрочное освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью.

Обсудив вопрос об обоснованности претензий Р.О.В. в части ненадлежащего расходования адвокатом Т. денежных средств, полученных им от доверительницы по соглашению об оказании юридической помощи, Комиссия пришла к следующим выводам.

Р.О.В. утверждает, что передала адвокату Т. 1 500 и 15 000 долларов США. Адвокат Т. подтверждает получение им от доверительницы 15 000 долларов США, но отрицает получение 1 500 долларов США, утверждает, что получил 1 500 рублей.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката Т. в указанной части, Квалификационной комиссии не представлено.

Вместе с тем Квалификационная комиссия не может признать, что адвокат Т. надлежащим образом оформил поступление в кассу коллегии адвокатов 1 500 рублей, поскольку приходный кассовый ордер № 62 от 31 января 2003 года, по которому от К. было принято 8 000 рублей по основанию «р/к 35 адв. Т., Т-а», не может быть признан документом, подтверждающим поступление в кассу коллегии адвокатов 1 500 рублей по соглашению (регистрационной карточке) № 33 с Р.О.В.

Равным образом Комиссия не может признать, что адвокатом Т. 14 января 2004 года в кассу Коллегии адвокатов были внесены 150 000 рублей по квитанции № 12, как он отметил в регистрационной карточке № 33, поскольку им представлен приходный кассовый ордер № 12 от 14 января 2004 года на сумму 144 350 рублей, а документов, подтверждающих внесение в кассу 5 650 рублей, адвокатом не представлено.

Объяснения адвоката Т. о том, что «за правильность оформления кассовых документов отвечает бухгалтер, которая оформляла этот приходный ордер», Квалификационная комиссия признает несостоятельными, поскольку лишь в налоговых правоотношениях коллегия адвокатов выступает в качестве налогового агента, несущего ответственность за правильность и своевременность исчисления и уплаты адвокатами налоговых платежей. В договорные отношения с доверителем вступает не коллегия адвокатов, а лично адвокат (ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), который как сторона договора несет ответственность перед доверителем за неисполнение (ненадлежащее исполнение) своих обязанностей. Исходя из этого, на адвокате лежит обязанность убедиться в правильности указания в квитанции (приходном кассовом ордере) суммы внесенного в кассу коллегии адвокатов гонорара, поскольку в случае предъявления доверителем претензий (подача жалобы, предъявление иска) кассовый документ является доказательством добросовестности адвоката. Изложенное тем более важно в ситуации, когда адвокат по каким-либо причинам, вопреки сложившемуся в адвокатуре обыкновению, лично принимает деньги от клиента для последующего внесения их в кассу

адвокатского образования, поскольку в этом случае сам клиент не может предъявить никаких претензий лицу (кассиру, бухгалтеру), оформляющему поступление денег в кассу.

Как следует из объяснений адвоката Т. и его доверительницы Р.О.В., 15 000 долларов США, названные в договоре от 26 февраля 2003 года к соглашению на оказание юридической помощи от 5 января 2003 года гонораром, на самом деле предназначались не только на оплату работы адвоката, но и на компенсацию расходов адвоката, связанных с исполнением поручения; при этом, как пояснил адвокат Т., сумма гонорара изначально известна не была, он определил ее по остаточному принципу и 14 января 2004 года внес в кассу коллегии адвокатов. Таким образом, сама возможность производства адвокатом расходов, связанных с исполнением поручения, из полученных им от доверительницы 15 000 долларов США сторонами не оспаривается.

Квалификационная комиссия признает убедительными объяснения адвоката Т. о расходовании им 3 300 рублей на оплату проведения исследования (МРТ) Р.А.А. в медицинском учреждении № 1 г. Москвы (квитанция № ... от 30 мая 2003 года), а также внесение им 2 000 рублей в кассу исправительной колонии г. К. в качестве гуманитарной помощи (квитанция к приходному кассовому ордеру № 161 от 23 июня 2003 года), поскольку эти расходы, будучи оформлены надлежащим образом, вытекали из принятых адвокатом на себя обязанностей по соглашению об оказании Р.А.А. юридической помощи. По той же причине Квалификационная комиссия признает убедительными объяснения адвоката Т. о выплате им 25 июня 2003 года 10 000 рублей сотрудникам конвойной службы, этапировавшим Р.А.А. в г. Москву для проведения МРТ в медицинском учреждении № 1 г. Москвы; Комиссия соглашается с адвокатом Т., что в данном случае расходы были необходимы, а получить документальное подтверждение было объективно невозможно.

Помимо указанных расходов, адвокатом Т., по его утверждению, было выплачено 9 700 долларов США специалистам (2 700 долларов США врачу-терапевту С.В.Э., в том числе 200 долларов США для передачи Е.В.В.; 7 000 долларов США врачу-нейрохирургу Е.В.В.). Адвокатом Т. представлено письменное соглашение со С.В.Э. на оплату за оказание помощи эквивалента 500 + 2 000 долларов США по курсу ЦБ на день платежа, а также в нем сделана дописка о передаче 200 долларов США; соглашение подписано адвокатом Т. и присутствовавшим в качестве свидетеля помощником адвоката Ф.; запись о передаче 200 долларов США удостоверена подписью адвоката Т.; из объяснений адвоката Т. следует, что С.В.Э. подписать соглашение отказался. Адвокатом Т. представлено письменное соглашение с Е.В.В. на оплату за оказание помощи эквивалента 7 000 долларов США по курсу ЦБ на день платежа; соглашение подписано адвокатом Т., Е.В.В. и присутствовавшими в качестве свидетелей адвокатом Т.-й и помощником адвоката Ф. Адвокат Т. пояснил Комиссии, что представленные письменные соглашения подтверждают, по его мнению, факт передачи им специалистам денег; никаких расписок и иных документов адвокат Т. от С.В.Э. и Е.В.В. не получал.

Привлечение адвокатом Т. для оказания ему помощи в период выполнения работы по соглашению с Р.О.В. специалистов в области медицины (врачей), тем более врача-нейрохирурга, Квалификационная комиссия признает оправданным, поскольку достоверное установление и обоснование перед компетентными государственными органами факта наличия у Р.А.А. заболевания, препятствующего отбыванию наказания (кисты головного мозга как разновидности объемных образований головного мозга — см. п. 5.5.1 Перечня заболеваний, который может быть использован в качестве

основания для представления к освобождению от отбывания наказания осужденных к лишению свободы, утвержденного совместным приказом Минздрава РФ и Минюста РФ № 311/242 от 9 августа 2001 года), составляло основной предмет поручения доверителя.

Квалификационная комиссия отмечает, что в ее компетенцию (в отличие от государственных органов, осуществляющих гражданское и уголовное судопроизводство) не входит установление факта достоверности или недостоверности утверждений адвоката о передаче им денег в оплату помощи специалистов в рамках исполнения обязанностей по соглашению об оказании юридической помощи, поскольку Комиссия проверяет лишь вопрос о надлежащем исполнении адвокатом обязанностей перед доверителем. По мнению Комиссии, надлежащее исполнение адвокатом обязанностей перед доверителем в части предоставления последнему отчета о расходовании уплаченных адвокату по соглашению об оказании юридической помощи денежных средств предполагает, что адвокат все расходы должен оформлять в соответствии с требованиями действующего законодательства, что позволит ему впоследствии, не прибегая к судебным процедурам, надлежащим образом отчитаться перед доверителем о произведенных расходах. Отсутствие в соглашениях адвоката Т. со С.В.Э. и Е.В.В. указания на получение ими в момент подписания соглашения оплаты за предстоящую работу (при этом соглашение со С.В.Э. им вообще не подписано), неприятие мер к получению расписок (актов и проч.) от указанных лиц о получении ими денег не позволяют в настоящее время адвокату Т. надлежащим образом отчитаться перед доверительницей Р.О.В. о расходовании денежных средств в сумме 9 700 долларов США. Данное обстоятельство Квалификационная комиссия расценивает как ненадлежащее исполнение адвокатом Т. обязанностей перед доверителем.

Таким образом, Комиссия признает обоснованными доводы жалобы Р.О.В. о ненадлежащем исполнении адвокатом Т. своих обязанностей в части ненадлежащего оформления расходов денежных средств в сумме 7 150 рублей (1 500 рублей + + 5 650 рублей) и 9 700 долларов США (500 долларов + 2 000 долларов + 200 долларов + + 7 000 долларов), полученных адвокатом от доверительницы по соглашению об оказании юридической помощи.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять обязанности, отстаивать (активно защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами руководства Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 7, подп. 6 п. 1 ст. 17 названного Закона; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвокатов, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса).

Квалификационная комиссия считает, что адвокат Т. не исполнил свои обязанности перед доверителем Р.О.В. (и назначенным ею лицом Р.А.А.) по соглашению от 5 января 2003 года и договору к нему от 26 февраля 2003 года, поскольку вопреки

подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не действовал при этом разумно и добросовестно, а именно:

– не обжаловал в установленном законом порядке отказ (бездействие) начальника Учреждения УУ-.../. в ходатайстве об освидетельствовании Р.А.А специальной медицинской комиссией;

– узнав от родителей Р.А.А. о том, что последний боится сам обращаться в суд с ходатайством в порядке ч. 1 ст. 399 УПК РФ, адвокат Т. не посетил осужденного Р.А.А. в исправительной колонии с тем, чтобы на свидании лично получить от него разъяснения о том, желает он или нет обращаться в суд с ходатайством об освобождении от отбывания наказания в связи с болезнью, если желает, то помочь составить ходатайство, а если не желает, то в силу каких причин (бездействие адвоката не позволило ему принять обоснованное решение о необходимости обращения в суд, о форме такого обращения, а также дать необходимые разъяснения доверительнице Р.О.В., которые позволили бы ей решить вопрос о необходимости продолжения адвокатом работы по соглашению или о расторжении соглашения);

– лично не встретившись с Р.А.А., адвокат Т. лишь устно объяснил Р.А.К., который ехал на свидание с сыном в колонию, каким должно быть содержание подаваемого в суд ходатайства, полагая, что Р.А.К. должен был все рассказать и объяснить своему сыну, при этом адвокат не составил для Р.А.А. проекта ходатайства в суд от имени осужденного;

– адвокат Т. не обжаловал в кассационном порядке определение К...ского городского суда Московской области от 23 января 2004 года об отказе в удовлетворении ходатайства об освобождении осужденного Р.А.А. от наказания по болезни; пропуск установленного законом срока на подачу кассационной жалобы повлек вступление постановления суда об отказе в удовлетворении ходатайства об освобождении осужденного Р.А.А. от наказания в законную силу, чем были существенно нарушены интересы Р.А.А., лишившегося конституционного права на проверку кассационной инстанцией законности и обоснованности судебного решения об отказе в осуществлении принадлежащего ему, как осужденному, права на досрочное освобождение от отбывания наказания в связи с болезнью.

Кроме того, адвокат Т. ненадлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем Р.О.В., что выразилось в ненадлежащем оформлении расходования адвокатом денежных средств в сумме 7 150 рублей (1 500 рублей + 5 650 рублей) и 9 700 долларов США (500 долларов + 2 000 долларов + 200 долларов + 7 000 долларов), полученных им от доверительницы по соглашению об оказании юридической помощи.

Не исполнив и ненадлежащим образом исполнив свои обязанности перед доверителем, адвокат Т. не имел права получать вознаграждение за невыполненную и ненадлежащим образом выполненную работу, между тем, как видно из представленного адвокатом отчета от 15 января 2004 года, он считает отработанными 151 500 рублей, т.е. всю сумму, которую адвокат определил как остаток от полученных им от доверителя денежных средств (1 500 рублей + 15 000 долларов США).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о неисполнении и ненадлежащем исполнении адвокатом Т. своих обязанностей перед доверителем Р.О.В. по соглашению об оказании юридической помощи (регистрационная карточка) от 5 января 2003 года № 33 и договору к нему от 26 февраля 2003 года.

**РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
города МОСКВЫ**

21 апреля 2004 года

№ 10

город Москва

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката Т.
по жалобе доверителя гражданки Р.О.В.**

(Извлечение)

22 декабря 2003 года распоряжением № 38 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. (регистрационный номер 77/...) по жалобе доверителя адвоката – гр-ки Р.О.В. – от 16 декабря 2003 года.

Квалификационная комиссия на своем заседании 16 апреля 2004 года вынесла заключение о неисполнении и ненадлежащем исполнении адвокатом Т. своих обязанностей перед доверителем Р.О.В. по соглашению об оказании юридической помощи (регистрационная карточка) от 5 января 2003 года № 33 и договору к нему от 26 февраля 2003 года.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы, изучив материалы дисциплинарного производства, заслушав объяснения адвоката Т., Совет признал заключение Квалификационной комиссии обоснованным.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы пришел к выводу о том, что адвокат Т. не исполнил свои обязанности перед доверителем Р.О.В. (и назначенным ею лицом – Р.А.А.) по соглашению от 5 января 2003 года и договору к нему от 26 февраля 2003 года.

Кроме того, адвокат Т. ненадлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем Р.О.В., что выразилось в ненадлежащем оформлении расходования адвокатом денежных средств в сумме 7 150 рублей (1 500 рублей + 5 650 рублей) и 9 700 долларов США (500 долларов + 2 000 долларов + 200 долларов + 7 000 долларов), полученных им от доверительницы по соглашению об оказании юридической помощи.

По итогам тайного голосования Совет Адвокатской палаты г. Москвы признал наличие дисциплинарного проступка в действиях адвоката Т.

В соответствии с п. 6 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 25 и подп. 3 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет

РЕШИЛ:

за неисполнение и ненадлежащее исполнение адвокатом Т. своих обязанностей перед доверителем Р.О.В. по соглашению об оказании юридической помощи (регистрационная карточка) от 5 января 2003 года № 33 и договору к нему от 26 февраля 2003 года прекратить статус адвоката Т. с 21 апреля 2004 года.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 60
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Т.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданка М.Н.С., доверительница адвоката Т., обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на действия адвоката Т., указав, что в октябре 2003 года она обратилась за юридической помощью к адвокату Т., который вел прием в офисе по адресу: ул. Солнечная, д. ... к. ... под. ... Ознакомившись с материалами, адвокат Т. заверил ее, что у нее есть шанс вернуть деньги за счет трехкомнатной квартиры гр-ки С.Н.С., в отношении которой на момент обращения было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества.

3 октября 2003 года в офисе на ул. Радужная, д. ... к. ... она — М.Н.С. — подписала с адвокатом Т. договор на юридическую помощь, сумма гонорара составила 800 евро, и передала адвокату 550 евро, обязавшись оплатить остальную часть 5 декабря 2003 года. Копию договора адвокат Т. ей не предоставил.

М.Н.С. пояснила, что за период работы адвокат Т. ознакомился с уголовным делом, дважды приходил в суд, который откладывался. В январе 2004 года, в период проведения судебных слушаний, адвокат Т. присутствовал только на одном заседании (12 января), на котором передал судье документы на квартиру обвиняемой, на остальные судебные заседания, в том числе на оглашение приговора, адвокат не явился.

В результате в иске о возможном возмещении денежных средств за счет квартиры осужденной было отказано.

Заявительница М.Н.С. указывает также, что представленный адвокатом Т. ордер не зарегистрирован в Коллегии адвокатов «А». Она просит рассмотреть вопрос о профессиональной и моральной пригодности Т. в качестве адвоката.

4 февраля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат Т. не представил письменных объяснений, несмотря на имеющуюся у него возможность.

Выслушав объяснения заявительницы М.Н.С., изучив материалы дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1, 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что доводы заявительницы М.Н.С. нашли свое подтверждение. Комиссия считает установленным, что М.Н.С. в октябре 2003 года обратилась к адвокату Т., который вел прием в офисе по адресу: ул. Солнечная, д. ... к. ... под. ... за юридической помощью для представления ее интересов в качестве потерпевшей по уголовному делу в П...ском районном суде г. Москвы. Ознакомившись

с материалами, адвокат Т. заверил М.Н.С., что у нее есть шанс вернуть деньги за счет трехкомнатной квартиры гражданки С.Н.С., в отношении которой на момент обращения было возбуждено уголовное дело по факту мошенничества.

3 октября 2003 года в офисе на ул. Радужная, д. ... к. ... М.Н.С. подписала с адвокатом Т. договор на оказание юридической помощи, сумма гонорара составила 800 евро, и передала адвокату 550 евро, обязавшись оплатить остальную часть 5 декабря 2003 года. Копию договора адвокат Т. ей не предоставил.

Адвокат Т., ознакомившись с материалами уголовного дела, дважды являлся в судебные заседания, которые откладывались. В январе 2004 года участвовал только в одном заседании (12 января), на котором передал судье документы на квартиру обвиняемой, на остальные судебные заседания, в том числе на оглашение приговора, адвокат не явился.

В результате в иске о возможном возмещении денежных средств за счет квартиры осужденной было отказано.

Квалификационной комиссией установлено также, что Т. для подтверждения своих полномочий представил суду имевшийся у него подписанный ордер № 39 от 28 марта 2003 года старого образца, не используемый членами Коллегии адвокатов «А».

По сообщению Коллегии адвокатов «А» (письмо Московской коллегии адвокатов «А», подписанное председателем президиума МКА «А»), ордер Коллегией не выдавался и не регистрировался. Недействительным является и договор, заключенный между Т. и М.Н.С. Оплата за услуги была получена Т. непосредственно от М.Н.С.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Существенными условиями соглашения являются: 1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате; 2) предмет поручения; 3) условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь; 4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения; 5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

Исходя из требований п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», адвокат Т. обязан был заключить соглашение с М.Н.С. на оказание юридической помощи, однако этого не сделал.

Имеющаяся в распоряжении Квалификационной комиссии ксерокопия соглашения об оказании юридической помощи (договор поручения) от 3 октября 2003 года о заключении соглашения с М.Н.С. членом Коллегии адвокатов «В» Адвокатской палаты Московской области Т. свидетельствует об отсутствии надлежащего соглашения, ибо в нем искажены сведения о подписавшем его адвокате.

Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителями предполагает не только оказание им (или назначенным лицам) квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителями в строгом соответствии с законом, чего адвокатом Т. сделано не было.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской

деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение Советом Адвокатской палаты с учетом заключения Квалификационной комиссии, мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Т. подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

22 июля 2004 года

№ 24

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Т. по жалобе гражданки М.Н.С.

(Извлечение)

4 февраля 2004 года распоряжением № 14 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. (регистрационный № 77/...) по жалобе гр-ки М.Н.С.

Квалификационная комиссия на своем заседании 9 июля 2004 года пришла к заключению о нарушении адвокатом Т. п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката и п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката Т., Совет приходит к следующему выводу.

Гражданка М.Н.С. в октябре 2003 года обратилась за юридической помощью к адвокату Т., который вел прием в офисе по адресу: ул. Солнечная, д. ... к. ... под. ...

3 октября 2003 года в офисе на ул. Радужная, д. ... к. ... М.Н.С. подписала с адвокатом Т. договор на юридическую помощь, сумма гонорара составила 800 евро, и передала адвокату 550 евро, обязавшись оплатить остальную часть 5 декабря 2003 года. Копию договора адвокат Т. доверителю не предоставил.

12 января 2004 года адвокат Т. участвовал в судебном заседании, а в судебные заседания 14 и 15 января 2004 года не явился.

В результате в иске о возможном возмещении денежных средств за счет квартиры осужденной было отказано, так как данное жилье у нее единственное.

Заявитель считает, что адвокат Т. составил недействительный договор, предоставил в суд ордер № 39, не зарегистрированный в Московской коллегии адвокатов «А», не выполнил свои профессиональные обязанности перед доверителем.

Квалификационная комиссия установила, что адвокат Т. предоставил в П...ский суд г. Москвы ордер № 39 от 28 марта 2003 года от имени Московской областной юридической консультации Международной коллегии адвокатов «Б», в то время как, по сообщению председателя МКА «А», такой ордер МКА «А» адвокату Т. не выдавался.

Также установлено, что договор, заключенный между адвокатом Т. и доверителем М.Н.С., является недействительным.

На заседании Совета Адвокатской палаты адвокат Т. пояснил, что в феврале 2003 года он подал заявление об отчислении из МКА «Б» по собственному желанию.

3 октября 2003 года, находясь у своих знакомых адвокатов в офисе на Радужной улице, он использовал их бланк соглашения об оказании юридической помощи для оформления договора на ведение дела М.Н.С., причем именовал себя членом Адвокатской палаты Московской области, адвокатом Международной Коллегии адвокатов «Б», в то время как считал, что ни в каком адвокатском образовании не состоит.

12 января 2004 года он участвовал в судебном заседании по делу М.Н.С., представляя ее интересы по уголовному делу в качестве потерпевшей. Однако дальнейшего участия в деле не принимал, поскольку считал, что М.Н.С. отказалась от его услуг в связи с тем, что не подписала акт от 12 января 2004 года о выполнении поручения по делу.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с заключением Квалификационной комиссии и считает, что адвокат Т. нарушил требования п. 1 ст. 7, п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», участвовал по делу заявительницы, не имея надлежаще оформленного соглашения между адвокатом и доверителем на оказание юридической помощи, а также не выполнил обязанность адвоката честно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя, устранившись от участия по делу до принятия судом окончательного решения.

Также адвокатом Т. нарушен п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

По итогам тайного голосования Совет Адвокатской палаты г. Москвы признал наличие дисциплинарного проступка в действиях адвоката Т.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

прекратить статус адвоката Т. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 61
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Р.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

На заседание Комиссии не явился адвокат Р., который был надлежащим образом извещен.

На заседании Комиссии присутствовал представитель заявителя Ш.А.П., представивший надлежаще оформленную доверенность.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев заявление гр-ки Х.В.И., изучив представленные документы, выслушав объяснения гр-ки Ш.А.П., установила следующее.

Адвокатом Р., работающим в адвокатском кабинете, было принято поручение на осуществление защиты сына гр-ки Х.В.И. гр-на Г.О.Д. в стадии предварительного расследования, которое проводилось следователем СО ОВД района «...».

По утверждению гр-ки Х.В.И., подтвержденному ее мужем Ш.А.П. на заседании Комиссии, с момента получения денежных средств от них Р. постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения.

22 марта 2004 года проводилась очная ставка между гр-н Г.О.Д. и потерпевшим. Адвокат Р. опоздал на проведение очной ставки на один час, при этом он находился в нетрезвом состоянии. На очной ставке адвокат Р. никакой помощи своему подзащитному гр-ну Г.О.Д. не оказывал. По утверждению гр-ки Х.В.И. адвокат вел себя странно.

После проведения очной ставки гр-ка Х.В.И., сообщила адвокату Р., что расторгает договор, и просила вернуть документы, переданные ему. Однако он отказался расторгнуть договор, поскольку, по его утверждению, проделал большую работу по делу.

Гр-ка Х.В.И. просит помочь ей расторгнуть договор с адвокатом и получить от него документы по делу ее сына, которые они передали адвокату Р.

Из письменных объяснений адвоката Р. следует, что он заключил соглашение с гр-кой Х.В.И. на защиту ее сына Г.О.Д., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ на стадии предварительного расследования.

22 марта 2004 года при проведении очной ставки между обвиняемым и потерпевшим по делу гр. Е. адвокат задал ему несколько вопросов, на которые, по словам адвоката, потерпевший «четко указал на Г.О.Д. как на напавшего на него с оружием (пистолетом) с целью ограбления».

Адвокат считает, что он действовал законно, профессионально и грамотно. Как утверждает адвокат, в этот период он «находился в болезненном состоянии».

Комиссия пришла к выводу, что, поставив вопросы, давшие возможность потерпевшему прямо указать на подзащитного адвоката Р. как на лицо, совершившее противоправные действия против потерпевшего, адвокат действовал непрофессионально и не добросовестно, во вред своему подзащитному.

На основании изложенного и руководствуясь подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы приходит к заключению о ненадлежащем исполнении адвокатом Р. своих обязанностей перед доверителем и в связи с этим, о наличии в его действиях дисциплинарного проступка.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

22 июля 2004 года

№ 26

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Р. по заявлению Х.В.И.

(Извлечение)

26 марта 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. (реестровый номер 77/...) по заявлению гр-ки Х.В.И. (вх. № ... от 25 марта 2004 года).

Адвокат Р., надлежащим образом извещенный о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, на заседание Совета не явился.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. в его отсутствие, поскольку в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует принятию решения.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы на своем заседании 9 июля 2004 года пришла к заключению о нарушении адвокатом Р. подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката по факту осуществления им защиты гр-на Г.О.Д.

Как установила Квалификационная комиссия, адвокатом Р., работающим в адвокатском кабинете, было принято поручение на осуществление защиты сына гр-ки Х.В.И. гр-на Г.О.Д. на стадии предварительного расследования, которое проводилось следователем СО ОВД района «...».

По утверждению гр-ки Х.В.И., подтвержденному ее мужем Ш.А.П. на заседании комиссии, с момента получения денежных средств от них Р. постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения.

22 марта 2004 года проводилась очная ставка между гр-ном Г.О.Д. и потерпевшим. Адвокат Р. опоздал на проведение очной ставки на один час, при этом он находился в нетрезвом состоянии. На очной ставке адвокат Р. никакой помощи своему подзащитному гр-ну Г.О.Д. не оказывал. По утверждению гр-ки Х.В.И., адвокат вел себя странно.

После проведения очной ставки гр-ка Х.В.И. сообщила адвокату Р., что расторгает договор и просила вернуть документы, переданные ему. Однако он отказался расторгнуть договор, поскольку, по его утверждению, проделал большую работу по делу.

Гр-ка Х.В.И. просит помочь ей расторгнуть договор с адвокатом и получить от него документы по делу ее сына, которые были переданы адвокату Р.

Из письменных объяснений адвоката Р. следует, что он заключил соглашение с гр-кой Х.В.И. на защиту ее сына Г.О.Д., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ, на стадии предварительного расследования.

22 марта 2004 года при проведении очной ставки между обвиняемым и потерпевшим по делу гр-ном Е. адвокат задал ему несколько вопросов, на которые, как следует из письменных объяснений адвоката, потерпевший «четко указал на Г.О.Д. как на напавшего на него с оружием (пистолетом) с целью ограбления».

Адвокат считает, что он действовал законно, профессионально и грамотно. Как утверждает адвокат, в этот период он «находился в болезненном состоянии».

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и до-

бросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Комиссия пришла к выводу, что, поставив вопросы, давшие возможность потерпевшему прямо указать на подзащитного адвоката Р. как на лицо, совершившее противоправные действия против потерпевшего, адвокат действовал непрофессионально и недобросовестно, во вред своему подзащитному.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией.

Члены Совета Адвокатской палаты г. Москвы провели тайное голосование бюллетенями.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты

РЕШИЛ:

прекратить статус адвоката Р. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

РЕШЕНИЕ ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

25 марта 2005 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи Л.Е.В., при секретаре К.Е.Е., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-2574 по иску Р. к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложения на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката

УСТАНОВИЛ:

Истец обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложения на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката, ссылаясь на то, что 27 февраля 1996 года он был принят в члены Коллегии адвокатов адвокатом юридической консультации «А» Гильдии российских адвокатов РФ Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 27 февраля 1996 года.

20 июля 2000 года на основании заявления он был отчислен из Коллегии по собственному желанию Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 20 июля 2000 года. После этого был принят в члены Коллегии адвокатов «Б» в юридическую консультацию «В» Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 20 июля 2000 года. 1 апреля 2003 года на основании заявления истца он был отчислен из коллегии по собственному желанию. В связи с принятием нового Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 62-ФЗ от 31 мая 2002 года истцом был создан адвокатский кабинет.

25 марта 2004 года в Адвокатскую палату г. Москвы поступило заявление в отношении истца от доверительницы Х.В.И.

22 июня 2004 года по заявлению доверительницы Х.В.И. президентом Адвокатской палаты г. Москвы Решением № 26 в отношении истца было возбуждено дисциплинарное производство.

9 июля 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы пришла к заключению о нарушении Р. подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

22 июля 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрел дисциплинарное производство в отношении истца, согласился с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией, по результатам тайного голосования принял Решение № 26 о прекращении статуса адвоката Р. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Считая вышеуказанные решения незаконными, просит их отменить и восстановить его в статусе адвоката.

В судебном заседании истец поддержал заявленные иски в полном объеме.

Представитель ответчика П.И.А. иск не признал, пояснив, что истец не указывает на наличие каких-либо нарушений процессуального и материального права при рассмотрении Квалификационной комиссией дисциплинарного производства в отношении истца и вынесении по нему заключения, а также не указывает на наличие каких-либо нарушений процессуального и материального права со стороны Совета Адвокатской палаты г. Москвы по принятию решения в рамках своей компетенции о прекращении статуса адвоката, просит отказать истцу в удовлетворении его исковых требований, об отмене решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 26 от 22 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката Р. и восстановлении его статуса адвоката.

Третье лицо Х.В.И. показала, что истцу необходимо отказать в иске, так как считает, что принятое Советом Адвокатской палаты решение о лишении статуса адвоката Р. правильное. Она также пояснила, что истцом 12 марта 2004 года было принято поручение на осуществление защиты ее сына в стадии предварительного расследования. С момента получения денежных средств истец постоянно находился в состоянии алкогольного опьянения. 22 марта 2004 года адвокат опоздал на проведение очной ставки между ее сыном и потерпевшим на один час, при этом он находился в нетрезвом состоянии, никакой помощи ее сыну не оказывал и вел себя странно. После проведения очной ставки она сообщила адвокату Р., что расторгает с ним договор, и попросила вернуть документы и деньги, однако истец отказался, так как по его утверждению он продел очень большую работу по делу.

Выслушав стороны, изучив материалы дела, в том числе материалы дисциплинарного производства в отношении Р., суд считает, что иск удовлетворению не подлежит по следующим основаниям.

Судом установлено, что 27 февраля 1996 года Р. был принят в члены Коллегии адвокатов адвокатом юридической консультации «А» Гильдии российских адвокатов РФ Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 27 февраля 1996 года. 20 июля 2000 года на основании заявления он был отчислен из коллегии по собственному желанию Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 20 июля 2000 года. После этого был принят в члены Коллегии адвокатов «Б» в юридическую консультацию «В» Постановлением Президиума Коллегии адвокатов № 00 от 20 июля

2000 года. 1 апреля 2003 года на основании заявления истца, он был отчислен из Коллегии по собственному желанию. В связи с принятием нового Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» № 62-ФЗ от 31 мая 2002 года истцом был создан адвокатский кабинет.

22 июня 2004 года по заявлению доверительницы Х.В.И. президентом Адвокатской палаты г. Москвы Решением № 26 в отношении истца было возбуждено дисциплинарное производство.

9 июля 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы пришла к заключению о нарушении Р. подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

22 июля 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрел дисциплинарное производство в отношении истца, согласился с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией, по результатам тайного голосования принял Решение № 26 о прекращении статуса адвоката Р. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

В обоснование исковых требований истец сослался на п. 4 ст. 17 Кодекса профессиональной этики адвоката, однако данная ссылка не имеет отношения к заявленному иску, так как указанная статья содержит только два пункта и в ней говорится об информации об адвокате и адвокатском образовании и рекламе адвокатской деятельности.

Вместе с тем порядок рассмотрения жалоб и заявлений на действия адвоката, возбуждения дисциплинарного производства, разбирательства в Квалификационной комиссии, вынесение решения Советом Адвокатской палаты о применении меры взыскания к адвокату предусмотрен Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ (в редакции Федеральных законов от 28 октября 2003 года № 134-ФЗ, от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ, от 20 декабря 2004 года № 163-ФЗ), а также Кодексом профессиональной этики адвоката, принятым Первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года.

Согласно подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В соответствии с подп. 6 п. 1, п. 2 ст. 17 ФЗ-63, действовавшего в редакции на период наложения на истца взыскания, статус адвоката прекращается по ряду оснований, в том числе и за неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

Решение о прекращении статуса адвоката принимает Совет Адвокатской палаты того субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об этом адвокате. В случае прекращения статуса адвоката за неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, решение принимается Советом Адвокатской палаты на основании заключения Квалификационной комиссии.

Согласно подп. 8 п. 3 ст. 31 ФЗ-63 Совет Адвокатской палаты рассматривает жалобы на действия (бездействия) адвокатов с учетом заключения Квалификационной комиссии.

В соответствии с п. 1 и 7 ст. 33 ФЗ-63 Квалификационная комиссия рассматривает жалобы на действия (бездействия) адвокатов и по результатам рассмотрения жалобы дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Согласно п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводами для начала дисциплинарного производства является, в том числе, жалоба, поданная в Совет доверителем адвоката или его законным представителем.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 22 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство включает две стадии – разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты и разбирательство в Совете Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

Согласно п. 4 и п. 8 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы заключения комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными неустановленные ею фактические обстоятельства, а равно выходить за пределы жалобы, представления и заключения комиссии. Решение по жалобе, представлению принимается Советом путем тайного голосования.

В соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных ст. 18 Кодекса.

Согласно п. 1 и 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, в том числе и прекращение статуса адвоката.

Таким образом, рассмотрение Квалификационной комиссией дисциплинарного производства в отношении истца и вынесении по нему заключения, а также принятие решения Советом Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении статуса адвоката Р. совершенно в рамках своей компетенции, в соответствии с действующим законодательством.

При таких обстоятельствах суд не находит оснований для удовлетворения исковых требований Р. к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложение на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене Решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката.

С учетом изложенного, и руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

в иске Р. к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложение на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене Решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о

применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката отказать.

Решение может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

гр. д. № 33-14291

6 сентября 2005 года Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего В.Н.Е. и судей П.М.М., Н.Е.А., заслушав в открытом судебном заседании по докладу Н.Е.А. дело по кассационной жалобе Р. на решение Пресненского районного суда г. Москвы от 25 марта 2005 года, которым постановлено: в иске Р. к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложение на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене Решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката отказать,

УСТАНОВИЛА:

Р. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании незаконным наложение на него меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, об отмене Решения № 26 Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года о применении к нему меры дисциплинарного взыскания в виде прекращения статуса адвоката, о восстановлении ему статуса адвоката.

В обоснование своих требований истец указал, что дисциплинарное производство в отношении него возбуждено неправомерно, разбирательство по нему производилось с нарушением процедурных норм.

В судебном заседании истец поддержал свои требования.

Представитель ответчика иск не признал.

25 марта 2005 года судом постановлено приведенное выше решение, об отмене которого просит Р.

Проверив материалы дела, заслушав стороны, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия не находит оснований к отмене решения.

Согласно подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством РФ средствами. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Статус адвоката прекращается по ряду оснований, в том числе и за неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

В случае прекращения статуса адвоката за неисполнение либо ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, решение принимается Советом Адвокатской палаты на основании заключения Квалификационной комиссии.

Как усматривается из материалов дела и установлено судом, 22 июня 2004 года по заявлению доверительницы Х.В.И., чьи интересы представлял адвокат Р., президен-

том Адвокатской палаты г. Москвы Решением № 26 в отношении истца было возбуждено дисциплинарное производство. 9 июля 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы пришла к заключению о нарушении Р. подп. 1 п. 1, п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

22 июля 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрел дисциплинарное производство в отношении истца, согласился с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией, и по результатам тайного голосования принял решение о прекращении статуса адвоката Р. за ненадлежащее исполнение им своих профессиональных обязанностей перед доверителем.

При этом рассмотрение Квалификационной комиссией дисциплинарного производства в отношении истца и вынесение по нему заключения, а также принятие решения советом Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении статуса адвоката Р. совершены в рамках своей компетенции, без нарушения процедурных норм, в соответствии с действующим законодательством.

Таким образом, суд пришел к правильному выводу об отказе в удовлетворении иска Р. и постановил правильное решение.

Доводы кассационной жалобы были предметом исследования суда, и им дана соответствующая оценка.

Не усматривая оснований к отмене решения, Судебная коллегия, руководствуясь ст. 360, 361 ГПК РФ,

ОПРЕДЕЛИЛА:

решение Пресненского районного суда г. Москвы от 25 марта 2005 года оставить без изменения, кассационную жалобу – без удовлетворения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ

АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 82

по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Председатель Московского городского суда обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. от 8 апреля 2004 года), указав, что в адрес Президиума Московского городского суда поступила надзорная жалоба адвоката К. в интересах Ч.А.В. на судебные постановления, принятые по гражданскому делу по иску Ч.А.В. к Управлению ДЖПиЖФ по НАО г. Москвы о признании права пользования жилой площадью, заключении договора социального найма, регистрации по месту жительства и по встречному иску о выселении. По мнению заявителя, из содержания этой надзорной жалобы видно, что адвокат К. не только не соблюдает положения подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 5 ст. 10 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, но и преднамеренно их нарушает, поскольку в надзорной жалобе прямо и умышленно указывает на то, что «судебными инстанциями г. Москвы откровенно и нагло попираются права человека»; «суды первой и кассационной инстанций пишут в своих решениях явную чушь, руководствуясь исключительно стремлением “прогнаться”

перед исполнительной властью»; «с таким же успехом истица могла дать согласие на вселение в квартиру роты солдат»; «кассационная инстанция сделала вид, что не читала жалобу»; «в кассационном определении от 30 октября 2003 года содержится та же ахиня, которая написана в решении»; «пишешь про бузину в огороде, отвечают про дядьку в Киеве»; «Ч. может считать себя Валентиной Терешковой, однако в космос все равно не полетит»; «суд, возможно, лучше разбирается в мыслях Ч., нежели она сама». Заявитель считает, что эти приведенные адвокатом в надзорной жалобе доводы изначально не имеют при обращении в суд надзорной инстанции какого-либо правового значения, являются заведомо лишними для юридического документа, носят развязный и фамильярный по отношению к суду и доверителю адвоката К. характер; эти намеренно оскорбительные и сознательно некорректные высказывания адвоката К. в адрес судей г. Москвы направлены исключительно на то, чтобы умалить авторитет судебной власти, дискредитировать московских судей, очернить всю судебную систему нашей страны в целом.

Заявитель просит рассмотреть вопрос о привлечении адвоката К. к дисциплинарной ответственности, считая, что его поведение недостойно не только того высокого статуса, которым он обладает в качестве адвоката, но и вообще любого культурного и цивилизованного человека.

Федеральный судья N-ского гарнизонного военного суда *Романов*¹ обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. от 12 апреля 2004 года), указав, что 31 марта 2004 года в N-ский гарнизонный военный суд поступила кассационная жалоба защитника — адвоката К. на постановленный судом 16 марта 2004 года обвинительный приговор по делу *Пугачева*², осужденного по подп. «а», «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ. По мнению заявителя, в данной жалобе адвокат К. позволяет себе выражения, оскорбляющие судью, рассмотревшего уголовное дело в отношении *Пугачева*, а также оскорбляет потерпевшего; в своей кассационной жалобе адвокат допускает выражения, заимствованные из криминального жаргона. Поскольку, обращаясь к вышестоящему суду с просьбой отменить постановленный в отношении *Пугачева* приговор, адвокат К. заявляет: «Не верю в отмену приговора, не верю ни во что!», после чего указывает: «Формально прошу... отменить приговор...», то заявитель делает вывод о том, что «ни во что не верящий (а значит, не верящий в правосудие), как он сам об этом заявляет, адвокат К., к тому же, формально относится к защите прав и интересов своего доверителя, о чем адвокат К. прямо указывает в кассационной жалобе».

Заявитель считает, что подобное поведение адвоката К. как нарушающее этические нормы адвокатской деятельности (в частности, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката) умалает авторитет адвокатуры; он просит Совет Адвокатской палаты г. Москвы принять соответствующие меры реагирования на его обращение.

9 и 13 апреля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката были возбуждены дисциплинарные производства в отношении адвоката К., материалы которых направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

---

¹ Фамилия судьи изменена. — *Прим. составителя.*

² Фамилия осужденного изменена. — *Прим. составителя.*

Постановлением Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 29 июля 2004 года указанные дисциплинарные производства были объединены для рассмотрения в едином производстве.

В письменных объяснениях от 26 апреля 2004 года адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении председателя Московского городского суда, указал, в частности, что «силами законов или кодексов профессиональной этики заставить уважать нашу судебную власть в принципе невозможно. Любой гражданин, организация, любая ветвь власти добиваются уважения к себе посредством уважительного отношения к людям. Суды, кроме того, не будут уважать до тех пор, пока они не прекратят выносить в угоду исполнительной власти заведомо незаконные решения, а вышестоящие судебные инстанции не возьмут себе за правило отменять подобные решения. Какой-либо ненормативной лексики моя жалоба не содержит. Наверное, ее форма действительно может обидеть руководителя суда. Однако виновным себя в этом не считаю: жалоба абсолютно обоснованна, за каждое содержащееся в ней утверждение отвечаю. В том, что конкретные возмутительные вещи называются в ней своими именами, на мой взгляд, виноват не адвокат, а тот, кто их допускает». По мнению адвоката К., ссылка заявителя на ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката ошибочна, поскольку лишь в публичном судопроизводстве адвокаты «не имеют права совершать действий, умаляющих авторитет суда» (при этом адвокат К. указывает, что в суде первой инстанции и при кассационном рассмотрении дела он вел себя «вполне корректно»), «обращение же с надзорной жалобой к должностному лицу судебной власти ни участием, ни присутствием на судопроизводстве не является и авторитет суда не подрывает». Кроме того, адвокат К. считает, что у заявителя отсутствует материальное право ставить вопрос перед органами Адвокатской палаты г. Москвы о нарушении адвокатом п. 5 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («вряд ли корректно председателю Мосгорсуда встревать в мои отношения с клиентом и пытаться “вбить в них клин”»), поскольку такое право принадлежит только доверителю («если бы доверитель был мною недоволен, написал бы жалобу сам и расторг соглашение»).

В письменных объяснениях от 26 апреля 2004 года адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении федерального судьи N-ского гарнизонного военного суда *Романова*, указал, что в письме судьи все изложено правильно, но только адвокат не понимает, какую статью Кодекса профессиональной этики он нарушил.

В объяснениях, данных 29 июля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в обращениях судей, указал, что он обжаловал судебные решения, вынесенные по делам его доверителей, поскольку считал их незаконными и необоснованными; адвокат согласился с доводами заявителей о том, что в жалобах им действительно были употреблены резкие и обидные выражения, процессуальная потребность в использовании которых отсутствовала, он сожалеет о случившемся. Вместе с тем адвокат К. настаивал на отраженном в его письменных объяснениях понимании п. 5 ст. 10 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Выслушав объяснения адвоката К., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщений председателя Московского городского суда и федерального судьи N-ского гарнизонного военного суда *Романова*, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об

адвокатской деятельности и адвокатуры в РФ»), в соответствии с которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4 Кодекса); «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения» (п. 2 ст. 8 Кодекса); «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ст. 12 Кодекса).

30 декабря 2003 года адвокатом К. была направлена в Президиум Московского городского суда надзорная жалоба в интересах его доверительницы Ч.А.В. (истицы по гражданскому делу), в которой адвокат при изложении своих доводов о незаконности и необоснованности состоявшихся по делу судебных решений об отказе в иске использовал, в том числе, следующие высказывания: «судебными инстанциями г. Москвы откровенно и нагло попираются права человека»; «суды первой и кассационной инстанций пишут в своих решениях явную чушь, руководствуясь исключительно стремлением “прогнуться” перед исполнительной властью»; «с таким же успехом истица могла дать согласие на вселение в квартиру роты солдат»; «кассационная инстанция сделала вид, что не читала жалобу»; «в кассационном определении от 30 октября 2003 года содержится та же ахинея, которая написана в решении»; «пишешь про бузину в огороде, отвечают про дядьку в Киеве»; «Ч. может считать себя Валентиной Терешковой, однако в космос все равно не полетит»; «суд, возможно, лучше разбирается в мыслях Ч., нежели она сама».

Квалификационная комиссия соглашается с утверждением заявителя — председателя Московского городского суда о том, что указанные доводы, приведенные адвокатом в надзорной жалобе, изначально не имеют при обращении в суд надзорной инстанции какого-либо правового значения, являются заведомо лишними для юридического документа, носят развязный (фамильярный) по отношению к суду характер. Употребление адвокатом в надзорной жалобе перечисленных высказываний для обоснования своих доводов о незаконности и необоснованности судебных актов является, по мнению Комиссии, нарушением п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В марте 2004 года адвокатом К. в соответствии с ч. 1 ст. 355 УПК РФ через N-ский гарнизонный военный суд была направлена в судебную коллегию по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационная жалоба в защиту его доверителя *Пугачева* (осужденного по ч. 3 ст. 286 УК РФ с применением ст. 64 УК РФ к двум годам и шести месяцам лишения свободы), в которой адвокат при изложении своих доводов о незаконности и необоснованности приговора использовал, в том числе, следующие высказывания: «представим себе: начальник узнал, что подчиненный переспал с его женой, после чего нанес обидчику побои»; «не может один сотрудник милиции “метелить” другого в общественном месте (общезитии)»; «верю, что К-в “не сдал” “дембеля” при проведении служебного расследования»; «гарнизонный суд в лице *романовых* “опускает” *пугачевых*» «у военных принято назначать наказание по согласованию обвинения с судом»; «не верю в отмену приговора, не верю ни во что... Формально прошу... отменить приговор...».

Квалификационная комиссия, проанализировав с использованием словарей русского языка (Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ ред. Ю.П. Дубягина и А.Г. Бронникова. М.: СП «Интер-ОМНИС», «СП «РОМОС», 1991; Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы) / Авторы-составители Д.С. Балдаев, В.К. Белко, И.М. Исупов. М.: Края Москвы, 1992; *Быков В.* Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов.

Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОВ, 1993; *Сидоров А.* Словарь современного блатного и лагерного жаргона (южная фея). Ростов-на-Дону: Гермес, 1992; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН // Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001) лексическое значение слов «сдать», «опустить», «метелить», дембель», использованных адвокатом К. для обоснования своих доводов в кассационной жалобе, соглашается с доводами заявителя о том, что адвокатом К. в кассационной жалобе использованы выражения, заимствованные из криминального жаргона; при этом Комиссия уточняет, что слово «дембель» адвокатом К. употреблено в том его значении, которое существует не в криминальном, а в бытовом жаргоне (см. «Дембель, -я (мн. дембеля, -ей), м. *Жарг.* ...2. Тот, кто подлежит скорой демобилизации в связи с окончанием срока службы (за шесть месяцев до окончания службы); демобилизованный со срочной службы» // Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН // Под ред. Г.Н. Скляревской. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 205).

По мнению Квалификационной комиссии, основанному на п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, использование в тексте кассационной жалобы выражений, заимствованных из жаргона, в том числе и криминального, может быть оправдано только при дословном воспроизведении имеющихся в материалах уголовного дела доказательств (например, при цитировании показаний свидетеля), если это имеет существенное значение для обоснования доводов автора жалобы (см., например, ст. 73 УПК РФ – «Обстоятельства, подлежащие доказыванию»). Однако, как следует из содержания кассационной жалобы, жаргонные выражения были использованы адвокатом К. для придания большей экспрессии своим собственным мыслям и логическим построениям, никакого отношения к существу требований, сформулированных в жалобе адвокатом-защитником, использование жаргонных выражений не имело, поэтому следует признать, что адвокатом К., использовавшим в тексте кассационной жалобы выражения, заимствованные из жаргона, нарушены п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Эти же положения Кодекса профессиональной этики адвоката нарушены адвокатом К. при включении в кассационную жалобу выражений, в которых им проявлено неуважение к военному суду, и возражения против действий судьи, постановившего обжалуемый адвокатом-защитником приговор, сделаны в некорректной форме: «гарнизонный суд в лице *романовых* (*председательствовал по делу федеральный судья Романов. — Прим. Комиссии*) “опускает” *пугачевых* (*фамилия осужденного Пугачев. — Прим. Комиссии*)»; «у военных принято назначать наказание по согласованию обвинения с судом»; «не верю в отмену приговора, не верю ни во что... Формально прошу... отменить приговор...».

Равным образом Комиссия считает некорректным пример «представим себе: начальник узнал, что подчиненный переспал с его женой, после чего нанес обидчику побои», использованный в жалобе адвокатом К. для иллюстрации своих рассуждений о недостаточности для квалификации действий *Пугачева* по ст. 286 УК РФ («Превышение должностных полномочий») его положения начальника по отношению к потерпевшему К-ву. Как можно судить из текста жалобы, конфликт, якобы произошедший между военнослужащими *Пугачевым* и К-вым, возник не в связи с интимными отношениями этих мужчин с одной и той же женщиной. К тому же, в этом абзаце кассационной жалобы адвокат К. для обоснования своего понимания диспозиции ст. 286 УК РФ приводит другое рассуждение, формулировка которого полностью отвечает требованиям УПК РФ и Кодекса профессиональной этики адвоката: «Для того, что-

бы превысить полномочия, нужно сначала выполнять какие-то действия в их рамках, а затем выйти за эти рамки... По версии обвинения, принятой судом, *Пугачев* наносил удары К-ву беспричинно, чтобы “размяться”. Какие должностные полномочия в тот момент он осуществлял в отношении потерпевшего?».

Процессуальное законодательство Российской Федерации предоставляет всем участникам судопроизводства, имеющим личный либо представляемый интерес в исходе дела, право обжаловать состоявшиеся по делу судебные решения в кассационном (по ряду дел и в апелляционном) порядке и в порядке надзора (порядок и особенности реализации данного права применительно к конкретному виду судопроизводства сформулированы в процессуальных кодексах — УПК РФ, ГПК РФ, АПК РФ).

Равным образом в процессуальном законодательстве сформулированы основания для отмены либо изменения судебных решений в случае признания их незаконными и необоснованными вышестоящей судебной инстанцией (ст. 369, 379—383, 409 УПК РФ; ст. 330, 362—364, 387 ГПК РФ и др.).

Гарантируя участникам судопроизводства право на обжалование в установленном законом порядке судебных решений как не вступивших, так и вступивших в законную силу и устанавливая механизм реализации этого права, законодатель тем самым признает, что судебные решения могут быть незаконными и необоснованными.

Однако незаконность и необоснованность судебного решения по конкретному делу не свидетельствуют и не могут свидетельствовать о порочности всей судебной системы Российской Федерации.

Адвокат как профессиональный участник судопроизводства (лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе — см. ст. 1 и 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») обязан своими поступками укреплять веру в надежность такого общепризнанного способа защиты прав и свобод граждан, каковым является судебный способ защиты, что, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость оспаривания в корректной форме незаконных и необоснованных судебных решений по конкретному делу.

При этом в Кодексе профессиональной этики адвоката содержатся четкие нравственные ориентиры для соответствующего поведения: «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4); «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения» (п. 2 ст. 8); «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ст. 12).

Толкование адвокатом К. ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката как распространяющейся только на «публичное судопроизводство» (*адвокат имеет в виду рассмотрение судами уголовных и гражданских дел в судебных заседаниях. — Прим. Комиссии*) Квалификационная комиссия признает ошибочным, поскольку судопроизводство — это единый процесс, состоящий из последовательно сменяющих одна другую стадий (направленных на законное разрешение одного и того же дела), в каждой из которых действует законный состав суда, по отношению к которому все участники судопроизводства, включая адвокатов, обязаны проявлять уважение. Обращение адвоката (защитника или представителя) с надзорной жалобой к должностному лицу судебной власти, вопреки мнению адвоката К., является участием в судопроизводстве в процессуальной форме, установленной законом для данной стадии.

Адвокат К. считает, что у заявителей по настоящему дисциплинарному производству (судей) отсутствует материальное право ставить вопрос перед органами Адвокатской палаты г. Москвы о нарушении адвокатом п. 5 ст. 10 Кодекса профессиональной

этики адвоката («адвокат не должен допускать фамильярных отношений с доверителями»), поскольку такое право принадлежит только доверителю.

С данным утверждением адвоката Квалификационная комиссия соглашается, считает, что в рамках данного дисциплинарного производства она не вправе давать оценку взаимоотношениям адвоката К. с доверителями, поскольку вопрос об этом вправе поставить перед Комиссией только его подзащитный *Пугачев* и доверительница Ч.А.В., с которыми у адвоката заключено соглашение на защиту их прав и законных интересов.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ч. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвокатов, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса).

По изложенным выше основаниям, Комиссия считает, что адвокат К., используя в направленной в Президиум Московского городского суда надзорной жалобе в интересах Ч.А.В. высказывания: «судебными инстанциями г. Москвы откровенно и нагло попираются права человека»; «суды первой и кассационной инстанций пишут в своих решениях явную чушь, руководствуясь исключительно стремлением “прогнуться” перед исполнительной властью»; «с таким же успехом истица могла дать согласие на вселение в квартиру роты солдат»; «кассационная инстанция сделала вид, что не читала жалобу»; «в кассационном определении от 30 октября 2003 года содержится та же ахинея, которая написана в решении»; «пишешь про бузину в огороде, отвечают про дядьку в Киеве»; «Ч. может считать себя Валентиной Терешковой, однако в космос все равно не полетит»; «суд, возможно, лучше разбирается в мыслях Ч., нежели она сама», а также используя в направленной через *Н-ский* гарнизонный военный суд в судебную коллегия по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационной жалобе в защиту *Пугачева* высказывания: «представим себе: начальник узнал, что подчиненный переспал с его женой, после чего нанес обидчику побои»; «не может один сотрудник милиции “метелить” другого в общественном месте (общезитии)»; «верю, что К-в “не сдал” “дембеля” при проведении служебного расследования»; «гарнизонный суд в лице *романовых* “опускает” *пугачевых*»; «у военных принято назначать наказание по согласованию обвинения с судом»; «не верю в отмену приговора, не верю ни во что... Формально прошу... отменить приговор...», – нарушил п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии»; «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения»; «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом».

Данные адвокатом К. объяснения о намеренном включении в тексты жалоб указанных выше выражений свидетельствуют о том, что при нарушении норм Кодекса профессиональной этики адвоката он действовал умышленно.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при составлении и направлении в Президиум Московского городского суда надзорной жалобы в интересах Ч.А.В. и при составлении и направлении через N-ский гарнизонный военный суд в Судебную коллегия по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационной жалобы в защиту *Пугачева*.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

12 августа 2004 года

№ 36

город Москва

**О дисциплинарном производстве в отношении адвоката К.
по сообщениям председателя Московского городского суда
от 1 апреля 2004 года № 1-34/118 и федерального судьи N-ского
гарнизонного военного суда от 5 апреля 2004 года № 1535**

(Извлечение)

Председатель Московского городского суда обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. от 8 апреля 2004 года) о том, что адвокат К. в надзорной жалобе, адресованной Президиуму Московского городского суда по гражданскому делу в интересах Ч.А.В., приводит намеренно оскорбительные и сознательно некорректные высказывания в адрес судей г. Москвы, направленные исключительно на то, чтобы умалить авторитет судебной власти, дискредитировать московских судей, очернить всю судебную систему страны в целом. Доводы жалобы изначально не имеют при обращении в суд надзорной инстанции какого-либо правового значения, являются заведомо лишними для юридического документа, носят развязный и фамильярный по отношению к суду и доверителю адвоката К. характер.

Федеральный судья N-ского гарнизонного военного суда *Романов* обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. от 12 апреля 2004 года) о том, что в кассационной жалобе по уголовному делу *Пугачева* адвокат К. позволяет себе выражения, оскорбляющие судью, рассмотревшего уголовное дело в отношении *Пугачева*, а также оскорбляет потерпевшего; в своей кассационной жалобе адвокат допускает выражения, заимствованные из криминального жаргона.

Заявитель считает, что подобное поведение адвоката К. как нарушающее этические нормы адвокатской деятельности (в частности, подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката) умалает авторитет адвокатуры; он просит Совет Адвокатской палаты г. Москвы принять соответствующие меры реагирования на его обращение.

9 апреля 2004 года распоряжением № 19 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К.

Квалификационная комиссия на своем заседании 29 июля 2004 года пришла к заключению о нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при составлении и направлении в Президиум Московского городского суда надзорной жалобы в интересах Ч.А.В. и при составлении и направ-

лении через N-ский гарнизонный военный суд в судебную коллегия по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационной жалобы в защиту *Пугачева*.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката К., признавшего, что он составил жалобы в излишне резких выражениях, Совет приходит к следующему выводу.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), в соответствии с которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4 Кодекса); «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения» (п. 2 ст. 8 Кодекса); «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ст. 12 Кодекса).

Комиссия считает, что адвокат К., используя в направленной в Президиум Московского городского суда надзорной жалобе в интересах Ч.А.В. высказывания: «судебными инстанциями г. Москвы откровенно и нагло попираются права человека»; «суды первой и кассационной инстанций пишут в своих решениях явную чушь, руководствуясь исключительно стремлением “прогнуться” перед исполнительной властью»; «с таким же успехом истица могла дать согласие на вселение в квартиру роты солдат»; «кассационная инстанция сделала вид, что не читала жалобу»; «в кассационном определении от 30 октября 2003 года содержится та же ахинея, которая написана в решении»; «пишешь про бузину в огороде, отвечают про дядьку в Киеве»; «Ч. может считать себя Валентиной Терешковой, однако в космос все равно не полетит»; «суд, возможно, лучше разбирается в мыслях Ч., нежели она сама», а также используя в направленной через N-ский гарнизонный военный суд в судебную коллегия по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационной жалобе в защиту *Пугачева* высказывания: «представим себе: начальник узнал, что подчиненный переспал с его женой, после чего нанес обидчику побои»; «не может один сотрудник милиции “метелить” другого в общественном месте (общезитии)»; «верю, что К-в “не сдал” “дембеля” при проведении служебного расследования»; «гарнизонный суд в лице *романовых* “опускает” *пугачевых*» «у военных принято назначать наказание по согласованию обвинения с судом»; «не верю в отмену приговора, не верю ни во что... Формально прошу... отменить приговор...», — нарушил п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии»; «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения»; «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом».

Данные адвокатом К. объяснения о намеренном включении в тексты жалоб указанных выше выражений свидетельствуют о том, что при нарушении норм Кодекса профессиональной этики адвоката он действовал умышленно.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с заключением Квалификационной комиссии и установленными ею фактическими обстоятельствами.

По итогам тайного голосования Совет Адвокатской палаты г. Москвы признал наличие дисциплинарного проступка в действиях адвоката К.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

прекратить статус адвоката К. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за нарушение адвокатом К. п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при составлении и направлении в Президиум Московского городского суда надзорной жалобы в интересах Ч.А.В. и при составлении и направлении через N-ский гарнизонный военный суд в судебную коллегия по уголовным делам военного суда Московского окружного военного округа кассационной жалобы в защиту *Пугачева*.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 89
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Т.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы обратилась к президенту Адвокатской палаты г. Москвы с представлением о возбуждении в отношении адвоката Т. дисциплинарного производства в связи с ненадлежащим выполнением им своих обязанностей по защите Д.Л.А.

Мать Д.Л.А. гр-ка Б.Л.Л. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с заявлением, в котором утверждала, что адвокат Т., приняв на себя защиту ее сына, посоветовал ему признаться в инкриминируемых ему действиях – хранении и сбыте наркотиков, не оказал ему надлежащей помощи, тем более необходимой, что Д.Л.А. при задержании был подвергнут насилию, в результате чего получил сотрясение мозга, перелом нижней челюсти и другие повреждения.

Заслушав гр-ку Б.Л.Л. и адвоката Т., ознакомившись с обвинительным заключением по делу Д.Л.А., копиями справки Городской клинической больницы № 1 о наличии у Д.Л.А. на момент освидетельствования 24 августа 2003 года перелома нижней челюсти со смещением и справки Городской психиатрической больницы № 2 о нахождении Д.Л.А. на излечении в период с 14 июля по 25 августа 2003 года, Квалификационная комиссия приходит к выводу о нарушении адвокатом Т. при осуществлении им защиты Д.Л.А. требований п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми, незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Из объяснений самого адвоката Т. следует, что 21 августа 2003 года в ОВД «...» он принял на себя защиту задержанного Д.Л.А. в порядке ст. 51 УПК РФ по устной просьбе руководства следственного отделения ОВД «...», когда он находился в помещении ОВД. Д.Л.А. не заявлял ему о наличии у него телесных повреждений, вины своей Д.Л.А. не признавал, и в деле нет документа об этом. В своих устных объяснениях на заседании Квалификационной комиссии адвокат Т. пояснил, что Д.Л.А. в беседе сообщил ему, что является психически больным человеком. Несмотря на это, он (Т.) хо-

датайства о назначении судебно-психиатрической экспертизы не заявлял. По поводу наличия у Д.Л.А. перелома челюсти адвокат Т. о назначении экспертизы также не ходатайствовал, по делу судебно-медицинская экспертиза проведена, но тоже не по его инициативе. Он (Т.) с заключением экспертизы не знакомился, и его содержание ему не известно. Его участие на предварительном следствии свелось к участию в допросах Д.Л.А. в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого, участию в судебном заседании при решении вопроса об аресте, ознакомлению с делом при выполнении требований ст. 217 УПК РФ. Никаких ходатайств по делу не заявлял. Он вообще считал, что должен был оказывать Д.Л.А. лишь консультативную помощь. Он убедился впоследствии, что одним из доказательств вины Д.Л.А. в приговоре указано признание вины самим подсудимым.

Оценивая свою работу по делу Д.Л.А., адвокат Т. признал, что эта работа заслуживает «двойки». Квалификационная коллегия также считает, что адвокат Т. свои обязанности перед подзащитным Д.Л.А. выполнил ненадлежащим образом.

С учетом изложенного и руководствуясь ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Т. требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

12 августа 2004 года

№ 37

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Т. по представлению вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы

(Извлечение)

В Адвокатскую палату г. Москвы поступило заявление гр-ки Б.Л.Л. от 25 марта 2004 года вх. № 781, из которого следует, что адвокат Т. ненадлежаще выполнил профессиональные обязанности по защите ее сына Д.Л.А. Защиту Д.Л.А. адвокат Т. осуществлял по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ.

Дисциплинарное производство было возбуждено по представлению вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем заявлении гр-ка Б.Л.Л. утверждала, что адвокат Т., приняв на себя защиту ее сына, посоветовал ему признаться в инкриминируемых ему действиях — хранении и сбыте наркотиков — не оказал ему надлежащей помощи, тем более необходимой, потому как Д.Л.А. при задержании был подвергнут насилию, в результате чего получил сотрясение мозга, перелом нижней челюсти и другие повреждения.

Из объяснений адвоката Т. на заседании Квалификационной комиссии следует, что он принял на себя защиту задержанного в ОВД «...» Д.Л.А. 21 августа 2003 года в порядке ст. 51 УПК РФ по устной просьбе руководства следственного отделения ОВД «...», когда находился в этот день в помещении ОВД по другому делу. Из беседы с Д.Л.А. установил, что последний является психически больным человеком. Несмотря на это он (Т.) ходатайства о назначении судебно-психиатрической экспертизы не заявлял. По поводу наличия у Д.Л.А. перелома челюсти не ходатайствовал о

назначении экспертизы, по делу проведена судебно-медицинская экспертиза, но не по его инициативе. Его участие на предварительном следствии свелось к участию в допросах Д.Л.А. в качестве подозреваемого и в качестве обвиняемого, участием в судебном заседании при решении вопроса об аресте, ознакомлению с делом при выполнении требований ст. 217 УПК РФ. Никаких ходатайств по делу не заявлял, вообще считал, что должен был оказывать Д.Л.А. лишь консультативную помощь. Оценивая свою работу по делу Д.Л.А., адвокат Т. признал, что эта работа заслуживает «двойки».

28 июля 2004 года распоряжением № 58 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Т. (регистрационный № 77/...).

Квалификационная комиссия на своем заседании 29 июля 2004 года пришла к заключению о нарушении адвокатом Т. требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Т. на заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы 12 августа 2004 года пояснил, что он не полностью согласен с заключением Квалификационной комиссии, подтвердил свои объяснения, данные им на заседании Квалификационной комиссии 29 июля 2004 года, однако уточнил, что, не заявляя письменных ходатайств о назначении экспертиз, устно говорил следователю о необходимости назначения судебно-психиатрической экспертизы. Согласен с тем, что защиту Д.Л.А. осуществлял не добросовестно.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката Т., Совет приходит к следующему выводу.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Эти требования при осуществлении защиты Д.Л.А. адвокатом Т. выполнены не были.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с заключением Квалификационной комиссии и установленными ею фактическими обстоятельствами.

По итогам тайного голосования Совет Адвокатской палаты г. Москвы признал наличие дисциплинарного проступка в действиях адвоката Т.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

прекратить статус адвоката Т. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за нарушение адвокатом Т. требований подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении защиты Д.Л.А.

РЕШЕНИЕ ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

19 апреля 2005 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи С.Ю.В., при секретаре Л.О.В., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-940/2005 по иску Т. к Совету Адвокатской палаты г. Москвы о признании Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отмене решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката,

УСТАНОВИЛ:

Т. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы об отмене Решения № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката, восстановлении статуса адвоката, обосновывая свои требования тем, что основанием оспариваемого решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы послужило заявление гражданки Б.Л.Л., при рассмотрении которого Совет Адвокатской палаты г. Москвы не исследовал сведения, содержащиеся в заявлении, на предмет их соответствия фактическим обстоятельствам.

В судебном заседании 14 апреля 2005 года Т. уточнил исковые требования, просил суд признать Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отменить Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката, указав при этом, что при вынесении решения была грубо нарушена процедура дисциплинарного производства, поскольку он не был уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства и слушании дела. Указал также, что решение вынесено на основе необоснованного и необъективного заключения Квалификационной комиссии.

Адвокатская палата г. Москвы иск не признала, просила в удовлетворении исковых требований отказать, представила возражения на иск в письменном форме, указывая, что Т., будучи уведомлен телеграммой, не просил об отложении слушания дела, о невозможности явки в известность Квалификационную комиссию и Совет Адвокатской палаты г. Москвы не ставил. Рассмотрение Квалификационной комиссией дисциплинарного производства и вынесение по нему заключения, а также принятие решения Советом Адвокатской палаты г. Москвы произведены в рамках установленной компетенции, с соблюдением действующего законодательства.

В судебном заседании Т. исковые требования поддержал, просил суд удовлетворить их в полном объеме. Представитель Адвокатской палаты г. Москвы по доверенности П.И.А. в судебном заседании против удовлетворения иска возражал, просил суд в удовлетворении исковых требований отказать полностью, поддержав доводы, изложенные в письменном возращении на иск.

Выслушав объяснения сторон, допросив свидетеля, изучив материалы дела, суд находит иск необоснованным и неподлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

В судебном заседании установлено, что в Адвокатскую палату г. Москвы поступило заявление гражданки Б.Л.Л. от 24 марта 2004 года, из которого следует, что адвокат Т. ненадлежаще выполнил профессиональные обязанности по защите ее сына Д.Л.А.

В соответствии с подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» ад-

вокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении профессиональной деятельности адвокат честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством средствами руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.

Из содержания приведенных статей в их взаимосвязи с принципами уголовного судопроизводства о законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечении подозреваемому и обвиняемому права на защиту, а также полномочиями защитника при производстве по уголовному делу (ст. 53 УПК РФ) следует, что адвокат, принявший поручение на осуществление защиты гражданина, как профессиональный юрист обязан при выполнении поручения занимать активную позицию, разумно и добросовестно использовать права, предусмотренные законодательством.

На основании п. 1 и 7 ст. 33 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» Квалификационная комиссия создается для приема квалификационных экзаменов у лиц, претендующих на присвоение статуса адвоката, а также для рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов. Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения жалобы дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводами для начала дисциплинарного производства являются жалоба, поданная в Совет другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем, а равно жалоба лица, обратившегося за оказанием юридической помощи, при отказе адвоката принять поручение без достаточных оснований.

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 24 от 26 марта 2004 года в связи с поступившим заявлением Б.Л.Л. в отношении адвоката Т., возбуждено дисциплинарное производство, материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Постановлением Квалификационной комиссии (выписка из протокола от 9 июля 2004 года) дисциплинарное производство в отношении адвоката Т., возбужденное президентом Адвокатской палаты г. Москвы 26 марта 2004 года, снято с дальнейшего рассмотрения, поскольку из материалов дисциплинарного производства следует, что адвокат Т. осуществлял защиту Д.Л.А. по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ, поэтому заявитель Б.Л.Л. не является ни доверителем адвоката Т., ни законным представителем своего сына Д.Л.А., а в силу п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалобы или обращения лиц, не указанных в п. 1 ст. 20 Кодекса, не являются допустимым поводом для начала дисциплинарного производства. Материал в отношении адвоката Т. направлен президенту Адвокатской палаты г. Москвы для принятия соответствующего решения.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводами для начала дисциплинарного производства является представление, внесенное в Совет вице-президентом Адвокатской палаты, отвечающим за исполнение требований закона об обязательном участии адвокатов в уголовном производстве, оказании

бесплатной юридической помощи или исполнение решений органов Адвокатской палаты.

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 58 от 28 июля 2004 года в связи с представлением вице-президента Адвокатской палаты Ж. в отношении адвоката Т. возбуждено дисциплинарное производство, материалы которого направлены в Квалификационную комиссию Адвокатской палаты г. Москвы.

На заседание Квалификационной комиссии 29 июля 2004 года Т. не явился, о месте и времени рассмотрения дисциплинарного производства извещен надлежащим образом, что подтверждается уведомлением о вручении телеграммы.

Согласно п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства. В этом случае Квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам и заслушивает тех участников производства, которые явились в заседание комиссии.

Дисциплинарное производство в отношении Т. рассмотрено Квалификационной комиссией по имеющимся материалам с учетом объяснений Т., данных им в заседании 9 июля 2004 года.

Из объяснений Т., данных на заседании Квалификационной комиссии 9 июля 2004 года, усматривается, что Т. 21 августа 2003 года принял защиту задержанного Д.Л.А. по просьбе руководства СО ОВД «...» в порядке ст. 50 УПК РФ. Ордер на защиту Д.Л.А. был зарегистрирован 22 августа 2003 года. Допрашивали Д.Л.А. в присутствии Т. Несмотря на то, что Д.Л.А. говорил о своем психическом состоянии, Т. ходатайств о назначении судебно-психиатрической экспертизы не заявлял. Не заявлял также ходатайства о назначении экспертизы по поводу наличия у Д.Л.А. перелома челюсти. Судебно-медицинская экспертиза по делу назначена по инициативе следователя. С заключением экспертизы Т. не ознакомился. Осуществление защиты Д.Л.А. свелось к участию в допросах, а также участию в судебном заседании при решении вопроса об аресте, ознакомлению с материалами дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Никаких ходатайств по делу Т. не заявлял. Также Т. пояснил, что должен был оказывать консультативную помощь задержанному, понял, что показания, данные на следствии легли в основу приговора, свою работу по делу оценивает на «двойку».

Замечаний на протокол заседания Квалификационной комиссии от 9 июля 2004 года Т. подано не было.

В обоснование исковых требований Т. указывает, что им было заявлено ходатайство о назначении судебно-психиатрической экспертизы в отношении Д.Л.А. в устной форме.

Допрошенная в судебном заседании свидетель А.Л.А., следователь СО при ОВД Н...ского района г. Москвы, показала, что проводила допрос задержанного Д.Л.А. Показала также, что адвокат Т. при допросе Д.Л.А. заявил ходатайство о назначении судебно-психиатрической экспертизы задержанного в устной форме, в ходе допроса устные ходатайства вносятся по согласованию с адвокатом и подозреваемым. Устное ходатайство Т. в материалах уголовного дела не зафиксировано.

Согласно ч. 1 ст. 120 УПК РФ устное ходатайство заносится в протокол следственного действия.

В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Согласно заключению Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 29 июля 2004 года адвокат Т. допустил нарушение п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1

ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

На основании подп. 6 п. 1, п. 2 ст. 17 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в редакции на дату принятия оспариваемого решения) статус адвоката прекращается по основаниям неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем. Решение о прекращении статуса адвоката принимает Совет Адвокатской палаты того субъекта Российской Федерации, в региональный реестр которого внесены сведения об этом адвокате.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката Т. прекращен за нарушение требований п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении защиты гражданина Д.Л.А.

С учетом объяснений Т., данных на заседании Квалификационной комиссии 9 июля 2004 года, суд полагает, что Т. не были должным образом использованы права, предоставленные защитнику в уголовном судопроизводстве в соответствии со ст. 53 УПК РФ, что рассматривается судом как нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» об обязанности адвоката честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

Рассмотрение Квалификационной комиссией дисциплинарного производства в отношении истца и вынесение по нему заключения, а также принятие Советом Адвокатской палаты г. Москвы решения о прекращении статуса адвоката Т. совершено в рамках установленной компетенции, в соответствии с действующим законодательством.

При таких обстоятельствах суд не находит оснований для удовлетворения исковых требований Т. к Адвокатской палате г. Москвы о признании Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отмене Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката. С учетом изложенного и руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

в удовлетворении иска Т. к Совету Адвокатской палаты г. Москвы о признании Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отмене Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката — отказать.

Решение может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

11 октября 2005 года

город Москва

дело № 33-18573

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего В.Н.Е., судей Ж.Т.Г., П.М.М., заслушав в открытом судебном заседании по докладу судьи В.Н.Е. дело по кассационной жалобе Т. на решение Пресненского районного суда г. Москвы от 19 апреля 2005 года, которым постановлено: в удовлетворении иска Т. к Совету Адвокатской палаты г. Москвы о признании Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отмене Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката отказать,

УСТАНОВИЛА:

Т. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы об отмене Решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката, восстановлении статуса адвоката, обосновывая свои требования тем, что основанием для оспариваемого решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы послужило заявление гражданки Б.Л.Л., при рассмотрении которого Совет Адвокатской палаты г. Москвы не исследовал сведения, содержащиеся в заявлении на предмет их соответствия фактическим обстоятельствам дела.

В судебном заседании 14 апреля 2005 года Т. уточнил исковые требования, просил суд признать Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года недействительным, отменить Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 37 от 12 августа 2004 года о прекращении статуса адвоката, указав при этом, что при вынесении решения была грубо нарушена процедура дисциплинарного производства, поскольку он не был уведомлен о возбуждении дисциплинарного производства и о слушании дела. Указал также, что решение было вынесено на основе необоснованного и необъективного заключения Квалификационной комиссии.

Представитель Адвокатской палаты г. Москвы иск не признал, представив возражения в письменной форме, указав, что Т., будучи уведомлен телеграммой о дате слушания дела на Квалификационной комиссии, на заседание не явился, о невозможности явки Квалификационную комиссию в известность не ставил. Рассмотрение дисциплинарного производства и вынесение по нему заключения и решения произведены в рамках установленной компетенции.

Судом постановлено указанное выше решение, об отмене которого, как незаконного, в своей жалобе просит Т. по доводам кассационной жалобы.

Проверив материалы дела, заслушав объяснения Т., представителя ответчика П.И.А., обсудив доводы кассационной жалобы, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что не имеется оснований для отмены обжалуемого решения, постановленного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями ст. 7, 17, 31, 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8, 18, 19, 20, 22, 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Отказывая в удовлетворении иска, суд исходил из того, что действия ответчика соответствовали действующему законодательству. Нарушений процедуры при рассмотрении дисциплинарного производства в отношении адвоката Т. не имелось. Решение

вынесено с учетом и при всестороннем исследовании дисциплинарного проступка адвоката Т. и с учетом его объяснений.

Судебная коллегия соглашается с выводами суда первой инстанции, так как они основаны на анализе действующего законодательства.

Доводы кассационной жалобы подлежат отклонению в силу следующего.

Как усматривается из материалов дела, первоначально дисциплинарное производство было возбуждено распоряжением Адвокатской палаты г. Москвы № 24 от 26 марта 2004 года, в связи с поступившим заявлением Б.Л.Л. и направлено на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы, заседание которой было назначено на 9 июля 2004 года.

Т. явился на данное заседание и дал свои объяснения.

Квалификационная комиссия приняла решение 9 июля 2004 года снять с рассмотрения дисциплинарное производство, так как обращение Б.Л.Л. признано недопустимым поводом для начала дисциплинарного производства.

В дальнейшем дисциплинарное производство было возбуждено распоряжением Адвокатской палаты г. Москвы № 58 от 28 июля 2004 года, в связи с поступившим представлением вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы и направлено на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы, заседание которой было назначено на 29 июля 2004 года. Сроки назначения нарушены не были.

Само представление содержит основания, по которым вице-президент просит возбудить дисциплинарное производство.

Т. был надлежащим образом извещен о заседании Квалификационной комиссии. Однако на заседание комиссии не явился, о причинах неявки не сообщил. Также не сообщил о причинах невозможности своей явки на заседание Квалификационной комиссии.

В силу ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката заключение Комиссии должно быть мотивированным и обоснованным. В мотивировочной части заключения должны быть указаны фактические обстоятельства, установленные Комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила профессионального поведения адвокатов, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, которыми руководствовалась Комиссия при вынесении заключения.

Как усматривается из заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 29 июля 2004 года, все элементы, указанные в ст. 23 Кодекса, оно содержит.

Квалификационная комиссия пришла к заключению, что адвокатом Т. при осуществлении им защиты Д.Л.А. были нарушены требования п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Далее в заключении содержатся фактические обстоятельства дела, установленные Комиссией.

Данные фактические обстоятельства, подтверждаются доказательствами, которые имеются в дисциплинарном деле адвоката Т.

В данном заключении, как и в протоколе заседания Комиссии от 29 июля 2004 года, действительно имеется ссылка на ранее данные им объяснения на заседании от 9 июля 2004 года.

Однако данное обстоятельство не может служить основанием для отмены судебного решения, так как впоследствии на заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года, на котором Т. уже присутствовал, он частично признал нарушения и заключение Квалификационной комиссии.

Кроме того, в соответствии со ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката Т. имел право в течение 10 суток со дня вынесения Комиссией заключения представить письменное заявление, в котором выразить свое несогласие с этим заключением. Однако им этого сделано не было.

На 12 августа 2004 года было назначено заседание Совета Адвокатской палаты г. Москвы, решением которого был прекращен статус адвоката Т. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» за нарушение адвокатом Т. требований п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката при осуществлении защиты гражданина Д.Л.А.

В соответствии со ст. 24 Кодекса решение Совета должно быть мотивированным и содержать конкретную ссылку на правила профессионального поведения адвоката, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, в соответствии с которыми квалифицировалось действие (бездействии) адвоката.

Решение № 37 от 12 августа 2004 года полностью соответствует указанным требованиям.

Разрешая спор, суд правильно определил юридически значимые обстоятельства. Установленные судом обстоятельства подтверждены материалами дела и исследованными судом доказательствами, которым суд дал надлежащую оценку. Выводы суда соответствуют установленным обстоятельствам. Доводы жалобы направлены на иное толкование норм права. Нарушений норм процессуального и материального права, влекущих отмену решения, судом допущено не было.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 360, 361 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

решение Пресненского районного суда г. Москвы от 19 апреля 2005 года оставить без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 100

по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданин Я.Е.Н. (являющийся поверенным Ч.В.Б., на основании доверенности от 29 февраля 2004 года со сроком действия три года, без права передоверия, удостоверенной нотариусом г. Москвы Е.В.И.) обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 1599 от 21 июня 2004 года), указав, что он, Я.Е.Н., занимается делом Ч.В.Б. и М.К.Я. в гражданском процессе, являясь законным представителем (по доверенности) вышеуказанных граждан. Дело связано с возвратом денежных средств Ч.В.Б., которые незаконно, войдя в доверие к Ч.В.Б. и путем обмана, присвоил А.И.Р. Дело достаточно сложное, материалы находятся в производстве арбитражного суда и суда общей юрисдикции, и обстоятельства, изложенные в материалах дела, требуют привлечения А.И.Р. к уголовной ответственности. На практике Я.Е.Н. не занимается уголовными делами и поэтому пользуется услугами своих знакомых и друзей — адвокатов, с которыми параллель-

но трудится. Когда возникли казусы с ОБЭП НАО и другими отделами НАО по поводу возбуждения уголовного дела в отношении А.И.Р. (действия которого явно подпадают под статьи Уголовного кодекса), то в конце февраля – начале марта знакомая заявителя С., работающая адвокатом, познакомила его со своим мужем С.И., которого представила Я.Е.Н. как зам. начальника Следственного комитета, расположенного в Янтарном пер. г. Москвы. Я.Е.Н. изложил обстоятельства дела – после чего С.И. согласился помочь в возбуждении уголовного дела в отношении А.И.Р. и сказал, что этим будет заниматься непосредственно Следственный комитет, но для этого соответственно нужны финансы, что за спасибо никто работать не будет. Дальнейшие все переговоры и действия велись через его жену С. Первоначально они запросили 5 (пять) тысяч долларов США, эта сумма предназначалась для возбуждения уголовного дела в отношении А.И.Р., но потом 4 марта 2004 года приехала С. и сказала, что этой суммы для возбуждения уголовного дела недостаточно, что для возбуждения необходимо минимум 15 (пятнадцать) тысяч долларов США. Я.Е.Н. сказал, что таких денег нет, в результате переговоров согласились, что на эти деньги (150 тысяч рублей) Следственный комитет проведет официально оперативную следственную работу и соберет материал для дальнейшего возбуждения уголовного дела, а дальше видно будет, может А.И.Р., поняв серьезность дела, вернет деньги. После чего С. забрала 150 тысяч рублей и поехала в Следственный комитет к С.И. Через некоторое время позвонила, сказала, что все нормально, что Следственный комитет начинает работать в отношении А.И.Р. После этого уехала более чем на неделю, никого не поставив в известность. За время ее отсутствия никаких следственных действий со стороны Следственного комитета в отношении А.И.Р. не проводилось, это доказывается тем, что Я.Е.Н. всю информацию о событиях старался держать на контроле. Ч.В.Б. и другие фигуранты по делу нигде не вызывались, никаких заявлений, объяснений ни с кого не бралось. Напротив, после приезда С. говорила, что что-то делалось, а с понедельника начнут всех фигурантов официально вызывать для дачи показаний по делу в Следственный комитет. Но прошла еще неделя – никаких действий. С. под разными предложениями тянула время, но действий со стороны Следственного комитета так и не было; единственное действие – это С.И. дал одного опера и с ним Я.Е.Н. ездил на М...ую базу, на 1-й Тупиковый пр-д – проверили склад, заходили к директору базы, и все, а в остальном только очередной обман со стороны С. А когда Я.Е.Н. пришел в Следственный комитет в Янтарном пер., то узнал, что С.И. работает ст. следователем, а не зам. начальника Следственного комитета и работает не так давно. Когда Я.Е.Н. был в Следственном комитете, то его там увидел С.И. После этого визита Я.Е.Н. сразу нашел С. Они встретились, Я.Е.Н. сказал С., что подает заявление на С.И. руководству Следственного комитета, а на нее – в Адвокатскую Палату г. Москвы – за обман. С. начала убеждать заявителя, что Следственный комитет провел большую работу, привела факты, но Я.Е.Н. поехал проверил, все ее факты – все ложь. Потом С. начала уговаривать Я.Е.Н. работать вместе с ней, что этим делом будут заниматься другие люди, якобы из президентской структуры, что она уже их подключила. Я.Е.Н. согласился. На следующий день, 21 апреля 2004 года, Я.Е.Н. и С. встретились в ОБЭП НАО (Морское шоссе), где адвокат С. при Я.Е.Н. заполнила чистый бланк ордера № 280 от 21 апреля 2004 года Коллегии адвокатов «...», при этом спрашивала у Я.Е.Н., что написать в ордере, сказала, что сейчас должны подъехать еще сотрудники для проведения действий и т.д., и они пошли к следователю В.А., чтобы получить из материалов дела копию Акта ответственного хранения на Ч.В.Б. В.А. отказался выдать копию Акта, и на этом все закончилось. С. неоднократно звонила С.И., при этом говорила Я.Е.Н., что все будет нормально, но ничего не изменялось, тогда она сказала, что поехала в Следственный комитет, а Я.Е.Н. попросила поехать на базу и там ждать, когда она приедет с сотрудниками Следственного комитета и Петровки на базу, но так

никто и не приехал. Я.Е.Н. сначала не придавал значения, для чего С. у него спрашивала, что написать в ордере, и только во время ожидания С. и сотрудников Следственного комитета на базе он посмотрел на ордер № 280 от 21 апреля 2004 года, который адвокат ему передала вместе с его доверенностью и увидел, что ордер был заполнен С. на проведение процессуальных действий в отношении Ч.В.Б., хотя ни с Ч.В.Б., ни с Я.Е.Н. соглашений С. не заключала. На следующий день С. приехала на встречу с Я.Е.Н. и сказала, что нужно 20 (двадцать) тысяч долларов США, чтобы люди, которых она подключила, взялись за работу. После неоднократных бессмысленных встреч и переговоров, на которые С. неоднократно приезжала в нетрезвом состоянии, Я.Е.Н. сказал ей, что закрывает эту тему и что она должна вернуть 5 (пять) тысяч долларов США (эквивалент 150 тысяч рублей), которые она взяла в присутствии адвоката Г. После всего произошедшего Я.Е.Н. поехал еще раз в Следственный комитет, чтобы встретиться с С.И. и разобраться в сложившейся ситуации. С.И. отказался с Я.Е.Н. встречаться и разговаривать, сказал, чтобы он все вопросы решал с его женой С. До настоящего времени деньги в сумме 150 тысяч рублей ни со стороны С.И., ни со стороны С. не возвращены, встречаться с Я.Е.Н. по поводу возврата денег они не желают, начинают угрожать подачей в отношении Я.Е.Н. заявления в следственные органы за вымогательство с них денег. По телефону С. постоянно ссылается на С.И.: «Как он скажет, так и сделаю». Собиралась привести на встречу с Я.Е.Н. по команде С.И. сотрудников Следственного комитета, чтобы они с Я.Е.Н. разобрались. С. требует от Г., чтобы она отказалась подтвердить факт передачи денег в сумме 150 тысяч рублей С. 4 марта 2004 года, чтобы таким образом уйти от возврата денег. Все эти мошеннические действия происходят под патронажем ст. следователя Следственного комитета С.И., который пользуется своим служебным положением и всячески прикрывается Следственным комитетом и прикрывает мошеннические действия своей жены С.О.В.; купил дом в направлении г. Ч. на прошлой неделе не за маленькие деньги, имеет два дорогих автомобиля Мерседес-Бенц, содержит водителя и др., а возвращать 150 тысяч рублей не собирается.

На основании вышеизложенного, заявитель просит разобраться в сложившейся ситуации, привлечь С.И. и С. к ответственности, способствовать возврату денежных средств со стороны С.И. и С.; считает, что своими действиями С.И. и С. грубо нарушают юридическую этику и законы человеческой морали, а также действующее законодательство; указывает, что С.И. не имеет морального права работать в правоохранительных органах, а С. — адвокатом.

22 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В пояснительной записке от 7 июля 2004 года адвокат С. указала, что на жалобу от Я.Е.Н. она «пояснения давать каких-либо в категорической форме» отказывается, «пока не рассмотрят судебной компетенции сотрудники в соответствии с действующим законодательством, т.к. задето не только мое достоинство, но и достоинство и честь моего мужа, который работает действительно в След. комитете, и я обратилась не только в ГП РФ, но и в рамках Уголовного кодекса в соот. со ст. 129 УК РФ» (приведено с сохранением орфографии оригинала. — *Прим. составителя*).

В приложенной к жалобе заявителя ксерокопии ордера № 280 от 21 апреля 2004 года указано, что «Адвокату С. ... поручается с 21 апреля 2004 года Ч.В.Б. пред. след., арбитраж в СКМ N-ского окр. г. Москвы. Основание выдачи ордера соглашение».

Коллегия адвокатов «...» на запрос Комиссии от 21 сентября 2004 года сообщила, что соглашения об оказании юридической помощи с гражданином Ч.В.Б. и адво-

катом С. в Коллегии адвокатов «...» не зарегистрировано. Ордер № 280 от 21 апреля 2004 года выдан адвокату С. в порядке ст. 51 УПК РФ, согласно корешка ордера, имеющегося в архиве (ксерокопия корешка ордера представлена Комиссии).

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 24 сентября 2004 года, адвокат С. пояснила, что она встречалась с Ч.В.Б., чтобы выяснить, почему ему на ответственное хранение были переданы винно-водочные изделия; гражданским и арбитражным делом занимались Я.Е.Н. и адвокат Г.; у адвоката Г. были сведения, что Ч.В.Б. передали винно-водочные изделия контрабандой; делом Ч.В.Б. адвоката С. попросила заняться адвокат Г., так как она сама заболела; Ч.В.Б. не привлекался к уголовной ответственности; нужно было выяснить ряд вопросов в ОБЭП НАО; у Ч.В.Б. на руках не осталось акта приема им на ответственное хранение винно-водочной продукции; адвокат С. приехала в ОБЭП НАО, чтобы получить копию этого акта, но оперативники попросили у нее документ, подтверждающий полномочия, тогда она выписала ордер; ордер адвокат выписала без законных оснований, так как соглашения она ни с Ч.В.Б., ни с его представителем Я.Е.Н. не заключала.

Выслушав объяснения заявителя Я.Е.Н., адвоката С., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив жалобы Я.Е.Н., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

В жалобе заявителя Я.Е.Н. утверждается, что он через свою знакомую С., являющуюся адвокатом, передал 150 000 рублей сотрудникам «Следственного комитета, расположенного на Янтарном пер. г. Москвы», в том числе сотруднику этой организации С.И., мужу адвоката С., для того, чтобы было возбуждено уголовное дело и был решен вопрос о привлечении к уголовной ответственности гражданина А.И.Р., действия которого, по мнению заявителя, «явно подпадают под статьи Уголовного кодекса».

Квалификационная комиссия отмечает, что подобного рода «услуги» адвоката не охватываются понятием «юридическая помощь», в подобном правоотношении заявитель Я.Е.Н. в качестве доверителя адвоката рассматриваться не может, а потому рассмотрение его жалобы в указанной части не входит в компетенцию Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В то же время Я.Е.Н. указывает в жалобе на то, что адвокат С., встретившись с Я.Е.Н. 21 апреля 2004 года в ОБЭП НАО (Морское шоссе) при нем заполнила чистый бланк ордера № 280 от 21 апреля 2004 года Коллегии адвокатов «...» на проведение процессуальных действий в отношении Ч.В.Б., хотя ни с Ч.В.Б., ни с Я.Е.Н. адвокат С. соглашений не заключала, после чего Я.Е.Н. с адвокатом С. пошли к следователю В.А., чтобы получить из материалов дела копию Акта ответственного хранения на Ч.В.Б., но В.А. отказался выдать копию Акта, и на этом все закончилось.

Поскольку формально в приведенной части речь идет об оказании адвокатом С. юридической помощи Ч.В.Б. или его представителю Я.Е.Н., то это позволяет Квалификационной комиссии обсудить в указанной части вопрос о наличии в действиях адвоката С. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката либо о неисполнении или ненадлежащем исполнении ею своих обязанностей перед доверителем.

Статья 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (п. 1–6) устанавливает, что¹:

«1. Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем.

---

¹ Текст статьи приводится в редакции, действовавшей на дату вынесения заключения. — *Прим. составителя.*

2. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Адвокат выступает в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском, административном судопроизводстве, в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и судопроизводстве по делам об административных правонарушениях, а также представляет интересы доверителя в органах государственной власти, органах местного самоуправления, в отношениях с физическими лицами только на основании договора поручения.

Иные виды юридической помощи адвокат оказывает на основании договора возмездного оказания услуг.

Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными настоящим Федеральным законом.

3. Адвокат независимо от того, в какой региональный реестр внесены сведения о нем, вправе заключить соглашение с доверителем независимо от места жительства или места нахождения последнего.

4. Существенными условиями соглашения являются:

1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате;

2) предмет поручения;

3) условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь;

4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения;

5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

5. Право адвоката на вознаграждение и компенсацию расходов, связанных с исполнением поручения, не может быть переуступлено третьим лицам без специального согласия на то доверителя.

6. Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением».

В соответствии с ч. 1 п. 1 ст. 160 ГК РФ сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицами, совершающими сделку.

Заявитель Я.Е.Н. считает, что адвокат С. ни с ним, ни с Ч.В.Б. соглашений об оказании юридической помощи не заключала. В то же время он утверждает, что пошел с адвокатом С. «к следователю В.А., чтобы получить из материалов дела копию Акта ответственного хранения на Ч.В.Б.».

Комиссия считает, что в данном случае речь по сути идет об оказании адвокатом С. юридической помощи Я.Е.Н. как поверенному гражданину Ч.В.Б., поскольку «оказывая юридическую помощь, адвокат, в том числе участвует в качестве представителя... доверителя в уголовном судопроизводстве... представляет интересы доверителя в органах государственной власти...» (подп. 5 и 7 п. 2 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Однако юридическая помощь оказывалась

адвокатом С. без надлежащего оформления в порядке, установленном федеральным законом.

Адвокат С. пояснила, что у Ч.В.Б. на руках не осталось акта приема им на ответственное хранение винно-водочной продукции, поэтому приехала в ОБЭП НАО, чтобы получить копию этого акта, но оперативники попросили у нее документ, подтверждающий полномочия, тогда она выписала ордер. Адвокат считает, что ордер она выписала без законных оснований, так как соглашения она ни с Ч.В.Б., ни с его представителем Я.Е.Н. не заключала.

В то же время в истребованном Комиссией из Коллегии адвокатов «...» заявлении адвоката С. на имя председателя правления Коллегии В.А.Е. адвокат С. докладывает, что она 21 апреля 2004 года в отделе по борьбе с экономическими преступлениями НАО г. Москвы оказала юридическую консультацию Ч.В.Б., а именно его доверителю по генеральной доверенности; однако устная договоренность была с клиентом об оплате услуг адвоката, и она в ордере указала «соглашение», но номер соглашения отсутствует и не зарегистрирован, но по каким-либо причинам клиент отказался оплатить юридическую помощь, поэтому в корешке ордера от 21 апреля 2004 года за № 280 адвокат отметила, что основанием выдачи ордера является ст. 51 УПК РФ.

Таким образом, в документе, который был составлен адвокатом С. до поступления в Адвокатскую палату г. Москвы жалобы Я.Е.Н. и, следовательно, до возбуждения дисциплинарного производства, адвокат рассматривала правоотношение, возникшее 21 апреля 2004 года между нею и Ч.В.Б. в лице его представителя (по доверенности) Я.Е.Н. как связанное с оказанием адвокатом юридической помощи доверителю.

Требования к форме и содержанию соглашения об оказании юридической помощи должны соблюдаться уже в силу того, что они нормативно закреплены и, следовательно, являются общеобязательными. Кроме того, заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (см. п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

Не оформив надлежащим образом правоотношения с доверителем, в том числе, не определив предмет поручения, адвокат С. не имела права выписывать ордер на представительство интересов доверителя, поскольку в силу п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием, в случаях, предусмотренных федеральным законом.

В силу ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката на адвокате как лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание ему (или назначенному им лицу) квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителем, а также оформление документов, уполномочивающих адвоката на представление интересов доверителя перед третьими лицами, в строгом соответствии с законом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что, оказав Ч.В.Б. и его поверенному Я.Е.Н. юридическую помощь без оформления в установленном законом порядке, в том числе без определения предмета поручения выписав при отсутствии законных оснований ордер на представительство интересов Ч.В.Б. в «пред. след., арбитраж в СКМ N-ского окр. г. Москвы», адвокат С. действовала недобросовестно, нарушив предписания п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 и Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что свидетельствует о неисполнении ею своих обязанностей перед доверителем Я.Е.Н. как поверенным Ч.В.Б.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о неисполнении адвокатом С. своих обязанностей, предусмотренных п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем Я.Е.Н. как поверенным гражданина Ч.В.Б.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

7 октября 2004 года

№ 53

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката С. по жалобе гр-на Я.Е.Н. (поверенного гр-на Ч.В.В.)

(Извлечение)

22 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С. (регистрационный номер 77/... в реестре адвокатов г. Москвы), материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Гражданин Я.Е.Н. (являющийся поверенным гр-на Ч.В.Б., на основании доверенности от 29 февраля 2004 года со сроком действия три года, без права передоверия, удостоверенной нотариусом г. Москвы Е.В.И.) обратился в Адвокатскую пала-

ту г. Москвы с жалобой, в которой просил привлечь адвоката С. к ответственности, поскольку считает, что своими действиями С. грубо нарушает действующее законодательство и юридическую этику, а также просит способствовать возврату денежных средств, переданных им адвокату.

Квалификационная комиссия на своем заседании 24 сентября 2004 года пришла к заключению о неисполнении адвокатом С. своих обязанностей, предусмотренных п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», перед доверителем Я.Е.Н. как поверенным гр-на Ч.В.Б.

Из объяснений адвоката С. на заседании Квалификационной комиссии следует, что адвокат С., не имея соглашения ни с Я.Е.Н., ни с Ч.В.Б., без законных оснований заполнила имевшийся у нее бланк ордера на ведение дела Ч.В.Б. на предварительном следствии, в арбитраже, в СКМ N-ского округа г. Москвы. Эти объяснения адвокат С. подтвердила в заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы.

Квалификационная комиссия пришла к выводу, что, не оформив надлежащим образом правоотношения с доверителем, в том числе не определив предмет поручения, адвокат С. не имела права выписывать ордер на представительство интересов доверителя, поскольку в силу п. 2 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат должен иметь ордер на исполнение поручения, выдаваемый соответствующим адвокатским образованием в случаях, предусмотренных федеральным законом.

Квалификационная комиссия считает, что, оказав Ч.В.Б. и его поверенному Я.Е.Н. юридическую помощь без оформления в установленном законом порядке, в том числе без определения предмета поручения, выписав при отсутствии законных оснований ордер на представительство интересов Ч.В.Б. в «пред. след., арбитраж в СКМ N-ского окр. г. Москвы», адвокат С. действовала недобросовестно, нарушив предписания п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что свидетельствует о неисполнении ею своих обязанностей перед доверителем Я.Е.Н. как поверенным гр-на Ч.В.Б.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с заключением Квалификационной комиссии и установленными ею фактическими обстоятельствами.

Изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснение адвоката С., Совет приходит к следующему выводу.

В силу ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката на адвокате как лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только оказание ему (или назначенному им лицу) квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителем, а также оформление документов, уполномочивающих адвоката на представление интересов доверителя перед третьими лицами, в строгом соответствии с законом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Не заключив соглашение надлежащим образом с доверителем, адвокат С. нарушила требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и нормы Кодекса профессиональной этики адвоката, не исполнив своих обязанностей перед доверителем.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы разделяет позицию Квалификационной комиссии о том, что заключение соглашения в письменной форме и четкое указание в нем существенных условий, в том числе предмета поручения, позволяют определить взаимные права и обязанности адвоката и доверителя в связи с выполнением конкретного поручения. Нарушение указанных требований федерального законодательства влечет за собой возникновение состояния неопределенности в правоотношениях адвоката и доверителя, восприятие доверителем адвоката не как независимого советника по правовым вопросам (см. п. 1 ст. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), а как лица, которое, пользуясь своими связями и знакомствами в правоохранительной системе, оказывает различного рода услуги неясной правовой природы. Все это, будучи тем или иным образом обнаружено, в конечном счете подрывает доверие граждан, общества и государства к адвокатам и адвокатуре как важнейшему правозащитному институту.

Члены Совета провели тайное голосование бюллетенями.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

прекратить статус адвоката С. на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» за нарушение норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, т.е. за неисполнение обязанностей, предусмотренных п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем Я.Е.Н. как поверенным гр-на Ч.В.Б.

Примечание составителя.

В соответствии с решениями Совета Адвокатской палаты г. Москвы, основанными на заключениях Квалификационной комиссии, статус четырех адвокатов был прекращен на основании подп. 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31 мая 2002 года) за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в неисполнении обязанности отчислять за счет получаемого вознаграждения средства на общие нужды Адвокатской палаты в размерах и порядке, которые были определены Конференциями адвокатов Адвокатской палаты г. Москвы (подп. 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона в ред. от 31 мая 2002 года).

**2. Дисциплинарные производства,
закончившиеся вынесением решения
о применении к адвокату мер дисциплинарной
ответственности в виде замечания,
предупреждения, выговора**

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 5
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

8 июля 2003 года

город Москва

(Извлечение)

На заседание Комиссии были приглашены гр-ка С.Т.В., гр-ка Т.А.В., адвокат Д.

Все приглашенные лица явились на заседание Комиссии и дали свои объяснения, ответили на поставленные членами Комиссии вопросы.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев заявление С.Т.В., выслушав объяснения всех вышеперечисленных лиц, изучив представленные документы, установила следующее.

9 октября 2002 года было заключено соглашение № 51 на оказание юридических услуг между гр-кой С.Т.В. и адвокатом юридической консультации № 000 Коллегии адвокатов Д., по которому адвокат Д. принял на себя ряд обязательств, в том числе таких, как представительство заказчика по гражданским, семейным, трудовым, административным и другим делам.

Гражданка С.Т.В., заключая с адвокатом соглашение на оказание юридических услуг, считала, что по этому соглашению адвокат будет защищать ее интересы акционера ЗАО «Решение» в борьбе с генеральным директором этого ЗАО, незаконно лишаящего акций общества акционеров, увольняющихся из общества, а также и другие интересы ее и других акционеров в этом обществе.

23 января 2003 года, не расторгнув соглашения на оказание юридических услуг с гр. С.Т.В., адвокат Д. заключил договор на юридическое обслуживание ЗАО «Решение», акционером которого является гр-ка С.Т.В.

23 января 2003 года адвокат Д. выступил в Арбитражном суде г. Москвы со стороны ответчика – ЗАО «Решение» по иску доверительницы адвоката Д. гр-ки С.Т.В. к ЗАО.

На момент выступления в суде соглашение между адвокатом Д. и гр-кой С.Т.В. на оказание юридических услуг расторгнуто не было.

Адвокат Д., давая объяснения на заседании Комиссии, фактически признал все вышеуказанные факты, в то же время считая свои действия правомерными.

Гражданка Т.А.В., принимавшая участие во всех переговорах между заявителем и адвокатом, подтвердила все вышеизложенное, рассказав об обстоятельствах заключения соглашения на оказание юридических услуг между адвокатом Д. и гражданкой С.Т.В.

Комиссия, изучив представленные сторонами документы, выслушав гр-ку С.Т.В., гр-ку Т.А.В., объяснения адвоката Д., пришла к выводу о том, что адвокат не имел права, не расторгнув соглашение об оказании юридических услуг с гражданкой С.Т.В., принимать 23 января 2003 года поручение на оказание юридической помощи обществу, нарушившему, по мнению гр-ки С.Т.В., ее интересы акционера. Адвокат не имел права выступать против нее в суде на стороне ЗАО «Решение», с которым у доверительницы адвоката имелся спор, в связи с чем она и обратилась за помощью к адвокату Д.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом Д. своих профессиональных обязанностей перед гражданкой С.Т.В. по соглашению на оказание юридических услуг от 9 октября 2002 года.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 31 июля 2003 года № 15-1 адвокату Д. за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед гражданкой С.Т.В. объявлен строгий выговор.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 8
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Ф.**

23 октября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия, рассмотрела жалобу федерального судьи К...ского районного суда г. Москвы С.Л.В. о принятии мер дисциплинарного воздействия к адвокату Ф., члену Московской коллегии адвокатов «...» (юридическая консультация № 000), на неуважительные действия к суду со стороны адвоката.

Для объективного, всестороннего и справедливого рассмотрения жалобы комиссия пригласила адвоката Ф., которая считает утверждения председательствующего по поводу ее систематического опоздания в суд необоснованными, так как в протоколах судебных заседаний отсутствуют записи замечаний.

На попытки председательствующего по делу объяснить адвокату Ф., что на работу, за которую она получает деньги, нужно ходить и ходить вовремя, последняя ответила, что все мы, и судьи, и адвокаты, работаем не бесплатно. После чего председательствующим по делу было ей сделано замечание, которое занесено в протокол от 19 июня 2003 года.

На заседании Квалификационной комиссии Ф. пояснила, что подобные реплики судья С.Л.В. по непонятным ей причинам допускала на протяжении всех судебных заседаний. Не выдержав очередной реплики в свой адрес, Ф., вспыхнула и ответила в том же тоне, о чем она очень сожалеет.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрев жалобу федерального судьи К...ского районного суда г. Москвы С.Л.В. и выслушав пояснения адвоката Ф., выносит заключение о нарушении адвокатом Ф. п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 3 ноября 2003 года № 23 адвокату Ф. за нарушение п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 9
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

23 октября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев представление федерального судьи Ш.И.А., изучив представленные документы, заслушав объяснения адвоката С., установила следующее.

Адвокатом С., работающим в юридической консультации «...» КА «...» Гильдии Российских адвокатов, было заключено соглашение на осуществление защиты гр-на К.К.В. Начиная с 26 марта 2003 года адвокат С., по утверждению судьи, систематически не являлся в судебные заседания. Очередное заседание было назначено на 4 июля, о чем адвокат был своевременно извещен.

При рассмотрении представления судьи на заседании Комиссии адвокат С. пояснил, что был извещен о дате очередного слушания дела.

Зная о том, что на 4 июля 2003 года назначено слушание дела гр-на К.К.В., адвокат С. оформил очередной отпуск сроком с 30 июня 2003 года по 31 июля 2003 года, не согласовав его сроки ни с судом, ни с участниками процесса, и не явился в судебное заседание, чем сорвал слушание дела 4 июля 2003 года. Суд получил справку о том, что адвокат находится в очередном отпуске только в день заседания.

В своем сообщении федеральный судья Ш.И.А. просит принять соответствующие меры к адвокату С.

Комиссия пришла к выводу о том, что адвокат С. не имел права уходить в очередной отпуск в срок, на который было назначено слушание дела гр-на К.К.В., предварительно не согласовав сроки отпуска с судом и участниками процесса.

На основании изложенного, руководствуясь п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о несоблюдении адвокатом С. требований закона о необходимости заблаговременного уведомления суда и других участников процесса и согласования с ними взаимно приемлемого времени в случае невозможности явки в судебное заседание.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 3 ноября 2003 года № 21 адвокату С. за нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он не уведомил заблаговременно суд о невозможности явки в судебное заседание, объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 14
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Н.**

23 октября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

22 мая 2003 года Б...ный районный суд г. Москвы вынес частное определение, которым обратил внимание руководителя Департамента по вопросам правовой помощи Минюста РФ, начальника отдела по вопросам адвокатуры Департамента по вопросам правовой помощи Минюста РФ, начальника Главного управления Минюста РФ по Московской области и президента Совета Адвокатской палаты Московской области на допущенные адвокатом Н. нарушения уголовно-процессуальных норм и нарушения прав участников процесса в ходе судебного заседания по уголовному делу в отношении Ф.С.Н. и У.А.Н., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ; рекомендовал Совету Адвокатской палаты Московской области рассмотреть вопрос о прекращении полномочий адвоката Н. в связи с ненадлежащим исполнением им своих обязанностей в соответствии со ст. 7, 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

В частном определении указано, что адвокат Н. осуществлял защиту подсудимого У.А.Н. (ордер № 1138 от 29 июля 2002 года выдан ЮК № 000 МГКА) по уголовному делу, поступившему в Б...ный районный суд г. Москвы 1 июля 2002 года. Будучи надлежащим образом извещенным о дате и времени слушания данного дела, адвокат Н. в судебные заседания, назначенные на 22 ноября 2002 года, 28 февраля и 16 апреля 2003 года, не являлся без указания причин, что повлекло затягивание рассмотрения уголовного дела и содержания подсудимых под стражей в следственном изоляторе. 21 мая 2003 года, в 18 часов 20 минут, в судебном заседании на стадии решения вопроса о возможности закончить судебное следствие был объявлен перерыв до 11 часов часов 22 мая 2003 года. 21 мая 2003 года адвокату Н., по его требованию, фактически за сутки до объявления перерыва в судебном заседании до 11 часов 22 мая 2003 года, судьей для представления в Судебную коллегию по гражданским делам Мосгорсуда была выдана справка о занятости адвоката в непрерывном процессе, однако 22 мая 2003 года адвокат Н. явился в судебное заседание по уголовному делу в отношении Ф.С.Н. и У.А.Н. с опозданием на 50 минут. Также в данном судебном заседании адвокат Н. самовольно покинул зал суда во время нахождения судей в совещательной комнате при рассмотрении ходатайства прокурора о продлении срока содержания под стражей подсудимых, несмотря на сообщение суда о том, что оглашение определения состоится через 10–15 минут и просьбу председательствующего к участникам процесса не покидать зал судебного заседания. После объявления перерыва для выяснения вопроса о причине отсутствия адвоката Н. в зале судебного заседания адвокат Ж. заявила, что адвокат Н. явится через 15 минут, однако после 40 минут перерыва для ожидания адвокат Н. так и не явился в судебное заседание, сведений о причинах своего самовольного ухода не предоставил. 22 мая 2003 года судебное заседание фактически было «сорвано» адвокатом Н., рассмотрение уголовного дела было отложено на 20 июня 2003 года.

Изложенные обстоятельства Б...ный районный суд г. Москвы расценил как проявление крайнего неуважения к суду и другим участникам процесса, умышленное затягивание рассмотрения уголовного дела, направленное против интересов подсуди-

мых У.А.Н. и Ф.С.Н., а также как грубое нарушение норм уголовно-процессуального законодательства.

Поскольку сведения об адвокате Н. внесены в реестр адвокатов г. Москвы, а не в реестр адвокатов Московской области, частное определение в соответствии с п. 5 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвокатов было передано для рассмотрения в Адвокатскую палату г. Москвы.

8 сентября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Н., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 16 сентября 2003 года адвокат Н. по поводу обстоятельств, изложенных в частном определении Б...ного районного суда г. Москвы от 22 мая 2003 года, указал, что:

– 22 ноября 2002 года и 14 апреля 2003 года он отсутствовал в судебных заседаниях по болезни, о чем председательствующий по делу, федеральный судья Д.Н.Н., вопреки указанному в частном определении, была проинформирована адвокатом по телефону;

– 28 февраля 2003 года дело было отложено в связи с занятостью адвоката Ж., о чем она проинформировала судью Д.Н.Н. по телефону (данное обстоятельство известно адвокату Н. со слов адвоката Ж.), при этом дата следующего судебного заседания была согласована адвокатом Н. с судьей по телефону;

– 22 мая 2003 года опоздания на 50 минут в судебное заседание не было; сообщения суда о том, что 22 мая 2003 года оглашение определения состоится через 10–15 минут, и просьбы не покидать зал судебного заседания не было;

– 22 мая 2003 года отсутствие адвоката Н. в зале судебного заседания после перерыва было вызвано необходимостью поставить в известность заведующего ЮК № 000 МГКА о незаконности, творимом в судебном заседании судьей Д.Н.Н., отказавшейся приобщить к материалам дела заявленное адвокатом письменное ходатайство. Адвокат Н. полагал необходимым согласовать с заведующим ЮК № 000 свои действия.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат Н. дал аналогичные объяснения, уточнив, что после того, как 22 мая 2003 года Б...ный районный суд г. Москвы дважды отклонил его устные ходатайства, заявленные в защиту интересов подсудимого У.А.Н., он еще раз заявил ходатайство, представив его суду в письменной форме. Однако председательствующий по делу, федеральный судья Д.Н.Н. заявила, что суд не будет рассматривать это ходатайство, после чего адвокат Н. заявил председательствующему по делу судье отвод. Суд заслушал мнение всех участников процесса, кроме государственного обвинителя, по заявленному отводу, после чего в судебном заседании был объявлен перерыв примерно на 25 минут. Как полагает адвокат, перерыв был объявлен для того, чтобы судья могла проинструктировать народных заседателей, каким образом они должны написать определение с разрешением вопроса об отводе председательствующему. После перерыва суд заслушал мнение государственного обвинителя, и народные заседатели в совещательной комнате вынесли определение об отказе в удовлетворении заявления об отводе председательствующему. Государственным обвинителем было заявлено ходатайство о продлении срока содержания подсудимых под стражей, и, когда состав суда удалился в совещательную комнату для вынесения определения, адвокат Н. посчитал необходимым обратиться за помощью к заведующему ЮК № 000 и поэтому ушел из здания суда. Когда он разговаривал с заведующим в помещении юридической консультации, ему на мобильный телефон позвонила адвокат Ж. и сообщила, что судебное заседание продолжено. Адвокат Н.

попросил адвоката Ж. сообщить суду, что он закончит разговор с заведующим юридической консультацией, после чего придет в суд. Когда он вернулся в Б...ный районный суд г. Москвы, судебное разбирательство было отложено.

Адвокат Н. пояснил Квалификационной комиссии, что свои действия, связанные с самовольным (без разрешения председательствующего) уходом из зала судебного заседания во время рассмотрения дела, он считает правомерными, поскольку он не видел иного способа противостоять «беззаконию, творимому в судебном заседании судьей», кроме как срочно обратиться за помощью к заведующему юридической консультацией.

Выслушав объяснения адвоката Н., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы частного определения, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат по возможности должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат Н. пояснил, что в судебные заседания 22 ноября 2002 года и 16 апреля 2003 года он не являлся по причине болезни, а 28 февраля 2003 года — в связи с тем, что адвокат Ж. была занята в другом процессе; все свои действия согласовывал с председательствующим по делу судьей; 22 мая 2003 года в судебное заседание не опаздывал.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката Н., Квалификационной комиссии не представлено.

Адвокат Н. подтвердил факт самовольного оставления им 22 мая 2003 года зала суда во время судебного разбирательства, объяснив, что таким образом пытался бороться с «беззаконием, творимым в судебном заседании судьей».

Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, приущие их профессии (п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии со ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные Кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. Председательствующий обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания. Возражения любого участника судебного разбирательства против действий председательствующего заносятся в протокол судебного заседания.

Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса. Возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом (ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат обязан честно, разумно, добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 и 4 п. 1 и п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение

адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной деятельности адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что самовольно (без разрешения председательствующего), без уважительных причин, покинув 22 мая 2003 года зал судебного заседания Б...ного районного суда г. Москвы во время рассмотрения уголовного дела по обвинению Ф.С.Н. и У.А.Н. до объявления перерыва или отложения судебного разбирательства, адвокат Н. проявил неуважение к суду, возражал против действий судей в некорректной форме и не в соответствии с уголовно-процессуальным законом, т.е. нарушил ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Н. ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 3 ноября 2003 года № 22 адвокату Н. за нарушение ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в самовольном, без уважительных причин, оставлении зала судебного заседания во время рассмотрения уголовного дела, проявление неуважения к суду, возражение против действий судей в некорректной форме и в несоответствии с УПК РФ, объявлено предупреждение.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 17
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

21 ноября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев заявление З.Е.Г., изучив представленные документы, выслушав объяснения адвоката Г., установила следующее.

К адвокату Г., работающему в юридической консультации № 000 Межрегиональной коллегии адвокатов, обратилась его знакомая из Греции Н. с просьбой принять поручение на осуществление защиты Т.И., задержанной в аэропорту за контрабанду наркотиков. Из письменных объяснений Г. следует, что 19 марта мать Т.И., З.Е.Г., прилетев в Москву, встретила с ним и заключила соглашение на осуществление защиты ее дочери (регистрационная карточка № 143 от 19 марта 2003 года).

21 марта 2003 года адвокат Г. явился в ЛУВД аэропорта и, предъявив ордер, ознакомился с имевшимися к тому моменту материалами дела. Помимо этого адвокат совершал и иные действия, оказывая родственникам подзащитной необходимую помощь.

25 марта 2003 года адвокат Г. был на свидании у Т.И., с которой согласовал позицию по делу.

17 апреля 2003 года адвокат Г. по телефону узнал от следователя, проводившего расследование, что еще один адвокат — Р. будет участвовать в деле. Из письменных объяснений адвоката Г. следует, что его доверительница отказалась расторгнуть на этой стадии соглашение, заключенное с ним. Н. также потребовала от адвоката выполнения своих профессиональных обязанностей. Однако адвокат Г. посчитал, что он не должен больше участвовать в деле, поскольку в деле появился другой адвокат.

Из заявления гр-ки З.Е.Г. следует, что она заключила соглашение на осуществление защиты ее дочери Т.И. с адвокатом Г. Она подтвердила тот факт, что адвокат был в следственном изоляторе у ее дочери. По ее мнению, адвокат мало сделал по защите и не отработал весь гонорар.

Комиссия пришла к выводу о том, что адвокат Г. заключил соглашение на осуществление защиты Т.И. и, не имея письменного заявления своей доверительницы о расторжении соглашения, не вправе был самовольно отказаться от принятой на себя защиты.

На основании изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о несоблюдении адвокатом Г. требований Закона о невозможности отказа от принятой на себя защиты и в связи с этим наличии в его действиях дисциплинарного проступка.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 декабря 2003 года (протокол № 18) адвокату Г. объявлено предупреждение.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 23
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

28 ноября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

На заседание Комиссии адвокат Д. не явилась, хотя была извещена надлежащим образом.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев жалобу М.Е.М., изучив представленные документы, письменные объяснения адвоката Д., установила следующее.

Адвокат Д. приняла поручение на ведение дела М.Е.М. в суде второй инстанции, что подтверждается квитанцией серия АА № 000 от 20 июня 2003 года, и участвовала в судебном заседании судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда 20 июня 2003 года, представляя интересы М.Е.М. Дело слушанием не закончилось и было отложено на 2 июля 2003 года. Адвокат Д. в судебное заседание 2 июля 2003 года не явилась, считая, что ее участие в следующем судебном заседании не было предусмотрено соглашением на ведение дела.

Комиссия приходит к заключению, что адвокат Д. приняла поручение на представление интересов М.Е.М. в кассационной инстанции и обязана была являться во все судебные заседания независимо от их количества, поскольку рассмотрение дела кассационной инстанцией заканчивается вынесением определения.

На основании изложенного, и руководствуясь ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также п. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом Д. своих обязанностей перед доверителем и, в связи с этим, наличии в ее действиях дисциплинарного проступка.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 15 декабря 2003 года (протокол № 17) адвокату Д. объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 27
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Х.**

11 декабря 2003 года

город Москва

(Извлечение)

23 мая 2003 года О...ский районный суд г. Москвы в ходе рассмотрения гражданского дела по иску М.С.А. к Л.Е.А. об определении места жительства ребенка, по иску Л.Е.А. к Ш.Н.А., М.С.А. о нечинении препятствий в проживании и вселении и по встречному иску Ш.Н.А., М.С.А. к Л.Е.А. о признании не приобретенной права на жилую площадь вынес частное определение, указав в нем, что 23 мая 2003 года в судебное заседание не явились надлежащим образом извещенные о времени и месте рассмотрения дела Л.Е.А. и ее представитель адвокат Х., выступающий в деле на основании ордера № 66 от 11 февраля 2002 года, выданного Юридической консультацией «...» Территориальной коллегии адвокатов Гильдии российских адвокатов, при этом заявлений о невозможности участия в судебном заседании с указанием причин неявки в суд в соответствии с п. 1 ст. 167 ГПК РФ заблаговременно не представили; ранее, 22 ноября 2002 года, адвокат Х. не явился в судебное заседание, в связи с чем Л.Е.А. было заявлено ходатайство об отложении дела рассмотрением в связи с тем, что адвокат находится на очной ставке по уголовному делу, однако впоследствии доказательств, подтверждающих данное обстоятельство, представлено не было; 16 января 2003 года адвокат Х. вновь не явился в судебное заседание, доказательств уважительности причин своей неявки как перед судебным заседанием, так и впоследствии, суду не представил. Заявитель отмечает, что, учитывая особую сложность дела, неоднократное вынесение по нему решений суда с последующей их отменой в кассационном и надзорном порядке, стороны по делу настаивают на участии в судебных заседаниях адвокатов; заявитель полагает, что в действиях адвоката Х. имеется умысел на затягивание рассмотрения гражданского дела, что со стороны адвоката является недопустимым. При этом заявитель обращает внимание на то, что, по его мнению, адвокатом Х. не исполнена прямо предусмотренная п. 1 ст. 167 ГПК РФ обязанность извещения суда о невозможности своего присутствия в судебном заседании и предоставления суду документов, подтверждающих уважительность причин своей неявки. Заявитель просит принять меры по частному определению.

9 июля 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Х., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 23 октября 2003 года адвокат Х. указал, что 23 мая 2003 года он не явился в судебное заседание О...ского районного суда г. Москвы для участия в рассмотрении гражданского дела, поскольку в этот день он был занят в другом процессе, о чем суд был уведомлен надлежащим образом; кроме того, доверительница адвоката гражданка Л.Е.А. на тот момент была больна и в судебное заседание явиться не могла, слушание дела было отложено в связи с неявкой стороны по делу.

В приложенном адвокатом Х. к объяснению заявлении его доверительницы Л.Е.А. от 23 октября 2003 года, адресованном президенту Адвокатской палаты г. Москвы, указано, что 23 мая 2003 года Л.Е.А. по состоянию здоровья не могла явиться в судебное заседание О...ского районного суда г. Москвы в качестве ответчицы, о чем она уведомила адвоката Х., но, как оказалось, адвокат Х. в данный день был занят в другом процессе в Б...ком суде Москвы, и Л.Е.А. об этом было заранее известно; дело было отложено, а 11 июня 2003 года — рассмотрено; она считает, что адвокат Х. добросовестно исполнял свои обязанности и не волокитил рассмотрение дела.

Адвокатом Х. представлена справка от 19 ноября 2003 года, выданная федеральным судьей Б...кого районного суда г. Москвы П.К.Н., которой подтверждается, что адвокат Х. 23 мая 2003 года с 11 часов находился в судебном заседании по уголовному делу С.В.Б.

Адвокат Х. на заседание Квалификационной комиссии не явился, о дне, времени и месте рассмотрения Комиссией дисциплинарного производства был надлежащим образом извещен, 5 декабря 2003 года подал заявление с просьбой рассмотреть вопрос о неявке в О...ский суд в его отсутствие в связи с занятостью в судебном процессе. В силу п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства; в этом случае Квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам.

Изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения заявителя, проведя голосование именными бюллетенями, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы пришла к следующим выводам.

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени, адвокат по возможности должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат Х. пояснил, что 23 мая 2003 года он не явился в О...ский районный суд г. Москвы для участия в рассмотрении гражданского дела в качестве представителя стороны, поскольку в этот день он участвовал в рассмотрении уголовного дела в Б...ком районном суде г. Москвы, что документально подтверждено справкой, выданной федеральным судьей П.К.Н.

Квалификационная комиссия считает, что документально подтвержденное участие адвоката Х. 23 мая 2003 года в судебном заседании в Б...ком районном суде г. Москвы свидетельствует лишь о том, что в этот день в О...ский районный суд г. Москвы он не явился по уважительной причине, но не опровергает утверждения заявителя о том, что адвокат Х. вопреки п. 1 ст. 167 ГПК РФ и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката не уведомил О...ский районный суд г. Москвы о невозможности по уважительным причинам прибыть в судебное заседание. Из представленного адвокатом Х. Квалификационной комиссии заявления Л.Е.А. также не следует, что О...ский районный суд г. Москвы был уведомлен лично адвокатом Х. либо его доверительницей

о невозможности и о причинах неявки адвоката 23 мая 2003 года в судебное заседание.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих доводы заявителя, адвокатом Х. Квалификационной комиссии не представлено.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвокатов, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия воздерживается от оценки по существу действий (бездействия) адвоката Х. в судебных заседаниях О...ского районного суда г. Москвы 22 ноября 2002 года и 16 января 2003 года, поскольку они имели место до принятия 31 января 2003 года Первым Всероссийским съездом адвокатов Кодекса профессиональной этики адвоката, который адвокат обязан соблюдать (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 и 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Х. п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизоду неявки 23 мая 2003 года в судебное заседание О...ского районного суда г. Москвы по гражданскому делу в качестве представителя Л.Е.А.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 декабря 2003 года (протокол № 18) адвокату Х. объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 30
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Р.**

30 января 2004 года

город Москва

(Извлечение)

19 ноября 2003 года гр-н М.С.П., обвиняемый по уголовному делу № 000, находящемуся в производстве Следственного комитета при МВД РФ, содержащийся под стражей в Учреждении ИЗ-99/... в г. Москве, обратился с жалобой на действия адвоката Р.

В жалобе указано, что 21 октября 2003 года М.С.П. был вызван ст. следователем СК при МВД РФ К.Д.А. для проведения следственных действий (предъявления материалов по уголовному делу № 000). В кабинете, помимо следователя, находился также незнакомый М.С.П. мужчина, которого следователь представил ему как ад-

воката (впоследствии на судебном заседании 14 ноября 2003 года М.С.П. узнал, что это был адвокат Р.). Сам мужчина при этом не представился, не сообщил М.С.П. ни своего имени, ни фамилии, не предъявил ордер. В присутствии этого мужчины М.С.П. заявил следователю К.Д.А., что «работать с этим якобы адвокатом» он категорически отказывается, и что сегодня утром им подано официальное заявление на имя следователя с просьбой предоставить ему (М.С.П.) на время болезни его адвоката М. любого другого адвоката по усмотрению его жены (ч. 4 ст. 215 УПК РФ), номер мобильного телефона которой имеется у следователя. Адвокат Р. на это заявление М.С.П. никак не отреагировал. Также М.С.П. сообщил следователю, что 21 октября 2003 года утром им подано официальное заявление администрации Учреждения ИЗ-99/... с просьбой вызвать врача, поскольку после состоявшейся накануне, 20 октября 2003 года, поездки в суд в холодной переполненной машине, продолжавшейся 16 часов, у него начался подагрический криз, и в настоящее время он испытывает сильнейшие головные боли, а также сильнейшие боли в области сустава большого пальца правой ноги и не может участвовать ни в каких следственных действиях. На это заявление М.С.П. адвокат Р. также никак не отреагировал. Выслушав все заявления М.С.П. «и не обратив на них ни малейшего внимания», следователь К.Д.А. начал зачитывать вслух какие-то бумаги, несмотря на неоднократные протесты М.С.П. и просьбы прекратить. Адвокат Р. на происходящее никак не отреагировал. Пытаясь хоть как-то повлиять на ситуацию, М.С.П. нажал кнопку вызова охраны и попросил пригласить врача с тем, чтобы он дал заключение, может ли М.С.П. участвовать в данный момент в следственных действиях. Однако этого сделано не было. Следователь же, «не обращая ни на что внимание, спокойно продолжал зачитывать свои бумаги» М.С.П. Адвокат Р. на происходящее также никак не реагировал.

М.С.П. считает, что следователем и адвокатом Р. нарушены правила ст. 215 УПК РФ о замене защитника, что адвокат Р. «фактически оказался пособником следователя» в нарушении права обвиняемого М.С.П. на защиту, что в результате привело к тому, что благодаря участию адвоката Р. в процессуальном действии 21 октября 2003 года Московский городской суд посчитал, что материалы дела предъявлены М.С.П. в присутствии его защитника, и срок содержания М.С.П. под стражей был продлен до окончания ознакомления с материалами дела, «а с учетом объема уголовного дела (свыше 600 томов!) по сути на несколько лет». М.С.П. просит дать оценку действиям адвоката Р. с точки зрения исполнения им адвокатского долга по защите интересов клиента.

26 ноября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 8 декабря 2003 года, а также в объяснениях, данных 30 января 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Р. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе гражданина М.С.П., указал, что 21 октября 2003 года в юридическую консультацию «Адвокатское бюро “...”», где Р. работает в качестве адвоката, поступил запрос из Следственного комитета при МВД РФ с просьбой об участии адвоката Р. в качестве адвоката при проведении следственных действий с обвиняемым М.С.П. в Учреждении ИЗ-99/... УИН Минюста РФ. Необходимость участия в деле адвоката Р. мотивировалась невозможностью явки другого адвоката в связи с болезнью. Адвокат Р. полагает, что запрос об участии в деле был направлен именно ему, поскольку несколько лет назад он участвовал в качестве адвоката по одному из уго-

ловных дел, которое расследовалось Следственным комитетом при МВД РФ, куда он был приглашен для представления интересов лица, задержанного по подозрению в совершении преступления. Юридическая консультация «АБ «...»» в то время периодически сообщала о себе в некоторых средствах массовой информации, поэтому он полагает, что именно по данной причине сотрудники Следственного комитета обратились тогда в их юрконсультацию. С тех пор у сотрудников Следственного комитета оставались координаты адвоката Р., в связи с чем они имели возможность пригласить его 21 октября 2003 года для участия в деле М.С.П. 21 октября 2003 года адвокат Р. в указанное в запросе время прибыл в следственный изолятор, где его ждал следователь СК при МВД РФ. В начале встречи адвокат Р. сообщил М.С.П., что в связи с болезнью его адвоката он приглашен следствием для защиты интересов М.С.П., а также спросил у подзащитного, не желает ли он наедине с адвокатом обсудить ситуацию по делу и выработать позицию и тактику поведения. М.С.П. ответил, что в этом нет необходимости, что обсуждать с Р. ничего не нужно, после чего сообщил следователю об ухудшении своего самочувствия в связи с обострением хронической болезни, а также заявил, что в услугах адвоката Р. по его защите и представлению его интересов он не нуждается, и попросил следователя передать его жене просьбу о приглашении другого защитника, которого она может выбрать по своему усмотрению. Данная позиция М.С.П. была отражена в протоколе, который подписали обвиняемый, адвокат Р. и следователь. После этого следователь предъявил для ознакомления материалы уголовного дела и огласил несколько документов. В связи с жалобами М.С.П. на плохое самочувствие адвокат Р. потребовал от следователя прекратить ознакомление, что он и сделал. Затем адвокат Р. ознакомился с теми документами из уголовного дела, которые были оглашены следователем. М.С.П. отказался подписать протокол ознакомления, а адвокат Р., ознакомившись с указанными выше документами из уголовного дела, расписался об этом в соответствующем протоколе, после чего следственные действия были завершены. Аргументы, изложенные в жалобе М.С.П., не соответствуют действительности; жалоба не содержит обстоятельств, на которых лицо, подавшее жалобу, основывает свои требования, и доказательств, подтверждающих эти обстоятельства, что является нарушением подп. 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. считает, что никаких нарушений прав М.С.П. им допущено не было, его действия полностью соответствовали нормам УПК РФ (ч. 3 ст. 50, ч. 2 ст. 52), Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (подп. 2 п. 1 ст. 7; подп. 6 п. 4 ст. 6) и Кодекса профессиональной этики адвоката; указывает, что, так как он был назначен органами следствия в качестве защитника и принял на себя защиту («уже принял участие в деле»), то отказаться от участия в деле, от защиты обвиняемого он не имел права (а для следствия отказ от защитника не был обязателен в силу ч. 2 ст. 52 УПК РФ), поэтому он начал ознакомление с материалами уголовного дела.

Выслушав объяснения адвоката Р., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Гражданин М.С.П. в своей жалобе указывает, в частности, что 21 октября 2003 года в следственном кабинете Учреждения ИЗ-99/... ст. следователь Следственного комитета при МВД РФ К.Д.А. представил ранее незнакомого М.С.П. мужчину как адвоката, а сам адвокат Р. лично М.С.П. не представился, ордера на осуществление его защиты М.С.П. не предъявил; фамилию адвоката – Р. – М.С.П. узнал только в судебном заседании 14 ноября 2003 года; адвокат Р. никак не отреагировал на сообщение М.С.П. следователю о подаче им 21 октября 2003 года утром официального заявления администрации Учреждения ИЗ-99/... с просьбой вызвать врача, поскольку после состоявшейся накануне

не, 20 октября 2003 года, поездки в суд в холодной переполненной машине, продолжавшейся 16 часов, у него начался подагрический криз, и в настоящее время он испытывает сильнейшие головные боли, а также сильнейшие боли в области сустава большого пальца правой ноги и не может участвовать ни в каких следственных действиях.

Возражая против этих доводов жалобы, адвокат Р. в своих объяснениях указал, что он в начале встречи сообщил М.С.П., что в связи с болезнью его адвоката он приглашен следствием для защиты его интересов, а также спросил у подзащитного, не желает ли он наедине с адвокатом обсудить ситуацию по делу и выработать позицию и тактику поведения, на что М.С.П. ответил, что в этом нет необходимости, что обсуждать с Р. ничего не нужно, после чего сообщил следователю об ухудшении своего самочувствия в связи с обострением хронической болезни; после того, как следователь предъявил для ознакомления материалы уголовного дела и огласил несколько документов, адвокат Р., в связи с жалобами М.С.П. на плохое самочувствие, потребовал от следователя прекратить ознакомление, что он и сделал.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката Р. по доводам жалобы гражданина М.С.П. в вышеприведенной части, Квалификационной комиссии не представлено.

Квалификационной комиссией установлено, что 21 октября 2003 года Юридической консультацией «Адвокатского бюро „...”» адвокату Р. в соответствии с запросом Следственного комитета при МВД РФ от 21 октября 2003 года № 17/... был выдан ордер на ведение дела (защиту обвиняемого М.С.П.) в порядке ст. 51 УПК РФ (осуществление защиты обвиняемого адвокатом, назначенным по запросу следователя, т.е. без заключения соглашения с клиентом). В этот же день, когда адвокат Р. прибыл в Учреждение ИЗ-99/... г. Москвы для осуществления защиты М.С.П., последний в присутствии адвоката заявил следователю К.Д.А., что работать с этим адвокатом он отказывается, в услугах этого адвоката по защите и представлению его интересов он не нуждается и попросил следователя передать его (М.С.П.) жене просьбу о приглашении на время болезни его адвоката М. другого защитника, которого она может выбрать по своему усмотрению. Данная позиция, как указывает в своих объяснениях адвокат Р., была отражена в протоколе, который собственноручно подписали М.С.П., а также адвокат Р. и следователь.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством обвиняемый вправе пользоваться помощью защитника (п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Защитник приглашается обвиняемым, а также другими лицами по поручению или с согласия обвиняемого. По просьбе обвиняемого участие защитника обеспечивается следователем (ч. 1 и 2 ст. 50 УПК РФ). Обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ допускается только по инициативе обвиняемого (ч. 1 ст. 52 УПК РФ).

Обвиняемый вправе отказаться от услуг конкретного защитника, что влечет, как правило, замену защитника, а также отказаться от помощи любого защитника вообще, пожелав защищать себя лично. Отказ от защитника не обязателен для следователя (ч. 2 ст. 52 УПК РФ).

Как установлено Квалификационной комиссией, обвиняемый М.С.П. 21 октября 2003 года отказался от помощи конкретного защитника – Р., пожелав воспользоваться предоставленным ему законом правом поручить близким родственникам пригласить нового защитника взамен заболевшего (ч. 1 ст. 50 УПК РФ). По своей правовой

природе заявление обвиняемого об отказе от помощи конкретного защитника аналогично заявлению об отводе (ст. 61–72 УПК РФ) – оно создает ситуацию временной неопределенности в существовании уголовно-процессуальных отношений (в части реализации права обвиняемого пользоваться помощью того защитника, которому он доверяет) и, как любое ходатайство, требует разрешения в порядке, установленном ст. 119–122, 159 УПК РФ).

«Вынесение постановления с изложением мотивированного решения по заявленному отказу является обязательным. Таким постановлением данное ходатайство может быть удовлетворено, но если заявленный отказ по каким-либо причинам не принят, производство по делу продолжается с участием того же или другого защитника... Необязательность заявленного отказа от защитника, о которой говорится в ч. 2 ст. 52 УПК, во все не означает, что заявленное ходатайство не обязательно должно быть рассмотрено в установленном порядке следователем. Как и любое ходатайство обвиняемого, отказ от защитника подлежит обязательному рассмотрению в порядке, определенном правилами гл. 15 УПК» (см. Комментарий к УПК РФ (научно-практическое издание) / Под общ. ред. начальника Следственного комитета при МВД России В.В. Мозякова и [др.]. М.: Книга-Сервис, 2003. С. 250, 251). Необсуждение заявленного обвиняемым отказа от защитника рассматривается в судебной практике как существенное нарушение уголовно-процессуального закона (см., например: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1976. № 2. С. 9).

Таким образом, после того, как обвиняемый М.С.П. заявил об отказе от услуг конкретного защитника – адвоката Р., последний не вправе был принимать участие в каких-либо процессуальных действиях по данному уголовному делу до разрешения следователем заявления (ходатайства) обвиняемого об отказе от защитника, кроме удостоверения своей подписью того факта, что соответствующее заявление сделано обвиняемым в его присутствии и ему известно.

Однако после поступления от обвиняемого заявления (ходатайства) об отказе от защитника Р. следователь данное ходатайство не рассмотрел и своим постановлением, как того требуют ст. 122 и 159 УПК РФ, не разрешил, а продолжил производство процессуального действия (ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела – ст. 217 УПК РФ) с участием адвоката Р.

В сложившейся процессуальной ситуации адвокат Р. был обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего ходатайство обвиняемого об отказе от защитника. В случае отказа следователя вынести соответствующее постановление адвокат Р. обязан был совершить иные действия, направленные на защиту прав и интересов обвиняемого М.С.П., поскольку адвокат обязан разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально отстаивать права, свободы и интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Например, немедленно подать следователю письменное ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с указанием в ходатайстве причин, по которым адвокат Р. не вправе продолжать на данный момент осуществление защиты М.С.П.; при отказе следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника заявить о невозможности для адвоката продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с гл. 16 УПК РФ, а также сообщить о случившемся в Адвокатскую палату г. Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах го-

сударственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Кроме того, в соответствии с п. 4 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката в случае, если адвокат не уверен в том, как действовать в сложной этической ситуации, он имеет право обратиться в Совет соответствующей Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации за разъяснением, в котором ему не может быть отказано. Адвокат, действовавший в соответствии с разъяснениями Совета относительно применения положений Кодекса профессиональной этики адвоката, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (п. 3 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Однако адвокат Р., проигнорировав волеизъявление обвиняемого М.С.П., заявившего об отказе от его услуг, не потребовав от следователя рассмотреть и разрешить по существу ходатайство обвиняемого об отказе от защитника, продолжил (вопреки воле М.С.П., чьим защитником он в сложившейся процессуальной ситуации до разрешения заявленного обвиняемым ходатайства не мог считаться) участвовать в производстве процессуального действия (ст. 217 УПК РФ) – присутствовал при оглашении следователем нескольких документов, потребовал от следователя прекратить ознакомление только в связи с жалобами М.С.П. на плохое самочувствие, лично ознакомился с теми документами, которые были оглашены следователем, после чего «расписался об этом в соответствующем протоколе».

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять обязанности, отстаивать (активно защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к участникам процесса. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 и 4 п. 1 и п. 2 ст. 7 названного Закона; п. 1 ст. 8, ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвокатов, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Считая свои действия правомерными, адвокат Р. ссылается в объяснениях на подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты; указывает, что, так как он был назначен органами следствия в качестве защитника и принял на себя защиту, то отказаться от участия в деле он не имел права (а для следствия отказ от защитника не был обязателен), поэтому он начал ознакомление с материалами уголовного дела; считает, что в связи с тем, что выбранный самим М.С.П. адвокат явиться не смог, он (Р.) принял возможные меры по защите интересов своего подзащитного и осуществлению его прав.

Приведенные объяснения адвокатом Р. своих действий, по мнению Квалификационной комиссии, свидетельствуют о непонимании им вопроса о смысле участия защитника в уголовном судопроизводстве как одной из гарантий реализации права

обвиняемого на защиту, а также непонимании им этических начал в работе адвоката-защитника. Ссылка адвоката Р. на подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не может быть признана убедительной, поскольку в сложившейся процессуальной ситуации не он отказался от принятой на себя защиты (чего адвокат в силу названной нормы, а также ч. 7 ст. 49 УПК РФ действительно делать не вправе), а, наоборот, обвиняемый, реализуя предоставленное ему уголовно-процессуальным законом право, отказался от защитника. Не приняв мер к разрешению следователем данного ходатайства обвиняемого, продолжив в указанной процессуальной ситуации участвовать в производстве процессуального действия и подтвердив своей подписью в протоколе факт ознакомления с частью материалов уголовного дела, адвокат Р. в нарушение предписаний закона (ч. 1 ст. 49 УПК РФ) действовал вопреки интересам обвиняемого, которому он должен был оказывать юридическую помощь при производстве по уголовному делу. Между тем адвокат, участвуя в судопроизводстве, должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к участникам процесса (ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что, совершив указанные действия, адвокат Р. нарушил требования Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку, осуществляя 21 октября 2003 года защиту обвиняемого М.С.П., он при исполнении обязанностей защитника не действовал разумно, добросовестно, квалифицированно и принципиально, не защищал права и интересы М.С.П. всеми, незапрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката; участвуя 21 октября 2003 года в уголовном судопроизводстве в качестве защитника, адвокат Р. не соблюдал нормы УПК РФ, проявил неуважение к обвиняемому М.С.П., не приняв мер к ограждению от нарушений его прав и законных интересов, т.е. нарушил п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Р. п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 февраля 2004 года (протокол № 3) адвокату Р. объявлен выговор.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 32
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

27 февраля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы, рассмотрев обращение федерального судьи Д...ского районного суда г. Москвы Н.А.А., изучив представленные документы, письменные объяснения адвоката К., установила следующее.

Адвокат К. в зале заседания Д...ского районного суда г. Москвы 17 ноября 2003 года после провозглашения приговора по уголовному делу по обвинению А. и др., до объявления об окончании судебного разбирательства допустила нетактичное выска-

зывание в адрес судьи. В протокол судебного заседания были занесены слова адвоката: «Это позор, а не приговор», «Был бы другой судья, было бы другое решение».

Из письменных объяснений адвоката К. следует, что она после оглашения приговора произнесла слово «позор», однако это относилось не к суду, а к ней самой, поскольку ее подзащитному была изменена мера пресечения в зале суда, и она как адвокат не смогла предотвратить данное событие, в ее 10-летней практике такое событие происходило только однажды, слово «позор» она произнесла, оценивая в тот момент себя.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат К. пояснила, что запись в протоколе судебного заседания не соответствует действительности и была сделана после того, как судебное заседание было закрыто. Она принесла замечания на протокол, которые судья отклонил. Адвокат К. пояснила также, что не имела намерения оскорбить суд.

Комиссия приходит к выводу, что адвокат К., возражая против действий судьи, должна была делать это в корректной форме, а она нарушила п. 1 ст. 4, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

По результатам разбирательства Квалификационная комиссия при голосовании именными бюллетенями, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, пришла к заключению о нарушении по грубой неосторожности адвокатом К. п. 1 ст. 4 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 марта 2004 года (протокол № 4) адвокату К. объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 34
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

27 февраля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

10 ноября 2000 года между ОАО «Товар» и ООО «Мастер» был заключен договор подряда № 30/00 КХ, согласно которому подрядчик – ООО «Мастер» принял на себя обязательства по реконструкции экспедиции и строительству мастерских для ОАО «Товар», а последнее – заказчик, после официальной сдачи указанных объектов, обязалось оплатить работу подрядчика. По утверждению ОАО «Товар», в 2002 году подрядчик в одностороннем порядке прекратил исполнение вышеуказанного договора, вследствие чего ОАО «Товар» за свой счет и своими силами, а также с помощью привлеченных юридических лиц было вынуждено самостоятельно начать работу по завершению реконструкции экспедиции и строительства мастерских, а также произвести монтаж производственного оборудования; в период осуществления работ по реконструкции экспедиции и строительству мастерских силами ОАО «Товар» подрядная организация ООО «Мастер» неоднократно обращалась к заказчику с требованием оплатить произведенные ею подрядные работы на сумму около 9 млн. рублей. Руководство ОАО «Товар» в лице генерального директора Н.Т.В. ответило на требование ООО «Мастер» отказом, а последнее, считая, что этот отказ причинил имущественный вред ООО «Мастер», обратилось в правоохранительные органы с заявлением о привлечении Н.Т.В. к уголовной ответственности как лица, которое, выполняя

управленческие функции в ОАО «Товар» и используя свои полномочия вопреки интересам ОАО «Товар», причинило вред правам и охраняемым законом интересам ООО «Мастер». 14 марта 2003 года следователем Следственного управления при УВД г. К. МО было возбуждено уголовное дело по ст. 201 ч. 2 УК РФ в отношении генерального директора ОАО «Товар» Н.Т.В. (впоследствии, постановлением следователя 2 сентября 2003 года уголовное дело было прекращено за отсутствием в деянии состава преступления).

24 апреля 2003 года Арбитражный суд г. Москвы удовлетворил иск ООО «Мастер» к ОАО «Товар» о взыскании задолженности по оплате работ, выполненных истцом по договору № 30/00 КХ от 10 ноября 2000 года, в сумме 8 690 332 рублей и процентов за пользование чужими денежными средствами в сумме 793 519 рублей 70 коп. (дело № А40-...). Постановлением апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы от 11 июля 2003 года решение в части удовлетворения исковых требований о взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами по апелляционной жалобе ОАО «Товар» было отменено и вынесено новое решение об отказе в иске, в остальной части решение оставлено без изменения. Постановлением арбитражного суда кассационной инстанции от 26 августа 2003 года судебные решения оставлены без изменения. ОАО «Товар» исполнило решение суда до 16 сентября 2003 года, поскольку в этот день истек срок для добровольного исполнения содержащихся в исполнительном документе требований.

19 мая 2003 года (в период, когда продолжалось производство по уголовному делу, возбужденному 14 марта 2003 года, и готовилась апелляционная жалоба на решение Арбитражного суда г. Москвы от 24 апреля 2003 года) ОАО «Товар» в лице генерального директора Н.Т.В. обратилось в Адвокатское агентство «...» Межтерриториальной коллегии адвокатов Гильдии российских адвокатов с просьбой об оказании юридической помощи и заключило соглашение № 494 с адвокатом К. Предметом поручения, согласно тексту соглашения, являлось осуществление необходимых юридических действий, направленных на защиту интересов ОАО «Товар»; плата за ведение поручения, включая затраты организационно-технического характера, назначена в размере «1 500 ус. ед. долларов США» и внесена в кассу в этот же день в сумме 46 500 рублей (квитанция к приходному кассовому ордеру б/н); в соглашении было установлено, что «при достижении положительного результата по делу в случаях: прекращения уголовного преследования, гражданско-правовых санкций, доверитель вносит дополнительную плату (гонорара) в сумме: по дополн. соглашению».

30 мая 2003 года в соглашение включены дополнительные условия, согласно которым: «1) Адвокаты П. и К. составляют и направляют в Арбитражный суд исковое заявление о причинении материального ущерба ОАО «Товар» неправомерными действиями ООО «Мастер», 2) Адвокаты также выполняют работу по анализу основных фондов ОАО «Товар» в аспекте залогового права»; также включены особые условия, согласно которым «Адвокат организует проведение строительно-технической финансово-экономической экспертизы при центре судебных экспертиз. Оплата услуг исполнителя оговаривается дополнительно соглашением сторон»; внесена доплата в сумму 100 000 рублей (квитанция к приходному кассовому ордеру № 56).

3 июня 2003 года ОАО «Товар» в лице генерального директора Н.Т.В. выдало сроком на три года доверенность адвокатам «Московской адвокатской палаты, расположенной по адресу: г. Москва, ул. ..., д. ..., офис ...» П., К., Д., С., уполномочив их быть представителями ОАО «во всех государственных, коммерческих, общественных учреждениях и правоохранительных органах по вопросам, связанным с совершением юридических, процессуальных и иных действий, а также во всех судебных и админи-

стративных учреждениях со всеми правами, какие предоставлены законом истцу, ответчику, третьему лицу, потерпевшему», в том числе с правами, предусмотренными ст. 54 ГПК РФ и ч. 2 ст. 62 АПК РФ.

4 июня и 23 июля 2003 года ОАО «Товар» перечислило на личный банковский счет гражданина К. денежные средства в размере 1 072 525 рублей (платежное поручение № 000 от 4 июня 2003 года – сумма 163 525 рублей; платежное поручение № 000 от 23 июля 2003 года – сумма 909 000 рублей); в обоих платежных поручениях, в графе «Назначение платежа», было указано: «Адвокатские услуги. НДС не облагается». 5 августа 2003 года адвокат К. на основании договора на оказание юридических услуг № 494 от 19 мая 2003 года внес в кассу Адвокатского агентства «...» МТКА ГРА 1 072 525 рублей (приходный кассовый ордер № 128 и квитанция к нему).

11 ноября 2003 года адвокат К. представил директору ОАО «Товар» Н.Т.И. отчет о выполненной работе в пользу ОАО «Товар».

2 декабря 2003 года Открытое акционерное общество «Товар» (г. К., МО), в лице генерального директора Н.Т.В., обратилось с жалобой на неисполнение адвокатом К. обязательств, взятых на себя на основании соглашения № 494 от 19 мая 2003 года. Доверитель полагает, что адвокат К. недобросовестно, ненадлежаще исполнял (а зачастую просто не исполнял) свои обязанности при оказании юридической помощи, что явилось основанием для обращения с жалобой.

Неисполнение адвокатом К. своих обязанностей подтверждается, по мнению заявителя, следующими обстоятельствами: в июне 2003 года адвокатом К. было инициировано проведение строительно-технической, финансово-экономической экспертизы выполненных ООО «Мастер» для ОАО «Товар» подрядных работ в Центре судебных экспертиз при Министерстве юстиции РФ; в целях оплаты результатов строительно-технической, финансово-экономической экспертизы, проведенной Центром судебных экспертиз при Минюсте РФ, ОАО «Товар» 4 июня и 23 июля 2003 года по просьбе адвоката К. двумя платежными поручениями перечислило на личный банковский счет адвоката денежные средства в размере 1 072 525 рублей; вместе с тем адвокатом К. не были представлены ни результаты проведенной экспертизы, ни сведения о целевом расходовании указанных денежных средств; 19 ноября 2003 года ОАО «Товар» пришел ответ из Государственного учреждения «Московская лаборатория судебной экспертизы» Минюста РФ, в котором было указано, что экспертиза в отношении ОАО «Товар» не проводилась, денежные средства в счет оплаты экспертизы не перечислялись, при этом документы адвокатом К. для производства экспертизы направлялись; требование ОАО «Товар» о возврате денежных средств в размере 1 072 525 рублей адвокат К. проигнорировал.

Заявитель обращает внимание на то, что по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года адвокату К. были уплачены в качестве вознаграждения денежные средства в сумме 146 500 рублей, а денежная сумма в размере 1 072 525 рублей была уплачена отдельно от указанного вознаграждения и именно в целях проведения экспертизы. По настоянию адвоката К. указанная сумма была уплачена в безналичной форме на личный счет адвоката, а не на счет адвокатского образования, что является нарушением п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В приложенном к жалобе «Особом мнении ОАО «Товар» по поводу отчета адвоката К. об оказании юридической помощи в отношении ОАО «Товар», подписанном генеральным директором Н.Т.В., указывается на следующие обстоятельства, относящиеся к предмету поданной доверителем адвоката жалобы (далее цитата):

№ п/п	Содержание выполненной работы по отчету К.	Оценка выполнения работ ОАО «Товар»
11	Для взыскания с виновных лиц нанесенного ущерба и для проведения последующих экспертиз (по постановлению следователя и определению суда) подготовлен и передан в полном объеме материал по выполненным строительным работам в Центр судебных экспертиз, где экспертом определена сумма ущерба и подготовлен материал (мнение эксперта) для последующего назначения по определению суда в порядке ст. 82 Арбитражно-процессуального кодекса РФ строительно-технической экспертизы	Все материалы подготовлены сотрудниками предприятия П.В.Б., М.В.В., С.Т.Н. Сумма ущерба была определена не экспертом, а П.В.Б. Представленное <i>«Мнение специалиста»</i> целиком и полностью выполнено П.В.Б. и оплачено отдельно ОАО «Товар». Д., поставивший свою подпись под этим документом, в телефонном разговоре с Ф. и Ш.В.М. сказал, что оно в суде фигурировать не может и по нему с ООО «Мастер» ничего не выиграть, оно «сырое», состоит из обрывков информации. Реально экспертиза не проводилась, что и подтверждается письмом начальника МЛСЭ от 19 ноября 2003 года.
12	Эксперт не вправе называть свои выводы экспертизой, так как последняя проводится по ходатайству лиц, участвующих в деле и назначается арбитражным судом, после чего выводы эксперта оформляются заключением эксперт	Настаивая на проведении экспертизы, адвокат К. должен был бы знать содержание АПК и, по крайней мере, поставить заказчиков в известность, что экспертиза может быть назначена только судом. Так как <i>«Мнение специалиста»</i> в соответствии с нормативно-правовыми документами и мнением эксперта Д. о данном документе не может быть представлено в суде в качестве доказательства приписок со стороны ООО «Мастер», то вообще не понятно, для чего все это было затеяно адвокатом К.
13	Однако, вопреки мнению эксперта, ОАО «Товар» по непонятной причине досрочно перечислило деньги в адрес ООО «Мастер» и в дальнейшем отказалось от взыскания причиненного ущерба	Эта фраза свидетельствует, что адвокат К. или подтасовывает факты или не вник в суть происшедшего. ОАО «Товар» рассчитывалось с ООО «Мастер» до 16 сентября 2003 года, а <i>«Мнение специалиста»</i> было получено только 7 октября 2003 года и поэтому никак не могло действовать <i>«вопреки мнению эксперта»</i> , которого еще и не было. Кроме того, в ситуации с исполнительным производством, срок которого истек 16 сентября 2003 года, противоречивые советы адвоката К., а не реальные действия по отстаиванию интересов ОАО «Товар», скорее, были направлены на доведение ОАО «Товар» до инициирования судебными приставами процедуры банкротства

Внося жалобу на неисполнение адвокатом К. взятых на себя обязательств, заявитель просит принять в отношении адвоката К. меры, предусмотренные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; обязать адвоката К. возвратить уплаченные ОАО «Товар» денежные средства в размере 1 072 525 рублей; лишить К. статуса адвоката в случае неисполнения им требования о возврате уплаченных ОАО «Товар» денежных средств.

17 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинар-

ное производство в отношении адвоката К., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В объяснениях, данных в ходе разбирательства в Квалификационной комиссии, представители ОАО «Товар» П.В.Б. и Ф.В.П. поддержали доводы жалобы, настаивая на том, что денежные средства в сумме 1 072 525 рублей были перечислены на личный счет адвоката К. в Сбербанке именно в целях оплаты строительно-технической финансово-экономической экспертизы выполненных ООО «Мастер» для ОАО «Товар» подрядных работ, которая должна была быть проведена в Центре судебных экспертиз при Минюсте РФ. Цену экспертизы назвал адвокат К., сказал, что не менее 30 000 долларов США. Хотя в обоих платежных поручениях в графе «Назначение платежа» действительно было указано: «Адвокатские услуги. НДС не облагается», но это неточность, допущенная бухгалтерией ОАО «Товар», которая, однако, по мнению представителей заявителя, не позволяла адвокату К. считать, что 1 072 525 рублей перечислены ему в качестве оплаты юридической помощи по соглашению от 19 мая 2003 года № 494. По мнению представителей заявителя, факт перечисления на банковский счет адвоката К. 1 072 525 рублей именно в целях оплаты работы экспертов подтверждается следующими доказательствами: в подписанном между ОАО «Товар» и адвокатом К. соглашении № 494 от 19 мая 2003 года с дополнениями от 30 мая 2003 года; последним была определена сумма вознаграждения — 146 500 рублей, выплата адвокату иного вознаграждения в соглашении не предусматривалась, вопрос об отдельной оплате услуг адвоката по организации экспертизы и об их стоимости не обсуждался; в разделе «Особые условия» названного соглашения указано: «Адвокат организует проведение строительно-технической финансово-экономической экспертизы при центре судебных экспертиз. Оплата услуг исполнителя оговаривается дополнительно соглашением сторон», т.е. организация проведения экспертизы входит в предмет поручения, которое адвокат должен был выполнить по соглашению № 494, оплата работы по организации проведения экспертизы включена в 146 500 рублей, внесенных доверителем в кассу Адвокатского агентства «...» Межтерриториальной коллегии адвокатов Гильдии российских адвокатов; наконец, материалы, необходимые для проведения экспертизы, были переданы доверителем адвокату К., который 18 августа и 17 сентября 2003 года передал их в ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, но экспертиза не была проведена, так как адвокат не оплатил ее, хотя выданная адвокату доверенность от 3 июня 2003 года давала ему полномочия на заключение от имени ОАО «Товар» договора с бюро (лабораторией) судебных экспертиз. Кроме того, 5 сентября 2003 года ОАО «Товар» (исх. № 596/1-3) направило адвокату К. по рабочему адресу: Москва: ул. ... д. ... офис... телеграмму-уведомление: «В плане выполнения соглашения 19 мая 2003 № 494 Вам перечислены деньги для проведения экспертизы. Прошу сообщить состояние дел этим работам и какими документами подтверждается осуществление экспертизы (номер входящий лаборатории, номер платежного поручения, сумма оплаты/предоплаты). Кто выполняет работу из специалистов, срок исполнения. Генеральный директор ОАО «Товар» Н.Т.В.», однако доказательств вручения этой телеграммы-уведомления адвокату К. ОАО «Товар» представить не может. В ходе экспертизы следовало подвергнуть исследованию сложный комплекс строительных работ, поэтому для облегчения работы эксперта группа специалистов, работавших по договору с ОАО «Товар», подготовила проект документа — «Заключение по результатам экспертизы строительных работ по реконструкции и строительству объектов ОАО «Товар», выполненных ООО «Мастер» в период с декабря 2000 года по февраль 2003 года». Два экземпляра этого документа (по одному тому каждый) были переданы адвокату К. для передачи эксперту центра (лаборатории) судебных экспертиз. 7 октября 2003 года адвокат К. передал

представителю ОАО «Товар» Ф.В.П. «Мнение специалиста по запросу ООО «Товар», подписанное экспертом М., работающим в должности заведующего отделом судебных строительно-технических экспертиз Московской лаборатории судебных экспертиз. Письменное мнение специалиста М. практически дословно воспроизводило проект заключения, подготовленного ранее приглашенными ОАО «Товар» специалистами, исправлено было две-три страницы. По мнению представителей заявителя, подготовка мнения специалиста, переписанного с подготовленного проекта, не может стоить 1 072 525 рублей. Адвокат К. не сообщил ОАО «Товар», что перечисленные на личный счет гражданина К. в Сбербанке 1 072 525 рублей он впоследствии внес в кассу Адвокатского агентства «...».

Опрошенный Квалификационной комиссией по ходатайству заявителя М.В.С. показал, что он является председателем Правления регионального общественного благотворительного фонда... который входит в число акционеров ОАО «Товар» и сотрудничает с ним с 1998 года; по рекомендации Фонда ОАО «Товар» заключило с адвокатом К. соглашение об оказании юридической помощи в хозяйственном споре со строительной организацией ООО «Мастер», однако, поскольку бездействие адвоката К. при осуществлении судебными приставами-исполнителями исполнительного производства вело ОАО «Товар» к инициированию приставами процедуры банкротства, то Фонд помог ОАО получить кредит, чтобы исполнить решение арбитражного суда.

В своем письменном отзыве на жалобу ОАО «Товар», в отчете о выполненной работе от 11 ноября 2003 года, направленном в ОАО «Товар», а также в объяснениях, данных 30 января и 27 февраля 2004 года на заседаниях Квалификационной комиссии, адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе ОАО «Товар», указал, что он считает ее необоснованной, поскольку в действительности по договору и личному указанию директора Н.Т.В. защиту интересов предприятия (в том числе в арбитражном суде) и директора (по уголовному делу) осуществляли четыре адвоката: К., П., С., Д., которые распределили между собой работу, составив план, в соответствии с которым К. в основном занимался уголовно-правовыми вопросами, а адвокат П. — вопросами гражданского права; по условиям заключенного соглашения между адвокатами и ОАО «Товар» за № 494 от 19 мая 2003 года в особых условиях прописано, что адвокат организует проведение экспертизы, что адвокатом К. и было сделано: в Московскую лабораторию судебной экспертизы в полном объеме за входящими № 454 от 18 августа 2003 года и № 504 от 17 сентября 2003 года переданы документы по выполненным строительным работам, что подтверждается имеющимися в материалах дисциплинарного производства расписками от 18 августа и 17 сентября 2003 года; в Московской лаборатории судебной экспертизы адвокату К. объяснили, что они не могут без постановления следователя или определения суда провести экспертизу, можно получить только мнение специалиста; по просьбе адвоката К. заведующий ССТЭ Московской лаборатории судебных экспертиз М. провел в частном порядке исследование, оформив его в виде мнения специалиста. Этот документ вместе с исследовавшимися специалистом материалами К. 7 октября 2003 года передал начальнику службы безопасности ОАО «Товар» Ф.В.П., получив от него расписку. Договорные отношения между ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ и ОАО «Товар» не оформлялись по независящим от него, адвоката К., причинам, он сообщил по телефону генеральному директору ОАО Н.Т.В. о необходимости заключения договора с ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, но она болела, на встречи не приходила; в выданной К. и другим адвокатам доверенности от 3 июня 2003 года ОАО «Товар» не наделило их полномочиями на заключение договора на проведение экспертизы, такое полномочие, по мнению адвоката, должно быть оговорено отдельно в силу ч. 2

ст. 62 АПК РФ и ст. 54 ГПК РФ; работу специалиста М., связанную с составлением мнения специалиста, адвокат К. оплатил из собственных средств, считая, что этот письменный документ послужит для ОАО «Товар» авторитетным доказательством необходимости заключения договора с ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ для получения официально оформленного мнения специалиста (на бланке, с печатью учреждения и проч.), которое затем могло быть использовано как доказательство в арбитражном суде. Однако ОАО «Товар» от услуг эксперта отказалось по причине прекращения уголовного дела в отношении Н.Т.В. и отзыва исковых заявлений из арбитражного суда, после чего отозвало у адвокатов доверенность. По мнению адвоката К., он исполнил все необходимые организационные действия, направленные на подготовку экспертизы, в рамках полномочий, представленных адвокату выданной доверенностью; передав 7 октября 2003 года мнение специалиста М. представителю ОАО «Товар» Ф.В.П., он исполнил единственно возможным способом свою обязанность перед доверителем, указанную в особых условиях к соглашению № 494 от 19 мая 2003 года; 1 072 525 рублей были перечислены заявителем в качестве оплаты за юридическую помощь по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года, а не в качестве оплаты работы специалиста; в соглашение № 494 от 19 мая 2003 года письменное указание на увеличение гонорара адвокатов на 1 072 525 рублей не вносилось, поскольку по этому вопросу с доверителем было заключено дополнительное устное соглашение по нормам ГК РФ. До настоящего времени адвокатами не получены деньги («гонорар успеха») за снятие с предприятия штрафных санкций в сумме 793 519 рублей; не оплачена работа, которую адвокаты выполнили за пределами заключенного соглашения (участие в исполнительном производстве; обжалование действий судебных приставов; гонорар успеха за прекращение уголовного дела; анализ основных фондов; организация и подготовка предварительной экспертизы; подготовка материалов в суд о причинении материального ущерба со стороны ООО «Мастер»; участие в судебных процессах по защите прав акционерного общества и т.д.). Указание в жалобе на нарушение адвокатом п. 6 ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» является вымыслом, так как хотя деньги в сумме 1 072 525 рублей первоначально действительно были перечислены доверителем на личный счет К. в Сбербанке, по его просьбе, но затем, 5 августа 2003 года, он всю сумму внес в кассу адвокатского образования. Перечисление денег напрямую на счет адвокатского образования было невозможно, так как в период реорганизации в адвокатуре счет Адвокатского агентства «...» в банке был помещен в картотеку ввиду наличия задолженности по коммунальным платежам, поэтому деньги клиента были бы немедленно списаны банком в счет погашения задолженности. Документы по исполненной адвокатом К. работе в пользу ОАО «Товар» в полном объеме направлялись руководству предприятия; 11 ноября 2003 года адвокат К. представил клиенту отчет, который имеется в материалах дисциплинарного производства. списание гонорара в полном объеме с лицевого счета адвоката в его доход (так называемый отработанный гонорар. — *Прим. Комиссии*) до урегулирования спора с доверителем, предъявившим требование о возврате 1 072 525 рублей, адвокат К. объяснил тем, что он имел на это моральное право, поскольку работа была им выполнена; что он исходит из трудового законодательства (ст. 67 Трудового кодекса РФ), которое говорит, что работа должна оплачиваться; что ему была срочно нужна зарплата на приобретение дорогостоящих лекарств, поскольку он «диабетик»; что в ноябре 2003 года он перешел на работу в Специализированную коллегия адвокатов «...», поэтому необходимо было срочно закончить все расчеты в бухгалтерии Адвокатского агентства «...». Он добросовестно выполнил работу по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года,

однако поскольку доверитель в настоящее время имеет к нему претензии и обратился с жалобой в Квалификационную комиссию, адвокат К. готов вернуть полученную лично им часть гонорара, которая по данным бухгалтерии составляет сумму, эквивалентную 7 200 долларов США, но он не может вернуть гонорар, полученный другими адвокатами, не может обязать их вернуть гонорар, который они, как и адвокат К., честно заработали, оказывая правовую помощь ОАО «Товар».

Опрошенный Квалификационной комиссией по ходатайству адвоката К. адвокат П. показал, что он совместно с другими адвокатами оказывал ОАО «Товар» юридическую помощь по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года. Уплаченные ОАО «Товар» 146 500 рублей и 1 072 525 рублей являются вознаграждением адвокатов за проделанную для доверителя работу по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года. Получение мнения специалиста было необходимо для работы по двум направлениям: для обоснования поданного в прокуратуру заявления о возбуждении уголовного дела по припискам, которые содержались в смете, составленной подрядчиком ООО «Мастер», а также для обоснования поданного 4 июля 2003 года в Арбитражный суд г. Москвы иска о расторжении договора № 30/00 КХ от 10 ноября 2000 года и взыскании с ООО «Мастер» в пользу ОАО «Товар» неустойки, в том числе в связи с завышением сметной стоимости; адвокатом П. был подготовлен проект соответствующего искового заявления, 11 июля 2002 года заявлено ходатайство о приостановлении производства по арбитражному делу № А40-... в апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы до разрешения дела по иску ОАО «Товар» к ООО «Мастер». Однако доверитель запретил адвокатам работать по указанным направлениям, представлять в прокуратуру и в арбитражный суд мнение специалиста, поскольку процентовки были подписаны с обеих сторон, т.е. и руководством ОАО «Товар». Перечисленные платежные поручения № 000 от 23 июля 2003 года 909 000 рублей частично являются гонораром за снятие 11 июля 2003 года в апелляционной инстанции Арбитражного суда г. Москвы взыскания с ОАО «Товар» штрафных санкций в сумме 793 519 рублей 70 коп.; также из этой суммы были оплачены проведенный адвокатами анализ возможности вывода активов предприятия и другая проделанная адвокатами работа. По мнению адвоката П., доверенность, выданная ОАО «Товар» адвокатам 3 июня 2003 года, не наделяла их полномочиями на заключение с лабораторией судебных экспертиз договора от имени ОАО «Товар» о проведении исследования (получении мнения специалиста), поскольку в соответствии со сложившейся практикой такое полномочие должно быть специально оговорено в доверенности.

Учитывая, что адвокат К. выразил готовность вернуть доверителю всю полученную лично им часть гонорара, Квалификационная комиссия разъяснила представителям заявителя ОАО «Товар» право примириться с адвокатом К., что позволит Квалификационной комиссии вынести по результатам разбирательства заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства по жалобе вследствие примирения лица, подавшего жалобу, и адвоката (п. 7 ст. 19, подп. 4 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката). Однако представители ОАО «Товар» от реализации права на примирение с адвокатом отказались.

Выслушав объяснения представителей заявителя ОАО «Товар» П.В.Б., Ф.В.П., объяснения М.В.С., а также объяснения адвокатов К. и П., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Комиссия признает установленным, что 19 мая 2003 года между ОАО «Товар» и адвокатом К. было заключено соглашение об оказании юридической помощи № 494,

которое 30 мая 2003 года было дополнено, в том числе, «особыми условиями», согласно которым «Адвокат организует проведение строительно-технической финансово-экономической экспертизы при центре судебных экспертиз. Оплата услуг исполнителя оговаривается дополнительно соглашением сторон».

При этом Квалификационная комиссия считает, что уточняющую предмет поручения фразу «адвокат организует проведение строительно-технической финансово-экономической экспертизы при центре судебных экспертиз» следует понимать как принятие адвокатом К. на себя обязанности осуществить комплекс организационных действий, необходимых и достаточных для получения его клиентом ОАО «Товар» мотивированного мнения (заключения) специалиста, данного официальным путем сотрудником центра (лаборатории) судебных экспертиз, входящего в систему Минюста РФ, т.е. оформленного на бланке соответствующего учреждения со всеми необходимыми реквизитами (подпись руководителя, печать, исходящий номер и др.) и оплаченного наличным или безналичным путем в соответствии с порядком, установленным законодательством Российской Федерации.

Комиссия не может согласиться с утверждением заявителя, что адвокат К. принял на себя обязанность организовать проведение экспертизы как следственного (процессуального) действия, приводящего к получению процессуально-допустимого доказательства — заключения эксперта, поскольку ни законодательство об адвокатуре, ни действующее уголовно-процессуальное, гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство не наделяет адвоката и иных участников судопроизводства, не осуществляющих по делу властные полномочия, правом назначить экспертизу в узкопроцессуальном значении этого термина (см. ст. 82 АПК РФ, ст. 79 ГПК РФ, ст. 195, 283 УПК РФ). Вместе с тем подп. 4 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» наделяет адвоката правом привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи. В соответствии с ч. 3 ст. 37 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» «государственные судебно-экспертные учреждения вправе проводить на договорной основе экспертные исследования для граждан и юридических лиц».

Комиссия соглашается с доводами заявителя, что адвокату К. следовало более тщательно разъяснить клиенту процессуальные особенности назначения судебной экспертизы, содержание и объем прав, предоставленных адвокату действующим законодательством, различие с точки зрения доказательственного права между заключением эксперта и мнением специалиста, сделав это, например, путем составления письменной справки и т.п., не ограничиваясь устными консультациями. Однако данное упущение адвоката не может, по мнению Комиссии, рассматриваться как неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, поскольку, как усматривается из материалов дисциплинарного производства, суть претензии заявителя заключается в том, что адвокат К. вместо того, чтобы организовать получение клиентом мнения специалиста, работающего в государственном экспертном учреждении, оформленного в порядке, установленном в этом учреждении для оформления исходящих документов, получил от М., работающего в должности заведующего отделом судебных строительных экспертиз государственного учреждения «Московская лаборатория судебной экспертизы» Минюста РФ, неофициальное мнение специалиста, данное М. как частным лицом, имеющим специальные познания по экспертной специальности 16.1 «Исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними, в том числе с целью проведения

их оценки» (см. «Мнение специалиста по запросу ООО «Товар»; приказ Минюста РФ от 14 мая 2003 года № 114).

Как следует из объяснений сторон и исследованных Комиссией материалов дисциплинарного производства, адвокат К. во исполнение принятой на себя по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года обязанности организовать в государственном экспертном учреждении, входящем в систему Минюста РФ, проведение исследования с оформлением мнения специалиста (обладающего специальными познаниями в области строительно-технической и финансово-экономической экспертных специальностей), получил от доверителя необходимые для проведения исследования документы (в том числе проект составленного группой специалистов, работавших по договору с ОАО «Товар», документа – «Заключение по результатам экспертизы строительных работ по реконструкции и строительству объектов ОАО «Товар», выполненных ООО «Мастер» в период с декабря 2000 года по февраль 2003 года»), которые 18 августа и 17 сентября 2003 года передал в Государственное учреждение «Московская лаборатория судебной экспертизы» Минюста РФ. Как указал в своих объяснениях адвокат К., он позвонил генеральному директору ОАО «Товар» Н.Т.В. и устно сообщил, что документы переданы в ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, что ОАО должно заключить договор с ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, после чего будет проведено исследование и оформлено мнение специалиста; зная, что ОАО «Товар» не заключает договор с ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, адвокат К. из собственных средств заплатил не ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ, а специалисту М. за работу, связанную с составлением мнения специалиста, считая, что этот письменный документ послужит для ОАО «Товар» авторитетным доказательством необходимости заключения договора с ГУ «МЛСЭ» Минюста РФ для получения официально оформленного мнения специалиста, которое затем могло быть использовано как доказательство в арбитражном суде. По мнению адвоката К., он, передав 7 октября 2003 года указанное мнение специалиста представителю ОАО «Товар» Ф.В.П., исполнил единственно возможным способом свою обязанность перед доверителем, указанную в особых условиях к соглашению № 494 от 19 мая 2003 года. Однако Комиссия с этим утверждением согласиться не может, поскольку совершенные адвокатом К. действия не соответствуют тем, которые он обязался совершить согласно особым условиям к соглашению № 494 от 19 мая 2003 года; оплата фактически совершенных им действий в соглашении, заключенном с ОАО «Товар», не предусмотрена.

Проанализировав содержание доверенности, выданной 3 июня 2003 года ОАО «Товар» адвокатам К., П. и др., согласно которой ОАО уполномочило их быть, в частности, его «представителями во всех государственных, коммерческих, общественных учреждениях и правоохранительных органах по вопросам, связанным с совершением юридических, процессуальных и иных действий», для чего они были уполномочены подавать от имени ОАО заявления, получать необходимые справки и документы, расписываться за ОАО и совершать иные законные действия, связанные с данным поручением, Квалификационная комиссия не может согласиться с доводами адвокатов К. и П. о том, что эта доверенность не наделила их полномочиями на заключение с лабораторией судебных экспертиз договора от имени ОАО «Товар» о проведении исследования (получении мнения специалиста). Представляются неубедительными ссылки адвоката К., на необходимость в силу ч. 2 ст. 62 АПК РФ и ст. 54 ГПК РФ специального указания в доверенности на право поверенного заключать договоры, поскольку названные им нормы распространяются только на процессуально-правовые, а не на материально-правовые (гражданско-правовые) отношения; не убедительны, как не основанные на законе, и ссылки адвоката П.

на «сложившуюся практику». В этой связи Квалификационная комиссия отмечает, что при наличии у адвоката сомнений относительно истинного характера данного ему доверителем поручения, объема полномочий, правильности оформления документов, подтверждающих эти полномочия, именно на адвокате лежит обязанность устранить указанные сомнения путем получения от доверителя необходимых, желательно письменных, инструкций, однозначно разрешающих неясные вопросы, поскольку адвокат как лицо, оказывающее на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Переходя к обсуждению вопроса о целевом назначении денежных средств, уплаченных заявителем адвокату К. по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года, Квалификационная комиссия отмечает, что, даже устранив все неясности в документах, подтверждающих его полномочия, адвокат во многих случаях не сможет выполнить поручение доверителя, если последний не компенсирует расходы адвоката, связанные с исполнением поручения, либо изначально не примет эти расходы на свой счет.

Как установила Комиссия, заявитель четыре раза вносил (перечислял) денежные суммы во исполнение своих обязанностей по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года: 19 мая 2003 года – 46 500 рублей; 30 мая 2003 года – 100 000 рублей; 4 июня 2003 года – 163 525 рублей, 909 000 рублей.

В жалобе заявитель утверждает, что по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года адвокату К. были уплачены в качестве вознаграждения денежные средства в сумме 146 500 рублей, а денежная сумма в размере 1 072 525 рублей была уплачена отдельно от указанного вознаграждения и именно в целях оплаты проведения исследования и получения в государственном экспертном учреждении, входящем в систему Минюста РФ, мнения специалиста, обладающего специальными познаниями в области строительно-технической, финансово-экономической экспертизы, однако адвокатом К. не были представлены ни мнение специалиста, ни сведения о целевом расходовании денежных средств в сумме 1 072 525 рублей. Адвокаты К. и П. утверждают, что 1 072 525 рублей были перечислены заявителем в качестве оплаты за юридическую помощь по соглашению № 494 от 19 мая 2003 года, а не в качестве оплаты работы специалиста; при этом адвокат К. подчеркнул, что в соглашении № 494 от 19 мая 2003 года письменное указание об увеличении гонорара адвокатов на 1 072 525 рублей не вносилось, поскольку по этому вопросу с доверителем было заключено устное соглашение по нормам ГК РФ.

Квалификационная комиссия не может согласиться с утверждением адвоката К. о том, что он был вправе заключить с доверителем устное соглашение об увеличении суммы вознаграждения на 1 072 525 рублей, руководствуясь нормами ГК РФ. Согласно ч. 1 п. 1 ст. 434 ГК РФ договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма, а в силу ч. 1 п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» соглашение между адвокатом и доверителем представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме.

В то же время в силу п. 1 ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора, исполнение которого оплачивается по цене, установленной соглашением сторон (ч. 1 п. 1 ст. 424 ГК РФ); изменение цены после заключения дого-

вора допускается в случаях и на условиях, предусмотренных договором, законом либо в установленном законом порядке (п. 2 ст. 424 ГК РФ). В предусмотренных законом случаях применяются цены (тарифы, расценки, ставки и т.п.), устанавливаемые или регулируемые уполномоченными на то государственными органами (ч. 2 п. 1 ст. 424 ГК РФ), однако для определения условий выплаты доверителями адвокатам вознаграждения за оказываемую юридическую помощь подобные ограничения не установлены.

Проанализировав и оценив представленные заявителем доказательства, обосновывающие, по его мнению, факт перечисления адвокату К. 1 072 525 рублей именно в целях оплаты проведения исследования и получения в государственном экспертном учреждении, входящем в систему Минюста РФ, мнения специалиста, Квалификационная комиссия не находит их убедительными, поскольку в них не содержится однозначных указаний на то, что адвокат К. знал или должен был знать о таком целевом назначении этого платежа. Наоборот, в обоих платежных поручениях (№ 000 от 4 июня 2003 года и № 000 от 23 июля 2003 года), в графе «Назначение платежа», было указано «Адвокатские услуги. НДС не облагается». В соответствии с подп. 14 п. 3 ст. 149 Налогового кодекса РФ не подлежит налогообложению (освобождается от налогообложения) на территории Российской Федерации оказание услуг адвокатами; оплата консультаций специалистов под этот налоговый режим не подпадает, о чем сотрудники бухгалтерии ОАО «Товар» не могли не знать. Не может быть признана убедительной и ссылка заявителя на телеграмму-уведомление, направленную им адвокату К. 5 сентября 2003 года (исх. № 596/1-3), поскольку телеграмма не была вручена адресату.

В то же время Квалификационная комиссия отмечает, что в силу ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат К. как лицо, оказывающее на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, обязан был при внесении изменений и дополнений в соглашение об оказании юридической помощи делать это в установленной законом форме; после предъявления заявителем претензий о нецелевом расходовании денежных средств – приостановить их списание с лицевого счета адвоката и принять меры к разрешению возникших разногласий, не дожидаясь обращения доверителя с жалобой в адвокатскую палату и не угрожая доверителю предъявлением иска с целью принудительного взыскания стоимости выполненной работы сверх той суммы в 1 219 025 рублей, которая уже была им перечислена. По тем же причинам адвокату К. следовало четче формулировать в соглашении указание на адвоката (адвокатов), принявших исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), предмет поручения, условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения (см. п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»). Между тем например, в экземпляре соглашения № 494 от 19 мая 2003 года, представленном заявителем, названы адвокаты К. и П., однако подпись последнего в соглашении отсутствует; подпись адвоката П. имеется только на первом листе экземпляра соглашения, представленного в Квалификационную комиссию адвокатом К. Что касается адвокатов Д. и С., которые наряду с адвокатами К. и П. указаны в доверенности, выданной ОАО «Товар» 3 июня 2003 года, то они в соглашении № 494 от 19 мая 2003 года как адвокаты, принявшие исполнение поручения в качестве поверенных, вопреки подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» вообще не

указаны, хотя вознаграждение из средств, поступивших для оплаты юридической помощи по этому соглашению, им также выплачивалось.

Поскольку Квалификационная комиссия пришла к выводу, что адвокат К. не организовал проведение исследования и получение в государственном экспертном учреждении, входящем в систему Минюста РФ, мнения специалиста, обладающего специальными познаниями в области строительно-технической, финансово-экономической экспертизы, т.е. не совершил действия, которые он обязался совершить согласно особым условиям к соглашению № 494 от 19 мая 2003 года, то, следовательно, адвокат К. не имел права в этой части получать вознаграждение (вознаграждение выплачивается только за оказанную юридическую помощь).

В жалобе заявитель обращает внимание на допущенное, по его мнению, адвокатом К. нарушение п. 6 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», выразившееся в том, что адвокат К. настоял на уплате 1 072 525 рублей на личный счет гражданина К. в Сбербанке, а не на расчетный счет адвокатского образования. По этому поводу адвокатом К. даны Квалификационной комиссии подробные объяснения, которые Комиссия находит убедительными. Формально нарушение требований закона имело место, однако наличие в российской адвокатуре в пореформенный переходный период различных организационных сложностей, в том числе связанных с несовершенством бухгалтерского учета, Комиссия признает общеизвестным фактом, поэтому решающим в данном случае, по мнению комиссии, является то, что еще 5 августа 2003 года, т.е. до предъявления доверителем каких-либо претензий, адвокат К. внес всю перечисленную на его личный счет в Сбербанке сумму в кассу адвокатского образования.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять обязанности, отстаивать (активно защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами руководствуясь Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 7, подп. 6 п. 1 ст. 17 названного Закона; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленными конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что адвокат К. ненадлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем ОАО «Товар», поскольку не организовал проведение исследования и получение в государственном экспертном учреждении, входящем в систему Минюста РФ, мнения специалиста, обладающего специальными познаниями в области строительно-технической, финансово-экономической экспертизы; вместо этого в частном (неофициальном) порядке получил мнение специалиста М., т.е. не совершил действия, которые он обязался совершить согласно особым условиям к соглашению № 494 от 19 мая 2003 года. Ненадлежащим образом исполнив свои обязанности перед доверителем, адвокат К. не имел права получать вознаграж-

дение за юридическую помощь, оплата которой не была предусмотрена в соглашении с доверителем.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом К. своих обязанностей перед доверителем ОАО «Товар» по соглашению об оказании юридической помощи № 494 от 19 мая 2003 года.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 25 марта 2004 года № 9 к адвокату К. за нарушение п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката и ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (ненадлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем) применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 36
по дисциплинарному производству в отношении адвоката М.**

26 марта 2004 года

город Москва

(Извлечение)

26 марта 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты, рассмотрела материалы вышеуказанного дисциплинарного производства (обращение от 5 ноября 2003 года; объяснения М. от 29 декабря 2003 года) и заслушала устные объяснения адвоката М.

Адвокат М. 15 апреля 2003 года учредил адвокатский кабинет, однако не поставил об этом в известность федерального судью Л.И.А. в Л...ном районном суде г. В., где осуществляет защиту подсудимого О.Н.К. Адвокат М. не сообщил суду время учреждения и адрес своего кабинета.

В результате 15 апреля, 8 июля, 7 августа, 10 сентября, 2 октября, 5 ноября 2003 года суд был вынужден откладывать рассмотрение дела в отношении подсудимого О.Н.К. в связи с неявкой адвоката М.

После обращения судьи Л.И.А. в Адвокатскую палату г. Москвы 5 ноября 2003 года, согласно объяснениям адвоката М. от 29 декабря 2003 года, им сообщен адрес своего кабинета судье и согласовано время очередного судебного заседания.

В то же время из вышеизложенного следует, что адвокат М. надлежащим образом, добросовестно и своевременно не известив судью Л.И.А. об учреждении адвокатского кабинета и его адресе, пять раз подряд сорвал судебное заседание, т.е. нарушил п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом М. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 21 апреля 2004 года № 11 к адвокату М. за нарушение подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокат-

ской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката применена мера дисциплинарного взыскания в виде выговора.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 45
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

23 апреля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданин Б.С.В. обратился в Адвокатскую палату с жалобой на адвоката Г., указав, что 18 мая 2003 года он заключил соглашение с адвокатом на оказание ему юридической помощи в уголовном деле. В п. 3 соглашения, написанного адвокатом собственноручно, адвокат Г. обязался добиться прекращения уголовного дела или оправдания доверителя на предварительном следствии или в суде. При этом он потребовал, чтобы доверитель выплатил ему в качестве гонорара 1 000 долларов США, что и было сделано. В соглашении адвокат указал сумму гонорара в размере 30 000 рублей. Однако адвокат Г. своих обязательств не выполнил. На предварительном следствии и в суде вел себя пассивно, в том числе и при производстве следственных действий. Жалоб и ходатайств не заявлял. На судебное заседание, назначенное на 23 сентября 2003 года, несмотря на предупреждение и просьбу заявителя не явился. Не явился он и на судебное заседание 29 сентября 2003 года, в результате чего доверитель вынужден был осуществлять свою защиту в суде без участия адвоката. На просьбу доверителя вернуть хотя бы половину из полученной в качестве гонорара суммы адвокат Г. ответил отказом. Б.С.В. просит в жалобе привлечь адвоката Г. к дисциплинарной ответственности и обязать его вернуть выплаченные ему доверителем сумму в 1 000 долларов США.

30 октября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В представленном Совету Адвокатской палаты г. Москвы объяснении адвокат Г. заявил, что защиту Б.С.В. в военном суде он осуществлял по назначению на основании ст. 51 УПК РФ. Денег в сумме 1 000 долларов США в соответствии с предварительным соглашением от Б.С.В. не получал. 29 сентября 2003 года ему позвонил Б.С.В. и сообщил, что от его услуг в качестве защитника отказывается и будет участвовать в процессе самостоятельно. Аналогичные пояснения он дал в присутствии членов Квалификационной комиссии.

Однако в материалах дисциплинарного производства имеются копии постановления судьи военного суда об отложении судебного разбирательства из-за отсутствия адвоката-защитника Г., а также копия протокола судебного заседания от 29 сентября 2003 года, в котором указано, что Г. не явился в судебное заседание.

Комиссия ознакомлена с «Предварительным соглашением», представленным доверителем. Г. не отрицал, что данный документ написан им.

Выслушав объяснения адвоката Г., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

В соответствии с подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат Г. был не вправе отказываться от принятой на себя защиты гр. Б.С.В.

В соответствии с п. 7 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат Г. был обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством средствами, чего он не сделал.

Адвокат Г. в нарушение п. 3 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката не воздержался от заключения соглашения о гонораре, при котором выплата вознаграждения ставится в зависимость от окончания дела в пользу доверителя.

Квалификационная комиссия отмечает, что в ее компетенцию (в отличие от государственных органов, осуществляющих гражданское и уголовное судопроизводство) не входит установление факта достоверности или недостоверности утверждений адвоката о неполучении им денег в качестве гонорара. Комиссия проверяет лишь вопрос о надлежащем исполнении адвокатом обязанностей перед доверителем. По мнению Комиссии, надлежащее исполнение адвокатом обязанностей перед доверителем в части предоставления последнему отчета о расходовании уплаченных адвокату по соглашению об оказании юридической помощи денежных средств предполагает, что адвокат все расходы должен оформлять в соответствии с требованиями действующего законодательства, что позволит ему впоследствии, не прибегая к судебным процедурам, надлежащим образом отчитаться перед доверителем о произведенных расходах. Адвокат Г. ненадлежащим образом оформил получение денег от доверителя и не отчитался перед ним. Данное обстоятельство Квалификационная комиссия также расценивает как ненадлежащее исполнение адвокатом Г. обязанностей перед доверителем.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о неисполнении и ненадлежащем исполнении адвокатом Г. своих обязанностей перед доверителем Б.С.В. по соглашению об оказании юридической помощи.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 27 мая 2004 года (протокол № 6) адвокату Г. объявлено замечание.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 50
по дисциплинарному производству в отношении адвоката М.**

21 мая 2004 года

город Москва

(Извлечение)

О.С.В. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на адвоката М., указав в ней, что 7 августа 2002 года он заключил договор № 10/... на ведение гражданского дела (истцы по делу О.С.В., О.Г.В.) с Центром правовой помощи «Центр»; по делу с О-ых С.В. и Г.В. работали Р. (адвокат Коллегии адвокатов «Б») и М. («Центр»); 30 октября 2003 года О.С.В. как доверитель по договору подал в «Центр» уведомление о расторжении договора по инициативе доверителя; уведомление было принято генеральным директором «Центр» П.Д.М., адвокат Р. и представитель М. были извещены о подаче уведомления 30 октября 2003 года, однако, несмотря на неоднократные требования О.С.В. представить акт выполненных работ с указанием их стоимости за период с 7 августа 2002 года по 30 октября 2003 года, такой акт до сих пор не представлен; 9 декабря 2003 года Р. назначила О-ым С.В. и Г.В. встречу в «Центре», затем встречу отменила, в этот же день представитель О-ых прибыл в «Центр» и потребовал вернуть доверенности на ведение дела, однако генеральный директор П.Д.М. отказала в просьбе о возврате доверенностей и предоставлении акта выполненных работ; 10 декабря 2003 года О-вы С.В. и Г.В. вновь позвонили Р., просили выдать акт и вернуть доверенности, но она ответила им, что нужно обращаться в «Центр» к генеральному директору. Заявитель просит принять меры административного характера и обязать адвокатов выдать акт выполненных работ с расторжением договора в надлежащем виде.

24 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (распоряжение № 46), материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

12 апреля 2004 года О.С.В. подал дополнительную жалобу (вх. № б/н от 21 апреля 2004 года), в которой указал, что по указанию Р. О-ми С.В. и Г.В. была выдана доверенность с полномочиями также на имя И.М.Л., а М. передоверяла доверенность Ч.

В своем письменном объяснении от 9 февраля 2004 года адвокат М. в связи с обстоятельствами, изложенными в жалобе О.С.В., указала, что в августе 2002 года О.С.В. обратился в ООО «Центр», где с ним был заключен Договор на оказание юридической помощи от 1 июля 2002 года, в соответствии с которым М. оказывает юридическую помощь центру, а также его клиентам, в том числе консультирует по различным правовым вопросам, составляет жалобы, заявления и иные документы, представляет их интересы в суде; за оказание юридической помощи по данному договору М. получает вознаграждение от ООО «Центр», которое вносится в Коллегию адвокатов, членом которой является адвокат М.; руководителем центра юристам и адвокатам, работающим с центром на основании договоров, в том числе адвокату М., было поручено ведение дела О-ых; 30 октября 2003 года О.С.В. в ООО «Центр» было предъявлено заявление о расторжении договора, в связи с чем работа по их делу была прекращена; адвокат М. считает, что отказ ООО «Центр» в предоставлении О.С.В. акта выполненных работ с указанием их стоимости не имеет к ней никакого отношения, поскольку договор на ведение гражданского дела был заключен О.С.В.

не с адвокатом М., а с ООО «Центр»; адвокат М. считает, что она не имеет полномочий предоставлять О.С.В. какие-либо документы, так как решение данного вопроса находится исключительно в компетенции директора ООО «Центр», при этом адвокат уточняет, что, насколько ей известно, ООО «Центр» в адрес О.С.В. было направлено письмо с разъяснением, что предоставление акта выполненных работ договором между ними не предусмотрено, кроме того, результат проведенной работы в виде копий судебных актов, ответов на запросы, жалобы и заявления находится у О.С.В. и подтверждает объем произведенной работы по его делу.

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 21 мая 2004 года, адвокат М. полностью подтвердила сведения, изложенные в ее письменных объяснениях, дополнительно пояснила, что, поскольку она не заключала непосредственно с заявителем О.С.В. договора на оказание юридической помощи (такой договор он заключил с ООО «Центр», по договору с которым адвокат М. оказывает юридическую помощь клиентам, обращающимся в этот центр), то она считает, что не должна была предоставлять О.С.В. запрашиваемые им документы; решение вопроса о возврате документов находится исключительно в компетенции директора «Центр».

Адвокатом М. представлены и Квалификационной комиссией приобщены к материалам дисциплинарного производства копии почтовой квитанции о приеме ценного письма и описи вложения в ценное письмо, из которых усматривается, что 14 апреля 2004 года по домашнему адресу О.С.В. было направлено ценное письмо с пятью доверенностями (одна доверенность на Р., две доверенности на И., одна доверенность на П., одна доверенность на М.).

Выслушав объяснения адвоката М., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы О.С.В., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Согласно п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем», «соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу».

Из исследованных Комиссией доказательств усматривается, что договор № 10/... об оказании юридической помощи О.С.В. заключил 7 августа 2002 года с ООО «Центр», а не с адвокатом М., т.е. он не обращался за оказанием правовой помощи именно к М. как адвокату, в период действия договора юридическую помощь О.С.В. оказывали разные лица, привлекавшиеся в этих целях ООО «Центр», в том числе и адвокат М. В то же время М. как адвокат заключила Соглашение об оказании юридической помощи с ООО «Центр», в соответствии с которым она оказывает юридическую помощь клиентам, обращающимся в этот «Центр».

Квалификационная комиссия считает, что при изложенных обстоятельствах в действиях адвоката М. отсутствует нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не осуществляла адвокатскую деятельность без заключения с доверителем в простой письменной форме соглашения на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Рос-

сийской Федерации»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат М. таких поступков не совершила.

На основании изложенного **Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.**

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

16 июня 2004 года

№ 21

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката М. по жалобе О.С.В.

(Извлечение)

24 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М. (реестровый № 77/...) по жалобе О.С.В. (вх. № 3638 от 23 декабря 2003 года).

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы на своем заседании 21 мая 2004 года пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката М. нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

При рассмотрении дисциплинарного производства Квалификационная комиссия установила, что адвокат М. не заключала с О.С.В. договора на оказание юридической помощи, поскольку такой договор был заключен О.С.В. с ООО «Центр», по договору с которым адвокат М. оказывает юридическую помощь клиентам, обращающимся в этот центр. Кроме того, в дополнительной жалобе от 12 апреля 2004 года О.С.В. указывает, что без согласия М. передоверила Ч. ведение дела. О.С.В. просил обязать адвокатов представить акт выполненной работы и акт о расторжении договора.

Адвокат М., присутствовавшая на заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы, подтвердила фактические обстоятельства, установленные Квалификационной комиссией. Она считает, что не должна была предоставлять О.С.В. запрашиваемые им документы, поскольку непосредственно с заявителем соглашение не заключала. Решение данного вопроса находится исключительно в компетенции директора «Центра».

Совет Адвокатской палаты г. Москвы, оценив фактические обстоятельства, установленные Квалификационной комиссией при Адвокатской палате г. Москвы при рассмотрении жалобы О.С.В. в отношении адвоката М., приходит к выводу о наличии в действиях адвоката дисциплинарного проступка.

В соответствии с п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое заключается в простой письменной форме.

Адвокат М. в нарушение требований закона оказывала юридическую помощь О.С.В. без надлежаще оформленного соглашения.

В соответствии с п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, совершенного умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности

Члены Совета Адвокатской палаты г. Москвы провели тайное голосование бюллетенями.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 1, 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, и на основании п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», Совет Адвокатской палаты

РЕШИЛ:

объявить адвокату М. замечание за оказание юридической помощи доверителю без заключения письменного соглашения с доверителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 55 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.

4 июня 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Федеральный судья Г...ского районного суда г. Москвы Ч.Э.В. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением, указав, что Г...ским районным судом г. Москвы слушается уголовное дело № 1-94/... в отношении сотрудника милиции С.А.К., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 213 УК РФ; защитником С.А.К. по соглашению выступает адвокат Московской коллегии адвокатов «...» Г., представивший ордер № 860 от 2 декабря 2003 года.

18 декабря 2003 года судебное заседание по уголовному делу было отложено в связи с неявкой адвоката Г. Впоследствии адвокат Г. предоставил справку о своей занятости в этот день в Московском окружном военном суде.

17 февраля 2004 года судебное заседание было отложено на 25 февраля 2004 года в связи с неявкой адвоката Г., о причинах неявки адвокат надлежащим образом суд не известил, причин неявки впоследствии не сообщил и документов, объясняющих его отсутствие, в суд не представил. В судебном заседании подсудимый С.А.К. показал, что его защитник должен был явиться в судебное заседание. Письмо о времени и месте очередного судебного заседания было направлено 17 февраля 2004 года на имя председателя МКА «...» Ю.С.С. и адвоката Г. по факсу... и получено секретарем МКА «...» С.Л.П. в этот же день в 17 часов 57 минут.

25 февраля 2004 года в очередное судебное заседание адвокат Г. также не явился, о причинах неявки надлежащим образом суд не известил, документов о причинах неявки в суд не предоставил, в связи с чем судебное заседание вновь было отложено на 9 марта 2004 года. Подсудимый показал, что адвокат Г. извещен о времени и месте судебного заседания, обещал прибыть в суд, однако по неизвестным ему причинам отсутствует.

Судья Ч.Э.В. считает, что адвокат Г. ненадлежащим образом исполняет свои профессиональные обязанности по осуществлению взятой на себя защиты подсудимого С.А.К. по уголовному делу, своим поведением бесосновательно затягивает процесс, чем нарушает права участвующих в процессе педагога, а также значительного количества несовершеннолетних потерпевшего, свидетелей и их законных представителей, которые вынуждены, являясь в суд, прерывать свою учебу и работу.

С учетом изложенного судья Ч.Э.В. просит решить вопрос об ответственности адвоката Московской коллегии адвокатов «...» Г.

26 февраля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 4 марта 2004 года, а также в объяснениях, данных 4 июня 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Г. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении федерального судьи Г...ского районного суда г. Москвы Ч.Э.В., указал, что соглашение № СУ03-3/226 по защите прав и законных интересов сотрудника милиции С.А.К. было заключено 23 сентября 2003 года. Первое судебное заседание по данному уголовному делу было проведено 2 декабря 2003 года под председательством федерального судьи Ч.Э.В. и было отложено в связи с тем, что суд не предупредил несовершеннолетних свидетелей о необходимости явки их родителей. Потерпевший, его мать, педагог и зам. директора по воспитательной работе из школы, трое из пятерых свидетелей в судебное заседание явились. Следующее судебное заседание было намечено на 18 декабря 2003 года. На возражения адвоката Г. о том, что на 18 декабря 2003 года у него уже назначено судебное заседание по другому уголовному делу, судья Ч.Э.В. заявил, что это его не касается. Адвокат Г. тут же предупредил всех остальных участников процесса о своей занятости 18 декабря 2003 года в другом процессе. 18 декабря 2003 года подзащитный С.А.К. представил в Г...ский районный суд справку из Московского окружного военного суда об участии адвоката Г. в этот день в судебном заседании по уголовному делу в отношении Т.М.И. На следующих судебных заседаниях 16 и 28 января 2004 года, проведенных как и 18 декабря 2004 года федеральным судьей З., поскольку судья Ч.Э.В. находился в отпуске, кроме адвоката Г. с его подзащитным С.А.К. и государственного обвинителя в зале судебного заседания никто больше не присутствовал. Председательствующий судья З. не сообщала участникам процесса причин отсутствия потерпевшего, свидетелей и др. лиц. В судебном заседании 28 января 2004 года председательствующий судья З. сообщила, что следующее судебное заседание состоится 17 февраля 2004 года вновь под председательством судьи Ч.Э.В. Когда адвокат Г. сообщил судье З., что день 17 февраля 2004 года у него уже занят другим судебным процессом, судья З. заявила, что суд не должен зависеть от занятости адвоката, который должен вести одно уголовное дело и только после его окончания браться за другое. 17 февраля 2004 года адвокат Г. участвовал в судебном процессе в П...ком районном суде г. Москвы, что также подтверждено соответствующей справкой. Его подзащитный С.А.К. в этот же день подал соответствующее заявление о занятости адвоката судье Ч.Э.В., объяснив причины отсутствия адвоката. Насколько адвокат Г. помнит, он сам лично не извещал к 17 февраля 2004 года Г...ский районный суд о днях своей занятости в других процессах после 17 февраля 2004 года. Сообщение о перенесении судьей Ч.Э.В. судебного заседания на 25 февраля 2004 года на 14 часов 30 минут адвокат Г. получил от своего подзащитного и через секретаря коллегии адвокатов. На этот день по разным причинам произошла накладка: на 10 часов утра было назначено судебное заседание в Л...ском

суде Московской области и в Ч...ском районном суде г. Москвы. Судья П.С.Ю. из Л...ского суда сообщила, что судебное заседание обязательно состоится, а в Ч...ском суде два судебных заседания уже переносились в связи с неявкой потерпевшего. Поэтому с утра адвокат Г. поехал в г. Л., сообщив своему подзащитному С.А.К., что постарается приехать к 14 часам в Г...ский районный суд г. Москвы. Однако из-за длительного ожидания свидетелей со стороны обвинения судебное заседание в Л...ском городском суде продлилось до 15 часов, что подтверждается копией справки, представленной Комиссии. По существу и качеству оказываемых адвокатом Г. юридических услуг подсудимый С.А.К. никаких претензий ему не предъявлял, поэтому с оценкой судьей Ч.Э.В. исполнения адвокатом Г. профессиональных обязанностей он не согласен. Адвокат Г. полагает, что причины происшедших срывов судебных заседаний в Г...ском суде в значительной степени кроются в высокомерном отношении судей к адвокатам, которые не состоят в местной (территориальной) юридической консультации.

Выслушав объяснения адвоката Г., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы сообщения судьи, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (п. 1 и 4 ч. 1 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При решении Г...ским районным судом г. Москвы 2 декабря 2003 года и 28 января 2004 года вопроса об отложении судебного разбирательства по уголовному делу по обвинению С.А.К., соответственно, на 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года, защитник — адвокат Г., принимавший участие в судебных заседаниях 2 декабря 2003 года и 28 января 2004 года, возражал против отложения рассмотрения дела на 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года, указывая, что уже имеет назначенные на эти даты процессы в других судах Российской Федерации. Однако возражения адвоката Г. не были приняты во внимание судьями — председательствовавшими в судебных заседаниях Г...ского районного суда г. Москвы, что неизбежно повлекло необходимость вновь откладывать судебное разбирательство по уголовному делу по обвинению С.А.К. ввиду неявки в судебное заседание защитника (ч. 2 ст. 248, ч. 1 ст. 253 УПК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката Г. по доводам сообщения федерального судьи Г...ского районного суда г. Москвы Ч.Э.В. о неявке адвоката в судебные заседания 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года, Квалификационной комиссии не представлено.

Квалификационная комиссия считает, что при решении в судебных заседаниях вопроса об отложении судебного разбирательства на 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года адвокат Г. действовал в полном соответствии с п. 1 ст. 14 Кодекса професси-

ональной этики адвоката, а потому в указанной части дисциплинарное производство следует прекратить.

28 января 2004 года, несмотря на возражения защитника – адвоката Г. – Г...ский районный суд г. Москвы отложил судебное разбирательство уголовного дела по обвинению С.А.К. на 17 февраля 2004 года. Адвокат Г., как следует из его объяснений, 28 января 2004 года уже знал о деле, назначенном к слушанию с его участием на 17 февраля 2004 года в П...ком районном суде г. Москвы; понимал, что 17 февраля 2004 года он в судебное заседание Г...ского районного суда г. Москвы явиться не сможет, что неизбежно в силу ч. 2 ст. 248, ч. 1 ст. 253 УПК РФ повлечет отложение судебного разбирательства уголовного дела по обвинению С.А.К. Несмотря на это, адвокат Г. не представил в Г...ский районный суд г. Москвы к 17 февраля 2004 года ходатайство (заявление) с указанием дней, на которые адвокат уже имел назначенные судами к слушанию с его участием дела после 17 февраля 2004 года. Непредставление адвокатом Г. указанного ходатайства (заявления) в Г...ский районный суд г. Москвы не позволило суду при определении новой даты судебного разбирательства учесть занятость адвоката в других процессах, в результате чего судебное разбирательство было отложено на 25 февраля 2004 года, т.е. на день, когда с участием адвоката Г. уже были назначены к слушанию уголовные дела в Л...ском городском суде Московской области и Ч...ском районном суде г. Москвы.

Таким образом, по мнению Комиссии, 25 февраля 2004 года судебное разбирательство по уголовному делу по обвинению С.А.К. в Г...ском районном суде г. Москвы не состоялось по вине адвоката Г., который в нарушение п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, не имея возможности по уважительным причинам прибыть 17 февраля 2004 года в назначенное время для участия в судебном заседании в Г...ском районном суде г. Москвы, не принял мер к согласованию с председательствующим по делу судьей взаимно приемлемого времени нового судебного разбирательства, т.е. не выполнил свою обязанность.

Документально подтвержденное участие адвоката Г. 25 февраля 2004 года до 15 часов в судебном заседании в Л...ском городском суде Московской области свидетельствует лишь о том, что в этот день в Г...ский районный суд г. Москвы он не явился по уважительной причине, но не опровергает вывода Комиссии о нарушении адвокатом п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, которое он совершил, не представив к 17 февраля 2004 года в Г...ский районный суд г. Москвы ходатайства (заявления) с указанием дней своей занятости в других процессах. По мнению Комиссии, не имеет юридического значения и то обстоятельство, что адвокат Г., насколько он помнит, продиктовал дни своей занятости после 17 февраля 2004 года подзащитному С.А.К., который должен был написать заявление от своего имени и представить его в Г...ский районный суд г. Москвы, поскольку адвокат-защитник как профессиональный участник судопроизводства обязан оказывать подсудимому квалифицированную юридическую помощь, а не перекладывать на последнего свои процессуальные обязанности, адвокат должен сам, а не через посредников, проявлять уважение к суду.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установлен-

ных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 и 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение:

— о нарушении адвокатом Г. п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизоду неявки 25 февраля 2004 года в судебное заседание Г...ского районного суда г. Москвы по уголовному делу по обвинению гражданина С.А.К. (бездействие при решении Г...ским районным судом г. Москвы вопроса об отложении судебного разбирательства с 17 на 25 февраля 2004 года);

— о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката Г. 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года в судебные заседания Г...ского районного суда г. Москвы по уголовному делу по обвинению гражданина С.А.К. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 16 июня 2004 года № 20 адвокату Г. объявлено замечание в связи с нарушением п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизоду неявки 25 февраля 2004 года в судебное заседание Г...ского районного суда г. Москвы по уголовному делу по обвинению гражданина С.А.К. (бездействие при решении Г...ским районным судом г. Москвы вопроса об отложении судебного разбирательства с 17 на 25 февраля 2004 года); дисциплинарное производство по эпизодам неявки адвоката Г. 18 декабря 2003 года и 17 февраля 2004 года в судебные заседания Г...ского районного суда г. Москвы по уголовному делу по обвинению гражданина С.А.К. прекращено вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 58
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Б.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

12 февраля 2004 года от гр-ки Л.Г.Н. в Адвокатскую палату г. Москвы поступила жалоба от 9 февраля 2004 года на действия адвоката Б.

В жалобе указано, что гр-ка Л.Г.Н. и ее дочь Л.Ж.В. в апреле 2004 года обратились в Коллегию адвокатов «...» с просьбой представлять интересы Л.Ж.В. в суде по ее трудовому делу. Договор на оказание юридической помощи Л.Ж.В. подписала Б., а фактически она в судебном заседании участия не принимала, а дело вел стажер. При рассмотрении дела в суде в иске Л.Ж.В. было отказано. Заявитель считает, что такое решение суд вынес в результате некачественной работы адвоката по делу, однако гонорар, эквивалентный 300 долларам США, ей не возвратили.

Президентом Адвокатской палаты г. Москвы 13 февраля 2004 года на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы.

Заявитель Л.Г.Н., представившая нотариальную доверенность от имени Л.Ж.В., поддержала свое заявление и пояснила, что ее дочери в Коллегии адвокатов «...» оказали неквалифицированную юридическую помощь и не возвращают уплаченный гонорар.

Из письменных объяснений адвоката Б. следует, что 18 апреля 2003 года был заключен договор поручения № КА/002-2003 между Некоммерческим партнерством «Коллегия адвокатов города Москвы “...”» и Л.Ж.В. Согласно п. 2.2.1 договора доверитель обязался выдать доверенность на выполнение поручения сотрудникам коллегии, иначе говоря, согласился с тем, что совершать действия, связанные с представительством его интересов, вправе не только адвокат, но и сотрудник коллегии. Б., состоящий в штате коллегии в должности стажера, представлял интересы доверителя (Л.Ж.В.) в 3...ком районном суде г. Москвы по поручению и под руководством Б. В соответствии с п. 3 договора вознаграждение коллегии состояло из суммы предоплаты, эквивалентной 300 долларам США, и премиального вознаграждения, выплачиваемого доверителем коллегии в случае вынесения судом первой инстанции положительного решения по иску. Поскольку в соответствии с договором выплата доверителем коллегии суммы предоплаты не была поставлена в зависимость от содержания решения суда, указанная сумма возврату не подлежит.

На заседании Квалификационной комиссии 9 июля 2004 года адвокат Б. дополнительно пояснила, что договор с гр-кой Л.Ж.В. она подписала как председатель Коллегии, ведение этого дела поручила своему стажеру, который проводил дело по доверенности под ее руководством, сама как адвокат в судебных заседаниях участия не принимала, так как была в командировке. Согласна с тем, что, заключив договор от имени коллегии, а не от имени адвоката и поручив ведение дела стажеру, допустила нарушение Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Выслушав объяснение заявителя Л.Г.Н., адвоката Б., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

18 апреля 2003 года гр-ка Л.Ж.В. и Некоммерческое партнерство «Коллегия адвокатов города Москвы “...”» заключили договор поручения № КА/002-2003 на представление интересов доверителя в суде по иску об оспаривании причин увольнения, об отмене дисциплинарного взыскания и т.д.

Договор подписан Л.Ж.В. и председателем «НП КА г. Москвы “...”» Б. По приходному кассовому ордеру 18 апреля 2003 года от Л.Ж.В. было получено 9 360 рублей в оплату по договору № КА/002-2003.

Адвокат при осуществлении адвокатской деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем; соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом, на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу (п. 1, 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). Стажер адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката, выполняя его отдельные поручения. Стажер адвоката не вправе самостоятельно заниматься адвокатской практикой (п. 2

ст. 28 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Квалификационная комиссия считает, что, подписав договор на оказание юридической помощи, адвокат Б. приняла на себя обязанность перед доверителем Л.Ж.В. на ведение ее дела в суде. Однако свои обязанности перед доверителем не исполнила, перепоручив в нарушение требований закона ведение дела своему стажеру. Поскольку поручение адвокатом Б. не исполнено, а стажер состоит с Коллегией адвокатов в трудовых отношениях и получает за свою работу заработную плату, а не гонорар от доверителя, то может быть поставлен вопрос о возврате гонорара доверителю в размере 9 360 рублей.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о неисполнении адвокатом Б. своих обязанностей перед доверителем Л.Ж.В.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 22 июля 2004 года № 35 адвокату Б. объявлен выговор за неисполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем Л.Ж.В.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 68
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В поступившем в Адвокатскую палату г. Москвы частном определении Д...ского городского суда Московской области от 22 декабря 2003 года (вх. № 38 от 9 января 2004 года и № 128 от 19 января 2004 года) указано, что по находящемуся в производстве суда уголовному делу по обвинению Б.В.В. и К.А.А. в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 и др. УК РФ, защиту подсудимого Б.В.В. осуществляет адвокат Межтерриториальной коллегии адвокатов «...» Гильдии российских адвокатов Г. По мнению суда, адвокат Г. недобросовестно исполняет свои процессуальные обязанности в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, которое многократно откладывалось в связи с неявкой защитника Г. в судебные заседания 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября и 22 декабря 2003 года. В частности, 19 декабря 2003 года было продолжено судебное разбирательство по уголовному делу, в заседании был объявлен перерыв до 22 декабря 2003 года, до 10 часов. В назначенное время защитник Г. после перерыва в судебное заседание не явился, документов, подтверждающих уважительность причин своей неявки в непрерывное заседание Д...ского, суда не представил и заблаговременно не известил суд о невозможности своего участия в непрерывном процессе в Д...ском суде. Изложенное, по мнению суда, свидетельствует о том, что адвокат Г. не исполняет обязанности адвоката, возложенные на него подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» о добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя и нарушил нормы Кодекса профессиональной этики адвоката.

Председатель Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 128 от 19 января 2004 года), указав, что рассмотрение находящегося в производстве суда с 3 сентября 2002 года

уголовного дела по обвинению Б.В.В. и К.А.В. неоднократно откладывалось ввиду неявки защитника подсудимого Б.В.В. адвоката Г., а именно 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября, 22 и 23 декабря 2003 года, 8 января 2004 года. В частности, 19 декабря 2003 года состоялось судебное заседание по указанному уголовному делу с участием защитника Г. В заседании был объявлен перерыв до 22 декабря 2003 года до 10 часов. Присутствуя в названном судебном заседании, защитник Г. знал о времени, до которого объявлен перерыв в судебном заседании. 22 декабря 2003 года защитник Г. не явился в назначенное время в судебное заседание Д...ского суда. Подсудимый Б.В.В., интересы которого защищает адвокат Г., сообщил суду в судебном заседании 22 декабря 2003 года о том, что защитник «счел возможным прервать свое участие в заседании Д...ского суда и участвовать в заседании другого суда». Судебное заседание было отложено на 23 декабря 2003 года, в назначенное время защитник Г. также не явился в Д...ский суд, а подсудимый Б.В.В. представил справки о занятости адвоката Г. в другом процессе 22 и 23 декабря 2003 года. Судебное заседание было отложено на 8 января 2004 года, о дне и времени судебного заседания защитник Г. был надлежащим образом извещен 25 декабря 2003 года. Однако 8 января 2004 года в назначенное время он в судебное заседание не явился, заблаговременно не представил суду документы, подтверждающие уважительность причин своей неявки. Судебное заседание было отложено на 26 января 2004 года. По мнению судьи, адвокатом Г. грубо и систематически нарушается Кодекс профессиональной этики адвоката, в частности, ст. 14 Кодекса.

Председатель Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 284 от 30 января 2004 года и № 318 от 3 февраля 2004 года), указав, что 26 января 2004 года адвокат Г. вновь не явился в судебное заседание по уголовному делу по обвинению Б.В.В. и К.А.В., хотя о времени и месте судебного заседания был надлежащим образом своевременно извещен. 26 января 2004 года, лишь во время судебного заседания, через своего подзащитного Б.В.В. защитник Г. представил заявление о своей занятости в другом судебном процессе. Судебное заседание в связи с неявкой защитника было отложено на 6 февраля 2004 года. По мнению судьи, адвокатом Г. вновь допущено нарушение ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В поступившем в Адвокатскую палату г. Москвы частном определении Д...ского городского суда Московской области от 11 мая 2004 года (вх. № 1274 от 17 мая 2004 года) указано, что судебное заседание по находящемуся в производстве суда уголовному делу по обвинению Б.В.В. и К.А.В. неоднократно откладывалось (27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября, 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля и 11 мая 2004 года) в связи с неявкой адвоката Г. (защитника подсудимого Б.В.В.). При этом адвокат Г. Д...ским судом надлежащим образом своевременно извещался о дне и времени каждого судебного заседания, при определении дня и времени судебного заседания учитывался сообщенный Г. график его занятости в других судебных процессах; в заранее согласованное время адвокат Г. в судебное заседание не являлся, о своей занятости в других процессах адвокат сообщал в большинстве случаев именно в день заседания Д...ского суда. По мнению суда, адвокатом Г. грубо и систематически нарушается Кодекс профессиональной этики адвоката, в частности ст. 14 Кодекса. Кроме того, в письме председателя Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г. от 29 апреля 2004 года № .../04, поступившем в Адвокатскую палату г. Москвы из Федеральной палаты адвокатов РФ (вх. № 1206 от 30 апреля 2004 года), указано, что 3 марта 2004 года состоялось очередное судебное заседание по указанному уголовному делу. При определении дня и времени нового судебного засе-

дания поступило заявление о том, что защитник Г. занят в других судебных процессах 5 и 6 апреля 2004 года; с учетом мнения сторон, в том числе и с учетом представленных данных о занятости адвоката Г. в других судебных процессах, судебное разбирательство Д...ского суда было отложено на 2 апреля 2004 года; накануне указанного дня судебного заседания, т.е. 1 апреля 2004 года, в Д...ский городской суд поступило по факсу сообщение от защитника Г. о том, что он 2 апреля 2004 года будет занят в другом судебном процессе.

В поступившем в Адвокатскую палату г. Москвы частном определении Д...ского городского суда Московской области от 4 июня 2004 года (вх. № 1536 от 15 июня 2004 года) указано, что 3 июня 2004 года в судебном заседании по находящемуся в производстве суда уголовному делу по обвинению Б.В.В. и К.А.А. был объявлен перерыв до 4 июня 2004 года до 10 часов. Защитник Г. наравне с другими участниками процесса был извещен о дне и времени, до которого объявлен перерыв в судебном заседании. 4 июня 2004 года в назначенное время судебного заседания после перерыва защитник Г. не явился, без уважительных причин прервав свое участие в судебном разбирательстве. Защитник Г. не представил документов о причинах своей неявки в судебное заседание. По мнению суда, адвокат Г. не исполняет обязанности адвоката, возложенные на него подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» о добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя, и нарушил нормы Кодекса профессиональной этики адвоката.

Заявители, сообщая о поступках адвоката Г., просят принять меры реагирования в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

20 января, 5 февраля, 18 мая и 17 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката были возбуждены дисциплинарные производства в отношении адвоката Г., материалы которых направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Постановлением Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 9 июля 2004 года указанные дисциплинарные производства были объединены для рассмотрения в едином производстве.

В своих письменных объяснениях без даты, в письменных объяснениях от 11, 16, 25 июня 2004 года, а также в объяснениях, данных 4 июня и 9 июля 2004 года на заседаниях Квалификационной комиссии, адвокат Г. по поводу обстоятельств, изложенных в частных определениях Д...ского городского суда Московской области и в сообщениях председателя этого суда М.Л.Г., указал:

– по факту отсутствия адвоката Г. в судебных заседаниях 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года: вопрос о причинах неявки адвоката Г. в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области в указанные даты уже был в октябре 2003 года предметом разбирательства в Адвокатской палате г. Москвы, при этом в обращениях председателя Д...ского городского суда Московской области приводились те же «необоснованные претензии»;

– содержащееся в материалах дисциплинарного производства письмо председателя П...кого районного суда г. Москвы от 2 декабря 2003 года № 855/03, направленное в Д...ский городской суд Московской области по запросу от 25 ноября 2003 года № 7-10/03, содержит ошибочную информацию о том, что якобы «адвокат Г. 4 апреля 2003 года в судебных заседаниях по уголовным делам П...кого районного суда г. Москвы не участвовал»; в подтверждение допущенной ошибки адвокатом Г. представлена заверенная федеральным судьей П...кого районного суда г. Москвы Т.О.И. копия

протокола судебного заседания этого суда от 4 апреля 2003 года по уголовному делу по обвинению Ч.Р.О. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, из которого видно, что адвокат Г. участвовал в судебном заседании; ошибку, вкравшуюся в письмо председателя П...кого районного суда г. Москвы, федеральный судья Т.О.И. объяснила адвокату тем, что исполнитель письма Ф.З.М. брала сведения из карточки канцелярии, куда несистематически заносятся необходимые сведения;

— по факту отсутствия адвоката Г. в судебных заседаниях 22 и 23 декабря 2003 года: 18 декабря 2003 года (четверг) адвокат Г. участвовал в судебном заседании Московского окружного военного суда (далее — МОВС) в качестве защитника по уголовному делу в отношении бывшего подполковника ФСБ РФ Т.М.И., судебное заседание в МОВС было отложено на 22 декабря 2003 года (понедельник); 19 декабря 2003 года (пятница) адвокат Г., как и все адвокаты, до 13 часов участвовал в судебном заседании, начавшемся в 10 часов 10 минут, в 13 часов был объявлен перерыв на обед, в 14 часов 15 минут судья У.Н.Б. (*председательствующий по делу. — Прим. Комиссии*) сообщила, что не прибыл с обеда народный заседатель, и сразу, без выслушивания возражений адвокатов, перенесла судебное заседание на 22 число (понедельник); сразу после объявления очередной даты адвокат Г. поднялся и заявил, что у него в этот день назначено судебное заседание в МОВС, но судья У.Н.Б. заявила, что ее это не интересует, что адвокат Г. должен прийти на судебное заседание в Д...ский городской суд Московской области; 22 декабря 2003 года в самом начале судебного заседания, подсудимый Б.В.В. (подзащитный адвоката Г.) сообщил суду об уважительности причины отсутствия адвоката Г. и занятости последнего на ближайшие дни в МОВС в непрерывном судебном процессе, но судья У.Н.Б. все равно назначила судебное заседание на 23 декабря 2003 года, и в этот день Б.В.В. представил в суд две справки об участии адвоката Г. в процессе в МОВС, поэтому утверждение Д...ского суда о том, что адвокат заблаговременно не известил и не представил оправдательного документа, не соответствует действительности. Адвокат Г. считает, что, не явившись 22 и 23 декабря 2004 года в судебное заседание в Д...ский городской суд, он поступил правильно, так как 19 декабря 2003 года слушание дела было отложено на 22 декабря 2003 года без обсуждения этого вопроса с участниками процесса и без учета сделанного в судебном заседании заявления адвоката Г. о его занятости 22 декабря 2003 года в судебном процессе в МОВС;

— по факту отсутствия адвоката Г. в судебном заседании 8 января 2004 года: в судебном процессе у судьи У.Н.Б. 8 января 2004 года адвокат Г. не был в связи с участием в процессе по делу Т.М.И. в МОВС, заблаговременно известив судью о своей занятости и сообщив примерный график проведения судебных процессов судьей МОВС С.С.П.;

— по факту отсутствия адвоката Г. в судебном заседании 26 января 2004 года: адвокат Г. участвовал в судебном процессе в МОВС, судебные заседания в котором шли интенсивно, например, в январе 2004 года были проведены заседания 8, 12, 15, 19, 20, 22, 26, 27, 29; о занятости адвоката Г. в МОВС судья У.Н.Б. была извещена адвокатом лично 23 января 2004 года, и 26 января 2004 года его подзащитный Б.В.В. передал справку об уважительности причин отсутствия адвоката (справка находится в материалах уголовного дела);

— по факту отсутствия адвоката Г. в судебном заседании 2 апреля 2004 года: судья У.Н.Б. была заблаговременно извещена адвокатом о его занятости в других процессах, о чем свидетельствует предоставленная Квалификационной комиссии копия факсообщения от 31 марта 2004 года, справка об уважительности причины отсутствия адвоката Г. представлена судье У.Н.Б. и должна находиться в материалах уголовного дела; 1 апреля 2004 года адвокат Г. участвовал в судебном заседании в Х...ском районном

суде г. Москвы, рассматривавшем уголовное дело по обвинению Х., по окончании судебного заседания слушание дела было отложено на более поздний срок; 31 марта 2004 года адвокат Г. участвовал в судебном заседании в МОВС, рассматривавшем уголовное дело по обвинению Т.М.И., по окончании судебного заседания был объявлен перерыв до 2 апреля 2004 года, при этом судья С.С.П. категорически настаивал на явке адвоката Г. в этот день именно в МОВС, а не в Д...ский городской суд, где с участием адвоката также было назначено к слушанию уголовное дело по обвинению Б.В.В. и др.; 3 марта 2004 года слушание уголовного дела в Д...ском суде было отложено на 2 апреля 2004 года с учетом данных занятости адвоката Г. в других судебных процессах 5 и 6 апреля 2004 года;

– по факту отсутствия адвоката Г. в судебном заседании 11 мая 2004 года: Д...ский городской суд отложил слушание уголовного дела на 11 мая 2004 года в судебном заседании, состоявшемся 2 апреля 2004 года; судья У.Н.Б. была заблаговременно извещена адвокатом Г. о его занятости в другом процессе в Т...ском районном суде г. Москвы, о чем свидетельствует предоставленная Квалификационной комиссии копия факс-сообщения от 4 мая 2004 года, к тому же у адвоката П. в период с 12 апреля по 12 мая включительно был очередной отпуск, о чем он также известил судью и участников процесса; однако несмотря на это процесс почему-то был назначен на 11 мая 2004 года; справка об уважительности причины отсутствия адвоката Г. представлена судье У.Н.Б. и должна находиться в материалах уголовного дела. Т...ский районный суд г. Москвы отложил слушание уголовного дела на 11 мая 2004 года в судебном заседании, состоявшемся 8 апреля 2004 года с участием адвоката Г.;

– по факту отсутствия адвоката Г. в судебном заседании 4 июня 2004 года: 3 июня 2004 года по окончании судебного заседания был объявлен перерыв до 10 часов 4 июня 2004 года; 4 июня 2004 года в 10 часов 15 минут, адвокат Г. прибыл в Д...ский суд, и его подзащитный Б.В.В. сообщил, что судья У.Н.Б., предупрежденная им о том, что адвокат Г. попал в транспортную пробку из-за аварии на въезде в г. Д., зная об отсутствии по уважительным причинам адвокатов В. и П., удалилась в совещательную комнату для вынесения частного определения; в 10 часов 25 минут дверь кабинета судьи У.Н.Б. открылась, адвокат Г. поздоровался с судьей, попросил и получил для ознакомления третий том уголовного дела, при этом никаких претензий ему никто не высказывал и оправдательных документов не требовал; судья знала от подзащитного Б.В.В. о причине задержки адвоката Г. на заседание, которое не могло состояться в отсутствие двух из трех адвокатов.

Адвокат Г. считает частные определения Д...ского городского суда Московской области и сообщения председателя этого же суда М.Л.Г. необоснованными и необъективными; полагает, что истинным мотивом «необоснованных выпадов со стороны судьи У.Н.Б.» являются многочисленные обращения (жалобы) его подзащитного Б.В.В. в Квалификационную коллегию судей Московской области и Высшую квалификационную коллегию судей на неправомерные действия судьи, а судья ошибочно считает, что адвокат Г. является инициатором этих жалоб, что не соответствует действительности, поскольку Б.В.В. самостоятельно обращается в эти и другие инстанции (что можно проверить по стилю изложения жалоб).

Кроме того, по мнению адвоката, в компетенцию суда не входит оценка исполнения адвокатом своих обязанностей, поскольку такую оценку может дать лишь подзащитный Б.В.В., с которым у адвоката заключено соглашение на защиту его прав и законных интересов; до настоящего времени адвокат Г. не слышал от своего клиента ни малейшего упрека, касающегося недобросовестности отстаивания его прав и законных интересов.

Адвокат Г. утверждает, что им не нарушались нормы Кодекса профессиональной этики адвоката.

Выслушав объяснения адвоката Г., изучив материалы дисциплинарного производства, а также обзрев дисциплинарное производство, возбужденное президентом Адвокатской палаты г. Москвы 15 сентября 2003 года (распоряжение № 19) в отношении адвоката Г. и рассмотренное Квалификационной комиссией Адвокатской палаты г. Москвы 23 октября 2003 года, обсудив доводы частных определений Д...ского городского суда Московской области и сообщений председателя этого же суда М.Л.Г., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

В соответствии с подп. 1 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката обстоятельством, исключая возможность дисциплинарного производства, является состоявшееся ранее решение Совета по дисциплинарному производству с теми же участниками и по тому же предмету и основанию

15 сентября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (распоряжение № 19) в связи с поступившим обращением председателя Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г., в котором сообщалось о неявке защитника Г. в судебные заседания 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года по уголовному делу по обвинению Б.В.В. по п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 330 УК РФ.

Рассмотрев материалы указанного дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы 23 октября 2003 года вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

В частных определениях Д...ского городского суда Московской области от 22 декабря 2003 года и от 11 мая 2004 года, а также в сообщении председателя этого же суда М.Л.Г. от 8 января 2004 года вновь поставлен вопрос о необходимости решения вопроса о привлечении адвоката Г. к дисциплинарной ответственности по фактам неявки адвоката (защитника) Г. в судебные заседания 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года по уголовному делу по обвинению Б.В.В. по п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 330 УК РФ.

Таким образом, заявители ставят перед дисциплинарными органами Адвокатской палаты г. Москвы вопрос о необходимости юридической оценки действий (бездействия) адвоката Г., которым компетентной (уполномоченной) инстанцией уже была дана юридическая оценка. Данное требование не соответствует действующему законодательству.

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия по результатам разбирательства, руководствуясь подп. 3 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, обязана вынести заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства по фактам неявки адвоката (защитника) Г. в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года по уголовному делу по обвинению Б.В.В. по п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 222, ч. 1 ст. 330 УК РФ вследствие состоявшегося ранее заключения Квалификационной комиссии и решения Совета Адвокатской палаты по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию.

Поскольку в представленном заявителями письме председателя П...кого районного суда г. Москвы от 2 декабря 2003 года № 855/03 указано, что «адвокат Г. 4 апреля 2003 года в судебных заседаниях по уголовным делам П...кого районного суда г. Мо-

сквы не участвовал», что не соответствует ранее дававшимся адвокатом Г. объяснениям, Квалификационная комиссия предложила адвокату Г. представить доказательства, подтверждающие факт его участия 4 апреля 2003 года в судебном заседании П...кого районного суда г. Москвы по уголовному делу, что им и было сделано (представлена заверенная копия протокола судебного заседания от 4 апреля 2003 года по уголовному делу по обвинению Ч.Р.О. по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ).

18 декабря 2003 года (четверг) адвокат Г. осуществлял защиту подсудимого Т.М.И. в судебном заседании МОВС. В этот день судебное заседание было отложено на 22 декабря 2003 года (понедельник).

19 декабря 2003 года (пятница) адвокат Г., участвовал в судебном заседании Д...ского городского суда, в заседании был объявлен перерыв до 22 декабря 2003 года до 10 часов. Адвокат Г. пояснил Комиссии, что, поскольку суд принял решение «без выслушивания возражений адвокатов», то «сразу после объявления очередной даты (которая являлась следующим рабочим днем. — Прим. Комиссии) адвокат Г. поднялся и заявил, что у него в этот день назначено судебное заседание в МОВС, но судья У.Н.Б. заявила, что ее это не интересует, что адвокат Г. должен прийти на судебное заседание в Д...ский городской суд Московской области». Считая, что, сделав указанное заявление, он всю ответственность за срыв судебного заседания возложил на Д...ский городской суд, адвокат Г. 22 декабря 2003 года продолжил участвовать в судебном заседании МОВС, а не в Д...ском городском суде Московской области.

Комиссия отмечает, что при решении МОВС 18 декабря 2003 года вопроса об отложении судебного заседания на 22 декабря 2003 года адвокат Г. уже знал, что 19 декабря 2003 года (пятница) продолжится судебное заседание Д...ского городского суда Московской области, ранее несколько раз откладывавшееся в связи с неявкой адвоката. Как профессиональный участник уголовного судопроизводства адвокат Г. не мог не понимать, что рассмотрение Д...ским городским судом Московской области уголовного дела, не завершившись в пятницу 19 декабря, может быть продолжено в понедельник, 22 декабря, и в последующие дни, поскольку продолжительность судебного заседания определяется не количеством дней, а объективной потребностью суда исследовать представленные сторонами на основе принципа состязательности доказательства, чтобы, удалившись затем в совещательную комнату, суд мог вынести законный, обоснованный и справедливый приговор.

В соответствии с ч. 1 и 2 ст. 243 УПК РФ председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные Кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон, обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания. Начав (или продолжив) рассмотрение уголовного дела, суд вправе, но не обязан объявлять перерывы в судебном заседании или откладывать рассмотрение уголовного дела с тем, чтобы предоставить адвокатам (защитникам) возможность участвовать в судебных заседаниях других судов.

Таким образом, при решении вопроса об отложении в пятницу, 19 декабря, судебного разбирательства на понедельник, 22 декабря, т.е. на первый следующий рабочий день, председательствующий судья, руководствуясь действующим уголовно-процессуальным законодательством, был вправе, но не обязан учитывать занятость адвоката Г. в других процессах.

Комиссия считает, что адвокат Г. был обязан 22 декабря 2003 года продолжить свое участие в судебном заседании Д...ского городского суда Московской области, поскольку это судебное заседание, в отличие от судебного заседания в МОВС, продолжалось непрерывно с 19 декабря 2003 года, кроме времени, назначенного для отдыха (выходные дни — суббота и воскресенье).

Неявка адвоката Г. в судебное заседание Д...ского городского суда Московской области 23 декабря 2003 года находится в прямой причинной связи с его неявкой в это же судебное заседание 22 декабря 2003 года, поскольку он, по своему усмотрению отдав предпочтение судебному заседанию в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде, уже не мог прервать своего участия в непрерывном процессе в МОВС.

В письме председателя Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г. от 8 января 2004 года указано, что 23 декабря судебное заседание было отложено на 8 января 2004 года, о дне и времени судебного заседания защитник Г. был надлежащим образом извещен 25 декабря 2003 года, однако 8 января 2004 года в назначенное время он в судебное заседание не явился, заблаговременно не представил суду документы, подтверждающие уважительность причин своей неявки.

Адвокат Г. по этому вопросу в своих объяснениях указывает, что он в судебном процессе у судьи У.Н.Б. 8 января 2004 года не был в связи с участием в процессе по делу Т.М.И. в МОВС, заблаговременно известил судью о своей занятости и сообщил примерный график проведения судебных процессов судьей МОВС С.С.П.; судебные заседания в МОВС шли интенсивно, например, в январе 2004 года были проведены заседания 8, 12, 15, 19, 20, 22, 26, 27, 29 числа.

В первой декаде января 2004 года рабочими днями были 4, 5, 8 и 9. Из приведенных объяснений адвоката следует, что он знал об отложении Д...ским городским судом на 8 января 2004 года слушания уголовного дела с его участием, а также следует, что 4 и 5 января 2004 года судебных заседаний по делу Т.М.И. в МОВС не было. Следовательно, судебное заседание 8 января 2004 года в МОВС нельзя считать «продолжавшимся непрерывно, за исключением выходных дней». Несмотря на это, адвокат Г., зная, что 23 декабря 2003 года Д...ский городской суд Московской области ввиду его неявки отложил рассмотрение уголовного дела на 8 января 2004 года, вновь по своему усмотрению отдал предпочтение судебному заседанию в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде.

В письме председателя Д...ского городского суда Московской области М.Л.Г. от 28 января 2004 года указано, что 26 января 2004 года адвокат Г. вновь не явился в судебное заседание, хотя о времени и месте судебного заседания был надлежащим образом своевременно извещен.

Адвокат Г. по этому вопросу в своих объяснениях указывает, что он участвовал в судебном процессе в МОВС, о занятости в котором известил судью У.Н.Б. лично 23 января 2004 года.

Однако, как видно из объяснений адвоката Г., между судебными заседаниями в МОВС 22 и 26 января 2004 года был один рабочий день – 23 января, в который судебных заседаний в МОВС не было, следовательно, судебное заседание 26 января 2004 года в МОВС нельзя считать «продолжавшимся непрерывно, за исключением выходных дней». Несмотря на это, адвокат Г., зная, что 8 января 2004 года Д...ский городской суд Московской области ввиду его неявки отложил рассмотрение уголовного дела на 26 января 2004 года, вновь по своему усмотрению отдал предпочтение судебному заседанию в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде.

Объяснения адвоката Г. о том, что он сообщил судье У.Н.Б. примерный график проведения судебных процессов судьей С.С.П., Квалификационная комиссия находит необубедительными, поскольку письменных доказательств (копия ходатайства (заявления), направленного в суд и имеющегося в материалах уголовного дела) такого извещения адвокат Г. Комиссии не представил, а словосочетание «примерный график» не позволяет сделать вывод о том, что 8 января 2004 года Д...ский городской суд,

принимая решение об отложении судебного заседания на 26 января 2004 года, знал или мог знать о занятости адвоката Г. в этот день в судебном процессе в МОВС. Кроме того, в частном определении Д...ского городского суда от 11 мая 2004 года указано, что «при определении дня и времени судебного заседания учитывался сообщенный Г. график его занятости в других судебных процессах», «в заранее согласованное время судебного заседания защитник Г. не являлся».

В частном определении Д...ского городского суда Московской области от 11 мая 2004 года указано, что 2 апреля 2004 года судебное заседание было отложено в связи с неявкой адвоката Г., при этом адвокат был судом надлежащим образом своевременно извещен о дне и времени судебного заседания. В письме председателя Д...ского городского суда М.Л.Г. от 29 апреля 2004 года уточняется, что 3 марта 2004 года при определении в судебном заседании дня и времени нового судебного заседания поступило заявление о том, что защитник Г. занят в других судебных процессах 5 и 6 апреля 2004 года, поэтому судебное разбирательство Д...ского суда было отложено на 2 апреля 2004 года с учетом представленных данных о занятости адвоката Г. в других судебных процессах.

Адвокат Г. по этому вопросу в своих объяснениях указывает, в частности, что 1 апреля 2004 года он участвовал в судебном заседании в Х...ком районном суде г. Москвы, рассматривавшем уголовное дело по обвинению Х., по окончании судебного заседания слушание дела было отложено на более поздний срок; 31 марта 2004 года адвокат участвовал в судебном заседании в МОВС, рассматривавшем уголовное дело по обвинению Т.М.И., по окончании судебного заседания был объявлен перерыв до 2 апреля 2004 года, при этом судья С.С.П. категорически настаивал на явке адвоката в этот день именно в МОВС, а не в Д...ский городской суд, где с участием адвоката также было назначено к слушанию уголовное дело по обвинению Б.В.В. и др.; 3 марта 2004 года слушание уголовного дела в Д...ском суде действительно было отложено на 2 апреля 2004 года с учетом данных о занятости адвоката Г. в других судебных процессах 5 и 6 апреля 2004 года.

Таким образом, адвокат Г., зная, что 3 марта 2004 года Д...ский городской суд Московской области отложил рассмотрение уголовного дела на 2 апреля 2004 года с учетом данных о занятости адвоката Г. в других процессах, вновь по своему усмотрению отдал предпочтение судебному заседанию в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде.

Представленные адвокатом Г. в Д...ский городской суд Московской области справки о его занятости в судебном заседании в МОВС 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года подтверждают, что в указанные дни адвокат Г. занимался адвокатской деятельностью, они могут служить (при возможном рассмотрении в будущем в Европейском суде по правам человека жалобы Б.В.В.) доказательством отсутствия вины Д...ского городского суда и Российской Федерации в целом в рассмотрении уголовного дела по обвинению Б.В.В. и др. «в разумный срок» (ч. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года), но они не могут, по изложенным выше причинам, оправдать неявку адвоката Г. в судебное заседание Д...ского городского суда Московской области 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (подп. 4 п. 1 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

По изложенным выше основаниям Комиссия считает, что адвокат Г. был обязан 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года явиться для участия в судебном заседании Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению Б.В.В. и др.; эти судебные заседания не состоялись по вине адвоката Г. Совпадение названных дат рассмотрения уголовных дел с участием адвоката Г. в Д...ском городском суде Московской области и МОВС происходило следующим образом: вначале дата определялась Д...ским судом, а позже эти же даты определял МОВС. Поскольку у участников уголовного судопроизводства между отдельными судебными заседаниями в МОВС были не занятые этим процессом рабочие дни, данный процесс не может рассматриваться как «длящееся без перерывов (кроме ночного времени и выходных дней) судебное заседание».

По мнению Квалификационной комиссии, отдавая 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года по своему усмотрению (без уважительных причин) предпочтение участию в судебном заседании в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде Московской области, адвокат Г. нарушил подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому адвокат не вправе принимать поручений на оказание юридической помощи заведомо больше, чем адвокат в состоянии выполнить.

В частном определении Д...ского городского суда Московской области от 11 мая 2004 года указано, что 11 мая 2004 года судебное заседание было отложено в связи с неявкой адвоката Г., при этом адвокат надлежащим образом, своевременно, извещался судом о дне и времени каждого судебного заседания, при определении дня и времени судебного заседания учитывался сообщенный Г. график его занятости в других судебных процессах.

Адвокат Г. пояснил, что действительно Д...ский городской суд отложил слушание уголовного дела на 11 мая 2004 года в судебном заседании, состоявшемся 2 апреля 2004 года с учетом представленных адвокатом сведений о его занятости (в копии направленного адвокатом в суд факс-сообщения от 31 марта 2004 года указано: «май пока свободен»); Т...ский районный суд г. Москвы отложил слушание уголовного дела на 11 мая 2004 года в судебном заседании, состоявшемся 8 апреля 2004 года с участием адвоката Г. Однако одновременно адвокат Г. обращает внимание на то, что адвокат П., осуществляющий в Д...ском городском суде защиту другого подсудимого по этому же делу, в период с 12 апреля по 12 мая включительно был в очередном отпуске, о чем известил судью и участников процесса.

В соответствии со ст. 51 и 248 УПК РФ участие защитника в судебном разбирательстве обязательно. Заявленный подсудимым отказ от защитника не обязателен для суда, рассмотрение судом заявления об отказе от защитника допускается только в присутствии защитника (ст. 52 УПК РФ). При неявке защитника судебное разбирательство откладывается (ч. 2 ст. 248 УПК РФ).

Квалификационная комиссия считает, что формально адвокат Г. 11 мая 2004 года должен был бы явиться не в Т...ский районный суд г. Москвы, а в Д...ский городской суд Московской области, поскольку дата судебного заседания – 11 мая была определена Д...ским судом еще 2 апреля 2004 года с учетом ходатайства адвоката Г.

Однако, поскольку адвокату Г., как профессиональному участнику уголовного судопроизводства, было понятно, что 11 мая 2004 года в отсутствие находящегося в отпуске адвоката П. слушание дела в Д...ском городском суде в силу ч. 2 ст. 248 УПК РФ будет неизбежно отложено, то он вправе был принять участие в судебном разбирательстве в Т...ском районном суде г. Москвы. Поскольку адвокат Г., не явившись 11 мая 2004 года в Д...ский городской суд, направил судье У.Н.Б. заявление (факс-сообщение) с указанием причин своей неявки и дней своей занятости в мае и июне 2004 года, Квалификационная комиссия не усматривает в данном случае нарушений Кодекса профессиональной этики адвоката, в том числе его ст. 14.

Равным образом Квалификационная комиссия не может считать установленным факт неявки адвоката Г. 4 июня 2004 года в судебное заседание Д...ского городского суда Московской области, поскольку опоздание в судебное заседание на 15 минут с учетом сложной транспортной ситуации в городе Москве и ближайших пригородах не может быть расценено как неявка и как нарушение Кодекса профессиональной этики адвоката. По данному вопросу адвокатом Г. представлены Комиссии убедительные объяснения.

Кроме того, Квалификационная комиссия в рамках данного дисциплинарного производства не вправе давать оценку исполнению адвокатом Г. своих обязанностей перед доверителем, поскольку вопрос об этом вправе поставить перед Комиссией только его подзащитный Б.В.В., с которым у адвоката заключено соглашение на защиту его прав и законных интересов. Как пояснил адвокат Г., до настоящего времени он не слышал от своего клиента ни малейшего упрека, касающегося недобросовестности отстаивания его прав и законных интересов.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2 и 3 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение:

– о нарушении адвокатом Г. подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизодам неявки 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. (адвокат отдавал по своему усмотрению (без уважительных причин) предпочтение участию в судебном заседании в МОВС перед судебным заседанием в Д...ском городском суде Московской области);

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката Г. 11 мая и 4 июня 2004 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката Г. 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. вследствие состоявшегося ранее 23 октября 2003 года заключения Квалификационной комиссии по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 22 июля 2004 года № 29 адвокату Г. объявлен выговор по фактам неявки 22 и 23 декабря 2003 года, 8 и 26 января, 2 апреля 2004 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. в связи с нарушением подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката. Прекращено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. по фактам его неявки 11 мая и 4 июня 2004 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката; а по фактам его неявки 27 ноября 2002 года, 28 января, 3 марта, 3 и 4 апреля, 11 сентября 2003 года в судебные заседания Д...ского городского суда Московской области по уголовному делу по обвинению гражданина Б.В.В. — вследствие состоявшегося ранее 23 октября 2003 года заключения Квалификационной комиссии и решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 25 июня 2004 года по производству с теми же участниками по тому же предмету и основанию.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 70
по дисциплинарному производству в отношении адвоката П.¹**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 28 от 14 апреля 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката П. на основании частного постановления судьи Московского городского суда П.Ю.А.

Судья Московского городского суда П.Ю.А. частным постановлением от 3 февраля 2004 года довел до сведения президента Адвокатской палаты г. Москвы о следующих обстоятельствах, по мнению судьи, «нарушающих законные права участников процесса для их обсуждения и принятия соответствующих мер по нормализации работы адвокатов в судебных органах».

В производстве Московского городского суда с 4 августа 2003 года находится уголовное дело по обвинению С.Д.В., Л.А.И. и Г.В.А. По состоянию на 3 февраля 2004 года это дело рассмотрено не было. В очередное судебное заседание, которое должно было состояться 3 февраля 2004 года, были доставлены подсудимые, однако судебное заседание в течение определенного времени не начиналось из-за неявки адвоката П., защищавшего подсудимого Г.В.А. Как утверждает в частном постановлении, примерно через 20 минут после доставки подсудимых в кабинет судьи явилась девушка (так указано в частном постановлении), назвавшаяся женой Г.В.А., и сообщила, что заключенное с адвокатом П. соглашение о защите ее мужа расторгнуто. В связи с этим судья по телефону связался с адвокатом П., который заявил, что соглашение с ним расторгнуто, и поэтому он в судебные заседания являться не будет. В результате

---

¹ См. заключение № 71 в отношении адвоката Г. в разделе «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката либо вследствие надлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем или адвокатской палатой».

судебное заседание 3 февраля 2004 года не состоялось, и слушание дела было перенесено на другую дату.

В своем объяснении адвокат П. подтвердил, что с ним было заключено соглашение о защите подсудимого Г.В.А. Однако 2 февраля 2004 года это соглашение было расторгнуто по заявлению родственников Г.В.А. Сам подсудимый Г.В.А. с письменным заявлением об отказе от услуг адвоката П. не обращался. Несмотря на это адвокат П. считал возможным не являться в судебное заседание по делу Г.В.А. 3 февраля 2004 года, не уведомив об этом суд.

Признав факт допущенного им нарушения процессуальных норм, адвокат П. в своем объяснении указал, что он впредь обязуется «поступать в соответствии с разъяснениями президента Адвокатской палаты и исключительно в интересах клиента, в соответствии с законом».

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о том, что адвокат П., не убедившись в том, что подсудимый Г.В.А. действительно отказался от его услуг, не явившись в судебное заседание и не поставив в известность суд о причинах неявки, допустил тем самым нарушение требований п. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 22 июля 2004 года № 28 адвокату П. объявлено замечание за то, что он, не убедившись в том, что подсудимый Г.В.А. действительно отказался от его услуг, не явился в судебное заседание и не поставил в известность суд о причинах неявки, допустив тем самым нарушение требований п. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 73
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Е.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданка П.В.В. обратилась в Совет Адвокатской палаты г. Москвы с заявлением о том, что адвокат Межтерриториальной коллегии адвокатов Е., якобы получив от нее гонорар в сумме 14 500 рублей за оказание юридической помощи в оформлении наследственных прав, фактически никаких юридических услуг не оказал. Письменного соглашения П.В.В. с Е. не оформляла.

В своем объяснении адвокат Е. пояснил, что по просьбе П.В.В. им «была проделана работа по открытию наследственного дела, получению соответствующих документов в г. Ш. МО, а также подготовке иных документов». Письменное соглашение с П.В.В. не оформил. Несмотря на настояния П.В.В., работа по оформлению ее наследственных прав завершена не была из-за того, что она не выплатила ему вознаграждения.

Согласно п. 1 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. В соответствии с п. 2 той же статьи указанное соглашение заключается в письменной форме. Оказывая юридическую помощь П.В.В. и не оформив при этом с ней соответствующего соглашения, адвокат Е. нарушил требования п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельно-

сти и адвокатуре в Российской Федерации». Не оформив надлежащим образом соглашения с доверительницей и не завершив оговоренной с ней деятельности, адвокат Е. нарушил тем самым требования подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката о честном, разумном и добросовестном отстаивании прав и законных интересов доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Е. требований подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 51 адвокату Е. объявлено предупреждение за допущенные нарушения требований подп. 1 п. 1 ст. 7 и п. 1 и 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 79
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Н.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

По обращению федерального судьи Б...ского районного суда г. Москвы Т.Т.Ю. (вх. № 1052 от 19 апреля 2004 года) в Адвокатскую палату г. Москвы от 16 апреля 2004 года в соответствии со ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката 20 апреля 2004 года было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Н.

29 июля 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрела материалы вышеуказанного дисциплинарного производства (обращение от 16 апреля 2004 года, объяснения адвоката Н. от 19 мая 2004 года, соглашение на защиту по уголовному делу от 10 апреля 2004 года, письмо из П...ского районного суда N-ской области от 27 июля 2004 года, письмо Коллегии адвокатов «...» от 13 апреля 2004 года), заслушала устные объяснения адвоката Н.

Адвокат Н. 10 апреля 2004 года заключил соглашение на защиту подсудимого А.Д.Н. в Б...ском районном суде г. Москвы. Судебное заседание было назначено на 13 апреля 2004 года.

В то же время по ранее заключенному соглашению адвокат Н. 13 апреля 2004 года должен был присутствовать в судебном заседании П...ского районного суда N-ской области, осуществляя защиту Х.А.Р. и Х.С.Р.

13 апреля 2004 года адвокат Н. присутствовал в П...ском районном суде N-ской области (справка приложена), и в то же время в Б...ский районный суд г. Москвы было представлено письмо за подписью председателя правления Коллегии адвокатов «...»

В.А.Е., где было указано, что адвокат Н. не может присутствовать в судебном заседании Б...ского районного суда г. Москвы по делу А.Д.Н. 13 апреля 2004 года, так как находится в другом суде по ранее принятому поручению.

Из вышеизложенного следует, что адвокат Н., заведомо зная, что в связи с ранее заключенным соглашением должен 13 апреля 2004 года участвовать в судебном заседании П...ского районного суда п-ской области и не сможет участвовать в судебном заседании Б...ского районного суда г. Москвы 13 апреля 2004 года по делу А.Д.Н., тем не менее 10 апреля 2004 года принял поручение на защиту последнего.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о наличии в действиях адвоката Н. нарушения подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как адвокат не вправе принимать поручения на оказание юридической помощи заведомо больше, чем адвокат в состоянии выполнить, и не должен принимать поручения, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого ранее принятого поручения.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 40 адвокату Н. объявлено замечание вследствие нарушения адвокатом подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как адвокат не вправе принимать поручений на оказание юридической помощи заведомо больше, чем адвокат в состоянии выполнить, и не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого ранее принятого поручения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 80-81

по дисциплинарному производству в отношении адвокатов Ю.Э. и Ю.Т.

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

М.Д.Я. (доверитель) обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 1078 от 19 апреля 2004 года) на адвокатов Ю.Э. и Ю.Т., указав, что в связи с задержанием и арестом ее сына М.Д.С. она 12 июня 2003 года заключила соглашение с адвокатами Коллегии адвокатов «А» Ю.Э. и Ю.Т. Общую сумму за защиту М.Д.С. Ю.Э. определил в 1 500 долларов США. В этот же день, 12 июня 2003 года, М.Д.Я. внесла 500 долларов США. Ю.Э. составил соглашение на 100 долларов США в единственном экземпляре, который оставил у себя, а про 400 долларов США объяснил, что это на «непредвиденные расходы» (например на такси). Ни копии соглашения, ни квитанции в получении денег адвокат Ю.Э. доверительнице М.Д.Я. не дал. Это ее несколько насторожило, но то обстоятельство, что с адвокатом ее познакомил их соотечественник М.В.В., успокаивало М.Д.Я. Примерно через неделю адвокат Ю.Э. посетил М.Д.С. в тюрьме, где пообещал ему не доводить дело до суда, и что через неделю он выйдет на свободу, но стоить это будет уже 20 000 долларов США. (Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 29 июля 2004 года, М.Д.Я. пояснила, что, поговорив с сыном, Ю.Э. сказал ей, что необходимо собрать 25 000 долларов США, так как есть человек, который мог бы в течение недели решить вопрос об изменении меры пресечения, но собрать удалось только 20 000 долларов США). М.Д.Я. стала срочно искать деньги у всех родственников и друзей. Пока они иска-

ли деньги, Ю.Э. и Ю.Т. каждый день названивали им и торопили, говоря «чем быстрее, тем лучше». 27 июня 2003 года, в пятницу, в 15 часов Ю.Э., М.В.В., Ю.Р.Р. и М.Д.Я. встретились у тюрьмы. Затем поехали в офис к Ю.Э. и Ю.Т., где М.Д.Я. передала Ю.Э. деньги в сумме 20 000 долларов США. «Теперь у Вас все будет хорошо. Я приведу за руку Вашего сына», – сказал Ю.Э. и выпроводил их. Опять ни квитанции, ни расписки М.Д.Я. не получила. 13 июля 2003 года вечером Ю.Э. в телефонном разговоре с М.Д.Я. пообещал ей, что 14 июля 2003 года ее сын будет на свободе. Однако 14 июля ожидания М.Д.Я. и ее сына не осуществились, после чего они поняли несостоятельность приглашенных ими адвокатов. М.Д.Я. указывает в жалобе, что речь адвоката Ю.Э. была неубедительной, факты, казавшиеся очевидными, не имели подкрепления, так как адвокаты не искали свидетелей, их работа заключалась лишь в перепечатке одной и той же жалобы в различные инстанции. Кроме того, они устроили громкий скандал в следственном управлении. М.Д.Я. считает, что в результате таких непрофессиональных действий адвокатов срок содержания в СИЗО ее сына М.Д.С. продлили еще на два месяца – до 16 сентября 2003 года. М.Д.Я. попросила адвокатов вернуть ей деньги, так как большая их часть была взята под проценты, которые она выплачивает до сих пор. В Москву прилетел муж М.Д.Я. Вдвоем с мужем они встретились с адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. в их офисе. М.С.А. (муж заявительницы) попросил посмотреть соглашение, которое адвокаты заключили с его семьей. В ответ адвокат Ю.Т. дала им две квитанции на сумму 120 000 рублей каждая (от 19 и 24 июля 2003 года; ксерокопии квитанций приложены к жалобе). По датам видно, что деньги внесены в банк после заявленного М.Д.Я. адвокатам требования вернуть их. Соглашение им с мужем не показали, а выдали просто чистый бланк типового соглашения. Как утверждает в жалобе М.Д.Я., сам адвокат Ю.Э. говорил, что из полученных от М.Д.Я. денег он не потратил ни копейки, но вернуть деньги отказался. Тогда М.Д.Я. потребовала отчета о проделанной работе, но и этого добиться не удалось. По мнению заявительницы, адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. не облегчили участь ее сына, а усугубили; многие документы из-за скандалов и болтливости были выхолощены, дело ее сына следователь Т.П.И. направил в суд без ознакомления М.Д.С. с материалами уголовного дела, так как адвокаты не являлись на вызовы следователя; большая часть (2/3) материалов уголовного дела состоит из переписки, ответов на жалобы. М.Д.С. до сих пор находится в СИЗО.

М.Д.Я. считает, что действия адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. несовместимы с адвокатской деятельностью. Она просит привлечь адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. к ответственности и принять меры к возврату всей суммы – 20 500 долларов США.

20 апреля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвокатов Ю.Т. и Ю.Э., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменной справке от 18 мая 2004 года о проделанной работе по соглашению на защиту по уголовному делу № У-00/00 от 12 июня 2003 года адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. указали, что между ними и М.Д.Я. было заключено соглашение № У-03/03 от 12 июня 2003 года по уголовному делу на защиту интересов ее сына М.Д.С., привлеченного к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 228 УК РФ. М.Д.С. был задержан по подозрению в совершении преступления 15 мая 2003 года, а 20 мая 2003 года по постановлению федерального судьи Б...ого районного суда г. Москвы в отношении него была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу (данные процессуальные действия совершались до заключения М.Д.Я. соглашения с адвокатами Ю.Э. и Ю.Т.). По мнению адвокатов, данное уголовное дело представляло особую сложность, по-

сколькx М.Д.С. первоначально виновным себя в предъявленном обвинении признал полностью, но в дальнейшем от данных им ранее показаний отказался, стал отрицать свою виновность, указывать на применение сотрудниками милиции незаконных методов ведения следствия, утверждал, что уголовное дело в отношении него сфабриковано. Адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. ознакомлены с заявлением доверительницы М.Д.Я., по их мнению, оно является необоснованным и не может быть удовлетворено по следующим основаниям. После заключения 12 июня 2003 года соглашения на защиту по уголовному делу, подписанного М.Д.Я. и адвокатами Ю.Э. и Ю.Т., в период работы адвокатов по уголовному делу была достигнута договоренность с М.Д.Я. об оплате за ведение настоящего поручения, и внесена ею оплата в сумме 3 000 рублей (что эквивалентно 100 долларам США) за юридическую консультацию, а затем достигнуто соглашение об оплате работы двух адвокатов всего в сумме 18 640 долларов США, что в рублевом эквиваленте соответствует: 3 000 рублей по приходному кассовому ордеру № 6 от 26 июня 2003 года; 120 000 рублей по платежному поручению № 172 от 21 июля 2003 года, 120 000 рублей по квитанции № 3 от 24 июля 2003 года, 302 000 рублей по квитанции № 4 от 14 августа 2003 года, а всего на общую сумму 545 000 рублей (3 000 + 120 000 + 120 000 + 302 000), что по курсу ЦБ РФ на день оплаты составляет 18 412 долларов США; также уплачен банковский процент за внесение наличных денег в сумме 6 755 рублей 55 копеек. Адвокаты обращают внимание на то, что М.Д.Я. подписала соглашение собственноручно, поэтому ее доводы о том, что соглашение ей не показали, не соответствуют очевидному факту наличия ее подписи в соглашении. Подписывая соглашение, М.Д.Я., по мнению адвокатов, выразила тем самым свое согласие с его условиями. Как видно из жалобы доверительницы, после внесения денег в кассу М.Д.Я. были выданы квитанции от 19 и 24 июля 2003 года, а за получением квитанции на сумму 302 000 рублей М.Д.Я. не пришла, хотя ей было сообщено о внесении денег в кассу; другим путем (по почте) квитанцию вручить было невозможно, так как доверительница поменяла свой временный адрес проживания в г. Москве. В справке адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. подробно описана работа, выполненная ими с 12 июня 2003 года по защите интересов обвиняемого М.Д.С. (посещение обвиняемого в следственном изоляторе, подготовка и подача ходатайств и жалоб в различные уполномоченные на их рассмотрение уголовно-процессуальным законом инстанции, участие в допросе обвиняемого 4–5 июля 2003 года, ознакомление с частью материалов уголовного дела до окончания предварительного следствия, ознакомление со всеми материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ 6 августа 2003 года; в порядке ч. 4 ст. 217 УПК РФ было заявлено ходатайство в интересах обвиняемого М.Д.С., однако в его удовлетворении было отказано постановлением следователя от 7 августа 2003 года). Адвокаты приходят к выводу, что содержащееся в жалобе М.Д.Я. утверждение о том, что их работа по делу носила непрофессиональный характер и состояла, как пишет доверительница, «лишь в перепечатке одной и той же жалобы в различные инстанции», не соответствует действительности. Уголовное дело по обвинению М.Д.С. было направлено для рассмотрения в суд, а от следователя Т.П.И. адвокаты узнали, что обвиняемый М.Д.С., согласовав свою позицию с М.Д.Я., в письменном виде заявил об отказе от защиты Ю.Э. и Ю.Т. в лице адвокатов. М.Д.Я. заключила соглашение на защиту интересов М.Д.С. с адвокатами Коллегии адвокатов «Б». Когда М.Д.Я. обратилась с просьбой о возврате всей суммы, внесенной по соглашению адвокатам Ю.Э. и Ю.Т., ей было рекомендовано обратиться с письменным заявлением на имя председателя Коллегии адвокатов «А», однако такого заявления в Коллегию адвокатов не поступило. Адвокаты считают, что требование М.Д.Я. о возврате денег не может быть удовлетворено, поскольку в соглашении на защиту по уголовному делу от 12 июня 2003 года указано, что Коллегия адвокатов «А» в лице адвокатов

Ю.Э. и Ю.Т. в соответствии с действующим законодательством РФ принимает на себя обязательство защищать права и законные интересы М.Д.С., оказывать иную юридическую помощь в объеме и на условиях, установленных настоящим соглашением, поручение предстоит выполнять в Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы на предварительном следствии; как следует из отчета о проделанной работе, юридическая помощь М.Д.С. адвокатами оказывалась в период всего предварительного следствия по уголовному делу, начиная с 12 июня 2003 года, при этом адвокаты в своей деятельности по защите интересов подзащитного М.Д.С. действовали в соответствии с законодательством Российской Федерации, в полном объеме пользуясь правами, предоставленными защитнику в соответствии со ст. 53 УПК РФ. При таких обстоятельствах адвокаты приходят к выводу, что с учетом объема оказанной юридической помощи сумма оплаты является отработанной и возврату не подлежит. Согласно нарядам на выплату заработной платы внесенная М.Д.Я. сумма была списана адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. в июле-августе, октябре, декабре 2003 года и в марте 2004 года. Адвокаты просят учесть все обстоятельства, изложенные в представленной ими письменной справке о проделанной работе по соглашению и оставить заявление М.Д.Я. без удовлетворения.

В объяснениях, данных 29 июля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Ю.Т. дополнительно уточнила, что сумма гонорара была оговорена с самого начала, она составляет 18 640 долларов США, которые адвокаты получили от клиентки и внесли в кассу; копии бухгалтерских документов представлены Квалификационной комиссии. Ю.Т. считает, что адвокаты добросовестно оказывали сыну доверительницы юридическую помощь на предварительном следствии в объеме, предусмотренном соглашением, доводы и требования доверительницы считает необоснованными, поскольку работа по соглашению выполнена в полном объеме.

Выслушав стороны, изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы доверительницы адвокатов М.Д.Я., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

12 июня 2003 года М.Д.Я. заключила соглашение № У-03/03 с адвокатами Коллегии адвокатов «А» Ю.Э. и Ю.Т. на защиту на предварительном следствии ее сына М.Д.С. по уголовному делу, находящемуся в производстве Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы. Подписав указанное соглашение, адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. приняли на себя полномочия защитников М.Д.С. и приступили к работе по делу. В представленной адвокатами письменной справке от 18 мая 2004 года о проделанной работе по соглашению на защиту по уголовному делу № У-00/00 от 12 июня 2003 года подробно описана работа, выполненная адвокатами с 12 июня 2003 года по защите интересов обвиняемого М.Д.С. (в том числе указано на ознакомление со всеми материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ и заявление после этого ходатайства в интересах обвиняемого М.Д.С. 6 августа 2003 года).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. в указанной части, Квалификационной комиссии не представлено.

Жалоба на неисполнение (ненадлежащее исполнение) адвокатами своих обязанностей подана не обвиняемым М.Д.С. (лицо, назначенное доверителем – см. подп. 1 п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), а его мать – доверителем адвокатов М.Д.Я. Поскольку на момент возбуждения уголовного дела М.Д.С. не являлся несовершеннолетним, не страдал и не страда-

ет психическим заболеванием, затрудняющим либо делающим невозможным самостоятельную реализацию лицом права на защиту, М.Д.Я. не могла быть признана его законным представителем, следовательно, она участником уголовного судопроизводства по делу ее сына не являлась, с материалами уголовного дела не знакомилась. Поэтому ее утверждения о неисполнении и ненадлежащем исполнении адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. своих профессиональных обязанностей при осуществлении защиты ее сына по соглашению № У-03/03 от 12 июня 2003 года не основаны на достаточной совокупности доказательств.

Адвокат самостоятельно определяет тактику и стратегию работы по делу, поэтому, например, упрек в том, что адвокат «перепечатывал одну и ту же жалобу в различные инстанции», не может быть принят как доказательство неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатами своих обязанностей, поскольку подача жалоб является одним из законных, а в ряде случаев и весьма эффективных способов реализации права на защиту. Кроме того, как видно из объяснений адвокатов, ими осуществлялась и иная работа по делу.

Таким образом, по обстоятельствам оказания обвиняемому М.Д.С. квалифицированной юридической помощи на стадии предварительного расследования по уголовному делу, находившемуся в июне – августе 2003 года в производстве следователя Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы, Квалификационная комиссия не усматривает со стороны адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. нарушений каких-либо норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

В своей жалобе М.Д.Я. указывает, что общую сумму за защиту М.Д.С. адвокат Ю.Э. определил в 1 500 долларов США, в этот же день 12 июня 2003 года М.Д.Я. внесла 500 долларов США, адвокат Ю.Э. составил соглашение на 100 долларов США в единственном экземпляре, который оставил у себя, а про 400 долларов США объяснил, что это на «непредвиденные расходы». После беседы с М.Д.С. в следственном изоляторе адвокат Ю.Э. якобы пообещал ему не доводить дело до суда, и что через неделю он выйдет на свободу, но стоить это будет уже 20 000 долларов США, а также сказал М.Д.Я., что необходимо собрать 25 000 долларов США, так как есть человек, который мог бы в течение недели решить вопрос об изменении меры пресечения, но собрать удалось только 20 000 долларов США, которые, по утверждению М.Д.Я., она 27 июня 2003 года в офисе адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. в присутствии М.В.В. и Ю.Р.Р. передала адвокату Ю.Э. 14 июля 2003 года мера пресечения сыну заявительницы изменена не была, после чего М.Д.Я. попросила адвокатов вернуть ей деньги, но в ее просьбе было отказано.

Адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. не отрицают, что ими были получены от доверительницы денежные суммы, но уточняют, что, во-первых, ими было получено не 20 500, а 18 640 долларов США (или без учета сумм, уплаченных в качестве банковского процента, – 18 412 долларов США, что соответствует 545 000 рублей по курсу ЦБ РФ), а во-вторых, все деньги они получали в счет согласованного с доверительницей вознаграждения за оказываемую ее сыну юридическую помощь. Адвокаты указывают, что, поскольку работа по соглашению была выполнена ими полностью, то сумма оплаты является отработанной и возврату не подлежит.

Квалификационной комиссией исследованы ксерокопии представленных сторонами бухгалтерских расчетно-кассовых документов. Установлено, что на денежные средства, поступившие от М.Д.Я., были выписаны четыре приходных кассовых ордера на общую сумму 545 000 рублей (приходный кассовый ордер № 6 от 26 июня 2003 года на 3 000 рублей; квитанции к приходным кассовым ордерам б/н от 19 июля 2003 года

на 120 000 рублей, от 24 июля 2003 года на 120 000 рублей, от 14 августа 2003 года на 302 000 рублей). Впоследствии указанные наличные денежные средства вносились через отделения Сбербанка России на расчетный счет Коллегии адвокатов «А» (по квитанциям формы № ПД-4 либо по объявлениям на взнос наличных денег).

Установленный ЦБ РФ курс доллара США по отношению к российскому рублю составил: 26 июня 2003 года – 30,3180 рублей за 1 доллар США, т.е. 3 000 рублей эквивалентны 99 долларам США; 19 июля 2003 года – 30,4316 рублей за 1 доллар США, т.е. 120 000 рублей эквивалентны 3 943 долларам США; 24 июля 2003 года – 30,3469 рублей за 1 доллар США, т.е. 120 000 рублей эквивалентны 3 954 долларам США, 14 августа 2003 года – 30,3832 рублей за 1 доллар США, т.е. 302 000 рублей эквивалентны 9 940 долларам США.

Таким образом, исходя из первичных кассовых документов, адвокаты получили от доверительницы М.Д.Я. 17 936 долларов США (99 + 3 943 + 3 954 + 9 940) (при расчете по курсу ЦБ РФ на день платежа).

Адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. в своих объяснениях называют цифру 18 412 долларов США, а с учетом уплаченного банковского процента – 18 640 долларов США, что, соответственно, на 476 и 704 доллара больше рассчитанной величины (17 936 долларов США). Квалификационная комиссия считает, что расхождения могли возникнуть ввиду потерь на курсовой разнице при совершении валютно-обменных операций, а также при расчете суммы банковского процента за внесение наличных денежных средств (процент исчислялся либо от принятой в кассу Коллегии адвокатов суммы, либо от этой суммы, уменьшенной примерно на величину банковского процента).

Квалификационная комиссия признает доказанным получение адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. от доверительницы М.Д.Я. 18 640 долларов США, поскольку данный факт они признали, представили банковские документы, и эта сумма не превышает названную самой М.Д.Я. – 20 500 долларов США.

В соответствии со ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, которое представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами) на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Существенными условиями соглашения являются: 1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате; 2) предмет поручения; 3) условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь; 4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения; 5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения.

Сделка в письменной форме должна быть совершена путем составления документа, выражающего ее содержание и подписанного лицами, совершающими сделку (ч. 1 п. 1 ст. 160 ГК РФ).

Соглашение на защиту по уголовному делу № У-00/00 от 12 июня 2003 года заключено доверителем М.Д.Я. и адвокатами Ю.Э., Ю.Т. в простой письменной форме, т.е. в соответствии с требованиями закона. В этом соглашении стороны согласовали оплату за ведение поручения, включая затраты организационно-технического характера, в размере аванса 3 000 рублей. Иные записи об определении или увеличении такого существенного условия соглашения, как сумма вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, удостоверенные подписями обеих сторон, свидетельствующими тем самым о достижении сторонами договоренности по одному из существенных усло-

вий соглашения, в соглашении на защиту по уголовному делу № У-00/00 от 12 июня 2003 года отсутствуют.

Согласно ч. 1 п. 1 ст. 434 ГК РФ договор может быть заключен в любой форме, предусмотренной для совершения сделок, если законом для договоров данного вида не установлена определенная форма, а в силу ч. 1 п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» соглашение между адвокатом и доверителем представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме. Следовательно, все вносимые в договор (соглашение) изменения и дополнения, в особенности касающиеся его существенных условий, также должны совершаться в простой письменной форме.

Из объяснений доверительницы адвокатов Ю.Э. и Ю.Т. М.Д.Я. следует, что денежные средства в долларах США в сумме, превышающей 100 долларов США (или 3 000 рублей), она передавала адвокатам не в счет уплаты вознаграждения за оказываемую юридическую помощь. К тому же доверительница указывает, что устно с адвокатами была согласована сумма вознаграждения 1 500 долларов США, а не 18 640 долларов США, как утверждают адвокаты.

Адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. помимо их собственных объяснений не представлено Квалификационной комиссии ни одного доказательства, в том числе письменного, устанавливающего такой важнейший факт, как согласование (определение) адвокатами с доверительницей М.Д.Я. суммы вознаграждения за оказываемую юридическую помощь в размере 18 640 долларов США (или в рублевом эквиваленте этой суммы). Формами квитанций, утвержденными Минфином России, адвокаты Ю.Э. и Ю.Т., принимая деньги от клиентов, не пользуются. Между тем в этих квитанциях, заполняемых в трех экземплярах, одним из обязательных реквизитов является подпись клиента. Внесение 19 июля 2003 года наличных денег в отделения Сбербанка России по восьми квитанциям формы № ПД-4, в которых предусмотрена графа «подпись плательщика», адвокаты также производили сами, указывая в графе «подпись плательщика» слова «от М.».

Таким образом, ни путем подписания дополнительного соглашения, ни путем внесения подписанных сторонами дополнений в текст (в незаполненные ранее графы) основного соглашения, ни путем подписания кассовых документов о целевом приеме наличных денежных средств доверительница М.Д.Я. не выразила своего волеизъявления на определение суммы вознаграждения за оказываемую юридическую помощь в размере 18 640 долларов США (или в рублевом эквиваленте этой суммы). Письменно волеизъявление доверительницы М.Д.Я. по вопросу об определении размера вознаграждения за оказываемую юридическую помощь выражено только в отношении суммы в 3 000 рублей.

Квалификационная комиссия отмечает, что адвокат не вправе без согласования с клиентом самостоятельно перераспределить, например, суммы, полученные им в счет вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, и в счет компенсации расходов, связанных с исполнением поручения.

В силу ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката на адвокате как лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителями предполагает не только оказание им (или назначенным лицам) квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителями в строгом соответствии с законом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что самовольно в одностороннем порядке изменив такое существенное условие соглашения об оказании юридической помощи, как размер вознаграждения за оказываемую юридическую помощь, адвокаты Ю.Э. и Ю.Т. нарушили ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», что свидетельствует об исполнении ими своих обязанностей перед доверительницей М.Д.Я. ненадлежащим образом.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатами Ю.Э. и Ю.Т. своих обязанностей, предусмотренных ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», перед доверительницей М.Д.Я. по соглашению об оказании юридической помощи (на защиту по уголовному делу) № У-00/00 от 12 июня 2003 года.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 48 адвокатам Ю.Э. и Ю.Т. каждому объявлен выговор за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, предусмотренных ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», перед доверительницей М.Д.Я. по соглашению об оказании юридической помощи (на защиту по уголовному делу) № У-00/00 от 12 июня 2003 года.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 83
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат З. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 1293 от 18 мая 2004 года), указав, что он оказывает юридическую помощь гражданам России, признанным потерпевшими по нескольким уголовным делам – Х.Р.Х., К.С.В., К.Е.А., Х.В.И. (по уг. делу № 1), К.А.А., К.Е.В. (по уг. делу № 2), Х.А.И. (по уг. делам № 3 и 4). В связи с судебным разбирательством в Л...ском районном суде г. Москвы по уголовному делу № 1 адвокат З. столкнулся с систематическими фактами нарушений норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката со стороны адвоката Д., защищающей подсуди-

мого П.А.В., обвиняемого в квалифицированном вымогательстве. Систематическое нарушение адвокатом Д. норм и правил адвокатской этики в судебных заседаниях Л...ского районного суда г. Москвы, по мнению адвоката З., выразилось в следующем.

1. В судебных заседаниях с февраля 2003 года и по настоящее время адвокат Д. многократно высказывала различные реплики, замечания и комментарии в адрес доверителей адвоката З., оскорбляя и унижая их честь и достоинство, за что ей объявлялись судьей замечания по ходу процесса (ксерокопия протокола судебного заседания от 27 мая 2003 года приложена к жалобе). В перерывах между судебными заседаниями в здании Л...ского районного суда г. Москвы адвокат Д. продолжала вести себя подобным образом, оскорбляя и унижая потерпевших по уголовному делу, высказывая в их адрес оскорбительные замечания.

2. В судебном заседании 27 мая 2003 года адвокат Д. публично обвинила супругу потерпевшего Х.Р.Х. — потерпевшую К.С.В. в супружеской неверности, задав свидетелю Х.М.В. в присутствии Х.Р.Х., несовершеннолетней дочери доверителей адвоката З. и отца потерпевшей К.С.В. — потерпевшего Х.В.И. вопрос: «Известно ли Вам, каков характер взаимоотношений до 2000 года был между С. и П.? Вы знали, что они состояли в фактических брачных отношениях?». Свидетель Х.М.В. ответила: «Мне об этих отношениях ничего не известно». По мнению адвоката З., в данном вопросе адвокат Д. утверждает, что потерпевшая, замужня женщина, состоит во внебрачных отношениях с П. Делая такое заявление, адвокат Д., по мнению адвоката З., была обязана представить доказательства, в противном случае адвокат З. считает возможным расценить вопрос адвоката Д. как умышленное оскорбление потерпевших в зале судебного заседания.

3. В судебном заседании 15 декабря 2003 года адвокат З. совместно со своими доверителями в очередной раз ходатайствовал об отстранении адвоката Д. от участия в судебном процессе по основаниям, предусмотренным ст. 62, 72 УПК РФ. После заявления адвокатом З. ходатайства адвокат Д., голословно обвинив адвоката З. в распространении ложных сведений, обозвала его лжецом.

4. В ответ на ходатайство адвоката З. об отстранении адвоката Д. от участия в процессе адвокат Д. после объявления перерыва в судебном заседании, находясь в здании суда, в оскорбительной форме, в присущей ей истерической манере, вновь обрушилась на доверителей адвоката З. и на него самого с бранью, криками и потоком оскорблений, унижающих их честь и достоинство. При этом адвокат Д. угрожала адвокату З. и потерпевшим уголовным преследованием и арестом за клевету на ее доверителя — криминального авторитета «Х.» (*О.С.А. — Прим. Комиссии*).

5. 15 декабря 2003 года адвокатом Д. на имя и.о. прокурора г. Москвы была подана жалоба, содержащая заведомо ложные сведения о совершении адвокатом З., а также несколькими должностными лицами ГСУ при ГУВД г. Москвы уголовно наказуемых деяний. В указанной жалобе адвокат Д. в отношении адвоката З. утверждает, что якобы он склонил потерпевших по уголовному делу № 2 К.Е.В. и К.А.А. обратиться с заявлением о привлечении ряда лиц к уголовной ответственности. По сути адвокат Д. в этой жалобе обвиняет адвоката З. и потерпевших в совершении тяжкого преступления — в организации заведомо ложного доноса. В нарушение п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат Д. не уведомила Совет Адвокатской палаты г. Москвы об обращении в органы прокуратуры с жалобой, содержащей заявление о привлечении адвоката З. к уголовной ответственности в связи с его профессиональной деятельностью.

6. В 2003 году в производстве Л...ского районного суда г. Москвы находилось гражданское дело № 2-.../... о защите чести, достоинства и деловой репутации по иску

О.С.А. (чьи интересы представляла адвокат Д.) к ответчикам: адвокату З. и др. лицу. В нарушение п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат Д. не уведомила Совет Адвокатской палаты г. Москвы о принятии поручения на ведение дела против адвоката З. в связи с его профессиональной деятельностью.

Заявитель просит рассмотреть вопрос о привлечении адвоката Д. к дисциплинарной ответственности, считая, что она систематически нарушает требования подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и п. 1 ст. 4, подп. 7 п. 1 ст. 9, подп. 1 п. 2 и 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

19 мая 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Д., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменных объяснениях от 3 июня 2004 года адвокат Д. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе адвоката З., указала, в частности, что адвокат З. второй год является ее процессуальным оппонентом по ряду гражданских и уголовных дел. Клиент адвоката З. — Х.Р.Х. обвиняется в совершении умышленного убийства. Позиция защитника З. строится на том, что Х.Р.Х. является «жертвой» преследования клиентов адвоката Д. и совершил убийство в состоянии необходимой обороны. Для поддержания статуса Х.Р.Х. как «жертвы» адвокат З. выступает «прокурором» в отношении доверителей адвоката Д., которые не привлекаются к уголовной ответственности, не являются обвиняемыми либо подсудимыми, имеют статус свидетелей по уголовному делу № 5 по обвинению Х.Р.Х. по ч. 1 ст. 105 УК РФ. В судебных заседаниях, жалобах, заявлениях адвокат З. называет доверителей адвоката Д. «бандитами», «вымогателями», «активными членами ОПГ», «лидерами ОПГ» и т.п. Другими словами, адвокат З. публично обвиняет доверителей адвоката Д. в нарушении уголовного закона, чем порочит их честь и достоинство. Решением Л...ского суда г. Москвы от 4 декабря 2003 года установлено, что сведения, распространяемые адвокатом З. в отношении доверителей адвоката Д., не соответствуют действительности. Адвокат Д. указывает, что она вынуждена реагировать на действия адвоката З., публично оскорбляющего ее доверителей, путем разьяснения правовых последствий распространения заведомо ложных сведений. Относительно обстоятельств, изложенных в жалобе от 15 декабря 2003 года на имя и.о. прокурора г. Москвы адвокат Д. пояснила, что получила их из официальных источников: из материалов уголовного дела № 5 следует, что адвокат З., мягко говоря, корректирует показания свидетелей, убеждает их в необходимости сообщить сведения, не соответствующие действительности, о якобы противоправных действиях доверителей адвоката Д. В доказательство сказанного ею представлены Квалификационной комиссии два протокола допросов свидетелей К.А.А. от 18 декабря 2003 года и Х.А.И. от 16 декабря 2003 года по уголовному делу № 5.

В объяснениях, данных 29 июля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Д. дополнительно пояснила, что, по ее мнению, в жалобе от 15 декабря 2003 года на имя и.о. прокурора г. Москвы она не просила о возбуждении уголовного дела в отношении адвоката З., а просила дать уголовно-правовую оценку сведениям, содержащимся в жалобах адвоката З., на предмет наличия признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 129 УК РФ — клевета, соединенная с обвинением лица (О.С.А.) в совершении тяжкого преступления. В исковом заявлении О.С.А. о защите чести, достоинства и деловой репутации истец просил признать не соответствующими действительности сведения, распространенные адвокатом З. в письменном заявлении о возбуждении уголовного дела в отношении преступной группы О.С.А. от

24 декабря 2001 года на имя Л...ского межрайонного прокурора НАО г. Москвы. При рассмотрении 4 декабря 2003 года Л...ским районным судом г. Москвы гражданского дела по этому исковому заявлению адвокат Д. представляла интересы истца. Адвокат З. был соответчиком. Адвокату Д. известны положения п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката. Направив и.о. прокурора г. Москвы жалобу 15 декабря 2003 года и представляя в Л...ском районном суде г. Москвы интересы истца О.С.А. в процессе, в котором ответчиком был адвокат З., адвокат Д. никаких уведомлений в Совет Адвокатской палаты г. Москвы не направляла; полагает, что это ее ошибка.

Выслушав объяснения адвокатов З. и Д., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы адвоката З., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат З. считает, что адвокат Д. нарушила подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат не вправе, участвуя в процессе разбирательства дела, допускать высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства...»), задав в судебном заседании 27 мая 2003 года без представления каких-либо доказательств свидетелю Х.М.В. в присутствии Х.Р.Х., несовершеннолетней дочери доверителей адвоката З. и отца потерпевшей К.С.В. — потерпевшего Х.В.И. вопрос: «Известно ли Вам, каков характер взаимоотношений до 2000 года был между С. и П.? Вы знали, что они состояли в фактических брачных отношениях?».

При производстве по уголовному делу подлежат доказыванию: 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы; 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого; 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением; 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание; 7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (ст. 73 УПК РФ).

Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В качестве доказательств допускаются... показания... свидетеля... (ч. 1 и 2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ).

С момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе... участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй и надзорной инстанций... (п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

В судебном заседании стороны обвинения и защиты пользуются равными правами на... представление доказательств, участие в их исследовании... на рассмотрение иных вопросов, возникающих в ходе судебного разбирательства (ст. 244 УПК РФ).

Защитник подсудимого участвует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства, излагает суду свое мнение по существу обвинения и его доказанности, об обстоятельствах, смягчающих наказание подсудимого или оправдывающих его, о мере наказания, а также по другим вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства (ч. 1 ст. 248 УПК РФ).

Свидетели допрашиваются порознь и в отсутствие недопрошенных свидетелей... Первой задает вопросы свидетелю та сторона, по ходатайству которой он вызван в судебное заседание. Судья задает вопросы свидетелю после его допроса сторонами (ч. 1 и 3 ст. 278 УПК РФ).

Председательствующий руководит судебным заседанием, принимает все предусмотренные настоящим Кодексом меры по обеспечению состязательности и равноправия сторон. Председательствующий обеспечивает соблюдение распорядка судебного заседания, разъясняет всем участникам судебного разбирательства их права и обязанности, порядок их осуществления, а также знакомит с регламентом судебного заседания, установленным ст. 257 настоящего Кодекса (ч. 1 и 2 ст. 243 УПК РФ).

Приведенные выше положения уголовно-процессуального закона однозначно свидетельствуют о том, что адвокат-защитник вправе в ходе судебного следствия участвовать в исследовании доказательств, в том числе задавать свидетелям вопросы об обстоятельствах, которые, по мнению защитника, имеют отношение к делу. Как усматривается из представленных адвокатом З. документов (ксерокопия протокола судебного заседания 27 мая 2003 года и составленная адвокатом распечатка показаний свидетеля Х.М.В. в этом судебном заседании), вопрос, заданный адвокатом Д. свидетелю Х.М.В., не был снят председательствующим даже после настойчивых требований адвоката З., а, следовательно, был признан судом направленным на выяснение обстоятельств, входящих в предмет доказывания по рассматриваемому судом уголовному делу (относимое доказательство).

Кроме того, меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло не более одного года (ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Действия, совершенные адвокатом Д. (вне зависимости от их правомерности/неправомерности), имели место 27 мая 2003 года, т.е. более одного года назад.

При обнаружении в ходе разбирательства, что истекли сроки возбуждения дисциплинарного производства, Квалификационная комиссия по результатам разбирательства выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства (подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат З. считает, что адвокат Д. нарушила п. 1 ст. 4 («адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии»); подп. 7 п. 1 ст. 9 («адвокат не вправе, участвуя в процессе разбирательства дела, допускать высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства...») и подп. 1 п. 2 ст. 15 («адвокат воздерживается от употребления выражений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката, при составлении документов и высказываниях при осуществлении адвокатской деятельности») Кодекса профессиональной этики адвоката, голословно обвинив адвоката З. в судебном заседании 15 декабря 2003 года в распространении ложных сведений, обозвав его лжецом.

Однако из представленных адвокатом З. документов (ксерокопия протокола судебного заседания 15 декабря 2003 года; замечания адвоката З. на этот протокол от 22 декабря 2003 года [*сведения о результате рассмотрения судьей замечаний на протокол судебного заседания адвокат З. не представил. — Прим. Комиссии*]; изготовленная адвокатом З. расшифровка аудиозаписи выступлений адвокатов З. и Д. в судебном заседании 15 декабря 2003 года) следует, что фразой «Вы, З., — лжец!» адвокат Д. завершила свое выступление в связи с заявлением адвокатом З. не основанного на нормах УПК РФ (*и отклоненного судом. — Прим. Комиссии*) ходатайства об отводе защитника Д. по тому мотиву, что ее «присутствие на судебном заседании делает невозможным объективность процесса», которая, по мнению адвоката З., является «основополагающим принципом судопроизводства».

Обосновывая свое ходатайство, адвокат З., в частности, сказал, что «...в судебном заседании Х. давал показание, избличающее О. в руководстве и возглавлении

ОПГ... (организованной преступной группы. — Прим. Комиссии)», «адвокат Д. не может представлять одновременно интересы О. и П., несмотря на то, что О. и П. — члены одной ОПГ, интересы лидера ОПГ не всегда совпадают с интересами рядового члена...».

Возражая против заявления о ее отводе, адвокат Д., в частности, обратила внимание суда на то, что «4 декабря Л...ский районный суд удовлетворил иск О. о защите чести и достоинства и признал, что адвокат З. распространяет в отношении О. сведения, не соответствующие действительности, в частности, причастия его к ОПГ... Таким образом, адвокат З. достоверно знает, что сведения эти не достоверны, не соответствуют действительности. После этого на сегодняшний день повторяет те же самые сведения. Таким образом, действия З. образуют признаки состава преступления: клевета, соединенная с обвинением в тяжком преступлении... Х. дал показания 17 июня в этом судебном зале. 4 сентября Л...ский районный суд, городской суд Московской области, признал сведения, распространяемые Х. в части ОПГ, в частности, где О., не соответствующими действительности, Вы, кстати, представляли интересы Х., и взыскали с Х. 3 000 рублей, Вы тоже об этом знаете. И, тем не менее, Вы вводите суд в заблуждение. Вы, З., — лжец!»

Комиссия считает, что фраза «Вы, З., — лжец» была употреблена адвокатом Д. как логический итог ее рассуждений по вопросу о том, что адвокат З. приводил в обоснование своего ходатайства сведения, признанные федеральными судами не соответствующими действительности, однако, зная об этом факте, не сообщал о нем председательствующему в судебном заседании федеральному судье С.П.П., т.е., по мнению адвоката Д., «вводил суд в заблуждение», говорил неправду (Ложь, лжи, — ж. Намеренное искажение истины, неправда // Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. С. 282). Решение же вопроса о том, содержит ли публичное употребление одним лицом по отношению к другому лицу слова «лжец» состав преступления, предусмотренного ст. 130 УК РФ («Оскорбление»), к компетенции Квалификационной комиссии Адвокатской палаты не относится, о чем адвокату З. должно быть известно.

Таким образом, по данному факту Квалификационная комиссия не усматривает со стороны адвоката Д. нарушений каких-либо норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат З. считает, что адвокат Д. нарушила п. 1 ст. 4, подп. 7 п. 1 ст. 9 и подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, с февраля 2003 года и по настоящее время многократно высказывая в судебных заседаниях различные реплики, замечания и комментарии в адрес доверителей адвоката З., оскорбляя и унижая их честь и достоинство, за что ей объявлялись судьей замечания по ходу процесса; в перерывах между судебными заседаниями, в здании Л...ского суда продолжая вести себя подобным образом, оскорбляя и унижая потерпевших по уголовному делу, высказывая в их адрес оскорбительные замечания; 15 декабря 2003 года, после объявления перерыва в судебном заседании, находясь в здании суда, в оскорбительной форме, в присущей ей истерической манере, вновь обрушившись на доверителей адвоката З. и на него самого с бранью, криками и потоком оскорблений, унижающих их честь и достоинство, угрожая при этом адвокату З. и потерпевшим уголовным преследованием и арестом за клевету на ее доверителя — криминального авторитета «Х.».

Комиссия отмечает, что любое обвинение только тогда будет законным, когда оно конкретно, обоснованно, мотивированно, т.е. когда обвинителем перечислены конкретные факты противоправного поведения с указанием места, времени и иных юридически значимых обстоятельств и приведена достаточная совокупность доказательств, подтверждающих обвинительный тезис. Выдвижение неконкретного обвинения, в подтверждение которого не представлено никаких доказательств (не говоря уже об их совокупности), грубо нарушает право лица (в дисциплинарном производстве – адвоката) на защиту. Только в случае выдвижения конкретного, подтвержденного достаточной совокупностью доказательств обвинения орган, проверяющий обоснованность обвинения, вправе, исследовав доказательства на основе принципа состязательности и равноправия сторон, оценить исследованные доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом законом и совестью, и разрешить спор по существу.

Между тем адвокатом З. не названы конкретные даты (за исключением 15 декабря 2003 года) совершения адвокатом Д. действий, нарушающих Кодекс профессиональной этики адвоката, не описаны сами действия, якобы совершенные адвокатом Д., в том числе их юридически значимые обстоятельства, не представлены доказательства, подтверждающие выдвинутые адвокатом З. обвинения.

При таких обстоятельствах Квалификационная комиссия лишена возможности проверить как формальное соблюдение требований ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, так и обоснованность доводов заявителя по существу.

Адвокат Д. в представленных Комиссии объяснениях сложившуюся конфликтную ситуацию объяснила позицией адвоката З. при осуществлении защиты Х.Р.Х., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, и одновременно признанного потерпевшим по другому уголовному делу, по которому адвокат Д. выступает на стороне защиты.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката Д. в указанной части, Квалификационной комиссии не представлено.

Таким образом, по данным фактам Квалификационная комиссия не усматривает со стороны адвоката Д. нарушений каких-либо норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, Квалификационная комиссия обращает внимание адвоката З. на то обстоятельство, что в соответствии с действующим законодательством в ее компетенцию не входит оценка чьих-либо действий на предмет наличия либо отсутствия в них признаков уголовнонаказуемых деяний (установление так называемых криминальных фактов), а также напоминает адвокату З., а равно и адвокату Д. в связи с представлением ею интересов истца О.С.А. в Л...ском районном суде г. Москвы по иску к адвокату З. (гр. дело № 2-.../...), что в соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)».

Адвокат З. считает, что адвокат Д. нарушила ч. 1 п. 4 ст. 15 («поручение на ведение дела против адвоката в связи с его профессиональной деятельностью может быть принято другим адвокатом только после предварительного уведомления Совета»),

подав 15 декабря 2003 года на имя и.о. прокурора г. Москвы жалобу, содержащую сведения о совершении адвокатом З. уголовно наказуемых деяний, утверждая в указанной жалобе, что якобы адвокат З. склонил потерпевших по уголовному делу № 2 К.Е.В. и К.А.А. обратиться с заявлением о привлечении ряда лиц к уголовной ответственности, а также приняв и выполнив поручение на представительство в 2003 года в Л...ском районном суде г. Москвы истца О.С.А. (гражданское дело № 2-.../... о защите чести, достоинства и деловой репутации к ответчикам адвокату З. и др. лицу).

Исследовав ксерокопию жалобы на действия начальника ГСУ при ГУВД г. Москвы Г.И.А. (о вмешательстве в процессуальную деятельность), поданной 15 декабря 2003 года адвокатом Д. как представителем потерпевшего по уголовному делу № 5 (по обвинению Х.Р.Х. по ч. 1 ст. 105 УК РФ, чью защиту осуществляет адвокат З.) и.о. прокурора г. Москвы, Квалификационная комиссия установила, что в данной жалобе адвокат Д. просит «дать уголовно-правовую оценку сведениям, содержащимся в жалобах адвоката З. (по уголовному делу № 2 для поддержания версии о наличии тольяттинской ОПГ. — Прим. Комиссии), на предмет наличия признаков состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 129 УК РФ — клевета, соединенная с обвинением лица (О.С.А.) в совершении тяжкого преступления»).

Квалификационная комиссия не может согласиться с объяснениями адвоката Д., считающей, что она в своей жалобе не просила возбудить в отношении адвоката З. уголовное дело, а просила прокурора лишь «дать уголовно-правовую оценку сведениям, содержащимся в жалобах адвоката З., на предмет наличия признаков состава преступления...», поскольку дача прокурором уголовно-правовой оценки сведениям, содержащимся в поступившей к нему жалобе адвоката Д. (являющейся процессуальным поводом к возбуждению уголовного дела), как раз и предполагала установление наличия либо отсутствия достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т.е. процессуальных оснований к возбуждению уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Квалификационная комиссия считает, что адвокат Д. нарушила ч. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не уведомила Совет Адвокатской палаты г. Москвы об обращении в органы прокуратуры с жалобой, содержащей заявление о привлечении адвоката З. к уголовной ответственности в связи с его профессиональной деятельностью.

Исследовав ксерокопию решения Л...ского районного суда г. Москвы от 4 декабря 2003 года по гражданскому делу № 2-.../... по иску О.С.А. к Х.В.И., З. о защите чести, достоинства, деловой репутации, компенсации морального вреда, Квалификационная комиссия установила, что истец, в том числе, просил суд признать не соответствующими действительности сведения, распространенные ответчиком З. в датированном 24 декабря 2001 года письменном заявлении на имя Л...ского межрайонного прокурора НАО г. Москвы о возбуждении в отношении О.С.А. уголовного дела. Как указано в решении, «в судебном заседании представитель истца Д. иск поддержала».

Квалификационная комиссия считает, что адвокат Д. нарушила ч. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не уведомила Совет Адвокатской палаты г. Москвы о принятии поручения на ведение в Л...ском районном суде г. Москвы гражданского дела против адвоката З. в связи с его профессиональной деятельностью.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать

Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7; п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2, 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение:

– о нарушении адвокатом Д. ч. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката при обращении 15 декабря 2003 года к и.о. прокурора г. Москвы с жалобой, содержащей заявление о привлечении адвоката З. к уголовной ответственности в связи с его профессиональной деятельностью, и при принятии поручения на ведение в Л...ском районном суде г. Москвы гражданского дела № 2-.../... по иску О.С.А. к (против) адвокату (а) З. в связи с его профессиональной деятельностью;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части обвинения адвоката Д. в нарушении подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката при постановке в судебном заседании 27 мая 2003 года свидетелю Х.М.В. вопроса («Известно ли Вам, каков характер взаимоотношений до 2000 года был между С. и П.? Вы знали, что они состояли в фактических брачных отношениях?») вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях адвоката Д. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 46 адвокату Д. объявлено замечание в связи с нарушением ч. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката при обращении 15 декабря 2003 года к и.о. прокурора г. Москвы с жалобой, содержащей заявление о привлечении адвоката З. к уголовной ответственности в связи с его профессиональной деятельностью, и при принятии поручения на ведение в Л...ском районном суде г. Москвы гражданского дела № 2-.../... по иску О.С.А. к (против) адвокату (а) З. в связи с его профессиональной деятельностью. Прекращено дисциплинарное производство в части обвинения адвоката Д. в нарушении подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката при постановке в судебном заседании 27 мая 2003 года свидетелю Х.М.В. вопроса («Известно ли Вам, каков характер взаимоотношений до 2000 года был между С. и П.? Вы знали, что они состояли в фактических брачных отношениях?») вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства, а в оставшейся части – вследствие отсутствия в действиях адвоката Д. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 84
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат С. явился на заседание Комиссии и дал свои объяснения, ответил на поставленные членами Комиссии вопросы.

Квалификационная комиссия, изучив имеющиеся материалы, частное постановление федерального судьи С.Н.С., выслушав объяснения С., установила следующее.

Адвокат С. осуществлял защиту Б.Е.М.

При рассмотрении ходатайства о продлении срока содержания под стражей его подзащитного адвокат высказывал свои соображения по данному вопросу. Судья С.Н.С. прерывала адвоката, не давая ему изложить его соображения по поводу ненужности продления срока содержания под стражей Б.Е.М. Адвокат, которому, по его мнению, не давали возможности осуществлять свои профессиональные обязанности, все время прерывали, возражали против тех мотивов, которые приводил адвокат, несмотря на прямой запрет судьи, самовольно покинул зал судебного заседания во время слушания дела.

Судья С.Н.С. просит обсудить поведение адвоката в процессе, считая его действия проявлением явного неуважения к суду.

По мнению Комиссии, адвокат С. не мог превышать свои полномочия и самовольно покидать зал судебного заседания, выражая таким образом протест против действий председательствующего. Уголовно-процессуальный закон предусматривает формы, в которых адвокат вправе возражать против действий председательствующего, которыми адвокат не воспользовался.

Исходя из изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Комиссия приходит к заключению, что адвокат С., самовольно покинув зал судебного заседания, нарушил требования ч. 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 43 адвокату С. объявлено замечание за то, что он не мог самовольно покидать зал судебного заседания, выражая таким образом явное неуважение к суду, чем нарушил требования ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 85
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Б.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат Б. явился на заседание Комиссии и дал свои объяснения, ответил на поставленные членами Комиссии вопросы.

Квалификационная комиссия, изучив имеющиеся материалы, представление федерального судьи С., выслушав объяснения Б., установила следующее.

15 апреля 2004 года судья С. назначила на 29 апреля 2004 года предварительное слушание по делу П.С.Ю. и его сестры П.М.Ю. в Л...ском районном суде г. Москвы. Защиту П.М.Ю. по соглашению осуществлял адвокат Б. Адвокат принимал участие в этом судебном заседании, и в его присутствии судья С. назначила судебное заседание по делу на 12 мая 2004 года на 11 часов.

Зная о своей занятости 12 мая 2004 года по делу П.М.Ю., адвокат Б. 11 мая принял поручение на выполнение следственных действий в отношении Т. (регистрационная карточка № 1178 от 11 мая 2004 года, ордер выписан тем же числом) и 12 мая 2004 года, в 11 часов 45 минут, участвовал в Л...ском следственном отделе в выполнении следственных действий в отношении Т. В судебное заседание по делу П.М.Ю. адвокат Б. не явился, не согласовал это с судьей С., чем сорвал судебное заседание. С. в своем представлении просит привлечь адвоката к дисциплинарной ответственности за неисполнение им обязанностей адвоката, возложенных на него законом.

Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат Б., зная, что 12 мая 2004 года он занят в суде по делу П.М.Ю., не должен был принимать на тот же день другое поручение на защиту Т., поскольку это препятствовало выполнению ранее принятого поручения.

Принимая поручений на оказание юридической помощи заведомо больше, чем может выполнить, адвокат руководствовался соображениями собственной выгоды.

Исходя из изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 и п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Комиссия приходит к заключению, что адвокат Б. нарушил подп. 5 п. 1 ст. 9 и п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 12 августа 2004 года № 44 адвокату Б. объявлено замечание, поскольку адвокат не должен был принимать поручение по делу Т., так как это явилось препятствием к исполнению ранее принятого поручения по делу П.М.Ю. и, принимая поручений на оказание юридической помощи заведомо больше, чем может выполнить, адвокат руководствовался соображениями собственной выгоды; эти действия адвоката являются нарушением требований подп. 5 п. 1 ст. 9 и п. 3 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвокатов.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 87
по дисциплинарному производству в отношении адвоката В.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

5 апреля 2004 года президент Московской областной нотариальной палаты, защищая в соответствии с Уставом Палаты интересы нотариуса г. З. Московской области П.Н.Г., обратился в Главное управление Министерства юстиции РФ по г. Москве с сообщением о действиях адвоката В., порочащих честь и достоинство адвоката и умаляющих авторитет адвокатуры. 20 апреля 2004 года это сообщение было из Главного управления направлено в Адвокатскую палату г. Москвы для рассмотрения по существу.

В данном сообщении указано, что адвокат В. 25 октября 2003 года, прибыв в контору нотариуса г. З. П.Н.Г., игнорируя порядок, установленный для посетителей, потребовал внеочередного приема. При этом он вел себя, как указано в сообщении, «грубо и некорректно по отношению к нотариусу и присутствующим гражданам». Адвокат В. потребовал от нотариуса П.Н.Г. предъявить ему для изучения материалы, содержащиеся в наследственном деле к имуществу умершего, открытого нотариусом, однако каких-либо документов, удостоверяющих его полномочия, не предъявил, кроме удостоверения адвоката № НР-.... от 22 января 2002 года.

27 апреля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы распоряжением № 23 на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката в отношении В. возбуждено дисциплинарное производство, материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат В., будучи надлежащим образом неоднократно извещенным о необходимости явки в Адвокатскую палату для дачи объяснений по обстоятельствам дисциплинарного проступка и для участия в заседании Квалификационной комиссии по дисциплинарному производству в отношении него, от явки уклонился, объяснений в письменной или устной форме не предоставил, об уважительных причинах невозможности явки в Квалификационную комиссию не известил, ходатайство о переносе срока рассмотрения производства не заявил, каких-либо материалов, опровергающих содержащиеся в обращении президента Московской областной нотариальной палаты доводы и обстоятельства, не предъявил. Его неявка не является основанием для отложения разбирательства и не может быть препятствием для окончания производства по существу.

Комиссия не имеет оснований не доверять доводам президента Московской областной нотариальной палаты и, учитывая игнорирование адвокатом В. предложение Квалификационной комиссии дать объяснения, считает изложенные в обращении обстоятельства установленными.

Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает, что при осуществлении профессиональной деятельности адвокат должен уважать права, честь и достоинство как лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей и коллег, так и других лиц, соблюдать деловую манеру общения (п. 2 ст. 8). Между тем адвокат В. 25 октября 2003 года проявил неуважение к правам и достоинству нотариуса г. З. П.Н.Г. и находившимся в нотариальной конторе посетителям, требуя внеочередного приема и ознакомления с наследственным делом без предъявления полномочий от доверителя, вел себя по отношению к указанным лицам грубо и некорректно,

таким образом, не исполнил требования п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия выносит заключение о нарушении адвокатом В. п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**члена Квалификационной комиссии Адвокатской палаты
города Москвы адвоката Н.М. Кипниса**

по дисциплинарному производству в отношении адвоката В.

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы... вынесла заключение о нарушении адвокатом В. п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения»).

Считаю, что данное заключение вынесено по дисциплинарному производству, ошибочно возбужденному при отсутствии одного из поводов для начала дисциплинарного производства, перечисленных в подп. 1–4 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В своей деятельности Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы с самого начала строго придерживается, в частности, принципов диспозитивности и состязательности.

Кодекс профессиональной этики адвоката установил строго ограниченный перечень поводов для начала дисциплинарного производства (подп. 1–4 п. 1 ст. 20), указав при этом, что «не могут являться допустимым поводом для начала дисциплинарного производства жалобы или обращения лиц, не указанных в пункте 1 статьи 20 Кодекса» (п. 4 ст. 20 Кодекса).

Квалификационная комиссия до 29 июля 2004 года, строго придерживаясь этого ограниченного перечня, не считала возможным при отсутствии законного повода рассматривать по существу вопрос о наличии либо отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката либо о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем; либо о неисполнении решений органов Адвокатской палаты.

Обращение президента Московской областной нотариальной палаты не относится ни к одному из поводов для начала дисциплинарного производства, перечисленных в п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, т.е. является недопустимым поводом.

Нисколько не оправдывая действия адвоката В., который, как утверждается в обращении президента Московской областной нотариальной палаты, не соблюдал при обращении к нотариусу в г. З. по наследственному делу деловую манеру общения, считаю, что Квалификационная комиссия была не вправе давать оценку действиям адвоката по существу, поскольку, как указано выше, отсутствовал допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат В. на заседание Квалификационной комиссии не явился, письменных объяснений не представил. По сообщению председательствующего на заседании Комиссии, о месте и времени рассмотрения дисциплинарного производства адвокат был надлежащим образом извещен.

В соответствии с п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства. В этом случае Квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам.

Вместе с тем при выявлении в ходе рассмотрения дисциплинарного производства невозможности вынести заключение в отсутствие кого-либо из участников Квалификационная комиссия обязана отложить рассмотрение дисциплинарного производства.

При рассмотрении настоящего дисциплинарного производства не было установлено, по делу какого доверителя адвокат В. прибыл к нотариусу в г. З.; кроме того, было установлено, что адвокат В. предъявил старое адвокатское удостоверение, а не удостоверение адвоката, выданное Главным управлением Минюста РФ по г. Москве в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», являющееся «единственным документом, подтверждающим статус адвоката» (п. 3 ст. 15 Федерального закона).

При таких обстоятельствах считаю не установленным важное фактическое обстоятельство – осуществлял ли адвокат В. при обращении по наследственному делу к нотариусу в г. З. адвокатскую деятельность.

Между тем не могут являться допустимым поводом для начала дисциплинарного производства жалобы и представления, основанные на действиях (бездействии) адвоката, совершенных вне рамок выполнения поручения по конкретному делу или исполнения им обязанностей члена соответствующей Адвокатской палаты (необоснованный отказ от принятия поручений по делу) (п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В именном бюллетене для голосования мною как членом Квалификационной комиссии было отмечено основание «прекратить дисциплинарное производство, поскольку адвокат не допустил нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката (надлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем или адвокатской палатой)». При этом я исходил из того, что это единственный способ защитить права адвоката, исходя из принципа толкования всех сомнений в пользу адвоката.

В соответствии с п. 12 и 14 Кодекса профессиональной этики адвоката заключение Квалификационной комиссии представляет собой письменное решение (состоящее из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей), основанное на результатах голосования именными бюллетенями.

Возможность принятия заключения не единогласно, а большинством голосов предполагает, что член (ы) Комиссии могут остаться при особом мнении.

Право члена квазисудебного органа, оставшегося в ходе голосования при особом мнении, изложить свое особое мнение в письменной форме для приобщения к материалам дисциплинарного производства основано на общепроцессуальных правовых правилах и не связано с формой (видом) производства.

На основании изложенного считаю, что заключение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 29 июля 2004 года по дисциплинарному производству, возбужденному в отношении адвоката В., вынесено вопреки п. 1 и 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку «не могут являться допусти-

мым поводом для начала дисциплинарного производства жалобы или обращения лиц, не указанных в пункте 1 настоящей статьи, а равно жалобы и представления указанных в настоящей статье лиц, основанные на действиях (бездействии) адвоката, совершенных вне рамок выполнения поручения по конкретному делу или исполнения им обязанностей члена соответствующей Адвокатской палаты (необоснованный отказ от принятия поручений по делу)».

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года № 50 адвокату В. объявлен выговор за нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
при АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЕ города МОСКВЫ № 88
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Г.Д.М. (доверитель) обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 1017 от 14 апреля 2004 года) на адвоката Д., указав, что в ходе расследования уголовного дела, возбужденного по факту хищения принадлежащего ему, Г.Д.М., автомобиля, по рекомендации следователя он обратился в юридическую консультацию № 000 МГКА к адвокату Д. С адвокатом была достигнута договоренность о представлении интересов доверителя в следственных и судебных органах по уголовному делу, где он признан потерпевшим, а также о составлении искового заявления о возмещении причиненного ущерба в связи с хищением имущества, направлении этого заявления в суд вместе с ходатайством об аресте расчетного счета ответчика в целях обеспечения иска. За указанные услуги в течение апреля — мая 2003 года в кассу консультации № 000 он оплатил адвокату в общей сложности 42 000 рублей. В августе 2003 года адвокат Д. представила ему копию несогласованного с ним, непрофессионально исполненного искового заявления в Г...ский районный суд НАО г. Москвы с ее собственноручной пометкой о том, что исковое заявление принято к рассмотрению судьей Г...ского районного суда С.Е.В., которая, по пояснениям адвоката, незамедлительно его рассмотрит в сентябре 2003 года после возвращения из отпуска. Однако, не получив никакой информации от адвоката с августа 2003 года до настоящего времени (т.е. до 8 апреля 2004 года) о перспективах рассмотрения иска, он, Г.Д.М., вынужден был самостоятельно обратиться к судье С.Е.В., которая пояснила, что ни у нее, ни в производстве Г...ского районного суда искового заявления, связанного с возмещением материального ущерба, причиненного хищением его автомобиля, нет. В марте 2004 года он, Г.Д.М., обратился с жалобой на адвоката Д. к заведующему юридической консультацией № 000, который назначил другого адвоката. Заявитель считает, что адвокат Д. грубо нарушила требования федерального законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, которые обязывают адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, просит в связи с неисполнением и ненадлежащим исполнением своих профессиональных обязанностей

перед доверителем и поведением, порочащим честь и достоинство адвоката, прекратить статус адвоката Д.

14 апреля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Д., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы.

Адвокат Д., надлежаще извещенная о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, на заседание Квалификационной комиссии не явилась.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. в ее отсутствие, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства.

Изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Квалификационная комиссия считает установленным, что Г.Д.М. заключил соглашение с адвокатом Д. на ведение его дела в ОВД «...» по р.к. № 871 от 29 апреля 2003 года, по р.к. № 940 от 12 мая 2003 года и по р.к. № 950 от 14 мая 2003 года и оплатил соответственно 3 000 рублей, 15 000 рублей и 9 000 рублей. Он же по регистрационной карточке № 1284 от 21 июня 2003 года заключил соглашение с адвокатом Д. на ведение его гражданского дела в Г...ском районном суде г. Москвы и оплатил 15 000 рублей.

В своих письменных объяснениях адвокат Д. указала, что претензии заявителя Г.Д.М. к ней необоснованны, что поручение по уголовному делу, в котором она представляла интересы Г.Д.М. в качестве потерпевшего, выполнила. Что же касается ведения гражданского дела, то она составила исковое заявление в Г...ский районный суд г. Москвы о возмещении ущерба, причиненного утратой, хищением автомашины и другого имущества с охраняемой автостоянки, сдала его в суд в октябре 2003 года, однако, как впоследствии выяснилось, заявление в Г...ский суд не поступило и его там на сегодняшний день нет. В настоящее время дело Г.Д.М. ведет адвокат К.¹

Ознакомившись с текстом искового заявления, составленного адвокатом Д., комиссия отмечает, что исковое требование Г.Д.М. к ответчику, как это указано в исковом заявлении, не может быть рассмотрено по закону «О защите прав потребителей». В данном случае иск должен был быть заявлен по основаниям ст. 1064 ГК РФ и рассматриваться по правилам, регулирующим правоотношения, связанные с возмещением ущерба. Поэтому иск мог быть заявлен только по месту нахождения ответчика, а именно в П...кий районный суд г. Москвы.

Адвокат Д. не выполнила профессиональные обязанности по представлению интересов доверителя Г.Д.М. по гражданскому делу по соглашению (р.к. № 1284 от 21 июня 2003 года).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять обязанности, отстаивать (активно защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

---

¹ См.: Дисциплинарное производство № 79/352 в издании «Сборник дисциплинарной практики Адвокатской палаты г. Москвы за 2006 год». – *Прим. составителя.*

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 п. 1 и п. 2 ст. 7 названного Закона; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что адвокат Д. не исполнила свои обязанности перед доверителем Г.Д.М.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом Д. своих обязанностей перед доверителем Г.Д.М. по соглашению об оказании юридической помощи (р.к. № 1284 от 21 июня 2003 года).

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года № 45 адвокату Д. объявлен выговор вследствие ненадлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем Г.Д.М. по соглашению об оказании юридической помощи (р.к. № 1284 от 21 июня 2003 года).

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 91
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.¹**

17 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Председатель Московского городского суда обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 1577 от 17 июня 2004 года), указав, что в производстве М...кого районного суда г. Москвы находилось уголовное дело по обвинению Л.В.С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ. Гражданин Л.В.С., 22 сентября 1987 г.р., несовершеннолетний, обвинялся в том, что 6 ноября 2003 года совершил в универсаме «Продукты» ООО КК «Дом» покушение на кражу одной бутылки спиртного напитка (абсента). Поскольку Л.В.С. являлся несовершеннолетним и обвинялся в совершении неоконченного преступления небольшой тяжести, постольку в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ в отношении него не могла быть применена мера пресечения в виде заключения под стражу. Несмотря на это, на этапе досудебного производства 8 ноября 2003 года подозреваемому Л.В.С., 22 сентября 1987 г.р., судьей была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При этом, как указано в соответствующем постановлении судьи, защитник Л.В.С. адво-

---

¹ См. в этом же разделе дисциплинарное производство № 97 в отношении адвоката С. — *Прим. составителя.*

кат К. оставила решение данного ходатайства на усмотрение суда. Таким образом, несмотря на явную незаконность ходатайства дознавателя об избрании Л.В.С. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат К. адекватных мер для защиты прав и законных интересов своего доверителя не предприняла, оставив решение данного ходатайства на усмотрение суда.

Изложенные обстоятельства, по мнению заявителя, указывают на сознательное пренебрежение адвокатом К. одним из основных прав человека – правом на свободу, на явное и безусловное игнорирование адвокатом положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и требований Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем заявитель просит рассмотреть вопрос о привлечении адвоката К. к дисциплинарной ответственности.

18 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 10 сентября 2004 года адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении председателя Московского городского суда, указала, что 8 ноября 2003 года в порядке ст. 51 УПК РФ она участвовала в судебном заседании М...кого районного суда г. Москвы при рассмотрении ходатайства дознавателя ОР ОВД п-ского района г. Москвы об избрании в качестве меры пресечения Л.В.С. содержание под стражей. В ходатайстве было указано, что «Л.В.С. подозревается в покушении на кражу одной бутылки абсента “Король Духов” емкостью 0,75 л по цене 1 818 руб. 30 коп. в универмаге “Продукты”, что личность Л.В.С. документально не подтверждена, что он не работает, ранее судим в 2002 году К...ским судом N-ской области по ст. 158, ч. 2, п. “а”, “в” УК РФ (срок наказания не указан), судимости проверяются». При ознакомлении с материалами арестного дела обращало на себя внимание, что в семи документах, имеющихся в деле, указывалось, что Л.В.С. является совершеннолетним – 22 сентября 1983 г.р. (рапорт об обнаружении признаков преступления; заявление начальнику ОВД от зам. зав. секцией «Вино» универмага «Продукты» с просьбой привлечь к уголовной ответственности Л.В.С.; протокол личного досмотра Л.В.С.; объяснение зав. секцией № 9 универмага «Продукты»; объяснения понятых П. и А., присутствовавших при личном досмотре гражданина, назвавшегося Л.В.С., сообщении прокурору о задержании Л.В.С.). При этом паспорта и иных документов, удостоверяющих личность, Л.В.С. при себе не имел.

Позже Л.В.С. сообщил, что он родился в 1987 году, что был ранее судим по п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, что не имеет постоянного места жительства, не учится, не работает.

Анализируя представленные дознавателем материалы для ареста, защита говорила о том, что необходимо точно установить данные о личности Л.В.С., поскольку его противоречивые показания о своем возрасте и судимости, отсутствие официальных сведений о наличии у Л.В.С. не снятой или не погашенной судимости за кражу давали защите основание просить суд признать ходатайство об аресте Л.В.С. необоснованным либо обязать органы дознания представить суду дополнительные доказательства обоснованности ходатайства об аресте.

Какое принять решение – обязать представить суду дополнительные доказательства либо отказать в удовлетворении ходатайства – адвокат оставила на усмотрение суда.

При оглашении постановления суда адвокат не присутствовала, однако позже она подошла к Л.В.С. и спросила его мнение о состоявшемся аресте. Л.В.С. заявил, что обжаловать такое решение он не будет и защите подавать жалобу также не надо. Жа-

лобы на постановление суда об аресте от Л.В.С. впоследствии не поступало. Кроме того, дознаватель после ареста Л.В.С. заявил адвокату К., что у него есть «свой адвокат», который будет далее вести это дело. Учитывая отказ Л.В.С. обжаловать постановление суда о его аресте и принимая во внимание указанное заявление дознавателя, адвокат К. не обжаловала постановление суда и не приносила замечания на протокол судебного заседания.

Когда адвокат К. узнала о том, что в Адвокатскую палату г. Москвы поступило письмо из Московского городского суда, она обратилась к заместителю председателя М...кого районного суда г. Москвы К.Н.В., вынесшему постановление об аресте Л.В.С. В ответ она услышала: «Что Вы волнуетесь, ведь Вы возражали против ареста». На слова адвоката о том, что в постановлении об аресте указано, что она оставила рассмотрение вопроса на усмотрение суда, такая же запись в протоколе судебного заседания, ей было сказано, что такая запись в протоколе судебного заседания объясняется неопытностью секретаря, которая была принята на работу в суд 5 ноября 2003 года, ранее в суде никогда не работала, юристом не является, ее участие в слушании данного дела — лишь третий день работы в суде, она не сумела четко изложить сказанное адвокатом. Неполную запись позиции адвоката в постановлении об аресте судья К.Н.В. объяснил большой загруженностью суда (в то время он был исполняющим обязанности председателя суда) и перегрузкой в работе.

Адвокат К. понимает, что должна была следить за делом, прочитать протокол судебного заседания, составить замечания, обжаловать постановление суда. Однако, принимая во внимание отказ Л.В.С. обжаловать постановление об аресте, она тоже не обжаловала указанное постановление. Она также понимает, что изложенное стечение обстоятельств привело к тому, что впервые за много лет работы она совершила действие, способствовавшее судебной ошибке, в чем она раскаивается.

17 сентября 2004 года, на заседании Квалификационной комиссии, адвокат К. подтвердила правильность сведений, изложенных ею в письменных объяснениях от 10 сентября 2004 года, а также уточнила, что она не присутствовала при оглашении постановления суда, потому что она вышла в коридор суда и легла на скамейку, стремясь таким образом уменьшить мучительную боль, которую она испытывала из-за тяжелого заболевания позвоночника.

Выслушав объяснения адвоката К., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы сообщения председателя Московского городского суда, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

8 ноября 2003 года судьей М...кого районного суда г. Москвы К. рассматривалось (в порядке, установленном ч. 3–7 ст. 108 УПК РФ) постановление дознавателя ОД при ОВД п-ского района г. Москвы Л.О.Ю., согласованное с заместителем прокурора межрайонной прокуратуры НАО г. Москвы З.В.И., о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу Л.В.С., подозреваемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 50, ст. 51 и ч. 4 ст. 108 УПК РФ в судебном заседании принимала участие адвокат К., осуществлявшая защиту Л.В.С.

Рассмотрев названное постановление дознавателя, судья вынес постановление об избрании подозреваемому Л.В.С., 22 сентября 1987 г.р., меры пресечения в виде заключения под стражу.

Таким образом, к моменту вынесения М...ким районным судом г. Москвы 8 ноября 2004 года постановления об избрании в отношении Л.В.С. меры пресечения в

виде заключения под стражу было установлено со слов Л.В.С., что он является несовершеннолетним.

В соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему подозреваемому или обвиняемому заключение под стражу в качестве меры пресечения может быть применено в случае, если он подозревается или обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении несовершеннолетнего, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести.

На 8 ноября 2004 года Л.В.С. было полных 16 лет (22 сентября 1987 г.р.), т.е. он являлся несовершеннолетним (см. ч. 1 ст. 420 УПК РФ). При этом Л.В.С. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 158 УК РФ (в ред. ФЗ № 133 от 31 октября 2002 года), которое было отнесено уголовным законом к преступлениям небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ).

Следовательно, по смыслу ч. 2 ст. 108 УПК РФ к несовершеннолетнему Л.В.С., обвиняемому в совершении преступления небольшой тяжести, заключение под стражу в качестве меры пресечения применяться не могло ни при каких обстоятельствах.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение Советом Адвокатской палаты, с учетом заключения Квалификационной комиссии, мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ).

Как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П, закрепленное в ст. 48 (ч. 2) Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является одним из проявлений более общего права, гарантированного ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ каждому человеку, — права на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому положения ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации не могут быть истолкованы в отрыве и без учета положений ч. 1 этой же статьи. Гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство, во-первых, обеспечивает условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные

требования и критерии. Критерии квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, исходя из необходимости обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ, законодатель устанавливает путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников.

В законодательстве об адвокатуре формулируются определенные профессиональные требования к адвокатам, призванные обеспечивать квалифицированный характер оказываемой ими юридической помощи с учетом высокой значимости для личности и общества в целом принимаемых в уголовном судопроизводстве решений (см. п. 2–4 мотивировочной части Постановления).

Таким образом, наличие института адвокатуры рассматривается как государственная гарантия конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Оказание адвокатом неквалифицированной юридической помощи, способствующей в том числе вынесению ошибочных судебных решений, не соответствует требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Поскольку постановление М...кого районного суда г. Москвы от 8 декабря 2003 года об избрании в отношении несовершеннолетнего Л.В.С., обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, меры пресечения в виде заключения под стражу было вынесено вопреки запрету, установленному в ч. 2 ст. 108 УПК РФ, адвокат К. была обязана обжаловать данное постановление в кассационном порядке. Учитывая явное несоответствие решения судьи требованиям ч. 2 ст. 108 УПК РФ, отказ обвиняемого Л.В.С. от обжалования постановления (к тому же не подтвержденный письменно) не являлся обязательным для адвоката. Следует при этом учитывать, что в силу ч. 1 п. 4 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат-защитник должен обжаловать приговор, вынесенный в отношении подзащитного, по его просьбе, а также если подзащитный является несовершеннолетним или страдает психическими недостатками и суд в приговоре не разделил позицию адвоката и назначил более тяжкое наказание или за более тяжкое преступление, чем просил адвокат, или если имеются правовые основания для смягчения приговора.

Кроме того, как указала адвокат К. в своих объяснениях, она просила суд либо признать ходатайство об аресте Л.В.С. необоснованным и отказать в его удовлетворении, либо обязать органы дознания представить суду дополнительные доказательства обоснованности ходатайства об аресте; на усмотрение суда адвокат оставила лишь вопрос о том, какое из двух предложенных ею решений выбрать. Между тем в постановлении М...кого районного суда г. Москвы от 8 декабря 2003 года указано, что адвокат К. «оставила решение данного ходатайства на усмотрение суда», т.е. позиция адвоката, исходя из ее объяснений, данных Квалификационной комиссии, была искажена судом в постановлении, что также требовало обжалования этого судебного акта, поскольку в УПК РФ (в отличие от ст. 200 ГПК РФ) не предусмотрено иного способа исправления описок и явных арифметических ошибок в судебных актах.

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы приходит к выводу, что юридическую помощь, оказанную адвокатом К. несовершеннолетнему обвиняемому Л.В.С. при решении в ноябре 2003 года вопроса об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу, невозможно вопреки требованиям п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката охарактеризовать как квалифицированную.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Ко-

декса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом К. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в неоказании несовершеннолетнему обвиняемому Л.В.С. квалифицированной юридической помощи при решении в ноябре 2003 года вопроса об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 55 адвокату К. за неоказание несовершеннолетнему обвиняемому Л.В.С. квалифицированной юридической помощи при решении в ноябре 2003 года вопроса об избрании в отношении него меры пресечения в виде заключения под стражу объявлено предупреждение.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 92
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л.**

17 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы на своем заседании 29 июля 2004 года, проведя голосование именными бюллетенями руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 и 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, вынесла заключение о нарушении адвокатом Л. подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

12 августа 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы вынес решение за № 47 о направлении дисциплинарного производства в отношении адвоката Л. для нового разбирательства. Совет усмотрел существенные нарушения процедуры в том, что не была дана оценка заявлению адвоката Л. о принятии поручения на защиту Н.Т.П. адвокатом С. по соглашению, также Совет считает необходимым ознакомиться с журналом регистрации поручений Адвокатской конторы № 000 КА МГКА, с объяснениями адвоката С., а также получить объяснение от директора Адвокатской конторы № 000 по поводу выполнения адвокатом Л. поручения по защите Н.Т.П.¹

При новом рассмотрении Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы установила следующее.

В Адвокатскую палату г. Москвы поступило обращение федерального судьи К...кого районного суда г. Москвы С.И.Ю. (вх. № 1438 от 31 мая 2004 года), в котором указано что адвокат Л., участвовавшая ранее в судебных заседаниях по уголовному делу Н.Т.П., отказалась от продолжения участия по данному делу в судебном заседании, назначенном на 23 апреля 2004 года.

В своих объяснениях адвокат Л., осуществлявшая защиту подсудимого Н.Т.П. по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ, указала, что она участвовала в судебных засе-

---

¹ См. заключение № 72 в отношении адвоката Л. в разделе «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве». – *Прим. составителя.*

даниях 19 и 30 марта 2004 года. С ее участием 30 марта 2004 года дело было отложено на 23 апреля 2004 года. Адвокат Л. по телефону сообщила судье, что не будет присутствовать на судебном заседании 23 апреля 2004 года. Адвокат Л. пояснила Комиссии, что у нее имеется информация о том, что 21 апреля 2004 года адвокат Адвокатской конторы № 000 МГКА С. приняла на себя обязательство по защите Н.Т.П. в соответствии со ст. 50 УПК РФ (по соглашению), о чем свидетельствует запись в «Книге учета регистрационных карточек ЮК № 000» от 21 апреля 2004 года за № 1010.

1 июня 2004 года распоряжением № 37 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. (регистрационный № 77/...) на основании представления федерального судьи К...кого районного суда г. Москвы С.И.Ю.

На заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы 17 сентября 2004 года адвокат Л. пояснила, что не явилась в суд 23 апреля 2004 года в связи с тем, что ей стало известно о заключении представителями Н.Т.П. соглашения с адвокатом С. Адвокат Л. пояснила также, что она не согласна с доводом заключения Квалификационной комиссии о том, что вопрос о ее освобождении от дальнейшего участия по делу мог быть разрешен только в судебном заседании, поскольку это обстоятельство, по ее мнению, не подтверждается ни одним законодательным актом.

Изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката Л., Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к заключению о нарушении адвокатом Л. норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Комиссия приходит к выводу, что адвокат Л., принявшая на себя защиту подсудимого Н.Т.П., участвуя в судебных заседаниях 19 и 30 марта 2004 года, не имела права отказаться от принятой защиты и обязана была явиться в суд 23 апреля 2004 года. Только в судебном заседании мог быть решен вопрос об освобождении адвоката Л. от дальнейшего участия по делу в связи заключением соглашения с другим адвокатом.

Директор Адвокатской конторы № 000 МГКА Ж.И.И. в докладной на имя Адвокатской палаты г. Москвы пояснил, что 30 марта 2004 года судебное заседание было отложено и адвокат Л. была извещена судом о дате следующего рассмотрения дела телефонограммой, которая была передана судом в АК № 000.

В середине апреля 2004 года Ж.И.И. позвонил федеральный судья К...кого районного суда С.И.Ю. и сообщил, что ему позвонила адвокат Л., которая сказала судье, что она по делу Н.Т.П. участия принимать не будет.

Примерно 16 апреля 2004 года во время дежурства адвоката Л. в АК № 000, Ж.И.И. попросил ее объяснить причину отказа в осуществлении защиты подсудимого Н.Т.П., на что Л. сказала, что пояснений по этому вопросу давать не будет и делать это не обязана.

Директор Адвокатской конторы № 000 МГКА Ж.И.И. предупредил ее, что она 23 апреля обязана явиться в судебное заседание по делу Н.Т.П., назначенное на 14 часов.

21 апреля 2004 года секретарем АК № 000 адвокату Л. по телефону было сообщено о рассмотрении дела Н.Т.П., назначенного на 23 апреля, в 14 часов, в К...ком районном суде, и в журнале регистрации телефонограмм из К...кого суда была сделана отметка секретарем Г.Г.В., что адвокату Л. сообщено о рассмотрении дела.

23 апреля 2004 года, в 10 часов утра, Л. явилась на дежурство в АК № 000, где Ж.И.И. лично стал выяснять у Л. собирается ли она в судебное заседание, на что она

ответила, что не пойдет. В связи с таким объяснением и просьбой федерального судьи С.И.Ю. не срывать дело Ж.И.И. был вынужден в порядке ст. 51 УПК РФ по данному делу направить адвоката С., которое и было рассмотрено с ее участием.

Директор АК № 000 МГКА Ж.И.И. обращает внимание Адвокатской палаты г. Москвы, что адвокат Л. не впервые отказывается от проведения дел в порядке ст. 51 УПК РФ и на все его просьбы отвечала, что он как директор АК вообще не имеет права назначать в порядке ст. 51 УПК РФ адвокатов, что она сама решает, какие дела брать.

В докладной секретарь-кассир АК № 000 МГКА Г.Г.В. пояснила, что в начале апреля 2004 года из К...кого районного суда поступила телефонограмма, которая была принята и в журнале регистрации секретарем была сделана запись, что 23 апреля 2004 года в 14 часов у федерального судьи С.И.Ю. рассматривается дело Н.Т.П. по ч. 1 ст. 105 УПК РФ.

21 апреля 2004 года секретарь Г.Г.В. по телефону сообщила адвокату Л., что у нее на 23 апреля 2004 года у судьи С.И.Ю. назначено дело Н.Т.П. на 14 часов, на что она ответила секретарю, что по данному делу принимать участия не будет.

В журнале регистраций телеграмм имеется отметка, что адвокату Л. сообщено.

Никаких соглашений по делу Н.Т.П. ни с кем из адвокатов заключено не было.

Из объяснений адвоката С. следует, что уголовное дело по обвинению Н.Т.П. было проведено ею в порядке ст. 51 УПК РФ, никакого соглашения она по данному делу не заключала.

23 апреля 2004 года она находилась в адвокатской комнате № 001 К...кого районного суда, когда ей позвонил директор Адвокатской конторы № 000 МГКА Ж.И.И. и спросил ее, кто из адвокатов находится в суде. С. объяснила, что никого кроме нее из адвокатов нет. Тогда Ж.И.И. сказал С., что адвокат Л. отказывается идти на процесс к федеральному судье С.И.Ю. по делу Н.Т.П., обвиняемого по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Объяснив, что судья категорически не желает откладывать дело, директор дал С. поручение принять на себя защиту Н.Т.П. в порядке ст. 51 УПК РФ и провести это дело в суде.

В своем объяснении адвокат С. обращает внимание на то, что никто из родственников или знакомых подсудимого в суде не присутствовал, и никакого соглашения она не заключала.

Адвокат Л. по поводу обстоятельств, изложенных директором АК № 000 МГКА, Ж.И.И., адвокатом С., секретарем, пояснила, что у нее неприязненные отношения с директором АК № 000, а адвокат С. и секретарь его поддерживают.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Л. подп. 6 п. 4 ст. 6 и подп. 1, 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что адвокат Л. не имела права отказаться от принятой на себя защиты Н.Т.П. в порядке ст. 51 УПК РФ.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 56 адвокату Л. за отказ от принятой защиты и недобросовестное исполнение профессиональных обязанностей при защите подсудимого Н.Т.П. объявлено предупреждение.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 97
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.¹**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Председатель Московского городского суда обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 1577 от 17 июня 2004 года), указав, что в производстве М...кого районного суда г. Москвы находилось уголовное дело по обвинению Л.В.С. в совершении преступления, предусмотренного ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ. Гражданин Л.В.С., 22 сентября 1987 г.р., несовершеннолетний, обвинялся в том, что 6 ноября 2003 года совершил в универсаме «Продукты» ООО КК «Дом» покушение на кражу одной бутылки спиртного напитка (абсента). Несмотря на то, что Л.В.С. являлся несовершеннолетним и обвинялся в совершении неоконченного преступления небольшой тяжести, в отношении него вопреки предписаниям ч. 2 ст. 108 УПК РФ на этапе досудебного производства 8 ноября 2003 года судьей была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. Постановление судьи в кассационном порядке сторонами (в том числе и адвокатом К., осуществлявшей на тот момент защиту Л.В.С.) не обжаловалось. После направления уголовного дела в суд для рассмотрения защиты несовершеннолетнего Л.В.С. в судебном заседании 24 декабря 2003 года осуществляла адвокат С. По мнению заявителя, адвокат С. была обязана немедленно заявить в судебном заседании ходатайство об изменении избранной Л.В.С. меры пресечения на иную, не связанную с содержанием под стражей, что ею, однако, выполнено не было. С 11 декабря 2003 года, после официального опубликования в «Парламентской газете» (15 декабря 2003 года — в «Собрании законодательства Российской Федерации», 16 декабря 2003 года — в «Российской газете») вступил в силу Федеральный закон от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации». Данным Федеральным законом ч. 6 ст. 88 УК РФ была изложена в новой редакции, в соответствии с которой наказание в виде лишения свободы вообще не могло быть назначено несовершеннолетним осужденным, совершившим преступления небольшой тяжести впервые. Поскольку Л.В.С. на момент совершения вышеупомянутого преступления являлся юридически не судимым, постольку это преступление небольшой тяжести считалось совершенным им впервые. При таких данных, за совершение подобного преступления несовершеннолетнему Л.В.С. изначально не могло быть назначено наказание в виде лишения свободы. Между тем адвокат С. своему несовершеннолетнему доверителю Л.В.С. положения вышеуказанного Федерального закона не разъяснила и каких-либо надлежащих мер для защиты его прав и законных интересов не предприняла, фактически уговорив его ходатайствовать перед судом о рассмотрении уголовного дела в особом порядке. В судебных прениях прокурор просила назначить несовершеннолетнему подсудимому Л.В.С. наказание в виде шести месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии. На данную просьбу прокурора адвокат С. в прениях сказала лишь о том, что «У защиты спора о квалификации нет. Вину подзащитный признал. Прошу суд дать ему шанс исправиться». По мнению заявителя, на явное нарушение прокурором требований Федерального закона и прав своего несовершеннолетнего доверителя адво-

---

¹ См. в этом же разделе дисциплинарное производство № 91 в отношении адвоката К. — *Прим. составителя.*

кат С. достойно не прореагировала; права и интересы несовершеннолетнего подсудимого никак не отстаивала; внимание суда и прокурора на недопустимость назначения Л.В.С. подобного наказания также не обратила; проявила полное незнание положений Федерального закона и абсолютное пренебрежение к правам и законным интересам несовершеннолетнего доверителя Л.В.С. В результате подобного небрежного, недобросовестного и неквалифицированного отношения адвоката С. (а также судьи и прокурора) к исполнению своих профессиональных обязанностей несовершеннолетнему Л.В.С. приговором суда от 24 декабря 2003 года было назначено наказание в виде шести месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии. Несмотря на постановление судом неправосудного приговора в отношении несовершеннолетнего доверителя и наличие безусловных правовых оснований для смягчения приговора адвокат С. этот явно незаконный судебный приговор не обжаловала. Однако получила по постановлению судьи в качестве оплаты труда адвоката за счет государства денежные средства (300 рублей) фактически за неквалифицированную юридическую помощь и неразумную, недобросовестную и непринципиальную защиту. Данный приговор был оспорен исключительно государственным обвинителем, подавшей 5 января 2004 года соответствующее кассационное представление с целью исправления своей ошибки. Между тем адвокат С. каких-либо мер для исправления допущенной ею при осуществлении защиты ошибки не предприняла, судебный приговор не обжаловала и в заседании Судебной коллегии участия не принимала. Законность по данному делу была восстановлена 9 марта 2004 года Судебной коллегией по уголовным делам Московского городского суда, которая приговор в отношении Л.В.С. изменила, назначила ему наказание, не связанное с лишением свободы, и меру пресечения в виде заключения под стражу отменила. По мнению заявителя, несовершеннолетний Л.В.С. незаконно содержался под стражей непосредственно по вине адвоката С. на протяжении около трех месяцев.

Изложенные обстоятельства, по мнению заявителя, указывают на сознательное пренебрежение адвокатом С. одним из основных прав человека – права на свободу; на явное и безусловное игнорирование адвокатом положений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и требований Кодекса профессиональной этики адвоката, в связи с чем заявитель просит рассмотреть вопрос о привлечении адвоката С. к дисциплинарной ответственности.

18 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 6 сентября 2004 года адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении председателя Московского городского суда, указала, что 24 декабря 2003 года она осуществляла в порядке ст. 51 УПК РФ защиту Л.В.С. в судебном заседании М...кого суда г. Москвы. Перед судебным заседанием, предварительно ознакомившись с материалами уголовного дела, пришла к выводу, что несовершеннолетний Л.В.С. незаконно содержится под стражей. 6 ноября 2003 года в отношении Л.В.С. было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ. 8 ноября 2003 года М...кий суд г. Москвы вынес постановление об избрании Л.В.С. меры пресечения в виде заключения под стражу. Но в соответствии с ч. 2 ст. 108 УПК РФ мера пресечения в виде заключения под стражу может быть избрана несовершеннолетнему только в том случае, если он обвиняется в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления. В беседе с подзащитным Л.В.С. адвокат изложила ему свою точку зрения по поводу его незаконного содержания под стражей

и обсудила с ним позицию по делу. Подзащитный вину свою не отрицал и в связи с этим хотел, чтобы его дело было рассмотрено в особом порядке, объясняя это тем, что в таком случае ему будет назначено меньшее наказание, и сам процесс слушания займет меньше времени. Ходатайство им было написано собственноручно и добровольно. В начале судебного заседания в стадии заявления участниками процесса ходатайств адвокатом С. было заявлено ходатайство об изменении Л.В.С. меры пресечения. Ходатайство было основано на нормах ч. 2 ст. 108 УПК РФ, а также п. 6 ст. 88 УК РФ. Защита ссылалась на то, что даже в случае признания Л.В.С. виновным по предъявленному обвинению, в силу п. 6 ст. 88 УК РФ суд не вправе будет назначить ему наказание в виде лишения свободы, так как он является несовершеннолетним и впервые совершил преступление небольшой тяжести. Предыдущая его судимость погашена в установленном законом порядке. Л.В.С. ходатайство защиты поддержал. Прокурор, участвовавший в процессе, против заявленного ходатайства возражал, аргументируя свое несогласие с позицией защиты тем, что п. 6 ст. 88 УК РФ может применяться только к лицам, впервые совершившим преступление небольшой тяжести, а Л.В.С., несмотря на то, что судимость у него погашена, к уголовной ответственности привлекается не впервые. Суд, не удаляясь в совещательную комнату, отклонил ходатайство защиты как преждевременно заявленное. В судебных прениях прокурор просил признать Л.В.С. виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ и назначить ему наказание в виде шести месяцев лишения свободы. Защита же вновь обратила внимание суда на недопустимость назначения несовершеннолетнему Л.В.С. наказания в виде лишения свободы. Защита просила, чтобы ему было назначено наказание, не связанное с лишением свободы, в то же время в назначенное наказание необходимо зачесть незаконное нахождение под стражей, и этим наказанием ограничиться, чтобы после вынесения приговора Л.В.С. не имел уже никакого наказания. Таким образом, Л.В.С. будет дан шанс исправиться и начать сразу же после вынесения приговора суда новую жизнь на свободе. Но суд с доводами защиты не согласился и назначил Л.В.С. наказание в виде шести месяцев лишения свободы, как просил в своей речи представитель государственного обвинения. После оглашения приговора адвокат С. разговаривала со своим подзащитным на предмет обжалования приговора суда. Но, несмотря на назначенное ему наказание в виде лишения свободы, Л.В.С. сказал, что приговор обжаловать не будет, объясняя это тем, что ехать ему все равно некуда, мать злоупотребляет алкогольными напитками, денег у него нет, и одеть зимой, кроме рваной телогрейки, в которой его задержали, ему нечего. Поэтому для него будет лучше отсидеть до весны в изоляторе. Адвокат объяснила Л.В.С., что это его право не обжаловать приговор. Но защита с его позицией согласиться не может, поскольку судом, на взгляд адвоката, было допущено серьезное нарушение при назначении наказания; и, что касается обжалования приговора в отношении несовершеннолетнего, защита не связана позицией своего подзащитного. Кроме того, рассмотрев дело в отношении несовершеннолетнего в особом порядке, суд серьезно нарушил нормы уголовного процесса. И это обстоятельство нашло отражение в кассационной жалобе адвоката. 30 декабря 2003 года через почтовое отделение связи заказным письмом в адрес М...кого суда г. Москвы адвокатом С. была направлена кассационная жалоба по делу Л.В.С. В жалобе защита указывала на необходимость отмены приговора в связи с допущенными нарушениями законодательства и одновременно просила изменить Л.В.С. меру пресечения, так как его нахождение под стражей является незаконным. В январе-феврале 2004 года адвокат несколько раз интересовалась в уголовной канцелярии, назначено ли дело к слушанию в Мосгорсуде, и всегда получала ответ, что дело еще не назначено. В конце февраля 2004 года в Адвокатскую контору № 000 МГКА из М...ко-

го суда г. Москвы поступила телефонограмма о назначении дела в суде кассационной инстанции на 9 марта 2004 года. В заседании Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда адвокат С. участия не принимала, поскольку в соответствии с п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат должен выполнять обязанности защитника до стадии подготовки и подачи кассационной жалобы на приговор суда по делу его подзащитного. Кроме того, в кассационной жалобе адвоката (защитника) содержались по пунктам все допущенные судом первой инстанции серьезные нарушения УК РФ и УПК РФ, на которые кассационная инстанция, ознакомившись с жалобой, даже, несмотря на отсутствие адвоката, сразу бы обратила внимание. Адвокат С. указывает, что она была полностью уверена в том, что дело назначено к слушанию в Мосгорсуде по ее жалобе, поскольку сам Л.В.С. приговор обжаловать не захотел, а все требования стороны обвинения были полностью удовлетворены судом. О наличии еще и кассационного представления адвокат узнала уже после дня слушания дела в Мосгорсуде, только после того, как оно поступило в адрес Адвокатской конторы № 000 МГКА (вх. № 114 от 9 марта 2004 года) из М...кого суда г. Москвы.

Давая объяснения на заседаниях Квалификационной комиссии 17 и 24 сентября 2004 года, адвокат С. подтвердила доводы, изложенные в ее письменном объяснении, дополнительно указав, что из-за новогодних праздников она была вынуждена писать кассационную жалобу, не ознакомившись с протоколом судебного заседания; впоследствии она также с протоколом незнакомилась и замечания на него не подавала; на праздники она уехала к родственникам в N-скую область, откуда направила в суд жалобу заказным письмом; вернувшись в Москву, адвокат узнала в канцелярии М...кого районного суда г. Москвы, что ее жалоба поступила; затем адвокат несколько раз узнавала, не назначено ли дело к слушанию в Московском городском суде; она была очень удивлена, когда узнала, что государственным обвинителем было подано кассационное представление; входящий номер, присвоенный жалобе адвоката, она в экспедиции М...кого суда не узнавала.

По ходатайству адвоката С. Квалификационная комиссия приобщила к материалам дисциплинарного производства копию почтовой квитанции серии 391935 20 № 00044 от 30 декабря 2003 года о приеме заказного письма, отправленного без уведомления о вручении, и копию кассационной жалобы адвоката С. в защиту Л.В.С. от 30 декабря 2003 года.

Выслушав объяснения адвоката С., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения председателя Московского городского суда, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ).

Как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П, закрепленное в ст. 48 (ч. 2) Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является одним из проявлений более общего права, гарантированного ст. 48 (ч. 1) Конституции РФ каждому человеку – права на получение квалифицированной юридической помощи. Поэтому положения ч. 2 ст. 48 Конституции Российской Федерации не могут быть истолкованы в отрыве и без учета положений ч. 1 этой же статьи. Гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство, во-первых, обеспечивает условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов

юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, устанавливает с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. Критерии квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, исходя из необходимости обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ, законодатель устанавливает путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников.

В законодательстве об адвокатуре формулируются определенные профессиональные требования к адвокатам, призванные обеспечивать квалифицированный характер оказываемой ими юридической помощи с учетом высокой значимости для личности и общества в целом принимаемых в уголовном судопроизводстве решений (см. п. 2–4 мотивировочной части Постановления).

Таким образом, наличие института адвокатуры рассматривается как государственная гарантия конституционного права на квалифицированную юридическую помощь. Оказание адвокатом неквалифицированной юридической помощи, способствующей в том числе вынесению ошибочных судебных решений, не соответствует требованиям Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Неисполнение и ненадлежащее исполнение адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед несовершеннолетним доверителем Л.В.С. (защиту которого адвокат осуществляла по назначению суда) заявитель усматривает, в частности, в том, что адвокат:

- не заявила в начале судебного заседания ходатайство о немедленном изменении избранной Л.В.С. меры пресечения на иную, не связанную с содержанием под стражей;

- на высказанную прокурором в прениях просьбу назначить несовершеннолетнему подсудимому Л.В.С. наказание в виде шести месяцев лишения свободы с отбыванием наказания в воспитательной колонии адвокат С. достойно не прореагировала, права и интересы несовершеннолетнего подсудимого никак не отстаивала; внимание суда и прокурора на недопустимость назначения Л.В.С. подобного наказания также не обратила; проявила полное незнание положений Федерального закона и абсолютное пренебрежение к правам и законным интересам несовершеннолетнего доверителя Л.В.С.; в прениях сказала лишь о том, что «У защиты спора о квалификации нет. Вину подзащитный признал. Прошу суд дать ему шанс исправиться». Между тем выступление прокурора свидетельствовало о явном нарушении им требований Федерального закона и прав несовершеннолетнего Л.В.С.

Адвокат С. в своих объяснениях (приведенных выше) выражает несогласие с указанными утверждениями заявителя, указывает, что она совершила в судебном заседании активные действия (заявляла ходатайство об изменении меры пресечения подсудимому, выступала в судебных прениях с критикой позиции прокурора, ссылаясь на Федеральный закон от 8 декабря 2003 года), направленные на защиту законных прав и интересов несовершеннолетнего подзащитного Л.В.С.

Однако в представленном Комиссии заявителем протоколе судебного заседания М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2004 года по уголовному делу № 1-.../... по обвинению Л.В.С. не содержится никаких записей о заявлении адвокатом С. ходатайства об изменении меры пресечения Л.В.С., а равно об обсуждении и рассмотрении судом такого ходатайства. Согласно протоколу судебного заседания в прениях адвокат С. сказала лишь: «У защиты спора о квалификации нет. Вину под-

защитный принал. Прошу суд дать ему шанс исправиться», — как это справедливо отмечено в обращении заявителя.

Адвокат С. признала, что с протоколом судебного заседания М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2004 года по настоящему делу она не знакомилась, замечания на него не подавала; впервые увидела указанный протокол при ознакомлении с материалами дисциплинарного производства.

Протокол судебного заседания допускается в качестве доказательства (ст. 83 УПК РФ). Отсутствие в материалах уголовного дела протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене приговора вышестоящей судебной инстанцией и направлению уголовного дела на новое рассмотрение (п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ).

Учитывая столь важное процессуальное значение протокола судебного заседания, наступление серьезных процессуальных последствий при выявлении недостатков протокола либо при его полном отсутствии, законодатель устанавливает ряд правил составления протокола судебного заседания (ст. 259, 260 УПК РФ).

В целях обеспечения полноты и правильности записей в протоколе судебного заседания, исправления допущенных в нем ошибок и неточностей законодатель наделил стороны правом знакомиться с протоколом и, при необходимости приносить на него замечания (ч. 6 и 7 ст. 259, ч. 1 ст. 260 УПК РФ). Однако адвокат С. данным правом не воспользовалась, хотя, по ее утверждению, в судебном заседании сложилась конфликтная обстановка — прокурор возражал против абсолютно законного ходатайства защитника об изменении меры пресечения; судья вопреки ч. 2 ст. 256 УПК РФ отказал в удовлетворении ходатайства, не удаляясь в совещательную комнату и не вынося мотивированного постановления в виде отдельного процессуального документа; прокурор в прениях занял позицию, не основанную на прямом предписании (запрете) Федерального закона, а в итоге суд постановил приговор без учета требований ч. 6 ст. 88 УК РФ (в ред. от 8 декабря 2003 года).

С учетом изложенного Комиссия считает, что адвокат С. при условии добросовестного и квалифицированного исполнения ею профессиональных обязанностей, была обязана ознакомиться с протоколом судебного заседания с целью проверки правильности сделанных в нем секретарем записей, после чего решить вопрос о необходимости принесения замечаний на протокол.

При установленных Комиссией обстоятельствах незнакомление адвоката С. с протоколом судебного заседания М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2004 года по уголовному делу № 1-.../... по обвинению Л.В.С. и, как следствие, непринесение замечаний на этот протокол свидетельствует, по мнению Комиссии, о недобросовестном и неквалифицированном исполнении адвокатом профессиональных обязанностей вопреки п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Кроме того, указанным бездействием адвокат С. лишила себя законной возможности оспаривать в ходе дисциплинарного производства обоснованность доводов заявителя ссылками на важное письменное доказательство.

Неисполнение и ненадлежащее исполнение адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед несовершеннолетним доверителем Л.В.С. (защиту которого адвокат осуществляла по назначению суда) заявитель усматривает также в том, что она не разъяснила своему несовершеннолетнему доверителю Л.В.С. положения Федерального закона от 8 декабря 2003 года № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации», а именно ч. 6 ст. 88 УК РФ; не предприняла каких-либо надлежащих мер для защиты его прав и законных интересов, фактически уговорив несовершеннолетнего Л.В.С. ходатайствовать перед судом о рассмотрении уголовного дела в особом порядке.

С указанными утверждениями заявителя Квалификационная комиссия согласиться не может, поскольку содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю, является адвокатской тайной (п. 1 ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 5 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката), а доверитель адвоката — гражданин Л.В.С. — никакой информации по данному вопросу не предоставлял; изменяя приговор М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2004 года в отношении Л.В.С. в части меры наказания, Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в кассационном определении от 9 марта 2004 года указала, что «нарушений процессуального закона, влекущих отмену приговора, по делу не допущено».

Помимо изложенного, неисполнение и ненадлежащее исполнение адвокатом С. своих профессиональных обязанностей перед несовершеннолетним доверителем Л.В.С. (защиту которого адвокат осуществляла по назначению суда) заявитель усматривает в том, что она, несмотря на постановление судом неправосудного приговора в отношении несовершеннолетнего доверителя и наличие безусловных правовых оснований для смягчения приговора, этот явно незаконный судебный приговор не обжаловала; в заседании кассационной инстанции, рассматривавшей кассационное представление государственного обвинителя, участия не принимала.

Адвокат С. утверждает, что она 30 декабря 2003 года составила и направила в М...кий районный суд г. Москвы заказным письмом кассационную жалобу на приговор от 24 декабря 2003 года. В подтверждение своих объяснений адвокат представила копию кассационной жалобы, в которой поставлен вопрос об отмене приговора и указывается, в том числе, на незаконность применения в отношении несовершеннолетнего, обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, меры пресечения в виде заключения под стражу, а также на назначение осужденному наказания вопреки требованиям ч. 6 ст. 88 УК РФ. В почтовой квитанции серии 391935 20 № 00044 от 30 декабря 2003 года о приеме заказного письма без уведомления о вручении (ксерокопия приобщена к материалам дисциплинарного производства), в графе «Кому», вписано «Л.» (*фамилия осужденного. — Прим. Комиссии*), в графе «Куда» вписано «100000 Москва К...а 00», что соответствует адресу М...кого районного суда г. Москвы (*за исключением описки в слове «К...». — Прим. Комиссии*), через который в силу ч. 1 ст. 355 УПК РФ должна была приноситься кассационная жалоба.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката С. и представленные ею письменные доказательства по доводам сообщения председателя Московского городского суда о том, что «адвокат С. каких-либо мер для исправления допущенной ею при осуществлении защиты ошибки не предприняла, судебный приговор не обжаловала», Квалификационной комиссии не представлено.

Вместе с тем Комиссия отмечает, что профессиональное поведение адвоката С. в ситуации, связанной с обжалованием приговора М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2003 года по делу Л.В.С., небезупречно.

В соответствии с ч. 1 п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на защиту по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты и должен выполнять обязанности защитника до стадии подготовки и подачи кассационной жалобы на приговор суда по делу его подзащитного».

Адвокатом С. представлены доказательства того, что она 30 декабря 2003 года подготовила и направила в М...кий районный суд г. Москвы заказным письмом кассационную жалобу. Однако, как установила Комиссия, указанная жалоба после 30 декабря 2003 года и «по сей день» в суд не поступала (письмо заместителя председателя суда от 21 сентября 2003 года № 45-3). Из кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 9 марта 2004 года следует, что приговор по делу Л.В.С. проверялся исключительно по кассационному представлению государственного обвинителя.

Квалификационная комиссия считает, что содержащееся в ч. 1 п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката указание на то, что «адвокат... должен выполнять обязанности защитника до... подачи кассационной жалобы на приговор суда по делу его подзащитного» следует понимать как обязанность адвоката убедиться в том, что составленная им жалоба принята к производству суда, постановившего обжалуемый приговор и уполномоченного на проведение так называемой предкассационной подготовки дела, в результате которой оно будет направлено в кассационную инстанцию для рассмотрения (ст. 356–359 УПК РФ). Наличие у адвоката данной обязанности вытекает из природы кассационного обжалования по УПК РФ, которое, будучи деволютивным, основано на принципе диспозитивности и не подчиняется ревизионному началу (за исключением процессуальной ситуации, описанной в ч. 2 ст. 360 УПК РФ, которая к делу по обвинению Л.В.С. никакого отношения не имеет).

Иное понимание требований ч. 1 п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката не только противоречило бы принципу обеспечения обвиняемому права на защиту, в том числе такому его проявлению, как право осужденного на пересмотр его приговора вышестоящим судом (гарантированному ст. 48 и ч. 3 ст. 50 Конституции РФ; ч. 2 ст. 2 Протокола № 7 к Конвенции о защите прав и основных свобод человека 1950 года), но и извращало бы суть этого права, поскольку кассационная жалоба подается адвокатом не для того, чтобы отчитаться перед доверителем и адвокатским сообществом о проделанной работе, а чтобы перенести рассмотрение дела в вышестоящую судебную инстанцию для объективной проверки законности и обоснованности приговора коллегией из трех профессиональных судей.

Подтверждением сказанному является рассматриваемая ситуация с кассационной жалобой адвоката С., которая (жалоба) в суд не поступила, соответственно, кассационной инстанцией по объективным причинам не могла быть рассмотрена, а потому никакого влияния на защиту прав и свобод несовершеннолетнего осужденного Л.В.С. не оказала, что, по мнению Комиссии, свидетельствует о неказании адвокатом С. вопреки предписаниям п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката квалифицированной юридической помощи доверителю Л.В.С. при обжаловании незаконного приговора суда первой инстанции.

Основываясь на нормах УПК РФ и п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия, вопреки доводу заявителя, изложенному в обращении, не считает, что адвокат С. была обязана принять участие в заседании суда кассационной инстанции, поскольку такая обязанность появляется у адвоката только при заключении соглашения на защиту интересов доверителя в суде кассационной инстанции.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы приходит к выводу, что адвокат С. при защите по назначению суда несовершеннолетнего Л.В.С. нарушила п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не исполняла свои профессиональные обязанности добросовестно и квалифицированно: не ознакомилась с протоколом судебного заседания М...кого районного суда г. Москвы от 24 декабря 2004 года по уголовному делу № 1-.../... по обвинению Л.В.С. и, как следствие, не принесла замечания на этот протокол; не убедилась в том, что составленная ею кассационная жалоба принята к производству суда, постановившего обжалуемый приговор и уполномоченного на проведение так называемой предкассационной подготовки дела, в результате которой оно было бы направлено в кассационную инстанцию для рассмотрения в соответствии со ст. 356–359 УПК РФ.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение Советом Адвокатской палаты, с учетом заключения Квалификационной комиссии, мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом С. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившемся в недобросовестном и неквалифицированном исполнении адвокатом профессиональных обязанностей при защите по назначению суда несовершеннолетнего Л.В.С.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 54 адвокату С. за недобросовестное и неквалифицированное исполнение профессиональных обязанностей при защите по назначению суда несовершеннолетнего Л.В.С. объявлен выговор.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 98
по дисциплинарному производству в отношении адвоката П.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Из заявления следует, что Р.И.Ю. 1 декабря 2004 года заключил с адвокатом Московской городской коллегии «...» П. письменное соглашение об оказании правовой помощи матери заявителя, Р.Л.А., в гражданском процессе в Б...ком районном суде г. Москвы по иску о возмещении материального и морального вреда, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия. Адвокат П. брал на себя обязатель-

ство ведения дела в Б...ком суде до достижения положительного для истца судебного решения. Условием оплаты за услуги П. назвал сумму, эквивалентную 500 долларам США, при этом в соглашении следовало указать сумму вознаграждения в 1 000 рублей и эту сумму внести в кассу коллегии, а оставшуюся сумму передавать наличными самому адвокату в целях «экономии налоговых отчислений». В подтверждение внесения 1 000 рублей в кассу был составлен приходный ордер, квитанцию к которому П. оставил у себя. Через некоторое время, в декабре 2004 года, адвокат П. уведомил заявителя, что он составил проект искового заявления и предложил Р.И.Ю. передать за этот проект 300 долларов, а также выдать доверенность от имени Р.Л.А. на ведение ее дела в суде, что и было сделано при встрече 12 или 13 декабря 2004 года. При этом П., получив от заявителя 10 000 рублей (эквивалент 300 долларам), без выдачи квитанции передал ему текст искового заявления от имени Р.Л.А. с приложением копий документов и предложил заявителю самому по почте направить их в Б...кий суд, что тот и сделал. Через три месяца заявитель поинтересовался у П. прохождением дела в суде, но тот заявил, что «в суд он будет ходить» при условии дополнительного вознаграждения в сумме 200 долларов, а также 700 рублей за каждый судебный день, что заявителя не устроило, и он предложил адвокату П. расторгнуть соглашение и вернуть ему ранее уплаченные деньги и переданные адвокату доверенность истицы и документы. Однако адвокат П. денег, доверенность и документы не возвратил, от встреч с Р.И.Ю. и Р.Л.А. уклонялся. Через некоторое время по почте заявителю были возвращены из суда исковое заявление и приложенные материалы с определением об оставлении иска без рассмотрения.

Заявитель, как и истец Р.Л.А., считает действия адвоката П. «непорядочными, непрофессиональными, мошенническими» и просит обязать адвоката возвратить доверенность, документы и 10 000 рублей, «полученных им за выполнение работ и не выполненных им».

На заседании Квалификационной комиссии от 24 сентября 2004 года Р.И.Ю. дал объяснения, аналогичные изложенным в заявлении. Он пояснил также, что добивается от адвоката П. возвращения денег в сумме 10 000 рублей, подлинника доверенности, выданной ему Р.Л.А., а также подлинников документов: справки отдела ГИБДД о виновнике ДТП, заключения Бюро автотехнической экспертизы о стоимости восстановительного ремонта, документов, подтверждающих утерю товарной стоимости и стоимости услуг по эвакуации автомобиля. Полагает, что П. должен нести ответственность за неисполнение обязательства по соглашению об оказании правовой помощи.

Адвокат П. был 11 сентября 2004 года надлежаще извещен о времени и месте рассмотрения настоящего дисциплинарного производства, однако на заседание Квалификационной комиссии не явился. Из представленного им объяснения от 19 июля 2004 года следует, что он действительно заключал письменное соглашение с Р.И.Ю. на оказание правовой помощи Р.Л.А., включая ведение дела по иску о возмещении ущерба от ДТП в суде. По этому соглашению Р.И.Ю. внес в кассу МКА «...» 1 000 рублей. В период с 1 по 15 декабря 2003 года он, П., консультировал доверителя, организовал сбор документов для подготовки искового заявления, подготовил и передал доверителю проект такого заявления, разъяснил порядок его подачи. Однако в период между 15 и 29 декабря 2003 года Р.И.Ю. по телефону предложил расторгнуть соглашение, на что П. разъяснил ему порядок его расторжения.

П. отрицает то, что получил от доверителя деньги свыше 1 000 рублей и подлинник доверенности. Он утверждает, что в досье находятся некоторые ксерокопии документов, использованных при составлении искового заявления, которые он готов вернуть доверителю.

Из текста, изученного на заседании Квалификационной комиссии, соглашения об оказании правовой помощи № 456 от 1 декабря 2003 года, заключенного между адвокатом МКА «...» П. и гражданином Р.И.Ю., видно, что предметом соглашения является правовая помощь Р.Л.А., оказывать которую адвокат обязуется до вынесения решения судом. Отметка об исполнении соглашения в тексте отсутствует. Предусмотренный ст. 452 ГК РФ порядок изменения или расторжения договора в письменной форме не выполнен.

Из текста нотариально удостоверенной доверенности, выданной Р.Л.А. П., видно, что последнему передано право на ведение дел доверителя во всех судебных учреждениях со всеми предоставленными истцу правами, в том числе на обжалование судебных решений в порядке кассации и надзора, а также при исполнении этих решений. Данных об отмене доверенности не имеется.

Таким образом, взяв обязательство об оказании правовой помощи, адвокат П. обязан был принимать меры по подготовке надлежащих материалов для передачи в суд, а также обеспечить свое квалифицированное участие в качестве представителя истца в суде первой инстанции и в последующих стадиях. Между тем определением от 5 марта 2004 года судьи Б...кого районного суда заявление Р.Л.А. было оставлено без движения из-за ряда недостатков (не предоставленных в суд подлинника справки об участии ДТП, акта осмотра автомобильного средства и т.д.). 31 марта 2004 года тем же судом вынесено определение о возврате Р.Л.А. искового заявления, поскольку истец не восполнил материалы. Как пояснил заявитель, из-за действий адвоката П., не возвратившего документы, до настоящего времени данный иск в суд не подан, а материальный и моральный ущерб истцу не возмещен.

По сообщению Президиума Московской коллегии адвокатов «...», адвокат П. из членов коллегии исключен 9 июля 2004 года за недобросовестное выполнение своих обязанностей. Одновременно коллегия уведомила Палату, что адвокат П. с января 2003 года имеет непогашенную задолженность по отчислениям на общие нужды Адвокатской палаты и коллегии.

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами. Однако адвокат П. надлежащим образом не подготовил материалы в Б...кий районной суд о возмещении Р.Л.А. материального и морального вреда, своевременно не передал в приложении к иску подлинники требуемых судом документов, продолжает их удерживать, чем создает помеху для рассмотрения этого иска по существу.

На основании изложенного и руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия выносит заключение о нарушении адвокатом П. подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 63 адвокату П. объявлен выговор вследствие ненадлежащего исполнения им своих обязанностей перед доверителем Р.И.О.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 99
по дисциплинарному производству в отношении адвоката А.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданин М.С.И. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на то, что адвокат Адвокатской консультации № 000 Межреспубликанской коллегии адвокатов А. получив с него 850 долларов США за ведение наследственного дела, фактически никакой юридической помощи не оказал и денег не вернул.

В своих объяснениях адвокат А., утверждал, что жалоба необоснованна, так как он с М.С.И. соглашения не заключал, давал ему только консультации, в том числе и по телефону, а также по доверенности получил в суде копию решения по делу. Денег с М.С.И. получил всего 100 долларов США.

Заслушав объяснения адвоката А., Квалификационная комиссия приходит к выводу, что адвокат А. фактически вступил с клиентом – М.С.И. – в договорные отношения, о чем свидетельствуют получение им от клиента денег в сумме 100 долларов США, получение доверенности на ведение дела, получение для клиента судебного решения. При этом в нарушение требований ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не оформил ордера для выполнения поручения в части необходимых клиенту документов.

Квалификационная комиссия находит, что в данном случае адвокат А. не выполнил возложенной на него законом (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката) профессиональной обязанности честно, разумно и добросовестно защищать права и интересы доверителя.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом А. требований п. 2 ст. 6, подп. 1 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 58 адвокату А. за неисполнение им своих обязанностей перед доверителем М.С.И. объявлен выговор.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 103
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат Л. принял поручение на представление интересов потерпевшей Ю.Н.В. по делу по обвинению Ю.Н.Д. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ. 27 апреля 2004 года, будучи надлежаще извещенным о дате слушания дела,

адвокат Л. в судебное заседание не явился, чем сорвал слушание дела, и не сообщил судье о причине своего отсутствия.

Из объяснений адвоката Л. и справки суда следует, что в это же время адвокат участвовал в судебном процессе в Ч...ком районном суде г. Москвы в связи с рассмотрением ходатайства о продлении срока содержания под стражей.

21 мая 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л., реестровый номер 77/..., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы обращения мирового судьи М.К.М., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат Л. принял поручение на представление интересов потерпевшей Ю.Н.В. по делу Ю.Н.Д., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 117 УК РФ. 27 апреля 2004 года, будучи надлежаще извещенным о дате слушания дела, адвокат Л. в судебное заседание не явился, чем сорвал слушание дела, и не сообщил судье о причине своего отсутствия.

Из объяснений адвоката Л. и справки суда следует, что в это же время адвокат участвовал в судебном процессе в Ч...ком районном суде г. Москвы в связи с рассмотрением ходатайства о продлении срока содержания под стражей.

Хотя причина неявки к мировому судье М.К.М. является уважительной, адвокат Л. должен был своевременно известить судью о своей занятости в другом суде и согласовать время переноса слушания дела Ю.Н.В.

Исходя из изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, Комиссия приходит к заключению, что адвокат Л. в силу невозможности прибытия в судебное заседание в назначенное время по делу Ю.Н.В. обязан был предупредить мирового судью М.К.М. об этом и согласовать изменение времени слушания дела, однако адвокат этого не сделал, чем нарушил п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 62 адвокату Л. объявлено предупреждение вследствие нарушения им п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 105
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

29 октября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

4 августа 2004 года осужденный Д.С.М. обратился в Совет Адвокатской палаты г. Москвы с жалобой на адвоката Г. указав, что при защите его интересов на следствии и в судебном заседании адвокат не выполнила своих обязанностей. В результате этого из-за неправильной квалификации он был незаконно осужден. В жалобе Д.С.М. указывает, что ранее был осужден по ч. 2 ст. 158 сроком на два года лишения свободы. Освободился 11 июля 2000 года. В этот момент было объявлено об амнистии, и его

статья попадала под этот указ, о чем он неоднократно говорил адвокату Г., однако она не заявила ходатайство об истребовании из И...кого районного суда ранее состоявшегося приговора. Считает бездействие адвоката преступным, так как она ничего не предприняла для смягчения наказания ему. Д.С.М. вынужден был самостоятельно обжаловать приговор, и кассационная инстанция приговор по его жалобе изменила.

11 августа 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат Г. подтвердила свои письменные объяснения и дополнительно сообщила, что она оказывала Д.С.М. правовую помощь в суде при рассмотрении уголовного дела по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Соглашение на ведение дела было заключено в декабре 2002 года. Дело рассматривалось в Т...ком районном суде г. Москвы. По делу кроме Д.С.М. проходило еще два подсудимых. Д.С.М. ранее судим. Судимость у него не погашена, он осужден по ч. 2 ст. 162 УК РФ. Ко времени опубликования Указа об амнистии от 26 мая 2000 года «В связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Д.С.М. отбывал наказание. Амнистия к нему не применялась. Срок наказания по первой судимости исчисляется с 12 июля 1998 года. Освобожден Д.С.М. по отбытию срока наказания. Кассационную жалобу Д.С.М. писал самостоятельно, так как, по его мнению, в услугах адвоката не нуждался. О том, что необходимо было взять у Д.С.М. заявление об отказе в помощи адвоката в написании кассационной жалобы, она забыла. Адвокат Г. считает жалобу Д.С.М. необоснованной, так как она добросовестно и полностью выполняла свои обязанности защитника по уголовному делу.

Квалификационная комиссия, изучив представленные материалы, выслушав адвоката Г., считает, что адвокат Г. ненадлежащим образом исполнила свои обязанности перед доверителем, поскольку не составила кассационную жалобу и не потребовала у подзащитного письменного заявления об отказе в ее подаче.

Комиссия установила, что Д.С.М. осужден Т...ким районным судом г. Москвы 17 декабря 2003 года по п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК строгого режима, срок наказания исчисляется с 26 августа 2002 года. Действия Д.С.М. квалифицированы судом в новой редакции ст. 162 УК РФ, введенной в действие с 11 декабря 2003 года Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в УК РФ» от 8 декабря 2003 года. Из обвинения, предъявленного Д.С.М. следствием – п. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 162 УК РФ, – судом исключен квалифицирующий признак – неоднократность.

Кассационную жалобу писал сам Д.С.М. Адвокатом Г. в написании кассационной жалобы помощь ему не оказывалась.

Определением Московского городского суда от 11 марта 2004 года приговор в отношении Д.С.М. изменен – исключено из описательно-мотивировочной части приговора указание о наличии у него судимости за совершение тяжкого преступления, так как совершенное им ранее преступление по п. «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ является преступлением средней тяжести. В остальной части приговор оставлен без изменения.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об ад-

вокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Не подав кассационную жалобу, адвокат Г. допустила нарушения указанных норм.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы вынесла заключение о нарушении адвокатом Г. подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 10 ноября 2004 года № 71 адвокату Г. объявлено замечание вследствие нарушения подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, ч. 1 п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 107

по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л.

29 октября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданин З.С.Н. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на профессиональную деятельность адвоката Л., указав, что 16 марта 2004 года заявитель был вынужден прервать длительную заграничную командировку, в которой находился с 19 августа 2003 года (срок окончания был установлен 30 июня 2004 года), с потерей работы на заводе, где он работал с 1997 года, в связи с тем, что 2 декабря 2003 года О...ский районный суд г. Москвы в составе председательствующего федерального судьи П.Н.И. в отсутствие З.С.Н. (несмотря на уведомление суда с его стороны о причинах и уважительности его отсутствия на суде) рассмотрел и вынес решение об удовлетворении иска Р.Ф.А. и Р.Н.Ф. о взыскании с З.С.Н. денег в общей сумме 233 334 рублей в счет возмещения вреда, причиненного истцам в результате происшедшего в 1997 году ДТП. При этом федеральный судья П.Н.И. допустил к участию в судебном заседании и записал в решении суда в качестве представителя ответчика З.С.Н. Л., который таковым не являлся, не обладал полной информацией, необходимой для отстаивания интересов З.С.Н. в суде, участвовал в судебном заседании без ведома З.С.Н., без доверенности, каких-либо устных разрешений и поручительств со стороны З.С.Н.; адвокат Л. не имел и не имеет с З.С.Н. письменного соглашения или договора на представление его интересов; в суде адвокат действовал против интересов З.С.Н.; участвуя в суде, адвокат лишил З.С.Н. его конституционного права отстаивать свои права и интересы в суде, подать встречные иски к истцам по фактам, принятым судом в основу решения; допуск к участию и участие в суде псевдопредставителя ответчика – Л. лишили З.С.Н. законного права доказать в суде невиновное причинение истцам вреда в ДТП; все жалобы, написанные и направленные З.С.Н. в районные и городские судебные инстанции без проверки указанных им фактов, под различными предлогами были ему возвращены; 26 июля 2004 года З.С.Н. было получено постановление о возбуждении исполнительного производства № 43/709-... и № 43/708-... З.С.Н. указывает, что у него потеряна вера в адвокатуру, но у него двое детей, и он понимает, что без веры жить нельзя, необходимо срочно предпринять юридически грамотные действия, поэтому он обраща-

ется в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на профессиональную деятельность адвоката Л.

Выражая несогласие с решением О...ского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2003 года, З.С.Н. в жалобе подробно обосновывает позицию ответчика по делу, которую он намеревался отстаивать, участвуя в судебном заседании; указывает, что, по его мнению, суд вынес заведомо неправосудное решение (ст. 305 УК РФ), адвокат Л., участвуя в суде из личных интересов, совершил мошенничество с использованием своего служебного положения (ст. 159 УК РФ) и служебный подлог (ст. 292 УК РФ), что в материалах гражданского дела имеются фальсифицированные доказательства и заведомо ложное заключение эксперта (ст. 307 УК РФ), что у него сложилось убеждение о полной коррумпированности судебной власти.

27 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В объяснениях, данных на заседании Квалификационной комиссии, заявитель З.С.Н. полностью поддержал доводы своей жалобы и дополнительно пояснил, что он никогда никакого соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Л. не заключал, подпись в предъявленной З.С.Н. Комиссией регистрационной карточке № 260 от 14 августа 2002 года в графе «(подпись обратившегося)» выполнена не им. С августа 2003 года З.С.Н. был в служебной командировке в И., он не уполномочивал адвоката Л. представлять интересы ответчика (З.С.Н.) в О...ском районном суде г. Москвы 2 декабря 2003 года при рассмотрении гражданского дела по иску супругов Р. о возмещении материального и морального вреда. После 2 декабря 2003 года адвокат Л. позвонил З.С.Н. в И. и сообщил, что суд вынес решение об удовлетворении иска, при этом он не пояснил, на каком основании 2 декабря 2003 года участвовал в судебном заседании. Из г. Т. З.С.Н. направил в О...ский районный суд г. Москвы кассационную жалобу, которая впоследствии была ему возвращена по причине неуплаты государственной пошлины. З.С.Н. предпринимал в дальнейшем попытки обжаловать решение О...ского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2003 года с целью добиться его отмены, но на данный момент ничего не получилось. В настоящее время решение суда вступило в законную силу, идет исполнительное производство. Описать имущество З.С.Н. судебные приставы не смогли, так как у З.С.Н. имущества, подлежащего описи, нет. З.С.Н. жалуется на профессиональную деятельность адвоката Л., просит привлечь его к дисциплинарной ответственности.

Опрошенная Комиссией по ходатайству заявителя З.С.Н. его жена З.Т.В. подтвердила объяснения заявителя, дополнительно пояснила, что, когда З.С.Н. находился в командировке, она общалась с адвокатом Л. по поводу гражданского дела по иску Р., сообщила ему о получении в сентябре-октябре 2003 года телеграммы из суда с уведомлением о том, что слушание дела состоится 2 декабря 2003 года. Она направила в суд телеграмму с уведомлением о том, что ее муж З.С.Н. до 30 июня 2004 года будет находиться в служебной командировке в И. 18 ноября 2003 года З.Т.В. получила от генерального директора завода письмо в О...ский районный суд с подтверждением факта направления З.С.Н. в служебную командировку. Это письмо адвокат Л. по просьбе З.Т.В. 24 ноября 2003 года передал в О...ский районный суд г. Москвы, за что, по утверждению З.Т.В., получил от нее 300 долларов США. 2 декабря 2003 года адвокат Л. позвонил З.Т.В. и сказал: «Я хочу Вас расстроить, но суд прошел».

В письменных объяснениях от 12 августа 2004 года адвокат Л. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе З.С.Н., указал, что:

– соглашение об оказании юридической помощи от 14 августа 2002 года между адвокатом и З.С.Н. имеется (копия приложена к объяснению); согласно этому договору адвокат должен был оказывать З.С.Н. консультационные услуги по его гражданскому делу, составить от имени З.С.Н. заявление о принесении протеста в порядке надзора в Московский городской суд и принять участие в качестве его представителя в суде первой инстанции О...ского районного суда;

– письменную доверенность на представление его интересов З.С.Н. адвокату не давал, хотя всякий раз устно подтверждал полномочия представителя в ходе судебных заседаний в соответствии со ст. 53 ГПК РФ (копии протоколов судебных заседаний приложены к объяснению); совместно с З.С.Н. и его женой З.Т.В. адвокат неоднократно знакомился с гражданским делом в О...ском суде, при этом он в присутствии З.С.Н. вложил в дело ордер;

– в результате обжалования заочных решений по гражданским делам № 2-1568 и 2-1280, вынесенных судьей И., исполнительное производство было приостановлено; затем дела истцов Р.Ф.А. и Р.Н.Ф. были объединены в одно производство и переданы для рассмотрения судье П.Н.И. (дело № 2-4441); в течение одного года адвокат постоянно работал по этому делу с З.С.Н., подготавливал запросы в различные инстанции с целью минимизации его виновности — это запросы в органы здравоохранения о наличии у Р.Н.Ф. на момент ДТП заболевания глаз — катаракты, запрос об истребовании прекращенного уголовного дела по факту ДТП в отношении З.С.Н., так как в исковом заявлении Р.Н.Ф. указала, что ей причинен тяжкий вред здоровью, тогда как в постановлении о прекращении уголовного дела имеется заключение эксперта о том, что ей причинен вред средней тяжести;

– во время судебного слушания адвокат подготовил и вместе с З.С.Н. заявил ходатайство о фальсификации доказательств по делу истцами, а также о том, что суду предложены недостоверные и недопустимые доказательства; ходатайство о пропуске срока исковой давности на возмещение материального вреда Р.Ф.А. (копии приложены к объяснению);

– адвокат указывает, что он всеми законными способами защищал интересы своего клиента; на суде доказал, что инвалидность третьей группы (утрата зрения) Р.Н.Ф. получила не в результате ДТП, совершенного З.С.Н.; доказал в суде, что размер материального ущерба, заявленный истцом Р.Ф.А., завышен в два раза, судья П.Н.И. согласился с адвокатом; З.С.Н. во время судебных заседаний не возражал против этой суммы материального ущерба в сумме 2 500 долларов США, что отмечено в протоколах судебных заседаний, поэтому высказанное З.С.Н. в жалобе обвинение, что адвокат действовал вопреки его интересам, не соответствует действительности;

– довод З.С.Н. о том, что судья допустил адвоката на суд 2 декабря 2003 года в качестве представителя ответчика, это, по мнению адвоката Л., вопрос к судье П.Н.И., а не к адвокату;

– адвокат поясняет, что по делу проводилась повторная комплексная судебно-медицинская экспертиза, и срок ее окончания не был известен. З.С.Н. уехал в служебную командировку, а так как доверенности на ведение дела в его отсутствие у адвоката не было, то судья, естественно, все запросы отсылал по месту жительства З.С.Н.; когда жена З.С.Н. позвонила адвокату и сказала, что слушание дела назначено на 2 декабря 2003 года, адвокат именно от жены З.С.Н. узнал, что последний находится в командировке; адвокат попросил жену З.С.Н. дать ответ суду телеграммой с уведомлением о невозможности прибытия З.С.Н. на суд, одновременно с этим он попросил жену З.С.Н. предоставить ему документы с места работы мужа, подтверждающие, что он действительно находится в заграничной командировке и не имеет возможности своевре-

менно прибыть на суд; получив этот документ, адвокат подготовил от своего имени ходатайство и передал его в канцелярию суда 24 ноября 2003 года (копия приложена к объяснению); в связи с тем, что ранее в этом же суде и по этим же делам были случаи утраты документов, а, если точнее сказать, различные злоупотребления, адвокат решил еще раз подтвердить свое ходатайство об отложении дела и на судебном заседании 2 декабря 2003 года;

– согласно ст. 54 ГПК РФ представитель, коим адвокат являлся на основании ордера, имеет право без особых на то полномочий знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства и возражать против ходатайств, заявленных лицами, участвующими в деле, заявлять отводы составу суда, представлять и участвовать в исследовании доказательств, высказывать свое мнение и приводить свои доводы на возникающие в ходе процесса вопросы. Адвокат Л. подчеркивает, что он в самом начале судебного заседания еще раз акцентировал внимание судьи П.Н.И. на том, что он представляет интересы З.С.Н. только на основании ордера, других полномочий для защиты интересов своего клиента не имеет и просит перенести рассмотрение дела до возвращения З.С.Н. из командировки, но судья не согласился с доводами адвоката и продолжил судебное заседание; поскольку процесс был открытый, адвокат предпочел остаться в суде и по ходу дела излагал свои доводы в защиту З.С.Н. (копия протокола судебного заседания приложена к объяснению);

– после оглашения и получения решения суда адвокат подготовил кассационную жалобу по делу № 2-4441/02 и направил ее З.С.Н. с просьбой предоставить адвокату доверенность на ее подписание и представление его интересов в суде второй инстанции (копия жалобы приложена к объяснению); адвокат был вынужден неоднократно (десять раз) звонить З.С.Н. в И. и в г. К. по номерам телефонов, которые дала его жена, разыскивать его у родителей и по месту командировки в И. (копии квитанций приложены к объяснению), чтобы попросить выдать доверенность на ведение дела, но З.С.Н. решил сам вести дело и от услуг адвоката отказался.

На основании изложенных доводов адвокат Л. считает, что утверждение З.С.Н. о том, что адвокат защищал его в О...ском районном суде без каких-либо письменных или устных разрешений с его стороны и вопреки его интересам, необоснованно.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат Л. подтвердил сведения, изложенные им в письменных объяснениях и приложенных к ним документах, уточнив, что поручение по соглашению, оформленному регистрационной карточкой № 269 от 14 августа 2002 года он выполнил, иных письменных соглашений с З.С.Н. он не заключал, оснований для выписки ордера для участия в судебных заседаниях О...ского районного суда г. Москвы не было; они с заявителем знают друг друга, потому что являются соседями; 2 декабря 2003 года, участвуя в судебном заседании О...ского районного суда г. Москвы, адвокат Л. по существу иска высказывался, также сказал суду, что у него нет доверенности от ответчика на ведение дела; в судебном заседании он участвовал из благотворительных побуждений.

Выслушав объяснения заявителя З.С.Н., свидетеля З.Т.В., адвоката Л., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

7 ноября 1997 года, на 95 км N-ского шоссе, в результате дорожно-транспортного происшествия между автомашинами «Ауди-100» под управлением З.С.Н. и «ВАЗ-21061» под управлением Р.Ф.А. последнему и его жене Р.Н.Ф., находившейся в этой же автомашине, были причинены различные телесные повреждения.

По факту данного ДТП следственным отделом «...» УВД Московской области в отношении З.С.Н. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 264 УК РФ, которое 26 февраля 1998 года было прекращено на основании Постановления Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 24 декабря 1997 года № 2038-II ГД «Об объявлении амнистии».

6 июля 2000 года Р.Ф.А. и Р.Н.Ф. обратились в О...ский районный суд г. Москвы с исками о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием (гражданские дела № 2-1568/02 и 2-1280/02).

Заочными решениями О...ского районного суда г. Москвы от 14 марта 2002 года оба иска были частично удовлетворены, постановлено взыскать с З.С.Н. в пользу Р.Ф.А. 135 000 рублей, в пользу Р.Н.Ф. — 50 000 рублей.

Заочные решения не были обжалованы, вступили в законную силу, по выданным судом исполнительным листам судебными приставами были возбуждены исполнительные производства № 32-...С и 32-.... О состоявшихся судебных решениях ответчик З.С.Н., по его утверждению, узнал только из постановлений о возбуждении исполнительного производства, поскольку до этого он не получал ни копии исковых заявлений, ни судебных повесток, ни копии решений суда.

14 августа 2002 года в делах Юридической консультации № 00 Межреспубликанской коллегии адвокатов было зарегистрировано соглашение об оказании юридической помощи между гражданином З.С.Н. и адвокатом Л., оформленное регистрационной карточкой № 260. В графе бланка соглашения «Характер и объем поручения и где его предстоит выполнять» указано: «Подготовка жалобы и заявления о принесении протеста в горсуд, а также подача жалобы и заявления о восстановлении пропущенного срока в О...нский м/м суд». Оплата юридической помощи по настоящему соглашению установлена в сумме 4 000 рублей, которые были внесены в кассу Юридической консультации 14 августа 2002 года по квитанции № 221. Соглашение подписано З.С.Н. и адвокатом Л.

В объяснениях, данных на заседании Квалификационной комиссии, заявитель З.С.Н. пояснил, что он никогда никакого соглашения об оказании юридической помощи с адвокатом Л. не заключал, подпись в предъявленной З.С.Н. Комиссии регистрационной карточке № 260 от 14 августа 2002 года в графе «(подпись обратившегося)» выполнена не им.

Адвокат Л., напротив, подтвердил факт заключения соглашения, представил Комиссии его ксерокопию.

Обозрев ксерокопию регистрационной карточки № 260 и сличив подпись, имеющуюся в ее графе «(подпись обратившегося)», с подписями З.С.Н., имеющимися на его частной жалобе на имя председателя Адвокатской палаты г. Москвы от 26 июля 2004 года и заявлении о принесении протеста в порядке надзора от 19 августа 2002 года, Квалификационная комиссия не установила очевидных различий (несовпадений) в характерных элементах подписи. При этом Комиссия отмечает, что в ее компетенцию не входит установление факта подложности какого-либо документа, в том числе и факта фальсификации подписи в документе.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих представленное адвокатом Л. письменное доказательство — соглашение об оказании юридической помощи от 14 августа 2002 года между гражданином З.С.Н. и адвокатом Л.,

оформленное регистрационной карточкой № 260, Квалификационной комиссии не представлено.

Во исполнение указанного соглашения адвокатом Л. для доверителя З.С.Н. был подготовлен проект заявления о принесении протеста в порядке надзора на имя председателя Московского городского суда. Данное заявление было 19 августа 2002 года подписано З.С.Н., подано в Мосгорсуд, в делах которого зарегистрировано 20 августа 2002 года за № 4г-4468.

26 августа 2002 года Председатель Мосгорсуда в соответствии со ст. 323 ГПК РСФСР приостановил исполнение заочного решения О...ского межмуниципального суда НАО г. Москвы от 14 марта 2002 года по гражданскому делу по иску Р.Ф.А. к З.С.Н. о возмещении ущерба.

7 октября 2002 года определениями О...ского районного суда г. Москвы заочные решения по гражданским делам по искам Р.Ф.А. и Р.Н.Ф. к З.С.Н. были отменены в порядке ст. 213¹⁰–213¹¹ ГПК РСФСР. Затем эти дела были приняты к рассмотрению федеральным судьей П.Н.И. и объединены в одно производство.

10 ноября 2002 года Председатель Московского городского суда отменил приостановление исполнения заочного решения от 14 марта 2002 года.

Квалификационная комиссия считает, что представленные ей сторонами доказательства свидетельствуют о том, что оказание адвокатом Л. юридической помощи гражданину З.С.Н. с 14 августа по 7 октября 2002 года осуществлялось квалифицированно, честно, разумно и добросовестно (см. п. 1 ст. 1, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), в полном соответствии с условиями соглашения от 14 августа 2002 года – «Подготовка жалобы и заявления о принесении протеста в горсуд, а также подача жалобы и заявления о восстановлении пропущенного срока в О...ский м/м суд». В результате оказанной адвокатом Л. его доверителю З.С.Н. квалифицированной юридической помощи последним был достигнут желаемый правовой результат – заочные решения об удовлетворении исковых требований отменены и гражданские дела направлены на новое рассмотрение в ином составе судей.

В письменных объяснениях от 12 августа 2004 года адвокат Л. указал, что по соглашению об оказании юридической помощи от 14 августа 2002 года с З.С.Н. адвокат должен был, в том числе, принять участие в качестве представителя ответчика в суде первой инстанции О...ского районного суда.

С этим утверждением адвоката Л. Квалификационная комиссия согласиться не может, поскольку указание на такое поручение в цитированном выше тексте соглашения отсутствует.

Вместе с тем Квалификационная комиссия отмечает, что в период рассмотрения О...ским районным судом г. Москвы под председательством федерального судьи П.Н.И. гражданского дела № 2-4441/02 по искам Р.Ф.А. и Р.В.Ф. к З.С.Н. адвокат Л. оказывал гражданину З.С.Н. юридическую помощь именно как адвокат, что подтверждается, по мнению Комиссии, следующими доказательствами.

Адвокат Л. пояснил, что в материалах дела находился его ордер, подтверждающий полномочия представителя (см. ч. 5 ст. 45 ГПК РСФСР; п. 5 ст. 53 ГПК РФ, введенного в действие с 1 февраля 2003 года).

Из представленной ксерокопии протокола судебного заседания ...нского районного суда г. Москвы от (дата нечитаема) ноября 2002 года следует, что в судебное заседание явились ответчик З.С.Н. и представитель ответчика Л. – «(по ордеру)». В протоколе судебного заседания О...ского районного суда г. Москвы от 21 февраля 2003 года отмечено, что в судебное заседание явились ответчик З.С.Н. и представитель

З.С.Н. — Л. — «уд-е № ...». Как усматривается из протоколов, в судебных заседаниях адвокат Л. как представитель ответчика З.С.Н. в присутствии последнего заявлял различные ходатайства, против удовлетворения которых ответчик З.С.Н. не возражал; к материалам гражданского дела в судебном заседании 21 февраля 2003 года приобщались письменные ходатайства и заявления, подписанные Л. как адвокатом — представителем ответчика З.С.Н.: заявление о подложности доказательства, заявление об истечении срока исковой давности, вопросы экспертам. 27 февраля 2003 года адвокат Л. как представитель ответчика З.С.Н. по гражданскому делу № 2-4441/02 сдал в экспедицию О...ского районного суда г. Москвы замечания на протокол судебного заседания от 21 февраля 2003 года.

Являясь ответчиком, гражданин З.С.Н. был вправе в любой момент производства по делу неоднократно знакомиться с его материалами, а также с протоколами судебных заседаний и приносить на них свои замечания (ст. 30, 229 ГПК РСФСР; ст. 35, 231 ГПК РФ, введенного в действие с 1 февраля 2003 года). Как можно заключить из представленных Комиссии доказательств, до вынесения О...ским районным судом г. Москвы 2 декабря 2003 года решения о частичном удовлетворении исков Р.Ф.А. и Р.В.Ф. от гражданина З.С.Н. не поступало каких-либо заявлений о том, что адвокат Л. не является его представителем по этому гражданскому делу.

Изложенное, по мнению Комиссии, однозначно свидетельствует о том, что гражданин З.С.Н. воспринимал адвоката Л., участвовавшего совместно с ним в судебных заседаниях, как своего представителя (см. ч. 1 ст. 43, ч. 1 ст. 44, ч. 5 ст. 45, ст. 46 ГПК РСФСР; ч. 1 ст. 48, ст. 49, ч. 5 ст. 53, 54 ГПК РФ, введенного в действие с 1 февраля 2003 года), а данное обстоятельство, в свою очередь, свидетельствует о том, что между доверителем (гражданином З.С.Н.) и адвокатом Л. было заключено соглашение об оказании юридической помощи, поскольку иного основания ее оказания адвокатом в законе не установлено (за исключением ст. 50 ГПК РФ, которая к рассматриваемым правоотношениям неприменима).

В то же время Квалификационная комиссия отмечает, что вопреки предписанию ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» соглашение об оказании юридической помощи между гражданином З.С.Н. (доверителем) и адвокатом Л. было заключено не в простой письменной, а в устной форме. Однако в соответствии с п. 1 и 2 ст. 162 («Последствия несоблюдения простой письменной формы сделки») ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства; несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность лишь в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон (применительно к соглашению об оказании юридической помощи такое указание в законе отсутствует).

В силу ст. 1, 2, подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката на адвокате как лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По мнению Комиссии, надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителями предполагает не только оказание им квалифицированной юри-

дической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителями в строгом соответствии с законом.

Квалификационная комиссия считает, что, заключив с доверителем З.С.Н. соглашение об оказании юридической помощи (на представительство интересов ответчика в суде первой инстанции) в устной форме (нарушив прямое предписание закона), адвокат Л. создал предпосылки для оспаривания гражданином З.С.Н. не только всех существенных условий этого соглашения (см. п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), но и факта заключения соглашения в целом, тем самым адвокат Л. нарушил ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что свидетельствует об исполнении им своих обязанностей перед доверителем З.С.Н. ненадлежащим образом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

21 февраля 2003 года судебное заседание закончилось вынесением определения о назначении дополнительной судебно-медицинской экспертизы, в связи с чем производство по гражданскому делу было приостановлено до окончания проведения по делу экспертизы.

19 августа 2003 года З.С.Н. убыл в служебную командировку в И. (запланированный срок окончания командировки 30 июня 2004 года). При этом он не известил О...ский районный суд г. Москвы об отъезде в длительную командировку за границу.

Производство судебно-медицинской экспертизы по материалам гражданского дела было закончено 22 сентября 2003 года.

20 октября 2003 года О...ский районный суд г. Москвы направил З.С.Н. по известному суду адресу в г. Москве телеграмму с указанием на то, что судебное заседание состоится 2 декабря 2003 года.

Получившая указанную телеграмму жена заявителя З.С.Н. З.Т.В. сообщила об этом адвокату Л., направила в суд телеграмму с уведомлением о том, что ее муж З.С.Н. до 30 июня 2004 года будет находиться в служебной командировке в И., 18 ноября 2003 года получила от генерального директора завода письмо в О...ский районный суд с подтверждением факта направления З.С.Н. в служебную командировку. Это письмо адвокат Л. по просьбе З.Т.В. 24 ноября 2003 года передал в О...ский районный суд г. Москвы, приложив его к своему ходатайству об отложении разбирательства гражданского дела на июль 2004 года.

Являясь в силу заключенного в устной форме соглашения об оказании юридической помощи представителем ответчика З.С.Н. по ордеру, адвокат Л. 2 декабря 2003 года явился в О...ский районный суд г. Москвы и принял участие в судебном заседании. При этом, как усматривается из протокола судебного заседания, поддерживая ходатайство об отложении рассмотрения дела, адвокат Л. заявил, в частности: «Я могу защищать только права ответчика, так как у меня нет доверенности от ответчика, есть только ордер». Поскольку суд отказал в удовлетворении ходатайства об отложении (приостановлении) рассмотрения дела в связи с неявкой ответчика, адвокат Л. совершил в судебном заседании ряд действий, направленных на защиту интересов его доверителя З.С.Н., например, сделал заявление об истечении срока исковой давности в части требования о возмещении материального ущерба (ст. 195, 196, 199 ГК РФ), заявил ходатайства об истребовании из медицинского учреждения № 1 журнала регистрации рентгеновских снимков за 4 квартал 1997 года, о вызове в суд и

допросе проводивших по делу судебно-медицинские экспертизы экспертов В.В.К. и Р.Р.Ф. — об обстоятельствах составления заключений экспертиз, об исключении из числа доказательств по делу истории болезни Р.В.Ф. № 16/... поскольку эта история болезни, по мнению адвоката Л., частично сфальсифицирована.

В то же время адвокат Л., понимая, что он представляет интересы ответчика З.С.Н. только по ордеру, не имеет доверенности, уполномочивающей его, в том числе на признание иска (ст. 54 ГПК РФ), сделал в судебном заседании (как усматривается из протокола и решения суда) следующие заявления:

— на требование истца взыскать с ответчика сумму за возмещение ущерба от ДТП, равную стоимости аналогичной машины трехгодичной давности, что составляет в среднем 2 400 долларов США (по данным объявлений из журнала «Автомобили и цены»), представитель ответчика адвокат Л. ответил: «В этой части исковых требований я согласен»;

— на требование истца Р.Ф.А. взыскать с ответчика в счет возмещения морального вреда денежную компенсацию в сумме 100 000 рублей, определенных, по утверждению представителя истца, следующим образом: «Конкретной привязки ни к каким суммам нет. Сумма взята произвольно», — представитель ответчика адвокат Л. ответил: «Считаю, что сумма 100 000 очень высокая, ответчик может заплатить не более 10 000 рублей»;

— на требование истицы Р.В.Ф. взыскать с ответчика 100 000 рублей за причинение морального и физического вреда представитель ответчика адвокат Л. ответил: «Суммы за причиненный моральный и физический вред очень велики, ответчик может выплатить не более 20 000 рублей, у него на иждивении двое детей, небольшая зарплата».

Основываясь на сделанных в судебном заседании представителем ответчика адвокатом Л. заявлениях, суд, мотивируя выводы о частичном удовлетворении исковых требований, указал в решении от 2 декабря 2003 года: «Представитель ответчика Л. в удовлетворении иска в части компенсации материального ущерба просил отказать в связи с истечением, по его мнению, срока исковой давности. В том же случае, если суд сочтет срок исковой давности не истекшим, представитель ответчика исковое требование о взыскании с ответчика за поврежденный при ДТП автомобиль денег в сумме, эквивалентной 2 400 долларам США, считает обоснованным и его признает. Что же касается требований о компенсации морального вреда, представитель ответчика признает, что этот вред должен быть компенсирован, однако считает требования истцов завышенными и просит суд ограничиться взысканием с ответчика в пользу Р.Ф.А. денег в сумме 10 000 рублей, в пользу Р.Н.Ф. — не более 20 000 рублей. ...Истцом Р.Ф.А. представлен суду журнал «Автомобили и цены» № 31 (30) за 1–7 декабря 2003 года, согласно которому средняя цена автомобиля ВАЗ-2106 со сроком эксплуатации три года в настоящее время составляет 2 400 долларов США. Представителем ответчика эта сумма не оспаривается. ...следовательно, истцу должны быть компенсированы деньги в сумме 71 280 рублей».

Как видно из приведенных документов, 2 декабря 2003 года в судебном заседании О...нского районного суда г. Москвы адвокат Л. фактически частично признал исковые требования Р.Ф.А. и Р.В.Ф., не будучи уполномочен на это надлежащим образом оформленной его доверителем З.С.Н. доверенностью (см. ст. 54 ГПК РФ). То обстоятельство, что суд не оформил признание иска в соответствии с требованиями п. 1 ст. 173 ГПК РФ («Заявление истца об отказе от иска, признание иска ответчиком и условия мирового соглашения сторон заносятся в протокол судебного заседания и подписываются истцом, ответчиком или обеими сторонами. В случае, если отказ от

иска, признание иска или мировое соглашение сторон выражены в адресованных суду заявлениях в письменной форме, эти заявления приобщаются к делу, на что указывается в протоколе судебного заседания») не может свидетельствовать о правомерности сделанных адвокатом Л. заявлений, поскольку адвокат не вправе занимать по делу позицию и действовать вопреки воле доверителя (подп. 3 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Между тем в судебном заседании, состоявшемся в ноябре 2002 года, в котором принимали участие как ответчик З.С.Н., так и его представитель по ордеру адвокат Л., ответчик З.С.Н., выражая свое отношение к исковым требованиям, пояснил суду: «Считаю, что суммы завышены, с иском не согласен. Я был согласен заплатить 2 500 долларов США, сейчас готов заплатить, но сейчас новая машина стоит 2 800 долларов США, готов заплатить стоимость трехгодичной машины. Сейчас стоит 64 910 рублей. Моральный ущерб вызывает сомнение».

Таким образом, в материалах гражданского дела отсутствуют сведения о признании ответчиком З.С.Н. исковых требований о взыскании денежной компенсации морального вреда хотя бы в какой-то части. Поэтому следует признать, что если, делая заявление о готовности ответчика выплатить Р.Ф.А. в счет возмещения материального вреда сумму, эквивалентную 2 400 долларам США, адвокат Л. все же опирался на позицию своего доверителя, лично высказанную им в одном из предшествующих судебных заседаний, то, делая заявления о готовности ответчика выплатить Р.Ф.А. 10 000 рублей, а Р.В.Ф. 20 000 рублей в счет денежной компенсации морального вреда, адвокат Л., по всей видимости, опирался на собственные представления о разумности и справедливости (см. ч. 1 п. 2 ст. 1101 ГК РФ).

В письменных объяснениях от 12 августа 2004 года, подтвержденных на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Л. указал, что письменную доверенность на представление его интересов З.С.Н. адвокату не давал, хотя всякий раз устно подтверждал полномочия представителя в ходе судебных заседаний в соответствии со ст. 53 ГПК РФ, что, якобы, подтверждается копиями протоколов судебных заседаний, приложенных к объяснению.

Данное утверждение адвоката Л. не соответствует фактическим обстоятельствам дела, установленным Комиссией на основании представленных сторонами доказательств.

В протоколе судебного заседания О...ского районного суда г. Москвы от (дата нечитаема) ноября 2002 года отмечено лишь, что в судебное заседание явились ответчик З.С.Н. и представитель ответчика Л. — «(по ордеру)»; в протоколе судебного заседания этого же суда от 21 февраля 2003 года отмечено, что в судебное заседание явились ответчик З.С.Н. и представитель З.С.Н. — Л. — «уд-е № ...». Какие-либо заявления ответчика З.С.Н. о наделении им своего представителя адвоката Л. специальными полномочиями распорядительного характера в протоколах судебных заседаний, на которые ссылается адвокат Л. в своих объяснениях, отсутствуют.

Кроме того, в соответствии с ч. 6 ст. 45 ГПК РСФСР, действовавшего во время проведения судебного заседания в ноябре 2002 года (в отличие от ч. 6 ст. 53 ГПК РФ, действовавшего во время проведения судебного заседания 21 февраля 2003 года), в устном заявлении доверителя на суде, занесенном в протокол судебного заседания, могли быть выражены лишь полномочия представителей, указанных в ч. 6 и 7 ст. 44 ГПК РСФСР, но не адвокатов (ч. 1 ст. 44 ГПК РСФСР).

Квалификационная комиссия считает, что, сделав 2 декабря 2003 года в судебном заседании О...нского районного суда г. Москвы при рассмотрении гражданского де-

ла по иску Р.Ф.А. и Р.В.Ф. к З.С.Н. о возмещении вреда, причиненного ДТП, заявление о частичном признании его доверителем исковых требований Р.Ф.А. и Р.В.Ф., не будучи уполномочен на это надлежащим образом оформленной его доверителем З.С.Н. доверенностью (см. ст. 54 ГПК РФ), адвокат Л. нарушил возложенные на него законом обязанности разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»), что свидетельствует о ненадлежащем исполнении им своих обязанностей перед доверителем З.С.Н.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом Л. своих обязанностей, предусмотренных подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем З.С.Н. при представительстве его интересов в качестве ответчика по иску Р.Ф.А. и Р.В.Ф. о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, что выразилось в заключении адвокатом с доверителем З.С.Н. соглашения об оказании юридической помощи (на представительство интересов ответчика в суде первой инстанции) в устной форме, а также в заявлении 2 декабря 2003 года в судебном заседании О...ского районного суда г. Москвы о частичном признании его доверителем З.С.Н. исковых требований Р.Ф.А. и Р.В.Ф., хотя адвокат не был уполномочен на это надлежащим образом оформленной доверителем доверенностью.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 10 ноября 2004 года № 72 адвокату Л. объявлен выговор за ненадлежащее исполнение своих обязанностей перед доверителем З.С.Н. при представительстве его интересов в качестве ответчика по иску Р.Ф.А. и Р.В.Ф. о возмещении ущерба, причиненного дорожно-транспортным происшествием, что выразилось в заключении адвокатом с доверителем З.С.Н. соглашения об оказании юридической помощи (на представительство интересов ответчика в суде первой инстанции) в устной форме, а также в заявлении 2 декабря 2003 года в судебном заседании О...ского районного суда г. Москвы о частичном признании его доверителем З.С.Н. исковых требований Р.Ф.А. и Р.В.Ф., хотя адвокат не был уполномочен на это надлежащим образом оформленной доверителем доверенностью.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 110
по дисциплинарному производству в отношении адвоката О.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

27 апреля 2004 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда рассмотрела в открытом судебном заседании кассационную жалобу подсудимого Ф.Н.А. на постановление С...кого городского суда Московской области от 1 апреля 2004 года, коим мера пресечения в отношении Ф.Н.А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 213 и ч. 4 ст. 111 УК РФ, изменена на заключение под стражу. Судебная коллегия вынесла частное определение, в котором указала, что, по мнению Коллегии, при кассационном обжаловании состоявшегося судебного постановления адвокатом Адвокатской конторы «...» О. было допущено грубое нарушение закона и требований профессиональной этики, выразившееся в том, что, представив в Судебную коллегия по уголовным делам объяснение на кассационную жалобу своего подзащитного, адвокат О. допустил в нем оскорбительные выпады в адрес председательствующего по делу судьи С...кого городского суда Московской области Д.Н.В. с предложением вышестоящей судебной инстанции организовать ее психиатрическое освидетельствование, поскольку, по его мнению, вынесение судом обжалуемого стороной защиты постановления произошло в результате случившегося у нее 1 апреля 2004 года расстройства психики, нервной системы и заболевания головного мозга. Усматривая в случившемся признаки неуважения к суду, Судебная коллегия по уголовным делам Московского областного суда, руководствуясь ч. 4 ст. 29 УПК РФ, определила о вышеизложенном довести до сведения Совета Адвокатской палаты г. Москвы для принятия мер в пределах ее компетенции, установленной Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»; о принятых по частному определению мерах сообщить Судебной коллегии по уголовным делам в месячный срок.

Частное определение направлено в Адвокатскую палату г. Москвы с сопроводительным письмом председателя Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 29 апреля 2004 года № 22-2397 (вх. № 1231 от 11 мая 2004 года).

К сопроводительному письму приложена ксерокопия подписанного адвокатом О. и направленного 19 апреля 2004 года при помощи факсимильной связи в Московский областной суд документа, озаглавленного «Заявление (объяснение и ходатайство) об одобрении, поддержании жалобы подсудимого Ф.Н.А. от 4 апреля 2004 года, поданной в Судебную коллегия по уголовным делам Московского областного суда на постановление от 1 апреля 2004 года (в части замены меры пресечения названному подсудимому) С...кого федерального городского суда Московской обл.», от 16 апреля 2004 года. Исх. № 178 (МГКА, АК «...»), на четырех листах.

В указанном заявлении адвокат О., указывает, в частности:

«4. Настоящим заявлением я одобряю, поддерживаю жалобу подсудимого Ф.Н.А. от 4 апреля 2004 года, поданную в Коллегию по уголовным делам областного суда на постановление от 1 апреля 2004 года (в части замены меры пресечения, избранной моему подзащитному, на подписку о невыезде) С...кого гор. суда. По поводу уважительных причин отложения слушания этого явно надуманного и натянутого (по мнению защиты) дела в связи с непричастностью Ф.Н.А. к вменяемым преступлениям, сообщаю следующее: ...г) к длительному нахождению на лечении подсудимого, его за-

щитников (от заболеваний на нервной почве) привели др. причины, зависящие от недостойного поведения председательствующего, ведущего судебное разбирательство, а именно – постоянные, очевидные, нескрываемые и неустранимые вредные привычки судьи: прерывать мои высказывания, сбивать ход моих мыслей и соображений (во время заявлений моих ходатайств в ходе судебных процессов) несвоевременными, неуместными, ненужными и оскорбительными репликами председательствующего; нетактично, неделикатно подгонять, ускорять, “подталкивать, подстегивать” мои выступления в ходе судебных заседаний др. репликами председательствующего; проводить все судебные заседания по данному уголовному делу до позднего вечера, несмотря на мою необходимость возвращаться (после окончания... из г. С. в Москву поздней ночью, так как маршрутные автобусы прекращают свое движение из г. С. в Москву в 21 час, а электропоезда – в 22 часа 24 минуты. Притом, очередное (следующее) судебное заседание и разбирательство судья Д.Н.В., как правило, назначает на следующий день постоянно на 10 часов, а мне к этому времени надо проехать на метрополитене из одного конца в др. конец города Москвы на К... железнодорожный вокзал и ехать на электричке два часа. Однако председательствующего судью Д.Н.В. такие мои объективные трудности не интересуют, и она регулярно сообщает мне в зале суда, что все эти проблемы мои, их я должен решать самостоятельно, т.е. без ее помощи и участия. Председательствующий по данному уголовному делу (Ф./судья Д.Н.В.) своими умышленными действиями, поступками желает быстрее сделать меня и себя очередными пациентами психиатрического диспансера, психиатрической больницы...; д) в одиннадцатом часу 1 апреля 2004 года (во время последнего судебного заседания в... зале С...кого городского суда) председательствующий судья по делу в присутствии всех участников последнего судебного заседания заявил в зале суда о том, что у него, как и у З. в... день 1 апреля 2004 года имеются высокое артериальное давление и сильная головная боль; е) затем эта судья дополнила свое устное заявление, что она (по сравнению с адвокатом З. (не явившимся 1 апреля 2004 года в заседание суда) относится к своей работе в суде ответственно и несмотря на все свои недомогания постоянно ходит на работу в судебные процессы с высоким арт. давлением и температурой. В ответ на это заявление я сказал ей, что этим она совершает героические поступки, которые не приведут ее к хорошему здоровью и самочувствию в ближайшее время; ж) притом, в одиннадцатом часу дня 1 апреля 2004 года (во время моего объяснения судье причин неявки адвоката З. в то судебное заседание) я заметил на лице и лбу головы судьи, председательствующего по данному уголовному делу, крупные пятна темно-красного цвета. Они свидетельствовали о резком волнении и возбуждении ее психики, а значит, о неудовлетворительном состоянии ее здоровья; и) я полностью (на 100%) уверен в том, что в начале 11-го часа дня 1 апреля 2004 года председательствующий судья по уголовному делу № 1-.../2004 практически был болен, нездоров; к) следовательно, в дневное время 1 апреля 2004 года его поведение было неадекватным. Это слово (неадекватность) этот судья часто применяет в его постановлениях; л) после окончания такого судебного заседания я попросил у секретаря судебного процесса объяснить мне причину наличия пятен темно-красного цвета на лице и лбу судьи. Однако секретарь судебного заседания сказала мне, что мне это показалось. Но я не верю такому ее ответу и прекратил вопросы о здоровье судьи 1 апреля 2004 года; м) в течение нескольких последних месяцев я постоянно обращал внимание на тяжелую отдышку судьи при ее подъеме с 1-го на 3-й этаж (в ее кабинет) гор. суда; н) по н.в. я обеспокоен прогрессирующими заболеваниями судьи Д.Н.В., считаю важным, необходимым и целесообразным обратить особо пристальное внимание руководства С...кого городского, Московского областного судов на неопровержимые факты и обстоя-

тельства явных признаков неоспоримых серьезных заболеваний такого судьи для проверки состояния ее здоровья с 1 июня 2003 года по н.в. <...>

6. Учитывая перечисленные уважительные причины, обстоятельства и факты поведения судьи Д.Н.В. я намерен обсудить с подсудимым, др. защитником целесообразность отвода такого судьи ввиду ее болезней и нашим недоверием к ней.

7. *Учитывая вышеизложенное прошу: ...е) доложить руководству С...кого гор. суда, Московского обл. суда мои опасения, обеспокоенности прогрессирующими заболеваниями судьи Д.Н.В. в ...принятия срочного решения о проверке состояния ее здоровья с 1 июня 2003 года по н.в.; д) предложить Д.Н.В. пройти курс обследования в врачебно-трудоу экспертной комиссии – ВТЭК (в т.ч. с проверкой всех имеющихся в н.в. документов больницы, поликлиник, медицинских центров г. С., где этот судья наблюдался, обследовался, лечился) для определения состояния здоровья по н.в., т.к., вероятно, не исключено, что между 10–11 час. 1 апреля 2004 года у Д.Н.В. произошло эмоциональное расстройство психики, нервной системы, заболевание головного мозга. Результат – вынесение постановления от 1 апреля 2004 года об изменении меры пресечения подсудимому...».*

12 мая 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката О., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 17 и 25 июня, 18 ноября 2004 года адвокат О. по поводу обстоятельств, изложенных в частном определении Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27 апреля 2004 года, указал, что на основании ордера № 2506 от 12 сентября 2003 года он защищает в С...ком городском суде по делу № 1-... подсудимого Ф.Н.А., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 213, ч. 4 ст. 111 УК РФ. 18 апреля 2004 года в адрес Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда подано заявление адвоката от 16 апреля 2004 года о поддержке кассационной жалобы от 4 апреля 2004 года его подзащитного Ф.Н.А. на постановление от 1 апреля 2004 года С...кого городского суда Московской области, коим мера пресечения (в отношении подсудимого Ф.Н.А.) изменена на заключение под стражу. В своем заявлении от 16 апреля 2004 года адвокат сообщил свое личное мнение о жалобе от 4 апреля 2004 года его подзащитного, ходе судебного разбирательства, состоянии здоровья председательствующей судьи (Д.Н.В.) по данному делу, выразил свою точку зрения по поводу ведения ею судебного процесса по такому конкретному делу и изложил свое личное мнение о ее правосудии (по указанному выше делу), которое, по мнению адвоката, отправлялось упомянутой выше судьей не на должном уровне. Адвокат считает, что в своем письменном заявлении от 16 апреля 2004 года (в Судебную коллегию по уголовным делам Московского областного суда) он в соответствии с п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и согласно п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката честно, добросовестно, принципиально, разумно и своевременно исполнял обязанности адвоката: а) активно защищал, отстаивал права, свободы, законные интересы доверителя всеми не запрещенными законом средствами, руководствуясь Конституцией РФ; б) изложил свое личное мнение об имевших место обстоятельствах и фактах действительности (по делу), непосредственным очевидцем которых он был; притом лично над ним в судебных заседаниях судья Д.Н.В. издевалась, измывалась; в) предложил вышестоящей судебной инстанции проверить такое его мнение, а не допустил оскорбительные выпады в адрес председательствующей судьи Д.Н.В. по данному уголовному делу С...кого городского суда. Адвокат указывает, что свое поведение по отношению к председательствующей судье в ходе всего судеб-

ного разбирательства по данному делу он находит допустимым и корректным, так как нарушение закона и требований норм адвокатской этики он в нем не допускал. Адвокат ссылается на: п. 1 и 2 ст. 18 («Гарантии независимости адвоката») Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», согласно которым «вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются», и «адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии)»; п. 1 ст. 4 и п. 1 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» и «профессиональная независимость адвоката является необходимым условием доверия к нему». Адвокат отмечает, что свое личное мнение о том, что именно он считает неправильным в действиях председательствующей судьи, он изложил в отмеченном выше заявлении от 16 апреля 2004 года и пояснил в нем, что процесс носит обвинительный уклон, по манере поведения в заседаниях суда судья не скрывает свои мнения о виновности подсудимого во всех инкриминируемых ему преступлениях, открыто высказывает свою убежденность в виновности Ф.Н.А. в предъявленном ему обвинительном заключении. Еще в ходе первого (с участием адвоката О.) заседания суда по уголовному делу по обвинению Ф.Н.А. председательствующая судья в присутствии адвоката О. прямо и с угрозой публично предъявила устные претензии подзащитному и его родственникам за то, что защите подсудимого они поручили адвокату Московской городской коллегии адвокатов, и затем сразу громко спросила у них: чем их не устраивает адвокат З.? 1 апреля 2004 года, в ходе судебного разбирательства, судья Д.Н.В. вела себя в судебном процессе неадекватно, сообщила всем присутствовавшим в зале заседания суда людям о неудовлетворительном состоянии ее здоровья, плохом самочувствии (т.е. повышенном артериальном давлении, температуре тела, головной боли, головокружении), что, по мнению адвоката, безусловно, связано с гипертонией. Адвокат указывает, что по перечисленным внешним признакам любой врач поставит диагноз гипертонической болезни, которая нередко и непосредственно влечет инсульт с летальным исходом. По неоднократным наблюдениям, сделанным адвокатом в суде в течение последних трех месяцев, судья Д.Н.В. страдает одышкой, копь с трудом поднимается (по лестнице с 1-го на 3-й этаж) в занимаемый ею кабинет, что свидетельствует о больном сердце и не оставляет у адвоката сомнений в наличии у судьи ишемической болезни сердца, нередко влекущей непосредственно инфаркт миокарда и летальный исход. По мнению адвоката, возможно и не исключено, что до полудня 1 апреля 2004 года у председательствующей по уголовному делу судьи Д.Н.В. могли возникнуть эмоциональные расстройства психики и нервной системы, гипертонические и ишемические заболевания, но она могла спровоцировать и усугубить эти заболевания, а под воздействием болезней, вероятно, изменила меру пресечения подсудимому на содержание под стражей. Адвокат указывает, что он полностью, на 100%, уверен в том, что в начале 11-го часа дня 1 апреля 2004 года председательствующая по делу судья Д.Н.В. практически была больна (нездорова), и поведение такой судьи до полудня 1 апреля 2004 года было неадекватным, что отразилось на осуществлении правосудия. Далее адвокат указывает, что манера допроса судьей подсудимого, его свидетелей была неуважительной, презрительной; такие обстоятельства и факты, по мнению адвоката, безусловно отразились на ходе этого судебного процесса, создали нервную обстановку, что при-

вело к претензиям к адвокату со стороны судьи, которые по существу спровоцировали адвоката на совершение ответных действий, возможно, даже чрезмерно эмоциональных, но во всем этом не сомневаются его подзащитный Ф.Н.А., его свидетели (на стороне защиты) и его родственники, присутствовавшие 1 апреля 2004 года в заседаниях суда. Адвокат подчеркивает, что он, предложив проверить состояние здоровья судьи, применил слова «вероятно», «не исключено», что у Д.Н.В. произошло эмоциональное расстройство психики, нервной системы. Адвокат указывает в объяснении, что его мнение по перечисленным вопросам разделяют его подзащитный, свидетели со стороны защиты, дававшие свои исчерпывающие показания в ходе судебного разбирательства, и родственники, присутствовавшие в заседаниях суда.

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 19 ноября 2004 года, адвокат О. подтвердил доводы, изложенные в его письменных объяснениях, дополнительно указав, что он не считает свое поведение безупречным, поскольку он судью не оскорблял, никаких оскорбительных выпадов не делал; медицинский институт он не оканчивал, но судья сама призналась в судебном заседании, что у нее такие же недомогания, как у адвоката З. Адвокат О. не знает, в подтверждение какого предусмотренного законом кассационного повода он указал в составленном им документе (направленном в Судебную коллегия по уголовным делам Мособлсуда) на обстоятельства, связанные с имеющимися у федерального судьи Д.Н.В. заболеваниями.

По ходатайству адвоката О. Квалификационная комиссия приобщила к материалам дисциплинарного производства копию письма из Квалификационной коллегии судей Московской области от 26 октября 2004 года № 874-фс о том, что жалоба адвоката на судью принята и проверяется, а также копию определения С...кого городского суда Московской области от 1 апреля 2004 года по уголовному делу № 1-11-2004 по обвинению Ф.Н.А., в котором судья неверно, по мнению адвоката О., изложила обстоятельства этого дела.

Выслушав объяснения адвоката О., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы частного определения Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27 апреля 2004 года, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

19 апреля 2004 года адвокатом О. был направлен в Судебную коллегия по уголовным делам Московского областного суда документ, озаглавленный «Заявление (объяснение и ходатайство) об одобрении, поддержании жалобы подсудимого Ф.Н.А. от 4 апреля 2004 года, поданной в Судебную коллегия по уголовным делам Московского областного суда на постановление от 1 апреля 2004 года (в части замены меры пресечения названному подсудимому) С...кого федерального городского суда Московской обл.» (от 16 апреля 2004 года, исх. № 178, АК «...» КА «...»; на четырех листах), в котором адвокат при изложении своих доводов о незаконности и необоснованности постановления суда от 1 апреля 2004 года об изменении меры пресечения подсудимому Ф.Н.А. на содержание под стражей допустил, в том числе, следующие высказывания:

– *в мотивировочной части:* «д) в одиннадцатом часу 1 апреля 2004 года (во время последнего судебного заседания в... зале С...кого городского суда) председательствующий судья по делу в присутствии всех участников последнего судебного заседания заявил в зале суда о том, что у него... 1 апреля 2004 года имеются высокое артериальное давление и сильная головная боль; е) затем эта судья дополнила свое устное заявление, что она... несмотря на все свои недомогания постоянно ходит на работу в судебные процессы с высоким арт. давлением и температурой...; ж) притом, в 11-ом часу дня 1 апреля 2004 года... я заметил на лице и лбу головы судьи, председательствующего по данному уголовному делу, крупные пятна темно-красного цвета. Они свидетельство-

вали о резком волнении и возбуждении ее психики, а значит, о неудовлетворительном состоянии ее здоровья; и) я полностью (на 100%) уверен в том, что в начале 11-го часа дня 1 апреля 2004 года председательствующий судья по уголовному делу № 1-... практически был болен, нездоров; к) следовательно, в дневное время 1 апреля 2004 года его поведение было неадекватным. Это слово (неадекватность) этот судья часто применяет в его постановлениях; л) после окончания такого судебного заседания я попросил у секретаря судебного процесса объяснить мне причину наличия пятен темно-красного цвета на лице и лбу судьи. Однако секретарь судебного заседания сказала мне, что мне это показалось. Но я не верю такому ее ответу и прекратил вопросы о здоровье судьи 1 апреля 2004 года; м) в течение нескольких последних месяцев я постоянно обращал внимание на тяжелую одышку судьи при ее подъеме с 1-го на 3-й этаж (в ее кабинет) гор. суда; н) по н.в. я обеспокоен прогрессирующими заболеваниями судьи Д.Н.В., считаю важным, необходимым и целесообразным обратить особо пристальное внимание руководства С..кого городского, Московского областного судов на неопровержимые факты и обстоятельства явных признаков неоспоримых серьезных заболеваний такого судьи для проверки состояния ее здоровья с 1 июня 2003 года по н.в.»;

– в резолютивной части: «7. Учитывая вышеизложенное прошу: ...г) доложить руководству С...кого гор. суда, Московского обл. суда мои опасения, обеспокоенности прогрессирующими заболеваниями судьи Д.Н.В. в ...принятия срочного решения о проверке состояния ее здоровья с 1 июня 2003 года по н.в.; д) предложить Д.Н.В. пройти курс обследования в врачебно-трудовой экспертной комиссии – ВТЭК (в т.ч. с проверкой всех имеющихся в н.в. документов больницы, поликлиник, медицинских центров г. С., где этот судья наблюдался, обследовался, лечился) для определения состояния здоровья по н.в., т.к. вероятно, не исключено, что между 10–11 часами 1 апреля 2004 года у Д.Н.В. произошло эмоциональное расстройство психики, нервной системы, заболевание головного мозга. Результат – вынесение постановления от 1 апреля 2004 года об изменении меры пресечения подсудимому...».

Уголовное судопроизводство имеет своим назначением: 1) защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; 2) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ст. 6 УПК РФ).

В соответствии с принципом уголовного судопроизводства «Законность при производстве по уголовному делу» (ст. 7 УПК РФ) постановления судьи должны быть законными, обоснованными и мотивированными (ч. 4).

В соответствии с принципом уголовного судопроизводства «Право на обжалование процессуальных действий и решений» (ст. 19 УПК РФ) действия (бездействие) и решения суда могут быть обжалованы в порядке, установленном УПК РФ (ч. 1).

В ходе судебного разбирательства суд вправе избрать, изменить или отменить меру пресечения в отношении подсудимого. Решение суда о продлении срока содержания подсудимого под стражей может быть обжаловано в кассационном порядке. Обжалование не приостанавливает производство по уголовному делу (ч. 1 и 4 ст. 255 УПК РФ).

В уголовном судопроизводстве в кассационном порядке рассматриваются жалобы и представления на не вступившие в законную силу решения судов первой инстанции (см. ст. 354 УПК РФ).

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 375 УПК РФ кассационные жалоба или представление должны содержать доводы лица, подавшего жалобу или представление, с указанием оснований, предусмотренных ст. 379 УПК РФ.

Адвокат как профессиональный участник судопроизводства (лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе — см. ст. 1 и 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») обязан своими поступками укреплять веру в надежность такого общепризнанного способа защиты прав и свобод граждан, каковым является судебный способ защиты, что, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость оспаривания, в установленной уголовно-процессуальным законом форме, незаконных и необоснованных судебных решений, принятых по делу.

При этом в Кодексе профессиональной этики адвоката содержатся четкие нравственные ориентиры для соответствующего поведения: «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4); «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения» (п. 2 ст. 8); «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду» (ч. 1 ст. 12).

Квалификационная комиссия исходит из того, что, поскольку судопроизводство — это единый процесс, состоящий из последовательно сменяющих одна другую стадий (направленных на законное разрешение одного и того же дела), в каждой из которых действует законный состав суда, по отношению к которому все участники судопроизводства, включая адвокатов, обязаны проявлять уважение, то подача адвокатом-защитником кассационной жалобы (заявления (объяснения и ходатайства) об одобрении, поддержании жалобы подсудимого Ф.Н.А.) является участием в судопроизводстве в процессуальной форме, установленной законом для данной стадии.

Адвокат О. пояснил на заседании Комиссии, что он не знает, в подтверждение какого из предусмотренных законом кассационных поводов (оснований отмены или изменения судебного решения в кассационном порядке — ст. 379—383 УПК РФ) он указал в составленном им документе, направленном в Судебную коллегию по уголовным делам Московского областного суда, на обстоятельства, связанные с имеющимися, по мнению адвоката, у федерального судьи Д.Н.В. заболеваниями.

Квалификационная комиссия считает, что указания на обстоятельства, связанные с имеющимися, по мнению адвоката О., у федерального судьи Д.Н.В. заболеваниями, и просьбы о принятии руководством С...кого городского суда и Московского областного суда срочного решения о проверке состояния здоровья федерального судьи Д.Н.В. с 1 июня 2003 года по н.в., о предложении ей же пройти курс обследования во врачебно-трудовой экспертной комиссии — ВТЭК (в т.ч. с проверкой всех имеющихся в н.в. документов больницы, поликлиник, медицинских центров г. С., где этот судья наблюдался, обследовался, лечился) для определения состояния здоровья по н.в., включенные адвокатом О. в направленное им 19 апреля 2004 года в кассационную инстанцию заявление (от 16 апреля 2004 года, исх. № 178), не имеют при обращении в суд кассационной инстанции правового значения, являются заведомо лишними для юридического документа (кассационной жалобы, заявления о поддержке доводов кассационной жалобы подзащитного), *вопреки предписаниям п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката не свидетельствуют* о сохранении адвокатом О. при обжаловании постановления С...кого городского суда Московской области от 1 апреля 2004 года чести и достоинства, присущих профессии адвоката; о

соблюдении адвокатом О. при осуществлении профессиональной деятельности (участии в судопроизводстве) деловой манеры общения, норм уголовно-процессуального законодательства, проявлении им уважения к суду.

Между тем адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года, либо со дня обнаружения поступка адвоката, не считая времени болезни адвоката, нахождения в отпуске, прошло более шести месяцев (п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства (подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Днем обнаружения проступка адвоката О. следует считать 11 мая 2004 года – дату поступления частного определения Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27 апреля 2004 года в Адвокатскую палату г. Москвы. Соответственно, пресекательный шестимесячный срок, установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, должен был истечь 11 ноября 2004 года. Однако в материалах дисциплинарного производства имеются ксерокопии следующих листов нетрудоспособности:

- серии А № 000, выданного 6 сентября 2004 года медицинским учреждением № 1 г. Москвы, из которого следует, что с 6 по 14 сентября 2004 года (т.е. в течение девяти дней) О. болел;
- серии Б № 001, выданного 13 сентября 2004 года медицинским учреждением № 2 Москвы, из которого следует, что с 13 по 21 сентября 2004 года (т.е. в течение девяти дней) О. болел;
- серии В № 002, выданного 5 октября 2004 года медицинским учреждением № 3, из которого следует, что с 5 по 25 октября 2004 года (т.е. в течение 21 дня) О. болел;
- серии Г № 003, выданного 4 ноября 2004 года медицинским учреждением № 3, из которого следует, что с 5 по 12 ноября 2004 года (т.е. в течение восьми дней) О. болел.

Иных данных о временной нетрудоспособности адвоката О. либо нахождении его в отпуске в период с 11 мая 2004 года Квалификационной комиссии не представлено.

Таким образом, при исчислении пресекательного шестимесячного срока, установленного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката для применения мер дисциплинарной ответственности, не следует учитывать время болезни адвоката О. с 6 по 21 сентября, с 5 по 25 октября и с 5 по 12 ноября 2004 года, т.е. 45 дней. Указанный срок по настоящему дисциплинарному производству истечет 27 декабря 2004 года.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты

города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом О. п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при составлении и направлении 19 апреля 2004 года в Судебную коллегию по уголовным делам Московского областного суда документа, озаглавленного «Заявление (объяснение и ходатайство) об одобрении, поддержании жалобы подсудимого Ф.Н.А. от 4 апреля 2004 года, поданной в Судебную коллегию по уголовным делам Московского областного суда на постановление от 1 апреля 2004 года (в части замены меры пресечения названному подсудимому) С...кого федерального городского суда Московской обл.» (от 16 апреля 2004 года, исх. № 178, АК «...» КА «...»; на четырех листах).

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 80 адвокату О. объявлено замечание вследствие нарушения п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 111
по дисциплинарному производству в отношении адвоката А.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В частном постановлении по уголовному делу судья Б.Л.В. указывает, что в судебном заседании защиту несовершеннолетнего подсудимого М.В.В. осуществлял по соглашению адвокат филиала адвокатской консультации № 000 МРКА (г. Москва) А. (ордер № 487 от 4 декабря 2003 года).

10 марта 2004 года коллегией присяжных заседателей вынесен вердикт, обсуждение последствий которого в соответствии со ст. 347 УПК РФ было назначено на 11 марта 2004 года, о чем адвокат А. был должным образом извещен. Однако в судебное заседание 11 марта 2004 года адвокат не явился, направив в адрес суда телеграмму следующего содержания:

«связи заявлением подсудимого М., его представителя об отказе в моей защите оправдательным вердиктом, прошу обсудить его последствия в мое отсутствие полностью отказав удовлетворении исковых требований, освободив невиновного несения судебных издержек, поступив вещдоками в соответствии законом выражения искам высланных ваш адрес = адвокат А.».

Судья Б.Л.В. обращает внимание на то, что в судебном заседании 11 марта 2004 года законный представитель несовершеннолетнего подсудимого М.В.К. и сам подсудимый М.В.В. категорически отрицали факт расторжения соглашения с адвокатом А.

При выяснении причин неявки адвоката А. в судебное заседании, по телефону заведующим АК № 000 МРКА К. было сообщено, что адвокат А. выехал для проведения следственных действий в г. К.

В связи с неявкой адвоката, участие которого в судебном заседании в соответствии со ст. 51 УПК РФ является обязательным, судебное разбирательство было отложено на 15 марта 2004 года.

В очередном судебном заседании 15 марта 2004 года законный представитель несовершеннолетнего М.В.К., заявила о том, что соглашение с адвокатом А. было ими расторгнуто 10 марта 2004 года. Однако по сообщению заведующего АК № 000 МРКА К. по состоянию на 14 часов 5 минут 15 марта 2004 года официально соглашение рас-

торгнуто не было, в адвокатской консультации заявлений М.В.В. о расторжении соглашения на защиту с адвокатом А. не поступало.

Принимая во внимание, что подсудимый М.В.В. является несовершеннолетним, суд был вынужден в очередной раз отложить судебное разбирательство для обеспечения участия защитника.

И только в 17 часов 41 минуту 15 марта 2004 года уже после отложения судебного разбирательства, из адвокатской консультации № 000 г. Москвы в Московский областной суд по факсимильной почте поступили сведения о том, что в консультацию переданы заявления М.В.К., адресованные заведующему консультации К., датированные якобы 10 марта 2004 года о том, что она с сыном М.В.В. отказываются от дальнейших услуг адвоката А.

Изложенные обстоятельства в частном постановлении судьи Б.Л.В. свидетельствуют о том, что в период рассмотрения дела в суде ни 11 марта 2004 года, ни 15 марта 2004 года официально соглашение с адвокатом А. расторгнуто не было.

Судья Б.Л.В. считает, что фактически адвокат А. в нарушение требований ч. 7 ст. 49 УПК РФ, ст. 10, 13 Кодекса профессиональной этики адвоката не выполнил ранее принятое обязательство защищать несовершеннолетнего подсудимого М.В.В.

Судья Б.Л.В. просит Совет Адвокатской палаты г. Москвы привлечь к дисциплинарной ответственности адвоката филиала «Адвокатской консультации № 000» МРКА г. Москвы А.

Адвокат А. по поводу обстоятельств, изложенных в частном постановлении судьи Б.Л.В., указал, что им осуществлялась защита несовершеннолетнего М.В.В., который 10 марта 2004 года коллегией присяжных заседателей Московского областного суда единогласно был признан невиновным по ст. 105, 213 и 222 УК РФ.

Вечером 10 марта 2004 года его подсудимый вместе со своей матерью М.В.К. письменно отказались от его дальнейших услуг при обсуждении вердикта.

При этом М.В.В. и его мать передали адвокату письменное заявление о добровольном отказе от его услуг.

Адвокат А. уведомил по телефону заведующего «АК № 000» К. о письменном заявлении М.В.В. и его законного представителя, при этом сообщил, что он убыл в г. К. для участия в нескольких следственных действиях и фактически не имеет возможности до 15 марта 2004 года, т.е. в течение пяти дней прибыть в «АК № 000» и сдать заявление М.В.В. и его матери своему руководителю.

Только в 17 часов 15 марта 2004 года он приехал из Т...кой области и привез два заявления от своего доверителя.

Адвокат А. считает, что при обсуждении оправдательного вердикта присяжных заседателей участники процесса не представляют и не анализируют доказательства, вследствие чего даже неявка оправданного на обсуждение вердикта не является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства РФ.

Адвокат А. представил Квалификационной комиссии заявление М.В.К. и ее несовершеннолетнего сына на имя заведующего «АК № 000» МРКА г. Москвы К., где указано, что в связи с оправдательным вердиктом она желает расторгнуть соглашение на защиту М.В.В. с адвокатом А., которому она благодарна за помощь и защиту ее ребенка.

Адвокат А. просит Квалификационную комиссию отказать в удовлетворении просьбы судьи Б.Л.В. о привлечении его к дисциплинарной ответственности, так как не усматривает в своих действиях событие дисциплинарного проступка.

По мнению Комиссии, адвокат А., осуществляя защиту несовершеннолетнего М.В.В. после вынесения вердикта, обсуждение последствий которого в соответствии

со ст. 347 УПК РФ было назначено на 11 марта 2004 года, обязан был своевременно уведомить председательствующего судью Б.Л.В., а также своего заведующего, документально подтвердив добровольный отказ от его защиты М.В.В.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По мнению Комиссии, 11 марта 2004 года судебное заседание по уголовному делу несовершеннолетнего М.В.В. не состоялось по вине адвоката А., не явившегося в судебное заседание без уважительной причины, предложив суду продолжить судебные слушания в его отсутствие, т.е. не выполнил обязанность по защите подсудимого М.В.В.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом А. п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»).

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 81 адвокату А. объявлено замечание за нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 114
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

26 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

2 июля 2004 года Л...ский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи В.С.Е., судей К.Е.В., С. Ю.А., рассмотрев в закрытом судебном заседании уголовное дело в отношении Т.А.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 115, п. «в» ч. 3 ст. 132 УК, постановил обвинительный приговор. Одновременно судом было вынесено частное определение, в котором указано, что защиту Т.А.В. осуществляли адвокат Адвокатской конторы «А» Межрегиональной коллегии адвокатов С. и адвокат Адвокатской конторы «Б» Московской межрегиональной коллегии адвокатов Е. По мнению суда, изложенному в частном определении, при рассмотрении уголовного дела действия и поведение адвоката С. препятствовали нормальному ходу судебного разбирательства, защитник – адвокат С. неоднократно нарушал регламент судебного заседания, в ходе судебного разбирательства адвокату С. председательствующим было указано на недопустимость нарушения порядка в судебном заседании, кроме того, адвокатом С. было проявлено неуважение к суду, которое выразилось в некорректности высказываний и неподчинении распоряжениям председательствующего. Указанные факты дали суду основание полагать, что действия адвоката С. были направлены на срыв рассмотрения уголовного дела, а подобное поведение указанного адвоката является недопустимым для лица, осуществляющего профессиональную защиту, подрывают авторитет адвокатского корпуса,

а также свидетельствуют о неуважении к суду. Суд указал, что допущенное нарушение норм уголовно-процессуального закона является недопустимым и в целях недопущения впредь подобных нарушений уголовно-процессуального законодательства, руководствуясь ст. 29 УПК РФ, определил: обратить внимание Адвокатской палаты на допущенные нарушения норм уголовно-процессуального закона, о принятых мерах сообщить в Л...ский районный суд г. Москвы в установленный месячный срок.

Частное определение направлено в Адвокатскую палату г. Москвы с сопроводительным письмом федерального судьи Л...ского районного суда г. Москвы В.С.Е. от 2 июля 2004 года № 11 (вх. № 1813 от 19 июля 2004 года).

К сопроводительному письму приложена (помимо частного определения) выписка из протокола судебного заседания Л...ского районного суда г. Москвы от 1–2 июля 2004 года по уголовному делу № 1-.../... в которой воспроизведены следующие фрагменты этого судебного заседания:

1) «...ходатайство защитника-адвоката С.:

– *прошу суд истребовать из поликлиники амбулаторную карту Ч.Д., вызвать в судебное заседание для дачи показаний по проведенной экспертизе эксперта бюро СМЭ Департамента здравоохранения г. Москвы Р.Л.В.*

Председательствующий уточняет у защитника-адвоката С., в качестве кого защита ходатайствует допросить Р.Л.В., и обеспечена ли ее явка в суд, и предлагает защите обосновать заявленное ходатайство.

Защитник-адвокат С.:

– *в качестве кого хотите, хоть в качестве эксперта, хоть в качестве свидетеля, в настоящее судебное заседание явка Р.Л.В. не обеспечена, прошу суд отложить слушание дела.*

Суд делает замечание защитнику-адвокату С. и обращает его внимание на некорректное поведение и недопустимость нарушения порядка в судебном заседании...»;

2) «...ходатайство защитника-адвоката С.:

– *прошу суд вызвать в судебное заседание для дачи показаний зав. гинекологического отделения ...ской больницы, проводившего 13 марта 2004 года осмотр Ч.С.А.*

Председательствующий уточняет у защитника-адвоката С., в качестве кого защита просит допросить зав. гинекологического отделения больницы № 1, и обеспечена ли ее явка в настоящее судебное заседание, и предлагает защите обосновать заявленное ходатайство в соответствии с нормами действующего законодательства.

Защитник-адвокат С.:

– *там все указано, Вы что, читать не умеете, в настоящее судебное заседание ее явка не обеспечена, а в УПК все написано, сами почитайте.*

Суд повторно делает замечание защитнику-адвокату С. и обращает его внимание на недопустимость такого поведения...»;

3) «...защитник адвокат С. в адрес состава суда:

– *“Да успокойтесь Вы уже!”.*

Председательствующий повторно указывает защитнику-адвокату С. на недопустимость высказывания замечаний в адрес состава суда.

Защитник-адвокат С.:

– *“Я всем вправе делать замечания“...»;*

4) «...реплика защитника-адвоката С.:

– *“Я на Вас жалобу напишу, Вы нарушаете закон, я не вижу никакой объективности”.*

Суд повторно делает замечание защитнику-адвокату С. за нетактичное поведение и за нарушение порядка в судебном заседании.

Защитник-адвокат С.:

— *“Да молчите о нетактичности, Вы сами все”...».*

21 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в частном определении Л...ского районного суда г. Москвы от 2 июля 2004 года, указал, что 1 и 2 июля 2004 года он осуществлял защиту Т.А.В. в Л...ском районном суде г. Москвы; в целях объективного рассмотрения уголовного дела адвокатом был подготовлен и заявлен в судебном заседании ряд ходатайств, которые были поддержаны подзащитным и другим адвокатом; все ходатайства (письменные и устные) адвокатом С. заявлялись в соответствии с нормами УПК РФ, а защита строилась в соответствии с Конституцией РФ, где сказано, что ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден. Однако, с точки зрения адвоката С., суд по каким-то причинам отошел от этого требования Конституции РФ, в связи с чем адвокат считает, что осуждение Т.А.В. является судебной ошибкой. Адвокат предполагает, что, возможно, в связи с тем, что им предпринимались все предусмотренные законом меры для защиты Т.А.В., в чьей невиновности адвокат не сомневается, а суд имел по этому вопросу другое мнение, суд и обратился в Адвокатскую палату. Адвокат отмечает, что никаких высказываний в адрес суда, каким-то образом ущемляющих его достоинство, он не допускал, поэтому полагает, что обращение суда в Адвокатскую палату г. Москвы основывается на эмоциях, а не на каких-либо фактах. Тем не менее адвокат не снимает с себя никакой ответственности и обязуется впредь осуществлять свою адвокатскую деятельность в соответствии с нормами действующего законодательства и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 26 ноября 2004 года, адвокат С. подтвердил доводы, изложенные в его письменном объяснении, дополнительно указав, что его поведение в судебном заседании Л...ского районного суда г. Москвы 1–2 июля 2004 года соответствовало, по его мнению, требованиям уголовно-процессуального законодательства и адвокатской этики. Обращение суда с частным определением в Адвокатскую палату г. Москвы — это месть адвокату за то, что он последовательно и настойчиво защищал невиновного. Адвокат С. уверен, что был осужден невиновный (Т.А.В. — Прим. Комиссии). С протоколом судебного заседания от 1–2 июля 2004 года (*выписка из которого приложена к сопроводительному письму и частному определению суда. — Прим. Комиссии*) адвокат С. ознакомился и принес замечания на протокол в части, касающейся его подзащитного Т.А.В. В части же, касающейся правильности отражения в протоколе судебного заседания ходатайств и реплик адвоката С., последний замечания не подавал, считает, что пусть все неправильности в этой части останутся на совести суда (*дословно: «Пусть это останется на их совести».* — Прим. Комиссии).

Выслушав объяснения адвоката С., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы частного определения Л...ского районного суда г. Москвы от 2 июля 2004 года, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), в соответствии с которым «адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4 Кодекса); «при осуществлении профессиональной деятельности адвокат соблюдает деловую манеру общения» (п. 2 ст. 8 Кодекса); «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду», «возражая против действий судей, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом» (ст. 12 Кодекса).

Заявитель в подтверждение своих доводов ссылается на письменное доказательство – протокол судебного заседания Л...ского районного суда г. Москвы от 1–2 июля 2004 года по уголовному делу № 1-.../..., надлежащим образом заверенная выписка из которого представлена Комиссии.

Протокол судебного заседания допускается в качестве доказательства (ст. 83 УПК РФ). Отсутствие в материалах уголовного дела протокола судебного заседания является безусловным основанием к отмене приговора вышестоящей судебной инстанцией и направлению уголовного дела на новое рассмотрение (п. 11 ч. 2 ст. 381 УПК РФ).

Учитывая столь важное процессуальное значение протокола судебного заседания, наступление серьезных процессуальных последствий при выявлении недостатков протокола либо при его полном отсутствии, законодатель устанавливает ряд правил составления протокола судебного заседания (ст. 259, 260 УПК РФ). Возражения любого участника судебного разбирательства против действий председательствующего заносятся в протокол судебного заседания (ч. 3 ст. 243 УПК РФ).

В целях обеспечения полноты и правильности записей в протоколе судебного заседания, исправления допущенных в нем ошибок и неточностей законодатель наделил стороны правом знакомиться с протоколом и, при необходимости, приносить на него замечания (ч. 6 и 7 ст. 259, ч. 1 ст. 260 УПК РФ). Адвокат С. данным правом воспользовался, копию поданных им замечаний от 14 июля 2004 года приложил к своему письменному объяснению, имеющемуся в материалах дисциплинарного производства. Как пояснил Комиссии адвокат, он принес замечания на протокол в части, касающейся его подзащитного Т.А.В., а в части, касающейся правильности отражения в протоколе судебного заседания ходатайств и реплик адвоката С., замечания не подавал, оставив все неправильности «на совести» суда. Комиссия считает, что указанным бездействием адвокат С. лишил себя законной возможности оспаривать в ходе дисциплинарного производства обоснованность доводов заявителя ссылками на важное письменное доказательство.

На основании представленных сторонами дисциплинарного производства доказательств Квалификационная комиссия считает установленным, что 1–2 июля 2004 года при рассмотрении Л...ким районным судом г. Москвы с участием адвоката-защитника С. уголовного дела № 1-.../... в отношении подсудимого Т.А.В. адвокат С., заявляя в судебном заседании ходатайства об исследовании дополнительных доказательств и высказывая свое мнение по обсуждавшимся в судебном заседании вопросам, использовал, в том числе, следующие фразы:

а) на предложение председательствующего уточнить, в качестве кого защита ходатайствует допросить Р.С.П. адвокат ответил: *«В качестве кого хотите, хоть в качестве эксперта, хоть в качестве свидетеля...»;*

б) на предложение председательствующего уточнить, в качестве кого защита ходатайствует допросить зав. гинекологического отделения больницы № 1, а также обосновать заявленное, в письменной форме ходатайство в соответствии с нормами

действующего законодательства адвокат ответил: *«Там [в ходатайстве] все указано, Вы что, читать не умеете... в УПК все написано, сами почитайте»;*

в) обращаясь к суду адвокат сказал: *«Да успокойтесь Вы уже!»*, — а после сделанного председательствующим замечания адвокат пояснил суду: *«Я всем вправе делать замечания»;*

г) на сделанное судом замечание за нетактичное поведение и нарушение порядка в судебном заседании адвокат ответил: *«Да молчите о нетактичности, Вы сами все».*

Квалификационная комиссия соглашается с содержащимся в частном определении утверждением заявителя о том, что адвокатом С. было проявлено неуважение к суду, которое выразилось в некорректности высказываний и неподчинении распоряжениям председательствующего, что подобное поведение адвоката является недопустимым для лица, осуществляющего профессиональную защиту, подрывает авторитет адвокатского корпуса.

Адвокат как профессиональный участник уголовного судопроизводства (лицо, оказывающее квалифицированную юридическую помощь на профессиональной основе — см. ст. 1 и 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ») обязан своими поступками укреплять веру в надежность такого общепризнанного способа защиты прав и свобод граждан, каковым является судебный способ защиты, что, однако, не исключает, а, наоборот, предполагает необходимость оспаривания, но в корректной форме, незаконных действий (бездействия) суда первой инстанции при рассмотрении уголовного дела и принятых по делу решений. При этом в п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8, ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката содержатся четкие нравственные ориентиры для соответствующего поведения адвоката.

Квалификационная комиссия считает, что поведение адвоката С. в заседании Л...ского районного суда г. Москвы 1–2 июля 2004 года при осуществлении защиты подсудимого Т.А.В. по уголовному делу № 1-.../... выразившееся в заявлении ходатайств об исследовании дополнительных доказательств и высказывании своего мнения по обсуждавшимся в судебном заседании вопросам с использованием приведенных выше (см. п. а–г) фраз (выражений) *не свидетельствует вопреки предписаниям п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката* о сохранении адвокатом С. при осуществлении защиты Т.А.В. чести и достоинства, присущих профессии адвоката; о соблюдении адвокатом С. при осуществлении профессиональной деятельности (участии в уголовном судопроизводстве в качестве защитника) деловой манеры общения, норм уголовно-процессуального законодательства, проявлении им уважения к суду, возражении против действий судей в корректной форме и в соответствии с законом.

Между тем адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты го-

рода Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом С. п. 1 ст. 4, п. 2 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката при заявлении ходатайств об исследовании дополнительных доказательств и высказывании своего мнения по обсуждавшимся в судебном заседании вопросам в ходе осуществления защиты подсудимого Т.А.В. по уголовному делу № 1-.../... в Л...ском районном суде г. Москвы 1–2 июля 2004 года.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 86 адвокату С. объявлено замечание вследствие нарушения адвокатом п. 1 ст. 4, п. 1 ст. 8 и ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 118
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Н.**

26 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

На заседание Комиссии приглашался адвокат Н. Как следует из сообщения почты, телеграмма доставлена не была, так как квартира закрыта и адресат по извещению за телеграммой не является. По домашнему телефону близкие адвоката отказывались передать ему сообщение.

Квалификационная комиссия сочла причину неявки на заседание неуважительной и сочла возможным рассмотреть дисциплинарный материал в отсутствие адвоката Н.

Квалификационная комиссия, изучив имеющиеся материалы, обращение федерального судьи Ш.М.Ю., установила следующее.

Адвокат Н. избрал организационно-правовой формой своей профессиональной деятельности адвокатский кабинет.

29 июня 2004 года адвокат Н. получил ордер № 37 на ведение дела С.И.П. в Т...ком районном суде г. Москвы. Основанием получения ордера являлось соглашение № 37-гр от 8 июня 2004 года. Адвокат Н. принял поручение на представление интересов С.И.П. по иску последнего о восстановлении на работе. Дело было назначено слушанием на 5 июля 2004 года.

Из копии приказа № 01-л от 28 июня 2004 года видно, что адвокат Н. предоставил себе ежегодный оплачиваемый отпуск на 28 календарных дней с 1 июля 2004 года по 28 июля 2004 года.

30 июня 2004 года адвокат Н. своим заявлением известил суд о невозможности своего присутствия в качестве представителя С.И.П. в судебном заседании 5 июля 2004 года и просил дело слушанием отложить до своего возвращения из отпуска.

Федеральный судья Ш.М.Ю. сообщила, что истец, явившийся в суд, отказался слушать дело в отсутствие своего адвоката. Судья считает, что адвокат пренебрег интересами своего клиента, не обеспечил защиту его интересов в суде. Судья просит рассмотреть ее письмо и принять соответствующие меры.

В письменных объяснениях адвокат Н. подтвердил все вышеизложенное.

Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат Н., зная, что 1 июля 2004 года уходит в отпуск и не сможет 5 июля 2004 года присутствовать в судебном заседании по делу С.И.П., не должен был принимать на этот день поручение на представление его интересов, выписывать ордер 29 июня 2004 года в Т...кой районный суд г. Москвы, поскольку выполнению принятого пору-

чения препятствовало нахождение адвоката Н. в этот период в отпуске, о чем он знал заранее.

Поскольку ст. 396 ТК РФ предусматривает, что решение о восстановлении на работе подлежит немедленному исполнению, что на следующий день после вынесения такого решения работодатель обязан издать приказ о восстановлении работника на работе в соответствии с вынесенным решением и допустить работника к прежней работе, оплатив ему время вынужденного прогула, действия адвоката лишили его доверителя возможности реализовать такие права, установленные законом в кратчайшие сроки.

Квалификационная комиссия приходит к заключению, что адвокат Н. не должен был принимать поручение на представление интересов С.И.П. на 5 июля 2004 года, поскольку в этот период времени не мог выполнить это поручение из-за нахождения в отпуске, о чем ему было заведомо известно.

Исходя из изложенного, руководствуясь п. 2 ст. 7 и п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Квалификационная комиссия приходит к заключению, что в вышеперечисленных действиях адвоката Н. содержатся признаки дисциплинарного проступка, так как своими действиями он нарушил требования подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 84 адвокату Н. объявлено предупреждение вследствие нарушения подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 122
по дисциплинарному производству в отношении адвоката М.**

10 декабря 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Гражданка П.Л.И. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (заявлением; вх. № 1905 от 27 июля 2004 года), указав, что ее сын П.С.А., 1972 г.р., осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ; когда дело было передано в Ч...ский суд, ею от имени ее сына был заключен в устной форме договор о защите с адвокатом Московской коллегии адвокатов М.; когда П.Л.И. попросила письменного подтверждения, адвокат сказал ей, что можно в устной форме, убедив ее в своей честности и порядочности. П.Л.И. поверила адвокату; последний вступил в дело в конце ноября, 26 числа, 2003 года, попросив за работу (посещение изолятора, ознакомление с делом, работа в суде) 7 000 долларов США. П.Л.И. до суда, занимая у друзей и родных, по частям выплатила эту сумму. П.С.А. писал жалобы в Ч...скую, Московскую городскую, Генеральную прокуратуры до суда о своей непричастности к преступлению. Судебное заседание было назначено на 16 февраля 2004 года; оно проходило в течение четырех дней. Суд вынес приговор — 11 лет строгого режима. Адвокат успокоил П.Л.И., сказав, что в ходе судебного расследования вина П.С.А. не была доказана, но суд опирается на материалы предварительного следствия; предложил работать дальше до Верховного Суда, если ему заплатят еще 10 000 долларов США. В общей сумме до кассационной инстанции П.Л.И. выплатила адвокату 15 000 долларов США. Адвокат не писал кассационную жалобу, объяснив П.Л.И., что это не обязательно, что достаточно его выступления в Московском городском суде в кассационной инстанции. П.С.А. *(осужденный. — Прим. Комис-*

сии) написал жалобу в кассационную инстанцию. П.Л.И. присутствовала на заседании суда кассационной инстанции. Она указывает в жалобе, что, хотя, конечно, она не специалист в этой области, но явно было видно, что адвокат был неподготовлен, говорил неуверенно. Когда П.Л.И. сказала об этом адвокату, он объяснил ей, что в самый последний момент были заменены судьи. Кассационная инстанция приговор оставила без изменения. После заседания адвокат винил П.С.А. в том, что он очень мягко написал от себя жалобу, что плохо говорил, отвечая на вопросы суда. Кассация была назначена на 9 июня 2004 года. После кассационной инстанции адвокат попросил оставшиеся деньги. Когда П.Л.И. попросила его отчитаться о проделанной работе, он ей ответил, что кто она такая, что он будет перед ней отчитываться. После кассации П.Л.И. отказалась от услуг адвоката М. Она попросила вернуть часть денег, так как устная договоренность была до Верховного Суда, включая работу в суде, но адвокат отказался, сказав, что он потратил много сил и нервов, работая по этому делу, и что еще надо доказать, что П.Л.И. выплатила адвокату эту сумму денег. П.Л.И. указывает, что она несколько раз обращалась к адвокату по телефону, встречалась с ним в изоляторе; подтвердить, что она платила деньги, могут ее друзья Ю.М.Ю. и Б.И.И.; она продала свою квартиру, чтобы расплатиться с долгами, сделка купли-продажи состоялась 16 марта 2004 года, в настоящее время заявительница прописана и живет у сына. П.Л.И. просит оказать помощь по возврату денег; по результату работы адвоката она считает, что он должен вернуть ей 10 000 долларов США.

28 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменном заявлении в Адвокатскую палату г. Москвы от 9 сентября 2004 года (вх. № 2210 от 10 сентября 2004 года) адвокат М. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе (заявлении) П.Л.И., указал, что П.Л.И. написала в Адвокатскую палату г. Москвы клеветническое заявление, которое не соответствует реальной картине. Он честно и добросовестно защищал П.С.А. (ч. 1 ст. 105 УК) и в Ч...ском суде и в городском суде (кассационная жалоба). Судья Р. отказала в ходатайстве о проведении П.С.А. стационарной психиатрической экспертизы. После чего П.Л.И. стала угрожать адвокату; взяла другого адвоката. Адвокат М. просит принять меры к П.Л.И. и оградить его от злобных нападок.

В письменной жалобе от 21 сентября 2004 года, принятой в приемной Администрации Президента РФ (вх. № 321842 от 22 сентября 2004 года) и направленной в Адвокатскую палату г. Москвы из Главного управления Минюста РФ по г. Москве с сопроводительным письмом от 5 октября 2004 года № 3-5/31911-04 (вх. № 2489 от 18 октября 2004 года), адвокат М. указал, что он защищал в качестве адвоката П.С.А. в Ч...ском суде (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Судья Р. отклонила П.С.А. ходатайство о проведении стационарной психолого-психиатрической экспертизы, после чего П.Л.И. (родительница) закатила адвокату истерику и стала ему угрожать. Стало известно, что П.Л.И. написала на адвоката клеветническое заявление в Палату адвокатов г. Москвы. Адвокат честно и добросовестно защищал в суде П.С.А., выступал с кассационной жалобой в городском суде; никаких денег он у П.Л.И. не брал, защищал П.С.А. бесплатно. П.Л.И. в настоящее время занимается клеветой и вымогательством. П.Л.И. отказывалась ранее подписывать соглашение. Адвокат М. просит Президента России В.В. Путина привлечь П.Л.И. к ответственности за ее клеветническое заявление и вымогательство.

В письменном заявлении в Адвокатскую палату г. Москвы от 27 сентября 2004 года адвокат М. указал, что П.Л.И. пишет надуманное заявление, которое не соответствует действительности; все заявление в отношении него – ложь. Он просит привлечь П.Л.И. к ответственности за вымогательство (ст. 163 УК РФ); указывает, что он честно и добросовестно защищал интересы П.С.А. (ее сына); до адвоката М. у П.Л.И. были три адвоката по делу; соглашение не заключалось. В судебном следствии адвокат М. участвовал по просьбе П.Л.И. по поводу проведения П.С.А. стационарной психиатрической экспертизы. Судья Р. отклонила ходатайство, после чего П.Л.И. стала угрожать адвокату. П.Л.И. не хотела заключать соглашение; никаких денег адвокат у П.Л.И. не брал.

В письменной жалобе от 6 октября 2004 года, принятой в приемной Администрации Президента РФ (вх. № 336070 от 6 октября 2004 года) и направленной в Адвокатскую палату г. Москвы из Главного управления Минюста РФ по г. Москве с сопроводительным письмом от 19 октября 2004 года № 3-5/33268-04 (вх. № 2535 от 26 октября 2004 года), адвокат М. указал, что Палата адвокатов г. Москвы крайне необъективно рассматривает его доводы, необоснованно взяла у него объяснения по ложному заявлению П.Л.И., все заявление П.Л.И. лживое, клеветническое; более того, П.Л.И. постоянно угрожает адвокату по телефону. Палата адвокатов г. Москвы не желает слушать позицию адвоката по делу П.С.А., которое адвокат вел в Ч...ском суде в качестве адвоката честно и добросовестно. Адвокат М. указывает, что ему непонятно заявление П.Л.И. в Палату адвокатов; Палата адвокатов необоснованно взяла заявление у П.Л.И., которая занимается ложью. Он просит Президента России В.В. Путина помочь в данном вопросе и принять меры к П.Л.И. и оградить его от злобных нападок.

В ходе подготовки к рассмотрению дисциплинарного производства Квалификационной комиссией были истребованы и приобщены к материалам дисциплинарного производства следующие документы:

– из «...Московской коллегии адвокатов» – сообщение председателя Коллегии В.Р.Д., из которого следует, что в реестре договоров за 2003 года в НП «...Московская коллегия адвокатов» не числятся договоры, заключенные адвокатом М. с доверителем П.Л.И. на представление интересов ее сына П.С.А. по уголовному делу; согласно реестру и корешкам выданных НП «...Московская коллегия адвокатов» адвокатам Коллегии ордеров значителен ордер за № 63/15/12, выданный 15 декабря 2003 года адвокату М. на представление интересов П.С.А. по уголовному делу; в корешке ордера в качестве основания его выдачи какое-либо соглашение или договор не указаны; ксерокопия корешка ордера приложена к сообщению председателя Коллегии адвокатов;

– из материалов уголовного дела, хранящегося в архиве Ч...ского районного суда г. Москвы, – ксерокопии кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Мосгорсуда от 9 июня 2004 года по делу П.С.А.; ксерокопии ордеров от 15 декабря 2003 года и 5 апреля 2004 года, выданных адвокату М. «...Московской коллегией адвокатов» на защиту П.С.А., соответственно, в судах первой и кассационной инстанций. В обоих ордерах, в графе «Основание выдачи ордера», вписано слово «соглашение».

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 10 декабря 2004 года, заявительница П.Л.И. подтвердила доводы, изложенные в ее письменном заявлении от 21 июля 2004 года, уточнив, что адвокат М. вступил в дело за месяц до суда, он ознакомился с делом; от помощи первых двух адвокатов, приглашавшихся ею для защиты сына, заявительница отказалась; за работу в Ч...ском районном суде г. Москвы она заплатила адвокату М. 7 000 долларов США; деньги она платила адвокату за

изучение дела, за работу в Ч...ском районном суде г. Москвы, за посещение сына в следственном изоляторе, за работу в кассационной инстанции; напрямую адвокат ничего доверительнице не обещал; после вынесения судом обвинительного приговора адвокат сказал ей, что нужно идти дальше, что эта работа будет стоить дополнительно 10 000 долларов США; помимо 7 000 долларов США она смогла заплатить адвокату еще 8 000 долларов США; таким образом, всего заплатила адвокату 15 000 долларов США и просит обязать адвоката вернуть ей 10 000 долларов США, поскольку эту часть гонорара он не отработал; расписок и квитанций от адвоката о получении им денег у заявительницы нет, потому что адвокат сказал ей, что они работают на доверии; адвокат не написал кассационную жалобу, он просто выступал в Мосгорсуде по жалобе ее сына П.С.А.; в письменной форме соглашение с адвокатом заявительница не заключала, так как адвокат сказал ей, что можно и в устной форме, соглашение было устное; после рассмотрения Мосгорсудом кассационной жалобы П.С.А. заявительница попросила адвоката вернуть часть денег, так как она ему платила согласно устной договоренности, не только за выступление в кассации, но и за ведение дела в Президиуме Мосгорсуда и Верховном Суде России; после рассмотрения Мосгорсудом кассационной жалобы она попросила адвоката отчитаться о том, на что пошли деньги, она хотела, чтобы адвокат конкретизировал стоимость каждого вида проделанной им работы, но адвокат отказал в предоставлении отчета, сказал, что он не обязан перед ней отчитываться.

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 10 декабря 2004 года, адвокат М. подтвердил доводы, изложенные в двух его письменных заявлениях в Адвокатскую палату г. Москвы и двух жалобах на имя Президента России В.В. Путина, дополнительно указав, что он настаивал на проведении подзащитному П.С.А. стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы, поскольку, по мнению адвоката, это был единственный способ повлиять на вынесение по делу законного решения; после того, как судья Р. отказала в удовлетворении этого ходатайства, адвокат заявил отвод составу суда, но в удовлетворении заявления об отводе было отказано; тогда адвокат вновь заявил ходатайство о проведении П.С.А. стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы, однако в удовлетворении ходатайства суд снова отказал, мотивированные ходатайства адвокат заявлял в письменной форме; в прениях адвокат вновь просил о проведении П.С.А. стационарной судебной психолого-психиатрической экспертизы, а в просительном пункте речи попросил суд оправдать П.С.А. за непричастностью к совершению преступления; после вынесения приговора адвокат встречался с осужденным П.С.А. в следственном изоляторе и помог ему написать кассационную жалобу, при этом адвокат указал, что он не мог сам написать кассационную жалобу, потому что для обоснования непричастности П.С.А. к совершению преступления требовалось, с точки зрения адвоката, указать на причастность к совершению убийства близкого П.С.А. человека, однако П.С.А. на свидании в следственном изоляторе запретил адвокату использовать этот довод в целях защиты; адвокат обращает внимание на то, что он не имел права пойти против воли своего подзащитного, и они договорились, что адвокат поможет П.С.А. написать кассационную жалобу и выступит в Мосгорсуде в поддержку ее доводов; П.С.А. в кассационной жалобе не сослался на причастность близкого ему человека к убийству; адвокат хотел представить П.Л.И. отчет, но она отказалась от его помощи, обратилась к другому адвокату, о проделанной работе адвокат М. отчитался перед П.Л.И. в устной форме; его работа П.Л.И. никогда никак не оплачивалась, денег он от П.Л.И. не получал, заявительница попросила адвоката помочь сыну, сказала, что парень страдает от последствий черепно-мозговых травм, адвокат решил помочь из

добрых начал, он считал, что необходимо назначить и провести судебную психолого-психиатрическую экспертизу, а после этого решить вопрос о заключении соглашения, при этом адвокат рассчитывал получить гонорар за осуществление защиты П.С.А.

Адвокат М. отказался отвечать на вопрос Комиссии о том, почему в ордере от 15 декабря 2003 года на осуществление защиты П.С.А. в Ч...ском районном суде г. Москвы, имеющемся в материалах уголовного дела, в графе «Основание выдачи ордера», вписано «соглашение», а в корешке этого же ордера, хранящемся в «...Московской коллегии адвокатов», в графе «Основание выдачи ордера» ничего не указано.

Адвокат М. отказался дополнительно ознакомиться с истребованными Комиссией и приобщенными к материалам дисциплинарного производства копиями ордеров адвоката М. от 15 декабря 2003 года и 5 апреля 2004 года на осуществление защиты П.С.А., соответственно, в Ч...ском районном суде г. Москвы и в кассационной инстанции Мосгорсуда, копией корешка ордера от 15 декабря 2003 года и копией кассационного определения от 9 июня 2004 года, пояснил, что он не думал, что в Квалификационной комиссии «будет такое тщательное разбирательство», и заявил ходатайство об отложении рассмотрения материалов дисциплинарного производства, мотивировав это тем, что ему нужно уточнить обстоятельства, подготовиться, пригласить адвоката-представителя. Рассмотрев заявленное адвокатом М. ходатайство, обсудив его доводы, Квалификационная комиссия нашла ходатайство необоснованным и отказала в его удовлетворении мотивированным постановлением, занесенным в протокол заседания Комиссии.

Выслушав объяснения заявительницы П.Л.И., адвоката М., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы (заявления) доверительницы адвоката гражданки П.Л.И. от 21 июля 2004 года, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Заявительница П.Л.И. — доверитель адвоката М. — утверждает, что она в устной форме заключила с адвокатом соглашение об оказании юридической помощи ее сыну П.С.А. (*назначенное лицо. — Прим. Комиссии*) при рассмотрении судами Российской Федерации уголовного дела по обвинению П.С.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Она пояснила также, что во исполнение указанного соглашения адвокатом М. выполнялась работа по уголовному делу: изучение материалов дела, посещение П.С.А. в следственном изоляторе, участие в судебных заседаниях в Ч...ском районном суде г. Москвы и в кассационной инстанции Мосгорсуда. Заключение соглашения об оказании юридической помощи в устной форме П.Л.И. объясняет соответствующим разъяснением, полученным ею от адвоката М.

Адвокат М. отрицает факт заключения им соглашения с П.Л.И. на защиту ее сына П.С.А., указывает, что защищал его без заключения соглашения — «решил помочь из добрых начал», адвокат указал, что он считал, что необходимо назначить и провести судебную психолого-психиатрическую экспертизу, а после этого решить вопрос о заключении соглашения.

С указанными объяснениями адвоката М. Квалификационная комиссия согласиться не может, считает их надуманными, поскольку они противоречат однозначным предписаниям действующего законодательства, которые различают два правовых основания для вступления адвоката в уголовное дело в качестве защитника — заключение соглашения с доверителем (на защиту доверителя или назначенного им лица) или назначение по требованию органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда (см. подп. 2 п. 1 ст. 7, ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 50—51 УПК РФ).

Из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств не следует, что Ч...ский районный суд г. Москвы обращался в «...Московскую коллегия адвокатов» с требованием о назначении защитника подсудимому П.С.А. Назначение же осужденному защитника для представления его интересов в кассационной инстанции действующим уголовно-процессуальным законодательством вообще не предусмотрено. Защиту в кассационной инстанции осужденные осуществляют либо лично, либо с помощью приглашенного ими или третьими лицами (например родственниками) адвоката.

Адвокатом М. в «...Московской коллегии адвокатов» 15 декабря 2003 года и 5 апреля 2004 года были получены ордера на защиту П.С.А. в судах первой и кассационной инстанций, которые затем были адвокатом представлены соответственно в Ч...ский районный суд г. Москвы и Судебную коллегия по уголовным делам Мосгорсуда; ордера адвоката приобщены судами к материалам уголовного дела. В указанных ордерах, заполненных адвокатом М. собственноручно, в графе «Основание выдачи ордера», вписано слово «соглашение».

Приведенные доказательства подтверждают, по мнению Комиссии, объяснения П.Л.И. о том, что защиту ее сына П.С.А. адвокат М. осуществлял на основании соглашения с доверителем, заключенного в устной форме.

Квалификационная комиссия отмечает, что заключение соглашения между адвокатом и доверителем не в простой письменной, а в устной форме противоречит предписанию ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Однако в соответствии с п. 1 и 2 ст. 162 («Последствия несоблюдения простой письменной формы сделки») ГК РФ несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права в случае спора ссылаться в подтверждение сделки и ее условий на свидетельские показания, но не лишает их права приводить письменные и другие доказательства; несоблюдение простой письменной формы сделки влечет ее недействительность лишь в случаях, прямо указанных в законе или в соглашении сторон (применительно к соглашению об оказании юридической помощи такое указание в законе отсутствует).

В силу ст. 1, 2, подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката на адвокате как лице, оказывающем на профессиональной основе квалифицированную юридическую помощь, лежит обязанность осуществлять адвокатскую деятельность в строгом соответствии с предписаниями законодательства Российской Федерации, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

По мнению Комиссии, надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителями предполагает не только оказание им квалифицированной юридической помощи, но и оформление договорных правоотношений с доверителями в строгом соответствии с законом.

Квалификационная комиссия считает, что, заключив с доверителем П.Л.И. соглашение об оказании юридической помощи (защите назначенного доверителем лица П.С.А.) при рассмотрении судами Российской Федерации уголовного дела по обвинению П.С.А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, в устной форме, адвокат М. нарушил прямое предписание ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что свидетельствует об исполнении им своих обязанностей перед доверителем П.Л.И. ненадлежащим образом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

П.Л.И. утверждает, что в соответствии с условиями соглашения об оказании юридической помощи, заключенного ею с адвокатом М. в устной форме, она заплатила адвокату аванс 15 000 долларов США. При этом заявительница не отрицает, что адвокатом во исполнение условий соглашения была проделана определенная работа, направленная на защиту П.С.А. от предъявленного ему обвинения. Ее требование обязать адвоката М. вернуть часть гонорара (10 000 долларов США) связано с претензиями к качеству работы адвоката в суде кассационной инстанции и нежеланием продолжения этим адвокатом защиты ее сына в судах надзорной инстанции.

Адвокат М. указал, что он рассчитывал получить гонорар за осуществление защиты П.С.А., однако его работа П.Л.И. никогда никак не оплачивалась, денег он от П.Л.И. не получал.

В этой связи Квалификационная комиссия считает необходимым отметить, что вопрос о соразмерности оплаты труда адвоката фактически выполненной им работе не входит в предмет дисциплинарного производства, не относится к компетенции дисциплинарных органов Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, а подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции в порядке искового производства.

При доказывании как факта оплаты юридической помощи, оказанной адвокатом М. обвиняемому П.С.А. по соглашению, заключенному в устной форме, так и размера выплаченного адвокату гонорара П.Л.И. следует иметь в виду, что при заключении указанного соглашения в устной форме не только адвокатом М., но и ею как участником гражданского правоотношения были нарушены требования п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», что в соответствии с цитировавшимся выше п. 1 ст. 162 ГК РФ лишает ее права при рассмотрении споров в юрисдикционных органах ссылаться в подтверждение условий сделки на свидетельские показания, но не лишает права приводить письменные и другие доказательства, каковые Квалификационной комиссии представлены заявительницей не были.

В письменном заявлении, поданном в Адвокатскую палату г. Москвы 21 июля 2004 года, П.Л.И. указала, что, когда она попросила адвоката М. отчитаться о проделанной работе, он ей ответил, что «кто она такая, что он будет перед ней отчитываться». Давая объяснения на заседании Комиссии, П.Л.И. уточнила, что после рассмотрения Мосгорсудом кассационной жалобы П.С.А. она попросила адвоката отчитаться о том, на что пошли деньги, она хотела, чтобы адвокат конкретизировал стоимость каждого вида проделанной им работы, но адвокат отказал в предоставлении отчета, сказал, что он не обязан перед ней отчитываться.

В этой связи адвокат М. пояснил Комиссии, что он хотел представить П.Л.И. отчет, но она отказалась от его помощи, обратилась к другому адвокату; о проделанной работе адвокат М. отчитался перед П.Л.И. в устной форме.

По мнению Комиссии, надлежащее исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителями предполагает предоставление доверителю, по требованию последнего (либо в соответствии с условиями соглашения об оказании юридической помощи – периодически) отчета о проделанной адвокатом работе в форме, определенной соглашением сторон. При этом требование доверителя представить такой отчет в письменной форме предписаниям действующего законодательства не противоречит, наоборот, в случае спора, предоставляет адвокату возможность более эффективной

защиты от претензий доверителя к качеству работы адвоката. Адвокат обязан помнить, что при осуществлении профессиональной деятельности он обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей; соблюдать деловую манеру общения (п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что, не предоставив доверителю П.Л.И., по требованию последней, отчет о проделанной работе в письменной форме, адвокат М. вопреки предписаниям подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката не действовал разумно и добросовестно, что свидетельствует об исполнении им своих обязанностей перед доверителем П.Л.И. ненадлежащим образом.

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Федерального закона).

Высказывая претензии к качеству работы адвоката М., заявительница П.Л.И. указала на то, что он не составил и не подал от своего имени кассационную жалобу на обвинительный приговор Ч...ского районного суда г. Москвы, по которому ее сын был осужден к длительному сроку лишения свободы; приговор был обжалован только самим осужденным П.С.А.

В соответствии с п. 2 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката «адвокат, принявший в порядке назначения или по приглашению поручение на защиту по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты и должен выполнять обязанности защитника до стадии подготовки и подачи кассационной жалобы на приговор суда по делу его подзащитного».

Возражая против доводов доверительницы в указанной части, адвокат М. пояснил Комиссии, что после вынесения приговора адвокат встречался с осужденным П.С.А. в следственном изоляторе и помог ему написать кассационную жалобу, при этом адвокат указал, что он не мог сам написать кассационную жалобу, потому что для обоснования непричастности П.С.А. к совершению преступления требовалось, с точки зрения адвоката, указать на причастность к совершению убийства близкого П.С.А. человека, однако П.С.А. на свидании в следственном изоляторе запретил адвокату использовать этот довод в целях защиты; адвокат обратил внимание Комиссии на то, что он не имел права пойти против воли своего подзащитного, поэтому они договорились, что адвокат поможет П.С.А. написать кассационную жалобу и выступит в Мосгорсуде в поддержку ее доводов; П.С.А. в кассационной жалобе не сослался на причастность близкого ему человека к убийству.

Указанные объяснения адвоката М. представляются Комиссии убедительными, свидетельствуют о необоснованности претензий доверительницы в рассматриваемой части. При этом Комиссия отмечает, что адвокат вправе без согласия доверителя (или назначенного им лица) использовать сообщенные ему доверителем (или назначенным им лицом) сведения в объеме, который адвокат сочтет разумно необходимым для своей защиты по возбужденному против него дисциплинарному производству (п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объясне-

ния адвоката М. о причинах, по которым он не составил и не подал от своего имени кассационную жалобу на приговор по делу П.С.А., Квалификационной комиссии не представлено.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом М. своих обязанностей, предусмотренных подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем П.Л.И. при выполнении поручения на защиту ее сына П.С.А. (обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ), что выразилось в заключении адвокатом с доверителем П.Л.И. соглашения об оказании юридической помощи назначенному доверителем лицу (П.С.А.) в устной форме, а также в непредоставлении доверителю по его требованию отчета в письменной форме о проделанной адвокатом работе.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 декабря 2004 года № 97 адвокату М. объявлен выговор за ненадлежащее исполнение своих обязанностей, предусмотренных подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем П.Л.И. при выполнении поручения на защиту ее сына П.С.А. (обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ), что выразилось в заключении адвокатом с доверителем П.Л.И. соглашения об оказании юридической помощи назначенному доверителем лицу (П.С.А.) в устной форме, а также в непредоставлении доверителю по его требованию отчета в письменной форме о проделанной адвокатом работе.

Примечание составителя.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы, основанному на заключении Квалификационной комиссии, одному адвокату был объявлен выговор за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в неисполнении обязанности отчислять за счет получаемого вознаграждения средства на общие нужды Адвокатской палаты в размерах и порядке, которые были определены конференциями адвокатов Адвокатской палаты г. Москвы (подп. 5 п. 1 ст. 7 Федерального закона в ред. от 31 мая 2002 года).

3. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА, ЗАКОНЧИВШИЕСЯ ВЫНЕСЕНИЕМ РЕШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА ВСЛЕДСТВИЕ МАЛОЗНАЧИТЕЛЬНОСТИ СОВЕРШЕННОГО АДВОКАТОМ ПРОСТУПКА С УКАЗАНИЕМ АДВОКАТУ НА ДОПУЩЕННОЕ НАРУШЕНИЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 33 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Р.

27 февраля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

По представлению заместителя председателя К...ского районного народного суда НАО г. Москвы В.В.А. в Адвокатскую палату г. Москвы от 17 ноября 2003 года, 27 ноября 2003 года на основании ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Р.

27 февраля 2004 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрела материалы вышеуказанного дисциплинарного производства (сообщение от 17 ноября 2003 года, объяснения Р., соглашение № 05–03 от 10 марта 2003 года) и заслушала устные объяснения адвоката Р.

11 ноября 2003 года адвокат Р., осуществляя защиту К.А.С., вовремя явился в судебное заседание К...ского районного народного суда г. Москвы, однако, не дожидаясь выхода судьи В.В.А. в процесс, в 14 часов покинул здание суда в связи с тем, что в 15 часов он должен был участвовать в судебном заседании в кассационной инстанции в Московском городском суде.

17 ноября 2003 года адвокат Р. не явился в судебное заседание К...ского районного народного суда г. Москвы под председательством В.В.А. при рассмотрении уголовного дела К.А.С. в связи с тем, что Р. был занят в судебном процессе в другом суде.

Как следует из объяснений самого адвоката Р. и установлено Квалификационной комиссией, Р. в обоих случаях своего отсутствия в судебных заседаниях 11 и 17 ноября 2003 года надлежащим образом заблаговременно не уведомил суд об уважительной причине своих неявок в судебные заседания К...ского районного народного суда при рассмотрении дела К.А.С. Адвокат Р. также не взял в других судах документы, которые могли бы свидетельствовать об уважительности причин его отсутствия в судебных заседаниях К...ского районного народного суда 11 и 17 ноября 2003 года, для представления этих документов судье В.В.А.

Из вышеуказанного следует, что адвокат Р., надлежащим образом заблаговременно не известив судью В.В.А. об уважительности причин своей неявки в заседание К...ского районного народного суда 11 и 17 ноября 2003 года, а впоследствии не представив соответствующие оправдательные документы, нарушил п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 25 марта 2004 года (протокол № 4) дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. прекращено вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 109
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Ш.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Главное управление Министерства юстиции по г. Москве обратилось в Адвокатскую палату г. Москвы с представлением в связи с поступившей от начальника Специального следственного изолятора № ... ГУИН МЮ РФ (далее – Учреждение) информации о проносе адвокатом Ш. в Учреждение к содержащемуся под стражей в указанном Учреждении его подзащитному З.Л.Р. письма от жены и об ознакомлении З.Л.Р. с этим письмом, минуя цензуру.

В своем объяснении, как письменном, так и данном им на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Ш. сообщил, что он, зная о существующем законодательном запрете проноса в следственный изолятор для содержащихся под стражей обвиняемых писем и записок от родственников и иных лиц, действительно 9 июня 2004 года пронес в свое досье в Учреждение письмо жены обвиняемого З.Л.Р. Это письмо он зачитал вслух З.Л.Р. и показал ему, но не отдал. Письмо находилось в прозрачном пластиковом файле в его досье и оттуда не вынималось. В письме содержались сведения семейно-бытового характера. По окончании свидания сотрудники Учреждения вынудили его отдать им это письмо, о чем был составлен соответствующий акт. При этом сотрудники Учреждения требовали от него предоставить все производство (досье) по делу клиента с целью якобы проверки, не содержатся ли там документы, не относящиеся к делу З.Л.Р., но он (Ш.) предпочел отдать им письмо жены З.Л.Р., чтобы тем самым предотвратить их ознакомление с иными материалами, содержащимися в досье.

Рассмотрев представленные Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве и ГУИН МЮ РФ материалы, заслушав объяснения адвоката Ш., Квалификационная комиссия отмечает, что в соответствии с ч. 2 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» переписка содержащихся под стражей обвиняемых может осуществляться только через администрацию мест содержания под стражей и подвергается цензуре.

Квалификационная комиссия считает, что зачтение содержащегося под стражей обвиняемому писем и записок родственников и иных лиц представляет собой способ обхода законодательного запрета на переписку обвиняемого минуя администрацию мест содержания под стражей и цензуру, независимо от того, было ли само письмо (сама записка) передано обвиняемому или нет. Пронеся упомянутое письмо в следственный изолятор, не передав его администрации следственного изолятора для цензуры и последующей передачи обвиняемому, а, наоборот, прочитав его содержащемуся под стражей обвиняемому и дав ему осмотреть это письмо и убедиться, что оно действительно написано его женой, адвокат Ш. в нарушение требований п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнил просьбу доверителя о нарушении закона.

При указанных обстоятельствах, руководствуясь подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о том, что адвокат Ш. допустил нарушение п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку он выполнил незаконную просьбу жены обвиняемого о проносе в следственный изолятор ее письма обвиняемому и обеспечил бесцензурный доступ обвиняемого к содержанию этого письма.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

члена Квалификационной комиссии Адвокатской палаты
города Москвы адвоката Кипниса Н.М.
по дисциплинарному производству, возбужденному
в отношении адвоката Ш.

19 ноября 2004 года

город Москва

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы... вынесла заключение о нарушении адвокатом Ш. п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»).

Комиссией установлено, что адвокат Ш. 9 июня 2004 года пронес в Специальный следственный изолятор № ... ГУИН Минюста РФ (далее – Учреждение) рукописное письмо жены своего арестованного подзащитного З.Л.Р., во время свидания с последним в следственном кабинете зачитал ему письмо вслух, показал его, но не отдал, а положил в папку с адвокатским производством (досье) по делу З.Л.Р. По окончании свидания сотрудники Учреждения потребовали от адвоката предъявить им все производство по делу клиента для проверки того, не содержатся ли в нем документы, не относящиеся к делу З.Л.Р. Адвокат Ш. предпочел отдать сотрудникам Учреждения указанное письмо, чтобы тем самым предотвратить их ознакомление с иными материалами, содержащимися в досье, в том числе с записями своих бесед с подзащитным.

Приведенные обстоятельства адвокатом Ш. не оспариваются.

Считаю, что Комиссия не дала надлежащей оценки обстоятельствам, при которых сотрудникам Учреждения стало известно о письме жены З.Л.Р.

Как следует из материалов дисциплинарного производства, адвокат Ш. никаких предметов и документов (вне зависимости от того, имеют они отношение к осуществлению защиты обвиняемого по уголовному делу или нет) находящемуся под стражей обвиняемому З.Л.Р. не передавал.

Как пояснил Комиссии адвокат Ш., во время свидания с подзащитным в следственном кабинете он обсуждал с З.Л.Р. позицию защиты по делу, производил рабочие записи, прочел адресованное подзащитному письмо жены.

В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» «свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место *в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать*» (выделено мною. – Н.М. Кипнис).

В соответствии с п. 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых 30 августа 1955 года в Женеве, на Конгрессе ООН по предупрежде-

нию преступности и обращению с правонарушителями, одобренных Экономическим и Социальным Советом в его Резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, лица, находящиеся под арестом или ожидающие суда (подследственные заключенные) «в целях своей защиты должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. С этой целью в их распоряжение следует предоставлять по их требованию письменные принадлежности. Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить *на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов*» (выделено мною. — *Н.М. Киннис*).

Приведенные положения Федерального закона и Минимальных стандартных правил корреспондируют требованиям уголовно-процессуального законодательства о том, что в ходе уголовного судопроизводства обвиняемый вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально (п. 9 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), и законодательства об адвокатуре о том, что адвокат вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей) (подп. 5 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Таким образом, установленное Федеральным законом правило — «в условиях, позволяющих сотруднику... видеть, но не слышать» («на глазах, но за пределами слуха» — Минимальные стандартные правила) — можно понимать только в том смысле, что наблюдение за ходом свидания адвоката с подзащитным может осуществляться с расстояния (или с помощью технических средств), не позволяющего нарушать конфиденциальность свидания.

Осуществление такого наблюдения должно предотвратить попытки передачи заключенному каких-либо предметов и сокрытие их последним в одежде и полостях тела, введение заключенному каких-либо лекарственных и иных препаратов, нанесение ему телесных повреждений и т.п.

Однако наблюдение не будет законным, если сотрудник учреждения может обзирать (в том числе с помощью специальных технических средств) содержание письменных документов, которые адвокат предъявляет подзащитному, а также ведущихся адвокатом и его подзащитным во время свидания записей, поскольку это является совершенно очевидным нарушением установленной федеральным законодательством гарантии конфиденциальности свидания адвоката-защитника с обвиняемым.

Комиссия, как видно из заключения, не отнесла к обстоятельствам, подлежавшим доказыванию в ходе дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Ш., законность поступившего адвокату от сотрудников Учреждения предложения предъявить им все производство по делу подзащитного (адвокатское досье) либо даже какие-либо из находящихся в нем документов. Не было установлено Комиссией и то, каким образом сотрудникам Учреждения стало известно о наличии в адвокатском досье письма жены подзащитного (по терминологии акта изъятия от 9 июня 2004 года — «запрещенные предметы, письма, записки, которые были переданы, принесены для арестованного З.Л.Р. в нарушение ст. 21 Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»).

Одной из важнейших гарантий независимости адвоката, обеспечивающей возможность защищать интересы доверителей, является институт адвокатской тайны, под которой Федеральный закон понимает «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю» (п. 1 ст. 8). Профессиональ-

ная тайна адвоката представляет собой иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. Профессиональная тайна является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются, в частности, на все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; любые другие сведения, связанные с оказанием юридической помощи... (п. 1–3, 5 Кодекса профессиональной этики адвокатов).

Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката допускается только на основании судебного решения. Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей (п. 3 ст. 8 Федерального закона).

Считаю, что заключение по дисциплинарному производству, возбужденному в отношении адвоката Ш., вынесено Комиссией на основании недопустимых доказательств, не подлежавших в силу этого оценке на предмет достоверности.

В заключении от 23 января 2004 года по аналогичному дисциплинарному производству, возбужденному в отношении адвоката А. (поддержанном Советом Адвокатской палаты г. Москвы в решении № 4 от 3 февраля 2004 года), Комиссия, в частности указала:

«Поскольку квалификационная комиссия пришла к выводу, что личный досмотр адвоката А. 11 ноября 2003 года был произведен без законных оснований, то протокол личного досмотра и изъятые в ходе этого досмотра документы следует признать недопустимыми доказательствами.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Эта конституционная норма, лишаящая незаконно добытые доказательства юридической силы, воспроизводится во всех кодексах, регламентирующих порядок производства по уголовным, гражданским и административным делам: Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 75), Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 55), Кодексе РФ об административных правонарушениях (ст. 26.2). В частности, в соответствии с п. 2 ст. 55 ГПК РФ “доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда”.

В соответствии со ст. 33 Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ” квалификационная комиссия создается, в том числе, для рассмотрения жалоб на действия адвокатов. По результатам рассмотрения жалобы комиссия дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей. Совет Адвокатской палаты принимает решение о прекращении статуса адвоката при совершении им поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры (подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона), на основании заключения Квалификационной комиссии (п. 2 ст. 17; подп. 8 п. 2 ст. 31 Федерального закона), т.е. принимает решение, влекущее для адвоката важные юридически значимые последствия. Решение о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд (п. 4

ст. 17 Федерального закона) в порядке гражданского судопроизводства, который при рассмотрении жалобы и принятии решения руководствуется, в том числе, и предписаниями ГПК РФ по вопросу о допустимости доказательств. Таким образом, решение совета Адвокатской палаты по вопросу о прекращении статуса адвоката (а равно любое иное решение, принятое по дисциплинарному производству. — Прим. члена Комиссии) и соответствующее заключение Квалификационной комиссии являются актами квазисудебных органов, а потому они не могут основываться на доказательствах, полученных с нарушением закона.

Таким образом, конституционный запрет использовать для обоснования решения доказательства, полученные с нарушением закона, уже сам по себе не позволяет Квалификационной комиссии удовлетворить представление о прекращении статуса адвоката А., как основанное на материалах, неправомерно изъятых при проведении незаконного личного досмотра».

Нисколько не оправдывая действия адвоката Ш., считаю, что Квалификационная комиссия была не вправе давать оценку его действиям по существу, поскольку обстоятельства, при которых письмо жены З.Л.Р., находившееся в адвокатском производстве защитника Ш., было у него изъято, свидетельствуют о нарушении сотрудниками Учреждения установленных федеральным законодательством гарантий сохранения адвокатской тайны.

В именованном бюллетене для голосования мною как членом Квалификационной комиссии было отмечено основание «прекратить дисциплинарное производство, поскольку адвокат не допустил нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката (надлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем или адвокатской палатой)». При этом я исходил из того, что это единственный способ защитить права адвоката, исходя из принципа толкования всех сомнений в пользу адвоката.

В соответствии с п. 12 и 14 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, заключение Квалификационной комиссии представляет собой письменное решение (состоящее из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей), основанное на результатах голосования именованными бюллетенями.

Возможность принятия заключения не единогласно, а по большинству голосов, предполагает, что член(ы) Комиссии могут остаться при особом мнении.

Право члена квазисудебного органа, оставшегося в ходе голосования при особом мнении, изложить свое особое мнение в письменной форме для приобщения к материалам дисциплинарного производства основано на общепроцессуальных правовых правилах и не связано с формой (видом) производства.

На основании изложенного считаю, что заключение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 19 ноября 2004 года по дисциплинарному производству, возбужденному в отношении адвоката Ш., основано на недопустимых доказательствах, т.е. вынесено с нарушением процессуальных (процедурных) норм, регламентирующих процесс доказывания в дисциплинарном производстве.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ

**члена Квалификационной комиссии Адвокатской палаты
города Москвы адвоката Костанова Ю.А.
по дисциплинарному производству, возбужденному
в отношении адвоката Ш.**

Соглашаясь с тем, что прочтение адвокатом обвиняемому, содержащемуся под стражей, текста переданного родственниками письма без передачи ему этого письма, может расцениваться как попытка обойти законодательный запрет на переписку со-

державшихся под стражей подозреваемых и обвиняемых, минуя администрацию мест содержания под стражей и цензуру, полагаю, тем не менее, что Комиссией при рассмотрении дисциплинарного производства в отношении адвоката Ш. не были в достаточной мере учтены следующие обстоятельства.

1. Частью шестой ст. 34 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» предусмотрено право сотрудников мест содержания под стражей при наличии достаточных оснований подозревать лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания, производить досмотр их вещей и одежды при входе и выходе с территорий мест содержания под стражей, а также досмотр въезжающих и выезжающих транспортных средств, изъятие предметов, веществ и продуктов питания, запрещенных к хранению и использованию подозреваемыми и обвиняемыми. Не подвергаются досмотру вещи и одежда лиц, в производстве которых находятся уголовные дела подозреваемых и обвиняемых, и лиц, которые обладают правом контроля и надзора за местами содержания под стражей.

Очевидно, что досмотр адвокатов, посещающих места содержания под стражей в качестве защитников содержащихся там подозреваемых и обвиняемых, противоречит требованиям о сохранении адвокатской тайны и, следовательно, положениям ст. 48 Конституции Российской Федерации о праве на защиту, поскольку адвокатская тайна является необходимой составляющей права на защиту.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает право подозреваемого и обвиняемого иметь свидание с защитником наедине и конфиденциально (п. 3 ч. 4 ст. 46 и 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ) и недопустимость допроса адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с оказанием юридической помощи (п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ). В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать. Из этого следует, что конфиденциальность свиданий подозреваемых и обвиняемых со своим защитником означает сохранение от иных лиц — в том числе и от следователя — содержания переговоров подозреваемого и обвиняемого со своим защитником.

Право задержанного или находящегося в заключении лица на его посещение адвокатом, на консультацию и на связь с ним без цензуры и в условиях полной конфиденциальности предусмотрено Сводом принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, утвержденным Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1988 года. Это право не может быть временно отменено или ограничено, кроме исключительных обстоятельств, которые определяются законом или установленными в соответствии с законом правилами, когда, по мнению судебного или иного органа, это необходимо для поддержания безопасности и порядка (Принцип 18).

Европейским судом по правам человека право обвиняемого на конфиденциальность свиданий со своим защитником рассматривается в качестве одного из основных требований справедливого судебного процесса в демократическом обществе, вытекающих из положений подп. «с» п. 3, ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В частности, в решении Европейского суда по делу С. отмечается, что, «если адвокат не имеет возможности связаться со своим клиентом и получить от него конфиденциальные инструкции, не подвергаясь надзору, то его помощь в значительной степени утрачивает свою полезность, в то время как Конвенция призвана гарантировать право, которое носит практический и действенный характер (Судеб-

ное решение по делу С. от 28 ноября 1991 года, Series A, No. 220, para. 48. См. также решение по делу Кан от 30 сентября 1985 года, Series A, No. 96).

Следовательно, нарушение конфиденциальности отношений подозреваемого или обвиняемого со своим защитником нарушает также и положения ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, согласно которой общепринятые международные нормы и правила являются составной частью российского законодательства и приоритетны по отношению к российским нормативным актам.

Изложенное свидетельствует о принципиальной недопустимости досмотров адвокатских досье в следственных изоляторах ввиду противоречия таких действий Конституции Российской Федерации.

Поэтому получение сотрудниками мест содержания под стражей любых документов из адвокатских досье вопреки воле адвоката (и его доверителя) незаконно, полученные в результате таких действий сведения и материалы в силу конституционного запрета на использование полученных с нарушением закона доказательств не могут учитываться при рассмотрении дисциплинарных производств в отношении адвокатов.

2. Ввиду конкретных обстоятельств дела (жена обвиняемого, чье письмо зачитал подзащитному адвокат Ш., находилась на седьмом месяце беременности, в письме содержались сведения о состоянии здоровья членов семьи обвиняемого и иные семейно-бытовые сведения, не имевшие отношения к делу, передача обвиняемому этой информации негативного влияния на расследование дела не оказало) действия Ш. вообще не образуют признаков правонарушения.

Уголовное законодательство (ч. 2 ст. 14 УК РФ) не признает преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного Уголовным кодексом, «но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности». Поскольку деяние в таких случаях не признается преступным, то и уголовное дело в отношении совершившего его лица подлежит прекращению ввиду отсутствия события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УК РФ). Малозначительность деяния, лишающая его обязательного признака преступления – общественной опасности, не идентична той незначительной степени общественной опасности, которая предопределяет признание деяния преступлением небольшой тяжести (ч. 2 ст. 15 УК РФ).

По аналогии с нормой Уголовного кодекса, содержащейся в ч. 2 ст. 14 УК РФ, полагаю возможным усмотреть отсутствие какой-либо опасности в действиях адвоката Ш. Адвокатское сообщество не должно быть в данном случае менее гуманным, чем законодатель.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

14 декабря 2004 года

№ 79

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Ш. по обращению Главного управления Минюста России по г. Москве в связи с информацией начальника СИЗО № ... ГУИН МЮ РФ

(Извлечение)

13 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. (реестровый номер 77/...) по об-

ращению Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве в связи с информацией начальника СИЗО № ... ГУИН МЮ РФ (вх. № 1743 от 12 июля 2004 года).

Адвокат Ш., надлежащим образом извещенный о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, на заседание Совета не явился.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. в его отсутствие, поскольку в соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует принятию решения.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы на своем заседании 19 ноября 2004 года пришла к заключению о нарушении адвокатом Ш. п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в выполнении незаконной просьбы жены обвиняемого о проносе в следственный изолятор ее письма и обеспечении бесцензурного доступа обвиняемого к содержанию этого письма.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, Совет приходит к следующему выводу.

В соответствии с ч. 2 ст. 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» переписка содержащихся под стражей обвиняемых может осуществляться только через администрацию мест содержания под стражей и подвергается цензуре. Пронеся упомянутое письмо в следственный изолятор, не передав его администрации следственного изолятора для цензуры и последующей передачи обвиняемому, а, наоборот, прочитав его содержащемуся под стражей обвиняемому и дав ему осмотреть это письмо и убедиться, что оно действительно написано его женой, адвокат Ш. в нарушение требований п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката исполнил просьбу доверителя о нарушении закона.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы соглашается с заключением Квалификационной комиссии и установленными ею фактическими обстоятельствами.

Вместе с тем, учитывая конкретные обстоятельства дела (жена обвиняемого, чье письмо зачитал подзащитному адвокат Ш., находилась на седьмом месяце беременности, в письме содержались сведения о состоянии здоровья членов семьи обвиняемого и иные семейно-бытовые сведения, не имевшие отношения к делу, передача обвиняемому этой информации негативного влияния на расследование дела не оказало), Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает возможным прекратить дисциплинарное производство вследствие малозначительности совершенного адвокатом проступка.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 7 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката Ш. вследствие малозначительности совершенного им проступка, указать адвокату Ш. на недопустимость нарушения требований Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

4. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА, ЗАКОНЧИВШИЕСЯ ВЫНЕСЕНИЕМ РЕШЕНИЯ О НАПРАВЛЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ ДЛЯ НОВОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ВСЛЕДСТВИЕ СУЩЕСТВЕННОГО НАРУШЕНИЯ ПРОЦЕДУРЫ, ДОПУЩЕННОГО КОМИССИЕЙ ПРИ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 72 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л.

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат Л. осуществляла защиту подсудимого Н.Т.П. по назначению в порядке ст. 51 УПК РФ и, исходя из объяснения адвоката, участвовала в судебных заседаниях 19 и 30 марта 2004 года. 30 марта 2004 года с участием адвоката Л. дело было отложено на 23 апреля 2004 года. Адвокат Л. по телефону сообщила судье, что отказывается от защиты Н.Т.П. и не будет присутствовать на судебном заседании, оставив подсудимого по ст. 105 УК РФ без защиты, суд адвоката Л. от участия в деле не освобождал, и подсудимый об отказе от услуг адвоката Л. ходатайства не заявлял.

В своем объяснении от 25 мая 2004 года адвокат Л. подтвердила свое участие в судебных заседаниях 19 и 30 марта 2004 года, объяснив свой отказ от участия в судебном заседании 23 апреля 2004 года наличием у нее информации о том, что 21 апреля 2004 года адвокат Адвокатской конторы № 000 МГКА С. приняла на себя обязательства по защите Н.Т.П. в соответствии со ст. 50 УПК РФ (по соглашению), о чем свидетельствует запись в «Книге учета регистрационных карточек ЮК № 000» от 21 апреля 2004 года за № 0000.

Квалификационная комиссия, изучив представленные материалы, приходит к выводу о ненадлежащем исполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей.

Адвокат Л., принявшая на себя защиту подсудимого Н.Т.П., участвуя в судебных заседаниях 19 и 30 марта 2004 года, не имела права отказаться от принятой защиты и обязана была явиться в суд 23 апреля 2004 года. Только в судебном заседании мог быть решен вопрос об освобождении адвоката Л. от дальнейшего участия по делу в связи с заключением соглашения с другим адвокатом.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о нарушении адвокатом Л. подп. 6 п. 4 ст. 6 и подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

12 августа 2004 года

№ 47

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Л. на основании представления федерального судьи К...го районного суда г. Москвы С.И.Ю.

(Извлечение)

1 июня 2004 года распоряжением № 37 президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. (регистрационный № 77/...) на основании представления федерального судьи К...го районного суда г. Москвы С.И.Ю.

Квалификационная комиссия на своем заседании 29 июля 2004 года вынесла заключение о нарушении адвокатом Л. подп. 6 п. 4 ст. 6 и подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Квалификационная комиссия установила, что адвокат Л., приняв на себя в порядке ст. 51 УПК РФ защиту подсудимого Н.Т.П., участвуя в судебных заседаниях К...го районного суда г. Москвы 19 и 30 марта 2004 года, не имела права отказать от принятой защиты и обязана была явиться в суд 23 апреля 2004 года.

В заседании Совета Адвокатской палаты г. Москвы 12 августа 2004 года адвокат Л. пояснила, что не явилась в суд 23 апреля 2004 года в связи с тем, что ей стало известно о заключении представителями Н.Т.П. соглашения с адвокатом С. Адвокат Л. пояснила также, что она не согласна с доводом заключения Квалификационной комиссии о том, что вопрос о ее освобождении от дальнейшего участия по делу мог быть разрешен только в судебном заседании, поскольку это обстоятельство, по ее мнению, не подтверждается ни одним законодательным актом.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката Л., Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает необходимым направить дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства, вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве.

Существенное нарушение Совет усматривает в том, что не была дана оценка заявлению адвоката Л. о принятии поручения адвокатом С. по соглашению. Совет считает, что необходимо ознакомиться с журналом регистрации поручений Адвокатской конторы № 000 Коллегии адвокатов «МГКА», с объяснениями адвоката С., а также получить объяснения от директора Адвокатской конторы № 00 по поводу выполнения адвокатами поручения по защите Н.Т.П.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката,

РЕШИЛ:

направить дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. по жалобе федерального судьи К...го районного суда г. Москвы С.И.Ю. Квалификационной комиссии для нового разбирательства¹.

¹ В результате нового разбирательства Квалификационная комиссия 19 сентября 2004 года вынесла заключение (№ 92) о нарушении адвокатом Л. подп. 6 п. 4 ст. 6 и подп. 1, 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 113
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

21 июня 2004 года гражданка П.С.И. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой, указав, что она заключила договор с адвокатом Д. об оказании ей юридической помощи на предварительном следствии. Она считает, что по вине адвоката следователь хотел изменить ей меру пресечения на содержание под стражей, поскольку адвокат не выполнил ее просьбу предупредить следователя о невозможности по уважительной причине явиться на допрос. Заявитель просит провести с адвокатом Д. беседу о его недостойном поведении и неисполнении своих профессиональных обязанностей и обязать его вернуть неотработанный гонорар в рублевом эквиваленте в размере 700 долларов США.

23 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. (распоряжение № 50), материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат Д. на заседание Квалификационной комиссии не явился, представил письменные объяснения.

«Неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства. В этом случае Квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам и заслушивает тех участников производства, которые явились в заседание комиссии» (п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В своих письменных объяснениях адвокат Д. указал, что заключил с П.С.И. соглашение на ее защиту на предварительном следствии и в суде, за что она обязалась уплатить гонорар в размере, эквивалентном 2 000 долларов США. Сумму в размере, эквивалентном 1 000 долларов США, П.С.И. заплатила за участие на предварительном следствии. Оставшуюся часть гонорара должна была заплатить за участие в суде. Однако после ознакомления с материалами уголовного дела П.С.И. отказалась от адвоката Д. в качестве своего защитника. Адвокат Д. считает, что он выполнил свои обязанности и возвращать гонорар П.С.И. не должен.

Квалификационная комиссия приходит к заключению о ненадлежащем исполнении адвокатом Д. своих профессиональных обязанностей по защите П.С.И., поскольку им не представлено доказательств, опровергающих доводы заявительницы П.С.И.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства.

адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», выразившемся в том, что адвокат Л. не имела права отказаться от принятой на себя защиты Н.Т.П. в порядке ст. 51 УПК РФ. Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 56 адвокату Л. за отказ от принятой защиты и недобросовестное исполнение профессиональных обязанностей при защите подсудимого Н.Т.П. объявлено предупреждение. – *Прим. составителя.*

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о ненадлежащем исполнении адвокатом Д. своих обязанностей, предусмотренных подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 и ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», перед доверителем П.С.И.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

14 декабря 2004 года

№ 83

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката Д. по жалобе П.С.И.

(Извлечение)

23 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. (реестровый номер 77/...) по жалобе П.С.И. (вх. от 21 июня 2004 года).

Из жалобы заявительницы П.С.И. следует, что она заключила договор с адвокатом Д. об оказании ей юридической помощи на предварительном следствии. Она считает, что по вине адвоката следователь хотел изменить ей меру пресечения на содержание под стражей, поскольку адвокат не выполнил ее просьбу предупредить следователя о невозможности по уважительной причине явиться на допрос. Заявитель просит провести с адвокатом Д. беседу о его недостойном поведении и неисполнении своих профессиональных обязанностей и обязать его вернуть неотработанный гонорар в рублевом эквиваленте в размере 700 долларов США.

Адвокат Д. на заседании Квалификационной комиссии не присутствовал, в своих письменных объяснениях указал, что заключил с П.С.И. соглашение на ее защиту на предварительном следствии и в суде, за что она обязалась уплатить гонорар в размере, эквивалентном 2 000 долларов США. Сумму в размере, эквивалентном 1 000 долларов США, П.С.И. заплатила за участие на предварительном следствии. Оставшуюся часть гонорара должна была заплатить за участие в суде. Однако после ознакомления с материалами уголовного дела П.С.И. отказалась от адвоката Д. в качестве своего защитника. Адвокат Д. считает, что он выполнил свои обязанности и возвращать гонорар П.С.И. не должен.

На заседании Совета Адвокатской палаты адвокат Д. подтвердил свои объяснения и дополнительно пояснил, что П.С.И. не просила его известить следователя о невозможности явиться на допрос в связи с болезнью ребенка, так как в этот день их не вызывали вообще.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, Совет приходит к выводу о необходимости направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии на новое разбирательство вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве.

При новом разбирательстве Комиссии надлежит установить, какие обязанности по защите П.С.И. возлагались на адвоката Д. соглашением на оказание юридической помощи, в какой день должно было состояться выполнение следственного действия, на которое не могла явиться заявительница, когда П.С.И. расторгла соглашение с адвокатом Д., получить от адвоката Д. дополнительные объяснения, предложить адвокату Д. представить Квалификационной комиссии адвокатское производство по уголовному делу по обвинению П.С.И.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

направить дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. Квалификационной комиссии на новое разбирательство вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 125 по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.

10 декабря 2004 года

город Москва

(Извлечение)

22 июля 2004 года гражданин И.А.М. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой, указав, что адвокат Г. при защите его сына И.И.А. в Л...ом районном суде г. Москвы 6 февраля 2004 года склонил последнего к признанию своей вины и частичному возмещению потерпевшей С.О.А. морального вреда. Однако суд этих обстоятельств не учел и избрал наказание И.И.А. в виде реального лишения свободы сроком на пять лет.

2 августа 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (распоряжение № 70), материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы И.А.М., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Из обращения И.А.М. от 22 июля 2004 года следует, что из протокола судебного заседания Л...го районного суда г. Москвы видно, что потерпевшая С.О.А. на вопрос

---

¹ В результате нового разбирательства Квалификационная комиссия 28 января 2005 года вынесла заключение (№ 22/148) о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Д. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения своих обязанностей перед доверителем П.С.И. Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 21 февраля 2005 года № 32 дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката. — *Прим. составителя.*

адвоката Г. просила суд: «С учетом его (И.И.А.) роли и с учетом того, что он частично возместил мне ущерб, прошу суд не лишать его (И.И.А.) свободы».

В приговоре суд указал, что при назначении наказания И.И.А. учитывается «...частичное возмещение морального вреда И.И.А. ...его раскаяние в содеянном» и данные обстоятельства признаются смягчающими наказание.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного президентом Адвокатской палаты г. Москвы 2 августа 2004 года в отношении адвоката Г. по жалобе гражданина И.А.М. от 22 июля 2004 года вследствие отсутствия в действиях адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

22 декабря 2004 года

№ 98

город Москва

О дисциплинарном производстве

в отношении адвоката Г. по жалобе гражданина И.А.М.

2 августа 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (регистрационный номер 77/... в реестре адвокатов г. Москвы) по жалобе гражданина И.А.М., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Квалификационная комиссия на своем заседании 10 декабря 2004 года пришла к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката Г., принявшего на себя защиту подсудимого И.И.А., нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия установила, что, хотя И.А.М. и указал в жалобе, что адвокат Г. при защите его сына И.И.А. в Л...ом суде 6 февраля 2004 года якобы склонил последнего к признанию своей вины и частичному возмещению потерпевшей С.О.А. морального вреда, а суд этих обстоятельств не учел и избрал наказание И.И.А. в виде реального лишения свободы сроком на пять лет, из объяснений адвоката Г. и протокола судебного заседания Л...го районного суда г. Москвы видно, что потерпевшая С.О.А. на вопрос адвоката Г. просила суд: «С учетом его (И.И.А.) роли и с учетом того, что он частично возместил мне ущерб, прошу суд не лишать его (И.И.А.) свободы»; в приговоре суд указал, что «обстоятельством, смягчающим наказание подсудимых Л. и И.И.А., суд признает частичное возмещение ими морального вреда потерпевшей, а в отношении И.И.А. его раскаяние в содеянном».

Адвокат Г. на заседание Совета Адвокатской палаты г. Москвы не явился, о дне и времени заседания Совета извещен. В соответствии с п. 5 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не препятствует принятию решения.

Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии и материалами дисциплинарного производства, Совет Адвокатской палаты г. Москвы считает необходимым направить дисциплинарное производство Квалификационной комиссии для нового разбирательства вследствие существенного нарушения процедуры, допущенного Комиссией при разбирательстве.

Существенное нарушение Совет усматривает в том, что Комиссией не было проверено, является ли гражданин И.А.М. доверителем адвоката Г., поскольку не было установлено, осуществлял адвокат Г. защиту подсудимого И.И.А. по соглашению с доверителем или по назначению суда; не дано оценки содержащемуся в письменном объяснении адвоката Г. от 6 сентября 2004 года заявлению, что адвокат «не обжаловал приговор, так как на третий день мне (Г.) позвонил адвокат А. и попросил этого не делать. Мол, у Вас позиция на суровость наказания, а он будет просить судебную коллегию прекратить уголовное преследование И.И.А. за отсутствием состава преступления».

Совет считает, что в ходе подготовки к новому рассмотрению дисциплинарного производства Квалификационной комиссии необходимо истребовать копию корешка ордера № 2876, выданного в 2003 году адвокату Г. на осуществление защиты И.И.А. в Л...ом районном суде г. Москвы, либо копию самого ордера, а также документы, свидетельствующие о том, на каком основании адвокату Г. был выдан этот ордер (соглашение, регистрационная карточка, телефонограмма суда и т.п.).

Члены Совета провели тайное голосование бюллетенями.

С учетом голосования, руководствуясь подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката и подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Адвокатской палаты г. Москвы

РЕШИЛ:

направить дисциплинарное производство в отношении адвоката Г., возбужденное по жалобе гражданина И.А.М. от 22 июля 2004 года Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы, для нового разбирательства¹.

---

¹ В результате нового разбирательства Квалификационная комиссия на заседании 21 января 2005 года вынесла протокольное постановление, которым сняла с дальнейшего рассмотрения дисциплинарное производство, возбужденное президентом Адвокатской палаты г. Москвы 2 августа 2004 года в отношении адвоката Г., поскольку из имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств следовало, что адвокат осуществлял защиту подсудимого И.И.А. по назначению Л...го районного суда г. Москвы в порядке ст. 51 УПК РФ, поэтому заявитель И.А.М. не являлся ни доверителем адвоката Г., ни законным представителем своего сына И.И.А. (4 сентября 1981 г.р.), а в силу п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалобы или обращения лиц, не указанных в п. 1 ст. 20 Кодекса, не могут являться допустимым поводом для начала дисциплинарного производства. Материал в отношении адвоката Г. был направлен президенту Адвокатской палаты г. Москвы для ответа заявителю в порядке, установленном законодательством Российской Федерации (п. 19 Протокола № 1). – *Прим. составителя.*

**5. ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОИЗВОДСТВА, ЗАКОНЧИВШИЕСЯ
ВЫНЕСЕНИЕМ РЕШЕНИЯ О ПРЕКРАЩЕНИИ ДИСЦИПЛИНАРНОГО
ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА ВСЛЕДСТВИЕ ОТСУТСТВИЯ
В ЕГО ДЕЙСТВИЯХ (БЕЗДЕЙСТВИИ) НАРУШЕНИЯ НОРМ КОДЕКСА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ АДВОКАТА ЛИБО ВСЛЕДСТВИЕ
НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ИМ СВОИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПЕРЕД
ДОВЕРИТЕЛЕМ ИЛИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТОЙ**

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 10
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

23 октября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Федеральный судья Л...ского межмуниципального (районного) суда НАО г. Москвы С.Н.В. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 1992 от 17 июля 2003 года), указав, что Л...ским районным судом было рассмотрено уголовное дело в отношении Г.А.П. и был вынесен приговор. В деле принимал участие защитник С., который на протяжении судебного следствия вел себя некорректно, перебивал председательствующего, государственного обвинителя, потерпевших, кричал в процессе, на что ему неоднократно делались замечания. После провозглашения приговора С. отказался приехать в Л...ский районный суд и получить копию приговора суда и протокол судебного заседания, объясняя это тем, что суд находится далеко от его места жительства, и он не намерен приезжать.

Судья С.Н.В. просит обсудить некорректное, недостойное и неэтичное поведение адвоката в процессе, считая его действия проявлением явного неуважения к суду, порочащими честь и достоинство российского адвоката.

21 июля 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменном объяснении от 1 августа 2003 года адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении федерального судьи Л...ского районного суда НАО г. Москвы С.Н.В., указал, в частности, что в сообщении содержится заведомо ложные утверждения о нарушении им порядка в судебном заседании и не приведено ни одного примера, подтвержденного ссылкой на соответствующий лист уголовного дела. Копия приговора была направлена С. заказным письмом и получена им 28 апреля 2003 года, после неоднократных обращений в Московский городской суд, а копия протокола судебного заседания не получена им до настоящего времени. Никаких телефонных и иных разговоров с судьей С.Н.В. им не велось.

В объяснениях, данных 23 октября 2003 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в обращении судьи, указал, что судья долго не сдавала дело в канцелярию, и он обратился туда с заявлением о выдаче материалов дела. Он считает, что причиной обращения судьи в Совет Адвокатской палаты г. Москвы послужила оценка доводов приговора в кассационной жалобе.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, выслушав объяснения адвоката С., обсудив доводы сообщения федерального судьи Л...ского межмуниципального (районного) суда НАО г. Москвы С.Н.В., Квалификационная комиссия приходит к выводу об отсутствии в действиях адвоката С. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

При рассмотрении жалоб на действия (бездействие) адвокатов Квалификационная комиссия исходит из презумпции добросовестности адвоката, которая должна быть опровергнута доказательствами, представленными заявителем (обвиняющей стороной), поскольку в соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. Федеральный судья Л...ского межмуниципального (районного) суда НАО г. Москвы С.Н.В., обращаясь с жалобой на действия (бездействие) адвоката С., каких-либо доказательств (протокол судебного заседания), подтверждающих эти факты, не представила.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката С. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 3 ноября 2003 года № 24/1 дисциплинарное производство в отношении адвоката С. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 20
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

28 ноября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Председатель Б...го районного суда г. Москвы К.Ю.А. 6 октября 2003 года обратился в Совет Адвокатской палаты г. Москвы с жалобой на недостойное поведение в здании Б...го районного суда г. Москвы адвоката ЮК «САБ № 000» Межтерриториальной коллегии адвокатов «...» К.

В жалобе со слов федерального судьи Б...го районного суда г. Москвы Ш.Ю.В., утверждается, что адвокат К. 1 октября 2003 года, примерно в 14 часов, «в сопровождении неизвестной женщины и в присутствии находящихся в указанной совещательной комнате федерального судьи Б...го районного суда П.К.Н., помощника Б...го межрайонного прокурора С.И.В., секретаря судебного заседания Б...го районного суда М.Н.А., а также находящихся в зале судебного заседания адвоката АК № 001 КА «...» Г. и граждан, ожидающих начала уголовного процесса, во всеуслышание, на по-

вышенных тонах стала предъявлять федеральному судье Ш.Ю.В. претензии по поводу рассмотренного последней 16 сентября 2003 года материала о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу М.В.В. (результаты рассмотрения указанного материала — избрание в отношении М.В.В. меры пресечения в виде заключения под стражу), обвиняя федерального судью Ш.Ю.В. в предвзятости, высказывала оскорбительные реплики о профессиональной компетентности последней, требовала от федерального судьи Ш.Ю.В. объяснений по поводу производства по указанному выше материалу в отношении М.В.В., а также предоставить ей материал в отношении М.В.В. (обращаю внимание на то обстоятельство, что ознакомление с направленными в суд материалами о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу уголовно-процессуальным Законом РФ не предусмотрено), а перед уходом из совещательной комнаты заявила о том, что федеральному судье Ш.Ю.В. недолго осталось занимать должность судьи» (*орфография автора жалобы сохранена. — Прим. Комиссии*).

Об упомянутых в жалобе событиях федеральным судьей Ш.Ю.В. с участием упомянутых в жалобе лиц составлен акт, также представленный на рассмотрение Квалификационной комиссии.

Адвокат К. в своих объяснениях утверждала, что изложение событий, имевших место в кабинете судьи Ш.Ю.В. 1 октября 2003 года, не соответствует действительности. Действительно, 1 октября 2003 года между нею и федеральным судьей Ш.Ю.В. состоялся разговор, имевший конфликтный характер. В кабинет судьи (он же и совещательная комната), в котором находились также секретарь судьи и помощник прокурора, К. явилась в сопровождении адвоката «САБ № 001» Ф. (в жалобе по неизвестным причинам поименованной «неизвестной женщиной»). Причиной их появления в кабинете судьи было длительное ненаправление в Московский городской суд для кассационного рассмотрения материала об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу М.В.В., рассмотренного 16 сентября 2003 года (кассационная жалоба сдана 19 сентября 2003 года). Федеральный судья Ш.Ю.В. с адвокатами разговаривала невежливо. Нарушение сроков отправки кассационной жалобы в Московский городской суд объясняла загруженностью и тем, что жалобы к слушанию в кассационной коллегии назначает секретарь, а не судья. По поводу грубости судьи и нарушения ею процессуальных сроков адвокаты К. и Ф. 3 октября 2003 года обратились в Квалификационную коллегию судей г. Москвы.

Изучив представленные материалы, в том числе упомянутые акт от 1 октября 2003 года и копию жалобы адвокатов в Квалификационную коллегию судей г. Москвы, заслушав объяснения адвоката К., Квалификационная комиссия считает, что изложенные в жалобе сведения о допущенном якобы адвокатом К. недостойном поведении имеющимися в распоряжении Комиссии материалами не подтверждаются.

Лицо, обратившееся с жалобой, — председатель Б...го районного суда К.Ю.А. — сам очевидцем упоминаемых им в жалобе событий не был. Акт, на который К.Ю.А. ссылается в жалобе, не может служить достаточным доказательством нарушения адвокатом К. норм Кодекса профессиональной этики адвоката. Акт составлен заинтересованным лицом — федеральным судьей Ш.Ю.В., допустившей процессуальные нарушения по рассмотренному с участием адвоката К. делу, подписан также заинтересованным лицом — секретарем судебного заседания (от которой по существующей в судах практике зависит назначение дел к слушанию в кассационной инстанции), а также лицом, находившимся во время описанных в нем событий в другом помещении (адвокатом Г., который, как указано в жалобе, находился в это время в зале судебных заседаний). В жалобе, как и в акте, не упомянута причина возникновения конфликта. Между тем

это обстоятельство имеет существенное значение для правильного разрешения жалобы на действия адвоката К. Утверждения адвоката К. о том, что этой причиной было грубое нарушение процессуального срока по делу М.В.В., частично подтверждается и в самой жалобе, в которой указано, что разговор между адвокатом К. и федеральным судьей Ш.Ю.В. шел именно о деле М.В.В., рассмотренном 16 сентября 2003 года.

В силу ч. 11 ст. 108 УПК РФ суд кассационной инстанции принимает решение по жалобе на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу не позднее чем через трое суток со дня их поступления. Кассационная жалоба по делу М.В.В. была сдана в суд 19 сентября 2003 года, из чего следует, что к моменту описанных в жалобе К.Ю.А. событий предусмотренный ст. 108 УПК РФ срок был нарушен неоднократно.

Из жалобы председателя Б...го районного суда К.Ю.А. усматривается, что сам жалобщик (и, по видимому, другие судьи этого суда) считает, что защитникам вообще не следует предоставлять для ознакомления материалы, представленные в суд для обоснования ходатайства следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Это мнение противоречит известной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанной им в определении от 12 мая 2003 года № 173-О по жалобе гражданина С.В. Ковалева на нарушение его конституционных прав положениями ст. 47 и 53 УПК РФ (СЗ РФ. 2003. № 27 (ч. 2). Ст. 2872).

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия не находит оснований для привлечения адвоката К. к дисциплинарной ответственности.

С учетом изложенного и руководствуясь ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в ее действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 21
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Х.**

28 ноября 2003 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев жалобу адвоката С., изучив представленные документы, заслушав объяснения адвоката Х. и адвоката С., установила следующее.

Адвокат С., работающая в адвокатской конторе № 000 Коллегии адвокатов «...», приняла поручение на защиту М. В процессе подготовки к делу ее подзащитный заявил, что на стадии предварительного расследования у него не было адвоката, хотя к делу подшит ордер адвоката Х. Адвокат С., исходя из слов своего подзащитного, считает, что адвокат Х. участия на предварительном следствии по делу не принимал. По ее мнению, этот факт подтверждается письмом председателя Коллегии адвокатов, в которой работал Х. Из этого письма следует, что телефонограмма на защиту М. в Коллегию не поступала, ордер по этому делу адвокату Х. не выдавался, и, следовательно, адвокат Х. нарушил адвокатскую этику, совершив дисциплинарный проступок.

Адвокат Х. пояснил, что к нему обратился следователь У.И.С., когда он находился в помещении следственного отдела по другому делу, и попросил его выручить и принять

участие в следственных действиях по делу М. Поскольку у него с собой был ордер, полученный им ранее, он заполнил ордер на фамилию М. и с согласия последнего, принял участие в проведении различных следственных действий.

Из представленных ксерокопий материалов дела видно, что М. собственноручно написал, что он не возражает против участия в деле адвоката Х. Помимо этого в протоколах допросов М. есть запись, что они проводились в присутствии адвоката Х., и на этих протоколах стоят подписи как самого М., так и адвоката Х.

Комиссия не считает возможным обсуждать правильность порядка выдачи ордеров, установленного в адвокатских образованиях.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы приходит к заключению об отсутствии в действиях адвоката Х. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и в связи с этим об отсутствии в его действиях дисциплинарного проступка.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 26
по дисциплинарному производству в отношении адвоката В.**

11 декабря 2003 года

город Москва

(Извлечение)

24 ноября 2003 года Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, основываясь на обращении председателя Московского городского суда о ненадлежащем исполнении адвокатом В. своих обязанностей и руководствуясь п. 5 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», направило в Адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвоката В. на основании подп. 5, 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 8, подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 8 ст. 10, ст. 12, п. 3 ст. 13, п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Председатель Московского городского суда обратился с аналогичным сообщением в Адвокатскую палату г. Москвы, полагая, что адвокат В. недостойн высокого звания адвоката, просит рассмотреть вопрос о прекращении его статуса.

В представлении, сообщении и приложенных к ним документах указано, что в производстве Московского городского суда с сентября 2000 года находится уголовное дело в отношении К.С.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 146 УК РСФСР, ч. 2 ст. 209 УК РФ, и других лиц (всего вместе с К.С.В. — 16 человек). С 19 октября 2001 года по назначению суда в судебном разбирательстве в качестве защитника подсудимого К.С.В. принимает участие адвокат В. За период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года адвокат В. систематически без уважительных причин не являлся в судебные заседания. Объясняя причины неявки в судебные заседания, адвокат В. представил два листка нетрудоспособности, а также объяснял отсутствие в процессе семейными обстоятельствами, служебными командировками либо занятостью в иных делах. Однако причины неявки в судебные заседания 9 де-

кабря 2002 года, 23 апреля, 20 мая, 2 сентября, 9 сентября, 22 сентября, 30 сентября, 7 октября и 21 октября 2003 года не объяснил. 20 октября 2003 года адвокат В. был извещен судом о том, что судебное заседание будет продолжено 21 октября 2003 года. Однако 21 октября 2003 года в суд вновь не явился, о причинах неявки суду не сообщил. По утверждению адвоката С., осуществляющего защиту другого подсудимого, жена адвоката В. по телефону сообщила ему о том, что В. болен и не может принять участие в судебном заседании. Между тем согласно справке и.о. председателя Д...кого районного суда г. Москвы именно 21 октября 2003 года адвокат В. принимал участие в судебном заседании данного суда по уголовному делу в отношении Г.Ю.П. и С.Н.А. Как считают заявители, в результате неявок адвоката В. судебное разбирательство вышеуказанного уголовного дела в Мосгорсуде многократно откладывалось и приняло затяжной характер, а суд, приступив к судебному следствию, лишен возможности полностью исследовать материалы дела и представленные доказательства, установить наличие либо отсутствие всех обстоятельств, юридически значимых по данному уголовному делу и т.п.; при этом подзащитный адвоката В. подсудимый К.С.В. непрерывно находится под стражей с февраля 1998 года, 14 других подсудимых также находятся под стражей с 1997 года, вышеуказанные лица в установленном порядке виновными в совершении преступлений еще не признаны, однако длительное время содержатся под стражей в отсутствие приговора.

Изложенные обстоятельства Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве расценены как ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокатом В. перед доверителем и нарушение требований п. 1, 2, 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8, подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 8 ст. 10, ст. 12, п. 3 ст. 13, п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. Заявитель полагает, что адвокат «совершил поступок, порочащий честь и достоинство адвоката и выразившийся в неуважении к суду, другим участникам судебного разбирательства, в том числе к своим коллегам». В сообщении председателя Московского городского суда указано, что «сознательно недобросовестное и нерадивое отношение адвоката В. к исполнению своих профессиональных обязанностей порочит его честь и достоинство как адвоката, свидетельствует о намеренном и умышленном пренебрежении интересами своего доверителя, а равно об умалении престижа адвокатуры, представляет собой проявление вопиющего неуважения к суду и участникам судебного разбирательства, в том числе и к его коллегам (защитникам, адвокатам), многие из которых аккуратно исполняют свои процессуальные обязанности и своевременно являются в судебные заседания».

25 ноября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката В., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 2 декабря 2003 года, а также в объяснениях, данных 11 декабря 2003 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат В. по поводу обстоятельств, изложенных в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве и сообщении председателя Московского городского суда, указал, что:

– в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года все его командировки и его отсутствие в судебных заседаниях по делу в связи с занятостью по другим делам всегда заранее согласовывались с председательствующим федеральным судьей М.В.Н.; до настоящего времени ни подсудимые, ни защитники не могут ознакомиться с про-

токолами судебного заседания, хотя с 2000 года стороной защиты соответствующие ходатайства заявлялись неоднократно, однако они до настоящего времени по существу судом не рассмотрены; «исходя из смысла и содержания п. 4 ст. 18, подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката, претензии территориального органа юстиции не могут быть предъявлены за период времени с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года (по истечении одного года);

– 23 апреля 2003 года он не присутствовал в судебном заседании в Мосгорсуде по причине того, что в этот день принимал участие в судебном заседании в порядке ст. 108 УПК РФ по уголовному делу в отношении Ш.Ч.Г. в Ч...ском районном суде г. Москвы, на что 22 апреля 2003 года получил согласие федерального судьи М.В.Н.; поручение на защиту интересов Ш.Ч.Г. он принял еще в 2001 году, до назначения его защитником гражданина К.С.В. в порядке ст. 49 УПК РСФСР, ст. 51 УПК РФ;

– 20 мая 2003 года он не присутствовал в судебном заседании в Мосгорсуде по причине того, что в этот день принимал участие в неотложных следственных действиях (предъявление обвинения, допрос обвиняемого) с подзащитным Ш.Ч.Г., на что 19 мая 2003 года получил согласие федерального судьи М.В.Н.; по независящим от адвоката причинам следственные действия затянулись, и когда он 20 мая 2003 года прибыл в Мосгорсуд, то председательствующий сказал ему, что дело отложено;

– 2, 9, 22, 30 сентября и 7 октября 2003 года он не присутствовал в судебных заседаниях в Мосгорсуде, поскольку не был извещен об этих судебных заседаниях. При этом адвокат В. пояснил, что в июле 2003 года федеральный судья М.В.Н. собрал всех адвокатов (защитников), чтобы определить возможное время продолжения рассмотрения уголовного дела в зависимости от их отпусков; В. в это время уходить в отпуск не собирался; 1 сентября 2003 года, явившись в Мосгорсуд для участия в заседании суда кассационной инстанции по другому делу, адвокат В. зашел в кабинет федерального судьи М.В.Н. и поинтересовался у секретаря судебного заседания, когда процесс будет продолжен, однако секретарь сообщила, что она передаст телефонограмму в адвокатскую контору, так как еще не все адвокаты вернулись из отпусков, сказала, что по указанной причине ранее 11 сентября 2003 года судебного заседания не будет. На 2, 9, 22, 30 сентября и на 7 октября 2003 года в Адвокатскую контору № 000 Коллегии адвокатов «...» телефонограмм о необходимости явки адвоката В. в судебные заседания по уголовному делу по обвинению К.С.В. не поступало, что подтверждается справкой из Адвокатской конторы № 000 КА «...» (исх. № 275 от 9 декабря 2003 года). Практически всегда председательствующий откладывал дело слушанием, не указывая, на какую конкретно дату откладывается дело; объявлялось, что соответствующие извещения (телефонограммы) будут направлены судом защитникам в соответствующие юридические консультации своевременно, поэтому, получая сообщения от секретаря юридической консультации, он и другие адвокаты узнавали об очередной дате слушания дела. С 25 сентября 2003 года адвокат В. находился в командировке в г. Ю.-С., о чем федеральному судье М.В.Н. было сообщено секретарем АК № 000 КА «...» (данное обстоятельство подтверждается и федеральным судьей М.В.Н. – с. 7 копии приобщенной к материалам дисциплинарного производства докладной записки судьи председателю Мосгорсуда от 22 октября 2003 года);

– 21 октября 2003 года он не участвовал в судебном заседании в Мосгорсуде по причине болезни. Адвокат пояснил, что 20 октября в судебном заседании в Мосгорсуде, в котором он принимал участие, был объявлен перерыв до 11 часов 21 октября 2003 года. Однако еще 20 октября 2003 года у В. ухудшилось самочувствие («подскочило давление»), и 21 октября 2003 года он, проживая за городом, вообще не собиравшись ехать в Москву. Поскольку адвокат В. был извещен о назначении на 21 октя-

бря 2003 года в 13 часов 30 минут судебного разбирательства в Д...ском районном суде г. Москвы по уголовному делу по обвинению Г.Ю.П. и С.Н.А. по ч. 2 ст. 240, ст. 241 УК РФ, то утром 21 октября 2003 года ему позвонили родственники его подзащитных Г.Ю.П. и С.Н.А. и спросили, сможет ли он явиться в районный суд, учитывая занятость в процессе в Мосгорсуде. В. пояснил, что заболел, и поскольку ему было тяжело передвигаться, согласился на предложение родственников подзащитных отвезти его к врачу. После того, как ему сделали инъекцию, он почувствовал себя лучше, но из-за давления ощущал слабость. Примерно в 12 часов 30 минут В. попытался позвонить в кабинет федерального судьи М.В.Н., но поскольку никто не брал трубку, он позвонил на мобильный телефон адвокату С. (также участвующему в процессе в Мосгорсуде) и попросил передать председательствующему серию и номер больничного листа; адвокат С. сообщил В., что судебное разбирательство отложено, поскольку подсудимый К.Г.О. попал в больницу. Узнав об этом, В. решил, что должен поехать в Д...ский районный суд г. Москвы, чтобы попытаться рассмотреть дело, которое также приняло затяжной характер, тем более что родственники подсудимых пообещали отвезти его в суд и обратно на своей машине. Примерно до 17 часов 30 минут он участвовал в судебном заседании в районном суде; вечером его состояние вновь ухудшилось, и он дальше находился дома и никакой работой не занимался.

Кроме того, В. пояснил Квалификационной комиссии, что он всегда защищает своих клиентов разумно и добросовестно вне зависимости от того, за гонорар или по назначению, равно как и не делает приоритета судьям (является ли он судьей городского суда или судьей районного суда); для него каждое дело одинаково важное, и он с уважением относится к участникам процесса.

Выслушав объяснения адвоката В., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы представления и сообщения, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года (подп. 5 п. 2 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства (подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката). Исходя из того, что с момента неявки адвоката В. в судебные заседания в Московском городском суде по уголовному делу по обвинению К.С.В. и др. в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года, а также 9 декабря 2002 года прошло более одного года, Квалификационная комиссия, не обсуждая обоснованности доводов заявителей, в указанной части выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства (подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени, адвокат по возможности должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат В. пояснил, что в судебные заседания 23 апреля и 20 мая 2003 года он не являлся по причине осуществления защиты гражданина Ш.Ч.Г. — подозреваемого (обвиняемого) по другому уголовному делу, о чем оба раза накануне ставил в известность председательствующего по делу федерального судью М.В.Н. и получал его

согласие. 23 апреля Ч...кий районный суд г. Москвы в порядке ст. 108 УПК РФ рассматривал ходатайство дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого Ш.Ч.Г. (копия постановления судьи Ч...кого районного суда г. Москвы от 23 апреля 2003 года по материалу № 81-236/2003 имеется в материалах дисциплинарного производства). Квалификационная комиссия отмечает, что данное процессуальное действие относится к числу неотложных, решение по ходатайству должно быть вынесено в течение восьми часов с момента поступления материалов в суд (ч. 4 ст. 108 УПК РФ); рассмотрение ходатайства с участием другого адвоката могло нарушить право подозреваемого на защиту (см. ст. 50 УПК РФ), привести к вынесению судом незаконного постановления. 20 мая 2003 года предъявление обвинения Ш.Ч.Г. и его допрос в качестве обвиняемого заняли больше времени, чем изначально планировалось, однако данное обстоятельство также не может свидетельствовать о нарушении адвокатом федерального закона и норм адвокатской этики, поскольку продолжительность производства следственного действия определяется следователем (ст. 38, 164, 171–173, 189 УПК РФ); кроме того, уголовно-процессуальным законом установлен предельный срок (трое суток) для предъявления обвинения со дня вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 172 УПК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката В. по случаям неявки в судебные заседания 23 апреля и 20 мая 2003 года, Квалификационной комиссии не представлено. Поэтому в данной части дисциплинарное производство необходимо прекратить.

В указанных случаях в действиях адвоката В. нельзя, вопреки утверждению ГУ Минюста России по г. Москве, усмотреть и нарушения подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому «адвокат не вправе... принимать поручения на оказание юридической помощи заведомо больше, чем адвокат в состоянии выполнить», поскольку соглашение на представительство интересов Ш.Ч.Г. в различных государственных органах, в том числе и в порядке уголовного судопроизводства, было заключено адвокатом до назначения его защитником гражданина К.С.В. Кроме того, одновременное ведение адвокатом двух уголовных дел само по себе не может рассматриваться как принятие поручений в количестве, заведомо большем, чем адвокат может выполнить. В этой части дисциплинарное производство также необходимо прекратить.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального закона стороны должны быть извещены о дате и времени судебного заседания не менее чем за пять суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ); судья дает распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в постановлении о назначении судебного заседания (ст. 232 УПК РФ); при невозможности судебного разбирательства вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц суд выносит определение или постановление о его отложении на определенный срок, одновременно принимаются меры по вызову неявившихся лиц (ч. 1 ст. 253 УПК РФ).

Адвокатом В. представлены убедительные объяснения о причине неявки его в судебные заседания 2, 9, 22, 30 сентября и 7 октября 2003 года, заключающейся в неизвещении его судом о дате и времени судебного разбирательства. Эти объяснения подтверждаются исследованными Квалификационной комиссией справками из Адвокатской конторы № 000 и Президиума Коллегии адвокатов «...». Как видно из до-

кладной записки федерального судьи М.В.Н. председателю Мосгорсуда от 22 октября 2003 года, он 29 сентября 2003 года отдал распоряжение о передаче в адвокатскую контору телефонограммы об извещении адвоката В. о продолжении судебного разбирательства 30 сентября 2003 года, зная, что адвокат с 25 сентября до 1 октября 2003 года находится в служебной командировке в N-ской области.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката В. в рассматриваемой части, Квалификационной комиссии также не представлено, поэтому и в этой части дисциплинарное производство необходимо прекратить.

Кодекс профессиональной этики адвоката наряду с требованием о необходимости по возможности заблаговременного уведомления адвокатом суда о невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании (ст. 14) предписывает, что адвокат, участвуя в судопроизводстве, должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса (ч. 1 ст. 12), а также определяет, что «обязанности адвоката, установленные Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», при оказании им юридической помощи доверителям бесплатно или по назначению суда в случаях, предусмотренных федеральным законом, не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар» (п. 8 ст. 10).

21 октября 2003 года в Мосгорсуде должно было продолжиться судебное заседание по уголовному делу по обвинению К.С.В. и др.; защиту гражданина К.С.В. по назначению должен был осуществлять адвокат В. В этот же день, в 13 часов 30 минут, в Д...ском районном суде г. Москвы было назначено рассмотрение уголовного дела по обвинению Г.Ю.П. и С.Н.А.; защиту обвиняемых на основании соглашения с ними также должен был осуществлять адвокат В. Как видно из письменных материалов дела и объяснений адвоката В., он 21 октября 2003 года ввиду ухудшения самочувствия (повышения артериального давления) обратился в лечебно-профилактическое учреждение «Поликлиника...», где ему была оказана медицинская помощь и выдан листок нетрудоспособности серии 0000 № 000; разрешено приступить к работе с 7 ноября 2003 года. О невозможности явки по состоянию здоровья в судебное заседание в Мосгорсуд адвокат В. не уведомил председательствующего по делу судью своевременно (судебное заседание было отложено на 11 часов, а уведомление сделано примерно в 12 часов 30 минут). Кроме того, не явившись по состоянию здоровья в судебное заседание в Мосгорсуд, в котором он должен был осуществлять защиту подсудимого по назначению, адвокат В., имея открытый листок нетрудоспособности, тем не менее в этот же день участвовал в судебном заседании в Д...ском районном суде г. Москвы, осуществляя защиту подсудимых по соглашению.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению суда, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятель-

ности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1, 2 и 4 п. 1, ч. 2 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Квалификационная комиссия считает, что:

– своевременно не известив председательствующего по уголовному делу федерального судью Московского городского суда М.В.Н. о невозможности по состоянию здоровья явиться в судебное заседание 21 октября 2003 года, адвокат В. нарушил п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката;

– не явившись 21 октября 2003 года в Московский городской суд для осуществления защиты подсудимого К.С.В. по назначению суда и в то же время явившись в Д...ский районный суд г. Москвы для осуществления защиты подсудимых Г.Ю.П. и С.Н.А. по соглашению (за гонорар), адвокат В. проявил неуважение к суду, рассматривающему уголовное дело по обвинению гражданина К.С.В. и др., и другим участникам этого процесса, и дал основание полагать, что юридическую помощь по назначению суда он оказывает менее ответственно, чем за гонорар; указанными действиями адвокат В. нарушил п. 1 ст. 12 и п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В то же время Квалификационная комиссия считает, что в действиях адвоката В., вопреки утверждению ГУ Минюста РФ по г. Москве, отсутствует нарушение ч. 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой «возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом», поскольку такого рода поступки адвоката заявителями в представлении и сообщении не описаны, а также отсутствует нарушение п. 3 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой «адвокат-защитник не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя», поскольку данное нарушение имеет место лишь при избрании адвокатом ошибочных тактических приемов коллизионной защиты. Длительное содержание подсудимых под стражей ввиду невозможности рассмотреть уголовное дело «в разумный срок» (п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), в том числе и по причине неявки защитника, своевременно извещенного о месте, дате и времени судебного разбирательства, ни при каких условиях не подпадает под проступок, описанный в п. 3 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. В указанной части дисциплинарное производство должно быть прекращено.

Нельзя согласиться и с утверждениями заявителей о том, что, не являясь в судебные заседания в Мосгорсуд, адвокат В. намеренно и умышленно пренебрегает правами и законными интересами своего доверителя – подсудимого К.С.В. Поводом для начала дисциплинарного производства по основанию неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем может быть только жалоба, поданная в Совет доверителем адвоката (лицом, обратившимся за оказанием юридической помощи), либо обращение иного уполномо-

моченного лица или органа, основанное на заявлении доверителя (лица, обратившегося за оказанием юридической помощи). Между тем, как видно из исследованного Квалификационной комиссией заявления, направленного гражданином К.С.В. в Адвокатскую палату г. Москвы, он никаких претензий к адвокату В., в том числе связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи, не имеет.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2 и 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение:

- о нарушении адвокатом В. п. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 12 и п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизоду неявки 21 октября 2003 года в судебное заседание Московского городского суда по уголовному делу по обвинению гражданина К.С.В. и др.;
- о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката В. в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года, а также 9 декабря 2002 года в судебные заседания Мосгорсуда по этому же уголовному делу вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства;
- о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката В. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

25 декабря 2003 года

№ 24

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката В.

по представлению ГУ Минюста России по г. Москве и письму председателя Московского городского суда

24 ноября 2003 года Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, основываясь на обращении председателя Московского городского суда о ненадлежащем исполнении адвокатом В. своих обязанностей и руководствуясь п. 5 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», направило в Адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвоката В. на основании подп. 5, 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и ст. 8, подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 8 ст. 10, ст. 12, п. 3 ст. 13, п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Председатель Московского городского суда обратился с аналогичным сообщением в Адвокатскую палату г. Москвы, полагая, что адвокат В. недостойн высокого звания адвоката, просит рассмотреть вопрос о прекращении его статуса.

В представлении, сообщении и приложенных к ним документах указано, что в производстве Московского городского суда с сентября 2000 года находится уголовное дело в отношении К.С.В., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 146 УК РСФСР, ч. 2 ст. 209 УК РФ, и других лиц (все-го вместе с К.С.В. – 16 человек). С 19 октября 2001 года по назначению суда в

судебном разбирательстве в качестве защитника подсудимого К.С.В. принимает участие адвокат В.

За период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года адвокат В. систематически без уважительных причин не являлся в судебные заседания.

Причины неявки в судебные заседания 9 декабря 2002 года, 23 апреля, 20 мая, 2 сентября, 9 сентября, 22 сентября, 30 сентября, 7 октября, 21 октября 2003 года не объяснил. 21 октября 2003 года, сославшись на болезнь, адвокат В. не явился в судебное заседание Мосгорсуда, однако в этот же день принимал участие в судебном заседании Д...ского районного суда г. Москвы. В результате неявок адвоката В. судебное разбирательство вышеуказанного уголовного дела в Мосгорсуде многократно откладывалось и приняло затяжной характер.

Изложенные обстоятельства Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве расценены как ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокатом В. перед доверителем и нарушение требований п. 1, 2, 4 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ст. 8, подп. 5 п. 1 ст. 9, п. 8 ст. 10, ст. 12, п. 3 ст. 13, п. 1 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката. В представлении указано, что адвокат «совершил поступок, порочащий честь и достоинство адвоката и выразившийся в неуважении к суду, другим участникам судебного разбирательства, в том числе к своим коллегам».

В сообщении председателя Московского городского суда указано, что «сознательно недобросовестное и нерадивое отношение адвоката В. к исполнению своих профессиональных обязанностей порочит его честь и достоинство как адвоката, свидетельствует о намеренном и умышленном пренебрежении интересами своего доверителя, а равно об умалении престижа адвокатуры, представляет собой проявление вопиющего неуважения к суду и участникам судебного разбирательства, в том числе и к его коллегам (защитникам, адвокатам), многие из которых аккуратно исполняют свои процессуальные обязанности и своевременно являются в судебные заседания».

11 декабря 2003 года Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы рассмотрела дисциплинарное производство в отношении адвоката В.

Руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 1, 2 и 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы вынесла заключение:

— о нарушении адвокатом В. п. 1 ст. 14, ч. 1 ст. 12 и п. 8 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката по эпизоду неявки 21 октября 2003 года в судебное заседание Московского городского суда по уголовному делу по обвинению гражданина К.С.В. и др.;

— о необходимости прекращения дисциплинарного производства по эпизодам неявки адвоката В. в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года, а также 9 декабря 2002 года в судебные заседания Мосгорсуда по этому же уголовному делу вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства;

— о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката В. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы, выслушав объяснение адвоката В., обсудив заключение Квалификационной комиссии, на основании тайного голосования, боль-

шинством голосов принял решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката В. вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката по следующим основаниям.

Меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года (ч. 2 п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства (подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Исходя из того, что с момента неявки адвоката В. в судебные заседания в Московском городском суде по уголовному делу по обвинению К.С.В. и др. в период с 19 октября 2001 года по 5 ноября 2002 года, а также 9 декабря 2002 года прошло более одного года, не обсуждая обоснованности доводов заявителей, в указанной части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства (подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат по возможности должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат В. пояснил, что в судебные заседания 23 апреля и 20 мая 2003 года он не являлся по причине осуществления защиты гражданина Ш.Ч.Г. — подозреваемого (обвиняемого) по другому уголовному делу, о чем оба раза накануне ставил в известность председательствующего по делу федерального судью М.В.Н. и получал его согласие. 23 апреля 2003 года Ч...кий районный суд г. Москвы в порядке ст. 108 УПК РФ рассматривал ходатайство дознавателя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемого Ш.Ч.Г. (копия постановления судьи Ч...кого районного суда г. Москвы от 23 апреля 2003 года по материалу № 81-236/2003 имеется в материалах дисциплинарного производства). Данное процессуальное действие относится к числу неотложных, решение по ходатайству должно быть вынесено в течение восьми часов с момента поступления материалов в суд (ч. 4 ст. 108 УПК РФ); рассмотрение ходатайства с участием другого адвоката могло нарушить право подозреваемого на защиту (см. ст. 50 УПК РФ), привести к вынесению судом незаконного постановления. 20 мая 2003 года предъявление обвинения Ш.Ч.Г. и его допрос в качестве обвиняемого заняли больше времени, чем изначально планировалось, однако данное обстоятельство также не может свидетельствовать о нарушении адвокатом федерального закона и норм адвокатской этики, поскольку продолжительность производства следственного действия определяется следователем (ст. 38, 164, 171—173, 189 УПК РФ); кроме того, уголовно-процессуальным законом установлен предельный срок (трое суток) для предъявления обвинения со дня вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 172 УПК РФ).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката В. по случаям неявки в судебные заседания 23 апреля и 20 мая 2003 года, Квалификационной комиссии не представлено. В указанных случаях в действиях

адвоката В. нельзя, вопреки утверждению ГУ Минюста РФ по г. Москве, усмотреть и нарушения подп. 5 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому «адвокат не вправе... принимать поручения на оказание юридической помощи заведомо больше, чем адвокат в состоянии выполнить», поскольку соглашение на представительство интересов Ш.Ч.Г. в различных государственных органах, в том числе и в порядке уголовного судопроизводства, было заключено адвокатом до назначения его защитником гражданина К.С.В. Кроме того, одновременное ведение адвокатом двух уголовных дел само по себе не может рассматриваться как принятие поручений в количестве, заведомо большем, чем адвокат может выполнить.

В соответствии с нормами уголовно-процессуального закона стороны должны быть извещены о дате и времени судебного заседания не менее чем за пять суток до его начала (ч. 4 ст. 231 УПК РФ); судья дает распоряжение о вызове в судебное заседание лиц, указанных в постановлении о назначении судебного заседания (ст. 232 УПК РФ); при невозможности судебного разбирательства вследствие неявки в судебное заседание кого-либо из вызванных лиц суд выносит определение или постановление о его отложении на определенный срок, одновременно принимаются меры по вызову неявившихся лиц (ч. 1 ст. 253 УПК РФ).

Адвокатом В. представлены убедительные объяснения о причине неявки его в судебные заседания 2, 9, 22, 30 сентября и 7 октября 2003 года, заключающейся в неизвещении его судом о дате и времени судебного разбирательства. Эти объяснения подтверждаются справками из Адвокатской конторы № 000 и Президиума Коллегии адвокатов «...».

Как видно из докладной записки федерального судьи М.В.Н. председателю Мосгорсуда от 22 октября 2003 года, он 29 сентября 2003 года отдал распоряжение о передаче в адвокатскую контору телефонограммы об извещении адвоката В. о продолжении судебного разбирательства 30 сентября 2003 года, зная, что адвокат с 25 сентября до 1 октября 2003 года находится в служебной командировке в N-ской области.

При таких обстоятельствах и в этой части дисциплинарное производство подлежит прекращению.

В действиях адвоката В., вопреки утверждению ГУ Минюста РФ по г. Москве, отсутствует нарушение п. 2 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой, «возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом», поскольку такого рода поступки адвоката заявителями в представлении и сообщении не описаны, а также отсутствует нарушение п. 3 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которой «адвокат-защитник не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя», поскольку данное нарушение имеет место лишь при избрании адвокатом ошибочных тактических приемов коллизионной защиты.

Длительное содержание подсудимых под стражей ввиду невозможности рассмотреть уголовное дело «в разумный срок» (п. 1 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод), в том числе и по причине неявки защитника, временно извещенного о месте, дате и времени судебного разбирательства, ни при каких условиях не подпадает под проступок, описанный в п. 3 ст. 13 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Нельзя согласиться и с утверждениями о том, что, не являясь в судебные заседания в Мосгорсуд, адвокат В. намеренно и умышленно пренебрегает правами и законны-

ми интересами своего доверителя подсудимого К.С.В. Поводом для начала дисциплинарного производства по основанию неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем может быть только жалоба, поданная в Совет доверителем адвоката (лица, обратившегося за оказанием юридической помощи), либо обращение иного уполномоченного лица или органа, основанное на заявлении доверителя (лица, обратившегося за оказанием юридической помощи). Между тем, как видно из исследованного заявления, направленного гражданином К.С.В. в Адвокатскую палату г. Москвы, он никаких претензий к адвокату В., в том числе связанных с оказанием квалифицированной юридической помощи, не имеет.

Совет Адвокатской палаты не находит состава дисциплинарного проступка в действиях адвоката В. и по эпизоду его неявки в судебное заседание Мосгорсуда 21 октября 2003 года.

Адвокат В. пояснил, что, несмотря на имевшийся у него больничный лист, он явился в Д...ский районный суд г. Москвы 21 октября 2003 года, уступив настоятельным просьбам своих доверителей, поскольку судебное заседание заняло немного времени. Такое поведение адвоката нельзя расценить в качестве дисциплинарного проступка.

С учетом изложенного, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты г. Москвы,

РЕШИЛ:

прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката В. вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 28 по дисциплинарному производству в отношении адвоката А.

23 января 2004 года

город Москва

(Извлечение)

22 декабря 2003 года Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, рассмотрев сообщения, опубликованные в средствах массовой информации, об изъятии у адвоката А., осуществляющей защиту на предварительном следствии обвиняемого Х.М.Б., переписки в Специальном следственном изоляторе ГУИН Минюста РФ, направило в Адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвоката А. на основании подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В представлении и приложенных к нему документах указано, что 11 ноября 2003 года у адвоката А. после ее свидания с обвиняемым Х.М.Б. в СИЗО обнаружены записка и документ под названием «Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.», которые были направлены в Генеральную прокуратуру РФ; указанные материалы, по выводам старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ К.С.К., ведущего расследование по уголовному делу по обвинению Х.М.Б., использованы обвиняемым Х.М.Б. для противодействия следствию путем склонения свидетелей к даче заведомо ложных показаний,

воздействию недозволенными методами на следствие и на персонал следственного изолятора с целью изменить избранную меру пресечения; эта записка осмотрена и приобщена к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Как указано в представлении, «документ под названием “Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.” является юридическим анализом материалов уголовного дела по обвинению Л.П.Л., т.е. другого уголовного дела, по которому адвокат Г. ознакомился в порядке ст. 217 УПК РФ и, несмотря на то, что у него была взята подписка о неразглашении данных предварительного следствия по уголовному делу, а адвокат А. использовала данные уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, для их разглашения в пользу Х.М.Б. – обвиняемого по другому уголовному делу».

Изложенные обстоятельства, по мнению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, являются основанием для прекращения статуса адвоката А. в связи с совершением последней поступка, порочащего честь и достоинство адвоката, выразившегося в нарушении подп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно «в нарушении правил поведения при осуществлении адвокатской деятельности, пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона, не могут быть исполнены адвокатом».

9 января 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката А., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В объяснениях, данных в ходе разбирательства в Квалификационной комиссии, представитель территориального органа юстиции В.М.И. поддержал представление Главного управления Минюста РФ по г. Москве, уточнив, что представление основано на сообщениях, распространенных в средствах массовой информации, а также полученных от следователя Генеральной прокуратуры РФ К.С.К.; документы, приложенные к представлению, также поступили из органов следствия Генеральной прокуратуры РФ. Он пояснил, что, поскольку изъятый сотрудниками следственного изолятора у А. рукописный документ, опубликованный 24 ноября 2003 года в газете «Коммерсантъ», не был подписан, а в средствах массовой информации сообщалось, что этот документ написан лично Х.М.Б., то 2 декабря 2003 года адвокат А. по просьбе В.М.И. собственноручно написала заявление о том, что письменный материал, вышедший в газете «Коммерсантъ» от 24 ноября 2003 года, был написан ее рукой, равно как и заявление о внесении в реестр адвокатов г. Москвы от 7 мая 2002 года, а также анкета от 17 июня 2002 года. Сверив указанные рукописные документы, он пришел к выводу, что все они написаны рукой адвоката А. По мнению Главного управления юстиции по г. Москве, адвокатом А. была нарушена ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, так как у нее находились материалы, не относящиеся к делу Х.М.Б., это был предварительный правовой анализ по делу Л.П.Л., который она предоставила Х.М.Б. для ознакомления; речь идет о законности и нравственности профессии, адвокат должен защищать, а «не учить, как того склонить, того научить». Л.П.Л. защищает адвокат Г., который давал подписку о неразглашении; этот правовой анализ имеет отношение и к Х.М.Б., и к Л.П.Л., но А. не могла им распоряжаться, так как она не имела доступа к делу, не давала подписки о неразглашении данных предварительного следствия; он (В.М.И.) этот материал не видел и не читал, так как он секретный, охраняемый тайной следствия. В.М.И. подчеркнул, что в соответствии с Федеральным

законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» территориальный орган юстиции направляет в адвокатскую палату представления, основываясь на сведениях, ставших известными из любых источников; правовой анализ при этом не проводится и правовой оценки действиям адвоката не дается, поскольку закон такого права не предоставил; правом рассмотрения, проверки и вынесения решения наделены Квалификационная комиссия и Совет Адвокатской палаты; в представлении написано, в чем вина адвоката А.

В своих объяснениях, данных в ходе разбирательства в Квалификационной комиссии, письменных объяснениях от 20 января 2004 года, заявлении в Адвокатскую палату г. Москвы от 14 ноября 2003 года адвокат А. по поводу обстоятельств, изложенных в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, указала следующее.

В соответствии с соглашением об оказании юридической помощи (ордер № 730 от 30 октября 2003 года) она осуществляла защиту Х.М.Б. и в связи с осуществлением функций защитника 11 ноября 2003 года встречалась с ним в следственном изоляторе г. Москвы. По существующим в изоляторе правилам она оставила свою сумку в специально отведенном для этого месте, а с собой взяла все имевшиеся у нее материалы по разработке позиции по уголовному делу, как те, что необходимы для беседы с подзащитным, так и все остальные, поскольку не считает, что при оставлении документов в местах, куда имеют доступ сотрудники изолятора, можно быть уверенным в сохранности конфиденциальности содержащихся в них сведений. Среди других документов, которые находились в двух картонных папках, был отпечатанный на компьютере и никем не подписанный проект правовой позиции по уголовному делу Л.П.Л., обвинение которого полностью совпадает с одним из эпизодов обвинения ее подзащитного Х.М.Б., а также написанный ею дома вечером предыдущего дня (т.е. 10 ноября 2003 года) лист бумаги, на котором были записаны ее соображения по защите, с тем, чтобы их обсудить во время встречи с другими адвокатами Х.М.Б., назначенной на вечер 11 ноября 2003 года. На этом листе среди пометок была записана и просьба сокамерника Х.М.Б. — некоего К., просившего через Х.М.Б., чтобы к нему пришел его адвокат С.; данную просьбу Х.М.Б. передал адвокату А. на предыдущей встрече, но она ее не выполнила. 11 ноября 2003 года, во время беседы с подзащитным Х.М.Б., адвокат А. оба вышеуказанных письменных материала из картонных непрозрачных папок не доставала и читать их ему не давала. Ее беседа с Х.М.Б. началась примерно в 13 часов 30 минут и закончилась примерно около 14 часов 20 минут. В процессе встречи они прорабатывали материалы защиты, в том числе заключения экономических экспертиз. Когда по окончании встречи с подзащитным адвокат вышла в коридор, то к ней подошел сотрудник изолятора, сказал, что у него есть к ней вопросы, и для удобства попросил зайти в соседний кабинет. Когда адвокат А. вместе с двумя сотрудниками следственного изолятора зашли в кабинет, то последние спросили, есть ли у нее не принадлежащие ей вещи и предметы. Она ответила, что таковых не имеет. Тогда сотрудники изолятора предложили ей представить им содержимое папок, чтобы они сами в этом убедились. Адвокат отказалась, объяснив, что в папках находятся материалы защиты. Сотрудники изолятора вышли из кабинета, а примерно через 10 минут в него зашел мужчина, представившийся начальником оперативного отдела изолятора, который стал настойчиво требовать от адвоката, чтобы она предоставила ему для ознакомления находящиеся в ее папках материалы. Адвокат А. отказалась выполнить это требование, сославшись на Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», который не позволяет изымать или знакомиться с содержанием адвокатского досье. В ответ ей сказали, что в изоляторе все регулируется только Федеральным законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняе-

мых в совершении преступлений», который, по мнению сотрудника изолятора, позволяет проводить проверку любых материалов. После «получасовой дискуссии» сотрудник, представившийся начальником оперативного отдела, без согласия адвоката А. взял одну из папок и стал читать ее материалы. Через некоторое время он позвал сотрудников изолятора и понятых из числа сотрудников изолятора и предложил им составить протокол описи всех материалов адвоката А. Помимо листов формата А4 у нее были с собой блокноты, в которых она делает записи, Х.М.Б. в этих блокнотах ничего не писал. Сотрудники изолятора прочитали и отобрали у адвоката все документы, о чем был составлен протокол, от подписания которого адвокат А. отказалась и направилась к выходу из следственного изолятора. По истечении не более чем 10 минут, пока она получала сумку в камере хранения, ее попросили пройти в кабинет начальника оперативного отдела, где адвокату А. были возвращены все материалы, за исключением двух, указанных выше, — отпечатанного на компьютере проекта правовой позиции по уголовному делу Л.П.Л. и листа бумаги, на котором А. были записаны ее соображения по защите; также А. выдали копию нового протокола личного досмотра с указанием на изъятие двух указанных документов. В данном протоколе не были указаны фамилии лиц, проводивших досмотр и присутствовавших при его производстве. При выполнении вместе с Х.М.Б. требований ст. 217 УПК РФ по уголовному делу № 18/72-03 А. узнала, что изъятые у нее документы следователем осмотрены и 21 ноября 2003 года приобщены к уголовному делу в качестве вещественных доказательств. Ксерокопии документов из этого уголовного дела, приложенные адвокатом А. к заявлению в Адвокатскую палату г. Москвы от 14 ноября 2003 года, а также к объяснениям от 20 января 2004 года, получены ею в процессе ознакомления с материалами уголовного дела на основании ч. 2 ст. 217 УПК РФ, они находятся в т. 226.

Кроме того, адвокат А. пояснила, что первоначально Л.П.Л. и Х.М.Б. привлекались по уголовному делу под общим номером № 18/41-03, по которому был составлен изъятый у нее сотрудниками следственного изолятора предварительный уголовно-правовой анализ обвинения; обвинение Л.П.Л. и Х.М.Б. было предъявлено по одному эпизоду. Впоследствии уголовное дело в отношении Л.П.Л. было выделено, и ему присвоен № 18/58-03, а 25 ноября 2003 года было выделено уголовное дело в отношении Х.М.Б. с присвоением № 18/72-03. На 11 ноября 2003 года, благодаря средствам массовой информации, обвинение уже не являлось тайной ни для кого, поскольку было общедоступно, так как в газете «Коммерсантъ» от 29 октября 2003 года № 198 была опубликована справка по уголовному делу № 18/41-03, которая основывалась на материалах этого дела, раскрывая суть обвинения, предъявленного как Л.П.Л., так и Х.М.Б.

Адвокат А. считает, что она, являясь защитником гражданина Х.М.Б., действовала в полном соответствии с предписаниями законодательства, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а указанными действиями сотрудников следственного изолятора ГУИН МЮ РФ были грубо нарушены ее права как защитника по уголовному делу, а также конституционное право гражданина Х.М.Б. на защиту.

Выслушав объяснения представителя Главного управления Минюста по г. Москве В.М.И., адвоката А., изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы представления, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Конституция РФ провозгласила, что Российская Федерация — Россия есть демократическое правовое государство. Человек, его права и свободы являются высшей

ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства (ст. 1 и 2).

В Российской Федерации каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу, предъявления обвинения (ст. 48 Конституции РФ).

Как следует из Постановления Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П, «гарантируя право на получение именно квалифицированной юридической помощи, государство должно, во-первых, обеспечить условия, способствующие подготовке квалифицированных юристов для оказания гражданам различных видов юридической помощи, в том числе в уголовном судопроизводстве, и, во-вторых, установить с этой целью определенные профессиональные и иные квалификационные требования и критерии»; «критерии квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве, исходя из необходимости обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон, закрепленного в ст. 123 (ч. 3) Конституции РФ, устанавливает законодатель путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников». В соответствии с ч. 2 ст. 49 УПК РФ в качестве защитников на досудебном производстве по уголовному делу допускаются только адвокаты. Именно в институте адвокатуры реализуется гарантированное Конституцией РФ право на получение квалифицированной юридической помощи.

Вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещается. Истребование от адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается (п. 1 и 3 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Одной из важнейших гарантий независимости адвоката, обеспечивающей возможность защищать интересы доверителей, является институт адвокатской тайны, под которой Федеральный закон понимает «любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю» (п. 1 ст. 8). Профессиональная тайна адвоката представляет собой иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. Профессиональная тайна является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются, в частности, на все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; любые другие сведения, связанные с оказанием юридической помощи... (п. 1–3, 5 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката допускается только на основании судебного решения. Полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей (п. 3 ст. 8 Федерального закона).

В ходе уголовного судопроизводства обвиняемый вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально (п. 9 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Адвокат

вправе беспрепятственно встречаться со своим доверителем наедине, в условиях, обеспечивающих конфиденциальность (в том числе в период его содержания под стражей) (подп. 5 п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» «свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать».

Согласно ч. 6 ст. 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления», сотрудники мест содержания под стражей вправе производить досмотр вещей и одежды лиц, оказавшихся на территории мест содержания под стражей, при наличии достаточных оснований подозревать таких лиц в попытке проноса запрещенных предметов, веществ и продуктов питания. К числу таких предметов, несомненно, относятся записки (письма) подзащитного, переданные адвокату для вручения посторонним лицам.

В соответствии со ст. 14.3b Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года каждый при рассмотрении любого предъявляемого ему уголовного обвинения вправе на основе полного равенства иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником.

В соответствии с п. 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых 30 августа 1955 года в Женеве, на Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, одобренных Экономическим и Социальным Советом в его Резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, лица, находящиеся под арестом или ожидающие суда (подследственные заключенные), «в целях своей защиты должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. С этой целью в их распоряжение следует предоставлять по их требованию письменные принадлежности. Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов».

Из исследованных Квалификационной комиссией материалов дисциплинарного производства следует, что 11 ноября 2003 года адвокат А., осуществляя защиту обвиняемого Х.М.Б., в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу, прибыла в следственный изолятор ГУИН МЮ РФ, где примерно с 13 часов 30 минут до 14 часов 20 минут беседовала со своим подзащитным. Содержание этой беседы составляет адвокатскую тайну и может быть предано гласности только самим гражданином Х.М.Б. либо его адвокатом, но только по указанию подзащитного (см. подп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката; п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 года № 108-О).

Действующее законодательство, предоставляя адвокату, в том числе участвующему в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, право различными путями собирать различные сведения, необходимые для оказания юридической помощи своему доверителю (см. подп. 1–4 п. 3 ст. 6 Федерального закона, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не содержит запретов (см. Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации), знакомить доверителя, в том числе и обвиняемого,

содержащегося под стражей, с собранными защитником сведениями, в том числе и письменными документами, обсуждать необходимость и пути их использования для реализации права на защиту. Не ознакомив своего доверителя с собранными адвокатом сведениями, последний нарушит возложенную на него законом обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). При этом следует иметь в виду, что действия, направленные на ограничение права на защиту обвиняемого, содержащегося под стражей, и затруднение реализации этого права, противозаконны. Основанием для избрания меры пресечения, в том числе и содержания под стражей, согласно ст. 97 УПК РФ не является необходимость ограничить или затруднить реализацию права обвиняемого на защиту. Как следует из УПК РФ, фактическое положение обвиняемого (арестован он или нет) не может влиять на реализацию им права на защиту, в том числе на возможность общаться с защитником и обмениваться с ним информацией по уголовному делу (см. п. 2 ч. 1 ст. 6, ст. 11, ст. 16, ст. 49 УПК РФ). Действующее законодательство не предписывает адвокату общаться во время свидания со своим подзащитным, содержащимся под стражей, исключительно в вербальной форме; кроме того, часть информации по своей природе не может передаваться вербальным путем (необходимость производства расчетов, изображения схемы места происшествия, зарисовки какого либо процесса и пр.).

Изложенное подтверждается и тем обстоятельством, что при входе в следственный изолятор от адвоката А. потребовали сдать только сумку с личными вещами, но не папки с адвокатским производством по делу, на которое, как указано выше, в соответствии с действующим законодательством распространяются правила сохранения адвокатской тайны.

Главное управление Минюста РФ по г. Москве, указывая, что адвокат А. совершила поступок, порочащий честь и достоинство адвоката, обвиняет ее в том, что она «использовала данные уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, для их разглашения в пользу Х.М.Б. — обвиняемого по другому уголовному делу»; предоставила Х.М.Б. материалы, которые последний использовал «для противодействия следствию путем склонения свидетелей к даче заведомо ложных показаний, воздействию недозволенными методами на следствие и на персонал следственного изолятора, с целью изменить избранную меру пресечения», т.е. тем самым «нарушила правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, поскольку пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона, не могут быть исполнены адвокатом».

По мнению Квалификационной комиссии, данные утверждения являются надуманными, они не только не подтверждаются, но и опровергаются исследованными материалами дисциплинарного производства.

Как видно из объяснений адвоката А., 11 ноября 2003 года во время беседы с подзащитным Х.М.Б., она отпечатанного на компьютере проекта правовой позиции по уголовному делу Л.П.Л. и листа бумаги, озаглавленного «Задание для защиты», на котором ею были записаны ее соображения по защите, из картонных непрозрачных папок не доставала и читать их Х.М.Б. не давала.

Данное утверждение адвоката, не будучи опровергнуто, подтверждается исследованным Квалификационной комиссией рапортом младшего инспектора II категории старшего сержанта внутренней службы Ф.А.Г., из которого следует, что 11 ноября 2003 года во время проведения свидания обвиняемого Х.М.Б. со своим адвокатом А. Ф.А.Г. было замечено, как адвокат и обвиняемый неоднократно передавали друг дру-

гу блокноты с какими-то записями, периодически производя записи в них, о чем он доложил ДПНСИ смены.

Исходя из того, что основанием для досмотра вещей и одежды адвоката А. послужил рапорт младшего инспектора II категории, старшего сержанта внутренней службы Ф.А.Г., сотрудники следственного изолятора были вправе потребовать у адвоката предъявить им блокнот (ы) в целях выяснения, не содержится ли в нем (них) произведенные рукой Х.М.Б. послания, предназначенные для передачи другим лицам. Вместо этого сотрудники СИЗО подвергли досмотру все материалы, находившиеся у адвоката А. в двух папках, изъяв изготовленный на компьютере текст, озаглавленный «Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.», и рукописный документ, озаглавленный «Задание для защиты». При этом ни в исследованном Квалификационной комиссией протоколе личного досмотра адвоката А. от 11 ноября 2003 года, ни в протоколах допросов свидетелей Б.В.В. (инспектор режима и охраны ИЗ-99/...) и Л.В.К. (дежурный помощник начальника следственного изолятора дневной смены ИЗ-99/...) от 18 ноября 2003 года вообще не упоминается об обнаружении у адвоката А. блокнотов.

Допрошенный в качестве свидетеля следователем следственной группы Генеральной прокуратуры дежурный помощник начальника следственного изолятора дневной смены ИЗ-99/... Л.В.К., показал, в частности, что «после 13 часов мне по телефону Ф.А.Г., который ведет визуальное наблюдение за следственными кабинетами, сообщил, что во время свидания арестованного Х.М.Б. с адвокатом встречающиеся друг другу передавали бумаги с записями. Поскольку производилась передача, мы обязаны были осмотреть адвоката на предмет выноса запрещенных документов и предметов», «мы А. пояснили, что у нас возникли подозрения по поводу передачи от подследственного Х.М.Б. документов», «мы ей в устной форме объяснили, что... по законодательству обвиняемому запрещено в ходе краткосрочного свидания передавать кому-либо предметы и документы». Аналогичные показания дал следователю следственной группы Генеральной прокуратуры РФ инспектор режима и охраны ИЗ-99/... Б.В.В.

По мнению Комиссии, приведенные объяснения сотрудниками следственного изолятора мотивов своих действий являются надуманными, поскольку в соответствии с п. 29 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Минюста РФ (утв. приказом Минюста РФ № 148 от 12 мая 2000 года) при выводе обвиняемых в пределах СИЗО к защитнику, до и после свидания с родственниками и иными лицами производится обыск, в ходе которого просматриваются и прощупываются одежда и обувь обыскиваемого без его раздевания. В соответствии же с п. 151 Правил попытка передачи лицами, прибывшими на свидание, сведений, которые могут препятствовать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, является основанием для досрочного прекращения свидания, чего в рассматриваемом случае сделано не было.

Кроме того, текст, изготовленный на компьютере, не мог быть передан адвокату находящимся под стражей обвиняемым и потому, что у него отсутствовала техническая возможность его изготовить.

Изложенное приводит Квалификационную комиссию к убеждению, что личный досмотр адвоката А. 11 ноября 2003 года, в ходе которого у нее были изъяты материалы защиты (материалы, входящие в состав адвокатского производства по делу доверителя), был проведен незаконно, при отсутствии оснований, предусмотренных ч. 6 ст. 34 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Кроме того, данный личный досмотр был незаконен по форме его проведения. Как видно из протокола личного досмотра, инспектор ОРиО пр-к вн. сл. Б.В.В. в присутствии ДПНСИ смены Л.В.К. и мл. инсп. II категории Ф.А.Г. (все трое – мужчины) «произвел досмотр вещей и одежды адвоката А.» (женщины). О проведении при указанных обстоятельствах «досмотра вещей и одежды адвоката А.» Б.В.В. 11 ноября 2003 года сообщил в своем рапорте начальнику Следственного изолятора № ... ГУИН МЮ РФ капитану вн. сл. М.Э.Б. Между тем в процессуально-правовой регламентации производства личного досмотра (обыска) является общепризнанным, что это следственное действие производится только лицом одного пола с досматриваемым (обыскиваемым) в присутствии понятых того же пола (см. ч. 1 п. 3 ст. 27.7 КоАП РФ; ч. 3 ст. 184 УПК РФ; п. 30 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Минюста РФ; п. 3 ст. 373 Таможенного кодекса РФ). В соответствии с ч. 1 ст. 21 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством, ничто не может быть основанием для его умаления; данное право (свобода) не подлежит ограничению.

Поскольку Квалификационная комиссия пришла к выводу, что личный досмотр адвоката А. 11 ноября 2003 года был произведен без законных оснований, то протокол личного досмотра и изъятие в ходе этого досмотра документы следует признать недопустимыми доказательствами.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Эта конституционная норма, лишаящая незаконно добытые доказательства юридической силы, воспроизводится во всех кодексах, регламентирующих порядок производства по уголовным, гражданским и административным делам: Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 75), Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 55), Кодексе РФ об административных правонарушениях (ст. 26.2). В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 55 ГПК РФ «доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда».

В соответствии со ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Квалификационная комиссия создается, в том числе, для рассмотрения жалоб на действия адвокатов. По результатам рассмотрения жалобы Комиссия дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей. Совет Адвокатской палаты принимает решение о прекращении статуса адвоката при совершении им поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры (подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона), на основании заключения Квалификационной комиссии (п. 2 ст. 17; подп. 8 п. 2 ст. 31 Федерального закона), т.е. принимает решение, влекущее для адвоката важные юридически значимые последствия. Решение о прекращении статуса адвоката может быть обжаловано в суд (п. 4 ст. 17 Федерального закона) в порядке гражданского судопроизводства, который при рассмотрении жалобы и принятии решения руководствуется, в том числе, и предписаниями ГПК РФ по вопросу о допустимости доказательств. Таким образом, решение Совета Адвокатской палаты по вопросу о прекращении статуса адвоката и соответствующее заключение Квалификационной комиссии являются актами квазисудебных органов, а потому они не могут основываться на доказательствах, полученных с нарушением закона.

Таким образом, конституционный запрет использовать для обоснования решения доказательства, полученные с нарушением закона, уже сам по себе не позволяет Квалификационной комиссии удовлетворить представление о прекращении статуса

адвоката А., как основанное на материалах, неправомерно изъятых при проведении незаконного личного досмотра.

Возражая против утверждения Главного управления Минюста РФ по г. Москве о том, что адвокат А. «использовала данные уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, для их разглашения в пользу Х.М.Б. — обвиняемого по другому уголовному делу», адвокат указала, что, во-первых, она на свидании 11 ноября 2003 года не знакомила Х.М.Б. с «проектом правовой позиции по уголовному делу Л.», а во-вторых, обвинение, предъявленное Л.П.Л., полностью совпадает с одним из эпизодов обвинения ее подзащитного Х.М.Б., а уголовные дела в отношении Л.П.Л. (№ 18/58-03) и Х.М.Б. (№ 18/72-03) были выделены из одного уголовного дела № 18/41-03, по которому был составлен изъятый у нее сотрудниками следственного изолятора предварительный уголовно-правовой анализ обвинения. На 11 ноября 2003 года содержание этого обвинения стало общедоступно, так как в газете «Коммерсантъ» от 29 октября 2003 года № 198 была опубликована справка по уголовному делу № 18/41-03.

Квалификационной комиссией исследована «Справка по уголовному делу № 18/41-03», распространенная Управлением информации и общественных связей Генеральной прокуратуры РФ 28 октября 2003 года и опубликованная, в частности, в ежедневной газете «Коммерсантъ» № 198 от 29 октября 2003 года (с. 18—19) со ссылкой на интернет-сайт информационного агентства «Интерфакс». Как видно из текста справки, в ней изложено содержание предъявленного Х.М.Б. обвинения (по существу воспроизводится мотивировочная часть постановления о привлечении в качестве обвиняемого). При этом неоднократно встречаются фразы типа: «Х.М.Б., работая председателем Совета директоров ОАО КБ "...", создал организованную группу лиц с целью завладения путем обмана акциями российских предприятий в период проведения приватизации... В группе также состояли Л.П.Л. — президент банка "..."... Для совершения преступлений, под руководством Х. и Л. организованной группой были учреждены... Х. совместно с Л. и членами организованной группы, действуя через подконтрольных ему лиц... Являясь председателем совета директоров банка "...", Х., в составе организованной группы, в которую входили президент банка Л.П.Л. и неустановленные следствием лица, в 1995 году в г. Москве руководил обманным завладением акциями АО "..."...» и т.д. и т.п. Содержание опубликованной в СМИ справки Генеральной прокуратуры РФ не только не опровергалось, наоборот, Генеральный прокурор РФ В.В. Устинов в интервью корреспонденту журнала «Итоги» заявил: «...мы же ничего не скрываем: впервые — беспрецедентный случай — мы дали полный текст фавулы обвинения» (Итоги. 2003. № 50 (392). 16 декабря. С. 28).

Изложенное, по мнению Комиссии, подтверждает довод адвоката А. о том, что в изъятом у нее документе под названием «Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.» содержались сведения, относящиеся к осуществлению защиты обвиняемого Х.М.Б.

В представлении Главного управления Минюста РФ по г. Москве указано, что «документ под названием “Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.” является юридическим анализом материалов уголовного дела по обвинению Л.П.Л., т.е. другого уголовного дела, по которому адвокат Г. ознакомился в порядке ст. 217 УПК РФ и, несмотря на то, что у него была взята подписка о неразглашении данных предварительного следствия по уголовному делу, а адвокат А. использовала данные уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, для их разглашения в пользу Х.М.Б. — обвиняемого по другому уголовному делу». К представлению приложено письмо старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ К.С.К. от 15 декабря 2003 года

№ 18/72-03, в котором, помимо вышеприведенного утверждения, указано также, что адвокат Г. «разгласил данные следствия по уголовному делу».

Адвокат Г. в письменных объяснениях, направленных им в Адвокатскую палату г. Москвы, указал, что с 15 июля 2003 года он осуществляет защиту обвиняемого по уголовному делу № 18/41-03, в процессе которой им «наряду с жалобами, ходатайствами и заявлениями также составлялись самые различные правовые заключения, в которых давался анализ предъявленного его подзащитному обвинения, предлагались варианты как правовой, так и доказательственной позиций по уголовному делу»; как ему стало известно, 11 ноября 2003 года в процессе досмотра сотрудниками следственного изолятора ИЗ-99/... адвоката А. у последней был изъят документ, называемый «Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.», который, как утверждают и представители Генеральной прокуратуры РФ, и представители Министерства юстиции РФ, был составлен Г. Адвокат Г. указал, что ему «трудно дать оценку данному документу, тем более признать себя его автором, так как он ему никогда не предъявлялся, но, исходя из названия документа, он не может исключить, что имел отношение к его составлению»; «документ со схожим названием был подготовлен им примерно 20 августа 2003 года в связи с предъявлением Л.П.Л. постановления о привлечении в качестве обвиняемого и распространен исключительно среди адвокатов, которые осуществляли защиту Л.П.Л., для обсуждения».

Комиссия считает, что все приведенные выше утверждения о разглашении адвокатом Г. адвокату А. данных предварительного следствия по другому уголовному делу, а также о разглашении последней этих данных Х.М.Б. являются голословными, носят предположительный характер, никакими доказательствами не подтверждаются. Комиссия напоминает, что общеправовым следствием из презумпции невиновности является не только правило о толковании всех неустранимых сомнений в виновности в пользу лица (в дисциплинарном производстве — адвоката), но и запрет основывать вывод о доказанности противоправных действий на предположениях.

При этом Квалификационная комиссия считает необходимым отметить, что если бы факт ознакомления адвокатом А. своего подзащитного Х.М.Б. с данными уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, полученными ею от защитника Л.П.Л. — адвоката Г. в виде «Предварительного уголовно-правового анализа обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.», и был установлен, использование адвокатом при осуществлении защиты разработок своих коллег по общему для их подзащитных эпизоду обвинения ни при каких обстоятельствах не может быть расценено в качестве нарушения норм профессиональной этики.

В представлении Главного управления Минюста РФ по г. Москве со ссылкой на выводы старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ К.С.К., указано, что изъятые у адвоката А. записка и документ под названием «Предварительный уголовно-правовой анализ обвинения по уголовному делу в отношении Л.П.Л.» «использованы обвиняемым Х.М.Б. для противодействия следствию путем склонения свидетелей к даче заведомо ложных показаний, воздействию недозволёнными методами на следствие и на персонал следственного изолятора, с целью изменить избранную меру пресечения». В самом же письме старшего следователя по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ К.С.К. содержится дополнительное обвинение в адрес адвоката А.: «Данная записка была изъята после посещения защитником обвиняемого Х., т.е. последний продиктовал адвокату А. план противодействия следствию путем фальсификации доказательств, что отрицательно могло повлиять на установление истины по делу».

Оценивая вышеприведенные утверждения, Комиссия также признает их голословными, носящими предположительный характер, поскольку никакими доказательствами они не подтверждаются, а имеют своей целью дискредитировать адвоката, который добросовестно осуществляет конституционно значимую деятельность.

Из приведенных выше и никем не опровергнутых объяснений адвоката А. следует, что рукописный документ, озаглавленный «Задание для защиты» был написан ею дома вечером 10 ноября 2003 года, на нем записаны ее соображения по защите с тем, чтобы их обсудить во время встречи с другими адвокатами Х.М.Б., намеченной на вечер 11 ноября 2003 года. Во время свидания с Х.М.Б. 11 ноября 2003 года данный документ адвокат А. из непрозрачной картонной папки не доставала и читать своему подзащитному не давала.

Проанализировав изготовленный адвокатом А. рукописный документ, озаглавленный «Задание для защиты», Квалификационная комиссия считает необходимым отметить следующее.

Сам факт производства адвокатом каких-либо записей, вне зависимости от их содержания, ни при каких условиях не может образовать состав дисциплинарного проступка.

Если в записях содержатся какие-либо предположительно незаконные призывы (например, см. 119, 280, 282, 296 и др. УК РФ) или не соответствующие действительности сведения (см. ст. 152 ГК РФ), то оценивать их правовую природу можно только после распространения этих призывов или сведений, т.е. доведения их до сведения третьих лиц.

Если в записях содержатся какие-либо предположительно незаконные указания, просьбы и т.п., то опять-таки оценивать в правовом плане (законные — незаконные) поступки лица можно только после того, как оно совершит какие-либо действия, направленные на реализацию своих планов, зафиксированных в письменной форме (например, совершит действия, направленные на выполнение объективной стороны такого преступления, как фальсификация доказательств — ст. 303 УК РФ).

Российский закон не считает противоправным и наказуемым так называемое обнаружение умысла. Это связано с тем, что в основу ответственности кладется только деяние, опасное во внешнем выражении, т.е. опасное для интересов личности, общества и государства (разумеется, с учетом необходимого виновного отношения — см. п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Все, что не выражено в деянии (действии, бездействии), находится вне сферы правового регулирования, является в правовом плане безразличным и не может влечь ответственности (см.: *Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. М.: БЕК, 1996. С. 262*). «Одно намерение, за которым еще не последовало никакого вредного действия, не дает властителю права употреблять за оное наказание, ибо права других нарушают не помышление, а дела» (см.: *Куницын А.П. Право естественное. СПб., 1818. С. 34*).

Квалификационная комиссия отмечает, что в силу самой природы права, допускающего привлечение кого-либо к ответственности не за мысли, намерения, идеи, а только лишь за конкретные действия, личные записи адвоката А. не могут считаться поступком, порочащим честь и достоинство адвоката или умаляющим авторитет адвокатуры.

Квалификационная комиссия не может входить в обсуждение личных записей адвоката А., выполненных в связи с осуществлением защиты обвиняемого Х.М.Б., и выяснять у нее, что означает та или иная фраза, какие факторы и обстоятельства легли в ее основу и побудили адвоката зафиксировать на бумаге свои соображения по вопросам защиты, ибо все это составляет предмет адвокатской тайны.

Но и проанализировав записи, сделанные адвокатом А. на листе, озаглавленном «Задание для защиты», Квалификационная комиссия не усматривает в их содержании чего-либо, что могло бы быть оценено как «поступок, порочащий честь и достоинство адвоката или умаляющий авторитет адвокатуры» (подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»), поскольку все они касаются тех или иных стратегий защиты Х.М.Б., которые, как любые намерения любого человека, могли бы быть реализованы как законным, так и незаконным путем. Доказательств, подтверждающих их реализацию, да еще и противозаконным путем (например, что адвокат А. склоняла свидетелей к даче заведомо ложных показаний, воздействовала недозволенными средствами на следствие и на персонал следственного изолятора либо содействовала в нарушении закона своему подзащитному), заявителем Квалификационной комиссии не представлено. Толкование этих записей, сделанное старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры РФ К.С.К. в письме от 15 декабря 2003 года № 18/72-03 (продиктованный Х.М.Б. адвокату «план противодействия следствию путем фальсификации доказательств»), является предположением, не основанным, как видно из письма, ни на каких объективных фактических данных (иными словами, его внутреннее убеждение не мотивировано, а потому правильность его формирования не поддается проверке и оценке).

Так, текст «проработать вопрос со свидетелями» не есть синоним «склонить ко лжи»; выражение «должен дать отрицательный (неопредел.) ответ» по правилам русского языка не может толковаться как ответ обязательно ложный – просто иного ответа и быть не может, поскольку человеку не известен или недостаточно хорошо известен предмет, о котором его спросят. Выявление свидетелей защиты путем их предварительного опроса с целью последующего вызова к следователю или в суд, а также контроль за тем, чтобы они туда явились и дали показания в пользу стороны защиты – законные полномочия адвоката, которыми его наделяют Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и УПК РФ. Признать показания свидетелей правдивыми или ложными вправе только суд в приговоре, но не следователь на стадии предварительного расследования.

Относительно первой записи «К. повторно ждет адвоката С.», сделанной адвокатом А. на листе «Задание для защиты», Квалификационная комиссия отмечает, что действительно эта запись не связана с осуществлением защиты Х.М.Б., что подтвердила и сама адвокат, пояснив, что на листе среди пометок была записана и просьба сокамерника Х.М.Б. некоего К., просившего через Х.М.Б., чтобы к нему пришел его адвокат С.; данную просьбу Х.М.Б. передал ей на предыдущей встрече, но она ее не выполнила. Квалификационная комиссия не может расценить ни сам факт фиксации в адвокатском досье подобной просьбы, ни даже передачу этой просьбы адресату, если бы таковая состоялась, как совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, поскольку эти действия законом не запрещены: каждый обвиняемый вправе иметь свидания с защитником, в том числе до первого допроса обвиняемого, без ограничения их числа и продолжительности (подп. 9 п. 4 ст. 47 УПК РФ).

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 1,

2 и 4 ч. 1, ч. 2 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат А. предоставила Квалификационной комиссии убедительные объяснения и иные проанализированные выше доказательства, опровергающие доводы, содержащиеся в представлении Главного управления Минюста РФ по г. Москве, приложенных к нему документах и объяснениях представителя заявителя В.М.И.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката А. и иные представленные ею доказательства, Квалификационной комиссии не представлено.

В этой связи Квалификационная комиссия вопреки доводам, содержащимся в представлении Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве, не усматривает нарушения адвокатом А.:

– п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она при осуществлении профессиональной деятельности (защите обвиняемого Х.М.Б.) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняла обязанности, активно защищала права, свободы и интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката;

– п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она не исполняла каких-либо пожеланий, просьб или указаний доверителя, направленных на несоблюдение закона или нарушение правил, предусмотренных Кодексом профессиональной этики адвоката;

– подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», поскольку она не совершала поступков, порочащих честь и достоинство адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката А. нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

РЕШЕНИЕ СОВЕТА АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ

3 февраля 2004 года

№ 4

город Москва

О дисциплинарном производстве в отношении адвоката А. по представлению Главного управления Минюста России по г. Москве

(Извлечение)

Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве направило в Адвокатскую палату г. Москвы представление о прекращении статуса адвоката А., руководствуясь подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, на основании сообщений, опубликованных в средствах массовой информации, об изъятии у адвоката А., осуществляющей защиту на предварительном следствии обвиняемого Х.М.Б., переписки в Специальном следственном изоляторе ГУИН Минюста РФ.

Изложенные обстоятельства, по мнению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, являются основанием для прекращения статуса адвоката А. в связи с совершением последней поступка, порочащего честь и достоинство адвоката, выразившегося в нарушении подп. 4 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8, п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката.

9 января 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката А., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы.

В ходе разбирательства в Квалификационной комиссии представитель территориального органа юстиции В.М.И. поддержал представление Главного управления Минюста РФ по г. Москве, уточнив, что изъятый сотрудниками следственного изолятора у А. рукописный документ, опубликованный 24 ноября 2003 года в газете «Коммерсантъ», был написан рукой адвоката А.

Адвокат А. по поводу обстоятельств, изложенных в представлении Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, указала, что в соответствии с соглашением об оказании юридической помощи (ордер № 730 от 30 октября 2003 года) она осуществляла защиту Х.М.Б. и в связи с осуществлением функций защитника 11 ноября 2003 года встречалась с ним в следственном изоляторе г. Москвы.

Ее беседа с Х.М.Б. началась примерно в 13 часов 30 минут и закончилась примерно около 14 часов 20 минут. В процессе встречи они прорабатывали материалы защиты, в том числе заключения экономических экспертиз. Когда по окончании встречи с подзащитным адвокат вышла в коридор, сотрудники изолятора предложили ей представить им содержимое папок. Адвокат отказалась, объяснив, что в папках находятся материалы защиты. После «получасовой дискуссии» сотрудник, представившийся начальником оперативного отдела, без согласия адвоката А. взял одну из папок и стал читать ее материалы. Затем сотрудники изолятора прочитали и отобрали у адвоката все документы, о чем был составлен протокол, от подписания которого адвокат А. отказалась. Копию протокола личного досмотра выдали А. с указанием на изъятие

двух документов. В данном протоколе не были указаны фамилии лиц, проводивших досмотр и присутствовавших при его производстве.

Адвокат А. считает, что она, являясь защитником гражданина Х.М.Б., действовала в полном соответствии с предписаниями законодательства, в том числе Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а указанными действиями сотрудников следственного изолятора ГУИН МЮ РФ были грубо нарушены ее права как защитника по уголовному делу, а также конституционное право гражданина Х.М.Б. на защиту.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы констатирует, что в соответствии с Конституцией Российской Федерации, нормами международного права, Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката и иными нормативными актами одной из важнейших гарантий независимости адвоката, обеспечивающей возможность защищать интересы доверителей, является институт адвокатской тайны, под которой понимаются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Профессиональная тайна адвоката представляет собой иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией Российской Федерации. Профессиональная тайна является безусловным приоритетом деятельности адвоката. Срок хранения тайны не ограничен во времени. Адвокат не может быть освобожден от обязанности хранить профессиональную тайну никем, кроме доверителя. Правила сохранения профессиональной тайны распространяются, в частности, на все доказательства и документы, собранные адвокатом в ходе подготовки к делу; сведения, полученные адвокатом от доверителей; информацию о доверителе, ставшую известной адвокату в процессе оказания юридической помощи; содержание правовых советов, данных непосредственно доверителю или ему предназначенных; все адвокатское производство по делу; любые другие сведения, связанные с оказанием юридической помощи.

Вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются. Истребование от адвокатов сведений, связанных с оказанием юридической помощи по конкретным делам, не допускается.

В соответствии с п. 93 Минимальных стандартных правил обращения с заключенными, принятых 30 августа 1955 года в Женеве на Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, одобренных Экономическим и Социальным Советом в его Резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 года и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 года, лица, находящиеся под арестом или ожидающие суда (подследственные заключенные) «в целях своей защиты должны иметь право обращаться там, где это возможно, за бесплатной юридической консультацией, принимать в заключении юридического советника, взявшего на себя их защиту, подготавливать и передавать ему конфиденциальные инструкции. С этой целью в их распоряжение следует предоставлять по их требованию письменные принадлежности. Свидания заключенного с его юридическим советником должны происходить на глазах, но за пределами слуха сотрудников полицейских или тюремных органов».

11 ноября 2003 года адвокат А., осуществляя защиту обвиняемого Х.М.Б., в отношении которого применена мера пресечения в виде заключения под стражу, прибыла в следственный изолятор ГУИН МЮ РФ, где примерно с 13.30 до 14.20 час. беседовала со своим подзащитным. Содержание этой беседы составляет адвокатскую тайну и может быть предано гласности только самим гражданином Х.М.Б. либо его адвокатом, но только по указанию подзащитного (см. подп. 5 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 6 Кодекса профессиональной

этики адвоката; п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК РФ и Определение Конституционного Суда РФ от 6 марта 2003 года № 108-О).

Действующее законодательство, предоставляя адвокату, в том числе участвующему в качестве защитника в уголовном судопроизводстве, право различными путями собирать различные сведения, необходимые для оказания юридической помощи своему доверителю (подп. 1—4 п. 3 ст. 6 Федерального закона, ч. 3 ст. 86 УПК РФ), не содержит запретов (Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации), знакомить доверителя, в том числе и обвиняемого, содержащегося под стражей, с собранными защитником сведениями, в том числе и письменными документами, обсуждать необходимость и пути их использования для реализации права на защиту. Не ознакомив своего доверителя с собранными адвокатом сведениями, последний нарушит возложенную на него законом обязанность честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона; п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). При этом следует иметь в виду, что действия, направленные на ограничение права на защиту обвиняемого, содержащегося под стражей, и затруднение реализации этого права, противозаконны.

Главное управление Минюста РФ по г. Москве считает, что адвокат А. совершила поступок, порочащий честь и достоинство адвоката, обвиняет ее в том, что она «использовала данные уголовного дела по обвинению Л.П.Л., по которому она защитником не является, для их разглашения в пользу Х.М.Б. — обвиняемого по другому уголовному делу»; предоставила Х.М.Б. материалы, которые последний использовал «для противодействия следствию путем склонения свидетелей к даче заведомо ложных показаний, воздействию недозволёнными методами на следствие и на персонал следственного изолятора, с целью изменить избранную меру пресечения», т.е. тем самым «нарушила правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, поскольку пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные на несоблюдение закона, не могут быть исполнены адвокатом».

Совет согласен с заключением Квалификационной комиссии, которая, проверив эти утверждения, признала их надуманными, так как они не только не подтвердились, но и опроверглись исследованными материалами дисциплинарного производства.

Совет также соглашается с выводами Квалификационной комиссии, которые изложены в ее заключении о том, что личный досмотр адвоката А. 11 ноября 2003 года, в ходе которого у нее были изъяты материалы защиты (материалы, входящие в состав адвокатского производство по делу доверителя), был проведен незаконно.

В соответствии с ч. 2 ст. 50 Конституции РФ при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. Эта конституционная норма, лишающая незаконно добытые доказательства юридической силы, воспроизводится во всех кодексах, регламентирующих порядок производства по уголовным, гражданским и административным делам: Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. 75), Гражданском процессуальном кодексе РФ (ст. 55), Кодексе РФ об административных правонарушениях (ст. 26.2). В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 55 ГПК РФ «доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда».

Решение Совета Адвокатской палаты по вопросу о прекращении статуса адвоката и соответствующее заключение Квалификационной комиссии не могут основываться на доказательствах, полученных с нарушением закона.

Конституционный запрет использовать для обоснования решения доказательства, полученные с нарушением закона, уже сам по себе не позволяет ни Совету, ни Квалификационной комиссии удовлетворить представление о прекращении статуса адвоката А., как основанное на материалах, неправомерно изъятых при проведении незаконного личного досмотра.

В связи с тем, что личный досмотр адвоката А. 11 ноября 2003 года был произведен без законных оснований, то протокол личного досмотра и изъятые в ходе этого досмотра документы следует признать недопустимыми доказательствами.

Совет согласен с утверждением Квалификационной комиссии, которая по результатам проверки пришла к выводу, что рукописный документ, озаглавленный «Задание для защиты», был написан адвокатом А. дома вечером 10 ноября 2003 года и содержит ее соображения по защите.

Ни Совет, ни Квалификационная комиссия не могут входить в обсуждение и выяснять у адвоката А., что означает та или иная фраза, какие факторы и обстоятельства легли в ее основу и побудили адвоката зафиксировать на бумаге свои соображения по вопросам защиты, ибо все это составляет предмет адвокатской тайны.

Сам факт производства адвокатом каких-либо записей, вне зависимости от их содержания, ни при каких условиях не может образовать состав дисциплинарного проступка. Личные записи адвоката А. не могут считаться поступком, порочащим честь и достоинство адвоката или умаляющим авторитет адвокатуры, и сами по себе не свидетельствуют, что защита осуществлялась противоправными методами.

На основании изложенного, Совет

РЕШИЛ:

1. В действиях адвоката А. не усматривается нарушений п. 1 ст. 8 и п. 1 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, подп. 5 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

2. В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката А., в связи с отсутствием в ее действиях нарушений норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

3. Направить настоящее решение в адрес Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ при АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЕ города МОСКВЫ № 31 по дисциплинарному производству в отношении адвоката В.

13 февраля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

13 августа 2003 года судьей О...ского городского суда Московской области Д.И.И. вынесено частное определение в отношении адвоката В., который в соответствии с заключенным соглашением представлял интересы Л.А.В. в гражданском процессе по иску о причинении материального ущерба, причиненного пожаром.

Слушание дела неоднократно откладывалось по заявлению Л.А.В., в качестве одного из доводов отложения ответчица указывала на отсутствие адвоката В. 7 апре-

ля 2003 года адвокат не мог явиться в судебное заседание в связи с убытием в США, 5 мая 2003 года — в связи с нахождением в командировке, 27 мая 2003 года — в связи с занятостью в другом непрерывном процессе, 23 июня 2003 года — по неизвестным суду причинам. Доказательств, подтверждающих уважительность причин неявки, суду не представлено.

Адвокат, не согласившись с действиями суда, прервав объяснения ответчицы Л.А.В. на стадии рассмотрения дела по существу, заявил отвод председательствующему без указания мотива отвода, в связи с чем председательствующий отклонил его рассмотрение, после чего адвокат самовольно покинул зал судебного заседания, указав ответчице удалиться из зала заседания вместе с ним.

Судья Д.И.И. считает, что поступок адвоката В. свидетельствует о явном неуважении к суду и привел к дальнейшему затягиванию дела.

3 сентября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката В., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы.

Адвокат В., надлежаще извещенный о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства, на заседание Квалификационной комиссии не явился.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отношении адвоката В. в его отсутствие, поскольку в соответствии с п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства.

Адвокат В. в своем объяснении пояснил, что во время заседания у него случился сердечный спазм. В связи с этим он был вынужден покинуть зал судебного заседания. В тот же день он был на приеме у кардиолога, о чем имеется справка, в которой подтверждается диагноз — острая сердечная недостаточность. О днях своей неявки в судебные заседания адвокат В. надлежащим образом извещал суд.

Изучив материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы частного определения судьи О...ского городского суда Московской области Д.И.И., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к выводу о том, что в действиях (бездействии) адвоката В. отсутствует нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката В., вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 35
по дисциплинарному производству в отношении адвоката М.**

26 марта 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В жалобе, зарегистрированной 27 октября 2003 года (вх. № 3029), и дополнительной жалобе от 21 ноября 2003 года Г.И.А. просит «принять меры к адвокату М. и обязать его вернуть... часть оплаченного... гонорара в размере 5 000 долларов США». Как утверждает заявитель, адвокат М., заключивший с ним 6 июня 2003 года договор поручения в интересах дочери Г.И.А. Л.И.И., осужденной приговором Ч...кого суда г. Москвы от 15 апреля 2003 года за совершение предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ преступления к наказанию в виде двух лет лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии общего режима, «принял на себя обязательства на стадии исполнения наказания, а также принять меры в части снятия дополнительного наказания – ст. 97 УК РФ», однако «никакой работы адвокат не провел», необходимых мер для прекращения назначенного Л.И.И. по приговору суда принудительного лечения от наркомании и ее условно-досрочного освобождения не предпринял.

Адвокат М. представил в связи с жалобой Г.И.А. письменные объяснения от 25 ноября 2003 года, в которых он оспаривает доводы заявителя и утверждает, что «полно, в соответствии с пожеланиями клиентов» исполнил свои обязательства по оказанию квалифицированной юридической помощи Л.И.И., причем «никаких заверений или обещаний, выходящих за пределы работ по договору ...не допускал».

На заседании Комиссии заявитель дал устные объяснения и подтвердил позицию, отраженную в его жалобах. Г.И.А. сообщил, что считает единственной выполненной адвокатом М. конкретной работой написание им 17 октября 2003 года ходатайства в Л...ский районный суд г. Москвы об изменении Л.И.И. вида колонии и отмене принудительного лечения ее от наркомании. Между тем по утверждению Г.И.А., адвокат М. обязался добиться независимого медицинского освидетельствования Л.И.И. и содействовать отмене назначенного ей принудительного лечения от наркомании, а также обеспечить ее условно-досрочное освобождение от наказания. По мнению Г.И.А., плохая работа адвоката М. была причиной того, что Л.И.И. получила свободу не в сентябре 2003 года, а лишь в феврале 2004 года.

Адвокат М. на заседании Комиссии пояснил, что действительно заключил с Г.И.А. 6 июня 2003 года договор поручения на защиту интересов его дочери – осужденной Л.И.И. в стадии исполнения приговора. Однако договор не содержал конкретных обязательств, связанных с непременным достижением результата по отмене назначенного подзащитной приговором суда принудительного лечения от наркомании и с ее освобождением от наказания; речь шла о комплексе консультационных услуг и составлении необходимых документов по просьбам доверителей. В соответствии с принятыми на себя обязательствами адвокат составил 17 октября 2003 года ходатайство в Л...ский суд в интересах Л.И.И. и передал его администрации СИЗО, неоднократно посещал ее в следственном изоляторе до отправки в исправительную колонию, давал ей советы по правовым вопросам. Он договорился с начальником СИЗО, что тот допустит к Л.И.И. специалистов-наркологов, однако найти их для производства независимого исследования Л.И.И. должен был Г.И.А., но последний свою часть работы не выполнил. Все полученные от клиента деньги М. оприходовал в соответствии с действующим законодательством, уплатил налоги. Адвокат М. считает, что подзащитная

была довольна его работой. Она находилась около полугода в СИЗО и не была направлена в исправительную колонию в Ч. не в связи с упущениями адвоката, но с учетом ее пожеланий. Л...ский районный суд не рассмотрел составленное адвокатом ходатайство от 17 октября 2003 года, так как администрация СИЗО не направила это документ в суд.

Исследовав представленные материалы, Комиссия находит доказанным, что 6 июня 2003 года Г.И.А. и адвокат М. заключили договор поручения, согласно которому адвокат М. принял на себя обязательство по защите за счет доверителя прав Л.И.И. «на стадии исполнения наказания». Согласно п. 16 договора под работой адвоката в рамках этого соглашения подразумевалось «следующее: консультации, составление заявлений, ходатайств, запросов и иных документов, а также их подача в соответствующие инстанции, по вопросу условно-досрочного освобождения подзащитной или изменения текущего режима наказания на менее строгий», а равно и по вопросу отмены принудительного лечения подзащитной. Во исполнение принятых на себя по договору поручения обязательств адвокат М., в частности, получил по своему запросу 7 октября 2003 года от администрации СИЗО № ... характеристику на заключенную Л.И.И. в соответствии с согласованным с последней планом работы, что подтверждается имеющимися копиями сопроводительного письма от 7 октября 2003 года, характеристики на Л.И.И., адресованного адвокату М. заявления его подзащитной от 2 октября 2003 года, ходатайства адвоката от 2 октября 2003 года; составил и передал администрации СИЗО ходатайство в Л...ский суд г. Москвы от 17 октября 2003 года с просьбами «рассмотреть возможность изменения Л.И.И. режима отбывания наказания – колонии общего режима, на менее строгое – колонию-поселение... отдельно решить вопрос возможности отмены... принудительного лечения от наркомании» (копия ходатайства в материалах дисциплинарного производства имеется).

Комиссия констатирует, что жалобы от подзащитной Л.И.И. на действия или бездействие адвоката М. не поступали.

Выслушав в соответствии с принципом состязательности объяснения заявителя Г.И.А. и адвоката М., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сторон, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, проведя голосование именованными бюллетенями, единогласно пришла к следующим выводам.

В соответствии с положениями ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами» и несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей. Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем, и существенным условием такого соглашения является предмет поручения (п. 1 и подп. 2 п. 4 ст. 25 названного Федерального закона). Дополняющий установленные законодательством правила Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает, что «Адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю заверения и гарантии в отношении результата выполнения поручения, которые могут прямо или косвенно вызывать у обратившегося необоснованные надежды или представления, что адвокат может повлиять на результат другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей» (п. 2 ст. 10 Кодекса). Предметом рассмотрения соответствующей Квалификационной комиссии должны стать, в частности, неиспол-

нение или ненадлежащее исполнение адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем (п. 2 ст. 19 Кодекса).

В данном случае не опровергнутые заявителем объяснения адвоката М., содержание заключенного между сторонами договора поручения и рассмотренных документов свидетельствуют, что адвокат М. не допустил нарушений Кодекса профессиональной этики адвоката и в рамках заключенного с клиентом договора надлежащим образом исполнил свои обязательства перед ним и подзащитной Л.И.И.: согласовал с ней позицию и конкретные мероприятия по делу, истребовал необходимые документы, составил и передал администрации СИЗО для направления в суд ходатайство в интересах доверителей. Предметом соглашения, заключенного между доверителем и адвокатом М., не были гарантии добиться желательных для Г.И.А. и его дочери результатов по делу, и отсутствуют доказательства, подтверждающие, будто адвокат давал клиенту заверения, которые могли бы прямо или косвенно вызвать у него необоснованные надежды или представления.

Рассмотрение требования Г.И.А. о частичном возвращении адвокатом гонорара в компетенцию Комиссии не входит.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката М. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 37
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Н.**

26 марта 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 1-04 от 14 ноября 2003 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. на основании жалобы судьи Т...кого межмуниципального (районного) суда г. Москвы И.Е.А. от 10 ноября 2003 года.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев представленную жалобу и объяснения адвоката Н., установила следующее.

30 октября 2003 года в судебное заседание по уголовному делу в отношении Ш.В.В. явились свидетель Г.М.С. и адвокат Н., защищавший в Т...ком суде г. Москвы интересы свидетеля Г.М.С. После допроса указанного свидетеля с участием адвоката Н. в судебном заседании был объявлен перерыв на 30 минут. При этом судья настоятельно попросила свидетеля Г.М.С. и адвоката Н. не покидать зал судебного заседания. Однако адвокат Н. требование судьи не выполнил и вместе со свидетелем Г.М.С. самовольно покинул зал судебного заседания, при этом не указав даже причин своего ухода и не поставив об этом в известность ни судью, ни секретаря судебного заседания.

В письменных объяснениях адвокат Н. указал, что его доверитель – свидетель Г.М.С. «в первой части судебного заседания дал суду показания в полном объеме и ответил на все дополнительные вопросы». В перерыве судебного заседания Г.М.С.

уехал, «сославшись на неотложные дела». Адвокат Н. посчитал, что в соответствии с Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» он не может находиться в судебном заседании в отсутствие доверителя Г.М.С.

На заседании Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы 26 марта 2004 года адвокат Н. не смог объяснить, на какую норму действующего законодательства он ссылается, обосновывая свое поведение в Т...ком суде г. Москвы 30 октября 2003 года. В связи с уходом доверителя адвокат Н. посчитал свое дальнейшее присутствие в судебном заседании нецелесообразным. При этом Квалификационная комиссия установила, что суд не освободил адвоката Н. от участия в процессе.

Учитывая вышеизложенное, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, изучив материалы дела, приняв во внимание письменные и устные объяснения адвоката Н., пришла к заключению:

1. Адвокат Н. неправильно понимает нормы законодательства – отсутствие доверителя не снимает с него обязанности присутствовать в процессе.

2. Адвокат Н. нарушил п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, которая устанавливает, что, «участвуя или присутствуя на судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении».

Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы от 21 апреля 2004 года (протокол № 5) дисциплинарное производство в отношении адвоката Н. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 38
по дисциплинарному производству в отношении адвоката П.**

26 марта 2004 года

город Москва

(Извлечение)

24 октября 2003 года О...нским районным судом г. Москвы рассматривалось гражданское дело № 2-2058/03 по иску Ч.П.А. к С.Т.А. и др. Представительство истца осуществлялось адвокатом П.

В частном определении федеральный судья М.С.Е. указывает, что адвокатом П. допускались грубые нарушения порядка судебного заседания, выразившиеся в перебивании председательствующего, в телефонных разговорах в зале судебного заседания на стадии оглашения письменных материалов дела. В ходе судебного заседания П. допускались некорректные высказывания в адрес других участников процесса и судьи. За нарушение порядка, в соответствии с требованиями ст. 159 ГПК РФ, П. была подвергнута штрафу.

Изложенные обстоятельства, по мнению федерального судьи М.С.Е., являются несоблюдением профессиональной этики, свидетельствуют о неуважении адвоката П. к суду и несовместимы со званием адвоката.

Адвокат П. по поводу обстоятельств, изложенных в частном определении федерального судьи М.С.Е., указала, что в соответствии с принятым поручением на представительство интересов истца Ч.П.В. в гражданском процессе по иску Ч.П.В. к С.Т.А. и др. о понуждении к заключению договора купли-продажи квартиры в г. Москве, признании недействительным договора купли-продажи данной квартиры между С.Т.А. и И., в обязанности органов регистрации произвести регистрацию договора купли-продажи О...нским районным судом г. Москвы под председательством федерального судьи М.С.Е. в феврале 2002 года рассмотрено гражданское дело и вынесено решение об отказе в удовлетворении иска Ч.П.В. Одновременно с вынесением решения вынесено определение суда от 24 октября 2003 года, которым адвокат П. подвергнута штрафу в размере 1 000 рублей за нарушение порядка судебного заседания (которое адвокатом обжаловано в суд, до настоящего времени жалоба не рассмотрена). Вынесено также частное определение от 24 октября 2003 года.

Адвокат П. считает указанное определение суда незаконным, предвзятым.

Как видно из объяснений, адвокат считает незаконными действия председательствующего в суде, выразившиеся в препятствовании изложению доводов истца, в том числе об отложении дела в связи с неявкой истца и необходимостью истребования дополнительных доказательств. Все письменные ходатайства о необходимости истребования дополнительных доказательств были судом отклонены. Суд отклонил ряд ходатайств об отложении дела в связи с необходимостью предъявления и составления дополнительного искового заявления.

Кроме того, адвокат П. пояснила, что суд, по ее мнению, нарушал права истца на представление доказательств, предъявление, изменение и дополнение иска, а также ст. 17, 19, 24, 35, 46, 45 Конституции РФ, тем самым фактически лишил возможности истца не только обратиться за судебной защитой в виде предъявления иска, но и отстаивать свои интересы в суде. Она указывает в своем объяснении, что как представитель истца не могла обойти молчанием такое поведение судьи, которая делала замечания адвокату за нарушение порядка в судебном заседании в момент обоснования ходатайств и в связи с прерыванием председательствующим выступления адвоката.

Адвокат П. пояснила, что просила занести в протокол свои возражения против действий председательствующего и ущемления прав истца, но суд не реагировал. Понимая, что стороне истца не дается возможности осуществления своих процессуальных прав, что судебное заседание ведется тенденциозно, причем адвокат все время перебивается судом, адвокатом П. было заявлено ходатайство об отводе председательствующего. Суд вновь перебил адвоката, не дав мотивировать и обосновать отвод. В совещательную комнату суд не удалился, ходатайство об отводе не рассмотрел, заявив, что отвод не может быть заявлен (с разъяснением П. ст. 19 ГПК РФ – о возможности заявления отвода только до начала рассмотрения дела по существу), в связи с чем суд не будет рассматривать отвод.

Адвокат П. просила суд отразить ходатайство в протоколе с указанием на ч. 2 ст. 19 ГПК РФ о допустимости рассмотрения отвода в ходе дальнейшего рассмотрения дела в случае, если лицу стало известно об основаниях отвода после начала рассмотрения дела, просила удалиться в совещательную комнату для рассмотрения отвода. При этом председательствующий, не сдерживая своих эмоций, обращала внимание, что адвокат делает бесполезные попытки поднять руку и встать для заявления, усаживала П., лишала возможности делать заявления, повторяя замечания в ее адрес.

Кроме того, адвокат П. пояснила, что все ее попытки возобновить обоснование необходимости заявления уточненных исковых требований в ходе дачи объяснения в интересах истца были вновь пресечены репликой председательствующего о том, что

сколько бы П. не заявляла ходатайств, она только тянет время и настраивает против себя суд.

В своем пояснении адвокат П. указывает, что телефоном в суде не пользовалась, наоборот, она на глазах у судьи отключила телефон, но, видимо, в здании суда имеется установка, которая блокирует работу телефона и его невозможно отключить, кнопка не срабатывала. Адвокат, принеся извинения суду, попросила разрешения выйти. При этом П. извинилась и сообщила, что не может отключить телефон из-за наличия блокировки.

Адвокат П. полагает, что судья вынесла неправоудное решение и, как бы опасаясь жалоб в Квалификационную комиссию со стороны истца и оправдываясь за свои незаконные действия, вынесла частное определение в ее адрес.

Квалификационной комиссией изучены ряд ходатайств, поданных адвокатом П. в интересах истца Ч.П.А. (об истребовании документов, о приобщении к материалам дела документов от 24 декабря 2002 года), объяснение-возражение адвоката П. на девяти листах от 22 декабря 2003 года, объяснение-возражение в Совет Адвокатской палаты г. Москвы от 6 марта 2004 года.

Адвокат П. представила Квалификационной комиссии убедительные объяснения и иные проанализированные выше доказательства, опровергающие доводы частного определения федерального судьи М.С.Е.

В этой связи Квалификационная комиссия, вопреки доводам, содержащимся в частном определении федерального судьи М.С.Е., не усматривает нарушения адвокатом П. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку она при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняла обязанности, активно защищала права и интересы доверителя, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката П. нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 41
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

16 апреля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Федеральный судья П...кого районного суда г. Москвы Ч.С.В. 7 октября 2003 года обратился в Совет Адвокатской палаты г. Москвы с сообщением, указав в нем, что в производстве суда находится уголовное дело в отношении И.А.К., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ; по мнению судьи, защиту И.А.К. осуществляет адвокат Московской коллегии адвокатов «...» С., который, будучи телефонограммой от 29 сентября 2003 года извещен о слушании 7 октября 2003 года в 10 часов 30 минут уголовного дела по обвинению И.А.К., в судебное за-

седание не явился и о причинах неявки суду не сообщил, в связи с чем слушание дела было отложено. Заявитель просит принять соответствующие меры по недопущению срывов судебных заседаний в связи с неявкой адвоката.

Адвокат С. в своих письменных объяснениях, подтвержденных на заседании Комиссии, утверждает, что он осуществлял защиту И.А.К. на основании соглашения на защиту только в период производства дознания; соглашение с ним на защиту И.А.К. в судебных стадиях процесса не заключалось, сообщений о назначении его защитником в порядке ст. 51 УПК РФ в коллегию не поступало, в связи с чем телефонограмму из суда о вызове его в суд по делу И.А.К. в порядке ст. 51 УПК РФ он счел ошибочной. После поступления в коллегию 27 октября 2003 года повторной телефонограммы о вызове его в суд для участия в деле И.А.К. адвокат С. явился в суд, однако судебное заседание не состоялось из-за болезни И.А.К. Адвокат сообщил судье об отсутствии соглашения с И.А.К., и судья приняла решение о назначении И.А.К. другого защитника в порядке ст. 51 УПК РФ.

Изучив представленные материалы и заслушав объяснения адвоката С., Квалификационная комиссия считает объяснения адвоката С. убедительными. Изложенные в обращении федерального судьи сведения о допущенном якобы адвокатом С. нарушении закона, норм Кодекса профессиональной этики адвоката имеющимися в распоряжении Квалификационной комиссии материалами не подтверждаются, а потому Комиссия не находит оснований для привлечения адвоката С. к дисциплинарной ответственности.

С учетом вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката С. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 43–44

по дисциплинарному производству в отношении адвокатов Е. и Р.

23 апреля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В Адвокатскую палату г. Москвы поступила жалоба гражданки А.Е.В. на действия адвокатов Е. и Р.

В жалобе заявитель указывает, что она, А.Е.В., заключила соглашение с адвокатами Е. и Р. о том, что они берут под защиту ее мужа А.Э.Е., 13 июля 1958 г.р., задержанного 3 апреля 2003 года ОВД «...» и обвиняемого по ч. 3 ст. 158 и ч. 3 ст. 30 УК РФ, уплатив адвокатам за работу 75 000 рублей (в валюте). Со стороны адвокатов никаких ходатайств и жалоб на предварительном следствии составлено не было; никаких консультаций ни А.Е.В., ни ее муж от адвокатов не получали. Заявитель считает, что работа адвокатов на предварительном следствии была выполнена неквалифицированно и на очень низком уровне. Впоследствии, за две недели до суда, адвокаты отказались от защиты А.Э.Е., не аргументируя свои действия и отказываясь вернуть деньги, требуя при этом от А.Е.В. расписку, что она к адвокатам никаких претензий не имеет, угрожая А.Е.В., что в случае подачи ею жалобы в «Коллегию адвокатов» все это очень

плохо отразится на ней и ее муже. При составлении письменного соглашения с А.Е.В. адвокаты не выдали ей ни копию соглашения, ни квитанцию об оплате, сказав, что выдадут через два дня. По прошествии двух дней адвокаты отказались выдать эти документы, не выдали их вообще, чем, по мнению заявительницы, нарушили свои адвокатские полномочия, воспользовавшись юридической неосведомленностью А.Е.В.

А.Е.В. просит принять ее жалобу на рассмотрение, обязать адвокатов Е. и Р. вернуть ее деньги, а также понести соответствующие наказания.

17 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвокатов Е. и Р., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 14 октября 2003 года и 27 января 2004 года, в объяснениях, данных 23 апреля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, а также ссылаясь на документы, приложенные к письменным объяснениям, адвокат Е. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе А.Е.В., указала, что 2 июня 2003 года ею было принято поручение на ведение дела А.Э.Е. на стадии предварительного расследования, получен ордер № 11/03 от 2 июня 2003 года. Соглашение с адвокатом было заключено женой обвиняемого – А.Е.В. (регистрационная карточка № 28/2 от 2 июня 2003 года). Вознаграждение за оказываемую адвокатом Е. юридическую помощь было определено в сумме 14 500 рублей, которые были внесены в кассу Коллегии адвокатов по квитанции № 257000 от 2 июня 2003 года. Все документы, квитанция были переданы А.Е.В. 30 мая 2003 года аналогичное соглашение А.Е.В. заключила с адвокатом Р. Адвокаты Е. и Р. посетили обвиняемого А.Э.Е. в СИЗО 77/... заявляли ходатайства, которые частично были удовлетворены, участвовали в предъявлении обвинения, допросах, очных ставках, дважды выполняли требования ст. 217 УПК РФ, давали различные консультации, советы. 10 и 19 сентября 2003 года А.Е.В. заключила с адвокатами Е. и Р. соглашения на защиту в К...ком районном суде г. Москвы ее мужа А.Э.Е. Во время свидания с адвокатами в следственном изоляторе А.Э.Е. заявил им, что для его освобождения нужно передать 1 500 долларов США судье Б. (К...кий суд), при этом он не хотел слушать никаких аргументов адвокатов, настаивал на своем. Поскольку адвокаты отказались выполнить не основанное на законе требование своего подзащитного, А.Э.Е. сказал, что участие в деле адвокатов не нужно. 11 сентября 2003 года он написал адвокатам заявление, что к ним никаких претензий не имеет, после чего соглашение на его защиту в суде было расторгнуто. Адвокаты 29 сентября 2003 года дали распоряжение бухгалтерии Коллегии адвокатов «...» вернуть А.Э.Е. гонорар за ведение дела в суде в сумме 30 600 рублей (1 000 долларов США). 30 сентября 2003 года адвокат Е. направила А.Е.В. телеграмму с просьбой прийти в Коллегию адвокатов «...» по адресу: г. Москва, ул. ... д. ... офис... для получения денег в сумме 1 000 долларов США; телеграмма не была доставлена, поскольку квартира была закрыта, адресат по извещению на почту за телеграммой не явился. 2 октября 2003 года в 10 часов 49 минут, в Коллегию адвокатов поступила телефонограмма о том, что 6 октября 2003 года А.Е.В. придет в офис... для оформления возврата денег за суд. А.Е.В. отказалась подписывать бухгалтерские документы о возврате денег. Адвокат Е. не представляла в К...кий районный суд г. Москвы ордер на защиту А.Э.Е.

В своих письменных объяснениях от 14 октября 2003 года и 27 января 2004 года, в объяснениях, данных 23 апреля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, а также ссылаясь на документы, приложенные к письменным объяснениям, адвокат Р. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе А.Е.В., дала пояснения, аналогичные приведенным выше пояснениям адвоката Е. При этом она

дополнительно указала, что 30 мая 2003 года ею с А.Е.В. было заключено соглашение № СУ-2003-32п на защиту по уголовному делу на стадии предварительного расследования А.Э.Е., получен ордер № 130 от 10 июня 2003 года. Вознаграждение за оказываемую адвокатом Р. юридическую помощь было определено в сумме 8 000 рублей, которые были внесены в кассу Коллегии адвокатов – 3 000 рублей по квитанции № 125 от 30 мая 2003 года; 5 000 рублей по квитанции № 840275, серия КК, от 9 июня 2003 года. Адвокат Р. не представляла в К...кий районный суд г. Москвы ордер на защиту А.Э.Е.

Ввиду полного выполнения адвокатами поручения на защиту А.Э.Е. на стадии предварительного расследования и отказа А.Э.Е. от оказания ему юридической помощи адвокатами Е. и Р. в суде первой инстанции адвокаты Е. и Р. считают претензии А.Е.В. необоснованными.

Выслушав объяснения адвокатов Е. и Р., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально отстаивать, активно защищать права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, исполнять обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи (п. 1 и 4 ч. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат имеет право на получение гонорара, причитающегося ему в качестве вознаграждения за исполняемую работу. Гонорар адвоката определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства (подп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 и 2 ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат допускается к участию в уголовном деле в качестве защитника по предъявлению удостоверения адвоката и ордера (ч. 4 ст. 49 УПК РФ).

Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого (подп. 6 п. 4 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ч. 7 ст. 49 УПК РФ).

Подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ допускается только по инициативе подозреваемого или обвиняемого. Отказ от защитника заявляется в письменном виде. Если отказ от защитника заявляется во время производства следственного действия, то об этом делается отметка в протоколе данного следственного действия. Отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя, прокурора и суда (ч. 1 и 2 ст. 52 УПК РФ).

30 мая 2003 года адвокатом Р. с А.Е.В. было заключено соглашение № СУ-2003-32п на защиту по уголовному делу на стадии предварительного расследования А.Э.Е., 10 июня 2003 года получен ордер № 130. 2 июня 2003 года аналогичное поручение было принято адвокатом Е. (регистрационная карточка № 28/2 от 2 июня 2003 года), получен ордер № 11/03 от 02 июня 2003 года. Вознаграждение за оказываемую адвокатами юридическую помощь было определено: с адвокатом Е. в сумме 14 500 рублей, которые были внесены в кассу Коллегии адвокатов по квитанции

№ 257000 от 2 июня 2003 года; с адвокатом Р. в сумме 8 000 рублей, которые были внесены в кассу Коллегии адвокатов — 3 000 рублей по квитанции № 125 от 30 мая 2003 года; 5 000 рублей по квитанции № 840275, серия КК, от 9 июня 2003 года. Во исполнение принятого поручения адвокаты Е. и Р. посетили обвиняемого А.Э.Е., содержащегося под стражей в следственном изоляторе № 77/... заявляли ходатайства, которые частично были удовлетворены, участвовали в предъявлении обвинения, допросах, очных ставках, дважды выполняли требования ст. 217 УПК РФ, давали различные консультации, советы, т.е. выполняли те действия, на которые адвокат-защитник уполномочен уголовно-процессуальным законом (ст. 53 УПК РФ и др.). Из представленного адвокатами Комиссии заявления от их подзащитного А.Э.Е. от 11 сентября 2003 года следует, что он к адвокатам никаких претензий не имеет. Изложенные обстоятельства опровергают утверждение заявительницы А.Е.В. о том, что якобы со стороны адвокатов никаких ходатайств и жалоб на предварительном следствии составлено не было; никаких консультаций ни А.Е.В., ни ее муж от адвокатов не получали, что работа адвокатов на предварительном следствии была выполнена некачественно и на очень низком уровне.

Не подтверждается доказательствами заявление А.Е.В. об оплате ею работы адвокатов Е. и Р. в сумме 75 000 рублей. Адвокатами представлены кассовые документы, свидетельствующие о внесении А.Е.В. в кассы коллегий адвокатов 14 500 рублей (квитанция № 257000 от 2 июня 2003 года), 3 000 рублей (квитанция № 125 от 30 мая 2003 года) и 5 000 рублей (квитанция № 840275 серия КК от 9 июня 2003 года), а всего 22 500 рублей. Кроме того, из подписанного адвокатами Е. и Р. письма на бланке Коллегии адвокатов «...» от 29 сентября 2003 года, а также телеграммы от 30 сентября 2003 года на имя А.Е.В. следует, что в связи с расторжением соглашений, заключенных с А.Е.В. 10 и 19 сентября 2003 года на ведение в К...ком районном суде г. Москвы уголовного дела по обвинению А.Э.Е., А.Е.В. вправе получить в бухгалтерии Коллегии адвокатов «...» 30 600 рублей.

Ордера на защиту А.Э.Е. в К...ком районном суде г. Москвы адвокаты Е. и Р. в суд не представляли, т.е. правоотношений между адвокатами и судом в связи с защитой А.Э.Е. не возникло. Получив 11 сентября 2003 года от подзащитного А.Э.Е. (назначенное доверителем лицо — см. п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») заявление, что он к адвокатам претензий не имеет и в их помощи не нуждается, адвокаты Е. и Р. правомерно предложили своей доверительнице А.Е.В. явиться в Коллегию адвокатов для получения возврата внесенного доверительницей гонорара в связи с расторжением соглашения о защите А.Э.Е. в суде. От защиты А.Э.Е. адвокаты Е. и Р. не отказывались, наоборот, он сам отказался от их помощи. Поскольку этот отказ имел место до начала рассмотрения уголовного дела К...ким районным судом г. Москвы, ордера на защиту А.Э.Е. адвокаты в суд не представляли, то выполнения процедуры, предусмотренной ст. 52 УПК РФ («Отказ от защитника»), не требовалось.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвокатов Е. и Р. по доводам жалобы гражданки А.Е.В. Квалификационной комиссии не представлено.

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение умышленно или по грубой неосторожности поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокаты Е. и Р. свои взаимоотношения с доверителем А.Е.В. и назначенным доверителем лицом А.Э.Е. строили в соответствии с действующим законодательством.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвокатов Е. и Р., которые не допустили нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащим образом исполнили свои обязанности перед доверителем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 46–47

по дисциплинарному производству в отношении адвокатов К. и С.

23 апреля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

20 ноября 2003 года ООО «Сад» в лице генерального директора Г.А.В. обратилось в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на действия адвокатов К. и С.

В жалобе указано, что ООО «Сад» является собственником зданий, расположенных по адресу: Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 2, 3; учредителем ООО является ОАО «Механик»; в 2001 году ООО заключило соглашение об оказании юридической помощи с адвокатами Московской коллегии адвокатов «...» К. и С., которые по доверенности представляли интересы доверителя в суде и других инстанциях; в апреле 2003 года адвокаты К. и С. «подготовили документы в Б...ский суд г. Москвы для передачи им в собственность здания по адресу: Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 3, общей площадью 6 020 кв. м якобы за долги». При этом, по мнению заявителя, адвокаты нарушили адвокатскую этику и профессиональный долг адвоката, поскольку, как указано в жалобе, совершили подлог документов и обман генерального директора Г.А.В., а именно: «на всех документах по передаче им (*адвокатам. – Прим. Комиссии*) здания за долги стояла мастичная печать фирмы ООО «Сад», так как данная печать находилась в сейфе учредителей ОАО «Механик»»; адвокаты заверили Г.А.В., что передача здания им в собственность согласована с учредителями ООО; 25 апреля 2004 года Г.А.В. в Б...ком районном суде г. Москвы было подписано мировое соглашение, по которому ООО «Сад» передало истцам К. и С. в счет погашения задолженности принадлежащее ответчику на праве собственности имущество в виде нежилого помещения, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 3; при этом, по утверждению Г.А.В., мировое соглашение «заранее уже было подготовлено и стояла мастичная печать», его «уверили, что печать поставили учредители», он предупреждал адвокатов о том, что данную сделку он отменит, если они не представят в суд протокол о согласии учредителей и совета директоров на эту сделку, первичные документы по факту задолженности ОАО «Механик» и ООО «Сад»; 7 июня 2003 года Г.А.В. лично

обратился в секретариат Б...ского суда и к своему удивлению узнал, что по определению от 3 июня 2003 года собственниками здания по ул. Фруктовая в равных долях стали адвокаты С. и К., при этом в материалах дела Г.А.В. не обнаружил протокола согласия совета директоров на данную сделку и первичных документов по факту задолженности ООО «Сад»; «о данном мошенничестве со стороны адвокатов» Г.А.В. сообщил учредителям, «это сообщение повергло их в шок, так как на их памяти не было такого инцидента, чтобы адвокаты, которые защищали их интересы, воспользовались документами фирмы и путем мошенничества отобрали собственность», «было принято решение обратиться по отмене решения в Мосгорсуд», который в ближайшее время рассмотрит дело.

ООО «Сад» просит рассмотреть профессиональную деятельность адвокатов К. и С., проверить, как могут данные адвокаты, защищая интересы своего клиента, путем мошенничества, подлога документов ущемлять его моральные и материальные права, и с учетом изложенного рассмотреть вопрос о профессиональной пригодности адвокатов К. и С.

25 ноября 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвокатов К. и С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 3 декабря 2003 года, а также в объяснениях, данных 23 апреля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе ООО «Сад», указал, что 1 июля 2001 года между ООО «Сад» и Юридической консультацией № 000 МКА «...» был подписан договор о возмездном оказании юридических услуг; юридическая помощь по этому договору оказывалась адвокатами К. и С. с 1 июля 2001 года и оказывается до настоящего времени. 30 сентября 2001 года и 1 июля 2002 года к указанному договору были подписаны дополнительные соглашения, в которых был уточнен предмет поручения, в частности, заказчик (ООО «Сад») поручил исполнителям (адвокатам) истребовать принадлежащие ООО на праве собственности нежилые здания, расположенные по адресу: Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 2, 3, из чужого незаконного владения; были уточнены размер и порядок оплаты ООО «Сад» оказанной адвокатами юридической помощи. Оказывая ООО «Сад» юридическую помощь по соглашению от 1 июля 2001 года с послед. изм. и доп., адвокаты К. и С., в частности, представляли в Арбитражном суде г. Москвы и Федеральном арбитражном суде Московского округа интересы ООО «Сад», являвшегося ответчиком по иску Департамента имущества г. Москвы о признании частично недействительной в силу ничтожности сделки приватизации имущественного комплекса арендного предприятия «Механик» в части включения в уставной капитал ОАО «Механик» нежилого помещения площадью 3 561 кв. м., находящегося по адресу: г. Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 2. Решением Арбитражного суда г. Москвы от 5 марта 2003 года, оставленным без изменения 23 июня 2003 года постановлением арбитражного суда апелляционной инстанции, а 16 сентября 2003 года – постановлением арбитражного суда кассационной инстанции, в иске было отказано. 25 октября 2002 года генеральный директор ООО «Сад» принял от адвокатов К. и С. отчет о выполненных работах в соответствии с договором о юридической помощи от 1 июля 2001 года и дополнительными соглашениями к нему от 30 сентября 2001 года и 1 июля 2002 года; при этом стоимость выполненных по договору работ составила 300 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ на день оплаты). 28 октября 2002 года ООО «Сад» в лице генерального директора Г.А.В. и адвокаты К. и С. подписали акт сверки задолженности ООО «Сад» перед адвокатами К. и С. по состоянию на

28 октября 2002 года: заказчик подтвердил, что задолженность на 28 октября 2002 года составила 300 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ на день оплаты), обязался оплатить указанную сумму до 31 октября 2002 года. Поскольку за весь период действия договора от 1 июля 2001 года ООО «Сад» не перечислило адвокатам К. и С. никакой оплаты за оказанную юридическую помощь, адвокаты в марте 2003 года были вынуждены обратиться в Б...ский районный суд г. Москвы с иском к своему доверителю о взыскании долга в сумме 300 000 долларов США (по курсу ЦБ РФ на день оплаты). В ходе рассмотрения дела Г.А.В. было заявлено, что ООО «Сад» в настоящее время не ведет хозяйственную деятельность и денежных средств не имеет, в связи с чем он сам предложил закончить дело миром и прекратить производство по делу. В судебном заседании 25 апреля 2003 года К. в присутствии федерального судьи Ш.Ю.Б. было собственноручно написано мировое соглашение, которое стороны в присутствии судьи подписали, просили производство по делу прекратить, положения ст. 221 ГПК РФ судом были им разъяснены, о чем стороны собственноручно расписались в протоколе судебного заседания. Определением Б...ского районного суда г. Москвы от 25 апреля 2003 года было утверждено мировое соглашение, по условиям которого ответчик ООО «Сад» передает истцам К. и С. в срок до 20 мая 2003 года в счет погашения задолженности в сумме 300 000 долларов США принадлежащее на праве собственности ООО «Сад» имущество в виде нежилого помещения, расположенного по адресу: г. Москва, ул. Фруктовая, д. 100, стр. 3, площадью 6 020,40 кв. м в равных долях, в связи с чем истцы от исковых требований отказываются; определено прекратить производство по гражданскому делу № 2-3701/03 по иску о взыскании задолженности. Определением Б...ского районного суда г. Москвы от 3 июня 2003 года в определении этого же суда от 25 апреля 2003 года были исправлены ошибки – слова «в виде здания» заменены словами «в виде нежилого помещения». 16 июля 2003 года ответчик обжаловал состоявшиеся судебные решения в кассационном порядке. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда от 26 ноября 2003 года определение Б...ского районного суда г. Москвы от 25 апреля 2003 года отменено, дело направлено на рассмотрение в тот же суд; при этом указано, что определение об утверждении мирового соглашения вопреки ст. 39 ГПК РФ вынесено судом с нарушением прав и законных интересов других лиц, в частности, учредителя и участника ООО «Сад» ОАО «Механик», имеющего долю в уставном капитале в размере 99,62%, не проверено также, имел ли право генеральный директор ООО «Сад» от имени общества отчуждать здание, внесенное одним из учредителей в качестве доли в уставной капитал. Генеральный директор ООО «Сад» обратился в правоохранительные органы с заявлением о возбуждении в отношении адвокатов К. и С. уголовного дела по ст. 159 УК РФ (мошенничество), однако постановлением старшего оперуполномоченного ОБЭП УВД НАО г. Москвы Ф.М.Ю. от 15 марта 2004 года отказано в возбуждении уголовного дела по сообщению о совершении преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ, в связи с отсутствием в действиях К. и С. признаков состава преступления; при этом в постановлении отмечено, что «факты, изложенные в заявлении Г.А.В., носят гражданско-правовой характер, а именно: имеет место спор по факту признания недействительности сделки, совершенной под влиянием заблуждения, что в соответствии со ст. 178 ГК РФ и ст. 27 АПК РФ подлежат рассмотрению в гражданском и арбитражном судопроизводстве».

Адвокат К. считает, что он и адвокат С. добросовестно выполняли свои обязанности перед доверителем – ООО «Сад» по соглашению об оказании юридической помощи от 1 июля 2001 года с изм. и доп. от 30 сентября 2001 года и 1 июля 2002 года, руководствуясь при этом законом и Кодексом профессиональной этики адвоката; об-

ращение доверителя с жалобой объясняет стремлением последнего избежать оплаты за оказанную юридическую помощь.

В своем письменном объяснении от 3 декабря 2003 года, а также в объяснениях, данных 23 апреля 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе ООО «Сад», дал пояснения, аналогичные приведенным выше пояснениям адвоката К.

Выслушав объяснения адвокатов К. и С., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

1 июля 2001 года между ООО «Сад» и адвокатами К. и С., работавшими в Юридической консультации № 000 МКА «...», а в настоящее время работающими в Московской коллегии адвокатов «0001», был подписан договор о возмездном оказании юридических услуг; 30 сентября 2001 года и 1 июля 2002 года в названный договор сторонами были внесены изменения и дополнения. Юридическая помощь в соответствии с договором от 1 июля 2001 года с послед. изм. и доп. адвокатами К. и С. оказывалась доверителю и после составления 28 октября 2002 года акта сверки задолженности доверителя перед адвокатами, несмотря на то, что доверитель за все время действия договора никакой оплаты не производил. В частности, в марте – сентябре 2003 года адвокаты К. и С. представляли интересы доверителя (являвшегося ответчиком) в Арбитражном суде г. Москвы и Федеральном арбитражном суде Московского округа по иску Департамента имущества г. Москвы о признании частично недействительной сделки приватизации.

Как видно из жалобы, заявитель не имеет претензий к качеству оказанной адвокатами К. и С. юридической помощи. Он считает, что адвокаты нарушили адвокатскую этику и профессиональный долг адвоката, обратившись в Б...ский районный суд г. Москвы с иском о взыскании с доверителя задолженности по оплате оказанной им юридической помощи, при этом с целью добиться разрешения дела в свою пользу совершили мошенничество, подлог документов и обман генерального директора ООО «Сад» Г.А.В.

Квалификационная комиссия отмечает, что решение вопроса о наличии либо отсутствия в действиях адвоката признаков состава преступления, в том числе и в отношении действий, связанных или вытекающих из соглашения об оказании юридической помощи, не относится к компетенции органов Адвокатской палаты г. Москвы, а в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации разрешается уполномоченными на то государственными органами. Как видно из представленных Комиссии документов, 25 ноября 2003 года генеральный директор ООО «Сад» Г.А.В. обратился в ОБЭП УВД НАО г. Москвы с заявлением о возбуждении уголовного дела в отношении адвокатов К. и С., 28 января 2004 года он же обжаловал в прокуратуру НАО г. Москвы постановление от 23 января 2004 года об отказе в возбуждении уголовного дела по его первоначальному заявлению. 15 марта 2004 года органом дознания было повторно отказано в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в действиях К. и С. признаков состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально отстаивать, активно защищать права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, исполнять обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката; уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Фе-

дерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Адвокат имеет право на получение гонорара, причитающегося ему в качестве вознаграждения за исполняемую работу. Гонорар адвоката определяется соглашением сторон и может учитывать объем и сложность работы, продолжительность времени, необходимого для ее выполнения, опыт и квалификацию адвоката, сроки, степень срочности выполнения работы и иные обстоятельства. Адвокату следует воздерживаться от заключения соглашения о гонораре, при котором выплата вознаграждения ставится в зависимость от окончания дела в пользу доверителя. Данное правило не распространяется на имущественные споры, по которым вознаграждение может определяться пропорционально к цене иска в случае успешного завершения дела. Адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество в обеспечение соглашения о гонораре, за исключением авансового платежа (подп. 3 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», ст. 16 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Отказ от права на обращение в суд недействителен (ч. 1 и 2 ст. 3 ГПК РФ).

Как следует из материалов дисциплинарного производства и, по существу, не оспаривается заявителем в жалобе, в связи с неоплатой ООО «Сад» юридической помощи по соглашению от 1 июля 2001 года с изменениями и дополнениями от 30 сентября 2001 года и 1 июля 2002 года адвокаты К. и С. в феврале 2003 года обратились в Б...ский районный суд г. Москвы с иском к своему доверителю о взыскании задолженности по оплате юридической помощи.

Данные действия адвокатов являются правомерными, не противоречат законодательству Российской Федерации, в том числе Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодексу профессиональной этики адвоката.

Подписание адвокатами К. и С. в суде мирового соглашения с ООО «Сад», по которому истцы отказались от исковых требований, а ответчик обязался передать им в счет погашения задолженности принадлежащее ему на праве собственности имущество в виде нежилого помещения, не является нарушением Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку в соответствии с п. 5 ст. 16 Кодекса адвокату запрещается принимать от доверителя какое-либо имущество, за исключением авансового платежа, только в обеспечение соглашения о гонораре. Кроме того, в соответствии с п. 2 и 5 ст. 46 Федерального закона «Об исполнительном производстве» взыскание по исполнительным документам обращается в первую очередь на денежные средства должника в рублях и иностранной валюте, а при отсутствии у должника денежных средств, достаточных для удовлетворения требований взыскателя, взыскание обращается на иное принадлежащее должнику имущество.

Отмена 26 ноября 2003 года Судебной коллегией по гражданским делам Московского городского суда определения Б...ского районного суда г. Москвы от 25 апреля 2003 года об утверждении мирового соглашения и прекращении производства по делу не влияет на выводы Квалификационной комиссии об отсутствии в действиях адвокатов К. и С. нарушений Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку кассационная инстанция, как видно из определения, признала нарушения в действиях суда,

который при утверждении мирового соглашения не в полной мере учел требования ст. 39 ГПК РФ.

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокаты К. и С. свои взаимоотношения с доверителем ООО «Сад» строили в соответствии с действующим законодательством, **Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвокатов К. и С., которые не допустили нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащим образом исполнили свои обязанности перед доверителем.**

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 49
по дисциплинарному производству в отношении адвоката А.**

21 мая 2004 года

город Москва

(Извлечение)

15 декабря 2003 года Вр. и.о. заместителя председателя Московского окружного военного суда А.А.В. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением о действиях адвоката А.

В сообщении указано, что в производстве Московского окружного военного суда с 15 августа 2003 года находится уголовное дело в отношении Л.В.И. и Н.В.В., обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ. Судебное заседание по делу было назначено на 29 сентября 2003 года, о чем участники судебного заседания были уведомлены надлежащим образом. Между тем 29 сентября 2003 года судебное разбирательство по делу не состоялось ввиду неявки в суд защитника подсудимого Л.В.И. адвоката А. (Межреспубликанская коллегия адвокатов, юридическая консультация № 000), с которым у Л.В.И. было заключено соглашение. По заявлению в судебном заседании подсудимого Л.В.И., адвокат А. не имеет намерения прибыть в судебное заседание до 17 ноября 2003 года. По его ходатайству слушание дела судом было отложено до 17 ноября 2003 года, однако 17 и 18 ноября 2003 года адвокат А. также по неизвестной суду причине уклонился от явки в суд, фактически вынудив Л.В.И. заключить соглашение с другим адвокатом. Указанные факты неявки в суд адвоката А. препятствуют рассмотрению дела в суде, необоснованно затягивая процесс.

Вр. и.о. заместителя председателя Московского окружного военного суда А.А.В. просит принять к адвокату А. по вышеизложенным фактам соответствующие меры воздействия.

17 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинар-

ное производство в отношении адвоката А., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своем письменном объяснении от 26 января 2004 года, а также в объяснениях, данных 21 мая 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат А. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении Вр. и.о. заместителя председателя Московского окружного военного суда А.А.В., указал, что с июня 2003 года он осуществлял на предварительном следствии защиту полковника Л.В.И.; в конце июля Московский гарнизонный военный суд отказал в продлении срока содержания Л.В.И. под стражей; после освобождения и до 12 сентября 2003 года Л.В.И. находился на стационарном лечении. 19 августа 2004 года Л.В.И. заключил с адвокатом А. соглашение на защиту в Московском окружном военном суде; судебное заседание по делу было назначено на 29 сентября 2003 года. В конце августа 2003 года адвокат А. находился в г. К., где вместе с другим своим подзащитным Ш.В.А. выполнял требования ст. 217 УПК РФ; уголовное дело очень быстро поступило в К...кий областной суд, было распределено судьей Б.В.Н., который устно сообщил адвокату А., что ориентировочная дата начала рассмотрения дела — 30 октября 2003 года. Вернувшись в Москву, адвокат А. в начале сентября 2003 года заключил соглашение с родственниками Ш.В.И. об осуществлении защиты последнего в К...ком областном суде. Однако 17 сентября 2003 года К...ким областным судом было вынесено постановление о назначении судебного заседания по уголовному делу в отношении Ш.В.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 290 УК РФ, не на 30 октября, а на 30 сентября 2003 года. Ш.В.А., являвшийся крупным чиновником администрации г. К., обвинялся по восьми эпизодам получения взяток, длительное время содержался под стражей, его дело вызвало большой общественный резонанс в г. К., постоянно освещалось в СМИ, всячески увязывалось с предстоящими выборами губернатора К...кой области. К...кий областной суд категорически настаивал на безотлагательном рассмотрении этого дела. О необходимости выезда в г. К. адвокат А. сообщил Л.В.И., которому предложил согласовать с Московским окружным военным судом отложение рассмотрения его дела; Л.В.И. пояснил адвокату, что такая отсрочка необходима ему самому по состоянию здоровья, поскольку он, возможно, решится на проведение операции по удалению злокачественной опухоли щитовидной железы. О необходимости срочного выезда в командировку в г. К. для участия в процессе в К...ком областном суде адвокат А. сообщил председательствующему по делу судьей Московского окружного военного суда Т.Ю.В., у которого просьба об отложении слушания дела с 29 сентября 2003 года на более поздний срок никаких возражений не вызвала. По просьбе судьи Т.Ю.В. адвокат А. 25 сентября 2003 года передал через дежурного по Московскому окружному военному суду письмо заведующего АК № 001 МРКА, в котором указывалось, что с 26 сентября 2003 года адвокат А. направляется в служебную командировку в К...кий областной суд, ориентировочный срок окончания командировки — 15 октября 2003 года. Вечером 28 сентября 2003 года адвокат А. выехал в г. К., где участвовал в качестве защитника в рассмотрении областным судом уголовного дела в отношении Ш.В.А.; 29 сентября 2003 года встречался с Ш.В.И. в следственном изоляторе ИЗ-43/... в г. К.; в Москву адвокат вернулся утром 21 октября 2003 года. По возвращении в Москву адвокат А. представил в Московский окружной военный суд (через дежурного по суду) справку К...кого областного суда от 20 октября 2003 года об участии в качестве защитника в рассмотрении многоэпизодного уголовного дела № 2-52/03 в период с 30 сентября по 21 октября 2003 года. Еще 29 сентября 2003 года Л.В.И. в телефонном разговоре с адвокатом А., уже находившемся в г. К., сообщил, что слушание дела Московским окружным военным судом отложено, при решении вопроса об отложении слушания дела судьей было оглашено пись-

мо заведующего АК № 001 МРКА, дата рассмотрения дела будет определена позже. В дальнейшем никаких уведомлений, сообщений из Московского окружного военного суда о новой дате судебного заседания адвокат А. не получал; Л.В.И. сообщил адвокату, что дело будет слушаться 17 ноября 2003 года; 13 ноября 2003 года Л.В.И. сообщил адвокату А., что по настоянию близких друзей он заключил соглашение с адвокатом С. (регистрационный номер 77/... в реестре адвокатов г. Москвы; Международная коллегия адвокатов), который и будет осуществлять его защиту; 17 ноября 2003 года в суде он, Л.В.И., и адвокат С. сделают соответствующие заявления и предоставят необходимые документы о замене защитника; возврата адвокатом А. внесенной в кассу ЮК № 001 МРКА части гонорара Л.В.И. не потребовал. В дальнейшем по вопросам явки в Московский окружной военный суд по делу Л.В.И. к адвокату А. никто не обращался; 17 ноября 2003 года адвокат А. в судебное заседание в Московский окружной военный суд не явился, так как соглашение с ним было расторгнуто, а Л.В.И. должен был явиться со своим новым адвокатом С.; в военный суд адвокат А. о расторжении соглашения с Л.В.И. не сообщал; со слов адвоката С. адвокату А. известно, что Московским окружным военным судом был удовлетворен отказ подсудимого Л.В.И. от защитника А.; Л.В.И. 23 января 2004 года в личной беседе сообщил адвокату А., что никогда и нигде не заявлял, что якобы адвокат А. вынудил его заключить соглашение с другим адвокатом, никаких претензий он к адвокату А. не имеет. В начале февраля 2004 года по приговору Московского окружного военного суда Л.В.И. был осужден к четырем годам лишения свободы условно с испытательным сроком.

По мнению адвоката А., он не допустил нарушений федеральных законов и Кодекса профессиональной этики адвоката, а потому отсутствуют основания для применений к нему «мер воздействия», о чем ставится вопрос в сообщении Вр. и.о. заместителя председателя Московского окружного военного суда А.А.В.

Выслушав объяснения адвоката А., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы сообщения судьи, Квалификационная комиссия, проведя голосование именованными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокатом А. одновременно осуществлялась защита двух обвиняемых по разным уголовным делам — Л.В.И. и Ш.В.А. Заключая 19 августа 2003 года соглашение об осуществлении защиты подсудимого Л.В.И. в Московском окружном военном суде, а в начале сентября 2003 года — об осуществлении защиты подсудимого Ш.В.А. в К...ком областном суде, адвокат А. не знал и не мог знать о том, что время рассмотрения указанных уголовных дел в судах совпадает, поскольку постановление о назначении судебного заседания в К...ком областном суде на 30 сентября 2003 года, противоречащее ранее устно полученной адвокатом А. информации, было вынесено 17 сентября 2003 года, т.е. после заключения с адвокатом соглашения на защиту подсудимого Ш.В.А.

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката А., Квалификационной комиссии не представлено.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально отстаивать, активно защищать права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами, исполнять обязанности; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и другим участникам процесса (п. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат по возможности должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Из объяснений адвоката А. следует, что он заблаговременно поставил Московский окружной военный суд в известность о невозможности участия 29 сентября 2003 года в рассмотрении уголовного дела по обвинению Л.В.И. и др., согласовал этот вопрос со своим подзащитным; по возвращении в конце октября 2003 года в г. Москву из г. К. направил в Московский окружной военный суд документы, подтверждающие его занятость в непрерывном процессе в К...ком областном суде, в период с 30 сентября по 21 октября 2003 года. На момент рассмотрения Московским окружным военным судом 17 ноября 2003 года уголовного дела (после отложения слушания 29 сентября 2003 года) Л.В.И., не имея никаких претензий к качеству работы адвоката А., расторг заключенное им с этим адвокатом соглашение о защите в суде, обратился за оказанием юридической помощи к адвокату С.

Квалификационная комиссия считает, что адвокат А. был обязан поставить Московский окружной военный суд в известность о расторжении заключенного с ним 19 августа 2003 года соглашения о защите Л.В.И., поскольку ордер адвоката А. был ранее представлен им в суд, находился в материалах уголовного дела и Московский окружной военный суд вправе был рассматривать адвоката А. как защитника подсудимого Л.В.И. (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). В то же время, как видно из объяснений адвоката А., в феврале 2004 года Московский окружной военный суд постановил в отношении Л.В.И. обвинительный приговор, что, в частности, подтверждает утверждение адвоката А. о том, что Л.В.И. и его новый адвокат С. сообщили 17 ноября 2003 года военному суду о расторжении подсудимым соглашения с адвокатом А. и заключении соглашения с адвокатом С. Таким образом, неизвещение адвокатом А. Московского окружного военного суда о расторжении соглашения на защиту Л.В.И. не могло, вопреки указанному в сообщении заявителя, воспрепятствовать рассмотрению дела в суде и привести к необоснованному затягиванию процесса. Со стороны Л.В.И. никаких претензий к объему и качеству оказанной адвокатом А. юридической помощи не высказано.

С учетом конкретных обстоятельств настоящего дела Квалификационная комиссия не усматривает в действиях (бездействии) адвоката А. при осуществлении защиты подсудимого Л.В.И. по уголовному делу, находившемуся в производстве Московского окружного военного суда, нарушений требований федеральных законов и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат А. таких поступков не совершил, свои профессиональные обязанности исполнил надлежащим образом.

На основании изложенного, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и

адвокатуры в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката А., который не допустил нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 16 июня 2004 года № 17 дисциплинарное производство в отношении адвоката А. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 54
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

4 июня 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 15 от 12 февраля 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката С. на основании частного постановления судьи Мосгорсуда Г.О.В.

В частном постановлении по уголовному делу № 2-.../... судья Мосгорсуда Г.О.В. указывает, что защиту А.М.В. осуществлял адвокат ... Коллегии адвокатов С., который неоднократно позволял себе задерживать начало судебного заседания, необоснованно опаздывая в суд.

Такие случаи имели место: 25 сентября 2003 года адвокат С. опоздал на два часа; 9 октября 2003 года адвокат С. опоздал на два часа; 5 декабря адвокат опоздал на один час, что отражено в протоколе судебного заседания.

Более того, адвокат С. 4 декабря 2003 года вообще не явился в суд, не сообщив причину неявки. Такое неуважение к суду, продемонстрированное адвокатом С., по мнению суда, является недопустимым.

Адвокат С. по поводу обстоятельств, изложенных в частном постановлении судьи Мосгорсуда Г.О.В., указал, что им осуществлялась защита А.М.В., обвинявшегося органами предварительного следствия в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 3 ст. 158, ч. 1, 2 ст. 162, подп. «а», «б», «г» ч. 3 ст. 209 УК РФ.

Действительно, 9 октября 2003 года, а также 4 и 5 декабря 2003 года С. опоздал в процесс (а 4 декабря 2003 года не явился), однако это произошло ввиду занятости адвоката в неотложных следственных действиях, о чем, как указывает С., судье было заблаговременно известно.

24 сентября 2003 года адвокат не мог прибыть в судебное заседание, а в протоколе судебного заседания от 23 сентября 2003 года имеется его заявление о том, что 24 сентября 2003 года он будет находиться в Московском областном суде в уголовном процессе у судьи К.А.А., о чем судье также заблаговременно было известно.

Единственное опоздание в суд 25 сентября 2003 года на два часа произошло по причине того, что о дате слушания уголовного дела он не знал, ему сообщила секретарь судебного заседания по мобильному телефону, когда слушания уже начались.

Адвокат С. полагает, что судья Мосгорсуда Г.О.В. намеренно искажает факты, изложенные в частном постановлении.

Слушание уголовного дела неоднократно откладывалось ввиду занятости судьи в других процессах.

Все это не давало возможности спланировать его участие в других процессах, на что указывалось председательствующему судье Г.О.В.

С. пояснил, что судья никаких объяснений не принимала, не согласовывала с адвокатами даты судебных заседаний.

Адвокатом С. была представлена Квалификационной комиссии справка от начальника ОД ОВД «...» майора милиции М.Э.С. о том, что 4 и 5 декабря 2003 года С. принимал участие в неотложных следственных действиях по уголовному делу № 1 (подозреваемый С.), а 9 декабря 2003 года принимал участие в неотложных следственных действиях по уголовному делу № 2 (подозреваемый К.). Указаны те дни, когда адвокат опоздал на процесс.

С. также представлена справка о его занятости 24 сентября 2003 года в Московском областном суде в уголовном процессе у судьи К.А.А.

Адвокат С. представил Квалификационной комиссии убедительные объяснения и иные проанализированные выше доказательства, опровергающие доводы частного постановления судьи Г.О.В.

В этой связи Квалификационная комиссия, вопреки доводам, содержащимся в частном постановлении судьи Г.О.В., не усматривает нарушения адвокатом п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку он при осуществлении профессиональной деятельности честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнял обязанности, активно защищал права и интересы доверителя, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат С. не нарушил требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению суда, не нарушал закона, обязывающего его соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

Квалификационная комиссия при Адвокатской палате г. Москвы считает, что адвокат С. согласно ст. 12, 14 Кодекса профессиональной этики адвоката заблаговременно уведомил суд, т.е. 23 сентября 2003 года, о занятости 24 сентября 2003 года в Московском областном суде в уголовном процессе у судьи К.А.А., что отражено и в протоколе судебного заседания.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы приходит к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката С. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 16 июня 2004 года № 23 дисциплинарное производство в отношении адвоката С. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 56
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

4 июня 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 9 от 13 февраля 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. на основании сообщения судьи Г...ского районного суда г. Москвы Д.В.К.

На заседание Комиссии адвокат Г. не явился, сообщив на имя председателя Квалификационной комиссии, что в связи с занятостью по оказанию юридической помощи клиенту просит отложить рассмотрение дисциплинарного производства либо рассмотреть в его отсутствие (вх. № 1471 от 3 июня 2004 года).

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы единогласно приняла решение о рассмотрении дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. в его отсутствие и, изучив представленные документы, установила следующее.

Адвокат Г., представляющий в Г...ском районном суде г. Москвы интересы гр-н Р.Н.В. и Р.Е.Н., должен был 3 февраля 2004 года, в 10 часов, участвовать в слушании по данному делу. Одновременно 3 февраля 2004 года, в 13 часов 10 минут, было назначено рассмотрение апелляционной жалобы РОО «Московский...», представителем которых также является адвокат Г.

В своем объяснении адвокат Г. пояснил, что, исходя из сложившейся ситуации, он накануне (2 февраля 2004 года) передал ходатайство федеральному судье Г...ского районного суда г. Москвы об отложении слушания дела в связи с его занятостью в арбитражном процессе, что подтверждает и федеральный судья Д.В.К. в своем обращении к президенту Адвокатской палаты г. Москвы.

Комиссия, изучив представленные документы, пришла к выводу, что адвокат Г. действовал в соответствии с п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката, заблаговременно путем передачи ходатайства, сообщил о своей занятости федеральному судье Г...ского районного суда г. Москвы Д.В.К. с просьбой о переносе судебного заседания.

На основании изложенного и руководствуясь подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы приходит к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 16 июня 2004 года № 13 дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 57
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

4 июня 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, рассмотрев обращение судьи Московского городского суда П.Ю.А., изучив представленные документы, выслушав объяснения адвоката Г., установила следующее.

Адвокатом Г., работающим в Адвокатском бюро «...», было принято поручение в порядке ст. 51 УПК РФ на осуществление защиты Л.А.И. в групповом процессе, слушавшемся в Московском городском суде.

Л.А.И. обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 125 УК РСФСР; подп. «а», «в» ч. 2 ст. 163 УК РФ. Преступления были им совершены, согласно обвинительному заключению, в период времени с начала апреля и по 21 апреля 1994 года включительно.

Дело длительное время находилось в процессе слушания в Московском городском суде. Как следует из обращения судьи П.Ю.А., затягивание слушания дела происходило по вине родственников подсудимых.

27 ноября 2003 года, когда суд приступил к судебному следствию, адвокат Г. до начала судебного заседания известил суд по телефону о своей занятости в С...ком межмуниципальном суде г. Москвы. Судья С...кого межмуниципального суда сообщила, что дело, по которому в качестве защитника одного из подсудимых принимает участие адвокат Г., слушается более полутора лет, и когда будет закончено судебное разбирательство сообщить не может. 28 ноября 2003 года судья П.Ю.А. был вынужден отложить дело на 2 декабря 2003 года, тем не менее адвокат Г. 2 декабря 2003 года в Московский городской суд не явился, чем сорвал судебное заседание.

Из объяснений адвоката Г. следует, что он действительно в дни, указанные судьей П.Ю.А., отсутствовал в процессе, поскольку был занят по делу «А» в С...ком суде г. Москвы.

По утверждению Г., дело в С...ком суде неоднократно откладывалось, и в перерывах суд слушал другие дела, поэтому адвокат не мог предвидеть, когда будут слушаться эпизоды по обвинению его подзащитного С.

При рассмотрении представления судьи на заседании Комиссии адвокат Г. подтвердил факты, изложенные в его письменных объяснениях.

В своем обращении судья П.Ю.А. просит обсудить письмо и о принятых мерах сообщить в Мосгорсуд.

Комиссия считает, что, принимая поручение на защиту Л.А.И., адвокат Г. не мог в соответствии с действующим законодательством отказаться от выполнения поручения в порядке ст. 51 УПК РФ. Помимо этого, от адвоката Г. не зависело время рассмотрения другого уголовного дела, слушавшегося в С...ком суде в течение длительного времени, и он не мог предвидеть, когда оба дела могут совпасть, поскольку родственники подсудимых заявляли различные ходатайства, удовлетворение которых влекло за собой отложение дела по решению, принимаемому судьей П.Ю.А. К моменту рассмотрения обращения дело в отношении подзащитного адвоката Г. — Л.А.И. Московским городским судом прекращено производством.

На основании изложенного и руководствуясь подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Мо-

сквы приходит к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г., поскольку адвокат не допустил нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 16 июня 2004 года № 16 дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 59
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат К. в апреле 2003 года заключила соглашение с доверителем Ч.Л.К. на предоставление в суде интересов доверителя с целью расторжения договора аренды между доверителем и Р.С.П.

В процессе работы адвокат К. собрала необходимые документы, подготовила исковое заявление и сдала его в суд. 15 мая 2003 года дело было предварительно заслушано и назначено для рассмотрения по существу на 15 июля 2003 года. Однако дело было отложено на 23 сентября 2003 года.

За данный период адвокат несколько раз посещала доверителя на дому (Ч.Л.К., инвалид I группы). Во время встреч доверитель стала обвинять адвоката в том, что она плохо выполняет свои обязанности по договору и начинает поддерживать противоположную сторону, т.е. ответчика Р.С.П.

23 сентября 2003 года из-за неявки представителя Москомрегистрации и нотариуса дело было отложено на 26 октября 2003 года, затем – на 4 февраля 2004 года. 3 февраля 2004 года Ч.Л.К. отказалась (в устной форме) от адвоката К., последняя довела сложившуюся ситуацию до сведения судьи, указав в заявлении просьбу рассматривать дело без ее участия.

В настоящее время по данному делу работает другой адвокат.

В процессе рассмотрения заявления Ч.Л.К. в отношении адвоката К. Квалификационной комиссией нарушений со стороны адвоката К. Кодекса профессиональной этики адвоката не установлено.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного президентом Адвокатской палаты г. Москвы 5 февраля 2004 года в отношении адвоката К. по заявлению Ч.Л.К. от 4 февраля 2004 года, вследствие отсутствия в действиях адвоката К. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года (протокол № 9) дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекращено вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 62
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Л.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 11 от 17 марта 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. на основании жалобы З.М.Н.

Как утверждает в своем заявлении гр-ка З.М.Н., 3 марта 2004 года она за осуществление защиты своего сына З.И.В., подозреваемого по уголовному делу, передала адвокату Л. 30 000 рублей.

При этом гр-ка З.М.Н. обращает внимание, что адвокатом ей не были выданы какие-либо финансовые документы, подтверждающие факт уплаты ему денег.

Впоследствии гр-кой З.М.Н. было принято решение об отказе от услуг адвоката Л. и возврате выплаченных ею денег за минусом проведенной работы.

Однако Л. в возврате денег отказал, пояснив ей, что он всю сумму отработал.

Заведующий адвокатской конторы, в которой работает Л., сказал гр-ке З.М.Н., что деньги в кассу адвокатом внесены не были.

З.М.Н. просит разобраться и наказать адвоката Л., при этом посодействовать ей в вопросе возврата денежных средств, уплаченных за юридические услуги, но фактически не выполненные.

Адвокат Л. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе, пояснил, что считает заявление З.М.Н. от 15 марта 2004 года необоснованным и не соответствующим действительности, что участие в защите интересов г-на З.И.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, он принял в порядке ст. 51 УПК РФ по запросу следователя СО при ОВД «...» г. Москвы Л. Решение о его участии в защите интересов З.И.В. было принято с согласия заведующего Адвокатской фирмой «...» Ч.С.В., который также принимает участие в защите интересов других обвиняемых по данному уголовному делу.

За защиту интересов г-на З.И.В. Л. от гр-ки З.М.Н. не было получено никаких денежных средств, и, соответственно, не могло быть оформлено никаких финансовых документов и соглашений.

Адвокат Л. считает, что заявление гр-ки З.М.Н. носит клеветнический характер и имеет своей целью опорочить его профессиональную репутацию ввиду его отказа выполнять некоторые противозаконные требования гр-ки З.М.Н., а именно: разгласить неким неизвестным ему лицам, не участвующим в данном уголовном процессе, материалы следствия и защиты, передать З.И.В. в учреждение ИЗ-77/... сотовый телефон и деньги; отказаться от выполнения следственных действий с участием следователя и подзащитного З.И.В. с целью затянуть и нарушить процессуальные сроки.

Адвокат считает неправомерным решение гр-ки З.М.Н. о ее отказе от его участия в защите интересов З.И.В., так как от него в соответствии ст. 52 УПК РФ не поступало никаких заявлений об отказе от помощи адвоката Л.

Также адвокат указывает на несоответствие действительности утверждения гражданки З.М.Н. о том, что он якобы принял участие всего лишь в одном следственном действии, а именно в предъявлении обвинения З.И.В. В этой связи адвокат указывает, что 5 марта 2004 года им была подана жалоба в Московский городской суд на постановление Ч...ского районного суда г. Москвы о содержании под стражей З.И.В.

Следователем Л.Д.В. было принято решение предъявить З.И.В. также и обвинение в совершении преступлений, предусмотренных ст. 150 и 151 УК РФ, но после рассмотрения доводов адвоката Л. в защиту интересов З.И.В. данное решение было отменено. Адвокат Л. отмечает, что З.И.В. утверждает, что ею для защиты интересов З.И.В. были приглашены еще несколько адвокатов, и они якобы возражают против участия адвоката Л. в деле и запрещают ему защищать интересы З.И.В., но ни один из них до сих пор не оформил надлежащим образом свое участие в защите интересов подозреваемого, т.е. не представил в уголовное дело ордер.

Заведующий Адвокатской фирмы «...» Ч.С.В., приглашенный на Квалификационную комиссию адвокатом Л., пояснил, что в защите интересов гр-на З.И.В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 161 УК РФ, адвокат принял участие в порядке ст. 51 УПК РФ по запросу следователя СО при ОВД «...» г. Москвы Л.Д.В. с согласия заведующего. Адвокат Л. добросовестно относился к принятому на себя обязательству в интересах подзащитного З.И.В.

Со стороны З.И.В. никаких нареканий, заявлений об отказе от адвоката не поступало. Адвокат Ч. также принимает участие по данному уголовному делу, защищает другого обвиняемого.

Квалификационной комиссии представлена справка, где сообщается, что соглашение на защиту интересов гр-ки З.М.Н. адвокатом Л. в Адвокатской фирме «...» не регистрировалось, денежные средства в кассу не вносились.

Адвокатом Л. были представлены в Квалификационную комиссию запрос следователя Л.Д.В. о вызове адвоката 3 марта 2004 года для защиты интересов З.И.В. в порядке ст. 51 УПК РФ, постановление следователя СО ОВД «...» Л.Д.В. об оплате за работу адвоката Л., копия жалобы на постановление Ч...кого районного суда об избрании З.И.В. меры пресечения в виде заключения под стражу.

Адвокат Л. считает заявление гр-ки З.М.Н. от 15 марта 2004 года необоснованным и не соответствующим действительности.

Адвокат Л. представил Квалификационной комиссии убедительные объяснения и иные проанализированные выше доказательства, опровергающие доводы жалобы гр-ки З.М.Н.

В этой связи Квалификационная комиссия, вопреки доводам, содержащимся в заявлении гр. З.М.Н., не усматривает нарушения адвокатом п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку он при осуществлении профессиональной деятельности, честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнял обязанности, активно защищал права и интересы доверителя, руководствуясь Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката.

Согласно п. 2 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат Л. не нарушил требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда, не нарушал закона, обязывающего его соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката Л. нарушения норм Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года № 33 дисциплинарное производство в отношении адвоката Л. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 66
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Б.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 6 от 13 февраля 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. на основании определения Московского городского суда от 30 января 2004 года.

30 января 2004 года Московским городским судом в составе председательствующего судьи М.В.В. и двух народных заседателей было вынесено определение в отношении адвоката Б., в котором указано, что во время судебного следствия по уголовному делу в отношении З.А.А. и др. представителем государственного обвинения прокурором К.В.М. было заявлено ходатайство об оглашении показаний подсудимого З.А.А., данных им на стадии предварительного расследования; председательствующий вынес ходатайство на обсуждение участников процесса и предложил им высказать по нему свое мнение; представляющий в суде интересы подсудимого З.А.А. адвокат Б. вместо обсуждения ходатайства представителя государственного обвинения стал давать оценку ранее принятым решениям суда по другим ходатайствам и действиям председательствующего, а также стал давать указания секретарю судебного заседания по поводу ведения протокола судебного заседания; несмотря на то, что председательствующий неоднократно предлагал адвокату Б. высказать свое мнение по заявленному представителем государственного обвинения ходатайству и предложил ему в случае имеющегося у него ходатайства обсудить его после принятия судом решения по ходатайству представителя государственного обвинения, адвокат Б. никак не отреагировал на данные предложения, продолжил осуществлять свои вышеуказанные действия и не давать, таким образом, проводить судебное разбирательство, в результате чего ему были сделаны четыре предупреждения за неисполнение распоряжений председательствующего. Принимая во внимание то, что адвокату Б. ранее также делались предупреждения за неподчинение распоряжениям председательствующего, суд пришел к выводу, что адвокат Б. умышленно не дает проводить судебное разбирательство по уголовному делу, и счел необходимым о вышеуказанном поведении адвоката сообщить в Адвокатскую палату г. Москвы.

Адвокат Б. в письменных объяснениях от 11 и 17 февраля 2004 года указал, что его доверитель – подсудимый З.А.А., считая, что его вина в ходе предварительного следствия не доказана, ссылаясь на факты фальсификации следствием доказательств его вины, в том числе подделку документов в ходе судебного разбирательства, заявил, что показания в ходе судебного слушания будет давать лишь после исследования всех доказательств, в том числе допроса экспертов; основываясь на

воле доверителя, защита ходатайствовала об удовлетворении просьбы подсудимого, ходатайство судом было удовлетворено; на 30 января 2004 года суд назначил допрос эксперта, о чем предварительно уведомил защиту, однако эксперт на судебное заседание не явился; суд отказал защите в удовлетворении ходатайства об отложении судебного разбирательства, после чего обратился к подсудимому З.А.А. с вопросом, согласен ли он дать показания суду; подсудимый заявил, что готов и обязательно будет давать показания, но лишь после допроса эксперта; председательствующий ответ подсудимого расценил как отказ от дачи показаний и несмотря на возражения подсудимого и его защиты предоставил слово представителю государственного обвинения, который согласился с оценкой председательствующего, трактовал высказывание подсудимого как отказ от дачи показаний и предложил приступить к оглашению показаний З.А.А., данных им на предварительном следствии; защита по просьбе подсудимого возражала против действий председательствующего и стороны обвинения и просила объявить перерыв для подготовки письменного ходатайства, но суд отказал и предложил высказать свое мнение по заявленному представителем государственного обвинения ходатайству; после предоставления адвокату Б. слова он в соответствии с волей доверителя не согласился с утверждением стороны обвинения и стал давать объяснения причин несогласия; председательствующий по непонятным причинам многократно перебивал адвоката, повышал голос, практически переходя на крик, требовал, чтобы защитник высказывался кратко и чтобы его выступление ограничивалось фразами «да, согласен» или «нет, не согласен»; во всех случаях, когда председательствующий перебивал защитника, последний замолкал и внимательно выслушивал высказывания судьи, при этом каждый раз после возобновления произнесения ходатайства защитник возражал против действий председательствующего, обращал внимание суда на то, что «хорошо слышит» и что «нет необходимости в повышении председательствующим голоса». Адвокат утверждает, что никаких указаний секретарю судебного заседания не давал и умысла такого не имел, а лишь дважды просил занести в протокол судебного заседания поправки к своим устным ходатайству и заявлению о возражении против действий суда; эти поправки были необходимы, так как в них более точно была сформулирована позиция защиты; просьбы защиты о занесении в протокол всех действий суда и заявлений защиты суд необоснованно трактовал как указания в адрес секретаря судебного заседания и нарушение порядка. Указание в определении суда на то, что адвокат Б. не подчинялся распоряжениям председательствующего, не соответствует действительности; у адвоката не только не было такой цели, но и не было возможности неподчинения ввиду того, что председательствующий достаточно авторитарно руководил судебным заседанием и не допускал возможности неподчинения; абсолютно все требования председательствующего защитником беспрекословно выполнялись. Адвокат Б. обращает внимание на то, что в процессе судебного заседания он в полном соответствии с Кодексом профессиональной этики адвоката, не допуская проявления неуважения к суду, следил за соблюдением закона в отношении доверителя и ходатайствовал об устранении допускаявшихся судом нарушений прав доверителя; все возражения против действий судьи делались в корректной форме и не выходили за рамки закона.

К объяснениям адвокат Б. приложил копии документов из материалов уголовного дела: протокола судебного заседания от 30 января и 17 февраля 2004 года в части, относящейся к обстоятельствам, описанным в определении суда; замечаний, поданных защитником Б. на протокол судебного заседания, а также различных жалоб, заявленных и ходатайств защитника.

Из протокола судебного заседания от 30 января и 17 февраля 2004 года усматривается, что 30 января 2004 года, в 16 часов 55 минут, после вынесения судом определения о сообщении о действиях адвоката Б. в Адвокатскую палату г. Москвы в судебном заседании был объявлен перерыв до 11 часов 17 февраля 2004 года, когда судебное заседание в порядке ст. 253 УПК РФ было возобновлено в том же составе суда; секретарь доложил о том, что в судебное заседание прибыл эксперт; прокурор заявил, что на данной стадии процесса он отводит свое ходатайство об оглашении показаний подсудимого З.А.А., данных им на предварительном следствии, просил изменить порядок исследования доказательств по делу и перейти к допросу эксперта в порядке ст. 282 УПК РФ; от участников процесса возражений не поступило; суд, совещаясь на месте, определил: «ходатайство прокурора удовлетворить, изменить порядок доказательств по делу и перейти к допросу эксперта».

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, получив письменные объяснения адвоката Б., изучив протокол судебного заседания от 30 января и 17 февраля 2004 года, ознакомившись с заявленными адвокатом ходатайствами и поданными им жалобами, а также заслушав его устные объяснения на своем заседании 9 июля 2004 года, не нашла в действиях адвоката Б. состава дисциплинарного проступка, т.е. нарушений норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Учитывая изложенное, на основании подп. 2 п. 9 ст. 23 Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы приходит к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Б. по частному определению Московского городского суда от 30 января 2004 года, вследствие отсутствия в действиях адвоката нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года № 34 дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 67
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы № 36 от 18 февраля 2004 года возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К. на основании жалобы Г.Л.Г.

Г.Л.Г. просит «принять соответствующие меры к адвокату К.», из-за которого, согласно утверждению заявительницы, она «понесла... большой материальный и моральный урон». Из заявления Г.Л.Г. следует, что она заключила с адвокатом К. соглашение об оказании им юридической помощи в связи с рассмотрением в Х...ском районном суде г. Москвы ее иска к Т.А.Г. о признании недействительным договора купли-продажи квартиры, заключенного между Т.А.Г. и братом заявительницы, и о признании после смерти брата Г.Л.Г. ее права собственности на данную квартиру. Однако работой адвоката К., выступавшего в гражданском процессе в роли представителя Г.Л.Г., последняя осталась недовольна по следующим причинам: во-первых, по мнению заявительницы, «документы готовились не

на профессиональном уровне, не было четкого плана защиты моих интересов, не нравилось его отношение к делу»; во-вторых, Г.Л.Г. утверждает, что адвокат К. пытался войти в сговор против нее с ответчиком Т.А.Г.

Адвокат К. представил в связи с жалобой Г.Л.Г. письменные объяснения от 1 апреля 2004 года, в которых он оспаривает доводы заявительницы и утверждает, что честно и добросовестно исполнил свои обязанности перед ней: составил в ее интересах два исковых заявления в Х...ский и Ч...ский районные суды г. Москвы; обжаловал незаконное определение судьи Х...ского районного суда г. Москвы и добился его отмены вышестоящим судом в кассационном порядке; собирал документы, касающиеся предъявленного иска, для чего обращался, в частности, в патолого-анатомический центр... больницы, в ОВД «...» г. Москвы, «в центральный архив... ЗАГСа».

На заседание Комиссии заявительница, своевременно извещенная о дате и месте рассмотрения жалобы, не явилась.

Адвокат К. на заседании Комиссии пояснил, что действительно заключил с Г.Л.Г. осенью 2002 года договор на защиту ее интересов в Х...ском районном суде г. Москвы и, кроме того, представлял по доверенности ее интересы в Ч...ском районном суде г. Москвы. В Ч...ском районном суде рассматривалось при его участии дело об установлении юридического факта родственных отношений между Г.Л.Г. и ее покойным братом; дело завершилось в благоприятную для заявительницы сторону. В Х...ском районном суде Г.Л.Г. с его помощью оспаривала действительность договора купли-продажи квартиры, заключенного между Т.А.Г. и братом доверительницы. Он, К., обеспечил подготовку необходимых письменных доказательств в интересах истицы. Адвокат отрицает также какие-либо недозволенные контакты с ответчиком по данному делу Т.А.Г. и сговор с ним. По мнению адвоката К., Т.А.Г., почувствовав, что имеет дело с сильным процессуальным противником в его лице, попытался вывести его из процесса, спровоцировав их с доверительницей конфликт. Г.Л.Г., отличающаяся тяжелым характером, обиделась на него, К., когда ее вызвали в ОБЭП для дачи объяснений в связи с не соответствующим действительности заявлением Т.А.Г., просившего привлечь ее к уголовной ответственности. Формально Г.Л.Г. соглашения с К. не расторгла, но фактически сообщила ему, что, поскольку между ними сложились плохие отношения, она намерена обратиться к другому адвокату.

Комиссия изучила также заявление Т.А.Г. от 5 июля 2004 года. Он утверждает, что «С адвокатом К. познакомился в процессе судебных заседаний Х...ского суда», и пишет, что, по его мнению, поведение Г.Л.Г. неадекватно ситуации, а истории, ею распространяемые по поводу отношений с адвокатом, абсурдны.

Рассмотрев в соответствии с принципом состязательности жалобу Г.Л.Г. и объяснения адвоката К., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сторон, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, проведя голосование именными бюллетенями, единогласно пришла к следующим выводам.

В соответствии с положениями ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат обязан «честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами» и несет ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей. В данном случае Комиссия не видит доказательств, свидетельствующих о нарушении адвокатом К. требований закона и Кодекса профессиональной этики адвоката. Как усматривается из неопровергнутых объяснений адвоката К., он длительное время честно, добросовестно и эффективно исполнял свои обязанности перед доверительницей, и фактическое отстранение его от дальнейшего участия в рассмотрении граж-

данского дела Х...ским районным судом г. Москвы случилось по инициативе Г.Л.Г., что она и отмечает в жалобе. Как адвокат К., так и ответчик по делу Т.А.Г. отрицают какие-либо неправомерные, направленные против интересов Г.Л.Г. контакты между ними. В этой части объяснения К. подтверждаются «ходатайством» Т.А.Г. и не опровергаются объективными доказательствами. Таким образом, доводы заявительницы не нашли подтверждения в ходе рассмотрения ее жалобы Комиссией.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, поскольку адвокат К. надлежащим образом исполнил свои обязанности перед доверителем.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года № 32 дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 71
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.¹**

9 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Судья Московского городского суда П.Ю.А. частным постановлением от 3 февраля 2004 года довел до сведения президента Адвокатской палаты г. Москвы о следующих обстоятельствах, по мнению судьи, «нарушающих законные права участников процесса, для их обсуждения и принятия соответствующих мер по нормализации работы адвокатов в судебных органах».

В производстве Московского городского суда с 4 августа 2003 года находится уголовное дело по обвинению С.Д.В., Л.А.И. и Г.В.А. По состоянию на 3 февраля 2004 года это дело рассмотрено не было. В очередное судебное заседание, которое должно было состояться 3 февраля 2004 года, были доставлены подсудимые, однако судебное заседание в течение определенного времени не начиналось из-за неявки адвоката П., защищавшего подсудимого Г.В.А. Как утверждает в частном постановлении, примерно через 20 минут после доставки подсудимых в кабинет судьи явилась девушка (так указано в частном постановлении), назвавшаяся женой Г.В.А., и сообщила, что соглашение о защите адвокатом П. ее мужа расторгнуто. В связи с этим судья по телефону связался с адвокатом П., который заявил, что соглашение с ним расторгнуто, и поэтому он в судебные заседания являться не будет.

По выяснении судом причин неявки адвоката П. суд вышел в заседание, но в зале судебного заседания не оказалось также и адвоката Г., защищавшего подсудимого Л.А.И. В результате судебное заседание 3 февраля 2004 года не состоялось, и слушание дела было перенесено на другую дату.

В своем объяснении адвокат Г. сообщил, что он 3 февраля 2004 года вовремя прибыл в Московский городской суд для участия в назначенном на 10 часов 30 минут

---

¹ См. заключение № 70 в отношении адвоката П. в разделе «Дисциплинарные производства, закончившиеся вынесением решения о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности в виде замечания, предупреждения, выговора». — *Прим. составителя.*

судебном заседании по уголовному делу по обвинению Л.А.И., С.Д.В. и Г.В.А. Он должен был защищать подсудимого Л.А.И. Однако в назначенное время судебное заседание не началось в связи с тем, что судья выяснял причины неявки адвоката П. На вопросы адвокатов Г. и С., защищавших подсудимого С.Д.В., судья П.Ю.А. о времени начала судебного заседания не сообщал, заявив, что адвокаты должны ожидать момента начала заседания столько, сколько понадобится суду.

Адвокат Г. в третьем часу дня ушел из здания суда, предупредив секретаря судебного заседания и адвоката С., что он не покидает здания суда и вернется к залу судебного заседания через несколько минут. Вернувшись к залу судебного заседания, он обнаружил, что в его отсутствие судья П.Ю.А. вышел в заседание, в котором объявил о переносе слушания дела ввиду неявки адвокатов и, несмотря на сообщение адвоката С. о нахождении адвоката Г. в здании Московского городского суда, вынес частное постановление о срыве процесса по вине адвокатов П. и Г.

В распоряжение Квалификационной комиссии помимо частного постановления судьи и объяснения адвоката Г. представлены выписка из протокола судебного заседания Московского городского суда от 3 февраля 2004 года по делу С.Д.В., Г.В.А. и Л.А.И., а также справка об оставлении Верховным Судом Российской Федерации частного определения без изменения, а кассационной жалобы адвоката Г. на это определение – без удовлетворения.

В протоколе судебного заседания имеется запись о том, что заседание начато в 15 часов 30 минут и о том, что присутствовавшая в заседании адвокат С. сообщила председательствующему, что адвокат Г. о своей кратковременной отлучке предупредил секретаря судебного заседания, он находится в здании Московского городского суда и прибудет в зал судебного заседания не более чем через 10 минут. Таким образом, сведения, содержащиеся в протоколе судебного заседания, подтверждают объяснения адвоката Г.

Квалификационная комиссия полагает, что извещение участников процесса о точном времени начала судебного заседания является такой же обязанностью суда, как и явка к назначенному судом времени в зал судебного заседания всех участников процесса. Действующее законодательство не предусматривает обязанности участников процесса безотлучно находиться в той части коридора здания суда, которая расположена в непосредственной близости от зала судебного заседания без точного их уведомления о времени начала судебного заседания.

Таким образом, адвокатом Г. не допущено нарушения процессуального законодательства, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия не находит оснований для привлечения адвоката Г. к дисциплинарной ответственности.

С учетом изложенного и руководствуясь ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Г. вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 июля 2004 года (протокол № 9) дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 74-75**

по дисциплинарному производству в отношении адвокатов Р. и С.

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Г.В.Т. в жалобе указала, что в марте 2001 года по рекомендации секретаря Адвокатской палаты г. Москвы, назвавшейся Н.П., обратилась к адвокату Р. с просьбой защищать на предварительном следствии ее дочь Г.Е.В. Адвокат Р., в свою очередь, порекомендовал ей еще и адвоката С., которая впоследствии приняла ее (Г.В.Т.) защиту. Адвокаты Р. и С. не заключали с заявителем соглашений об оказании юридической помощи; за полтора месяца работы в 2001 году не написали ни одного серьезного документа; получив крупную сумму денег, устроились от выполнения работы, а затем и вовсе стали скрываться. Между тем Генеральная прокуратура без помощи этих адвокатов вынесла постановление о прекращении уголовного преследования в отношении нее и ее дочери. Просит принять результативные меры, поскольку адвокаты Р. и С., не выполнив профессиональных обязанностей, отказываются вернуть деньги.

4 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвокатов Р. и С., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии при Адвокатской палате г. Москвы.

В объяснениях, данных в ходе разбирательства в Квалификационной комиссии, заявитель Г.В.Т. поддержала доводы жалобы, настаивая на том, что адвокаты Р. и С. ничего по делу не сделали и отказываются вернуть ей деньги в сумме 65 000 долларов США. Она, Г.В.Т., оплачивала в кассу юридической консультации несколько раз различные суммы, но расписывалась только в квитанциях.

Г.Е.В. поддержала доводы своей матери Г.В.Т. и дополнила, что адвокат Р. осуществлял ее защиту на предварительном следствии по приглашению ее матери. Он приходил к ней в тюрьму, присутствовал при допросах у следователя, но никакой реальной помощи ей не оказал, освобождена она была из-под стражи по постановлению прокурора.

В своем письменном отзыве на жалобу адвокаты Р. и С. указали, что поручения на защиту Г.В.Т. и Г.Е.В. на предварительном следствии ими были оформлены в юридической консультации № 000 Московской городской коллегии адвокатов в марте-апреле 2001 года. С момента заключения соглашения адвокатами была проделана работа, включающая изучение материалов дела, участие в следственных действиях, подача жалоб в органы прокуратуры, суд, заявлений и различных ходатайств, свидания адвоката Р. с его подзащитной Г.Е.В. в следственном изоляторе. С ноября 2002 года уголовное дело по обвинению Г.В.Т. и Г.Е.В. приостановлено.

На заседании Квалификационной комиссии адвокаты Р. и С. дополнительно пояснили, что никаких денег помимо кассы от Г.В.Т. и Г.Е.В. не получали, профессиональные обязанности выполняли в соответствии с действующим законодательством, считают претензии Г.В.Т. и Г.Е.В. необоснованными.

Выслушав объяснения заявителя Г.В.Т., а также Г.Е.В., объяснения адвокатов Р. и С., изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Комиссия признает установленным, что Г.В.Т. 5 марта 2001 года по регистрационной карточке № 435 заключила соглашение с адвокатом Р. на защиту на предварительном следствии Г.Е.В. и внесла в кассу юридической консультации № 000 Московской городской коллегии адвокатов аванс в сумме 1 000 рублей. Затем по регистрационным карточкам № 469 от 13 марта 2001 года, № 470 от 13 марта 2001 года и № 435 от 19 апреля 2001 года Г.В.Т. оформлялись поручения на обжалование меры пресечения в отношении Г.Е.В., ведения ее дела адвокатом Р. в Л...ском межмуниципальном суде г. Москвы в порядке ст. 220.1 УПК РСФСР, в Л...ской межрайонной прокуратуре, за что в кассу юрконсультации заявителем было оплачено соответственно 1 000 рублей, 1 000 рублей и 2 000 рублей.

6 марта 2001 года Г.В.Т. по регистрационной карточке № 441 заключила с адвокатом С. соглашение на собственную защиту на предварительном следствии и оплатила в кассу аванс за ведение дела в размере 1 000 рублей.

Доводы Г.В.Т. о том, что она передала адвокату Р. в различное время 65 000 долларов США, кроме ее объяснений, не подтверждаются какими-либо доказательствами.

Доводы Г.В.Т. и Г.Е.В. о том, что адвокаты Р. и С. не выполнили профессиональные обязанности по их защите, опровергаются составленными адвокатами и представленными ими Комиссии процессуальными документами. Участие адвокатов Р. и С. в следственных действиях, посещение адвокатом Р. своей подзащитной в следственном изоляторе не оспаривается Г.В.Т. и Г.Е.В.

Сам по себе факт вынесения старшим прокурором управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации Т.М.Л. постановления от 1 февраля 2002 года о прекращении уголовного дела № 0000 в отношении Г.В.Т. и Г.Е.В. не свидетельствует о неквалифицированной работе адвокатов. Тем более, что это постановление 27 ноября 2002 года было отменено постановлением первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации, и производство по уголовному делу возобновлено.

По изложенным основаниям Квалификационная комиссия приходит к заключению о надлежащем выполнении профессиональных обязанностей перед доверителями адвокатами Р. и С.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально исполнять обязанности, отстаивать (активно защищать) права, свободы и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации, средствами, руководствуясь Конституцией РФ, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката (подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Нарушения этих норм адвокатами Комиссия не установила.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие надлежащего исполнения адвокатом Р. своих обязанностей перед доверителем Г.В.Т. и надлежащего исполнения адвокатом С. своих обязанностей перед доверителем Г.Е.В.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года № 39 дисциплинарное производство в отношении адвокатов Р. и С. прекращено вследствие надлежащего исполнения ими своих обязанностей перед доверителем Г.В.Т.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ года МОСКВЫ № 76
по дисциплинарному производству в отношении адвоката С.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

На заседание Комиссии были приглашены Г.В.А., адвокат С. Все приглашенные лица явились на заседание Комиссии и дали свои объяснения, ответили на поставленные членами Комиссии вопросы.

Г.В.А. пояснила, что она считает, что адвокат должен вернуть часть денег, так как не выполнил работу полностью; были заключены три соглашения – одно в З...ский суд, второе в Мосгорсуд, третье в Ч...ский суд, но из Ч...ского суда заявление вернули и направили опять в З...ский суд, после чего Г.В.А. расторгла соглашение с адвокатом С. и пригласила другого адвоката; суть претензий в том, что адвокат С. их запутала, в судебном разбирательстве заявляла ходатайства только устно; Г.В.А. заявила, что 30 000 рублей подлежат возврату адвокатом, так как в кассационной инстанции дело слушалось только две минуты, она не считает, что на эту сумму адвокат выполнил работу; всего адвокату они заплатили 75 000 рублей; они сами отвозили заявление в суд, стояли в очередях; адвокат написала ходатайство в Ч...ский суд, но Г.В.А. сама возила заявление в различные организации, чтобы наложить арест на имущество, а у нее его нигде не принимали.

Адвокат С. пояснила, что с Г. было заключено три соглашения; по первому соглашению были выписаны квитанции, они находятся у бухгалтера; 15 000 рублей по соглашению № 2 перешли на соглашение № 3; адвокат провела большую работу: написала два исковых заявления, ходатайства о назначении судебно-психиатрической экспертизы, об обеспечительных мерах; адвокат объясняла доверителям, куда надо подавать заявление, в соглашении было оговорено, что всю техническую работу доверители выполняют сами; адвокат считает, что работу выполнила полностью.

Квалификационная комиссия, изучив имеющиеся материалы, жалобу Г.В.А., выслушав объяснения всех вышеперечисленных лиц, установила следующее.

С. было заключено три соглашения с Г. на представление ее интересов в различных судебных инстанциях.

Первое соглашение было заключено 1 ноября 2003 года на представление интересов Г.В.А. в З...ском районном народном суде г. Москвы.

Данное поручение было выполнено. Добросовестность выполнения адвокатом этого поручения была подтверждена документами, составленными адвокатом в процессе выполнения данного поручения и предъявленными на обозрение Комиссии.

Второе поручение на выступление адвоката в Мосгорсуде в поддержку кассационной жалобы на решение З...ского районного суда было заключено 20 декабря 2003 года. Это поручение было также добросовестно выполнено адвокатом С.

Последнее соглашение было заключено 29 января 2004 года на представление интересов Г.В.А. в З...ском районном суде г. Москвы. Адвокатом были представлены Комиссии документы, составленные им в процессе исполнения этого соглашения.

Однако Г.В.А. 12 мая 2004 года расторгла соглашение, заключенное с адвокатом.

Г.В.А. считает, что адвокат выполнил работу недобросовестно и поэтому не отрабатал гонорар, внесенный по вышеуказанным соглашениям.

Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат С., при осуществлении профессиональной деятельности по делу Г.В.А. действовала в строгом соответствии с требованиями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и ее действия не содержат дисциплинарного проступка.

Исходя из изложенного, на основании подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката Квалификационная комиссия приходит к заключению о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката С. вследствие надлежащего исполнения адвокатом своих обязанностей перед доверителем.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года № 41 дисциплинарное производство в отношении адвоката С. прекращено вследствие надлежащего исполнения ею своих обязанностей перед доверителем.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 86
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Ч.**

29 июля 2004 года

город Москва

(Извлечение)

21 мая 2004 года судья Т...ского районного суда г. Москвы Ш.А.В. обратился с письмом к президенту Адвокатской палаты г. Москвы с просьбой проведения проверки соблюдения адвокатской этики адвокатом Ч.

17 мая 2004 года адвокат Ч. явился в судебное заседание для осуществления защиты подсудимого Н.В.В.

При этом подсудимый заявил ходатайство о приглашении в судебное заседание в качестве защитника адвоката Е., с которым его мать 14 мая 2004 года заключила соглашение на его защиту.

Позвонив в Коллегию адвокатов «...», судья Ш.А.В. от секретаря получил уведомление о том, что такое соглашение действительно заключено, о чем свидетельствовала запись в учетном журнале.

Учитывая это обстоятельство, суд отложил дело слушанием с учетом времени, которое было необходимо для извещения адвоката Е. о дате рассмотрения дела по обвинению Н.В.В.

20 мая 2004 года от адвоката Е. судом было получено сообщение о том, что адвокат Ч., введя его в заблуждение относительно возможного заключения соглашения с матерью Н.В.В., попросил его сделать соответствующую отметку в учетном журнале, что такое соглашение уже заключено.

По мнению федерального судьи Ш.А.В., указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что адвокат Ч. злоупотребляет взятыми на себя обязательствами по защите подсудимого Н.В.В., затягивает рассмотрение судом уголовного дела.

Судья Т...ского районного суда Ш.А.В. просит учесть изложенные им обстоятельства.

Адвокат Ч. по поводу обстоятельств, изложенных в письме федерального судьи Т...ского районного суда Ш.А.В., пояснил, что 17 мая 2004 года, перед началом судебного заседания, у него состоялась беседа с его подзащитным Н.В.В.

В ходе беседы Н.В.В. просил Ч. заявить ходатайство об отложении дела. Адвокат отказался выполнять его просьбу, объяснив свою позицию тем, что это лишь затягивает слушание дела. При этом сообщил Н.В.В., что 18 мая 2004 года он убывает в командировку.

После этого Н.В.В. попросил Ч. рекомендовать ему профессионального адвоката, с которым его мать заключит соглашение для его защиты. Ч. рекомендовал Е., с которым связался по телефону и спросил о его занятости и возможности заключить соглашение с Н.Н.И. (матерью подзащитного).

Адвокат Е. согласился защищать интересы Н.В.В. Кроме того, Ч. передал Е. просьбу Н.В.В. зарегистрировать соглашение от 14 мая 2004 года. Е. поинтересовался платежеспособностью клиента, так как он в кредит не работает.

Ч. после разговора с Е. позвонил матери Н.В.В. и сообщил ей фамилию адвоката, его телефон, а также и просьбу ее сына, Н.В.В., срочно заключить соглашение с вновь избранным адвокатом. Н.Н.И. обещала исполнить просьбу сына и безотлагательно заключить соглашение с адвокатом Е.

В этот же день, во время судебного заседания, Н.В.В. заявил ходатайство об отложении судебного заседания в связи с тем, что его мать заключила соглашение и с адвокатом Е. Судебное заседание было отложено на 25 мая 2004 года, однако до 25 мая соглашение не было заключено из-за отсутствия у клиента денег.

25 мая 2004 года до начала судебного заседания, у Ч. с его подзащитным вновь состоялась беседа, в которой Н.В.В. объяснил причину незаключения соглашения из-за отсутствия у его матери денег.

Н.В.В. просил адвоката заявить ходатайство об отложении дела из-за неявки в суд свидетелей защиты. Ч. вновь отказался заявлять такое ходатайство, зная о высказанной позиции судом по этому вопросу, и разъяснил Н.В.В., что «мифические» свидетели суд не интересуют. Н.В.В. не соглашался и написал отказ от защиты в лице Ч. Суд отказ удовлетворил и отложил слушание дела.

Адвокат Ч. считает, что выполнял свою работу добросовестно, взятыми на себя обязательствами по защите подсудимого Н.В.В. он не злоупотреблял, не затягивал рассмотрение судом уголовного дела.

Об отложении слушания судебного заседания заявлял в своем ходатайстве его подзащитный. Об этом свидетельствуют заявление Н.В.В. об отказе от услуг защитника Ч. в связи с несовпадением позиции по защите и просьба отложить судебное слушание до 1 июня 2004 года.

О том, что подсудимый Н.В.В. заявил ходатайство о приглашении в судебное заседание в качестве защитника адвоката Е. и о том, что его мать 14 мая 2004 года заключила соглашение на его защиту, указывает в письме и федеральный судья Ш.А.В.

Адвокат Ч. представил Квалификационной комиссии убедительные объяснения и иные доказательства, опровергающие доводы, содержащиеся в письме федерального судьи Ш.А.В.

В этой связи Квалификационная комиссия, вопреки доводам, содержащимся в жалобе федерального судьи Ш.А.В., не усматривает нарушения адвокатом Ч. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку он при осуществлении профессиональной деятельности честно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнял обязанности, активно защищал права и интересы доверителя, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и Кодексом профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката Ч. нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 12 августа 2004 года № 42 дисциплинарное производство в отношении адвоката Ч. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 95
по дисциплинарному производству в отношении адвоката А.**

17 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Главное управление Минюста РФ по г. Москве обратилось в соответствии с подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» с сообщением в Адвокатскую палату г. Москвы (вх. № 1368 от 25 мая 2004 года), указав, что в Управление из следственного отделения при ОВД района «...» УВД НАО г. Москвы поступило заявление Б.В.С. на действия адвоката А., в котором указано на грубое нарушение адвокатом Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и Кодекса профессиональной этики адвоката, заключающееся в оказании давления на потерпевших по уголовному делу.

Главное управление Минюста РФ по г. Москве просит рассмотреть изложенные в обращении Б.В.С. факты и истребовать объяснения у адвоката А.

Заявление Б.В.С. от 22 апреля 2004 года, приложенное к сообщению ГУ Минюста РФ по г. Москве, адресовано П.О.Е. – начальнику следственного отделения при ОВД «...». Б.В.С. просит принять меры в отношении гр-на А., который представился адвокатом и предъявил адвокатское удостоверение № 000. При этом заявитель указывает, что данный гражданин 19 апреля 2004 года пришел к его матери, Б.Л.Т., и проводил с ней беседу по факту изменения показаний по расследуемому уголовному делу, в котором Б.Л.Т. является потерпевшей. Также адвокат по данному факту разговаривал с самим Б.В.С., предлагал ему, чтобы он уговорил мать изменить ее показания. После визита данного гр-на у Б.Л.Т. ухудшилось состояние здоровья. На следующий день, 20 апреля 2004 года, гр-н А. позвонил Б.В.С. на домашний телефон, предлагал встре-

чу. Встречаться с ним у Б.В.С. никакого желания не было, так же не было желания встречаться с ним у его матери Б.Л.Т. По ст. 306 УК РФ Б.В.С. был предупрежден.

26 мая 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката А., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В своих письменных объяснениях от 21 июня 2004 года, а также в объяснениях, данных 17 сентября 2004 года на заседании Квалификационной комиссии, адвокат А. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении Главного управления Минюста РФ по г. Москве и заявлении Б.В.С., указал, что в апреле 2004 года он осуществлял защиту И.Л.В. В ходе ознакомления с протоколом очной ставки между подзащитной и свидетелем М.В.В. адвокат А. обнаружил существенные противоречия в показаниях свидетеля: тот путался в описании кулонов и одежды подзащитной адвоката гражданки И.Л.В., в связи с чем в порядке ч. 3 ст. 86 УПК РФ, в целях сбора доказательств адвокат встретился с М.В.В., получив у последнего согласие на встречу. В ходе данной беседы адвокат выяснил все интересовавшие его моменты по делу, после чего попрощался с М.В.В., оставив ему номер своего мобильного телефона, так как М.В.В. сообщил адвокату А., что у него имеются вопросы юридического характера, личные проблемы, не связанные с данным уголовным делом, и в случае необходимости попросил адвоката его проконсультировать. Там же, около дома М.В.В., адвокат А. встретился с Б.В.С., который является сыном потерпевшей по данному уголовному делу и соседом М.В.В. (который и позвал Б.В.С.). Он также рассказал все, что ему было известно по делу. На этом адвокат с Б.В.С. попрощался, никакого давления на них не оказывал и деньги не предлагал, а только разъяснил право на возмещение материального и морального вреда в установленном законом порядке. Кроме того, адвокат А. указывает, что в ходе проверки, проведенной К...кой межрайонной прокуратурой г. Москвы, свидетель М.В.В. пояснил, что к нему приезжали двое мужчин от семьи обвиняемой, и что именно с их стороны он опасался каких-либо действий в отношении него. М.В.В. пояснил, что претензий к адвокату не имеет, что тот ему не угрожал, денег и иных материальных благ в обмен на изменение показаний не предлагал; обратившись с заявлением в милицию, М.В.В. лишь хотел, чтобы его оградили от противоправных действий неизвестных мужчин, которые, возможно, могли бы последовать. В связи с вышеизложенным К...кой межрайонной прокуратурой г. Москвы было 27 мая 2004 года вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 309 УК РФ в отношении адвоката А. в связи с отсутствием в его действиях состава указанного преступления. Копию постановления адвокат приложил к своим письменным объяснениям.

Адвокат А. также пояснил, что до встречи со свидетелями он заявил письменное ходатайство о производстве следственных действий, направленных на устранение противоречий в показаниях, однако в удовлетворении ходатайства было устно отказано. Тогда адвокат решил с целью сбора доказательств, руководствуясь ч. 3 ст. 86 УПК РФ, встретиться со свидетелями с их согласия и опросить их. В ходе этих встреч он выяснял необходимую для осуществления защиты И.Л.В. информацию.

По мнению адвоката А., истинной причиной написания заявления Б.В.С. и М.В.В. было то, что начальник СО при ОВД «...» П.О.Е. изначально привлекла в дело своих знакомых адвокатов, которые от ее имени вымогали деньги с клиентов адвоката А., и после отказа от их услуг она решила выместить свои амбиции на «неудобном ей адвокате», т.е. на А. Во всяком случае клиенты (доверители) говорили адвокату А., что участвовавшие до него в деле в порядке ст. 51 УПК РФ адвокаты-защитники требо-

вали от них деньги. Когда П.О.Е. пыталась направить «сырое» дело в суд, расследовав разбойное нападение за 10 дней, адвокат А. заявил обоснованное ходатайство по поводу дополнительного следствия, на которое не получил ответа, в связи с чем не мог выполнять требования ст. 217 УПК РФ. Данные обстоятельства, по мнению адвоката А., подвигли начальника СО при ОВД «...» П.О.Е. подговорить заявителей через 1,5 месяца после встречи с адвокатом А. написать данные заявления. Также адвокат А. отмечает, что заявитель Б.В.С. в расследуемом уголовном деле не является стороной по делу и в материалах, и нигде в другом месте нет заявления от его матери Б.Л.Т., с которой якобы проводили беседу. После написания Б.В.С. заявления в СО при ОВД «...» соглашение на защиту И.Л.В., заключенное с адвокатом А., было расторгнуто по взаимной договоренности сторон; доверители обратились к другому адвокату; претензий к адвокату А. они не имеют.

Выслушав объяснения адвоката А., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения Главного управления Минюста РФ по г. Москве и заявления Б.В.С., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения (ч. 2 ст. 48 Конституции РФ).

В российском уголовном судопроизводстве «подозреваемому и обвиняемому обеспечивается право на защиту, которое они могут осуществлять лично либо с помощью защитника и (или) законного представителя» (ч. 1 ст. 16; п. 3 ч. 2 ст. 46, п. 8 ч. 4 ст. 47 УПК РФ).

Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников допускаются адвокаты (ч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ).

С момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе осуществлять, в частности, следующие полномочия: собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном ч. 3 ст. 86 УПК РФ (п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), а именно путем:

- 1) получения предметов, документов и иных сведений;
- 2) опроса лиц с их согласия;
- 3) истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии (ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Аналогичное положение содержится в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в соответствии с которым в процессе оказания доверителю квалифицированной юридической помощи адвокат вправе, в том числе, опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь (подп. 2 п. 3 ст. 6 Федерального закона).

Комиссией установлено, что адвокат А., заключив соглашение на защиту И.Л.В., обвинявшейся в совершении разбоя, познакомился с процессуальными документами, указанными в п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ (протокол задержания, постановление о применении меры пресечения, протоколы следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иные документы, которые предъявлялись либо

должны были предъявляться подозреваемому, обвиняемому), в том числе с протоколом очной ставки между его подзащитной и свидетелем М.В.В., проведенной до принятия адвокатом А. поручения на защиту И.Л.В. Выявив противоречия в показаниях своей подзащитной И.Л.В. и свидетеля М.В.В., непоследовательность в показаниях свидетеля, адвокат решил воспользоваться правом, предоставленным ему федеральным законом – опросить М.В.В., с его согласия, с целью выяснения (получения) информации, необходимой для осуществления защиты обвиняемой И.Л.В. В процессе опроса М.В.В. адвокат А. узнал, что сведениями, необходимыми для защиты И.Л.В., может обладать сын потерпевшей по уголовному делу Б.В.С., являющийся соседом М.В.В., в связи с чем адвокат А. произвел также опрос Б.В.С., с согласия последнего, разъяснил ему, как сыну потерпевшей, право на возмещение материального и морального вреда, причиненного преступлением.

Указанные действия адвоката А. находятся в полном соответствии с полномочиями, предоставленными ему федеральным законодательством как адвокату и как защитнику в уголовном судопроизводстве. Комиссия отмечает, что в действующем законодательстве установлено единственное ограничение в части реализации адвокатом полномочия по опросу лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, – согласие последних. Никаких иных ограничений, например, запрета опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей, в законе не установлено.

Оценка целесообразности указанных действий адвоката А. не входит в компетенцию Квалификационной комиссии, поскольку адвокат самостоятельно, с учетом мнения доверителя, осуществляет защиту последнего всеми средствами и способами, не запрещенными законом (см. п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Вмешательство в адвокатскую деятельность, осуществляемую в соответствии с законодательством, либо препятствование этой деятельности каким бы то ни было образом запрещаются (п. 1 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

Органами прокуратуры проверялось наличие в действиях адвоката А. признаков преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ – подкуп или понуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний. В результате проверки постановлением старшего следователя К...кой межрайонной прокуратуры г. Москвы от 27 мая 2004 года было отказано в возбуждении уголовного дела по ст. 309 УК РФ в отношении адвоката А. в связи с отсутствием в его действиях состава указанного преступления.

Данное обстоятельство не было известно и не могло быть известно Главному управлению Минюста РФ по г. Москве, направившему свое сообщение в отношении адвоката А. в Адвокатскую палату г. Москвы 12 мая 2004 года, т.е. до вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального

закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат А. защиту обвиняемой И.Л.В. осуществлял в полном соответствии с действующим законодательством, **Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката А., который не допустил нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката.**

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 60 дисциплинарное производство в отношении адвоката А. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 96
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Федеральный судья Г...ского районного суда г. Москвы Д.О.В. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с сообщением (вх. № 1286 от 17 мая 2004 года), указав, что в производстве суда находится уголовное дело по обвинению В.Ю.П. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 109 УК РФ, мера пресечения в отношении подсудимого избрана – заключение под стражу. Защиту В.Ю.П. на основании договора 2/1-12-04 от 13 апреля 2004 года осуществляет адвокат АБ «А» К., на основании договора 211-12-04 от 13 апреля 2004 года осуществляет адвокат АБ «А» Г., на основании соглашения № 96 от 15 апреля 2004 года осуществляет адвокат К. Адвокат К. не явился в судебное заседание 21 апреля 2004 года, не известив суд о причине своей неявки, в связи с чем уголовное дело было отложено рассмотрением на 26 апреля 2004 года. 26 апреля 2004 года адвокат К. явился в судебное заседание, не предоставив суду никаких документов, подтверждающих его уважительную неявку в судебное заседание 21 апреля 2004 года. 26 апреля 2004 года в ходе судебного заседания, после рассмотрения ходатайств, адвокат К. демонстративно покинул зал судебного заседания, тем самым грубо нарушив ч. 7 ст. 49 УПК РФ. Заявитель просит принять меры в соответствии с законом и сообщить о принятых мерах.

12 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменных объяснениях от 7 июня 2004 года адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении федерального судьи Г...ского районного суда г. Москвы Д.О.В., указал, что он действительно не явился в судебное заседание 21 апреля 2004 года, однако сообщил судье по телефону, что находится в непрерывном процессе в Московском гарнизонном военном суде, представляя интересы потерпевших, в одном из последующих судебных заседаний им была предъявлена соответствующая справка из военного суда; 26 апреля 2004 года адвокат К. действительно покинул судебное заседание, однако сделал это не демонстративно, а предъявив суду заключение профессоров К.В.И. и С.Г.И. о том, что в этот день он обследовался и ему поставлен

диагноз: «рожистое воспаление правой голени», у него были высокая температура и недомогание, при этом процесс начался в 14 часов, а адвокат был на обследовании утром. По мнению адвоката, с точки зрения выполнения адвокатских обязанностей и этических норм придаться к нему невозможно. Адвокат К. полагает, что просьбу федерального судьи Д.О.В. о принятии к адвокату К. мер необходимо оставить без удовлетворения.

На заседании Квалификационной комиссии 24 сентября 2004 года адвокат К. подтвердил доводы, изложенные в его письменном объяснении.

Выслушав объяснения адвоката К., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы сообщения федерального судьи Г...ского районного суда г. Москвы Д.О.В., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуры в РФ»; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними взаимно приемлемое время (п. 1 ст. 14 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В сообщении федерального судьи указано, что адвокат К. не явился в судебное заседание 21 апреля 2004 года, не известив суд о причине своей неявки, в связи с чем уголовное дело было отложено рассмотрением на 26 апреля 2004 года. 26 апреля 2004 года адвокат К. явился в судебное заседание, не предоставив суду никаких документов, подтверждающих его уважительную неявку в судебное заседание 21 апреля 2004 года.

Адвокат К. пояснил Комиссии, что он действительно не явился в судебное заседание 21 апреля 2004 года, однако сообщил судье по телефону, что находится в непрерывном процессе в Московском гарнизонном военном суде, представляя интересы 50 потерпевших, в одном из последующих судебных заседаний им была предъявлена соответствующая справка из военного суда. Из представленной адвокатом ксерокопии справки от 19 апреля 2004 года, подписанной судьей Московского гарнизонного военного суда Т.Н., следует, что адвокат К. участвует в судебном заседании Московского гарнизонного военного суда 21 апреля 2004 года в порядке ст. 125 УПК РФ.

Комиссия считает, что утверждение адвоката К. о том, что он известил федерального судью Д.О.В. по телефону о невозможности явки в судебное заседание 21 апреля 2004 года материалами дисциплинарного производства не опровергнуто. В следующее судебное заседание 26 апреля 2004 года адвокат К. явился. По мнению Комиссии, не имеет юридического значения то обстоятельство, в каком именно судебном заседании, следующем (26 апреля 2004 года) или через одно, адвокат К. представил суду справку о своей занятости в другом процессе 21 апреля 2004 года, потому что в целом причина его неявки в судебное заседание Г...ского районного суда г. Москвы 21 апреля 2004 года признается Комиссией уважитель-

ной. Определяя причины, по которым указанная справка о занятости не была предъявлена адвокатом суду именно 26 апреля 2004 года, нельзя не учитывать и то обстоятельство, что 26 апреля 2004 года адвокат К., 60 лет, явился в судебное заседание в состоянии недомогания с высокой температурой по причине рожистого воспаления правой голени.

В сообщении федерального судьи указано, что адвокат К. 26 апреля 2004 года, в ходе судебного заседания, после рассмотрения ходатайств, демонстративно покинул зал судебного заседания, тем самым грубо нарушив ч. 7 ст. 49 УПК РФ.

Адвокат К. пояснил Комиссии, что он действительно покинул судебное заседание 26 апреля 2004 года, однако сделал это не демонстративно, а предъявив суду заключение от 26 апреля 2004 года профессоров ГУ «Центральный научно-исследовательский...» К.В.И. и С.Г.И. о том, что в этот день он обследовался и ему поставлен диагноз: «рожистое воспаление правой голени», у него были высокая температура и недомогание, при этом процесс начался в 14 часов, а адвокат находился на обследовании утром. Подлинник указанного заключения на бланке строгой отчетности № 41730 приобретен Комиссией к материалам дисциплинарного производства.

Как следует из объяснений адвоката К., он не демонстративно покинул зал суда, а после того, как суд отказался удовлетворить ходатайство адвоката об отложении рассмотрения дела по причине его болезни. Комиссия считает, что болезнь (воспалительный процесс, высокая температура) является обстоятельством, исключающим возможность продолжения адвокатом участия в судебном заседании, при этом волеизъявление суда по вопросу о том, вправе ли адвокат покинуть зал суда или нет *по причине болезни*, правового значения не имеет, поскольку в силу ст. 20 и 21 Конституции РФ каждый имеет право на жизнь, никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению; в силу ст. 18 и ч. 3 ст. 56 Конституции РФ указанные права и свободы являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов и не подлежат ограничению даже в условиях чрезвычайного положения.

Невозможно согласиться и с доводом заявителя о том, что, покинув зал судебного заседания 26 апреля 2004 года, адвокат К. тем самым грубо нарушил ч. 7 ст. 49 УПК РФ, т.е. отказался от принятой на себя защиты подсудимого В.Ю.П. вопреки прямому запрету, содержащемуся в Федеральном законе — УПК РФ, поскольку зал судебного заседания адвокат К. покинул по причине своей болезни. Кроме того, сам факт неявки адвоката в судебное заседание или же оставление им по каким-либо причинам зала судебного заседания не может однозначно свидетельствовать об отказе от принятой на себя защиты. Как следует из материалов дисциплинарного производства, в марте 2004 года Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда по кассационной жалобе адвоката К. отменила незаконный и необоснованный обвинительный приговор Г...ского районного суда г. Москвы от 17 февраля 2004 года в отношении В.Ю.П. и направила уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции. Также благодаря квалифицированной работе адвоката К. 11 мая 2004 года (т.е. после 26 апреля 2004 года, когда адвокат К., по мнению заявителя, якобы отказался от принятой на себя защиты) суд принял решение об освобождении В.Ю.П. из-под стражи.

Защиту подсудимого В.Ю.П. по соглашению осуществляли три адвоката, в том числе адвокат Г., работающий вместе с адвокатом К. в АБ «А». Как можно заключить из письма федерального судьи от 26 апреля 2004 года, адвокаты Г. и К. 21 и 26 апреля 2004 года в судебные заседания являлись. В связи с тем, что заявителем не представлены копии протоколов судебных заседаний, Квалификационная комиссия не может

установить причины, по которым суд не счел возможным продолжить рассмотрение уголовного дела в отсутствие одного из адвокатов при явке в судебное заседание двух других адвокатов, с которыми подсудимый (либо другие лица по поручению или с согласия подсудимого) заключили соглашение на защиту в суде первой инстанции, поскольку УПК РФ прямых запретов на продолжение рассмотрения уголовного дела в описанной процессуальной ситуации не содержит (см., например, ч. 2 ст. 248).

В соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства: доказательств, опровергающих объяснения адвоката К. по доводам сообщения федерального судьи Г...ского районного суда г. Москвы Д.О.В., Квалификационной комиссии не представлено.

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат К. процессуальные взаимоотношения с Г...ким районным судом г. Москвы 21 и 26 апреля 2004 года строил в соответствии с действующим законодательством, **Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.**

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 61 дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 101
по дисциплинарному производству в отношении адвоката М.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В Адвокатскую палату г. Москвы обратился У.В.А. с жалобой на адвоката М., в который он указывает, что при его допросе в качестве подозреваемого адвокат не присутствовал, и он адвоката не приглашал, однако при ознакомлении с материалами уголовного дела обнаружил, что якобы на следствии принимал участие адвокат М., считает, что адвокат М. нарушил адвокатскую этику, и просит принять к нему необходимые меры воздействия.

15 июня 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисципли-

нарное производство в отношении адвоката М., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Из письменных объяснений адвоката М., которые он подтвердил на заседании Квалификационной комиссии, следует, что 26 апреля 2004 года он — адвокат М. — был вызван в порядке ст. 51 УПК РФ в МОБ ОВД... НАО г. Москвы для защиты У.В.А., в отношении которого было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 327 УК РФ. Прибыв в МОБ ОВД... НАО г. Москвы, М. представил дознавателю ордер для представления интересов У.В.А. и был допущен к его защите. Однако У.В.А. от участия в деле защитника М. отказался. И поскольку отказ У.В.А. от защиты был принят, в дальнейшем адвокат М. участия в деле не принимал.

Комиссия приходит к выводу, что адвокат М. надлежащим образом оформил свои полномочия в орган дознания в соответствии с требованиями ст. 51 УПК РФ. В соответствии с подп. 6 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат М. не вправе был навязывать свою помощь У.В.А. в связи с его отказом от защитника и поэтому обоснованно в дальнейшем не принимал участия в производстве по уголовному делу.

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М., который не допустил нарушений норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 65 дисциплинарное производство в отношении адвоката М. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 102
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

24 сентября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Вице-президент Адвокатской палаты г. Москвы обратилась с представлением, указав, что в Адвокатскую палату г. Москвы поступило заявление Т.Ю.Е. (вх. № 1717 от 7 июля 2004 года), из которого следует, что адвокат К. ненадлежащим образом исполнила свои профессиональные обязанности, основанные на требованиях подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», в связи с чем вице-президент поставила в представлении вопрос о возбуждении в отношении адвоката К. дисциплинарного производства.

Жалоба Т.Ю.Е. (с приложениями на девяти страницах) была принята на личном приеме в Министерстве юстиции РФ 28 июня 2004 года (регистр. № 7251/04), а затем направлена в Адвокатскую палату г. Москвы руководителем Департамента по вопросам правовой помощи Минюста РФ (письмо от 30 июня 2004 года № 09-19-7251-04; вх. № 1717 от 7 июля 2004 года).

Т.Ю.Е. (в жалобе от 29 апреля 2004 года и в письме от 28 июня 2004 года) указывает, что 25 марта 2004 года состоялось судебное заседание у мирового судьи судебного

участка № 00 Г...ского района г. Москвы Р.Т.А. по делу о расторжении брака между К.Ж.В. и К.Е.А. (родителями заявительницы). Отец заявительницы К.Ж.В. находится в розыске как без вести пропавший. Последний раз Т.Ю.Е. видела его 26 июня 2003 года, пропал он после того, как К.Ж.В. (мать заявительницы) узнала, что он дал согласие на разделение жилой площади. Интересы ответчика К.Е.А. по иску о расторжении брака в порядке ст. 50 ГПК РФ представляла адвокат К., которая согласилась с предъявленным к ответчику иском о расторжении брака, заявив в суде, что интересы К. этим иском не нарушаются. Однако, по мнению заявительницы, решение вопроса о расторжении брака напрямую зависит от решения другого иска — о разделе жилой площади, в котором стороны по делу о расторжении брака являются ответчиками. Т.Ю.Е. обратилась в Г...ский районный суд г. Москвы с иском о разделе жилой площади; решением суда от 26 декабря 2003 года в иске было отказано, тем не менее определением Судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда от 12 февраля 2004 года указанное решение было отменено и дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции в ином составе судей. Заявитель считает, что ее мать, К.Ж.В., пользуясь тем, что К.Е.А., пропал и находится в розыске, решила расторгнуть брак, дабы воспрепятствовать удовлетворению иска о разделе жилой площади; заявитель считает, что иск о расторжении брака носит искусственный характер, данным иском нарушаются не только права К.Е.А., но и права Т.Ю.Е. и ее дочери, так как у них нет другой жилой площади, а проживать по единому договору найма с матерью они не могут, поскольку последняя неразборчива в личных связях с мужчинами, ведет всех домой, любит выпить, много курит, пьяная может распустить руки, тем самым спровоцировать конфликт; Т.Ю.Е. не хочет, чтобы ее ребенок видел то, что пришлось увидеть и испытать ей самой. Заявитель указывает, что все названные выше обстоятельства адвокату К. не были известны; она сама не проявила инициативу, чтобы установить истинные намерения истицы о расторжении брака. Поскольку адвокат К. участвовала в деле, она является единственным лицом, которое вправе подать жалобу по указанным выше обстоятельствам по расторжению брака, однако когда к ней обратились с просьбой обжаловать решение мирового судьи, позвонив по номеру домашнего телефона, она заявила, что все сделала правильно и обжаловать решение суда не будет, попросила ее не беспокоить. Заявитель считает, что адвокат грубо нарушила Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», так как действовала вопреки интересам своего клиента К.Е.А.; просит принять к адвокату К. соответствующие меры воздействия, оказать помощь в обжаловании решения мирового судьи.

12 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката К., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменных объяснениях от 4 июня 2004 года адвокат К. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе Т.Ю.Е. (первоначально поступившей в Адвокатскую палату г. Москвы 29 апреля 2004 года вх. № 1204), указала, что 23 марта 2004 года Адвокатской конторой № 00 Коллегии адвокатов «...» она была назначена представителем отсутствующего ответчика К.Е.А. в соответствии со ст. 50 ГПК РФ на основании определения мирового судьи судебного участка № 00 Г...ского района г. Москвы Р.Т.А. от 11 марта 2004 года по делу о расторжении брака. Основанием для назначения послужил тот факт, что К.Е.А. находится в розыске, место нахождения его неизвестно. В судебном заседании было установлено, что брак между отсутствующим ответчиком К.Е.А. и истицей К.Ж.В. фактически распался, они длительное время не ведут со-

вместного хозяйства, о чем свидетельствует его отсутствие с июня 2003 года, и место его жительства неизвестно. Кроме того, несовершеннолетних детей от брака стороны не имеют, и истицей вопрос о разделе совместно нажитого имущества в суде не ставился. В судебном заседании адвокат К. как назначенный судом представитель отсутствующего ответчика иск К.Ж.В. признать не могла, так как не имела таких полномочий от К.Е.А., и решение данного спора оставила на усмотрение суда; однако считала, что расторжение брака не затрагивает имущественных прав К.Е.А., поскольку истица никаких материальных и других претензий не имела. Спустя приблизительно месяц после вынесения решения по домашнему телефону в вечернее время адвокату позвонила женщина, представившаяся Т. — это была свекровь Т.Ю.Е. В оскорбительной форме эта женщина стала обвинять адвоката К. в том, что она не имела права участвовать в процессе, не установив родственников К.Е.А.; также она требовала от адвоката подачи жалобы на решение мирового судьи, так как в другом суде имеется иск дочери К.Е.В. о разделе лицевого счета. Адвокат ответила звонившей женщине, что ей ничего неизвестно о споре в другом суде, кроме того, раздел лицевого счета между К.Ж.В. и дочерью не связан с делом о расторжении брака, пояснила, что поэтому у адвоката нет оснований для обжалования решения. С автором жалобы Т.Ю.Е. адвокат никогда не встречалась и по телефону с ней не разговаривала, поэтому изложенные в жалобе факты не соответствуют действительности. Адвокат считает, что своими действиями никак не могла нарушить интересы К.Е.А., указывает, что, по ее мнению, в случае отказа в иске К.Ж.В. о расторжении брака и удовлетворения иска Т.Ю.Е. к матери и отсутствующему ответчику К.Е.А. о разделе лицевого счета, права К.Е.А., напротив, были бы ущемлены, поскольку в случае своего объявления и возвращения в квартиру, он имел бы меньшую жилую площадь, чем до раздела лицевого счета.

На заседании Квалификационной комиссии 24 сентября 2004 года адвокат К. подтвердила доводы, изложенные в ее письменном объяснении.

Выслушав объяснения адвоката К., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы представления вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы и жалоб гражданки Т.Ю.Е., Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

При производстве по гражданскому делу суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно (ст. 50 ГПК РФ).

Как пояснила адвокат К., 23 марта 2004 года Адвокатской конторой № 00 Коллегии адвокатов «...» она была назначена представителем отсутствующего ответчика К.Е.А. в соответствии со ст. 50 ГПК РФ на основании определения мирового судьи судебного участка № 00 Г...ского судебного района г. Москвы Р.Т.А. от 11 марта 2004 года по делу о расторжении брака. Основанием для назначения послужил тот факт, что К.Е.А. находится в розыске, место его нахождения неизвестно.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокат обязан оказывать юридическую помощь гражданам Российской Федерации бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации.

В судебном заседании было установлено, что брак между отсутствующим ответчиком К.Е.А. и истицей К.Ж.В. фактически распался, несовершеннолетних детей от брака стороны не имеют, вопрос о разделе совместно нажитого имущества истицей не ставился. При таких обстоятельствах адвокат К. обоснованно считала, что расторжение брака не затрагивает имущественных прав К., поскольку истица никаких материальных и других претензий не имела, но как назначенный судом представитель отсутствующего ответчика иск К.Ж.В. адвокат признать не могла, так как не имела таких полномочий от К.Е.А., и решение данного спора оставила на усмотрение суда.

В силу п. 1 ст. 7 и п. 2 ст. 16 Семейного кодекса РФ граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из семейных отношений (семейными правами); брак может быть прекращен путем его расторжения по заявлению как обоих супругов, так и одного супруга. Обратившись в суд с заявлением о расторжении брака, гражданка К.Ж.В. реализовала предоставленное ей законом право.

Довод заявительницы Т.Ю.Е. о том, что решение вопроса о расторжении брака напрямую зависит от решения другого иска — о разделе жилой площади (*об изменении договора найма квартиры и о заключении с Т.Ю.Е. совместно с несовершеннолетней дочерью Т.Д. отдельного договора найма на любую из двух комнат этой квартиры.* — Прим. Комиссии), находящегося в производстве Г...ского районного суда г. Москвы, в котором стороны по делу о расторжении брака являются ответчиками, не основан на нормах материального и процессуального права, поэтому отказ адвоката К. от обжалования по требованию Т.Ю.Е. решения мирового судьи от 25 марта 2004 года о расторжении брака является правомерным.

Адвокат обоснованно указала в объяснениях, что своими действиями никак не могла нарушить интересы К.Е.А., поскольку в случае отказа в иске К.Ж.В. к К.Е.А. о расторжении брака и удовлетворения иска Т.Ю.Е. к матери К.Ж.В. и отсутствующему ответчику К.Е.А. о разделе лицевого счета, права К.Е.А., напротив, были бы ущемлены, так как в случае своего объявления и возвращения в квартиру он имел бы меньшую жилую площадь, чем до раздела лицевого счета.

Доводы заявительницы Т.Ю.Е. о том, что ее мать К.Ж.В., пользуясь тем, что К.Е.А. пропал и находится в розыске, решила расторгнуть брак, дабы воспрепятствовать удовлетворению иска о разделе жилой площади; что иск о расторжении брака носит искусственный характер, данным иском нарушаются не только права К.Е.А., но и права Т.Ю.Е. и ее дочери, так как у них нет другой жилой площади, а проживать по единому договору найма с матерью они не могут, поскольку последняя неразборчива в личных связях с мужчинами, ведет всех домой, любит выпить, много курит, пьяная может распустить руки, тем самым спровоцировать конфликт; Т.Ю.Е. не хочет, чтобы ее ребенок видел то, что пришлось увидеть и испытать ей самой, — свидетельствуют об истинных причинах подачи Т.Ю.Е. жалобы на адвоката К., но никакого правового значения для оценки действий адвоката К. не имеют.

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат К. представительство в порядке ст. 50 ГПК РФ интересов доверителя К.Е.А. (ответчика по иску о расторжении брака) осуществляла в полном соответствии с действующим законодательством,

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в ее действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения своих обязанностей перед доверителем К.Е.А.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года № 66 дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекращено вследствие отсутствия в ее действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и надлежащего исполнения своих обязанностей перед доверителем К.Е.А.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 106
по дисциплинарному производству в отношении адвоката П.**

29 октября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Начальник N отдела СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы И.А.В. обратился в Главное управление Минюста РФ по г. Москве с сообщением, указав, что в производстве N отдела Следственной части Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы находится уголовное дело № ... по обвинению К.А.Е. и др. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ. В качестве защитника обвиняемого К.А.Е. в рамках указанного уголовного дела участвует адвокат Адвокатской конторы «...» Московской межтерриториальной коллегии адвокатов П. (имеющий удостоверение № 0000, выданное ГУ МЮ РФ по г. Москве). 9 марта 2004 года в ИЗ-77/... УИН МЮ РФ по г. Москве проводилось следственное действие – очная ставка между потерпевшей Е.Е.О. и обвиняемым К.А.Е. с участием адвоката П. После того, как допрашиваемые лица поочередно дали показания, а вопросов друг к другу у них не возникло, защитнику обвиняемого К.А.Е. – адвокату П. было предложено задать вопросы потерпевшей Е.Е.О., если таковые имеются. На это адвокат П. заявил, что для постановки вопросов потерпевшей Е.Е.О. ему необходимо ознакомиться с ранее данными ею показаниями в качестве потерпевшей. Адвокату П. было сообщено, что такая возможность ему будет предоставлена при ознакомлении с материалами уголовного дела в соответствии с требованиями ст. 217 УПК РФ. После этого обвиняемому К.А.Е. и его защитнику П. было предложено ознакомиться с протоколом очной ставки и подписать его. На данное предложение адвокат П. заявил, что он и его подзащитный К.А.Е. отказываются от ознакомления с данным протоколом, а также отказываются подписать его в связи с тем, что были грубо нарушены их процессуальные права в связи с невозможностью задать вопросы потерпевшей Е.Е.О. Таким образом, по мнению заявителя, адвокат П., нарушив требования ст. 167 УПК РФ, сорвал следственное действие – очную ставку и нарушил право обвиняемого К.А.Е. ознакомиться с данными им показаниями и подписать протокол очной ставки. Заявитель просил рассмотреть

поведение адвоката П. на Квалификационной комиссии и принять к адвокату соответствующие меры.

Основываясь на указанном сообщении, начальник отдела правового контроля за деятельностью нотариата, адвокатуры и учреждений юстиции Главного управления Минюста РФ по г. Москве обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с представлением (вх. № 1221 от 5 мая 2004 года), в котором содержится просьба рассмотреть факты, изложенные в сообщении начальника N отдела СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы И.А.В., уведомив последнего о результатах рассмотрения и принятых мерах.

6 мая 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката П., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

В письменных объяснениях от 16 июля 2004 года адвокат П. по поводу обстоятельств, изложенных в сообщении начальника N отдела СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы И.А.В., указал, что им осуществлялась защита гражданина К.А.Е. на предварительном следствии. Как следует из материалов уголовного дела, адвокат П. как защитник обвиняемого К.А.Е. заявил ходатайство о необходимости проведения дополнительных следственных действий, а именно очной ставки между Е.Е.О. и К.А.Е., которая могла существенно повлиять на исход дела. В соответствии со ст. 192 УПК РФ очная ставка проводится между лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия. Как было известно защите, ранее при проведении 17 декабря 2003 года опознания Е.Е.О. указала, что К.А.Е. ранее не видела и опознать его не может. К.А.Е., в свою очередь, также не противоречил показаниям Е.Е.О. на опознании. В ходе проведенной 9 марта 2004 года очной ставки Е.Е.О. изменила свои показания и стала утверждать, что К.А.Е. в отношении нее совершил преступление. В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защита потребовала от следователя предъявить для ознакомления протокол опознания с участием К.А.Е., в котором Е.Е.О. дает показания, отличные от тех показаний, которые были даны ею на очной ставке. Как следует из смысла ст. 192 УПК РФ, следователь обязан был самостоятельно огласить показания Е.Е.О. и К.А.Е., данные ими на ранних стадиях следствия. Однако он не только не смог выполнить установленные требования закона, обязывающие его выполнить определенные действия, но и нарушил права обвиняемого и защитника на осуществление защиты тем обстоятельством, что на момент проведения очной ставки материалов дела у следователя на руках не было. В нарушение ч. 4 ст. 192 УПК РФ следователь немотивированно отказался предоставить для ознакомления протокол опознания и протоколы допросов Е.Е.О., проведенных после опознания. Ссылка следователя на то обстоятельство, что защита не дала возможности К.А.Е. ознакомиться со своими показаниями, является несостоятельной, так как следователь, имея ходатайство защиты, поддержанное обвиняемым К.А.Е., не приостановил следственные действия, не объявил перерыва, тем самым создал условия для невозможности продолжения очной ставки, а также невозможности К.А.Е. выслушать вопросы защиты, ответы Е.Е.О., задать ей дополнительные вопросы и уже после этих действий ознакомиться с протоколом очной ставки, в том числе со своими показаниями, и подписать свои показания и протокол очной ставки, что не противоречит ч. 6–7 ст. 166 УПК РФ. Следовательно, своими действиями следователь нарушил требования п. 6 ч. 1 ст. 53, ч. 4 ст. 47, ч. 4 ст. 192 УПК РФ, т.е. грубо нарушил конституционные требования о правах обвиняемого и защитника при проведении предварительного следствия. Стремясь завуалировать свои незаконные действия при проведении очной ставки, следователь предложил защите задать вопросы Е.Е.О. при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке

ст. 217 УПК РФ, однако, учитывая, что в соответствии со ст. 215 УПК РФ обвиняемому К.А.Е. и его защитнику П. было объявлено об окончании предварительного следствия, указанное предложение следователя являлось грубым нарушением уголовно-процессуального закона, который не предусматривает данный вид следственного действия после окончания всех следственных действий. С учетом изложенного, адвокат П. как защитник категорически ходатайствовал о возобновлении в установленном порядке следственных действий и проведении очной ставки между К.А.Е. и Е.Е.О., что, по мнению защиты, повлекло бы восстановление нарушенных требований закона и прав обвиняемого и его защитника. Адвокат П. считает доводы, изложенные в сообщении начальника N отдела СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы И.А.В. незаконными и необоснованными, имеющими своей целью прикрыть выявленные защитником в ходе предварительного следствия недостатки и нарушения требований закона.

На заседании Квалификационной комиссии адвокат П. подтвердил сведения, изложенные им в письменных объяснениях, уточнив, что защиту К.А.Е. он осуществлял практически с момента возбуждения уголовного дела, а 17 декабря 2003 года участвовал в качестве защитника в проведении опознания, в ходе которого потерпевшая Е.Е.О. не опознала К.А.Е. как лицо, когда-либо ранее ей встречавшееся.

По ходатайству адвоката П. Квалификационной комиссией к материалам дисциплинарного производства была приобщена ксерокопия приговора Московского городского суда от 12 августа 2004 года по уголовному делу № ..., в котором, в частности, указано: «Суд полагает, что в ходе судебного разбирательства не нашла своего подтверждения виновность подсудимого К. в совершении разбоя в отношении Е., и считает необходимым исключить из его обвинения указанный эпизод по следующим основаниям. Стороной обвинения в подтверждение вины К. по данному эпизоду были представлены следующие доказательства: заявление потерпевшей Е., ее показания, данные в качестве потерпевшей, протокол очной ставки между Е. и К... Анализ представленных стороной обвинения доказательств показывает, что ни одно из них в отдельности, ни их совокупность не могут однозначно свидетельствовать о причастности К. к совершению разбоя в отношении Е... Показания Е. на предварительном следствии, данные при допросе в качестве потерпевшей и на очной ставке с К., в которых потерпевшая указала на него как на лицо, участвовавшее в нападении на нее 15 октября 2003 года, не могут служить доказательством виновности К., поскольку противоречат иным имеющимся в деле материалам. Так, в своих первоначальных показаниях при допросе в качестве потерпевшей 4 ноября 2003 года (...) Е. сообщила, что может опознать всех напавших на нее мужчин. В то же время в материалах дела имеется протокол предъявления лица для опознания от 17 декабря 2003 года (...), в ходе которого Е. не опознала предъявлявшегося ей для опознания К. как лицо, когда-либо ранее ей встречавшееся. Об участии К. в разбойном нападении на нее Е. заявила более чем через два месяца после проведения опознания — 27 февраля 2004 года (...), что было сделано в условиях, когда потерпевшей было известно о предъявлении К. обвинения в совершении преступлений, и не могло не повлиять на объективное восприятие ею К. как участника нападения на нее. Таким образом, нахождение К. в квартире Е. в момент совершения на нее нападения 15 октября 2003 года в одном случае ею отрицается, а в другом подтверждается, что вызывает у суда неустранимые сомнения в его виновности, которые в соответствии с ч. 3 ст. 14 УПК РФ суд толкует в пользу подсудимого... Таким образом, в условиях наличия неустранимых сомнений в виновности подсудимого К. в совершении разбойного нападения на потерпевшую Е. суд полагает необходимым толковать их в пользу подсудимого и исключить данный эпизод из его обвинения».

Выслушав объяснения адвоката П., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы представления начальника отдела правового контроля за деятельностью нотариата, адвокатуры и учреждений юстиции Главного управления Минюста РФ по г. Москве от 26 апреля 2004 года, основанного на сообщении начальника N отдела СЧ ГСУ при ГУВД г. Москвы от 9 апреля 2004 года, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

В соответствии с п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меры дисциплинарной ответственности могут быть применены к адвокату не позднее шести месяцев со дня обнаружения проступка адвоката, не считая времени болезни адвоката, нахождения в отпуске.

Представление поступило в Адвокатскую палату г. Москвы 5 мая 2004 года, т.е. указанный шестимесячный срок должен был истечь 5 ноября 2004 года. Однако в материалах дисциплинарного производства имеются листки временной нетрудоспособности серии БИ 0302224 от 28 июля 2004 года и серии БВ 3735641 от 4 сентября 2004 года, из которых следует, что адвокат П. болел с 6 июля по 19 сентября 2004 года, т.е. не менее 76 дней, которые не должны учитываться при исчислении процессуального срока, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. Участвуя в судопроизводстве, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства (подп. 1 и 4 п. 1 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (п. 2 ст. 7 названного Закона). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение Советом Адвокатской палаты, с учетом заключения Квалификационной комиссии, мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвоката, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Как следует из исследованных Комиссией доказательств, адвокат П. на стадии предварительного расследования являлся защитником К.А.Е., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 162 УК РФ.

Защитник — лицо, осуществляющее в установленном УПК РФ порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу. В качестве защитников допускаются адвокаты (ч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ).

С момента допуска к участию в уголовном деле защитник, в частности, вправе участвовать в допросе подозреваемого, обвиняемого, а также в иных следственных действиях, производимых с участием подозреваемого, обвиняемого либо по его ходатайству или ходатайству самого защитника в порядке, установленном УПК РФ; знакомиться с протоколом задержания, постановлением о применении меры пресечения, протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого, иными документами, которые предъявлялись либо должны были

предъявляться подозреваемому, обвиняемому; заявлять ходатайства и отводы; использовать иные не запрещенные УПК РФ средства и способы защиты (п. 5, 6, 8, 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ).

Осуществляя предусмотренные законом полномочия защитника, адвокат П. 17 декабря 2003 года участвовал в проведении опознания, в ходе которого потерпевшая Е.Е.О. не опознала К.А.Е. как лицо, когда-либо ранее ей встречавшееся.

В ходе проведенной 9 марта 2004 года очной ставки между обвиняемым К.А.Е. и потерпевшей Е.Е.О. последняя стала утверждать, что К.А.Е. в отношении нее совершил преступление.

В соответствии с ч. 1–4 ст. 192 УПК РФ следователь вправе провести очную ставку, если в показаниях ранее допрошенных лиц имеются существенные противоречия. Следователь выясняет у лиц, между которыми проводится очная ставка, знают ли они друг друга и в каких отношениях находятся между собой. Допрашиваемым лицам поочередно предлагается дать показания по тем обстоятельствам, для выяснения которых проводится очная ставка. После дачи показаний следователь может задавать вопросы каждому из допрашиваемых лиц. Лица, между которыми проводится очная ставка, могут с разрешения следователя задавать вопросы друг другу. В ходе очной ставки следователь вправе предъявить вещественные доказательства и документы. Оглашение показаний допрашиваемых лиц, содержащихся в протоколах предыдущих допросов, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки этих показаний допускаются лишь после дачи показаний указанными лицами или их отказа от дачи показаний на очной ставке.

В обращении заявителя указано: после того, как допрашиваемые лица (*Е.Е.О. и К.А.Е. – Прим. Комиссии*) поочередно дали показания, а вопросов друг к другу у них не возникло, защитнику обвиняемого К.А.Е. – адвокату П. – было предложено задать вопросы потерпевшей Е.Е.О., если таковые имеются, на что адвокат П. заявил, что для постановления вопросов потерпевшей Е.Е.О. ему необходимо ознакомиться с ранее данными ею показаниями в качестве потерпевшей.

Данное ходатайство защитника не противоречило приведенным положениям ст. 53 и 192 УПК РФ, являлось законным способом защиты прав и интересов обвиняемого и оказания ему юридической помощи при производстве по уголовному делу.

После отказа следователя в удовлетворении ходатайства защитника последний, как указано в обращении, «заявил, что он и его подзащитный К.А.Е. отказываются от ознакомления с данным протоколом, а также отказываются подписать его в связи с тем, что были грубо нарушены их процессуальные права в связи с невозможностью задать вопросы потерпевшей Е.Е.О.».

Заявитель считает, что тем самым адвокат П., нарушил требования ст. 167 УПК РФ, сорвал следственное действие – очную ставку и нарушил право обвиняемого К.А.Е. ознакомиться с данными им показаниями и подписать протокол очной ставки.

Квалификационная комиссия не может согласиться с доводами заявителя по следующим основаниям.

В соответствии с ч. 7 ст. 166 УПК РФ протокол следственного действия подписывается следователем и лицами, участвовавшими в следственном действии. Однако ни на защитника, ни на обвиняемого уголовно-процессуальный закон не возлагает обязанность подписывать протокол следственного действия.

В УПК РФ законодатель предусмотрел как возможность возникновения такой процессуальной ситуации (коллизии), так и четкий путь ее разрешения:

«Статья 167. Удостоверение факта отказа от подписания или невозможности подписания протокола следственного действия

1. В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или иного лица, участвующего в следственном действии, подписать протокол следственного действия следователь вносит в него соответствующую запись, которая удостоверяется подписью следователя, а также подписями защитника, законного представителя, представителя или понятых, если они участвуют в следственном действии.

2. Лицу, отказавшемуся подписать протокол, должна быть предоставлена возможность дать объяснение причин отказа, которое заносится в данный протокол...».

Таким образом, отказ участника следственного действия (обвиняемого, защитника) подписать протокол этого действия не влечет сам по себе недопустимости данного протокола в качестве доказательства и, соответственно, не может оцениваться как «срыв следственного действия».

Несостоятельны и доводы заявителя о том, что своими действиями (заявлением) адвокат П. «нарушил право обвиняемого К.А.Е. ознакомиться с данными им показаниями и подписать протокол очной ставки», поскольку от обвиняемого К.А.Е. (являющегося самостоятельным полноправным участником уголовного судопроизводства) каких-либо жалоб на действия защитника — адвоката П. по данному вопросу не поступало; от помощи этого защитника по мотиву недоверия к защитнику и/или качеству оказываемой им юридической помощи обвиняемый К.А.Е. не отказывался. Изложенное свидетельствует о том, что адвокат П. в рассматриваемой ситуации не действовал вопреки воле доверителя (см. подп. 2 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку адвокат несет ответственность лишь за совершение поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (п. 2 ст. 7, подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»; п. 1 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката), а адвокат П. процессуальные взаимоотношения со следователем N отдела Следственной части Главного следственного управления при ГУВД г. Москвы при проведении по уголовному делу № ... 9 марта 2004 года очной ставки между обвиняемым К.А.Е. и потерпевшей Е.Е.О. строил в соответствии с действующим законодательством, **Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката П. вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.**

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 10 ноября 2004 года № 73 дисциплинарное производство в отношении адвоката П. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 108
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Р.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В Адвокатскую палату г. Москвы поступила жалоба В.И.В., в которой она указывает, что передала адвокату Р. 1 500 долларов США за защиту ее мужа В.С.А., однако адво-

кат по делу участия не принимал, а сослался на то, что основную работу будет вести адвокат Т. Работа по защите ее мужа не была проведена, а Р. отказывается вернуть деньги.

18 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Р., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат Р. пояснил, что в конце марта 2004 года к нему обратилась В.И.В. с просьбой о защите ее мужа. Он (Р.) порекомендовал адвоката Т. Никаких денежных средств от В.И.В. не получал.

При рассмотрении жалоб на действия (бездействие) адвокатов Квалификационная комиссия исходит из презумпции добросовестности адвоката, которая должна быть опровергнута доказательствами, представленными заявителем (обвиняющей стороной), поскольку в соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. В.И.В., обращаясь с жалобой на действия (бездействие) адвоката Р., таких доказательств не представила.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе В.И.В., вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката Р. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 89 дисциплинарное производство в отношении адвоката Р. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 112
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

19 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат Д. 11 марта 2004 года в соответствии с имеющимся соглашением и другими документами посетил своего подзащитного А.С.Д. в изоляторе № 000 УИН МЮ РФ по г. Москве.

На основании изученных документов, поступивших из Управления юстиции по г. Москве, следует, что после окончания посещения у подзащитного А.С.Д. при обыске была найдена денежная купюра 500 рублей, что является нарушением Федерального закона «О порядке содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления».

В объяснении А.С.Д. указано, что данные деньги он пронес в следственный изолятор «с воли» и забыл о них. Каких-либо других материалов, указывающих на то, что данную сумму адвокат Д. передал своему подзащитному во время свидания, нет.

В процессе рассмотрения заявления начальника СИЗО № 000 УИН МЮ РФ в отношении адвоката Д. Квалификационной комиссией нарушений со стороны адвоката Д. Кодекса профессиональной этики адвоката не установлено.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного президентом Адвокатской палаты г. Москвы 13 июля 2004 года в отношении адвоката Д. по представлению Главного управления МЮ РФ по г. Москве, основанного на сообщении начальника следственного изолятора № 000 УИН по г. Москве, вследствие отсутствия в действиях адвоката Д. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 85 дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 115
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Г.**

26 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

В Адвокатскую палату г. Москвы поступила жалоба Е.В.М., в которой она указывает, что 17 июня 2004 года в отношении нее отделом дознания ОВД района «...» было возбуждено уголовное дело, и в этот же день ночью она была допрошена в качестве подозреваемой; после допроса она поручила родственникам пригласить адвоката; утром 17 июня 2004 года явился адвокат Г., от которого она узнала, что его пригласили не родственники, а сотрудники милиции, поэтому она отказалась от его услуг, после чего адвокат Г. в деле участие не принимал; позднее она узнала, что в протоколе допроса в качестве подозреваемой, который незаконно производился ночью 17 июня 2004 года, проставлено другое время и имеется подпись адвоката Г. Считает поведение адвоката Г. противоправным и противоречащим адвокатской этике.

28 июля 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. (распоряжение № 68), материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат Г. пояснил, что 17 июня 2004 года по вызову отдела дознания ОВД района «...» в порядке ст. 51 УПК РФ участвовал в качестве защитника Е.В.Н. при допросе последней в качестве подозреваемой. Участие адвоката Г. подтверждается ордером, выданным 17 июня 2004 года, и постановлением дознавателя о необхо-

димости приглашения в качестве защитника по назначению адвоката из Коллегии адвокатов «...».

При рассмотрении жалоб на действия (бездействии) адвокатов Квалификационная комиссия исходит из презумпции добросовестности адвоката, которая должна быть опровергнута доказательствами, представленными заявителем. Е.В.М., обращаясь с жалобой на действия (бездействии) адвоката Г., таких доказательств не представила.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе Е.В.М., вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката Г. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 82 дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 116
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Х.**

26 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

29 июня 2004 года Р.Г.Н. была задержана сотрудниками ОВД «...» по подозрению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 241 УК РФ. 30 июня 2004 года адвокат Х. (адвокатский кабинет) была приглашена дознавателем Д.А.А. в ОВД «...» для оказания юридической помощи Р.Г.Н. с согласия самой Р.Г.Н., что она подтвердила при ознакомлении с правами подозреваемого.

1 июля 2004 года с Р.Г.Н. было заключено соглашение об оказании юридической помощи и определена сумма гонорара в размере 1 300 долларов США. Указанная сумма была отражена в квитанции (квитанция прилагается).

Жалоба на адвоката Х. была подана дочерью обвиняемой Р.И.А. Суть претензии дочери Р.И.А. заключается в том, что в отношении ее матери была избрана мера пресечения, связанная с лишением свободы, на период предварительного расследования.

На день рассмотрения в суде вопроса об избрании меры пресечения адвокатом было заявлено ходатайство об отложении рассмотрения на 72 часа для сбора необходимых доказательств для подтверждения регистрации проживания гр-ки Р.Г.Н. в Москве.

Адвокат Х. по поводу обстоятельств, изложенных в жалобе гр-ки Р.И.А., пояснила, что Р.Г.Н. ввела ее в заблуждение, указав, что она выбыла из Краснодарского края в августе 1999 года и в день ее задержания не имела регистрации и практически являлась лицом без определенного места жительства. С учетом данного факта суд удовлетворил ходатайство дознавателя и определил меру пресечения Р.Г.Н. — заключение под стражу.

После чего данное постановление было адвокатом Х. обжаловано в Мосгорсуд.

В своем объяснении адвокат обращает внимание на то, что соглашение было заключено не с дочерью Р.И.А., которая обратилась с жалобой, а с ее матерью Р.Г.Н. (ордер № 33 от 30 июня 2004 года), регистрационная карточка № 02 от 1 июля 2004 года. 12 июля 2004 года Р.Г.Н. написала заявление об отказе от адвоката Х. и расторжении с ней соглашения, поскольку заключила соглашение с адвокатом П.

В своей жалобе Р.И.А. обращает внимание на то, что адвокат Х. защищала интересы дознания ОВД «...», а не ее мать. Просит расторгнуть соглашение с адвокатом Х. и вернуть деньги в размере 1 300 долларов США.

Адвокат Х. представила Квалификационной комиссии соглашение адвокатского кабинета от 1 июля 2004 года на оказание юридической помощи на предварительном следствии в ОВД «...», из которого следует, что соглашение заключала Р.Г.Н.; регистрационную карточку № 02 от 1 июля 2004 года, квитанцию № 02 от 1 июля 2004 года о получении от гражданки Р.Г.Н. 1 300 долларов США в рублевом эквиваленте за защиту на предварительном расследовании в ОВД «...»; копию паспорта на имя Р.Г.Н. с указанием снятия ее с регистрационного учета в г. К. 17 августа 1999 года; ходатайство в порядке ст. 108 УПК РФ на имя федерального судьи П...кого районного суда г. Москвы об избрании меры пресечения.

В этой связи Квалификационная комиссия, вопреки доводам, содержащимся в жалобе Р.И.А., не усматривает нарушения адвокатом Х. п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку адвокат при осуществлении профессиональной деятельности честно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняла обязанности.

Поводом для начала дисциплинарного производства является жалоба, поданная доверителем адвоката или его законным представителем. Не могут являться допустимым поводом для начала дисциплинарного производства жалобы или обращения лиц, не являющихся доверителями адвоката (подп. 1 п. 1 и п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Поскольку заявитель Р.И.А. не является доверителем либо законным представителем гр-ки Р.Г.Н., то ее жалоба не является допустимым поводом для начала дисциплинарного производства.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие отсутствия в действиях адвоката Х. нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также вследствие отсутствия допустимого повода для начала дисциплинарного производства.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 88 дисциплинарное производство в отношении адвоката Х. прекращено вследствие отсутствия в ее действиях нарушения норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также вследствие отсутствия допустимого повода для начала дисциплинарного производства.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 117
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Щ.**

26 ноября 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Заместитель председателя Б...ского районного суда г. Москвы, федеральный судья Г.С.С. 6 августа 2004 года направила президенту Адвокатской палаты г. Москвы представление о принятии «соответствующих мер» в отношении адвоката Московской коллегии адвокатов «...» Щ. в связи с неявкой последнего в судебные заседания Б...ского районного суда по уголовному делу П.А.А., обвинявшегося в преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 158 УКРФ.

В своем объяснении, как письменном, так и данном им на заседании Квалификационной комиссии, адвокат Щ. сообщил, что он действительно заключал соглашение на защиту П.А.А. при рассмотрении его дела судом первой инстанции, однако это соглашение было расторгнуто родственниками П.А.А., что П.А.А. и подтвердил при свидании в следственном изоляторе. Во время свидания Щ. разъяснил П.А.А., что тот должен в суде сделать письменное заявление о расторжении соглашения и об отказе от адвоката Щ. О расторжении соглашения Щ. сообщил судье. Ни в одном из судебных заседаний Щ. не участвовал.

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия не находит оснований для привлечения адвоката Щ. к дисциплинарной ответственности, так как адвокат уведомил суд о расторжении заключенного с ним соглашения на защиту П.А.А.

С учетом изложенного и руководствуясь п. 2 ч. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия при Адвокатской палате города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Щ. вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 14 декабря 2004 года № 87 дисциплинарное производство в отношении адвоката Щ. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 123
по дисциплинарному производству в отношении адвоката Д.**

10 декабря 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Адвокат Д. осуществлял защиту по уголовному делу, возбужденному Б...кой межрайонной прокуратурой г. Москвы в отношении сына заявительницы М.В.В. Защита осуществлялась в соответствии с соглашением № 73 от 26 апреля 2004 года. По утверждению заявителя М.П.В., адвокат Д. не выполнил взятых на себя обязательств. В процессе рассмотрения Квалификационной комиссией дела заявитель М.П.В. подтвердила все изложенное в заявлении и просила рассмотреть вопрос о компетенции адвоката Д., обязать его публично извиниться перед ней, а также вернуть первый том копий документов по данному делу.

В процессе рассмотрения дела в Квалификационной комиссии адвокат Д. пояснил, что им было действительно заключено соглашение на оказание платной юридической помощи гражданину М.В.В. с его матерью М.П.В. в суде первой инстанции (Б...ский районный суд г. Москвы). По условиям данного соглашения М.П.В. оплатила работу адвокатов в сумме 10 000 рублей. Деньги были внесены в кассу адвокатского образования, о чем свидетельствуют соответствующие документы. Каких-либо других денег от М.П.В. он не получал. По утверждению Д., юридическая помощь была оказана в полном объеме вплоть до вынесения приговора, о чем свидетельствуют приложенные документы. Первый том ксерокопий уголовного дела находится при нем, и он готов его вернуть заявительнице.

По предложению членов Квалификационной комиссии, адвокат Д. передал первый том ксерокопий документов по уголовному делу М.П.В.

В процессе рассмотрения заявления М.П.В. в отношении адвоката Д. Квалификационной комиссией нарушений Кодекса профессиональной этики адвоката со стороны адвоката Д. не установлено.

На основании вышеизложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного президентом Адвокатской палаты г. Москвы 10 августа 2004 года в отношении адвоката Д. по заявлению М.П.В. от 9 августа 2004 года, вследствие отсутствия в действиях адвоката Д. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 декабря 2004 года № 99 дисциплинарное производство в отношении адвоката Д. прекращено вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 124
по дисциплинарному производству в отношении адвоката В.**

10 декабря 2004 года

город Москва

(Извлечение)

8 сентября 2004 года гр-ка К.Р.В. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с заявлением (вх. № 2241 от 14 сентября 2004 года), указав, что 29 июля 2004 года она заключила договор об оказании юридических услуг № 1173 с Коллегией адвокатов «...» в лице генерального директора Г.П.С. По данному договору Коллегия адвокатов взяла на себя обязательство по представлению интересов бывшего мужа заявительницы У.А.В. в суде в части признания недействительным договора купли-продажи (дарения) квартиры, находящейся в г. Москве. По данному договору К.Р.В., как представитель своего бывшего мужа передала Г.П.С. денежные средства в размере 190 000 рублей наличными, которые Г.П.С. принял на депонирование по квитанции № 146 от 29 июля 2004 года до разрешения дела по существу. В дальнейшем заявительница решила отказать от услуг вышеуказанной Коллегии адвокатов по личным причинам. 3 августа 2004 года она по телефону попросила Г.П.С. не начинать работу по договору № 1173, на что он сказал ей, что никакой работы еще не проделал и начинать не будет. 4 августа 2004 года К.Р.В. по телефону, а 5 августа 2004 года по электронной почте также по-

просила председателя Коллегии адвокатов «...» В. «и его подручного» Г.П.С. не вести работу по договору № 1173 и уведомила о том, что приедет в Москву, чтобы получить деньги по договору обратно. 9 августа 2004 года заявительница отправила письмо с уведомлением из Франции на имя В. и Г.П.С. с просьбой не начинать ее дело и вернуть ее денежные средства по договору № 1173, а также попросила принять меры для возврата ей денежных средств наличными 7 сентября 2004 года, когда она прилетит в Москву. 6 сентября 2004 года К.Р.В. пришла по данному вопросу в офис Коллегии адвокатов «...», расположенный по адресу: Москва, ул. ... д... Г-н В. в грубой форме отказал ей в возврате денег, г-н Г.П.С. вообще отказался с ней разговаривать. К.Р.В. подала заявление о расторжении договора, которое у нее приняла секретарь Коллегии адвокатов, при этом К.Р.В. было сказано, что данное заявление будет рассматриваться в течение месяца. Как указывает заявительница, Г.П.С. и В. ссылались на то, что работа по договору начата, они подали иск в суд и якобы уже почти выиграли дело, но теперь, если она расторгнет договор, то не сможет вернуть квартиру и потеряет деньги. На замечания К.Р.В. о том, что она с 3 августа 2004 года просила их не вести никакой работы по договору и Г.П.С. лично ее в этом заверял, оба никак не реагировали. 7 сентября 2004 года К.Р.В. пришла в офис Коллегии адвокатов по тому же адресу с юристом, договорившись о встрече с В. и Г.П.С. на вторую половину дня; секретарь сказала ей, что В. утром улетел в США (о чем заявительницу никто накануне не предупредил), а Г.П.С. сказал ей, что, так как она отозвала доверенность, то разговаривать с ней и с ее юристом он не будет, договор будет расторгаться, и ждать ответа ей придется в течение месяца. В направленном в Адвокатскую палату г. Москвы заявлении К.Р.В. обратилась с просьбой проконтролировать работу Московской Коллегии адвокатов «...» по договору оказания юридических услуг № 1173 от 29 июля 2004 года и по вопросу возврата ей депонированных денежных средств в размере 190 000 рублей, так как, по ее мнению, господина Г.П.С. и В. не желают вести какие-либо нормальные переговоры по этому поводу.

К заявлению К.Р.В. приложила копию договора № 1173 от 29 июля 2004 года; копию квитанции к приходному кассовому ордеру № 146 от 29 июля 2004 года на 190 000 рублей; копию почтовой квитанции от 9 августа 2004 года об отправлении из Франции письма на имя В. и Г.П.С. (по адресу Коллегии адвокатов «...»); копию своего письма от 7 августа 2004 года на имя В.; копию своего письма, отправленного 5 августа 2004 года по электронной почте на имя В.; копию телефонограммы на имя Г.П.С., переданной ею 2 сентября 2004 года из Голландии в Коллегию адвокатов «...»; копию нотариально удостоверенного заявления от 6 сентября 2004 года об отмене У.А.В. доверенности, выданной 29 июля 2004 года В. и Г.П.С., принятого секретарем Коллегии адвокатов «...». 6 сентября 2004 года; копии заявлений на имя генерального директора Коллегии адвокатов «...» Г.П.С. от 4 сентября 2004 года о расторжении договора № 1173 от 29 июля 2004 года, принятого секретарем Коллегии 6 сентября 2004 года, и от 7 сентября 2004 года с указанием банковских реквизитов доверительницы для возврата уплаченных ею денежных средств, полученного тем же секретарем 8 сентября 2004 года.

19 сентября 2004 года К.Р.В. обратилась в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 2450 от 11 октября 2004 года), в которой повторно описала приведенные выше обстоятельства и дополнительно указала, в частности, что 29 июля 2004 года она обратилась в МКА «...» за помощью в оказании юридических услуг лично к господину В.; предстояло расследовать дело ее бывшего мужа У.А.В., который в феврале 2002 года был обманным путем и с угрозами выдворен из своей двухкомнатной квартиры в г. Москве и вывезен насильственным в деревню Ш. N-ского района. По-

скольку от брака с У.А.В. заявительница имеет дочь, она, желая сделать дочь наследницей квартиры У.А.В., хотела попробовать признать сделку по квартире недействительной; при этом у К.Р.В. было очень много сомнений относительно того, начинать это дело вообще или нет по истечении 2,5 лет с момента продажи квартиры, но г-н В. и «его подручный» — генеральный директор Коллегии адвокатов Г.П.С. убеждали К.Р.В., что она имеет все шансы вернуть квартиру У.А.В. Оценив квартиру У.А.В. в 65 000 долларов США, В. попросил К.Р.В. заплатить за услуги 6 500 долларов США, или 190 000 рублей в случае, если квартира по суду вернется У.А.В. Заявительница указывает, что ее отпугнула эта сумма, но В. и Г.П.С. стали убеждать ее, что эти деньги будут находиться у них в конторе на депоненте; В. сказал, что если дело не выиграет, или К.Р.В. передумает его продолжать/начинать, деньги в сумме 190 000 рублей будут ей полностью возвращены. Также В. добавил, что дело очень сложное и решать его нужно будет не менее трех лет. В момент передачи денег (190 000 руб.) Г.П.С., который по просьбе В. должен был вести дело, У.А.В. был с заявительницей в офисе Коллегии адвокатов и делал фотографии, копии которых она приложила к жалобе. Деньги Г.П.С. К.Р.В. передала в 23 часа 29 июля и сообщила ему, что завтра, 30 июля, едет в Париж на автобусе, сказала, что будет находиться во Франции весь август (так как ее дочь будет там в лагере), в глубинке, на юге, и что, возможно, доступа к Интернету не будет; попросила Г.П.С. звонить ей, если будут новости. Г.П.С. ответил К.Р.В., что она может не волноваться, у него не будет времени в августе, и к ее делу он приступит только в сентябре; это ей не понравилось, но деньги она уже отдала; Г.П.С. убеждал ее, что она ничем не рискует, свои деньги может забрать с депонента, когда захочет, только нужно будет подождать один месяц — таков срок возврата денег Коллегией «...». К.Р.В. указывает в жалобе, что 29 июля 2004 года она подписала договор об оказании юридической помощи, хотя очень сомневалась во всем, также в действиях ее бывшего мужа У.А.В., который в последние годы деградировал под угрозами бандитов, спаивавших его водкой. 29 июля 2004 года У.А.В. подписал генеральную доверенность на В. и Г.П.С. у нотариуса; у К.Р.В. не было времени во всем разобраться; так как У.А.В. негде было жить в Москве, она поселила его в гостиницу за 5 000 рублей в день и надеялась быстро решить все проблемы, она торопилась отвезти дочь в лагерь во Францию. 30 июля 2004 года с утра К.Р.В. с дочерью пошли по делам, а У.А.В. остался один в гостинице, когда около 13 часов они вернулись, то застали У.А.В. в гостиничном номере совершенно пьяным в невменяемом состоянии (он сам заказал водку в гостинице); тут же К.Р.В. опять сильно засомневалась в успехе дела и стала немедленно звонить сначала Г.П.С., затем В. Однако Г.П.С. сказал ей, что У.А.В. должен будет по делу хотя бы один раз появиться в суде; когда же К.Р.В. спросила о том, что делать, если он будет пьян, как сегодня, и не приедет на суд из деревни Ш. в назначенное время, Г.П.С. честно признался, что он за У.А.В. в деревню не поедет, но если Коллегия «...» уже проведет работу, то за эту работу они возьмут деньги. На вопрос К.Р.В. о том, неужели эта работа будет стоить все 190 000 рублей, Г.П.С. ответил, что это они решат сами. Официальных расценок за ту или иную проделанную работу К.Р.В. не видела, ни В., ни Г.П.С. о них не упоминали; она не была согласна с таким решением и уже 30 июля 2004 года позвонила В., поведала ему о пьяном У.А.В. и сказала, что она сомневается в положительном исходе дела и хочет забрать свои 190 000 рублей обратно. Г-н В. стал успокаивать К.Р.В., говорить, что дело ее выигрышное, но ввиду сильных сомнений К.Р.В. настаивала на возвращении денег уже 30 июля 2004 года, т.е. на следующий день после подписания соглашения. Поскольку через два часа (в 17 часов 30 июля 2004 года) уходил автобус,

на котором К.Р.В. с дочерью должны были уехать во Францию, у нее не было времени вернуться в офис Коллегии адвокатов и забрать у В. деньги, если бы ей их вернули, поэтому она 30 июля 2004 года сказала В. и Г.П.С. по телефону, что, приехав во Францию, она уведомит их официально о том, что не хочет начинать расследование дела и просит в течение одного месяца (этот срок назвал ей Г.П.С.) вернуть ей деньги. Далее К.Р.В. (как и в первом своем заявлении. — Прим. Комиссии) подробно излагает в жалобе, как она в период с 3 августа по 8 сентября 2004 года по мобильной связи, почтой и путем передачи телефонограмм уведомляла Коллегию адвокатов «...» о своем желании расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи от 29 июля 2004 года. 2 сентября 2004 года К.Р.В. позвонила В. и поинтересовалась, получали ли они ее письмо с уведомлением, отправленное из Франции. В. сказал ей, что письма они не получали, что они с Г.П.С. уже подали в суд иск по ее делу. К.Р.В. была возмущена происходящим и немедленно 3 сентября 2004 года вылетела в Москву, а 6 сентября 2004 года К.Р.В. со своими родственниками и У.А.В., примерно в 11 часов, пришли в офис Коллегии адвокатов «...»; увидев их, В. поздоровался и тут же ушел, а Г.П.С. сказал кратко, что она должна написать заявление о том, почему отказывается от их услуг; К.Р.В. написала заявление, которое было принято у нее секретарем Б. Когда К.Р.В. спросила у Г.П.С., почему же он подал иск в суд, тогда как обещал ей по телефону 5 августа 2004 года этого не делать, Г.П.С. сказал, что В. заставил его это сделать; при этом Г.П.С. отказался сообщить К.Р.В., в какой суд подан иск. Далее К.Р.В. с У.А.В. поехали к нотариусу и аннулировали доверенность, выданную У.А.В. 29 июля 2004 года на имя В. и Г.П.С. Вернувшись примерно через один час в офис Коллегии, К.Р.В. застала там В., беседующего с клиентами, и попросила его о беседе. В. попросил ее подождать 15 минут, а когда К.Р.В. через 30 минут попробовала постучать в его кабинет, В., зайдя в кабинет, закричал и в грубой форме предложил выйти. Еще через 15 минут К.Р.В. все же разрешили зайти в кабинет к В., где уже находился Г.П.С. В тот момент, когда Г.П.С. показал В. отозванную У.А.В. доверенность, В. расвирипел и закричал, что теперь К.Р.В. не получит не только квартиры для дочери, но и деньги — 190 000 рублей она тоже не увидит; в ходе этого разговора В. был предельно груб и циничен, начал тыкать в какие-то статьи, по которым К.Р.В., якобы, вообще не вправе прервать с ним контракт, о чем ее никто не предупреждал при подписании договора. Наоборот, и В., и Г.П.С. убеждали ее, что деньги на депоненте будут находиться в их офисе, и что она по этому договору в любое время может прийти и их забрать; и только 6 сентября Г.П.С. заявил, что деньги К.Р.В. лежат на специальном депонентском счете. В. вскричал также, что квартиру У.А.В. они почти выиграли. Заявительница указывает также, что за два года, прошедшие с момента, когда У.А.В. потерял квартиру (с 11 февраля 2002 года), она сама многое выяснила, собрала документы, которые передала Г.П.С. Когда 6 сентября 2004 года в офисе Коллегии адвокатов «...» она попросила вернуть ей эти документы, то в просьбе было отказано. Заявительница указывает, что 6 сентября ей все же удалось договориться с В. о приеме в офисе во второй половине дня 7 сентября. Однако 7 сентября выяснилось, что В. улетел в Америку, а находившийся в офисе Г.П.С. в очередной раз отказался говорить с К.Р.В. и ее новым адвокатом, отказался вернуть им копии документов и отмененную доверенность. Секретарь Коллегии адвокатов сообщила К.Р.В., что Г.П.С. не является адвокатом. К.Р.В. указывает в своей жалобе, что, по ее мнению, такие адвокаты, как В. порочат честь и звание московского адвоката, всеми способами примитивно удерживая чужие деньги, оскорбляя и унижая при этом клиента. Заявительница просит принять меры в отношении господ В. и Г.П.С., обязать их

выплатить (вернуть) ей полностью 190 000 рублей, указывает, что у Г.П.С. есть координаты ее банковского счета.

К жалобе К.Р.В. приложила справку из службы криминальной милиции УВД НАО г. Москвы от 24 июня 2004 года; проект заявления У.А.В. с просьбой проверить в соответствии со ст. 21 УПК РФ на соответствие закону сделки по купле-продаже квартиры; копию квитанции к приходному кассовому ордеру № 146 от 29 июля 2004 года на 190 000 рублей; копию договора № 1173 от 29 июля 2004 года; две фотографии, сделанные У.А.В. 29 июля 2004 года в офисе Коллегии адвокатов в момент передачи денег; копию своего письма, отправленного 5 августа 2004 года по электронной почте на имя В.; копию своего письма от 7 августа 2004 года на имя В.; копию почтовой квитанции от 9 августа 2004 года об отправлении из Франции письма на имя В. и Г.П.С. (по адресу Коллегии адвокатов «...»); копию телефонограммы на имя Г.П.С., переданной ею 2 сентября 2004 года из Голландии в Коллегию адвокатов «...»; копии заявлений на имя генерального директора Коллегии адвокатов «...» Г.П.С. от 4 сентября 2004 года о расторжении договора № 1173 от 29 июля 2004 года, принятого секретарем Коллегии 6 сентября 2004 года, и от 7 сентября 2004 года с указанием банковских реквизитов доверительницы для возврата уплаченных ею денежных средств, полученного тем же секретарем 8 сентября 2004 года; увеличенную ксерокопию листа с реквизитами банковского счета заявительницы; «нелестные выдержки о В. и Г.П.С. с Интернета»; копию своего письма (заявления) от 8 сентября 2004 года, отправленного в Адвокатскую палату г. Москвы.

12 октября 2004 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката В., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Адвокат В. на заседание Квалификационной комиссии не явился, письменных объяснений не представил, хотя о поступлении жалобы К.Р.В., о дне и времени рассмотрения Комиссией дисциплинарного производства был надлежащим образом извещен.

«Неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства. В этом случае квалификационная комиссия рассматривает дело по существу по имеющимся материалам и заслушивает тех участников производства, которые явились в заседание комиссии» (п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Давая объяснения на заседании Квалификационной комиссии 10 декабря 2004 года, заявительница К.Р.В. подтвердила доводы, изложенные в ее письменных заявлениях от 8 и 19 сентября 2004 года, дополнительно пояснив, что 29 июля 2004 года она заключила соглашение, отдала деньги, а 30 июля передумала; обратилась она в Коллегию адвокатов совершенно случайно по объявлению в газете; при заключении соглашения помимо Г.П.С. присутствовали ее муж У.А.В. (он делал фотографии) и адвокат В. Заявительница просит прекратить статус адвоката В. за то, что ей не возвращают деньги. Она считает, что В. — «босс» коллегии адвокатов, и он должен отвечать за поступки своих сотрудников.

Представитель заявительницы — адвокат С. дополнительно указал, что адвокат В. руководил действиями Г.П.С. Как председатель Коллегии адвокатов он знал о допускаемых Г.П.С. нарушениях при заключении соглашений с клиентами, не мог не знать. Соглашение, заключенное Г.П.С. от имени Коллегии адвокатов с К.Р.В., не соответствует требованиям закона и поэтому не имеет юридической силы. В настоящее время К.Р.В. обратилась в суд с иском к Коллегии адвокатов «...», в качестве третьих

лиц привлечены Г.П.С. и В. Представитель просил поддержать обоснованную, с его точки зрения, просьбу К.Р.В. о прекращении статуса адвоката В., так как такое решение поможет ей отстаивать свою позицию в суде по указанному иску.

Комиссией было исследовано решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 70 от 7 октября 2004 года.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы заслушал и обсудил информацию вице-президента Адвокатской палаты г. Москвы о вопросах обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи членами Московской коллегии адвокатов «...» адвокатами В. и Ч. При этом Совет отметил следующее: имеющиеся в Совете обращения и жалобы граждан свидетельствуют о грубом нарушении Коллегией требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката, обычаев и традиций российской адвокатуры; в частности, генеральным директором коллегии, который по уставу избирается общим собранием, т.е. адвокатами В. и Ч., является лицо, не состоящее в реестре адвокатов; договоры с доверителями заключаются от имени Коллегии ее генеральным директором, что противоречит ст. 25 Федерального закона и делает их ничтожными; жалобы гр-н Р.К.Ф. и К.Р.В., полученные Советом Адвокатской палаты г. Москвы, свидетельствуют о грубом нарушении Коллегией прав и законных интересов граждан, обратившихся за юридической помощью (отказ в возврате денежных сумм в результате расторжения соглашения). Полагая, что названные нарушения препятствуют гражданам в реализации их права на получение квалифицированной юридической помощи, Совет решил:

1. Предложить членам Московской коллегии адвокатов «...» адвокатам В. и Ч. привести учредительные документы Коллегии... в соответствии с требованиями закона.

2. До 1 декабря 2004 года представить в Совет Адвокатской палаты г. Москвы приведенные в соответствии с требованиями закона учредительные документы... МКА «...».

3. Привести в соответствии с законом содержание текстов договоров, заключаемых между доверителем и адвокатом.

4. Принять меры к рассмотрению жалоб гр-н Р.К.Ф. и К.Р.В. о возврате им незаконно удерживаемых денежных средств.

5. До 1 декабря 2004 года представить в Совет Адвокатской палаты г. Москвы документы, свидетельствующие о рассмотрении жалоб гр-н Р.К.Ф. и К.Р.В. (решение Совета направлено в МКА «...» 23 ноября 2004 года).

Выслушав объяснения заявительницы К.Р.В. и ее представителя адвоката С. В.В., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы заявления и жалобы гр-ки К.Р.В. от 8 и 19 сентября 2004 года, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», физическим и юридическим лицам (доверителям) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1 Федерального закона).

Адвокатом является лицо, получившее в установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» порядке статус адвоката и право осуществлять адвокатскую деятельность (п. 1 ст. 2 Федерального закона).

Адвокат обязан, в том числе, честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации и Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1 и 4 п. 1 и п. 2 ст. 7 Федерального закона).

Удостоверение является единственным документом, подтверждающим статус адвоката (п. 3 ст. 15 Федерального закона).

Статус адвоката прекращается, в том числе, при совершении поступка, порочащего честь и достоинство адвоката или умаляющего авторитет адвокатуры, а также неисполнения либо ненадлежащего исполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей перед доверителем, а также неисполнение решений органов Адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции (подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона).

Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу. Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Существенными условиями соглашения являются: 1) указание на адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения в качестве поверенного (поверенных), а также на его (их) принадлежность к адвокатскому образованию и адвокатской палате; 2) предмет поручения; 3) условия выплаты доверителем вознаграждения за оказываемую юридическую помощь; 4) порядок и размер компенсации расходов адвоката (адвокатов), связанных с исполнением поручения; 5) размер и характер ответственности адвоката (адвокатов), принявшего (принявших) исполнение поручения. Вознаграждение, выплачиваемое адвокату доверителем, и (или) компенсация адвокату расходов, связанных с исполнением поручения, подлежат обязательному внесению в кассу соответствующего адвокатского образования либо перечислению на расчетный счет адвокатского образования в порядке и сроки, которые предусмотрены соглашением (ст. 25 Федерального закона).

Из представленных заявительницей К.Р.В. документов усматривается, что договор № 1173 об оказании юридических услуг был заключен ею 29 июля 2004 года не с адвокатом В., сведения о котором внесены в реестр адвокатов г. Москвы, а с Московской коллегией адвокатов «...» в лице ее генерального директора Г.П.С., который адвокатом не является, поэтому на него перечисленные требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не распространяются.

Адвокат В. является соучредителем и членом Московской коллегии адвокатов «...», но в силу п. 12 ст. 22 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» члены Коллегии адвокатов не отвечают по ее обязательствам, а Коллегия адвокатов не отвечает по обязательствам своих членов.

В договоре № 1173 от 29 июля 2004 года отсутствует указание на то, что юридическая помощь в объеме, определенном в п. 1 (Предмет договора) договора, будет оказана гр-ке К.Р.В. адвокатами, в том числе адвокатом В.

Никаких доказательств (кроме своих многочисленных устных и письменных объяснений, писем, телефонограмм и т.п.), свидетельствующих о том, что адвокат В. фактически и/или юридически принял договор № 1173 от 29 июля 2004 года к исполнению, совершил какие-либо действия, позволяющие констатировать возникновение между адвокатом В. и обратившейся за оказанием юридической помощи К.Р.В. правоотношений по типу «адвокат-клиент», Квалификационной комиссии заявителем не представлено.

Выявленным Советом Адвокатской палаты г. Москвы после поступления в Палату жалобы гр-ки К.Р.В. нарушениям Московской коллегией адвокатов «...» требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодекса профессиональной этики адвоката, обычаев и традиций российской адвокатуры Советом Палаты дана принципиальная критическая оценка в решении № 70 от 7 октября 2004 года. Адвокатам – учредителям Коллегии, в том числе и адвокату В., предложено устранить выявленные нарушения. Неисполнение адвокатами – учредителями МКА «...», в том числе и адвокатом В., решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы № 70 от 7 октября 2004 года может послужить поводом к возбуждению самостоятельного дисциплинарного производства. В то же время выявленные Советом Адвокатской палаты г. Москвы в октябре 2004 года нарушения в деятельности Коллегии адвокатов (несоответствие учредительных документов и текстов договоров (соглашений) об оказании юридической помощи доверителям требованиям закона и др.) не свидетельствуют о принятии адвокатом В. в июле – сентябре 2004 года на себя каких-либо обязательств перед К.Р.В. по договору № 1173 об оказании юридических услуг от 29 июля 2004 года.

Согласно п. 4.5 и 4.6 Устава Московской Коллегии адвокатов «...» (в редакции от 25 июня 2003 года), действовавшим на момент возникновения спорного правоотношения, руководство текущими делами Коллегии адвокатов осуществлял генеральный директор Коллегии адвокатов (*в рассматриваемом периоде таковым являлся Г.П.С. – Прим. Комиссии*), в компетенцию которого входило, в частности, обеспечение выполнения текущих дел Коллегии адвокатов, право действовать без доверенности от имени Коллегии адвокатов, заключать договоры с клиентами и обеспечивать их исполнение. В компетенцию же председателя Коллегии адвокатов (*в рассматриваемом периоде таковым являлся адвокат В. – Прим. Комиссии*) входили лишь «организация, подготовка и выполнение решений общего собрания, учредителей Коллегии адвокатов» (п. 4.7 Устава).

При рассмотрении жалоб на действия (бездействие) адвокатов Квалификационная комиссия исходит из презумпции добросовестности адвоката, которая должна быть опровергнута доказательствами, представленными заявителем (обвиняющей стороной), поскольку в соответствии с п. 1 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации осуществляется на основе принципов состязательности и равенства участников дисциплинарного производства. К.Р.В., обращаясь с жалобой на действия (бездействие) адвоката В., таких доказательств не представила.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного по жалобе К.Р.В., вследствие отсутствия в действии (бездействии) адвоката В. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 декабря 2004 года № 95 дисциплинарное производство в отношении адвоката В. прекращено вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

**ЗАКЛЮЧЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИОННОЙ КОМИССИИ
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ города МОСКВЫ № 126
по дисциплинарному производству в отношении адвоката К.**

10 декабря 2004 года

город Москва

(Извлечение)

Федеральный судья Х...кого районного суда г. Москвы Н.Т.Л. 23 июля 2004 года довела до сведения президента Адвокатской палаты г. Москвы информацию о том, что адвокат К., участвуя по доверенности в качестве представителя ответчицы в судебном заседании Х...кого районного суда г. Москвы по гражданскому делу по иску М. к Л., не представил ордера, выданного адвокатским образованием, и «отказался от представления интересов своего доверителя Л., отказался защищать права, свободы и законные интересы последней по мотивам неприязненного отношения к нему судьи, тем самым продемонстрировал неисполнение своих обязанностей перед доверителем, расторгнув в одностороннем порядке договор поручения и нарушив присягу адвоката».

От адвоката К. поступило письменное ходатайство об отложении рассмотрения дисциплинарного производства в связи с нахождением адвоката в судебном процессе. Комиссия считает возможным рассмотреть дисциплинарное производство в отсутствие адвоката К., поскольку неявка кого-либо из участников дисциплинарного производства не является основанием для отложения разбирательства (п. 3 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Изучив письменные материалы дисциплинарного производства и обсудив доводы жалобы, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам.

Адвокат К. в своих объяснениях утверждал, что он осуществлял представительство интересов Л. не в качестве адвоката, а в качестве друга семьи, по личной просьбе Л., по ее доверенности. Он действительно 23 июля 2004 года отказался участвовать в судебном заседании из-за неприязненного отношения к нему судьи Н.Т.Л., о чем Л. была им поставлена в известность, она одобрила такое его поведение и 27 июля 2004 года выдала ему новую доверенность, в которой из числа полномочий участие в судебных заседаниях было исключено.

В подтверждение своих объяснений адвокатом К. представлены в Комиссию копии обеих доверенностей (в которых в качестве документа, подтверждающего личность поверенного, указаны паспорт, а не удостоверение адвоката) и копия вынесенного судьей Н.Т.Л. определения об отказе в принятии частной жалобы на отказ в принятии встречного иска.

Изучив представленные материалы, Квалификационная комиссия считает объяснения адвоката К. убедительными. Изложенные в обращении федерального судьи сведения о якобы допущенном адвокатом К. нарушении закона и норм Кодекса профессиональной этики адвоката имеющимися в распоряжении Комиссии материала-ми не подтверждаются. К. в упомянутом гражданском деле не идентифицировал себя

перед судом как адвокат. Статус адвоката не препятствует адвокату представлять интересы родственников и иных близких ему лиц в гражданском процессе не в порядке выполнения профессиональных обязанностей адвоката, а по личной просьбе этих лиц на основании полученной от них доверенности. В этих случаях адвокат не должен представлять суду ордер; документом, подтверждающим полномочия представителя, является доверенность.

При указанных обстоятельствах Квалификационная комиссия не находит оснований для привлечения адвоката К. к дисциплинарной ответственности.

На основании изложенного, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 2 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы выносит заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного президентом Адвокатской палаты г. Москвы по сообщению федерального судьи Х...кого районного суда г. Москвы Н.Т.Л. от 23 июля 2004 года в отношении адвоката К. вследствие отсутствия в действиях адвоката К. нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката и гражданского процессуального законодательства.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 22 декабря 2004 года № 92 дисциплинарное производство в отношении адвоката К. прекращено вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ДИСЦИПЛИНАРНЫМ ПРОИЗВОДСТВАМ, РАССМОТРЕННЫМ В 2003—2004 ГОДАХ¹

Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»

Статья 6 п. 4 подп. 6 («Адвокат не вправе: ...отказаться от принятой на себя защиты»).

№ 72; 92.

Статья 7 п. 1 подп. 1 («Адвокат обязан: честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами...»).

Уголовные дела: № 17; 30; 35; 42; 43—44; 45; 60; 61; 62; 74—75; 88; 89; 91; 95; 97; 105; 106 (отказ от подписания протокола следственного действия); 108; 113; 116; 122; 123; 125.

Защита по назначению: № 21; 30; 62; 72; 92; 101; 115.

Гражданские дела: № 5; 23; 34; 46—47; 58; 59; 67; 76; 88; 98; 102; 107; 124.

Представительство в порядке ст. 50 ГПК РФ: № 102.

Статья 25. Соглашение об оказании юридической помощи.

Заключение соглашения: № 43—44; 45; 50; 58; 60; 73; 80—81; 99; 100; 107; 122; 124.

Расторжение соглашения: № 70; 111 (суд присяжных).

Разное:

— обращение адвокатов в районный суд с иском о взыскании с доверителя задолженности по оказанной ему юридической помощи: № 46—47;

— осуществление лицом, имеющим высшее юридическое образование и являющимся адвокатом, представительства интересов своих родственников, близких, друзей и т.п.: № 126.

Кодекс профессиональной этики адвоката

Статья 4 п. 1 («Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии»).

См. указания к ст. 12 и подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса.

Статья 8 п. 1 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат: 1) честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполняет свои обязанности, активно защищает права, свободы и интересы доверителей всеми незапрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом»).

См. указания к подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

---

¹ В предметный указатель включены ссылки на статьи Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, вопрос о нарушении которых действиями (бездействием) адвоката разрешался дисциплинарными органами Адвокатской палаты г. Москвы.

Статья 8 п. 2 («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат... 2) уважает права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживается манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению»).

См. указания к ст. 12 и подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса.

Статья 9 п. 1 подп. 5 («Адвокат не вправе: ...принимать поручения на оказание юридической помощи в количестве, заведомо большем, чем адвокат в состоянии выполнить...»).

№ 68; 79; 85; 118.

Статья 9 п. 1 подп. 7 («Адвокат не вправе:... допускать в процессе разбирательства дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения...»).

См. указания к подп. 1 п. 2 ст. 12 и 15 Кодекса.

Статья 10 п. 1 («Закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных настоящим Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом»).

№ 28; 109; 111 (суд присяжных); 112.

Статья 10 п. 3 («Адвокат не должен принимать поручение, если его исполнение будет препятствовать исполнению другого, ранее принятого поручения»).

№ 68; 79; 85; 118.

Статья 10 п. 8 («Обязанности адвоката, установленные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных этим законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия, прокурора или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар»).

№ 26.

Статья 12 ч. 1 и 2 («1. Участвуя или присутствуя на судопроизводстве и производстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду... 2. Возражая против действий судей и других участников процесса, адвокат должен делать это в корректной форме и в соответствии с законом»).

Неуважение к суду, выраженное в устных выступлениях и в процессуальных документах: № 8; 20; 32; 38; 66; 82; 110; 114.

Самовольное оставление зала суда: № 14; 31; 33; 37; 71; 84; 96; 126.

Иные формы выражения неуважения к суду: № 10; 26; 41; 49; 86; 117; 126.

Статья 12 ч. 1 («Участвуя или присутствуя на судопроизводстве..., адвокат должен... проявлять уважение к... другим участникам процесса...»).

№ 83; 87.

Статья 13 п. 2 и 4 («2. Адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу кассационной жалобы на приговор суда в отношении своего подзащитного. 4. Адвокат-защитник обязан обжаловать приговор: 1) по просьбе подзащитного; 2) при наличии оснований к отмене или изменению приговора по благоприятным для подзащитного мотивам; 3) как правило, в отношении несовершеннолетнего, если суд не разделит позицию адвоката-защитника и назначил более тяжкое наказание или наказание за более тяжкое преступление, чем просил адвокат»).

№ 97; 105.

Статья 14 п. 1 («При невозможности по уважительным причинам прибыть в назначенное время для участия в судебном заседании или следственном действии, а также при намерении ходатайствовать о назначении другого времени для их проведения адвокат должен заблаговременно уведомить об этом суд или следователя, а также сообщить об этом другим адвокатам, участвующим в процессе, и согласовать с ними время совершения процессуальных действий»).

№ 9; 14; 23; 26; 33; 36; 41; 49; 54; 55; 56; 57; 68; 70; 71; 79; 85; 96; 103; 111 (суд присяжных); 117.

Опоздания: № 14; 54.

Статья 15 п. 2 подп. 1 («Адвокат должен воздерживаться от: употребления выражений, умаляющих честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката в связи с осуществлением им адвокатской деятельности...»).

№ 83.

Статья 15 п. 4. абз. 1 («Адвокат обязан уведомить Совет о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката в связи с профессиональной деятельностью последнего»).

№ 83.

**Расположение дисциплинарных производств в Сборнике дисциплинарной
практики Адвокатской палаты г. Москвы за 2003–2004 годы**

№ производства	Страница	№ производства	Страница	№ производства	Страница
5	77	54	283	95	301
8	78	56	285	96	305
9	79	57	286	97	164
10	230	58	117	98	172
14	80	59	287	99	175
17	83	60	39	100	68
20	231	61	43	101	308
21	233	62	288	102	309
23	84	66	290	103	175
26	234	67	292	105	176
27	85	68	119	106	313
28	245	70	130	107	178
30	87	71	294	108	318
31	262	72	223	109	215
32	93	73	131	110	189
33	214	74–75	296	111	197
34	94	76	298	112	319
35	264	79	132	113	225
36	107	80–81	133	114	199
37	266	82	50	115	320
38	267	83	140	116	321
41	269	84	149	117	323
42	25	85	150	118	204
43–44	270	86	299	122	205
45	108	87	151	123	323
46–47	274	88	154	124	324
49	279	89	59	125	227
50	110	91	156	126	332
55	113	92	161		

Состав
Совета Адвокатской палаты города Москвы
(25 ноября 2002 года — 18 декабря 2004 года)

1. Аснис Александр Яковлевич
2. Живина Алла Викторовна
3. Залманов Валерий Яковлевич
4. Ефимова Елена Ивановна
5. Игонин Владимир Сергеевич
6. Кирсанов Алексей Викторович
7. Клен Николай Наумович
8. Кривошеев Сергей Алексеевич
9. Мاستинский Яков Миронович
10. Минаков Александр Иванович
11. Мирзоев Гасан Борисович
12. Падва Генрих Павлович
13. Поляков Игорь Алексеевич
14. Резник Генри Маркович (президент)
15. Рябцев Владимир Николаевич

Состав Квалификационной комиссии Адвокатской палаты города Москвы

(25 ноября 2002 года – 18 декабря 2004 года)

Адвокаты

1. Резник Генри Маркович (президент Адвокатской палаты г. Москвы – председатель Квалификационной комиссии по должности)
2. Амасьянц Эдуард Акопович
3. Кипнис Николай Матвеевич
4. Костанов Юрий Артемьевич
5. Крестинский Михаил Владимирович
6. Суханова Светлана Мироновна
7. Цветков Сергей Иванович (до 29 июня 2004 года)

**Представители территориального органа юстиции – Главного управления
Минюста России по городу Москве¹**

Семи́н Юрий Юрьевич (до 12 июля 2006 года)

Жадаева Анна Викторовна (до 20 марта 2006 года)

---

¹ В соответствии с Указом Президента РФ от 9 марта 2004 года № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» была образована Федеральная регистрационная служба, которой передан ряд функций Министерства юстиции РФ, в том числе функция по контролю и надзору в сфере адвокатуры.

Указом Президента РФ от 20 мая 2004 года № 649 «Вопросы структуры федеральных органов исполнительной власти» установлено, что Федеральная регистрационная служба подведомственна Министерству юстиции РФ.

Указом Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1315 «Вопросы Федеральной регистрационной службы» утверждено Положение о Федеральной регистрационной службе (Указ утратил силу со дня подписания Указа Президента РФ от 14 июля 2008 года № 1079).

Приказом министра юстиции РФ от 3 декабря 2004 года № 188 «Об утверждении Положения о главном управлении (управлении) Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации» утверждены соответствующее Положение и Перечень главных управлений (управлений) Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации. В соответствии с названным приказом в г. Москве размещается Главное управление Федеральной регистрационной службы по Москве (приказ действовал до 31 декабря 2004 года).

Приказом министра юстиции РФ от 3 декабря 2004 года № 183 «Об утверждении Общего положения о территориальном органе Федеральной регистрационной службы по субъекту (субъектам) Российской Федерации» утверждено соответствующее Положение (приказ введен в действие с 1 января 2005 года).

Приказом министра юстиции РФ от 3 декабря 2004 года № 185 «О создании регистрационных округов, в границах которых действуют территориальные органы Федеральной регистрационной службы» создан регистрационный округ № 7, на территории которого действует Главное управление Федеральной регистрационной службы по Москве (приказ введен в действие с 1 января 2005 года).

Указом Президента РФ от 14 июля 2008 года № 1079 внесены изменения в Указ Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1313 «Вопросы Министерства юстиции Российской Федерации». С момента подписания Указа Президента РФ от 14 июля 2008 года № 1079 одной из основных задач Минюста РФ вновь стало осуществление контроля и надзора в сфере адвокатуры.

**Представители законодательного
(представительного) органа государственной власти
субъекта Российской Федерации – Московской городской Думы¹**

Пашин Сергей Анатольевич (с 12 февраля 2003 года)
Тарасов Андрей Семенович (с 12 февраля 2003 года)

**Представители судейского сообщества
города Москвы**

- Судья Московского городского суда Давыдова Ирина Николаевна (до 22 декабря 2004 года)
- Судья Арбитражного суда г. Москвы Ларина Яна Григорьевна (до 3 марта 2009 года)

---

¹ См.: Закон г. Москвы «О представителях Московской городской Думы в Квалификационной комиссии при Адвокатской палате города Москвы» от 23 октября 2002 года № 52 с изм. и доп., внесенными Законами г. Москвы от 24 ноября 2004 года № 77 и от 13 июня 2007 года № 19 // Тверская, 13. 19.11.2002. № 138; 21.12.2004. № 152; 12.07.2007. № 83; Вестник Мэра и Правительства Москвы. Ноябрь 2002. № 53; 14.12.2004. № 70; 05.07.2007. № 38; Ведомости Московской городской Думы. 10.12.2002. № 11. Ст. 250; 03.02.2005. № 1. Ст. 336; 08.08.2007. № 7. Ст. 75; постановления Московской городской Думы от 12 февраля 2003 года № 34, от 1 декабря 2004 года № 362, от 31 января 2007 года № 11, от 28 января 2009 года № 10, от 25 февраля 2009 года № 36.

РАЗЪЯСНЕНИЯ (№ 1)
Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам
профессиональной этики адвоката

Об адвокатском опросе

Путем опроса адвокат выявляет лиц, владеющих информацией об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания по уголовным, гражданским и административным делам, чьи показания могут содействовать защите или представительству. С согласия лица адвокат может получить объяснения в письменной форме либо составить протокол опроса. При этом следует учитывать, что опрос еще не создает доказательства по делу, поскольку собранные адвокатом сведения не обладают требуемой законом процессуальной формой. Для этого необходим допрос лица, который дознаватель, следователь или суд проводят по ходатайству адвоката. Опрашивать лиц, уже допрошенных в качестве свидетелей, адвокат не вправе. Они являются участниками судопроизводства, и адвокат должен получать от них интересующие его сведения при проведении следственных действий.

О поведении адвоката-защитника при отказе от него

В уголовных делах нередко случаи отказа обвиняемых, не признающих себя виновными, от защитника, мотивированные расхождением в позициях. Адвокат, подтверждающий такое расхождение при высказывании своего отношения к заявленному ему отводу, нарушает требования Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, которые воспрещают адвокату занимать по делу позицию вопреки воле доверителя и делать публичные заявления о доказанности вины подзащитного, если тот ее отрицает. По сути такое заявление означает отказ от принятой на себя защиты. В вышеописанной ситуации адвокату следует поддерживать заявленный ему отвод, обращая внимание следователя и суда на то, что полноценная защита возможна лишь тогда, когда обвиняемый доверяет адвокату и отсутствие доверия должно повлечь удовлетворение отказа от защитника.

О поведении при выявившихся противоречиях в интересах подзащитных

В случаях, когда адвокат защищает двух подозреваемых или обвиняемых и в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства интересы одного из них вступают в противоречие с интересами другого, адвокату, который не вправе согласно ч. 6 ст. 49 УПК РФ далее продолжать защищать обоих, следует выйти из дела. Предпочтение одного подзащитного другому будет профессионально неэтичным.

О конфиденциальности

Представляя интересы разных клиентов по одному делу, адвокаты вправе общаться друг с другом, сопоставлять позиции, предлагать их согласование, обмениваться соображениями о перспективах дела. Сам факт такого общения, обмен сведениями, оценками и предложениями составляют конфиденциальную информацию и не подлежат разглашению, в том числе и клиентам, без согласия коллеги. Разглашение этой конфиденциальной информации образует состав дисциплинарного проступка.

Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2003. Выпуск № 1. С. 30–31; 2004. Выпуск № 11–12 (13–14). С. 40–41; 2007. Выпуск № 1 (39). С. 103–104.

РАЗЪЯСНЕНИЯ (№ 2)

Совета Адвокатской палаты г. Москвы по вопросам профессиональной этики адвоката

О выступлениях в средствах массовой информации

К адвокатам нередко обращаются с просьбами высказаться в СМИ по актуальным социальным вопросам, выразить свое отношение к делам, имеющим большой общественный резонанс. Адвокат, несомненно, вправе излагать в прессе свое мнение по политическим и правовым проблемам, и введение здесь каких-либо запретов, помимо ограничений, предусмотренных Конституцией России, неприемлемо. При этом адвокаты, однако, не должны забывать, что адвокатура — организация не политическая, адвокатская деятельность по природе своей профессия гуманная, а адвокат — всегда носитель идеи правозащиты и уважения к чужим правам. Поэтому публичные высказывания адвокатов должны быть чужды настроениям правового нигилизма и экстремизма.

По общему правилу адвокат не должен комментировать дела, в которых он не принимает участия. Исключения возможны, если адвокат получил на комментарий согласие коллеги, либо произвол абсолютно очевиден. Необходимо помнить, что для гражданских дел и уголовных дел, в которых имеются потерпевшие, не существует нейтральных правовых оценок, такие оценки всегда будут в пользу одной из сторон и во вред — другой. Категорически недопустимы публичные советы коллегам, как им вести дела, например, куда и с какими жалобами обращаться. Адвокатом, избравшим иную тактику защиты, подобное вторжение в его профессиональную деятельность обоснованно может быть расценено как умаление деловой репутации и в случае обращения в Совет повлечь для «советчика» меру дисциплинарного взыскания.

Об участии в делах по назначению

Адвокатам, назначаемым для защиты по запросам судов, прокуроров и органов предварительного расследования, с момента вступления в уголовное судопроизводство надлежит требовать предоставления свидания наедине с подзащитным. При отказе в реализации такого права, какими бы обстоятельствами он не обосновывался, адвокату допустимо заявить о невозможности осуществлять защиту, обжаловав неправомерные действия следователя прокурору либо в суд, а судьи — в вышестоящий суд.

Адвокатам, вступающим в уголовное судопроизводство по назначению, нередко приходится сталкиваться с нарушением следователями порядка замены участвовавшего ранее в деле и выбывшего из него по различным причинам защитника по соглашению — следователь не дает подозреваемому или обвиняемому возможности реализовать право в течение отпущенного законом срока (от одних до пяти суток) заключить соглашение с новым адвокатом, а в нарушение закона сразу же привлекает адвоката по назначению.

В случае, если обвиняемый (подозреваемый) заявляет об отказе от защитника по назначению, адвокат обязан потребовать от следователя вынесения постановления, разрешающего заявленное ходатайство в порядке, определенном правилами главы 15

УПК РФ. При отказе следователя вынести соответствующее постановление, адвокату следует подать следователю свое письменное ходатайство о рассмотрении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника с разъяснением причин, по которым он (адвокат) не вправе до вынесения следователем постановления о разрешении заявленного обвиняемым ходатайства осуществлять его защиту. В случае отказа следователя рассмотреть ходатайство о вынесении постановления о разрешении ходатайства обвиняемого об отказе от защитника адвокату следует заявить о невозможности продолжать участвовать в процессуальном действии и покинуть место его производства, незамедлительно обжаловав действия (бездействие) следователя в соответствии с главой 16 УПК РФ, и сообщить о случившемся в Адвокатскую палату г. Москвы, которая осуществляет представительство и защиту интересов адвокатов в органах государственной власти (п. 4 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

Согласно ч. 2 ст. 52 УПК РФ отказ от защитника не обязателен для дознавателя, следователя и прокурора. Поэтому в случае вынесения следователем постановления об отказе в удовлетворении ходатайства об отказе от назначенного защитника, адвокат не вправе выйти из дела, но обязан в протоколе процессуального действия отметить нарушение норм УПК РФ и помочь обвиняемому составить жалобу на нарушение следователем его права на защиту.

Бездействие адвоката в подобных ситуациях означает нарушение подп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 8 и ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, устанавливающих обязанность адвоката честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно отстаивать права и законные интересы доверителя, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав доверителя ходатайствовать об их устранении.

Вестник Адвокатской палаты г. Москвы. 2004.

Выпуски: № 6 (8). С. 4–6; № 11–12 (13–14). С. 41–43; 2007. Выпуск № 1 (39). С. 104–106.

**РЕШЕНИЕ
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

16 сентября 2005 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе федерального судьи С.Ю.В., при секретаре У.В.А., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-4602/2005 по иску Л.Д.Р. к Адвокатской палате г. Москвы об обязанности рассмотреть жалобу по существу, взять объяснения и дать мотивированный ответ,

УСТАНОВИЛ:

Истец обратился в суд с вышеуказанным иском, мотивируя свои требования тем, что 16 сентября 2004 года за № 33/29774-04 Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в адрес Адвокатской палаты г. Москвы была направлена жалоба истца на действия адвоката К. для рассмотрения изложенных в жалобе фактов и принятия мер в соответствии с подп. 8 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». Истец указал, что ответ 11 ноября 2004 года № 1932, спустя почти два месяца, является, по мнению истца, отпиской и ущемляет его, истца, права на получение мотивированного ответа на поставленные в жалобе вопросы. Истец полагает, что его жалоба должна быть рассмотрена по существу в силу Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» и закона г. Москвы «Об обращениях граждан». В связи с этим истец просит обязать Адвокатскую палату г. Москвы рассмотреть его жалобу по существу, взять у истца объяснения по указанным в жалобе фактам и дать мотивированные ответы на все поставленные в жалобе вопросы.

Истец в судебном заседании заявленные требования поддержал полностью, указав, что полученный из Адвокатской палаты ответ его не удовлетворяет, поскольку поставленные в жалобе вопросы по существу не были рассмотрены, Кодекс профессиональной этики адвоката не должен противоречить закону.

Представитель Адвокатской палаты г. Москвы в судебном заседании исковые требования не признал, представил письменные возражения на исковое заявление, указав, что жалоба истца была рассмотрена, истцу был дан соответствующий ответ; жалоба истца в соответствии со ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не является допустимым поводом для решения вопроса о возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката К.

Выслушав истца, представителя ответчика, изучив материалы дела, суд считает, что иск не подлежит удовлетворению по следующим основаниям.

Из материалов дела усматривается, что 16 сентября 2004 года за № 33/29774-04 Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве в адрес Адвокатской палаты г. Москвы была направлена жалоба истца на действия адвоката К. для рассмотрения изложенных в жалобе фактов и принятия мер в соответствии с подп. 8 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

Адвокатская палата г. Москвы письмом от 11 ноября 2004 года № 1932 сообщила истцу, что его жалоба в соответствии со ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не может быть удовлетворена, поскольку не является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, тем более что жалоба, как указано в ответе, направлена на процессуального противника.

Согласно материалам дела в жалобе истца, направленной для рассмотрения в Адвокатскую палату г. Москвы, указывается, что эта жалоба направлена в соответствии

с Кодексом профессиональной этики адвоката; в жалобе содержится указание на факты совершения, по мнению Л.Д.Р., адвокатом К., являющимся процессуальным противником Л.Д.Р. действий, а также нарушений норм уголовного законодательства. Из текста жалобы усматривается, что истец просил проверить сообщенные им факты с приглашением его, истца, при необходимости для дачи объяснений, и при подтверждении фактов принять решение о прекращении статуса адвоката.

Таким образом, из жалобы усматривается, что истец, будучи процессуальным противником адвоката К., направил жалобу в Адвокатскую палату г. Москвы для проверки указанных в жалобе фактов и принятия решения при их подтверждении о прекращении статуса адвоката К.

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, принимаемых в соответствии с федеральными законами нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, регулирующих указанную деятельность, а также из принимаемых в пределах полномочий, установленных настоящим Федеральным законом, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Принятый в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом, Кодекс профессиональной этики адвоката устанавливает обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности.

Из вышеуказанной нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» следует, что обязательные для каждого адвоката правила поведения при осуществлении адвокатской деятельности, а также основания и порядок привлечения адвоката к ответственности устанавливаются Кодексом профессиональной этики адвоката, принятом в порядке, предусмотренном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В силу подп. 9 ч. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Совет Адвокатской палаты рассматривает жалобы на действия (бездействие) адвокатов с учетом заключения Квалификационной комиссии.

Согласно ч. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Квалификационная комиссия по результатам рассмотрения жалобы дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Согласно абз. 2 ч. 7 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» президент Адвокатской палаты возбуждает дисциплинарное производство в отношении адвоката или адвокатов при наличии допустимого повода и в порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката.

Из вышеуказанных норм Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» следует, что полномочия по рассмотрению жалоб на действия (бездействие) адвокатов Федеральным законом отнесены к Совету Адвокатской палаты субъекта Федерации. Совет Адвокатской палаты субъекта Федерации рассматривает жалобы на действия адвокатов с учетом заключения Квалификационной комиссии. При этом дисциплинарное производство по жалобе на действия (бездействие) адвокатов возбуждается президентом Адвокатской палаты. В силу абз. 2 ч. 7 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» дисциплинарное производство президентом Адвокатской палаты может быть возбуждено только при

наличии допустимого повода и в порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката. Следовательно, допустимые поводы и порядок возбуждения дисциплинарного производства по жалобе на действия (бездействие) адвоката в силу указанной нормы Федерального закона устанавливаются Кодексом профессиональной этики адвоката.

Согласно ч. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, утвержденного Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 года, поводами для возбуждения дисциплинарного производства являются:

1) жалоба, поданная в Совет другим адвокатом, доверителем адвоката или его законным представителем, а равно — при отказе адвоката принять поручение без достаточных оснований — жалоба лица, обратившегося за оказанием юридической помощи в порядке ст. 26 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

2) представление, внесенное в Совет вице-президентом Адвокатской палаты либо лицом, его замещающим;

3) представление, внесенное в Совет органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры;

4) сообщение суда (судьи) в адрес Совета в случаях, предусмотренных федеральным законодательством.

В силу ч. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы, обращения, представления лиц, не указанных в п. 1 настоящей статьи, а равно жалобы, сообщения и представления указанных в настоящей статье лиц, основанные на действиях (бездействии) адвоката (в том числе руководителя адвокатского образования, подразделения), не связанных с исполнением им профессиональных обязанностей.

Таким образом, из вышеуказанных норм Кодекса профессиональной этики адвоката, установившего в соответствии с отсылочной нормой Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» допустимые поводы и порядок возбуждения дисциплинарного производства по жалобе на действия адвокатов с целью рассмотрения указанных в жалобе фактов, следует, что жалоба Л.Д.В. не может быть отнесена к допустимым поводам для возбуждения дисциплинарного производства и рассмотрения в рамках дисциплинарного производства изложенных в жалобе истца обстоятельств. Возможность получения объяснений лица, направившего жалобу на действия адвоката, в силу норм п. 6 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката возможна в рамках возбужденного дисциплинарного производства.

Доводы истца о том, что норма ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката противоречит норме ст. 8 закона г. Москвы «Об обращениях граждан», не принимаются судом в качестве основания для удовлетворения требований истца, поскольку в силу п. 1 ст. 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» законодательство об адвокатской деятельности и адвокатуре основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, принимаемых в соответствии с федеральными законами нормативных правовых актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, регулирующих указанную деятельность, а также из принимаемых в пределах полномочий, установленных настоящим Федеральным законом, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» не отнес к полномочиям субъекта Федерации принятие закона, регулирующего порядок и условия рассмотрения жалоб, в том числе и жалоб граждан, на действия (бездействие)

адвокатов. В связи с этим закон г. Москвы «Об обращениях граждан» не может относиться к законодательству РФ, регулируемому адвокатскую деятельность и адвокатуру в РФ, в том числе и порядок, и условия рассмотрения жалоб на действия (бездействие) адвокатов. Исходя из вышеуказанного, суд считает, что нормы ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката не противоречат нормам закона г. Москвы «Об обращениях граждан».

Кроме того, суд принимает во внимание, что в силу норм ст. 3 Закона г. Москвы «Об обращениях граждан» действие указанного закона не распространяется на обращения граждан, вытекающие из отношений, складывающихся внутри коллективов коммерческих организаций и общественных объединений, регулируемых нормами федерального законодательства, их уставами и положениями.

Доводы истца о том, что нормы ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката противоречат Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», не принимаются судом в качестве основания для удовлетворения требований истца, поскольку нормы ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката устанавливают допустимые поводы для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвокатов, при этом указанная норма Кодекса профессиональной этики адвоката не противоречит Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», так как в силу отсылочной нормы абз. 2 ч. 7 ст. 31 указанного Закона допустимый повод и порядок возбуждения дисциплинарного производства устанавливаются (предусматриваются) Кодексом профессиональной этики адвоката.

Таким образом, суд приходит к выводу, что Адвокатская палата г. Москвы в установленном законодательством порядке рассмотрела жалобу Л.Д.Р. на действия адвоката К. и направила Л.Д.Р. мотивированный ответ.

Исходя из вышеуказанного в совокупности, суд считает, что требование истца об обязанности Адвокатской палаты г. Москвы рассмотреть его жалобу по существу, взять у истца объяснения по указанным в жалобе фактам и дать мотивированные ответы на все поставленные в жалобе вопросы, необоснованно и не подлежит удовлетворению.

На основании вышеизложенного и руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

В удовлетворении иска Л.Д.Р. к Адвокатской палате г. Москвы об обязанности рассмотреть жалобу по существу, взять объяснения и дать мотивированный ответ – отказать.

Решение может быть обжаловано в Московский городской суд в течение 10 дней.

**РЕШЕНИЕ
ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

2 декабря 2005 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи П.Т.А., при секретаре Ф.Л.Э., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-3097/05 по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, 3-е лицо М. о признании недействительным заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года и решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года, обязанности Совета Адвокатской палаты г. Москвы возбудить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. и рассмотреть его жалобу в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», признании, что в результате бездействия ответчика было нарушено его право на рассмотрение его жалобы на действия адвоката М., взыскании убытков в размере 2 153,20 рублей и расходов по уплате госпошлины в размере 300 рублей,

УСТАНОВИЛ:

Истец обратился в суд с вышеназванным иском, в обоснование своих требований указывает, что 9 декабря 2003 года им была направлена жалоба в Адвокатскую палату г. Москвы. В данной жалобе он просил о лишении адвокатского статуса адвокатов М. и Х., являющихся сотрудниками Коллегии адвокатов «...». Указанные адвокаты обвинялись им в злоупотреблении доверием истца и присвоении причитающейся истцу денежной суммы, полученной ими для передачи истцу.

Жалоба поступила в Адвокатскую палату г. Москвы 23 декабря 2003 года. В ходе рассмотрения жалобы выяснилось, что сведения об адвокате Х. не внесены в региональный реестр адвокатов г. Москвы и решение о прекращении его адвокатского статуса не может быть вынесено Адвокатской палатой г. Москвы.

В отношении адвоката М. распоряжением президента Адвокатской палаты г. Москвы от 24 декабря 2003 года возбуждено дисциплинарное производство, материалы направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы. 17 сентября 2004 года Квалификационной комиссией Адвокатской палатой г. Москвы было вынесено решение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении М., в связи с тем, что со дня обнаружения проступка прошло более шести месяцев (п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). 7 октября 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы своим решением № 64 прекратил дисциплинарное производство в отношении указанного адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства.

Истец считает данные решения незаконными, в обоснование своей позиции ссылается на тот факт, что Кодекс адвокатской этики не относится к нормативно-правовым актам и в связи с этим его применение при решении вопроса о прекращении статуса адвоката недопустимо; Адвокатской палатой г. Москвы было намеренно затянута производство по жалобе; истец не был надлежащим образом уведомлен о принятых решениях.

В ходе судебного разбирательства истец заявил требования о взыскании с ответчика убытков по ведению дела в суде, в частности, расходов на отправление корреспонденции.

денции, проезд в транспорте, приобретение юридической литературы и расходов по госпошлине.

В судебном заседании истец заявленные требования поддержал в полном объеме, просил об их удовлетворении.

Представитель ответчика по доверенности в деле П.И.А. против удовлетворения заявленных требований возражал, указав, что жалоба истца была рассмотрена в полном соответствии с требованиями законодательства и принятое решение основано на законе, представил письменные возражения по иску.

Третье лицо М. в судебное заседание не явился, о времени и месте слушания дела извещен надлежащим образом.

Суд с учетом мнения лиц, участвующих в деле, считает возможным рассмотреть его при данной явке.

Суд, выслушав истца, представителя ответчика, исследовав материалы дела, находит заявленные требования не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Как установлено в судебном заседании, 23 декабря 2003 года истец обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на адвокатов Коллегии адвокатов «...» М. и Х. и требованием о применении к ним дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката на основании подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Часть 2 ст. 4 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» носит отсылочный характер и предусматривает, что порядок и основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности установлены Кодексом профессиональной этики адвоката. При таких обстоятельствах суд не может согласиться с доводами истца о недопустимости применения Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – Кодекса) при вынесении Квалификационной комиссией решения по жалобе истца.

В соответствии с ч. 1 ст. 21 Кодекса президент Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации, получив жалобу на действия адвокатов, возбуждает дисциплинарное производство в течение трех рабочих дней, вынося его рассмотрение на заседание Квалификационной комиссии, и уведомляет участников дисциплинарного производства о месте и времени слушания дела. президент Адвокатской палаты принимает надлежащие меры по ознакомлению адвоката, в отношении которого возбуждено дисциплинарное производство, с поступившими жалобой или представлением, а также приложенными к ним материалами.

Жалоба поступила в Адвокатскую палату г. Москвы 23 декабря 2003 года.

24 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М., материалы которого были направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

Длительное время провести заседание комиссии не представлялось возможным в связи с неявкой М. Телеграммы о его извещении имеются в материалах дела. Впоследствии рассмотрение дисциплинарного производства откладывалось в связи с болезнью – копии листков нетрудоспособности также имеются в материалах дела.

В соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 16 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» неспособность адвоката более шести месяцев исполнять свои профессиональные обязанности является основанием для приостановления статуса адвоката. Основываясь на данном факте, а также письменном заявлении М. о

приостановлении статуса адвоката адвокатский статус М. был приостановлен 16 сентября 2004 года.

В соответствии с положениями подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года или со дня обнаружения проступка адвоката, не считая времени болезни адвоката и времени нахождения его в отпуске, прошло более шести месяцев. Датой обнаружения проступка М. является 23 декабря 2003 года – день, когда жалоба истца поступила в Адвокатскую палату г. Москвы. При этом с учетом времени нетрудоспособности адвоката М., шестимесячный срок истек 11 июля 2004 года.

При таких обстоятельствах оспариваемое решение Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства является правомерным (ст. 33 п. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

По этим же основаниям законно и обоснованно решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года.

Не могут быть приняты во внимание ссылки истца на то обстоятельство, что ответчик намеренно затягивал рассмотрение его жалобы, так как никаких доказательств этому обстоятельству истцом в соответствии со ст. 56 ГПК РФ суду не представлено.

Не нашли своего подтверждения и доводы истца, что он не извещался о времени и месте рассмотрения его жалобы, так как из выписки из протокола заседания Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года усматривается, что К.Л.Г. присутствовал на заседании комиссии.

Так как жалоба К.Л.Г. о лишении адвокатского статуса адвоката М. рассмотрена, по ней приняты вышеназванные решения, не могут быть удовлетворены требования истца о повторном рассмотрении его жалобы в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

Не могут быть удовлетворены и требования истца о признании, что в результате бездействия ответчика было нарушено его право на рассмотрение его жалобы на действия адвоката М.

Из материалов дела усматривается, что жалоба истца была рассмотрена ответчиком и по ней приняты оспариваемые решения.

Несогласие истца с содержанием этих решений не может являться подтверждением нарушения его права на рассмотрение его жалобы в соответствии с действующим законодательством.

В соответствии со ст. 88 ГПК РФ судебные расходы состоят из государственной пошлины и издержек, связанных с рассмотрением дела.

Статьей 94 ГПК РФ расходы на проезд в связи с явкой в суд, а также почтовые расходы отнесены к судебным издержкам.

В соответствии со ст. 98 ГПК РФ стороне, в пользу которой состоялось решение суда, суд присуждает возместить с другой стороны все понесенные по делу судебные расходы. Исходя из этого, в случае отказа в удовлетворении исковых требований судебные расходы, понесенные истцом, ему не возмещаются.

При таких обстоятельствах требования истца о взыскании с ответчика убытков в размере 2 153,20 рублей и расходов по уплате госпошлины в размере 300 рублей удовлетворению не подлежат.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

В удовлетворении требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, 3-е лицо М. о признании недействительным заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года, решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года, обязанности Совета Адвокатской палаты г. Москвы возбудить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. и рассмотреть его жалобу в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», признании, что в результате бездействия ответчика было нарушено его право на рассмотрение его жалобы на действия адвоката М., взыскании убытков в размере 2 153,20 рублей и расходов по уплате госпошлины в размере 300 рублей – отказать.

Решение может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ*зр. д. № 33-6109*

4 апреля 2006 года Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего В.Н.Е. и судей Ж.О.С., Н.Е.А., заслушав в открытом судебном заседании по докладу Н.Е.А. дело по кассационной жалобе К.Л.Г. на решение Пресненского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2006 года, которым постановлено: в удовлетворении требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, 3-е лицо М. о признании недействительным заключения Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года, решения Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года, обязанности Совета Адвокатской палаты г. Москвы возбудить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. и рассмотреть его жалобу в порядке, установленном Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», признании, что в результате бездействия ответчика было нарушено его право на рассмотрение его жалобы на действия адвоката М., взыскании убытков в размере 2 153,20 рублей и расходов по уплате госпошлины в размере 300 рублей – отказать,

УСТАНОВИЛА:

23 декабря 2004 года К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на адвокатов Коллегии «...» М. и Х. с требованием о применении к ним дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката на основании подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В жалобе он просил о лишении указанных лиц адвокатского статуса в связи со злоупотреблением доверием истца и присвоением денежных средств.

В отношении адвоката М. 24 декабря 2003 года было возбуждено дисциплинарное производство, однако 17 сентября 2004 года Квалификационной комиссией Адвокатской палаты вынесено решение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении М., в связи с тем, что со дня обнаружения проступка прошло более шести месяцев. 7 октября 2004 года Совет Адвокатской палаты своим Решением № 64 прекратил дисциплинарное производство.

Считая указанные решения незаконными, истец обратился с иском к ответчикам, просил обязать возбудить дисциплинарное производство в отношении М. и рассмотреть его жалобу от 23 декабря 2004 года.

В судебном заседании истец поддержал свои требования. Представитель ответчика иск не признал.

2 декабря 2005 года судом постановлено приведенное выше решение, об отмене которого просит К.Л.Г.

Проверив материалы дела, заслушав истца, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия не находит оснований к отмене решения.

Согласно ст. 4 ч. 2 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» порядок и основания привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности установлены Кодексом профессиональной этики адвоката.

В соответствии с подп. 3 п. 3 ст. 21 указанного Кодекса, меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года или со дня обнаружения проступка адвоката, не

считая времени болезни адвоката и времени нахождения его в отпуске, прошло более шести месяцев.

Судом установлено, что датой обнаружения проступка М. является 23 декабря 2003 года — день, когда жалоба истца поступила в Адвокатскую палату г. Москвы. При этом с учетом времени нетрудоспособности адвоката М., шестимесячный срок истек 11 июля 2004 года.

При таких обстоятельствах оспариваемое решение Квалификационной комиссии о прекращении дисциплинарного производства является правомерным (п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»).

По этим же основаниям является правомерным и решение Совета Адвокатской палаты от 7 октября 2004 года.

Поскольку в отношении адвоката Х. сведения в регистрационный реестр адвокатов г. Москвы не внесены, решение о прекращении его адвокатского статуса не может быть вынесено Адвокатской палатой г. Москвы.

Принятое по настоящему делу решение суда об отказе в удовлетворении иска не противоречит обстоятельствам дела и требованиям закона.

Доводы кассационной жалобы направлены на иное толкование нормативных актов по применению их к заявленному спору, поэтому они не могут служить основанием к отмене решения.

Руководствуясь ст. 360, 361 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2005 года оставить без изменения, кассационную жалобу — без удовлетворения.

***

ОПРЕДЕЛЕНИЕ
об оставлении искового заявления без движения

14 апреля 2008 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего федерального судьи С.Ю.В., при секретаре Т.М.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении убытков,

УСТАНОВИЛ:

Заявление заявителя не может быть принято к производству по следующим основаниям.

1. В соответствии со ст. 132 ГПК РФ к исковому заявлению прилагаются:

— документ, подтверждающий уплату государственной пошлины.

В нарушение данной статьи уплачена государственная пошлина не в полном размере.

В силу ч. 2 ст. 330.20 НК РФ суды общей юрисдикции или мировые судьи, исходя из имущественного положения плательщика, вправе уменьшить размер государственной пошлины, подлежащей уплате по делам, рассматриваемым указанными судами или мировыми судьями.

Однако, как усматривается из материалов дела, в суд от истца поступило ходатайство об освобождении истца от уплаты государственной пошлины. Освобождение от уплаты государственной пошлины не предусмотрено действующим законодательством.

Из справок, представленных истцом, усматривается, что он зарегистрирован в качестве безработного в «...» отделе Центра занятости населения Северо-Западного административного округа.

Однако то, что истец является безработным, не является основанием для уменьшения размера государственной пошлины при подаче иска.

Истцу необходимо уплатить госпошлину в соответствии с действующим законодательством.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 136 ГПК РФ, суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

Оставить без движения заявление К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении убытков, предложив в срок до 15 мая 2008 года устранить указанные недостатки, в противном случае заявление считается не поданным и подлежит возврату.

Определение может быть обжаловано в течение 10 дней в МГС.

РЕШЕНИЕ ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

14 апреля 2008 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего федерального судьи С.Ю.В., при секретаре Т.М.С., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-1049/08 по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда,

УСТАНОВИЛ:

К.Л.Г. обратился в суд с вышеуказанными исковыми требованиями, мотивируя их тем, что 15 декабря 2003 года он обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобами на действия адвокатов М. и Х., не оказавших ему надлежащей квалифицированной юридической помощи, гарантированной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», и причинивших ему материальный ущерб в результате злоупотребления его доверием.

В поданной истцом в Адвокатскую палату г. Москвы жалобе ставился вопрос о привлечении адвокатов М. и Х. к дисциплинарной ответственности и возложении на них обязанности возместить ему материальный ущерб, а также компенсировать моральный вред, причиненные в результате ненадлежащего исполнения указанными адвокатами своих обязанностей.

По мнению истца, нарушение его прав выразилось в том, что в результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы, рассматривавшей его жалобу на действия М. и Х. в течение девяти месяцев, а впоследствии – и бездействия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать жалобу истца в отношении адвоката Х. в связи с истечением сроков привлечения его к дисциплинарной ответственности, требование о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда не было рассмотрено, из-за чего истец был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката, ст. 31 (п. 9 ч. 3), ст. 33 (ч. 7) Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ».

В результате указанного бездействия Адвокатской палаты г. Москвы истец вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в ...нном районном суде г. Москвы и в суде г. Н., что связано с затратами времени, необходимостью нести судебные расходы, а также издержками, связанными с рассмотрением дел.

Кроме того, по утверждению истца, в связи со значительными затратами времени, вызванными необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости.

По мнению К.Л.Г., в результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы ему причинен материальный ущерб в размере 154 965 рублей, а также моральный вред, размер которого, по оценке истца, составляет 100 000 рублей.

В судебное заседание 14 апреля 2008 года истец К.Л.Г. не явился, о дне и времени слушания извещен надлежащим образом, доказательств уважительности причин неявки, дающих суду основания для отложения разбирательства по делу, суду истцом не представлено, в связи с чем суд полагает возможным рассмотреть дело в отсутствие истца.

Адвокатская палата г. Москвы представила возражения на иск, согласно которым иск К.Л.Г. не признала, в удовлетворении его исковых требований просила отказать в полном объеме по мотивам, изложенным в возражениях.

Заслушав объяснения представителя ответчика, изучив материалы дела, суд находит, что исковые требования К.Л.Г. не основаны на законе и подлежат отклонению в связи со следующим.

В судебном заседании установлено, что 23 декабря 2003 года в Адвокатскую палату г. Москвы поступила жалоба гр. К.Л.Г. на адвокатов М., Х., согласно которой он просил привлечь указанных адвокатов к дисциплинарной ответственности за ненадлежащее исполнение обязанностей адвоката, причинение ему материального ущерба.

Согласно заключению Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года, дисциплинарное производство в отношении адвоката М. подлежало прекращению в связи с истечением сроков для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

В отношении адвоката Х. Квалификационная коллегия Адвокатской палаты г. Москвы дело не рассматривала, поскольку Х., будучи членом Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], не являлся членом Адвокатской палаты г. Москвы.

Решением Совета Адвокатской палаты г. Москвы от 7 октября 2004 года за № 64 дисциплинарное производство в отношении адвоката М. было прекращено в связи с истечением срока для привлечения его к административной ответственности, предусмотренной Кодексом профессиональной этики адвоката.

Указанные Заключение Квалификационной коллегии и Решение Совета Адвокатской палаты г. Москвы К.Л.Г. обжаловал в судебном порядке, просил суд признать заключение Квалификационной коллегии Адвокатской палаты г. Москвы от 17 сентября 2004 года недействительным, обязать Совет Адвокатской палаты г. Москвы возбудить дисциплинарное производство в отношении адвоката М., признать, что в результате бездействия ответчика было нарушено его право на рассмотрение жалобы на действия адвоката М.

Решением Пресненского районного суда г. Москвы от 2 декабря 2005 года по делу № 2-3097/05 в удовлетворении требований К.Л.Г. было отказано. Определением Судебной коллегии по гражданским делам г. Москвы от 4 апреля 2006 года данное решение Пресненского районного суда оставлено без изменения и вступило в законную силу.

28 июня 2005 года истец обратился в Адвокатскую палату... [иного субъекта РФ] с жалобой на действия адвоката Х.

Согласно ответу Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] от 12 июля 2005 года за № 1138, в возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката Х. было отказано в связи с истечением срока для привлечения его к дисциплинарной ответственности.

Указанные действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] истцом в установленном законом порядке не обжаловались.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

На момент рассмотрения настоящего дела в производстве ...нного районного суда г. Москвы и N...ского городского суда... [иного субъекта РФ] находятся соответствен-

но дела по искам К.Л.Г. к М. и К.Л.Г. к Х. о взыскании материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных в результате ненадлежащего исполнения М. и Х. обязанностей адвоката.

Таким образом, вопрос о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда, причиненных истцу в результате неправомерных действий адвокатов М. и Х. находится на рассмотрении судов в соответствии с правилами подсудности, установленными ГПК РФ.

Требования К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении материального ущерба и компенсации морального вреда являются несостоятельными в связи со следующим.

Согласно ч. 1 ст. 12 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

В соответствии с ч. 1 ст. 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом.

Исходя из смысла и содержания приведенных норм ГПК РФ и приведенной выше ст. 15 ГК РФ, в их нормативно-правовом единстве, истец, обратившей в суд с требованием о возмещении убытков, причиненных ему в результате неправомерных действий (бездействия) другого лица (ответчика), ненадлежащего исполнения последним принятых на себя обязательств или возложенных законом обязанностей, обязан доказать наличие ущерба, его размер, а также наличие прямой причинно-следственной связи между действиями (бездействием) ответчика и причиненным ущербом.

Как усматривается из материалов дела, прямой ущерб (неполучение денежных средств), предположительно, поскольку дела по искам К.Л.Г. к М. и Х. не рассмотрены, причинен истцу неправомерными действиями адвокатов М. и Х., т.е. находится в непосредственной причинно-следственной связи с действиями указанных лиц, а не действиями (бездействием) Адвокатской палаты г. Москвы.

В соответствии с ч. 6 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» адвокаты не отвечают по обязательствам Адвокатской палаты, а Адвокатская палата не отвечает по обязательствам адвокатов.

Ссылки истца на то, что в результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы его требования о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда не были рассмотрены, из-за чего истец был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, суд находит несостоятельными.

В соответствии со ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящим Кодексом. Мерами дисциплинарной ответственности могут являться замечание, предупреждение, прекращение статуса адвоката.

Согласно ч. 2 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет Адвокатской палаты при принятии решения по дисциплинарному производству, помимо применения мер дисциплинарной ответственности, может обязать адвоката возместить ущерб, причиненный доверителю нарушением, повлекшим применение мер дисциплинарной ответственности.

Таким образом, возложение на адвоката обязанности по возмещению ущерба является, во-первых, правом, но не обязанностью Совета соответствующей Адвокат-

ской палаты, а во-вторых, обусловлено привлечением адвоката к дисциплинарной ответственности, предусмотренной ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Как указано выше, жалоба, поданная истцом в Адвокатскую палату г. Москвы, была рассмотрена, по ней было вынесено решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении М., рассматривать вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности адвоката Х., не являющегося ее членом, Адвокатская палата г. Москвы была не вправе.

Не согласившись с данным решением, К.Л.Г. обжаловал его в судебном порядке. Решением суда, вступившим в законную силу, в удовлетворении его жалобы было отказано.

Таким образом, при отсутствии дисциплинарного взыскания Совет Адвокатской палаты был не вправе возлагать на М. и Х. обязанность по возмещению материально-ущерба, причиненного К.Л.Г.

Так же несостоятельными суд находит утверждение истца о том, что при рассмотрении данного дела подлежат применению по аналогии нормы ст. 16 ГК РФ, согласно которой убытки, причиненные гражданину или юридическому лицу в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления или должностных лиц этих органов, подлежат возмещению Российской Федерацией, соответствующим субъектом Российской Федерации или муниципальным образованием.

В соответствии с ч. 1 ст. 29 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Адвокатская палата является негосударственной некоммерческой организацией, основанной на обязательном членстве адвокатов одного субъекта Российской Федерации.

Государственные органы или органы местного самоуправления осуществляют свою деятельность через соответствующих должностных лиц, при этом взаимоотношения должностного лица и соответствующего государственного органа или органа местного самоуправления регламентируются нормами законодательства о государственной или муниципальной службе и существенно отличаются от взаимоотношений адвоката и соответствующей Адвокатской палаты, членом которой он является. Должностное лицо государственного органа или органа местного самоуправления действует не от своего имени, а от лица соответствующего органа, в то время, как адвокат в отношениях со своим доверителем и с третьими лицами действует от своего имени или от имени своего доверителя.

Суд также не может признать состоятельными и обоснованными доводы истца о том, что в результате действий (бездействия) ответчика он вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в ...нном районном суде г. Москвы и в суде года N., в связи с чем из-за значительных затрат времени, вызванных необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости.

Суд находит, что истцом не доказан факт взаимосвязи его личного участия в судебном разбирательстве и невозможности его работы по специальности.

Кроме того, в соответствии со ст. 48 ГПК РФ граждане вправе вести свои дела в суде лично или через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

Как усматривается из искового заявления К.Л.Г., отсутствие у него представителя по делам, рассматриваемым ...нным районным судом г. Москвы и судом года N., вызвано, прежде всего, нежеланием самого истца обратиться к помощи представителя.

Предложенный истцом расчет якобы причиненного ему материального ущерба, сделанный им исходя из величины прожиточного минимума по г. Москве за период с апреля 2006 года по декабрь 2007 года, суд не может принять в качестве допустимого доказательства по делу, поскольку прожиточный минимум является среднестатистической величиной и не отражает реальных необходимых расходов, произведенных истцом для восстановления его нарушенного права, размера утраты или повреждения его имущества, а также неполученных им доходов, которые он мог бы получить.

В связи с изложенным суд находит, что истцом не доказано наличие собственно материального ущерба, причиненного непосредственно действиями (бездействием) ответчиков, так и не обоснован размер данного ущерба, в связи с чем иски К.Л.Г. о возмещении материального ущерба подлежат отклонению как необоснованные.

Поскольку иски К.Л.Г. о возмещении материального ущерба не подлежат удовлетворению, отклонению также подлежат и его требования о компенсации морального вреда.

Кроме того, истцом также не доказан как сам факт причинения ему действиями ответчиков морального вреда (физических и нравственных страданий), так и его размер, а также причинно-следственная связь между моральным вредом и действиями (бездействием) ответчиков.

На основании вышеизложенного, в соответствии со ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

В удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении убытков, компенсации морального вреда отказать.

Решение может быть обжаловано в Московский городской суд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

об отказе в принятии дополнительного решения

22 августа 2008 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего судьи С.Ю.В., при секретаре Т.М.С., рассмотрев в открытом судебном заседании заявление К.Л.Г. о вынесении дополнительного решения по гражданскому делу № 2-1049/2008,

УСТАНОВИЛ:

решением Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года в удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении убытков, компенсации морального вреда отказано.

К.Л.Г. обратился в суд с заявлением о вынесении дополнительного решения по вопросу:

1) признать как нарушившим мое право на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об отказе в удовлетворении или об удовлетворении заявленного мною требования обязать адвоката М. возместить причиненный мне ущерб с указанием оснований в пользу того или иного варианта решения, а именно, с указанием на надлежащее исполнение или, напротив, неисполнение адвокатом М. своих профессиональных обязанностей;

2) признать как создавшим мне препятствие по осуществлению права на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., девятимесячное бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей меня за это время о том, что в отношении адвоката Х. заявленное мною требование о возмещении данным адвокатом причиненного ущерба рассмотрено быть не может вследствие того, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы.

Свои требования заявитель мотивировал тем, что суд по данным требованиям решения не принял.

Изучив материалы дела, суд находит заявление не подлежащим удовлетворению по следующим основаниям.

Согласно ч. 1 ст. 201 ГПК РФ суд, принявший решение по делу, может по своей инициативе или по заявлению лиц, участвующих в деле, принять дополнительное решение суда в случае, если:

1) по какому-либо требованию, по которому лица, участвующие в деле, представляли доказательства и давали объяснения, не было принято решение суда;

2) суд, разрешив вопрос о праве, не указал размер присужденной суммы, имущество, подлежащее передаче, или действия, которые обязан совершить ответчик;

3) судом не разрешен вопрос о судебных расходах.

Согласно ч. 2 ст. 201 ГПК РФ вопрос о принятии дополнительного решения суда может быть поставлен до вступления в законную силу решения суда. Согласно ч. 3 ст. 201 ГПК РФ на определение суда об отказе в принятии дополнительного решения суда может быть подана частная жалоба.

Как следует из материалов гражданского дела № 2-1049/2008, решения суда от 14 апреля 2008 года, подано исковое заявление К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда.

Судом вынесено решение по данным требованиям истца. Как усматривается из материалов дела, истцом 11 апреля 2008 года было подано заявление об уточнении исковых требований к Адвокатской палате г. Москвы. Определением от 14 апреля 2008 года данное исковое заявление было оставлено без движения, предложено в срок до 15 мая 2008 года устранить указанные в определении недостатки.

В связи с тем, что заявитель не выполнил указания судьи в определении от 14 апреля 2008 года, заявление К.Л.Г. определением от 18 августа 2008 года возвращено.

Суд полагает, что при данных обстоятельствах в принятии дополнительного решения заявителю следует отказать.

Кроме того, заявитель не лишен возможности обратиться в суд с иском к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 201, 224, 225 ГПК РФ, суд

ОПРЕДЕЛИЛ:

Отказать К.Л.Г. в принятии дополнительного решения по гражданскому делу № 2-1049/2008 по иску П.Е.О. к Комитету лицензирования г. Москвы об отмене дисциплинарных взысканий.

Определение может быть обжаловано в Мосгорсуд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

23 октября 2008 года

город Москва

гр. дело № 33-21898

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего Ж.Т.Г., судей Н.Е.А., Г.Е.Н. рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи Ж.Т.Г. дело по кассационной жалобе К.Л.Г. на решение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года, которым постановлено: в удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о взыскании убытков, компенсации морального вреда отказать.

УСТАНОВИЛА:

К.Л.Г. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда. Свои требования мотивирует тем, что 15 декабря 2003 года он обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобами на действия адвокатов М. и Х., которые не оказали ему надлежащей квалифицированной юридической помощи, гарантированной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в связи с чем в результате злоупотребления его доверием со стороны указанных адвокатов ему был причинен материальный ущерб. Истец указывает, что нарушение его прав выразилось в том, что Адвокатской палатой г. Москвы, его жалоба на действия М. и Х. рассматривалась в течение девяти месяцев, а Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] отказала в рассмотрении его жалобы истца в отношении адвоката Х. в связи с истечением сроков привлечения его к дисциплинарной ответственности, его требование о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда так и не было рассмотрено, из-за чего он (К.Л.Г.) был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В результате указанного бездействия Адвокатской палаты г. Москвы истец вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в ...нном районном суде г. Москвы и в суде г. N., что связано с затратами времени, необходимостью нести судебные расходы, а также издержками, связанными с рассмотрением дел. По утверждению истца, в связи со значительными затратами времени, вызванными необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости. В результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы ему причинен материальный ущерб в размере 154 965 рублей, а также моральный вред, размер которого, по оценке истца, составляет 100 000 рублей.

В судебном заседании представитель Адвокатской палаты г. Москвы иск не признал.

Дело рассмотрено в отсутствие истца К.Л.Г.

Суд постановил указанное выше решение, об отмене которого просит К.Л.Г., по доводам кассационной жалобы.

Проверив материалы дела, выслушав истца К.Л.Г., обсудив доводы жалобы, Судебная коллегия находит решение суда подлежащим отмене по следующим основаниям.

Согласно требованиям ст. 195 ГПК РФ решение суда должно быть законным и обоснованным.

Решение является законным в том случае, если оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, которые подлежат применению к данному правоотношению (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года «О судебном решении»).

Обоснованным решение следует признавать тогда, когда в нем отражены имеющие значение для данного дела факты, подтвержденные проверенными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости или общеизвестным обстоятельствам, а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов (п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 года «О судебном решении»).

Вышеуказанным требованиям постановленное судом решение не соответствует.

Согласно материалам дела 19 сентября 2007 года К.Л.Г. обратился в суд к Адвокатской палате с вышеуказанным иском.

Определением Пресненского районного суда от 24 сентября 2007 года исковое заявление было оставлено без движения по той причине, что не оплачена в полном объеме госпошлина и не приложена надлежащим образом заверенная копия решения суда.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22 января 2008 года вышеуказанное Определение суда отменено и дело возвращено в суд для рассмотрения со стадии принятия.

Определением Пресненского суда от 7 февраля 2008 года дело принято к производству и назначена предварительная досудебная подготовка.

Определением Пресненского районного суда от 13 марта 2008 года дело по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы назначено к рассмотрению на 14 апреля 2008 года.

11 апреля 2008 года истцом подано уточненное исковое заявление.

Согласно ст. 39 ГПК РФ истец вправе увеличить искомые требования, а также изменить основание или предмет иска.

Как следует из поданного истцом уточненного искового заявления, им были увеличены искомые требования.

Согласно материалам дела истцом К.Л.Г. одновременно с подачей уточненного иска также представлено заявление с просьбой об отложении разбирательства его искового заявления в связи с невозможностью явки в судебное заседание по причине занятости в другом судебном заседании, назначенном ранее.

Указанное обстоятельство подтверждается повесткой о вызове истца в ...нный суд на 14 апреля 2008 года на 12 часов.

Таким образом, отсутствие истца в судебном заседании носило уважительный характер.

В соответствии с п. 3 ст. 167 ГПК РФ суд вправе рассмотреть дело в случае неявки кого-либо из лиц, участвующих в деле и извещенных о времени и месте судебного заседания, если ими не представлены сведения о причинах неявки или суд признает причины неявки неуважительными.

Поскольку причины неявки истца в судебное заседание носили уважительный характер, суду надлежало отложить рассмотрение дела, так как рассмотрение иска в от-

существование истца привело к нарушению требований ст. 12 ГПК РФ, предусматривающей принцип состязательности.

Более того, на незаконность постановленного решения указывает вынесение судом 14 апреля 2008 года определения об оставлении искового заявления без движения.

То есть судом фактически постановлены два судебных акта, одним из которых суд рассмотрел иск по существу, а другим – оставил данный иск без движения.

Поскольку суд вынес решение при существенном нарушении процессуального закона, данное решение подлежит отмене.

При новом рассмотрении дела суду следует учесть изложенное и вынести решение при точном соблюдении норм процессуального и материального права.

Руководствуясь ст. 361, 362 ГПК РФ, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

решение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года отменить, дело направить на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе судей.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

23 октября 2008 года

город Москва

гр. дело № 33-21898

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего Ж.Т.Г., судей Н.Е.А., Г.Е.Н. рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи Ж.Т.Г. дело по частной жалобе К.Л.Г. на Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года, которым постановлено: оставить без движения заявление К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о возмещении убытков, предложив в срок до 15 мая 2008 года устранить указанные недостатки, в противном случае заявление считается не поданным и подлежит возврату.

УСТАНОВИЛА:

К.Л.Г. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда. Свои требования мотивирует тем, что 15 декабря 2003 года он обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобами на действия адвокатов М. и Х., которые не оказали ему надлежащей квалифицированной юридической помощи, гарантированной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в связи с чем в результате злоупотребления его доверием со стороны указанных адвокатов ему был причинен материальный ущерб. Истец указывает, что нарушение его прав выразилось в том, что Адвокатской палатой г. Москвы его жалоба на действия М. и Х. рассматривалась в течение девяти месяцев, а Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] отказала в рассмотрении его жалобы истца в отношении адвоката Х. в связи с истечением сроков привлечения его к дисциплинарной ответственности, его требование о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда так и не было рассмотрено, из-за чего он (К.Л.Г.) был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В результате указанного бездействия Адвокатской палаты г. Москвы истец вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в районном суде г. Москвы и в суде г. N., что связано с затратами времени, необходимостью нести судебные расходы, а также издержками, связанными с рассмотрением дел. По утверждению истца, в связи со значительными затратами времени, вызванными необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости. В результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы ему причинен материальный ущерб в размере 154 965 рублей, а также моральный вред, размер которого, по оценке истца, составляет 100 000 рублей.

14 апреля 2008 года судом постановлено вышеуказанное определение, об отмене которого как незаконного просит в частной жалобе К.Л.Г.

Проверив материалы дела, выслушав истца К.Л.Г., обсудив доводы жалобы, Судебная коллегия находит определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Согласно материалам дела 19 сентября 2007 года К.Л.Г. обратился в суд к Адвокатской палате с вышеуказанным иском.

Определением Пресненского районного суда от 24 сентября 2007 года исковое заявление было оставлено без движения по той причине, что не оплачена в полном объеме госпошлина и не приложена надлежащим образом заверенная копия решения суда.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22 января 2008 года вышеуказанное определение суда отменено и дело возвращено в суд для рассмотрения со стадии принятия.

Определением Пресненского суда от 7 февраля 2008 года дело принято к производству и назначена предварительная досудебная подготовка.

Определением Пресненского районного суда от 13 марта 2008 года дело по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы назначено к рассмотрению на 14 апреля 2008 года.

11 апреля 2008 года истцом подано уточненное исковое заявление.

Согласно ст. 39 ГПК РФ истец вправе увеличить иски, а также изменить основание или предмет иска.

Как следует из поданного истцом уточненного искового заявления, им были увеличены иски.

Оставление искового заявления без движения предусмотрено ст. 136 ГПК РФ.

Данная правовая норма регулирует порядок оставления искового заявления при его подаче.

Возможность оставления искового заявления без движения, которое уже принято к производству, закон не содержит.

Также закон не предусматривает возможность оставления без движения уточненного искового заявления, поданного в порядке ст. 39 ГПК РФ.

При таких обстоятельствах обжалуемое определение об оставлении искового заявления без движения от 14 апреля 2008 года является незаконным и подлежит отмене.

Руководствуясь ст. 373, 374 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 14 апреля 2008 года отменить.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

23 октября 2008 года

город Москва

гр. дело № 33-21898

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего Ж.Т.Г., судей Н.Е.А., Г.Е.Н. рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи Ж.Т.Г. дело по частной жалобе К.Л.Г. на определение Пресненского районного суда г. Москвы от 18 августа 2008 года, которым постановлено: вернуть исковое заявление К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы о взыскании убытков, разъяснив, что возвращение заявления не препятствует повторному обращению истца в суд с заявлением к тому же ответчику, о том же предмете и по тем же основаниям, если истцом будет устранено допущенное нарушение.

УСТАНОВИЛА:

К.Л.Г. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда. Свои требования мотивирует тем, что 15 декабря 2003 года он обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобами на действия адвокатов М. и Х., которые не оказали ему надлежащей квалифицированной юридической помощи, гарантированной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в связи с чем в результате злоупотребления его доверием со стороны указанных адвокатов ему был причинен материальный ущерб. Истец указывает, что нарушение его прав выразилось в том, что Адвокатской палатой г. Москвы его жалоба на действия М. и Х. рассматривалась в течение девяти месяцев, а Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] отказала в рассмотрении его жалобы истца в отношении адвоката Х. в связи с истечением сроков привлечения его к дисциплинарной ответственности, его требование о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда так и не было рассмотрено, из-за чего он (К.Л.Г.) был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В результате указанного бездействия Адвокатской палаты г. Москвы истец вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в ...нном районном суде г. Москвы и в суде г. Н., что связано с затратами времени, необходимостью нести судебные расходы, а также издержками, связанными с рассмотрением дел. По утверждению истца, в связи со значительными затратами времени, вызванными необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости. В результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы ему причинен материальный ущерб в размере 154 965 рублей, а также моральный вред, размер которого, по оценке истца, составляет 100 000 рублей.

Судом постановлено вышеуказанное определение, об отмене которого просит К.Л.Г.

Проверив материалы дела, заслушав истца К.Л.Г., обсудив доводы жалобы, Судебная коллегия находит определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Согласно материалам дела 19 сентября 2007 года К.Л.Г. обратился в суд к Адвокатской палате с вышеуказанным иском.

Определением Пресненского районного суда от 24 сентября 2007 года исковое заявление было оставлено без движения по той причине, что не оплачена в полном объеме госпошлина и не приложена надлежащим образом заверенная копия решения суда.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 22 января 2008 года вышеуказанное определение суда отменено и дело возвращено в суд для рассмотрения со стадии принятия.

Определением Пресненского суда от 7 февраля 2008 года дело принято к производству и назначена предварительная досудебная подготовка.

Определением Пресненского районного суда от 13 марта 2008 года дело по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы назначено к рассмотрению на 14 апреля 2008 года.

11 апреля 2008 года истцом подано уточненное исковое заявление.

Согласно ст. 39 ГПК РФ истец вправе увеличить иски, а также изменить основание или предмет иска.

Как следует из поданного истцом уточненного искового заявления, им были увеличены иски.

Оставление искового заявления без движения предусмотрено ст. 136 ГПК РФ.

Данная правовая норма регулирует порядок оставления искового заявления при его подаче.

Возможность оставления искового заявления без движения, которое уже принято к производству закон, не содержит.

Также закон не предусматривает возможность оставления без движения уточненного искового заявления, поданного в порядке ст. 39 ГПК РФ.

Однако определением Пресненского районного суда от 14 апреля 2008 года исковое заявление К.Л.Г. было оставлено без движения.

Определением Судебной коллегии по гражданским делам от 23 октября 2008 года вышеуказанное определение было отменено как незаконное.

Таким образом, обжалуемое определение от 18 августа 2008 года о возврате искового заявления, основанное на незаконном определении об оставлении без движения, также является незаконным и подлежит отмене.

Руководствуясь ст. 373, 374 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 18 августа 2008 года отменить.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

23 октября 2008 года

город Москва

гр. дело № 33-21898

Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего Ж.Т.Г., судей Н.Е.А., Г.Е.Н. рассмотрела в открытом судебном заседании по докладу судьи Ж.Т.Г. дело по частной жалобе К.Л.Г. на определение Пресненского районного суда г. Москвы от 22 августа 2008 года, которым постановлено: отказать К.Л.Г. в принятии дополнительного решения по гражданскому делу № 2-1049/2008 по иску П.Е.О. к Комитету лицензирования г. Москвы об отмене дисциплинарных взысканий.

УСТАНОВИЛА:

К.Л.Г. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы о признании бездействия незаконным, возмещении убытков, компенсации морального вреда. Свои требования мотивирует тем, что 15 декабря 2003 года он обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобами на действия адвокатов М. и Х., которые не оказали ему надлежащей квалифицированной юридической помощи, гарантированной ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, ст. 1 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», в связи с чем в результате злоупотребления его доверием со стороны указанных адвокатов ему был причинен материальный ущерб. Истец указывает, что нарушение его прав выразилось в том, что Адвокатской палатой г. Москвы его жалоба на действия М. и Х. рассматривалась в течение девяти месяцев, а Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] отказала в рассмотрении его жалобы истца в отношении адвоката Х. в связи с истечением сроков привлечения его к дисциплинарной ответственности, его требование о возложении на адвокатов М. и Х. обязанности по возмещению причиненного материального ущерба и компенсации морального вреда так и не было рассмотрено, из-за чего он (К.Л.Г.) был лишен возможности защитить свои права во внесудебном (административном) порядке, предусмотренном Кодексом профессиональной этики адвоката и Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ». В результате указанного бездействия Адвокатской палаты г. Москвы истец вынужден самостоятельно осуществлять защиту своих нарушенных прав в ...нном районном суде г. Москвы и в суде г. Н., что связано с затратами времени, необходимостью нести судебные расходы, а также издержками, связанными с рассмотрением дел. По утверждению истца, в связи со значительными затратами времени, вызванными необходимостью его личного участия в судебных заседаниях, он не имеет возможности работать по специальности и состоит на учете в Центре занятости. В результате бездействия Адвокатской палаты г. Москвы ему причинен материальный ущерб в размере 154 965 рублей, а также моральный вред, размер которого, по оценке истца, составляет 100 000 рублей.

14 апреля 2008 года судом постановлено решение, которым истцу в удовлетворении иска отказано.

К.Л.Г. обратился с заявлением о вынесении дополнительного решения.

Суд постановил вышеуказанное определение, об отмене которого просит К.Л.Г. в частной жалобе.

Проверив материалы дела, выслушав истца К.Л.Г., обсудив доводы жалобы, Судебная коллегия находит определение подлежащим отмене по следующим основаниям.

Вынося определение об отказе в вынесении дополнительного решения, суд опирался на положение ст. 201 ГПК РФ и исходил из того, что решением суда от 14 апреля 2008 года разрешены все требования К.Л.Г. по существу.

Однако Определением Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 23 октября 2008 года вышеуказанное решение суда от 14 апреля 2008 года отменено как незаконное.

В связи с чем обжалуемое определение также нельзя признать законным.

Более того, как усматривается из резолютивной части обжалуемого определения, судом отказано в вынесении дополнительного решения не по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате, а по иску П.Е.О. к Комитету лицензирования.

Руководствуясь ст. 373, 374 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Определение Пресненского районного суда г. Москвы от 22 августа 2008 года отменить.

РЕШЕНИЕ ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

27 марта 2009 года Пресненский районный суд г. Москвы в составе председательствующего федерального судьи С.Л.В., при секретаре М.Х.И., рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело № 2-520/2009 по иску К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, Адвокатской палате... [иного субъекта РФ] о возмещении убытков в размере 217 623 рубля, упущенной выгоды в размере 673 377 рублей, взыскании расходов по оплате госпошлины, признании как нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об отказе в удовлетворении или об удовлетворении заявленного требования К.Л.Г. требования об обязанности адвоката М. возместить причиненный ущерб с указанием оснований в пользу того или иного варианта решения, а именно, с указанием на надлежащее исполнение или неисполнение адвокатом М. своих профессиональных обязанностей, признании как создавшими К.Л.Г. препятствий по осуществлению прав на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей К.Л.Г. о том, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы, признании нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать жалобу К.Л.Г. на действия адвоката Х., компенсации морального вреда,

УСТАНОВИЛ:

К.Л.Г. обратился в суд с указанным исковым заявлением, мотивируя свои требования тем, что Адвокатская палаты г. Москвы и... [иного субъекта РФ] нарушили предоставленное ему законом право защищать свои права, нарушенные адвокатом, в административном (досудебном порядке) посредством подачи жалобы на действия (бездействие) адвоката в адвокатскую палату субъекта РФ.

По мнению истца, Совет Адвокатской палаты г. Москвы не вынес решения по существу по заявленному им в жалобе требованию обязать адвоката М. вернуть уплаченный им данному адвокату гонорар, а также выплатить компенсацию морального вреда. Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы не вынесла заключение, которое Квалификационная комиссия должна вынести по жалобе гражданина-доверителя на действия адвоката, а именно заключение «о наличии или отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушений Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей».

Истец указывает, что Адвокатская палата г. Москвы в течение девяти месяцев не уведомляла его о том, что жалоба на действия адвоката Х., поданная им в Адвокатскую палату г. Москвы совместно с жалобой на действия адвоката М., данной Адвокатской палатой рассмотрена быть не может вследствие того, что адвокат Х. не является ее членом. Совместная жалоба на действия адвокатов М. и Х. им была подана 15 декабря 2003 года в Адвокатскую палату г. Москвы, поскольку оба адвоката заявили ему, что являются членами данной Адвокатской палаты. Когда с момента совершения адвокатами в отношении него противоправных действий прошел ровно один год, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы на своем заседании 17 сентя-

бря 2004 года сообщила ему, что адвокат Х. не является членом Адвокатской палаты г. Москвы, а потому в отношении данного адвоката дисциплинарное производство не возбуждалось. До этого момента он полагал, что поданная им в Адвокатскую палату г. Москвы жалоба на действия обоих адвокатов, М. и Х., удовлетворяет всем требованиям, чтобы быть рассмотренной в Адвокатской палате г. Москвы.

После того, как истцу стало известно, что адвокат Х. является членом Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], жалоба на действия адвоката Х. им была подана в Адвокатскую палату... [иного субъекта РФ]. В жалобе в Адвокатскую палату... [иного субъекта РФ] им были заявлены те же требования, которые были заявлены в жалобе в Адвокатскую палату г. Москвы, а именно, обязать адвоката Х. вернуть ему в полном объеме, полученные по его доверенности предназначавшиеся ему от ЗАО «...» денежные средства, а также выплатить компенсацию морального вреда. Однако Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] отказалась рассматривать его жалобу на том основании, что с момента совершения адвокатом Х. действий, указанных в жалобе, истек срок один год: указав, что подача им жалобы на действия адвоката Х. в Адвокатскую палату г. Москвы не является основанием для приостановления течения пресекательного срока в один год.

Истец считает, что Адвокатская палаты г. Москвы и... [иного субъекта РФ] свои действия и решения обосновывали не законом, а процедурными положениями Кодекса профессиональной этики адвоката, который, по его мнению, законом не является и должен соблюдаться исключительно адвокатами при исполнении своих профессиональных обязанностей, а также при разрешении вопроса о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности, что является внутренним делом адвокатов.

Истец указал, что по его жалобе в отношении адвоката М. с требованием возвратить полученный от него гонорар и выплатить компенсацию морального вреда Адвокатская палата г. Москвы решения по существу не вынесла.

Также истец указал, что по его жалобе в отношении адвоката Х. с требованием вернуть в полном объеме полученные по его доверенности предназначавшиеся ему денежные средства Адвокатская палата... [иного субъекта РФ] решения не вынесла.

По мнению истца, ответчиками было нарушено его право на внесудебный порядок защиты своих прав, нарушенных адвокатами М. и Х., в результате чего он был вынужден самостоятельно защищать свои права, нарушенные данными адвокатами, уже в судебном порядке. За время судебных разбирательств по искам к данным адвокатам, он понес убытки.

Истец считает, что минимальный размер понесенных им убытков вследствие нарушения адвокатскими палатами его права на административный порядок защиты нарушенных адвокатами прав определяется теми необходимыми затратами, которые он понес и продолжает нести за время самостоятельно осуществляемой в судах защиты своих нарушенных прав по искам к адвокатам М. и Х. Данные затраты состоят из необходимых расходов на материальное и биологическое обеспечение своей жизни хотя бы на минимальном уровне, величина которого устанавливается ежеквартальными Постановлениями Правительства г. Москвы. Не производя данных затрат, он не смог бы осуществлять самостоятельную защиту своих прав. Расчет убытков он основывает на устанавливаемой Правительством г. Москвы величине прожиточного минимума в г. Москве для трудоспособного населения. В соответствии с данным расчетом на данный момент минимальный размер понесенных им убытков составляет не менее 217 623 рублей. По мнению истца, данный размер убытков является минимальным и не учитывает те убытки в виде упущенной выгоды, которую он мог бы получить, работая по своей специальности и получая заработную плату, несомненно, большую, чем

величина прожиточного минимума. Истец пытался совмещать самостоятельно осуществляемую в судах защиту своих прав с работой по своей специальности с тем, чтобы компенсировать данные расходы посредством получения заработной платы. Однако поскольку ему часто приходилось отпрашиваться с работы для участия в судебных заседаниях, а также совершения в суде иных процессуальных действий, работодатель после трех месяцев его работы отказал ему в заключении бессрочного трудового договора.

По мнению истца, ему причинены нравственные и физические страдания в виде нервных стрессов, которые ему приходилось испытывать в каждом судебном заседании по иску к адвокату М. Выдача каких-либо медицинских справок по данному поводу не предусмотрена. Подтверждением данных обстоятельств, помимо судебных повесток, свидетельствует его личное участие в судебных заседаниях. Будучи вынужденным защищать свои права самостоятельно, он не может приступить к работе по своей специальности, что также причиняет ему нравственные страдания. Размер компенсации морального вреда им оценивается в 100 000 рублей.

Истец просит суд признать как нарушившим его право на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявленного им требования обязать адвоката М. возместить причиненный ему ущерб с указанием основания в пользу того или иного варианта решения, а именно с указанием на неисполнение адвокатом М. своих профессиональных обязанностей или, напротив, с указанием на надлежащее их исполнение. Признать как создавшим ему препятствие по осуществлению права на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., девятимесячное бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей его за это время о том, что в отношении адвоката Х. заявленное им требование о возмещении данным адвокатом причиненного ущерба рассмотрено быть не может вследствие того, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы. Признать как нарушившим его право на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать его жалобу на действия адвоката Х., по причине истечения срока в один год привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. Взыскать с Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] минимальный размер понесенных им убытков, величина которых составляет не менее 217 623 рублей. Взыскать с Адвокатской палаты г. Москвы сумму компенсации морального вреда в размере 100 000 рублей.

В судебном заседании истец поддержал свои требования в полном объеме.

В судебном заседании представитель ответчика Адвокатской палаты г. Москвы П.И.А исковые требования не признал, просил в удовлетворении исковых требований отказать в полном объеме по мотивам, изложенным в письменных возражениях.

В судебное заседание представитель ответчика Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] в судебное заседание не явился, о дне и времени рассмотрения дела извещен надлежащим образом, направил в суд телеграмму с просьбой о рассмотрении дела в свое отсутствие и представил в суд письменный отзыв. При указанных обстоятельствах, суд считает возможным рассмотреть дело в отсутствие представителя Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ].

Суд, выслушав истца и представителя ответчика Адвокатской палаты г. Москвы П.И.А., изучив материалы дела, находит исковые требования истца не подлежащими удовлетворению.

В судебном заседании установлено, что гр. К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой (вх. № 3460 от 23 декабря 2003 года) на адвокатов Коллегии адвокатов «...» М. и Х., просил применить к М. и Х. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвокатов на основании подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

24 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

1 марта 2004 года К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с дополнительной жалобой на действия сотрудников коллегии адвокатов «...» М. и Х.

17 сентября 2004 года, выслушав объяснения заявителя К.Л.Г., изучив материалы дисциплинарного производства, обсудив доводы жалобы заявителя, Квалификационная комиссия, проведя голосование именными бюллетенями, пришла к следующим выводам. В жалобе заявителя ставится вопрос о дисциплинарной ответственности адвокатов М. и Х. В этой связи Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы отметила, что ее юрисдикция распространяется только на адвокатов, сведения о которых внесены в реестр адвокатов г. Москвы. Между тем адвокат Х. состоит в реестре адвокатов... [иного субъекта РФ] и является членом Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], он назначен заведующим филиалом «...» Коллегии адвокатов «...», расположенным в г... [иного субъекта РФ]. Таким образом, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы не вправе рассматривать жалобы и решать вопрос о дисциплинарной ответственности адвоката Х. Такими полномочиями обладает, соответственно, адвокатская палата... [иного субъекта РФ]. Адвокат при осуществлении профессиональной деятельности честен, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять обязанности, отстаивать права и законные интересы доверителя всеми, незапрещенными законодательством Российской Федерации средствами; исполнять требования закона об обязательном участии адвоката в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению суда, соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката. За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (подп. 1, 2 и 4 п. 1, п. 2 ст. 7 названного Закона; ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката). Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодексом профессиональной этики адвокатов, установленных конференцией соответствующей Адвокатской палаты (ст. 18 п. 1 Кодекса). Меры дисциплинарной ответственности не могут быть применены к адвокату, если с момента совершения им нарушения прошло более одного года, либо со дня обнаружения проступка адвоката, не считая времени болезни адвоката, нахождения в отпуске, прошло более шести месяцев (п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката). Истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства (подп. 3 п. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката). Днем обнаружения проступка (если бы его наличие было установлено) адвоката М. следует считать 23 декабря 2003 года – дату поступления жалобы гражданина К.Л.Г. в Адвокатскую палату г. Москвы. Соответственно,

пресекательный шестимесячный срок, установленный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, должен был истечь 23 июня 2004 года. Однако в материалах дисциплинарного производства имеется ксерокопия листка нетрудоспособности серии АА 0000000, выданного 5 июня 2004 года ЦКБ восстановительного лечения «...», из которого следует, что с 19 мая по 5 июня 2004 года (т.е. в течение 18 дней) М. болел. Иных данных о временной нетрудоспособности адвоката М. либо нахождении его в отпуске в период с 23 декабря 2003 года Квалификационной комиссии не представлено. Таким образом, пресекательный шестимесячный срок, установленный Кодексом профессиональной этики адвоката для применения мер дисциплинарной ответственности (при условии доказанности материально-правовых оснований ее наступления), истек по данному дисциплинарному производству не 23 июня, а 11 июля 2004 года. Наличие у М. временной нетрудоспособности в день рассмотрения дисциплинарного производства (листок нетрудоспособности серии ББ 0000000, выдан 15 сентября 2004 года Городской поликлиникой № __ НАО г. Москвы, согласно которого М. имеет освобождение от работы с 15 по 18 сентября 2004 года) правового значения для решения вопроса об исчислении срока, установленного в п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, не имеет, поскольку состояние нетрудоспособности у М. наступило 15 сентября 2004 года, т.е. после истечения указанного пресекательного срока. Исходя из того, что со дня обнаружения поступка адвоката М. прошло более шести месяцев, Квалификационная комиссия Адвокатской палаты г. Москвы, не обсуждая обоснованности доводов заявителя жалобы, руководствуясь п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, вынесла заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства. Ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, Совет Адвокатской палаты г. Москвы согласился с данным заключением. Члены Совета Адвокатской палаты провели тайное голосование бюллетенями. С учетом голосования, руководствуясь подп. 6 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката и руководствуясь подп. 8 п. 3 ст. 31 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Совет Адвокатской палаты г. Москвы на своем заседании 7 октября 2004 года решил прекратить дисциплинарное производство в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства.

В соответствии с п. 1 и 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Квалификационная комиссия рассматривает жалобы на действия (бездействия) адвокатов и по результатам рассмотрения жалобы дает заключение о наличии или об отсутствии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении или ненадлежащем исполнении им своих обязанностей.

Согласно п. 1 и 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводами для начала дисциплинарного производства является, в том числе, жалоба доверителя.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 22 Кодекса профессиональной этики адвоката дисциплинарное производство включает две стадии: разбирательство в Квалификационной комиссии Адвокатской палаты и разбирательство в Совете Адвокатской палаты субъекта Российской Федерации.

Согласно подп. 8 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» Совет Адвокатской палаты рассматривает жалобы и на действия (бездействия) адвокатов с учетом заключения Квалификационной комиссии.

В соответствии с п. 4 и п. 8 ст. 24 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет при разбирательстве не вправе пересматривать выводы заключения Комиссии в части установленных ею фактических обстоятельств, считать установленными не установленные ею фактические обстоятельства, а равно выходить за пределы жалобы, представления и заключения комиссии. Решение по жалобе, представлению принимается Советом путем тайного голосования.

В соответствии с подп. 5 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката вправе принять решение о направлении дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства может только Совет адвокатской палаты и только вследствие существенного нарушения процедуры, допущенной Комиссией при разбирательстве. Признание недействительным заключения Квалификационной комиссии, как того просит истец, законом не предусмотрено.

Истец не привел каких-либо существенных нарушений Квалификационной комиссией процедурных основ дисциплинарного производства. Более того, процессуальное законодательство исходит из того, что нарушение норм процессуального права является основанием для отмены решения только при условии, если это нарушение или неправильное применение привело или могло привести к неправильному разрешению дела.

Рассмотрение Квалификационной комиссией дисциплинарного производства в отношении истца и вынесение по нему заключения, а также принятие решения Советом Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства, совершено в рамках своей компетенции, в соответствии с действующим законодательством.

Истец, обосновывая свои исковые требования, указывает, что Совет Адвокатской палаты г. Москвы, руководствуясь положениями Кодекса профессиональной этики адвоката, нарушает требования действующего законодательства Российской Федерации, что привело к незаконному отказу рассмотрения его жалобы и ущемлению тем самым его законного права на рассмотрение жалобы.

Данные доводы истца суд находит несостоятельными, так как процедура рассмотрения жалобы была полностью соблюдена. По его (К.Л.Г.) жалобе в отношении адвоката М. было возбуждено дисциплинарное производство, от адвоката М. получено письменное объяснение, жалоба К.Л.Г. была предметом рассмотрения Квалификационной комиссией, на заседании которой присутствовал сам К.Л.Г. и давал свои пояснения. Квалификационная комиссия в ходе разбирательства выслушала объяснения К.Л.Г., изучила материалы дисциплинарного производства, обсудила доводы жалобы К.Л.Г., провела голосование именными бюллетенями, сделала выводы, изложив их в своем заключении. Совет Адвокатской палаты г. Москвы, ознакомившись с заключением Квалификационной комиссии, изучив материалы дисциплинарного производства, принял соответствующее решение. Таким образом, жалоба К.Л.Г. была рассмотрена.

Истец ссылается на бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об удовлетворении заявленного им требования обязать адвоката М. возместить причиненный ему ущерб.

Данное утверждение истца не основано на законе, так как в полномочия Адвокатской палаты не входит рассмотрение вопросов о возмещении ущерба и возврате денежных средств. Данный вопрос подлежит рассмотрению в судах общей юрисдикции в порядке искового производства.

Требование истца «о признании как нарушившим его право на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об удовлетворении или об отказе в удовлетворении заявленного им требования обязать адвоката М. возместить причиненный ему ущерб» не подлежат удовлетворению, так как не основаны на законе и не соответствуют фактическим обстоятельствам дела.

Истец просит признать «как создавшим ему препятствие по осуществлению права на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., девятимесячное бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей его за это время о том, что в отношении адвоката Х. заявленное им требование о возмещении данным адвокатом причиненного ущерба рассмотрено быть не может вследствие того, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы».

Однако факт рассмотрения заявлений и жалоб в Адвокатской палате не препятствует гражданам, в том числе и истцу, обращаться с заявлениями и жалобами в другие органы и организации, в компетенцию которых входит рассмотрение вопросов, относящихся к действиям адвокатов.

При обращении в Адвокатскую палату заявитель обязан представить доказательства виновности действий адвоката, а также определить принадлежность адвоката к соответствующему адвокатскому образованию, в отношении которого ставится вопрос о возбуждении дисциплинарного производства, а также реквизиты соглашения об оказании юридической помощи (если оно заключалось) и (или) ордера (ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката).

В бланке ордера адвоката, утвержденного приказом Министерства юстиции РФ № 217 от 8 августа 2002 года и в соглашении (подп. 1 п. 4 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») указывается реестровый номер адвоката, в номере которого, по цифровому обозначению региона, определяются регион и соответствующая адвокатская палата, в реестре которой состоит адвокат, а также непосредственно указывается на реестр адвокатов, наименование субъекта Российской Федерации и принадлежность к адвокатской палате.

Сведения об адвокатах и принадлежность адвокатов к той или иной адвокатской палате на территории Российской Федерации учитывались (на период подачи заявления) в Федеральной регистрационной службе, в полномочия которой входило ведение реестра адвокатов.

Адвокатская палата ведет учет сведений об адвокатах, внесенных в реестр адвокатов данного субъекта Российской Федерации.

Обязанность самого К.Л.Г. как заинтересованного лица была определить до обращения в Адвокатскую палату г. Москвы о принадлежности (или не принадлежности) к ней адвоката Х. Обращение К.Л.Г. в Адвокатскую палату г. Москвы не содержало просьбы сообщить, состоит или нет адвокат Х.И.Г. в Адвокатской палате г. Москвы. Обстоятельства о принадлежности адвоката Х.И.Г. к Адвокатской палате... [иного субъекта РФ], были установлены при разбирательстве по дисциплинарному производству.

Требования истца о взыскании с Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] минимального размера понесенных им убытков, величина которых на данный момент составляет не менее 217 623 рублей (долевая ответственность), а также о взыскании с Адвокатской палаты г. Москвы суммы компенсации морального вреда в размере 100 000 рублей, суд находит неподлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии со ст. 15 ГК РФ лицо, право которого нарушено, может требовать полного возмещения причиненных ему убытков, если законом или договором не

предусмотрено возмещение убытков в меньшем размере. Под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода). Если лицо, нарушившее право, получило вследствие этого доходы, лицо, право которого нарушено, вправе требовать возмещения наряду с другими убытками упущенной выгоды в размере не меньшем, чем такие доходы. Возмещение убытков возможно при наличии определенных условий: убытков, противоправности, причинной связи и вины причинителя вреда.

Требования истца к Совету Адвокатской палаты г. Москвы о не привлечении адвоката М. к дисциплинарной ответственности были предметом рассмотрения Пресненского районного суда г. Москвы, который 2 декабря 2005 года вынес решение по гражданскому делу № 2-3097/05 об отказе в удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Совету Адвокатской палаты г. Москвы.

Определением Московского городского суда от 4 апреля 2006 года решение Пресненского суда г. Москвы от 2 декабря 2005 года оставлено без изменения, а кассационная жалоба истца – без удовлетворения.

Истец обратился с жалобой в Конституционный Суд РФ, который в марте 2007 года вынес Определение... указав в Определении, что нормы Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адресованы адвокатам, регламентируют внутреннюю организацию адвокатского сообщества и порядок прекращения статуса адвоката, а потому не могут рассматриваться как затрагивающие конституционные права и свободы.

При указанных обстоятельствах суд приходит к выводу, что в действиях Совета Адвокатской палаты г. Москвы по отношению к истцу не были установлены правонарушения и противоправности, на которые ссылается истец в исковом заявлении. Договорных отношений между истцом и Адвокатской палатой не было, и, соответственно, материальных обязательств по отношению друг к другу не возникло.

Между действиями Совета Адвокатской палаты г. Москвы и убытками истца отсутствует причинная связь. Затраты истца совершались им добровольно, работу он оставил по собственной инициативе.

В соответствии со ст. 151 ГК РФ, если гражданину причинен моральный вред (физические или нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Переживания истца, связанные с хождением в суд и участием его в судебных заседаниях (отравлением правосудия), не могут быть основанием причинения морально-го вреда. Кроме того, все судебные споры были инициированы самим истцом.

Адвокатская палата не относится к органам социальной защиты населения и не входит в их структуру, в связи с чем требования истца к Адвокатской палате о возмещении ему средств на проживание по величине прожиточного минимума не основательны.

Требования истца о взыскании с Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] минимального размера понесенных им убытков, величина которых составляет не менее 217 623 рублей, а также о взыскании с Адвокатской палаты г. Москвы суммы компенсации морального вреда в размере 100 000 рублей суд находит неподлежащими удовлетворению, как необоснованные.

Истец просит взыскать с Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] понесенные им убытки в виде упущенной выгоды, величина которых, по мнению истца, составляет 673 377 рублей.

Обосновывая свои требования, истец ссылается на увольнение его с работы в апреле 2006 года из издательского дома «...», где он получал заработную плату 27 000 рублей. Поскольку ему часто приходилось отпрашиваться с работы для участия в судебных заседаниях, работодатель после трех месяцев его работы отказал ему в заключении бессрочного трудового договора. Так как он больше на работу не устраивался, то за истекшее время, до обращения в суд, по мнению истца, он не получил заработную плату в сумме 891 000 руб. (27 000 рублей × 33 месяца = 891 000 рублей). Данную сумму истец расценил как упущенную выгоду.

Адвокатские палаты г. Москвы и... [иного субъекта РФ] не принимали участия и не влияли на увольнение истца с работы и не имеют к этому никакого отношения. Они также не имеют никакого отношения к дальнейшим поступкам истца и к принятию им самостоятельного решения — не устраиваться на работу и не препятствовали ему в этом.

В действиях Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] по отношению к истцу судом не было установлено правонарушения и противоправности, на которые ссылается истец в исковом заявлении. Договорных отношений между истцом и ответчиками не было, и, соответственно, материальных обязательств по отношению друг к другу не возникло. Между действиями ответчиков и убытками истца отсутствует причинная связь. Требования истца о взыскании с Адвокатских палат г. Москвы и... [иного субъекта РФ] понесенных им убытков в виде упущенной выгоды суд находит также не подлежащими удовлетворению как не основанными на нормах закона.

При указанных обстоятельствах суд находит не подлежащими удовлетворению исковые требования К.Л.Г.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

В удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, Адвокатской палате... [иного субъекта РФ] о возмещении убытков в размере 217 623 рубля, упущенной выгоды в размере 673 377 рублей, взыскании расходов по оплате госпошлины, признании как нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об отказе в удовлетворении или об удовлетворении заявленного требования К.Л.Г. требования об обязанности адвоката М., возместить причиненный ущерб с указанием оснований в пользу того или иного варианта решения, а именно с указанием на надлежащее исполнение или неисполнение адвокатом М. своих профессиональных обязанностей, признании как создавшими К.Л.Г. препятствий по осуществлению прав на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей К.Л.Г. о том, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы, признании нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать жалобу К.Л.Г. на действия адвоката Х., компенсации морального вреда отказать.

Решение может быть обжаловано в Московский городской суд в течение 10 дней.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ*гр. дело № 33-21750*

27 августа 2009 года Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в составе председательствующего Л.И.Б., и судей С.Л.В., К.С.В., при секретаре К.В.С., заслушав в открытом судебном заседании по докладу судьи К.С.В. дело по кассационной жалобе К.Л.Г. на решение Пресненского районного суда города Москвы от 27 марта 2009 года, которым постановлено:

в удовлетворении исковых требований К.Л.Г. к Адвокатской палате г. Москвы, Адвокатской палате... [иного субъекта РФ] о возмещении убытков в размере 217 623 рубля, упущенной выгоды в размере 673 377 рублей, взыскании расходов по оплате госпошлины, признании как нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом М., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об отказе в удовлетворении или об удовлетворении заявленного требования К.Л.Г. требования об обязанности адвоката М. возместить причиненный ущерб с указанием оснований в пользу того или иного варианта решения, а именно с указанием на надлежащее исполнение или неисполнение адвокатом М. своих профессиональных обязанностей, признании как создавшими К.Л.Г. препятствий по осуществлению прав на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей К.Р.А. о том, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы, признании нарушившим право К.Л.Г. на административный порядок защиты прав, нарушенных адвокатом Х., действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать жалобу К.Л.Г. на действия адвоката Х., компенсации морального вреда отказать,

УСТАНОВИЛА:

К.Л.Г. обратился в суд с иском к Адвокатской палате г. Москвы и Адвокатской палате... [иного субъекта РФ], в котором с учетом уточнений и дополнений к иску просил:

- признать бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не вынесшей в установленном законом порядке решения об отказе в удовлетворении или об удовлетворении заявленного К.Л.Г. требования об обязанности адвоката М. возместить причиненный ущерб, нарушившим право истца на административный порядок защиты прав;
- признать девятимесячное бездействие Адвокатской палаты г. Москвы, не известившей за этот срок истца о том, что данный адвокат не состоит в Адвокатской палате г. Москвы, создавшим истцу препятствие по осуществлению права на административный порядок защиты прав;
- признать действия Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], отказавшейся рассматривать жалобу истца на адвоката Х., нарушившими право истца на административный порядок защиты прав;
- взыскать с ответчиков понесенные убытки в виде минимально необходимых расходов на материальное и биологическое обеспечение жизни из расчета прожиточного минимума в г. Москве для трудоспособного населения в размере 217 623 рублей;
- взыскать с ответчиков убытки в виде упущенной выгоды как неполученного дохода и заработной платы в размере 673 770 рублей;

- взыскать компенсацию морального вреда в размере 100 000 рублей;
- возместить расходы по оплате госпошлины в размере 200 рублей.

В судебное заседание К.Л.Г. явился, требования поддержал.

Представитель ответчика Адвокатской палаты г. Москвы в судебном заседании исковые требования не признал.

Представитель ответчика Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] в судебное заседание не явился, просил о рассмотрении дела в его отсутствие.

Судом постановлено приведенное выше решение, об отмене которого как незаконного и необоснованного просит К.Л.Г. по доводам кассационной жалобы и дополнения к ней.

В заседание Судебной коллегии кассатор К.Л.Г. явился, доводы жалобы поддержал, представитель ответчика Адвокатской палаты г. Москвы по доверенности П. против удовлетворения жалобы возражал, о чем представил письменный отзыв, представитель ответчика Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] в судебное заседание не явился, просил о рассмотрении дела в его отсутствие.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, выслушав лиц, явившихся в судебное заседание, Судебная коллегия приходит к выводу о том, что не имеется оснований для отмены обжалуемого решения.

Судом установлено и подтверждается материалами дела, что 23 декабря 2003 года К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с жалобой на адвокатов Коллегии адвокатов «...» М. и Х., в которой просил применить к М. и Х. меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвокатов на основании подп. 5 и 6 п. 1 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации».

24 декабря 2003 года президентом Адвокатской палаты г. Москвы на основании ст. 20–22 Кодекса профессиональной этики адвоката было возбуждено дисциплинарное производство в отношении адвоката М., материалы которого направлены на рассмотрение Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы.

1 марта 2004 года К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату г. Москвы с дополнительной жалобой на действия сотрудников Коллегии адвокатов «...» М. и Х.

17 сентября 2004 года состоялось заседание Квалификационной комиссии Адвокатской палаты г. Москвы, где К.Л.Г. присутствовал и давал объяснения, на котором по результатам голосования было принято заключение от 17 сентября 2004 года, не обсуждая обоснованности доводов заявителя жалобы, в соответствии с п. 7 ст. 33 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и подп. 5 п. 9 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвокатов, о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства, исходя из того, что со дня обнаружения проступка адвоката М. прошло более шести месяцев.

Также из заключения следует, что согласно письму вице-президента Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] от 15 сентября 2004 года адвокат Х. состоит в реестре адвокатов... [иного субъекта РФ] и является членом Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ], в связи с чем Адвокатская палата г. Москвы не полномочна рассматривать вопрос о его дисциплинарной ответственности.

7 октября 2004 года Совет Адвокатской палаты г. Москвы принял решение о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства, о чем письмом от 22 октября 2004 года сообщено К.Л.Г.

28 июня 2005 года К.Л.Г. обратился в Адвокатскую палату... [иного субъекта РФ] с заявлением о привлечении к дисциплинарной ответственности адвоката Х.; ответом Адвокатской палаты... [иного субъекта РФ] от 12 июля 2005 года К.Л.Г. разъяснено, что рассмотрение его заявления невозможно ввиду истечения сроков применения мер дисциплинарного взыскания.

Разрешая заявленные истцом требования, суд правильно руководствовался положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», исходил из положений Кодекса профессиональной этики адвокатов и пришел к обоснованному выводу о том, что рассмотрение Квалификационной комиссией Адвокатской палаты г. Москвы дисциплинарного производства в отношении истца и вынесение по нему заключения, а также принятие решения Советом Адвокатской палаты г. Москвы о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвоката М. вследствие истечения сроков возбуждения дисциплинарного производства, обнаружившегося в ходе разбирательства, совершено в рамках своей компетенции, в соответствии с действующим законодательством, в том числе и процедуры рассмотрения жалобы. Истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности являлось и обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства в Адвокатской палате... [иного субъекта РФ] в отношении адвоката Х.

Доводы кассационной жалобы о несогласии с выводами суда в этой части являются несостоятельными, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 21 Кодекса профессиональной этики адвоката истечение сроков применения мер дисциплинарной ответственности является обстоятельством, исключающим возможность дисциплинарного производства и самостоятельным основанием для прекращения дисциплинарного производства.

Доводам истца о том, что ответчиком в нарушение ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвокатов, в редакции, действовавшей в спорный период, Совет Адвокатской палаты г. Москвы не принял решение по заявленному в жалобе требованию об обязанности адвоката возместить причиненный ущерб, судом дана надлежащая оценка.

Так, в соответствии со ст. 25 Кодекса, в редакции от 31 января 2003 года, Совет при принятии решения по дисциплинарному производству, помимо применения мер дисциплинарной ответственности может обязать адвоката возместить ущерб, причиненный доверителю нарушением, повлекшим применение мер дисциплинарной ответственности. Однако в данном случае меры дисциплинарной ответственности к адвокату не применялись, дисциплинарное производство было прекращено ввиду истечения сроков применения мер дисциплинарной ответственности, а, кроме того, принятие такого решения обязанностью Совета согласно указанной норме не являлось.

Также обоснован вывод суда об отсутствии оснований для удовлетворения требований К.Л.Г. в части признания созданным истцу препятствие по осуществлению права на административный порядок защиты прав, бездействия Адвокатской палаты г. Москвы, выразившегося в длительном неизвещении истца о том, что адвокат Х. не состоит в Адвокатской палате г. Москвы, поскольку такое обстоятельство не препятствовало истцу обратиться в иные органы и организации, в чью компетенцию входит рассмотрение вопросов, относящихся к действиям адвокатов. Так, суд правильно исходил из того, что сведения об адвокатах и принадлежность адвокатов к той или иной Адвокатской палате на территории Российской Федерации на период подачи заявления учитывались в Федеральной регистрационной службе, в полномочия которой входило ведение реестра адвокатов.

С учетом установленных обстоятельств, разрешая требования истца о взыскании с ответчиков убытков из расчета прожиточного минимума в г. Москве для трудоспособного населения и упущенной выгоды как неполученного дохода и заработной платы, а также компенсации морального вреда, суд правильно руководствовался положениями ст. 15, 151 ГК РФ и пришел к обоснованному выводу о том, что оснований для возложения на ответчиков ответственности по возмещению истцу убытков и компенсации морального вреда не имеется, поскольку судом не установлено нарушений прав истца действиями ответчиков и причинения ему морального вреда и убытков в указанном им размере, а обстоятельства, на которые ссылается истец в обоснование этих требований, таковыми считаться не могут.

Ссылка кассационной жалобы на непривлечение судом к участию в деле Министерства юстиции РФ для дачи заключения в порядке ст. 47 ГПК РФ является несостоятельной, оснований для применения в данном случае ст. 47 ГПК РФ не имеется, поскольку каким-либо федеральным законом не предусмотрено вступление Министерства юстиции РФ в гражданское дело для дачи заключения по требованиям, которые заявлены истцом.

Иные доводы, изложенные в кассационной жалобе в качестве оснований для отмены состоявшегося по делу решения суда, были предметом тщательного исследования суда, что нашло отражение в мотивировочной части решения, всем доказательствам, представленным сторонами, дана надлежащая правовая оценка, в решении содержатся выводы суда, к которым он пришел на основе анализа этих доказательств, с чем Судебная коллегия соглашается, оснований для признания их неправильными Судебная коллегия не находит.

При таких данных Судебная коллегия считает, что, разрешая иск К.Л.Г., суд, руководствуясь нормами действующего законодательства, правильно определил юридически значимые обстоятельства, данные обстоятельства подтверждены материалами дела и исследованными доказательствами, которым дана надлежащая оценка в соответствии с требованиями ст. 67 ГПК РФ; выводы суда соответствуют установленным обстоятельствам, в связи с чем оснований для отмены состоявшегося по делу судебного постановления по доводам кассационной жалобы, которые направлены на иное толкование законодательства и переоценку выводов суда, не имеется.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 360, 361 ГПК РФ, Судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 27 марта 2009 года оставить без изменения, кассационную жалобу К.Л.Г. — без удовлетворения.

АДВОКАТСКАЯ ПАЛАТА ГОРОДА МОСКВЫ

**ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ПРАКТИКА
АДВОКАТСКОЙ ПАЛАТЫ
г. МОСКВЫ**

2003–2004 гг.

Формат $70 \times 100 \frac{1}{16}$

Гарнитура Newton. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,0
Тираж 700 экз. Подписано в печать 03.12.2010 г. Заказ №

Редакционно-издательское объединение
«Новая юстиция»

127006 Москва, Воротниковский пер., д.7, стр. 4.

Тел./факс: (495) 699-6500

E-mail: info@sudprecedent.ru

www.sudprecedent.ru

Отпечатано

в ООО «Арт Гейт Студио»

109544 г. Москва, ул. Рогожский вал, д. 6, к. 2